

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

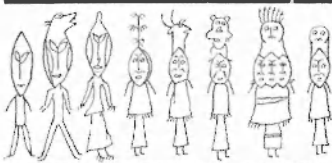
*Серия «Мир»
в 1988 году*

«Искусство»

82.10
82.1
МБД

**МИФЫ,
предания,
сказки
хантов и манси**

*Перевод с хантыйского,
мансийского, венгратского языков*

НИЖНЕВАРТОВСКАЯ
ЦБС
ИНВ. № 55703/1-1-44 К 10

Главная редакция восточной литературы
Москва 1990

ББК 82.3 Хап + Ма
М68

Редакционная коллегия серии
«Сказки и мифы народов Востока»
И. С. БРАГИНСКИЙ, Г. А. ЗОГРАФ,
Е. М. МЕЛЕТИНСКИЙ (председатели),
С. Ю. ПЕКУДЮКОВ (отг. секретарь),
Е. С. ПОВНИК, Б. И. РИФТИЦ, С. С. ЦЕЛЬНИКОВ

Составлено,
введено и примечания
Н. В. ЛУКИНОВА
Под общей редакцией
Е. С. ПОВНИК

Утверждено к печати редакцией серии:
«Сказки и мифы народов Востока»

Мифы, предания, сказки хантов и манси. Пер.
М68 с хантыйского, мансийского, немецкого языков.
Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под об-
щей редакцией Е. С. Повник.— М.: Наука. Главная
редакция восточной литературы, 1990.— 568 с.
(Сказки и мифы народов Востока).
ISBN 5-02-016771-1

Широкая публикация повествовательного фольклора
близкородственных народов Северо-Западной Сибири — хан-
тов и манси. Сопровождается краткой статьей в при-
ложении.

Рассчитана на взрослого читателя.

4702670500-196
М—135-91
013(02)-90

ББК 82.3 Хап + Ма

ISBN 5-02-016771-1

© Главная редакция
восточной литературы
ИПНО «Наука», 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ханты и манси — два базисородственных народа, живущие в Северо-Западной Сибири. Этнические «ханты» и «манси» образовались от самоназваний народов ханто, канто и манси. В качестве официальных названий они были приняты после Великой Октябрьской социалистической революции, а в старой научной литературе и в документах царской администрации этносы называли остяками, а манси — вогулами. Эти названия использовались в течение нескольких веков и стали привычными не только для окружающего русского населения, но и для самих хантов и манси. Этнические названия в тогулах» верно можно встретить и в современной зарубежной литературе.

Для обозначения хантов и манси как единого целого в научной литературе утвердился еще один термин — обские угры. Первым его часть указывает на основное место проживания, а второй происходит от слов «Югра, Югория». Так назывались в русских летописях XI—XV вв. территории на Подурьем Урале и в Западной Сибири, а также ее жители. Лингвисты ввели этот термин в генеалогическую классификацию, назвали языки хантов и манси угорскими (иогорскими); к эту же группу относят родственные иогорский язык. Угорские языки наряду с прибалтийско-финскими, балтскими, нерскими и славянскими языками составляют финно-угорскую группу уральской языковой семьи (а все кроме финно-угорских входят самодийские языки, на которых говорят эвены, селькупы, энцы, пелытаны).

Привлекательность этноимена «ханты» для изучения характера и особенностей культуры в целом, а том числе и устного народного творчества, хантов и манси необходимо иметь представление об их этноименах. Проблема эта очень сложная, и исследователи во целом ряду вопросов не могут прийти к единому мнению. Исходя из того, что хантский и мансийский языки относятся к финно-угорской группе уральской языковой семьи, предполагается, что некогда существовала и общность людей, говорившая на этом языке.

Вопрос о том, где жила эта общность, занимает умы исследователей с середины прошлого века. Тогда была высказана гипотеза известного происхождения финно-угорских и самодийских языков. Позднее получила широкое распространение теория «европейской» природы, выработанная в основном финскими и иогорскими учеными. Одни из них предполагали, что предки могли находиться в Северо-Восточной Европе, но очень далеко от Урала, по мнению других, эта территория простиралась от Балтийского моря до Урала.

Известный советский археолог и этнограф В. Н. Чернецов писавший в 1940-е годы гонимому, согласно которой история уральцев возводятся к западносибирскому племени. Эту же концепцию по антагонистическим и палеонтологическим данным разрабатывает в последние годы венгерский академик П. Хайду [97, с. 128–130], которого поддерживают и другие венгерские ученые. Основываясь на данных древних и современном археологическом, они полагают, что в VI–IV тысячелетия до н. э. уральцы жили в Западной Сибири. В дальнейшем праяуральский язык разделился на несколько обособленных групп. Первым этапом было отделение предков самодийцев от финно-угров на рубеже V и IV тысячелетий до н. э. Затем наступила финно-угорская эпоха, когда относительное единство сохраняли только предки современных финно-угорских народов. Процесс деления продолжался, и в начале II тысячелетия до н. э. завершилась формирование угорского племени – предки венгерского, татарского и мансийского.

В этот период происходят климатические изменения, вследствие которых граница степи сдвигается на север. Происходит, вероятно, и географическая перемещение угорских племен: часть из них сдвигается южнее на юг, где увеличивается их связь с южными племенами – праиранцами, и переходит, возможно под влиянием последних, от присваивающего к производящему хозяйству – животноводству и земледелию.

Вероятно, угры уже на очень раннем этапе разделились на две ветви: южную, в которой можно усматривать предков венгров, и северную – предков современных татар и манси. В исследованиях последнего времени эта дифференциация объясняется причинами экономического характера, связанными с изменением климата. После полного потепления на рубеже II и I тысячелетий до н. э. группы тайги и лесистости сдвигаются к северу примерно на 300 км. Область расселения угров стала непригодной для колесного животноводческо-земледельческого хозяйства. Одна часть угорского населения (предки венгров) перенесла и перешла к животноводству, а другая (предки хантов и манси) переселилась южнее по Обь, и оставились заниматься для земледельческого района, в основном земледельческим хозяйством. Несколькими столетиями позже, начиная с VII в. до н. э., наступило похолодание, и тайга вновь достигла своих прежних южных границ. В этот период началось движение венгров на юг, а во время великого переселения народов (V в. н. э.) они были ущемлены на запад. Предки же обеих угор в наступлении похолодания оказались в тесной зоне. В результате их расселения на запад от Уральских гор и в зону тайги с их сменялась с лесистым охотничье-рыболовным населением, отказавшись от земледелия и животноводства и перешли к присваивающему хозяйству. Они и формировали местное население, языковая принадлежность которого не установлена.

Несмотря на ясность и противоречивость в решении многих вопросов происхождения хантов и манси, исследования сформулированы в отношении двухнациональности их культуры, избравшей в себя традиции местных сибирских племен и пришлых с юга угров.

Важным фактором формирования и развития предков обеих угор была контактная с другими этносами. Лентинцы говорят о выхождении древних сибирских уральской языковой семьи с индоевропейской и тюркской, выявляют параллели между уральскими и южнотюркскими, чукотско-ка-

ны, лексикосно-грамматическими знаками. Для угорской описи обоснованы языковые следы угорско-иранских культурно-исторических связей; исследуется вопрос об угорско-тюркских и угорско-персидских языковых параллелях.

Этническая история хантов и манси в XVI—XIX вв. пролегируется умно по письменным источникам. В XVI в., по данным русских летописей и документов, остяки (ханты) жили по средней и нижней Оби и на притоках Пазыме, Кувасате, Сисве, Северной Соське с Липином, возможно, на верховьях Лозьмо и на Тагу, по Иртышу и его притоку Демьянке. Они упоминаются также на Юмбе, в верховьях и среднем тесисии Турм, на Чусовой и ее притоках Сиске и Ирле, на Нюке, в Пельменском уезде Восточной (манси) в это время проживали по Чусовой, Тагилу, Пейве, Нюхоку, Баранче, Вашире, Печере, средней и нижней Лозьме, Соське, Ляге, Коуде. Примерно так же расселились ханты и манси в XVII в. (далее и далее см. [91]).

После разгрома Сибирского ханства Кучум в конце XVI в. западная часть Сибири — на Оби и Иртышу с притоками — была присоединена к Московскому государству, и татары стали уходить с некоторых угорских земель. В XVII в. началось освоение Западной Сибири русскими. Вначале здесь были сооружены остроги, позднее преобразившиеся в города (Пересел, Обдорь, Тюмень, Сургут, Нарын, Томск и др.). Начавшееся затем переселение крестьян привело к тому, что к концу XVII в. численность русского населения стала выше, чем коренного. Хантов в начале XVII в. было 7859 человек, манси — 4800 человек. В конце XIX в. хантов насчитывалось 16 256 человек, манси — 7021 человек. Встретились численности происходили не столько за счет естественного прироста, сколько за счет вытеснения новых вселенных племенищ. В этот период обско-угорское население постепенно переселялось с юга на север и с запада на восток. В XVIII—XIX вв. все этнографические группы хантов и манси были в разной степени смешаны: южные ханты и манси — с татарами, западные манси — с русскими и хантами, северные ханты — с оленями и хантами более южных районов, средне- и верхнеобские ханты — с южными хантами и селькупами, нижнеобские ханты — с селькупами и отчасти итатями. В XIX — начале XX в. шел сравнительно быстрый процесс ассимиляции некоторых групп обско-угорского населения.

В настоящее время ханты и манси живут в Ханты-Мансийском и Пышмо-Нижнеобском автономных округах Тюменской области, а добывали их части — в Томской, Свердловской и Пермской областях. Ханты населяют бассейны средней и нижней Оби с притоками: Васюган, Пах, Ала (с Троицк-евоном), Юган, Пым, Салым, Иртыш (с Кюдой и Демьянкой), Казым, Намы, Сылы, Кунюват. Манси живут между Уральскими горами и Обью: по бассейну нижней Оби, по притоку Оби Северной Соське (с Липином), притоку Иртыша Бондо (с Юмбой), по Таге и ее притокам — Лозьме, Вагилу, Пезаму. По данным переписи 1970 г., хантов насчитывалось около 24 тыс., а манси — более 7,5 тыс. человек.

В языках, материальной и духовной культуре (исключая фольклор), в социальной организации у разных групп имеется много специфика. По наиболее общей классификации, манси разделяются на южную, западную, северную и восточную группы, а ханты — на южную, северную и восточную. Эти крупные этнографические группы делятся на более мелкие, на-

высказано обычно по месту проживания — реке или административному центру (например, сибирские ханты — по реке Северная Сосьва, березинские ханты — по поселку Березино, былинскому уездному, а также районному центру и т. д.).

Язык хантов и манси состоит из множества диалектов, разноразличающихся восточнее, чем их западные соседи. Этот диалект, по мнению классифицируя общепутренский языком принадлежит крупнейшему кутерскому финно-угорскому П. Хайду [97, с. 36—48]. В хантском языке он выделяет северную группу диалектов, разноразличенных между устьем Оби и восточной Шералы; обдорский, лопатинский, сибирский диалект хантов народа Мунжа, мушундарский, казанский, пермский; к южной группе он относит диалектную область на юг от Шералы до устья Печоры с его нижним течением: притынский, южнотынский и дымовский диалекты (сейчас почти исчезнувшие) и северные и северной группе казанский и южнотынский диалекты, к восточной — диалекты, расположенные в Среднем Печорье: сибирский, сургутский (трюмалевский, казанский, малотынский, лямский), казанский, казанский, казанский. У манси северный диалект распространяется на ряд более южных течений: казанский, казанский, обдорский, казанский; западные диалекты распространены по берегам Средней Лозы, южные Лозы, Лозы и Печоры (часть из них ныне уже исчезла); к восточным диалектам относятся южные, средние, южнотынский; в южные диалекты группы входят южные Тавды (ныне их можно считать практически исчезнувшими).

Письменность и литература манси начали создаваться для хантов и манси с 1930-х годов. Единого литературного хантского языка не существует, поэтому базируется на диалекте манси, но за последние десятилетия между ними, мансийский литературный язык ориентирован на северный диалект.

В этнографическом отношении ханты и манси являются наиболее характерными представителями уральского этнографического типа, и поэтому относятся также к северным и западным народам. По своим основным признакам этот тип занимает промежуточное положение между индоевропейской и евроазиатской большими расами.

Территория проживания хантов и манси, расположенная к востоку от Уральских гор, представляет собой в основном обширную возвышенность, прорезанную многочисленными реками бассейна крупнейшей реки Сибири — Оби. Большую часть территории занимают громадные болота. Избит суровый, резко континентальный. Леса главным образом хвойные, богаты грибами и ягодами, реки — рыбой.

Традиционное хозяйство и материальная культура хантов и манси конца XIX — начала XX в. сохранили многие свои черты до настоящего времени. Большая часть населения имеет типично таежный образ жизни. Это полукочевые охотники и рыболовы, занимающиеся, кроме того, оленеводством на севере и скотоводством на юге. В зависимости от местных географических условий на первый план выступал один из главных видов занятий. У хантов бассейна Оби в зимний период основным занятием был рыболовство, а в летний период — охота. Практиковалась сезонная рыбная ловля на Оби, куда выезжали на лето семьи, живущие по ее притокам. Здесь они добывали рыбу

по только для личных нужд, но и на продажу. Круглогодичный лов рыбы для питания велся и в баялдоющих от жала водоемах. Наиболее древним традиционным способом был лов с шельфовидной загражденной из щелей и прутьев (паноры), с давних пор известны также уды и сетные ловушки.

Охотничий промысел включал добычу мясных и пушных животных. Среди мясных первое место занимали лось и олени, боровая и водоплавающая птица. Медведя промышляли лишь изредка. Пушная охота издавна имела товарное значение, здесь на первом месте стояла добыча белки. Притягивались так называемые «погоняемые» и «активный» способы добычи: в первом случае охотник ставил лесушку (черны, сляпцы, планку, копыки и др.) и преследовал ее время от времени; во втором он преследовал зверя и убивал поймав, из лука или ружья.

Оленеводство у большинства групп служило транспортным промыслом, и оленей в хозяйствах было немного. В качестве основной оленеводства была известна лишь у выжеевских хантов и у манга, живущих в предгорьях Урала. Другим домашним животным была собака; их использовали на охоте и запрягали в верту.

Основным средством передвижения по воде служили дощико-дубовые (обласки) и большие дощатые настилы. Зимой использовали лыжи, ручьики, собачьи и оленьи упряжки.

Большая часть хантов и манга жила полукочевой жизнью. У оленеводов и рыболовов для каждого времени года имелись сезонные поселения и жилища. С наступлением соответствующего сезона семья перекочевала и жила, как правило, весь сезон на одном месте. Оленеводы перекочевывали чаще.

У хантов и манга существовало много типов жилищ. Одни из них были временными, разборными, а другие — постоянными. Для поезда в путь летом сооружали временный вагон или заслон у юкстры, а зимой выкапывали снежную яму. Постройки с каркасом из жердей и покрытые из бересты очень разнообразны по форме. Это и жилища с двускатной и конусообразной крышей, и полушаровидные, полуовальные и коническое строения — чумы. Чумы покрывали не только берестой, но и шкурами, а в холодное время для этого используют брезент. Постоянными, разборными жилищами служили землянки или полуземлянки и вагончики постройки на бревнах и досках. На них особенно в холодное время пользовались с опорными столбами и пилотной крышей. В древности они имели вход через крышу. Срубные постройки различались по конструкции крыши: плоской, односторонней, двускатной. По временных построек считал служил мастер, а в постоянных — чумах, полуовальных конках, сделанных из обшитых глиной бревен. На устье ставили габаритную мачу для выпечки хлеба.

По временных построек на спальные места настилали вагончик и туруры. В постоянных жилищах имелись чумы, также застываемые. Полот из туруры и вагончика гонимы и, кроме того, защища от холода и жары. Состоит вид «микроклимат» для ребенка служила колыбель — деревянная или берестяная. Непременной принадлежностью каждого дома был столик на ножках или вагончик поклажи.

Для хранения домашней утвари и одежды устраивали шкафы и полки, шкафы, шкафы и шкафы деревянные шкафы. Каждый предмет вывешивался на

Следовательно, в настоящее время в России не существует единого законодательства, регулирующего деятельность субъектов рынка.

Разнообразны были хозяйственные постройки: амбары — дощатые или бревенчатые, навесы для явлений и копчения рыбы и мяса, конопотные и однопотные хлевники. Страны стали лучше укрыты для себя, сарай с дышущими для оленей, виганы для лошадей, стойки в хвосте. Для прищипывания лошадей или оленей устанавливали столбы, во время жертвоприношений их призывали жеребят жевать.

Кроме бытовых, существовали общественные и культовые сооружения. В «общественном доме» хранилась изображения предков даевой социальной группы, устраивались праздники или собрания. Наряду с «гостевым домом» они упоминаются в фольклоре. Существовали особые постройки для менструирующих женщин и рождений — так называемые «младенце-дома». В поселениях на скалках, труднодоступных местах строились избир- чики для хранения предметов культа. У северных групп обитавших утроб на- мелись миниатюрные домики, в которые помещали изображения умерших. В некоторых местах строили лесады для усаживания моджжых черовов.

Предметы домашнего быта изготовлялись, почти исключительно из местных материалов. Каждый секвой имел множество берестяных емкостей: дубовых форм и вазочек; плоскостенных сосудов, кубов, горшков, табакерок и т. п. На древне-мичиганских миссиях (судя по рисункам, сделанным здесь, оригиналы) были корынки и тарелки, плетенные из ивовых коры для из расщепленных веток черешку (sarspi). По привозной посуде: чашечки, чашки и фарфоровые чаши, глиняные. В мешках в сумках разных размеров, сытных из шкур и тканей, хранили одежду и прочие предметы. Животных, в том числе и лошадей, в сумках, из выделанной кожи, привозили в колыбели. В колыбели были и различные натуральные шкуры, живые и мертвые, герметически запечатанные сосуда, еловыми шиш и в пакеты герметически в герметическом материи. Плетенные и ламинированные герметически подвешивали под реберко к колыбели.

[illegible]

Из одежды хитицы и маньчжурской знати были одинаковыми у мужчин, женщин и детей. Вместе с тем здесь более, чем в других предметах материальной культуры, заметны были межгрупповые различия. Так, у северных групп в верхней мужской одежде преобладала глухая (без разреза

[illegible]

Обуви была разных покровов: для лета — порижевдиан (с загнутой подошвой, присборенный над ступней), короткие черки и черки с пришивным длинным гачинением из ткани или южки; зимой носили джангучи обуви, целиком сшитую из камусов — шкур с ног крупных животных. Внутрь клали травяные стелки, надевали шерстяные либо меховые чулки.

Головные уборы служили нивор. Лакотки или калпионы махали в гусе. Свообразны были так называемые доменные косы — пучки волос, переплетённые плетенью шнуром. В некоторых районах было принято стричь волосы особым образом либо их вообще нестригали. Мужчины и женщины носили либальи волос, особенно из белых затылков. Женщины носили также нагрудные и особые поясные украшения.

Одна из особенностей материальной культуры обских угров — широкое распространение орнамента. Узоры украшали одежду, обувь и различные чашки, рукавицы, головные уборы, шифты и валяные украшения, пояса, голландки, полушубки, ступки, воробки, козубы, калыбы, мелкие предметы из кости, мышьяковой, дубки и мыльницы, мыльнички сита, донки и весла, металлургические и военные орудия и многие другие предметы, даже вещи из чужбых краев.

Особенно богат разнообразием примесей на берестяных изделиях, выписанных различной техникой. Впрочем, самой древней была техника выскабливания. Любопытно, что в одной из мифологических сказок (№ 25) это искусство перешло сакел чеченского племени мезелов: «Два парней-охотника поспорили, кто больше ориентирован в кораблях: галек или человек, и они шло дело по с живным, а с чужден. Да издал из бересты характерно воеание и оривмент упрощенных изображений животных, воздуха — следован. Приживоимые неестественно упирали на бересте скачки, мимолетный оривмент из мезной земли. Выписывали и восточные, и западные образы по-чуждому, чуждым, чем на бересте. Неиспользованные рубки здесь почти слились, покрыты вышивкой. Поверхности одежд упрощались гисером. Реалба по цвету и почти не выдал из дантов широкого распространения».

При всем лояльном разнообразии декоративное искусство хантов и манси отличается явственным единством. Лучшее исследование по этому вопросу принадлежит С. В. Иванову [62, с. 43—162].

Социальная организация обских угуров — дискуссионная проблема (см. [92]). Одни авторы подчеркивали существование у них родного строя, другие — дуально-фратеральной организации; высказывалась точка зрения о наличии элементов феодализма в обско-угорском обществе. Для реконструкции общественных отношений у предков хантов и манси использовались и фольклорные данные. Особенно содействовало это сказки С. К. Патянова, опираясь на героические сказания и песни иртышских хантов, отпавших, по его мнению, к XIV — XV вв. [41]. Судя по ним, ханты возмозлились на рубеже классного общества, и страна была разделена на мелкие княжества с городком в центре и с батыром-воином на главе. Некоторые из исследованных городков С. К. Патянов соотносит с реально существовавшими археологическими памятниками-городищами.

По мнению М. Ф. Косарева [65], социальная структура, описанная в героических сказаниях хантов, начала складываться с рубежа бронзового и железного веков (I тысячелетие до н. э.). Это связано с выходом таинного населения на крупные лавозно-сибирские реки (абсолютные дороги) и усилением связей с югом, где в это время возрастает спрос на пушнину. И обмен на нее поступает предмет роскоши, который становится в руках родовой верхушки и воспринимается как священный предмет. На смену мирной жизни приходит эпоха завоевательских войн и грабительских походов. Вся Западная Сибирь покрывается городками-крепостями. Например, в районе г. Сургут, по подсчету протяженности 8–9 км, открыто находится городище и сотни поселений, относящихся к периоду с конца бронзового века по средневековым. При раскопках городища, расположенных обычно на возвышенностях, обнаруживаются оборонительные сооружения и яды ялов и раса, окружающих сравнительно небольшое население.

Укрепленные городки богатейшей, военные союзы южных хантов известны по фольклорным и ранним историческим источникам. Фольклорные же материалы северных хантов и манси и восточных хантов рисуют более архаичную картину. Здесь общественные отношения выглядят демократичнее, роль женщины — выше. Архивные источники XVII в. также свидетельствуют о социальной дифференциации у отдельных групп обских угуров. Русские заводы в Западной Сибири какие-то обложения, которые были известны в северном восточном западном административном делении на волости. Но главные носители (хоры) и волостей считали главным лицом, князем — должностные лица, княжеские администраторы. Большая их часть происходила из княжеских родов.

В ранних источниках дифференцировано деление хантов и манси на «роды» и «помещенья», «фамилии» и «народы»; в названиях крупных территориальных групп включалось также понятие «варод». В. П. Черепцов, собирав литературные данные и богатый собственный материал, пришел к выводу о существовании у обских угуров в прошлом фратрии и рода [90, 103]. Об этих же социальных единицах писал В. Штейнц по хантским материалам [130]. Под фратриями подразумевались две группы, из которых делались северные ханты и манси — Пор и Мокь, характерной особенностью которых был запрет на заключение брака внутри группы. Мужчина Мокь мог жениться только на женщине Пор, и наоборот. Члены одной фратрии считались кровными родственниками и люди своей происхождения от одного

мифологического предка. У Фратри Пор предком считался медведь, у Мось — медведь Налтас, которую представляли в виде айды или гусыни. Она являлась главными тотемами, но кроме них были и точные лесные укровей: у Пор — кедр, ластовница и растение *морза*, у Мось — *Марсусе-хум* (сын Нартыка) и береза. У каждой Фратрии был собственный центр: у Пор — Везалпоры, у Мось — Елнугоры, оба селения располагались на Оге. Они считались местобитанием тотемов, здесь проводились общифратриальные празднества и обряды. Одним из признаков членов Фратрии было соблюдение тайм обрядов в священных местах.

Фратрии Пор и Мось, из общественных и религиозных функций зафиксированы только у северных обских укров, в в других районах экологичные группы имеют свои особенности. Например, у восточных хантов группы было по две, а три, и они носили названия Леса, Поля и Мидиде. Нет сведений о существовании Пор и Мось у южных хантов и манси.

Дискуссионным является и вопрос о роде у обских укров. В П. Черного выделял у них такие признаки рода, как экзогамия, родство или как самопоименные по имени человека, ботвыра или выражающиеся человека, общеродовой язык (тама), личные имена родского происхождения, имя и общего предка и родовой культ его, наличие родословия являлись и кровная мсть за убийство родооца. Позднее вопрос о роде был подробно исследован З. П. Соколовым [90, 93 и др.]. Она приняла в основу о большой аморфности родовой системы джатов и манси в XVII—XIX вв. и предполагала, что род как неорганизованная единица так и не выходящая из недр стабильно-организованной организации. Вместо рода, считает З. П. Соколов, у обских укров существовала локально-потомственная, или генеалогическая, группа. По своим признакам она весьма близка роду, но в отличие от него не обладает общественной целостности.

Основными единицами общинно-укровского общества в XVII—XIX вв. были *гемки* и *ирт-вессеки* [90]. В это время существовала большая семья, состоящая из нескольких братьев или племянников в одном доме и община владеющих угодьями. Наряду с большими были и малые семьи. Семья была патриархальной: главой считался мужчина, счет родства велся по мужской линии, дети при разводе оставались у отца, женщина по закону зависела от мужчины. Однако говорить о патриархальной роли мужчины было бы неправильно. Никто не давал и об относительном господстве женщины в семье, возможности для нее развода, при котором дети оставались у матери, о культуре женщины-редувальщицы и т. п.

Поселки были, как правило, избыточными и состояли из одной или нескольких семей. В XIX—XX вв. часть укрепов находилась в коллективном владении, в часть — в семейном. К началу XX в. стали оформляться территориальные общины. В этот период получила дальнейшее развитие социальная дифференциация, особенно на Оге и Примье, где колонизация русские рыбопромышленники и торговцы, и начинали складываться патриархально-феодалы отношения. Но времени Октябрьской революции среди хантов и манси уже заметелась элементы классового расслоения, но эксплуатация нередко носила скрытые формы и была замаскирована традициями порабощенности отношений в виде взаимомощи. Как и в других сферах жизни, в социальной организации и общественных отношениях у отдельных групп обских укров имелись определенные различия.

Религиозные воззрения и обряды и Религии в фольклор хантов в нем не были тесно переплетены, что свойственно обществу на равной стадии исторического развития. Их мифология была системой первобытного мировосприятия и заключала в себя доминирующую идею о мире и человеке, об истории общества, разные формы искусства, философии и религии. Поэтому нередко исследователи религии и мировоззрения обских угров привлекают в качестве источника фольклор, для понимания которого, в свою очередь, важны верования и обряды. Им посвящено множество сочинений, статей и книг монографий [56; 57; 57; 58; 81; 101; 102; 115; 118—120; 124; 131 и др.].

Попробуем кратко изложить систему религиозных верований хантов и, тем не менее, уделяя особое внимание тем моментам, которые важны для понимания обского обрядового, — представлениям о сверхъестественных существах, выступавших и в качестве фольклорных персонажей, и как объекты почитания в верованиях.

Вера в духов, или кинимов, привнесла в эту религиозную систему обских угров. Периодом чуждым этим духам, сложился напев из множества нотаций. Лучшей записью этого напева К. Ф. Карякайкин послал в начале XX в.: «У современных обских угров чужды богат, настолько богат, что, например, никто не знает, почему не удалось выжить чуждым и чуждым неким духам, являющимся... предками почитания и страха» [118, с. 4]. Он разделяет духов на три категории: «длинноволосые», «мелкие» и «крупные». Мы начнем их характеристику с последней категории, так как «всеобщие» духи фигурируют в космогонических мифах, открывающих сборник.

Трансформации космогонических представлений основаны на традиционных представлениях о географическом ограничении общности обского проживания и ее ближайшим окружением. Последняя расположена на три главные космические зоны: небо *торра*, земля *мри* (хант), *ма* (ненс) и подземный мир *клин-торра* (хант), *гала-ма* (ненс). В соответствии с этим традиционными космогоническими представлениями три главных божества. Главным является небесный бог, его самым известным даванием — Торум (Тором, Турым, Турин) и Нум-Торум. Поднеславянский термин *торра* означает «небо», «высокая», «рай», «нога», «нога», «высокое существо»; *мри* — «земля», «мелкий»; Нум-Торум «старый бог».

В мифологии или бога имеет много синонимов и употребляется с разнообразными эпитетами, причем в некоторых из них вообще нет слова Торум. У хантов его называют Елт-Торум «Пыльный Торум», Сави-Торум «Светлый Торум», Сорин-Торум «Золотой Торум», Печ-Сави «Добрый свет», Ало-или «Большой старик», Нол-или «Большой старик» и т. д. Мифическое обобщение: Лам-Торум «Великий Торум», Вай-или-Торум «Большой Торум», Нум-пос, Сорин-пос «Верхний золотой блеск», Ной-рыцц «Господи» и др. Особенно значительное положение он занимает в хантской мифологии, хотя в обских верованиях его культ более выражен у хантов [118, с. 258—259].

Небесный бог является создателем земли, поставителем дневного света, стражем морали и мирового порядка. Он достал солнце и луну, вызвал «пожарный потоп». Кроме того, он определяет срок жизни каждого человека, дает удачу в промыслах, и ему обращаются с просьбами о здоровье и т. д.

Канем предстает небесный бог в народной фантазии, отчасти выдво по текстам беринка. В мансийском фольклоре он рисуется следующим образом. На вершине (иногда не седьмом) небе выстроен его священный дом с серебряным дымоходом, золотым дымоходом. Дом его полон богатства, в дом бога спускается, и одним спуском известны всем судьбы, пути, замыслы жизненные пути каждого человека. Перед домом — стоаб для привязывания верхних лошадей. На священной дуге с золотой травой пахутся лошади, коровы и олени. Небесный бог охотится в обширных хузах в лесах. У него есть и саук, а также кузнецы и плотники. Красавый (он) Канм обеспечивает быструю передачу приказов и новостей. Выше небесный бог — седой старец в сияющих золотом одеждах. Сиди на небе на золотом стуле, он держит в руке посох с золотым набедранным и наблюдает в дыру за жизнью на земле. Его глаза, подобные восходившему солнцу, видятшей к Оби, с моря, его уши — желвакой с лист кушнума, как уши черной диней утки с толким саухом.

В триаду главных божеств параллель с Нум-Торумом входит Кантас-анни, Мух-анн (хепт), Кантас-анн, Ма-анна, Понн-Торум-силь (мелс). В фольклоре ее лютости — чужестранная земля, изломанная земля. Это богиня земли, защитница от болезней и подательница детей (в последней функции ей близка восточноевропейская Пугос, считающаяся также матерью огня). До создания мира ее жилищем служил город, укрепленный на семи цепях между обитаями мирами. Оттуда она была спущена Нум-Торумом на землю (здесь брошена тула на престоле, из-за ссоры и т. д.). По ее просьбе Нум-Торум создал светила и остановил качающуюся землю, она оживила людей дыханием и выпросила для них у неба пишу.

Под именем Кантас у северных обитая утир известен такое местный дух женского рода, святыню которого находились в верховьях Кантасовки, в впадинах Оби. Хантыйская Пугос также, по одним данным, живет на небе, а по другим — в верховьях р. Вах. Под влиянием христианства Кантас стала восприниматься как обитая мать.

В фольклоре ханттов известен образ Торум-матери, но всегда в сочетании с Торум-отцом. Аппалавирук этот образ, К. Ф. Карельский воображает С. К. Патанову, считающему его «небесной матерью, женой Торума, и расценивает слово Торум-анни только как параллелизм, поэтическое добавление для выравнивания одного понятия. Торум-отца — Торум-жизнь [119, с. 36]. По материалам восточных хантов, эти понятия ассимилированы, и Торум-анни выступает вместе с Торумом — создателем людей, но в верованиях она действительно не фигурирует.

Нижний мир — мир мертвых, парство болезней и смерти, место обитания брата (или сестры) Нум-Торума, известного под именем Куль, Канелуик (хант.), Хуль-отыр (манс.). В космогонических мифах он выступает как партнер Нум-Торума, то как носитель враждебного людям начала. В мифах творения Куль противостоит Торуму: вырывает из него и прачет сестрал, предост при создании людей, соблазняет их на нарушение заповестей и умышленный Торума, создает вредоносных животных и т. д. Он забывает в свое царство тех людей, которых обрек на смерть Торум. По одним данным, Куль брошен отцом с неба, по другим — родился под землей. У него есть большой город, золотой дом, дети. В мансийских представлениях он персонально обеспечивает, его считают податком или лесным дымоходом, чертом

[115, с. 126]. Иж и Калтась, Нуаль был не только небосбим, но и местным дулом-поворотелем маиса в сеа. Иснут. Этого духа изображали в виде антропоморфной фигуры из дерева с востроверхней головой.

Ибо с землей и неба с подземным миром соединяются отверстием. В фольклоре упоминается «продолгой столб», охватывающий мировой столб, в астиана, но который можно подняться на небо. Посредничество между космическими водами осуществляют културный герой — младший сын Торуа в Крылатый(ал) Калм.

Период с вертикальным членением мира в мифх висел в горизонтальном, стражающем, вертикал, более раннее покровное [87, с. 171]. Герой — посредник между мирами путешествует в в горизонтальном и в вертикальном измерениях. На юге, в полуденной стороне, находится Мортимия «живая земля» (манс), где живет пара стариков — Мортимия и Мортимия-оша. Тула приходит на югу ирландские звезды, которые танцуют красными, когда их пропустят между южной Живой старухи. Старик охватывает птиц, бросая их кости в дух в шере с живой воды, в нем они оживают и сами. Выход в Мортимия выгоривает камень и жидкий червец. Словом оживляется с южной широтой — широтой мортимия. По бытованию восприятию северных заповей в манс, душа умершего уходит звать по Оби в море, где у мыса Хом (манс. Хошева) плавает отверстие в нижний мир. Посреди моря имеется земля царицы толка на (манс), где живут души инфантильных существ манс (см. манс).

Общая трехчастная вертикальная картина мировоззрения усложнена в некоторых группах обитая узором дополнительными членениями. Так, согласно повсейской мифологии, над выделены возвышаются три неба: ближайший к земле — это знойный нум Нум-Торум, выше расположен Норе-Торум, и еще выше — Норе-Торум [10, с. 20]. По китайской представлению, небо состоит из семи ярусов. Наиболее сложная картина строения мира лабиринтная у насиваниях чистот: первый по семи «лазей» неба здесь расцелует существом из невольных частей, ближайшая к земле называется «существом белого шаровидного неба», затем «обитает бирюзовой горы середины небас» и «вдали от мира середины небас» [116, с. 263].

У северных обитая узором тринность деления распространяется и на подземный мир. О двух самых нижних его ярусах известно очень мало; у манс первый ярус называется «мир рыбиной с хвостом», а третий — «мир каменный с обитая хвоста» [10, с. 20–21].

В ряде версий главный вертикал дух Нум-Торум — третий из последующих небесных божеств; у манс он считается сыном Норе-Торума и женом Нус-Торума, в у северных хвоста — сыном Нум-Торума и женом Нум-Сини. У манс растут сыновья и другие персонажи небесного поколения: братьями и сестрами Нум-Торума считаются божество подземного мира Нуаль-отар, мысленно женское божество Калтась-жеа (о других вариациях нум — нум Нум-Торума), божество огня Нид-жеа, а также божество солнца Хотад-жеа «Солнце старух» (у манс се имя Хата-жеа, Кат-жеа) и божество месяца Улоос-жеа «Ночной свет старух» (у хвоста Талас-жеа «Месал-старух»). Солнце олицетворяет жару, а месяц — холод; в мифах они иногда расцелуют или спорившийся нум.

Небесные ступени почти не фигурируют в верованиях [120, с. 53–55; 115, с. 87], а божество огня, наоборот, занимает в религиозных верованиях

дольше значительное место, но фольклором произведений о нем немного. Персонифицированный огонь воплощается в названии Ней-эви (янис), Пуго-эви, Ней-эви (хавт) «Огонь-мать» (кад употребляется также в значении «чужина», «кладбище»). В некоторых районах существовали представления и об особом духе огня. Посещению огня являлся объектом более или менее значительного культа, наиболее развитые его формы существовали во Иртыше. С огнем обращались почитательно и заботливо, ему приносили жертвы. С помощью огня угадывали будущее, на нем жарились, огнем или дымом отпугивали злых духов [120, с. 54–58]. В фольклоре огонь фигурирует главным образом в космогонических мифах. Роль его в сотворении мира, представление о вечности и неуничтожности огня, образ жадного огня (огненного потопы) и идея конца мира связывают обско-угорскую традицию с иранской [110]. Из природных явлений почитанием пользовались ветер (особенно у южных групп) и гром, убивающий молнией злых духов из лука-радуги.

Среди всеобщих духов, стоящих рангом ниже, хорошо известны лесной дух Уит-хон, Вит-хон (хавт), Кумшлэс (янис), которого в песнях называют «солнцотопильщик, выжоготопильщик». Считается, что он имеет человеческий облик, живет в чаще и помогает в охоте. Ему приносят жертвы рыбы и оленины.

Более значительным является водной дух Пенк-топх, Пенк-иль (хавт), или «водный царь» Нит-хон (янис). Водной дух, как и лесной, вседеуси, т. е. может проживать в любом водоеме, в то время как водному царю присваивается определенное местоположение — в устье (Юа, на территории южн. Юа). В воде у него город, населенный многими жителями, и много детей, на его дочерей женились культурный герой, который соревнуется в хитрости с символами водного царя (№ 136). Вит-хон фигурирует главным образом в мансийских мифах, которые о происхождении его самого упоминают, — видимо, не случайно К. Ф. Карялайнен считает, что водный царь стал фольклорным персонажем под влиянием юма [110, с. 234]. По бытующим воззрениям, водной дух и водный царь дают людям рыбу, по первому можно просить и о лесной добыче; для того и другие устраивают жертвоприношения. Изображений лесного и водного духов не делали, известно лишь об изображении водного царя на призматическом серебряном блюде (см. № 160).

Но всеобщим отнеслись и духи болезни, среди них упоминаются Кувь, Кыш-эви, живущий на олке или под чешуей, и дух Тирь. Кроме того, были известны дух осы и духи других насекомых. Точных данных о культах этих существ нет.

Следующий категория духов — это сверхъестественные существа, имеющие силу на определенной территории или оказывающие влияние на ту или иную социальную группу, по терминологии К. Ф. Карялайнена — «местные» и «родовые». Они живут везде, где поселился или ходит за добычей человек. На основном obligation — помощь и добыча пропитания. У отдельных духов есть определенная специализация, т. е. они дают главным образом дичь, другие охраняют оленьи стада и т. д. Они обеспечивают также счастье и благополучие (что более характерно для личных духов). Отношение к духу «различаемо: прост, а человек считает себя вправе наказывать его, если дух недостаточно усердно исполняет просьбы. Чтобы

умиловать духа, и ему следует относиться соответственно: правосиять, подари, не называть обидными словами, не оскорблять местности: «Дух доб, милость и гоним омака, пока человек ищет обид, правилин по отношению к нему... Разгневанного духа нужно умиловать, настаивать прощень добрые отношения, ибо без помощи духа, а особенно при его враждебности не мож совершить дела человека, общества, превосходящих его силы» [119, с. 35].

К наиболее значительным духам этой категории относятся «дети» Торума. Сведения о них содержится главным образом в фольклоре. Чаще всего упоминаются семь сыновей Торума и одна дочь; в некоторых местах считается, что дочерей вообще нет; в фольклоре хантов Насогама упоминается один сын. Дети были посланы Торумом на землю для управления делами людей, и некоторые из них стали местными духами-покровителями.

Имена детей различаются у разных групп хантов и манси. Например, на Югане ими считались Нол-ики «Господни-старик», Игу-ики «Юганский старик», Ас-ики «Обской старик», Йо-ортики «Земельный хозяин-старик» и Тар-ики «Налым старик». На Иртише особым почетом пользовались Ас-ики. У северных манси имена семи сыновей Торума (по старшинству): Полу-Торум «Полемский Торум», Ас-ия-Торум «Обского народа Торум», Нер-оика «Урала старик», Аут-отыр «Реки Аут богатырь», Ай-Ас-Торум «Мелкой Оби Торум», Таткотал-Торум «Ирландии Сосны Торум» и младший Мир-сусне-хум «за миром наблюдающий человек».

Последний из них занимает особое положение в пантеоне обских угуров — это их культурный герой и главный покровитель. В религиозных воззрениях он воспринимается Орт-хум «Ниль-дух», Орт-ики «Ниль-старик», Мастерю, Вурт «Господи, Канк, Тарой, Ну-сория «Первый-золотой, Сорин-орт «Золотой князь, Нол-ипо «Господни-старик, Канты-нан «Хантыйский князь, Торум-пал «Торума сын, Торум-топ-ик «Бог-дух-старик, Йо-ики «Большой старик, Тронты-ики «Тронцы-старик, Пайраксы (перевод пейсен).

Особую важную роль отводится этому образу у манси. Его мифологические и культурные имена: Тарыт-пеш-вицал-сов (точного перевода нет), Сорин-отыр «Золотой богатырь», Сорин-топ «Золотой князь», Отыр «Ниль, Богатырь», Мастыр, Отыр-оика «Ниль-старик», Луит-отыр «Гусь-богатырь» с пантеоном «Боготей, в образе золотого гуся, Луис-хум «Водолей, Аи-хум «Первый человек» (т. е. живущий в верховьях реки), Астадал-хум «Верховья Оби человек». В качестве эпитета чаще всего встречается северомансийское Мир-сусне-хум «за миром наблюдающий человек»; у северных хантов ему соответствует Мир-синте-хо, а у южных хантов — редко встречающийся «Человек многих стран, странник многих стран». Сказание имя этого героя у хантов — Ии-хиты «Взбуннивший внуки» (Тетти племянина), Алян, Альвад; у манси — Эка-пырьсы «Женщины сынов, или Эка-пырьсы «Сынов сына женщины». С его именем в сказках обычно употребляется эпитет «В песнях прославленный человек, в сказках прославленный человек».

В верованиях и обрядовой поэзии он рисуется как всадник на белом восьмикрылом коне, объезжающий мир на высоте облаков, это «царь идущих облаков». Когда он спускается на землю, под ноги коню нужно ставить серебряные тарелочки; по этому элементу образ Мир-сусне-хума свя-

вызывает с солярным культом. Его антропоморфный облик, в котором он выступает в фольклоре и в иероглифите,— речной гусь. Главное святилище этого духа было на Оби, в устье Иртыша, в сел. Велогорье, где русскими был построен Троицко-Белогорский погост. Там хранилось антропоморфное изображение духа, сделанное из дерева, рипом с ним выходил отпугивать из лесов гусь. На других культурных предметах Мир-сусе-хум изображается в виде всадника на коне. По велению отца он надбегает за жизнью людей, заботится о них, выступает посредником между людьми и богами: у северных групп его обычно призывают шаманы. Под влиянием христианства Мир-сусе-хум стал отождествлять с Николаем-чудотворцем или Христом.

В мифах он предстает перед нами как культурный герой, которому приписывается инициация творения земель, создание человека, обучение производил, другим важным влиянием в поэтике. Он был первым охотником на лес, создал огонь, подарил растения и животных, извел птиц, придать лотом на север. По велению отца он добывает в нижнем мире солнце и луну (взаг этот подвиг приписывается его брату Полу-Тору). Главенство над старшими братьями Мир-сусе-хум получает, когда он, совершив свои подвиги, первым предстает перед Нум-Торуном.

Особенностью религиозно-мифологической системы обихаг урало-является то, что местные духи считаются у них духами-предками, богатырями разных времен. Герой-богатырь обозначается в фольклоре словами *матур, дур (хвст), отур, (мисс), а богатыря — мад (мисс)*. Кроме того, в их именах выделяются термины *коф, ака (хвст), дур, обка (мисс)* и значении «мужество, старик» или *дрок, тома (хвст), тома (мисс)* и значении «дур, рожа, горюх (мисс)» *бога*. Геронья, ставшая духом, называется или *(хвст), ака (мисс)* «мужество, старуха, хозяйка». В повседневной речи, обращаясь к нем, употребляют термины родства, например «дядя, дедка; общепринятых наименований «матери» «дяди» нет».

В мифологии северных манси насчитывается шесть наиболее важных местных духов, из которых первые четыре были сыновьями Торуна (некоторые упоминались выше). Это Полу-Торун, или Полу-обка, Тонла-он-ла,— охранитель мест по реке Пысам; Ай-Ас-Торун — охранитель бассейна реки Маана Обь; Нёр-обка, или Нёр-Торун,— охранитель Урала; Тхт-котль-обка, или Тхт-котль-Торун,— охранитель мест по среднему течению Северной Сосьмы; Тон-Торун, или Тон-обка,— богатырь сест. Тон на Оби; Хангас-сун-обка-онка — клановый соловей Хангаласа на Северной Сосьме. Как отмечает Е. П. Ромбандеева, территориальные владения этих «первоначальных» *коф и отгала* совпадают с границами диалектных групп западного языка [8, с. 125].

Самолетное население выделялись духами-предками — это дети первых богатырей либо пришельцы из других мест, а также те, кто при жизни совершил поступки, важные для социальной группы, имел большое потомство и т. д. К ним относят, например, исторических (или исторических) богатырей, живших в горных, останах которых сохранились до недавнего времени. Например, у хантов реки Конда особым почитанием пользовались два горца на горном на Стерлякской протоке — Ига-тей-матенг «старика истока реки». В конце XIX в. их месторезидением считались остана городской слободы юрт Шуналоских в Нуровских в Мае-Юмдинской волости [4, с. 154]. Если выделены были мансийские богатыри первого по-

коления были спущены с небя, то у хантов Ковды богатыри стали почитаемыми духами после того, как были взвты богам па небо.

Вопрос о превращении мифических предков (их душ) в духов-покровителей рассматривался многими исследователями [56, 57; 88: 99; 103; 117; 119; 127 и др.]. В фольклоре они фигурируют в разных жанрах, приближительно по такой схеме: богатыри высшего ранга (сыновья бога) — в мифах, а герои земного происхождения — в преданиях. Обычно и после похорон героя превращается в духа и посылаются в святилищное место в святилища¹. Одни из них располагаются рядом с поселением, другие — в отдалении. Некоторые святилищные места содержались в тайной тайне, что даже не все почитатели посещали их. (Причиной этого было стремление уберечь святыню от разорения.) Чаще всего святилища находились в местах, какам-либо образом выходящих из окружающего ландшафта: па возвышенностях, островах, высоких берегах. К священным местам относились с почтением, уважением и страхом. Здесь запрещалась любая хозяйственная деятельность, так как растения и животные считались собственностью земного духа. Какой-либо хозяйственной деятельностью оставлять эту дар. Многие святилища были закрыты для женщин, и в народной поэзии им дается определенное «священное» место, куда не должна ступать ни одна женщина. Однако существовали и специально женские священные места.

В отличие от всеобщих духов местные и родовые имели изображения, чаще всего из дерева. Это и простые столбы, п деревья, и антропоморфные либо зооморфные фигуры. Известны также изображения из металла, кости, траво: Большинство идолов имели одевание и атрибуты. Исследовательский анализ этих изображений дан в книге С. В. Павлова «Скульптура народов Севера Сибири» [63]. Изображения идолов были выветренными предметом на священных местах. Они прикрывались в дереву, хранились под открытым небом либо в сукучие, на ярте, а чаще всего в анбарниках, в гористой местности для этой цели использовались пещеры. Имяется сведения о существовании в прошлом особых культовых демонов, где во толомо хранились идолы и сопутствующие им предметы, по и приводились коллективные обряды, культовые церемонии.

Для примера приведем сведения об одном из священных мест, принадлежавшем духу Ворси-ойна «Трисигуна-старика» — покровителю мансийского селения Маля [56, с. 16—25]. В хранилище находится выбарчик, внутри которого, у задней стены, хранятся главные фигуры сактама — Ворси-ойна и его жена Ворси-эва. Основу первой составляет деревянная антропоморфная фигура, а второй — тра зооморфные фигуры; то и другое обернуто многоточными кусками ткани. Сверху лежит груз разнообразных предметов. В левом углу выбарчика — два манящихся бубна с колошанкой, в правом — более 20 медных черен. Ближе к выходу сложенное разнообразное оружие (боевой типор, пояны, меч, сабли, стрелы и др.), модели деревянных и металлических луков со стрелами. Кроме того, в выбаре находится палка для составления а перетягивания, паварига, чай, посуда.

Следующая категория духов — семейные; они принадлежат отдельному человеку или семье. Их задача — оказание содействия своему хозяину в промышле, тем или иным путем от них зависит счастье, успех и здоровье. Власть домашнего духа не слишком велика, и если нужна помощь в важных жизненных ситуациях, то ее следует искать у духов более высоких рангов. Домашние духи различаются по своей силе и способностям. Если в одной и той же местности один человек добывает больше другого, это объясняется отчасти не его домом, а в первую очередь действительностью его домашнего духа. Семейные духи имеют изображения. Чаще всего это антропоморфные фигурки из дерева, реже — из металла, кости или тряпок. В некоторых их «помещичьих» встречаются зооморфные фигурки. Обычн «образован» семейного духа изготовлял не сам владелец, а по его поручению другой человек, иногда священн. Духа положено осыпать и кормить, оказывать ему соответствующие почести. Если дух упрямится, небрежно и равнодушно относится к делам своего хозяина, тот может оставить его годошным, назвать филигачем или даже назвать жабой. «Желание» домашних духов и место хранения сделанных им подарков — деревянный сундук или берестяной сарай, выходящий на почетном месте в жилище.

Церемония, которыми обитатели урры стремились добиться расположения или содействия духов, не отличаются разнообразием; в основном это жертвоприношение. Смысл словесных формул, сопровождающих подношение, сводится к следующему: «Дай, и тебе будет ладно» [119, с. 125]. Объем жертвоприношения зависит от многих обстоятельств, прежде всего от ранга и силы духа, от важности дела и средств жертвователя. Первое и важнейшее место среди жертвоприношений занимает животное — олень, лошадь, а на юге — и другие домашние животные. Их убивали и предлагали духу влить животное целиком или его кровь, мясо, шерсть и т. д.

Кроме этого — животного — жертвоприношения существовала и другая форма — угощение пищей. Это либо была самостоятельная церемония, либо она входила составной частью в ритуалов жертвоприношения. Различно указавших жертвоприношений подчеркивалось терминологически: животное называлось *дух*, а угощение — *дух*; встречалось и двойное название — *дух-дух*. Угощением домашним предметам, причем считалось, что духи принимают не саму пищу, а видимый или невидимый поднимавшийся пар — «свободу» пищи.

Жертвоприношения служили в различных предметах быта, одежды, посуды, ткани, золота. Особенно ценным подарком для духа считалась вещь из серебра — металла, наиболее почетного званием и манис. На некоторых святилищах складывалось много мешка ценных вещей. У звантов считалось, что их можно взять «завтра», а затем вернуть.

Жертвоприношения устраивались индивидуально, семей или большими коллективами. Частой этой процедуре являлись призывные песни для духов и молитвы, пропавшие песни того, как услаждавший запах кровной жертвы и жертвенной пищи, а также отрядный над жертвоприношения предмета иссерт духа благополучно. В молитве излагались потребности и желания подателя жертвы. Произносили ее сам жертвователь либо особе лично. Присутствующие излагали трех- и семикратные призыв, совершали поклонны и повороты по ходу солнца. В конце церемонии принесенная в жертву пища складывалась.

Среди сверхъестественных существ, зафиксированных в фольклорных обиходных утробах, выделяется еще одна примечательная и духом группа, которую К. Ф. Карлслайден называет «демонами», а А. Кивисто — «социальными сверхъестественными существами». Из них наиболее известны *лаахи*, *лаахы* (у некоторых хантов — *Лааха*, *Синь-лаах*). В. Иностранцев описывает эти существа, основываясь на фольклорных записках в период с III в. до н. э. по VI—VII вв. н. э. [122, с. 60—61]. Мешены — это первые лаахи, неудачно созданные Нун-Торумом из глиняных и убежавшие в лес, где, как считают, живут до сих пор. Их лаахи называются *лаах-кент-торум* «лесными лаахами» (малы). Внешний облик мешены подобен человеческому, но у них заостренные головы (от одной до семи), железное тело, длинные ногти. Они живут в лесу, имеют семью, охотятся, добывают добычу. На деревенские праздники (см. ниже) они выступают в различных масках из конских хвостов, громко кричат и хлопочут. В фольклоре они часто рисуются лаахем.

По представлениям сосисских мешены, у мешены существуют своего рода общины со старшиной и десятником, они платят налог Мар-суен-туху [115, с. 207—218]. Мешены — большие в силе, но глупые и неустойчивые, это тип ступидных чертей [70, с. 64]. По другим сведениям, мешены — это похищенные в лесу лаахи, их дочерям в женском лесном обществе у обиходных лаах в некоторых местах. По данным В. Н. Чернецова, у мешены тесно связаны с тотемом фратрия Пор — мешены в во время фратуральных церемоний они приносят лааху раны: несут культовые предметы в место хранения, омовывают перемони и т. д. [131, с. 308]. У хантов П. Шейбид не мог найти лаах у лаахей и мешены как предков фратрии Пор [34, с. 149].

У северных обиходных лаах много рассказов о существе *лаах* (хант.), *лаах* (лаах). Они близки лесным духам, но Сосае их считают детьми мешены. У других групп они называются просто лесными людьми. Они живут в лесу, имеют семью, их женщины издают звуки крика и призывности. Лесные лаахи отзываются на лаах, имеющих особые призывы, соблазны или служат мешены или собакам с палочками шкур на плечи. Жилые лаахы очень богаты, обидчивы мешены, у них много соблазнов шкур. Они дают охотничье счастье.

Из всех животных у хантов и мешены шибобили или примитивный лаах-лаах лаах, который занимает значительное место в их фольклорных представлениях, верованиях, обрядах и воображаемом искусстве. Как уже говорилось, медведь считался мифологическим предком фратрии Пор; по другим вариантам, он имеет небесное происхождение (его отец — Нун-Торум). О других мифологических функциях лааха см. ниже, в разделе, посвященном анализу текстов о медведе.

Самым ярким проявлением его культа был спорадический и периодический обряд, называемый медвежьим традиционным или играми. Этот этнографический феномен описан в классической исторической этнографии урочищами [26; 37; 64; 77; 82; 101; 111; 115; 116 и др.]. Одной из особенностей обрядовых церемоний обиходных лаах, отличающей их от медвежьих обрядов у других народов (культ медведя распространяется широко — от Скандинавии до Канады; см. [132]), были драматические представления, вошедшие в обряд, описаны в этнографических источниках и в ряде собственно обрядовых действий (отдельные тексты в целом тона мед-

песенки, посвященные чужакам и мясцам, опубликованы в сборниках и филологических ученых: см. [24; 25; 115 и др.]).

Этот сказанный в на до конца мысленный култ получая в литературе разные объяснения. Одни видят в медвежьих дерюжках желание померить медведя (дугу) с убиением его стоговными (что обусловлено представлениями о медведе как о предке), другие — стремление к его возрождению; в медвежьих празднике отсутствуют и элементы погребального обряда.

Основная схема спорадических обрядов, устраиваемых весной раз, как на охоте бывае убит медведь, по данным В. Н. Черникова [101], сводится к следующему. Дубка медведя, охотники делают вид, что случайно встретили своего «младшего брата». С медведя снимают шкуру с годового и лапами и доставляют ее домой. При этом следуют очистительные обряды, и доме медведя встречают и угощают. Печером пишется правдо, который дается пять почей, если добыт медведь, четыре — если медведица, и двести — если медвежонок. Каждый ночь пачивается с того, что три человека исполняют песни или рассказывают сказания о происхождении медведя и его жизни. За ними следуют «танцы предков» отдельных осваиваемых групп, мужские, женские и коллективные танцы, драматические действия сатирического, по часто с сепарального характера, снова мужские, женские и коллективные танцы, после чего приступают к поеданию мяса медведя. Затем выполняются очистительные обряды. Последняя ночь считается особенно важной и делится на две части. Первая часть проходит по обычной программе, после чего все начинается как бы сначала: поют песни и рассказывают сказания про медведя, но затем появляются среди самых высоких ралгов: Казтевель, Мар-суель-тум и др. После традиционных мужских, женских и коллективных танцев начинают драматические представления, но это уже не фарсы, а скорее мистерии, наполненные глубоким социаль-религиозным содержанием. Действия оканчиваются после сильной утраты. После шутливого приношения и различных церемоний голову медведя уносят на священное место в вышнюю на дереву. Здесь же складываются берестяные маски, посохи, свилцы и прочие предметы, которыми пользовались на празднике.

Кроме этого спорадического медвежьего праздника существовал и иной, периодический цикл обрядов, исполнявшихся в селениях Пенакоры (халт. Пен-вош, мисс. Нил-ус «Священный город») и Тегг. Первое считалось кузнецким центром Фратрии Пор, где обитает дух Пен-вош-оика. Нил-ус-оика, являющийся для обитателей. Как человек он называется «Старик Священного города», а как медведь — «Ногтестый старик». Здесь находится общинный дом, предположительно для обрядов и празднеств. Обряды (игры) в Священном городе происходили в строгой периодичности: они повторялись в течение семи лет, после чего наступала семилетний перерыв. Игры начинались в конце декабря и заканчивались в весеннее равноденствие. В них выделяется несколько периодов.

В фольклорном отношении наиболее интересен первый период, длившийся четыре ночи. Он относился к песням и сказаниям про медведя и танцам родовых предков. Здесь особое значение придавалось сказаниям о происхождении людей Пор, об установлении обрядов медвежьего праздни-

ники и табулки мяса медведи. В последующий период «играли», проматывая от времени к следующему различным труппам, но главным образом устрояли драматические представления. Самой главной была завершающийся феи. По содержанию она напоминает вторую половину последней ночи спорядоческого медвежьего праздника, но количественно драматический сценарий значительно больше, а не сюжет — разнообразнее. Окончания же действительный сильно различались. Завершался мифологический праздник сценкой прихода медведя, который уносился использоваться по ярмарке игр предности и кустовым амбарам, находящийся в лесу. По мнению П. П. Чернышова, спорядоческий медвежий праздник более позднего происхождения и является сокращенным вариантом медвежьих фратриальных действий.

Описанные обряды несли не только сакральную нагрузку. Означено, что был праздник, на котором получаются большой добычей и медведь должен мушкетеру охотника и его семье при убийстве медведя; ведь и представлении народа он причисляется почти к сверхъестественным существам. Не менее важно и то, что медвежий и праздник служат удобным поводом для встречи людей в лесу, наедине с собой. Эти обряды несли различное и трудную повседневную жизнь, символы напряжения, комически-критически сцену играли воспитательную роль.

По современным понятиям, это был фольклорный праздник. На нем требовалось исполнить 340 песен и сцен. Кроме собственно «медвежьих» сцен исполняли и различные песни, дуэты, исполнявшиеся обычно на специальных местах, героические песни, сказки, а в последние годы — частушки. Таким образом, медвежий праздник стал как бы аккумулятором фольклорной традиции, традициям сохранять и развивать ее. Со временем, особенно после установления Советской власти, он стал терять свое религиозное значение и приобретать черты светского праздника. В настоящее время отдельные сцены медвежьего праздника исполняются на концертах во время официальных праздников, на фестивалях народного творчества и т. д.

Почтение других животных имело менее разветвленные формы (см. работы К. Ф. Карлавайнна [120] и А. Кашинского [115]). У некоторых трупп хитов и жаворонков (равно по количеству с медвежьим) считалась злая. Ему приписывалась небесная происхождение, и полагали, что изначальной речью в разговоры о нем употреблялись подставные названия. Существовала и «дождливый праздник», но в более скромных формах, чем медвежий [67, с. 86]. Для обеспечения удачного промысла прибрежными лоси выдвигались охотники.

Пока считался у людей составлен злой духа Куна. Его тоже называли злым, охотничьим, но его также считали и вымышляли моря. Особым было отношение к мушкетеру: Лисе, кунице, россомахе, бобру, выдре, соболю, а также и к птицам: гадюке, вороне, филину, рыбному, кукушке, ласточке, синице, ласту. Пресмыкающиеся, как поросенки несли много вреда, называли их охотниками. Зоям, нисириту и ластушке считалось убивать ил мучить. Определенные запреты соблюдалась в обращении с рыбами.

В фольклоре и верованиях обских ургов наряду с реальными представителями животного мира фигурировали мифические животные существа. Показательно было название гигантского животного Вж: Мун-тор (заяц), Штукля (мышь), переносимое обычно на русский язык как «жа-

монг». Он рисовался в облике рыбы, дель, медведя, собачки, сетаками его считались бипини, находясь по берегам рек. Считалось, что мамонт живет в воде, в водоноротах рек и скрывает, а него превращаются очень старые люди и рыбы. У манси Северной Сосны это и водной дух. Другое мифическое животное — Кир — унодобяется мамонту и вилорне. У северных хантов известны, кроме того, Вурес, лежащий поперек Оби и мешающий ходу рыбы.

У северных ургов широко известен образ птицы Карс, или Тухланг-Карс (хант.), Товымг-Карс (манси) «Крылатый Карс» [41: 98]. Его представляли подобной гигантскому орлу или грифу. Ханты реки Агая рассказывали нам об очевидцах прилета Карс в те места. По описаниям ирландских хантов, это птица «сглаженной» волочими, несущая человеческую голову с большим клювом. Непосредственно на руках у нее два сильных крыла, а на руках длинные и острые ногти. Тухланг-Карс обладает необычайной силой — ей ничего не стоит перенести на спине человека. Кроме того, птица обладает разумом и человеческой речью. Ко редким — темные моря и воды на бере, откуда они иногда приходят на север [41, с. 123]. Эта мифическая птица не является объектом почитания. По отношению к людям Карс выступает чаще всего как враждебное существо.

Следует упомянуть и об особом отношении к некоторым домашним животным, в первую очередь к собаке. По воззрениям хантов и манси, она способна вступать в связь с миром духов и миром мертвых. Однако в первую очередь она считалась тесно связанной с человеком, настолько, что убитую собаку приравнивалось к убийству человека. Очевидно, этим отношением обусловлен тот факт, что у обских ургов собаку приносили в жертву лишь в исключительных случаях [79]. Доживая, напротив, играла очень важную роль в качестве жертвенного животного даже у тех групп хантов и манси, которые не могли содержать дождев и силу суровых природных условий. Постороние замечательные духи, в первую очередь Мир-суше-хум, представлялись всадниками; согласно мифам, табунами коней владеет и небесный бог. Очевидно, это пережиток тех далеких времен, когда у хантов предков обских ургов существовали коневодство, барановодство и скотоводство, основанные в дождевой олене. Любопытно, что у некоторых групп зафиксировано особое отношение к волке, хотя держать ее в доме не было принято.

Мир сверхъестественных существ в верованиях хантов и манси очень разнообразен, и можно назвать еще целый ряд зооморфных и антропоморфных обитателей. Прелез замечало, что предположительно Н. Ф. Барзильяшвили справедливо: вряд ли удастся кому-либо составить полную картину этого фантастического мира, хотя современные этнографы и продолжают изучать некоторые сведения и духи.

Оставались на представлениях хантов и манси о сущности человека, его рождении и смерти (этому вопросу посвящено много работ; см. в основном [67: 102; 115: 118]). Нет единого мнения о сущности души или души, их количестве и взаимоотношениях. По мнению К. Ф. Барзильяшвили, существовало две души: душе-дхаванг (хант. *душа*, манси *душа*) и душе-тедь (хант. *ис. душа*; манси *ис. душа*). В. Н. Чернов выделяет у мужчин пять душ: душа-тедь, уходящая душа, сонная душа, отсутствующая мо

время сна в образе глущарки (улуи ис), реннириврующегося (т. е. возвращающегося) духа, являлся еще одна реннириврующаяся либо ею считалась спящая; у женщин были первые четыре души. Рождение, взращивание, болезнь, сон, сборщик, смерть, неустойчивая жизнь — все это связывалось с наличием, отсутствием или спонтанным уходом либо разрушением души (жизненной силы).

Рождение детей зависело, по воззрениям хантов и манси, от женского духа, носителя имени Катас, Торун-янки, Путо. Она дает повторившемуся дуну, ялси, алаа, а после появления ребенка на свет её приносит жертву. У северных групп было принято, чтобы женщина во время беременности жила в отдельном «маленьком» доме. Это было связано с обычаями самоизоляции женщины в определенные периоды. Заметим, что и в обычное время женщина должна была соблюдать ряд запретов: не переступать через некоторые предметы, особенно через различные спаривание мужчины, не приближаться к изображенным некоторым духам и т. д.

Важнейшей причиной заболеваний считалось «спадание в беду» одной из душ, отдававшейся от тела. Ее могли увести умерший родственник, дух мирного мира или другие духи, желающие причинить человеку зло. При лечении применялись такие меры, как скручивание (жизни для человека), прием полезных сведений, магические действия и жертвоприношения. В тяжелых случаях вернуть душу мог только шаман.

Час смерти, как считалась у хантов и манси, определял человек небесным богам или духом Катас. Родственники сразу после наступления смерти начинали готовить покойного к последнему путешествию. На него надевали лучшие одежды, закрывали ему глаза. Умершего одевали, а глаза траурно распускали козлом, надевали нахобные повязки и т. п. Покойник находился в доме недолго, его выносили в тот же день или, самое позднее, на третий день. Последним прибежищем мертвому служили гроб либо лодка. Детей хоронили в казубегах, а мертворожденных заворачивали в платок и помещали в дупло дерева. В гроб клали необходимые предметы быта, пищу, табак, деньги и пр. Перед выносом гроба устраивали угощение умершего, вынос происходил по определенному ритуалу. Гроб либо несли, либо несли на санях или лошадях, тащили из нартх или доставляли на лодке.

Казубеги располагались недалеко от поселения, на холмистом месте. Гроб, завернутый в бересту, опускали в могилу, и над ней строили избушку. В северных районах иногда тело клали прямо на землю, и набушку. В ней было специальное для угощения умершего во время поминал. На могиле или рядом с ней оставляли крупные предметы, принадлежавшие умершему: лыжи, лук, гаргы и т. д.; при этом могли умершему поправляли. В некоторых районах сразу после погребения у могилы устраивали угощение с закланием домашнего оленя. Иногда это делали позже. В ходе похорон в некоторые время носки их следовало соблюдать определенные предосторожности, чтобы умерший не унес с собой чью-либо душу. В жилище умершего носью горел огонь, в темноте никто не выходил из дома. Траур продолжался и после похорон. Для удовлетворения жизненных потребностей, которые умерший якобы сохраняла некоторые время, ему неоднократно устраивалось угощение — по-

мации. Считалось, что он сам может потребовать помощи, даже об этом пласть звоном в ушах. У северных групп существовал своеобразный обычай изготовления куклы — изображения умершего. Некоторое время ее держали в доме, а затем помещали в социальное погребальное избушку либо надгробие в некроле.

Согласно обско-угорским представлениям, жизнь человека не заканчивается со смертью. Умерший и отделившийся от него душа жили на кладбище, а если человек умер на чужбине, то на родном кладбище воспринялся его дух. Нижний мир как прибежище умерших представлялся только парящим земного: в общем тем же так же, хотя безрадостнее, чем на земле. Свет там очень слабый или отсутствует вообще, дня мало. Постепенно сложилось мнение, что покойника ожидают там страдания, наказание за зло, совершаемое на этом свете, и т. д. Появились представления и о побе над прибежище умерших [118, с. 154—159].

«Однако не все покойники попадают в приют мертвых. Будь он под землей или над землей, он небе», — говорил К. Ф. Карьалайнен [118, с. 161]. Считалось, что иногда умершие тем и духи выступают при сжигании трупа, возмездием была жизнь после смерти и при сплитии свелды. Последний способ расправы с врагом, фигурирующий в фольклоре, опираясь, таким образом, его полное уничтожение. Мертворожденный ребенок, умерший в утробе (или ребенок), а также человек, проклятый матерью, не попадали в мир умерших; некоторые из них превращались в сверхъестественные существа, например в Поча (см. № 60).

В некоторых районах существовало представление, что жизнь в мире мертвых течет наоборот и человек, уменьшившись до минимальных размеров, умирает окончательно, превращаясь в духа и в этот облик является родственникам. Иногда душа усопшего может пасть новую земную жизнь, вселившись в новорожденного ребенка.

В народных верованиях бывший герой либо человек, обладавший при жизни необычайными способностями или знаниями, превращается в духом. Народная поэзия дает много примеров жизни, как герой-полководец, а иногда и побежденный герой ищет в «духа», призрачно-мечтательного существа и борется на нем. Иногда с умершими связывают происхождение башкирских духов, особенно дождливых.

Одним из характерных черт обско-угорской религиозной практики являлось существование многих домашних особей дух, выходящих своим сверхъестественными способностями, имеющих дар общения с духами и обладающих возможностью воздействовать на человека и его судьбу. Из этого для людей являлись источником и опасности от того, что способны под термином «шаман» или «шаманство». Авторы XVIII и XIX вв. оставили в «решах», или «шаманствах», в бодее поэзии — о «шаманах» и, кроме того, о шаманских, колдунах и т. д. Следует отметить, что сведения о верованиях в шаманство значительно неполны. Видно, этот общественный институт у обских угров был мало заметен даже шаманов в глазу своей деятельности. Наиболее подробные сведения о верованиях людей приводит К. Ф. Карьалайнен [120], А. Каниско [112] и В. М. Кузьмин [68].

В. М. Кузьмин считает шаманство (хвент, бодее ку, шаман, колдун) особым духом, выходящим из группы колдовских шаманов (хвент).

тачи; избраннычество духами и приобретение от них шаманского дара, способность входить в общение с духами и быть посредниками между ними и людьми, приведение себя в экстатическое состояние для выступления в тайль с духами, наличие особых ритуальных жестов, типичного разнообразия функций [68, с. 123]. Автор убедительно показывает, что в отличие от многих других народов Сибири у хантов и манси шаманство имело слабооборудованные формы. У них редко встречалось наследование шаманского дара и отсутствовали всякий из жоб его приобретения, функции шаманов были довольно строгими и не выработались специфически мансийский способ зечения, не сложились единый тип мансийской оджды и бубна, шаманство не стало сие профессиональ [88, с. 118—134].

Очевидно, слабым развитием шаманства объясняется малое количество записанных и опубликованных рассказов о шаманах. Редко упоминаются они и в фольклорных текстах. Возможно, именно в такой период, при котором в фольклоре обнаруживается немало следов шаманства. Например, изготовление Лива-ны рисом стрелы из говели, потеря им частей тела на пути к колдуну царю интерпретируются как символы шаманской инициации [123, с. 21].

У хантов и манси зафиксированы и другие категории особых лиц, из них для нашей темы особенно интересны фигуры сказочника и певца. К сказочнику (хант. *жакча-кэр*) являлся обращаясь за помощью болельщик. Он рассказывал сказки, в которых упоминались возможные причины заболевания, и в эти моменты больной чувствовал облегчение, перелавшееся сказочнику. Он давал совет больному, что нужно сделать для излечения или предупреждения болезни. Исполнителю инфантильных и глупых песен (хант. *оралче-кэр*) приспосаблилась способность прикладывать судубу, излечивать больного с помощью духов, вылавляя игрой на 3—5-струнный щипковый музыкальный инструменте *нар-кэг*, *панк-кэг* (хант.), *самыкытэл* (манс.), либо посредством одних лишь звуков, издаваемых из инструмента. Считалось, что игре на музыкальных инструментах может научиться далеко не каждый, а лишь тот, кто вступил в связь с духами (см. М 57).

Существовали также «музоморщины» (хант. *панка-кэр*), вступающие в связь с духами после съедения психотропных мухоморов и исполняющие особые «музоморщные» песни. Мухоморы употребляли и шаманы. Заместной фигурой был также наследственный или назначенный на определенный срок хранитель изюма на священном месте (хант. *толь-урт* «господин, слуга тайль духа»). Упоминаются и специальные собрания посвященные для дивических духов. Выделялись также люди, обращавшиеся к богам и духам во время коллентальных жертвоприношений (хант. *малта-кэр* «молящийся человек»). Широко известны были провидцы, ворожее, лехаря и другие категории (хант. *челом-кэ-лоб* «ворожее, колдун», *гелен-лоб*, *чиге-кэр* «предсказатель», манс. *жидыма* «ворожее», *качичлер* «пахарь», *шурка-гуд* «колдун» и т. д.). Возможно, это были предшественники шамана, вошедшего в себя их функции, атрибутику и пресмы [68, с. 125—126].

Интересно звучит в фольклоре и обрядового фольклора. Печаль сибиряков произведений устного народного творчества хантов и манси

положили их родственники по линии — финны и венгры (обзор опубликованных материалов см. в [66; 70; 71; 107; 121; 134]). Известный финский исследователь А. М. Нестор в время путешествий в хантам в 1843—1844 и 1845 гг. наряду с лингвистическими и этнографическими материалами записывал образцы их фольклора; опубликованы лишь некоторые из них [49]. Первым выдающимся собирателем был венгерский ученый А. Регули, работавший среди северных хантов и разных групп манси в 1843—1844 гг., однако свой огромный материал он не смог при жизни ни опубликовать, ни даже расшефровать. В 1858, 1877 и 1880 гг. фольклорные тексты северных хантов и некоторых групп манси записал финский ученый А. Алквист. Они опубликованы после его смерти [12; 13]. В 1886 г. начались трехлетние поездки русского этнографа С. К. Патканова к разным группам хантов и манси, в ходе которых он записал в 1888 г. жанрово-тематические тексты, опубликованные затем на хантыйском, венгерском и русском языках [41]. Этот том остался владеть до настоящего времени единственной вышедшей в нашей стране сошедшей научной публикацией обско-угорского фольклора с текста-ми на языке оригинала.

В 1888—1890 гг. для расшифровки записей А. Регули и дальнейшего изучения мансийского языка в фольклоре венгерская Академия наук направила в экспедицию Б. Мукача. Обе задачи были выполнены, и в итоге были подготовлены четыре тома мансийского фольклора с переводом на венгерский язык и три тома комментариев со словарем. Они вышли в 1892—1903 гг. [29—35]. Два из них [33; 35] были изданы после смерти Б. Мукача Б. Кальманом.

К хантам и энцелотам продолжил в 1898—1899 гг. П. Павлов. Он расшифровал северохантыйские записи А. Регули и собрал новый богатый материал. Ему, как и Мукачу, не удалось увидеть при жизни не только публикации, но и полной подготовки и печати результатов своих трудов. После смерти П. Павла издание его последних продолжили Я. Фазеншт и И. Ереби, а хантыйские материалы А. Регули — М. Жаран и Д. Р. Фомин-Фурс. Эти тома публиковались с 1905 по 1972 г. на хантыйском, венгерском и немецком языках [37—60; 44—46].

В конце прошлого столетия (1898 г.) началось и в начале нашего века закончилось длительное путешествие в хантам К. Ф. Карьялаинен, а в 1901—1902 гг. среди них работал Х. Пасселли. Оба финских ученых рано умерли, не подготовив и издав свои фольклорные материалы. В 1970-х годах в рамках финско-венгерского культурного соглашения венгерская исследовательница Э. Вертеп начала подготовку этих материалов к изданию, некоторую помощь ей оказал советский лингвист И. И. Терещин. В результате южнотюменские тексты обеих собирателей уже вышли в свет [28; 36], а в настоящее время и печатаются южнотюменские материалы.

В 1901—1902 гг. у разных групп хантов и манси был собран огромный материал еще одним финским ученым — А. Кайнасто. Он лишь частично подготовил его к публикации, а довел до конца систематическое издание М. Линьмала, содвиг тем (сказки) вперед при участии В. Зарас; все серия издана в 1951—1982 гг. [21—27].

Если в дореволюционный период значительный вклад в собрание обско-угорского фольклора внесли зарубежные ученые, то после Великой Октябрьской социалистической революции изучением языка и фольклора народов Севера, в том числе хантов и манси, активно занимались отечественные специалисты. Среди них в первую очередь необходимо назвать В. Н. Чернецова. В 1927–1938 гг. он неоднократно записывал образцы фольклора разных групп манси. Небольшая часть текстов, переведенная им на русский язык, была опубликована в 1935 г. [40]. Из основной материал хранился в его личном архиве, поступившем после кончины ученого в Томский университет. Кроме записей на мансийском языке в архиве имеются переводы на русский, некоторые из них вошли в науч. сборник. В 1933–1934 гг. среди советских и ленинских манси занимался сбором фольклорного материала И. И. Андеев, опубликовавший в 1936 г. медвежьи песни в переводе на русский язык [4]. В эти же годы на Сосьве и Оби изучал устное народное творчество манси А. И. Валадица, а в 1938 г. он записал тексты у хантов реки Вах. Он издал два небольших сборника мансийских сказок и песен с переводом на русский язык [3; 4]. В 1934–1937 гг. образцы северохантыйского фольклора записал немецкий ученый В. Штейниц, работавший в Институте народов Севера (г. Ленинград) и побывавший в хантыйских селениях. Его материалы введены на хантыйском и немецком языках в 1936–1950 гг. и переведены в 1970-х годах [50; 51].

С 1940-х годов начинается собрание произведений устного народного творчества хантов и манси представителями национальной интеллигенции. С 1947 по 1950 г. большое количество текстов сказок и восточных хантов записал Н. И. Терепкин, они хранятся в семейном архиве, и лишь некоторые из них опубликованы. Среди манси в 1951–1955 гг. работала Е. А. Кузнецова. Большая часть ее материалов впервые публикуется в науч. сборнике. В ходе нескольких поездок 1956–1965 гг. и северным манси собран значительный материал Е. И. Ромбандеевой. Он хранится в личном архиве собирательницы.

В 1957, 1958 и 1968 гг. венгерский ученый Б. Нальман при сборе данных по языку и фольклору работал с мансийскими студентами и аспирантами (северный и восточный диалекты), учившимися в Ленинграде. Тексты вскоре были опубликованы на мансийском, немецком и венгерском языках [19; 20]. Одно издание подготовлено им совместно с Е. И. Ромбандеевой [47]. Соотечественники П. Нальмана К. Реден записал в 1964 г., тоже в Ленинграде, произведения устного народного творчества от молодых хантов реки Назы, они увидели свет на хантыйском, венгерском и немецком языках в 1960-х годах [42; 43].

Этнографы В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина во время экспедиций 1969–1983 гг. записали и опубликовали рассказанные по-русски фольклорные тексты восточных хантов [6; 7]. В 1979–1983 гг. у северных хантов побывала венгерская исследовательница Е. Шимэт, собиравшая главным образом песни. Можно назвать еще ряд научных экспедиций, а точнее, персональных материалов, опубликованных ранее [15; 16; 48 и др.]. Многие публикации прозаических текстов, как отрывки, так и помещенные в сборниках или монографиях, в данном обзоре не учитывались.

Заслуживают упоминания многие советские собиратели старшего поколения, чьи материалы не публиковались либо издавались небольшими тиражами и остались малоизвестными. Это А. А. Амольск, В. В. Семенов-Гурский, П. К. Животовский, Д. В. Зельцберг, Л. П. Калашникова, Н. К. Каргер, А. И. Кертана, Е. А. Немцова, М. Озеров, А. Г. Поддестин, Н. Ф. Пряткова, Ю. И. Русская, А. И. Сайнахова, П. Е. Хитяевская, К. А. Хвастай-Муза, И. И. Чирюшова, П. Е. Шенкин. Много образов фольклора своего народа писателям передавал поэт Ю. Шестаков, записавший эпосы К. Айыма. В наши дни их дело продолжают молодые представители национальной интеллигенции, такие, как Н. О. Сайнахова, В. И. Соловар (Нижнекамск), Л. А. Таранута и др.

Говоря о собирании, публиковании и анализе обшочно-устного фольклора, нужно иметь в виду, что это делал главным образом лингвисты и этнографы, которые воспринимали фольклор как источник языковой и исторической информации, фольклористическим же аспектам уделялось значительно меньше внимания. Между тем фольклор таит в себе — это увлекательный пазл, в котором отразились все сложности и своеобразно культуры двух сибирских этносов, связанных древними корнями со многими финно-угорскими народами, приживавшимися в Барце. В пазл этой культуры очень быстро откликались от первых, несовершенных и по очень высоким оценкам устного народного творчества хаотичных и хаотичных, высклазанных, например, А. Алешинским и О. Финном. Уже в XIX в. их позвали по краеведческой и научной ценности собирать с Каскалов.

Фольклорные жанры в обшочно-устном творчестве. Трудность изучения хвастынского и маюнского фольклора связана со сложностью вопроса о жанре в целом. В рамках архаического фольклора трудно выделить даже миф и сказку, не что не раз упоминала знаменитая краеведка М. И. Сибилан-Каменинская пишет: «Несмотря на то что исследователи мифа занимаются целым рядом вул., в что существует обширнейшая литература о мифе, основное в нем остается загадочным» [95, с. 4].

Для отнесения мифа от сказки выдвигались различные критерии. Е. М. Мелетинский предложил выделить из оптимального набора различных признаков (названных представителями разных точек зрения) самые коренные, специфические, необходимые черты, т. е. их минимальный набор в его возможных вариантах. Этот минимальный набор включает, по его мнению, прежде всего следующие признаки (сказка условно соответствует негативной оценке): достоверность — недостоверность, наличие эпитетов — его отсутствие, коллективность (космичность) объекта изображения — его индивидуальность [74, с. 139–146].

У обских угуров дело осложняется еще и тем, что целый ряд их мифов и преданий воспринимались в песенной форме, а некоторые культовые песни, в частности песни мифического содержания, имеют сюжетную организацию и, таким образом, подаются теми же способами с обшочно-устным фольклорными жанрами.

Классификация жанров устного народного творчества обских угуров разработана слабо (см. [7; 29; 41; 53; 54; 64; 69; 107]).

Как известно, при определении жанра могут наблюдаться расхождения

у народа — носителя фольклора — и у специалистов. У самих хантов и манси существуют специальные термины для различных фольклорных жанров³. Нам будут в первую очередь интересовать обозначения, использующиеся применительно к разному рода повествовательным формам, т. е. к тем, в которых есть сюжет. Это прежде всего термины: 1) *маньтэ*, *маньтэ*, *маньтэ* (хант.), *маньтэ* (манс.); 2) *маньтэ*, *маньтэ* (хант.), *маньтэ* (манс.); 3) *маньтэ*, *маньтэ* (хант.), *маньтэ* (манс.).

Подкатегория этих основных категорий выражаются дополнительными определениями, например: манс. *маньтэ-маньтэ* — священные сказания, *маньтэ-маньтэ* — священные песни; хант. *маньтэ-маньтэ* — старинный рассказ; манс. *маньтэ-маньтэ-маньтэ* — старинный рассказ; хант. *маньтэ-маньтэ* (манс.); манс. *маньтэ-маньтэ* (маньтэ), *маньтэ-маньтэ* — героические или военные песни (сказания).

Интересна семантика термина *ар-арьтэ-арьтэ*, известного по всем диалектам ханты-мансийского языка и значащего «песня», «старинная песня», «песня». У хантов он выражает такое понятие «старый, древний». Они называют своих предков *ар-арьтэ*, *ар-арьтэ* (из «народ»), одно из наших информантов перевел это как «первобытные ханты». По сообщению Е. Шмидта, по отношению к давлению сказочной вещи в песнях могут употребляться формулы «слова сказочного человека». О культурной функции песни и рассказывания мы уже говорили в связи с особой категорией лиц, совмещавших в себе роли сказителя и производителя-артефакта⁴.

Термины *маньтэ* и *маньтэ* (хант.) — «рассказ» являются однородными со словами «речь», «разговаривать», «общаться» и т. д.

Термины *маньтэ*, *маньтэ* принято обычно переводить как «сказка». Следует, однако, учесть, что в фольклористике одним из критериев выделения сказки служит обычно наличие или отсутствие веры в действительность рассказа. В. Я. Пропп, разбирая миф и сказку, писал: «Одно из характерных свойств сказки состоит в том, что она основана на художественном вымысле и представляет собой фикцию действительности. В большинстве случаев слово „сказка“ есть синоним слова „ложь“, „вымысел“ [5, с. 149]. Это суждение, касающееся европейской волшебной сказки, неприменимо к фольклору хантов и манси. Для всех жанров обско-угорского фольклора характерна установка на достоверность, так как верят во все рассказанное, хотя в народе существуют и такое мнение: в прозе выдумывать (арьтэ) можно, а в песне — нельзя. По справедливому замечанию А. И. Баландина, в представлении самих хантов и манси понятие «сказка» имеет более широкое значение. Он считает, что если рассматривать мансийскую *маньтэ* с точки зрения восприятия и осмысления народа с учетом ведущих социальных мотивов и формальных особенностей, свойственных им различным видам, то следует выделить три основных типа: мифологический, героический и бытовый [5, с. 11]. Ближкое деление отражено, с нашей точки зрения, и в народной терминологии, и первым отнесены старинные или священные сказания *маньтэ-маньтэ* (хант.), *маньтэ-маньтэ* (манс.); во вторые — героические или военные сказания *маньтэ-маньтэ* (хант.), *маньтэ-маньтэ-маньтэ* (манс.); и третьим — просто сказки *маньтэ*, *маньтэ*. При сопоставлении обско-угорских наименований жанров с принятыми в фольклористике получается следующая картина. Священные и старинные сказания попадают в жанр мифов; героические сказания и старинные

рассказы — это так называемые «богатырские сказки» (по терминологии Е. М. Мелетинского) и прозвания; рассказы *летим*, *земы* — это бытовые рассказы и баллады; поэтке бытовых сказки во многом совпадают с народной и научной классификации.

В народной жанровой классификации обско-угорского фольклора отражены представления о существовании нескольких эпох: 1) семин древний ора, время первооткрывателя (именно *же-уче-оис* — «младший тыфрин»; 2) «богатырская эпоха»; 3) эпоха хантыйско-мансийского человека». Према действия предков фратрий северных обских угров Пор и Мось иногда выделяется в самостоятельный период, но чаще оно причисляется к «богатырской эпохе». В ухорских текстах всегда ясно, о какой из эпох идет речь, поскольку в народной классификации существуют определенные связи между временем действия и темой повествования. Там, рассказы о первооткрывателях, о первом, о древних духах высшего ранга, в путешествиях культурного героя в разные миры, о спуске человека с неба, о превращении героя в духа и нападении на культурных вест — все это связывается с тем старинными именами.

Повествования о богатырях, их военных походах и сражениях — это военные или героические сказания о богатырях. В них часто упоминаются определенные места действия — городки и поселения, иногда существующие и ныне, а в конце сообщается, что герой стал духом-покровителем этой территории.

Сюжеты старинных рассказов посвящены встречам людей с духами — объектами верований, на первом плане присутствуют мифологические образы. В балладах и рассказах о недавних событиях называются конкретные люди, с которыми произошли описываемые происшествия.

Определенным ориентиром при выделении жанра могут служить также имена и функции действующих лиц. Так, самый популярный герой мансийского фольклора и мифа о девичьей эпохе выступает как культурный герой и иногда носит труднопередаемое имя Тарыг-нещ-палак-сок; в героическую эпоху он имеет различные богатырские имена, например Богатырь, Носильщик Озему и Вороником из Черного Собаляного Межа. В человеческую эпоху в сфере мировоззрения он выступает как общепочтительное божество, носящее чаще всего имя Мир-суси-хум, а в сказках он — лирический трагист по имени Эва-пырыс, который дурит своих шриотавляков, или инновационный герой, борющийся против угнетателей.

Предполагаемая классификация жанров является весьма условной, она ни в коей мере не может считаться окончательной и безоговорочной.

Разделение на жанры по признаку сюжета и героя затрудняется, например, тем, что мифологические фигуры (духи, божества) часто, как говорилось, выступают в образе богатырей *отаров*, т. е. не всегда можно отделить мифологическое сказание от богатырской поэмы. Полагая, будучи приращенным к духам-покровителям, функционирует в качестве сакрального жанра, т. е. является не просто «народным». Героица мифологических персонажей оказалась настолько сложной, что развилась новая серия исторических эпических и сказаний, относящихся не к мифологическому, а к богатырскому эру.

Сюжеты об Эва-пырысе или Цим-хиты, о Мось и Пор называются в народе *манаты*, *мобт*, т. е. просто сказаниями, но среди них имеются и те,

сты, к которым, с нашей точки зрения, более подошло бы обозначение «мифа» (например, № 25, 124, 133, 135), а парад с пими и связью явно позднего происхождения (№ 141, 143).

У хантов и манси получили широкое распространение сказки, заимствованные у восточнославянских или степных народов; особенно много их у южных групп. Популярны и русские сказки *русь-моясь* (хант), *русь-жой* (манс). В них обычно действуют няри и сыдаты, осы и купцы, фигурируют различные волшебные предметы и т. д. Однако даже заимствованные сказки нередко подвергаются мифологизации в силу действия установки на достоверность повествования. По наблюдению Е. Шмидт, хороший сказитель может признать русскую сказку и своим героим и закончить формулой: «онши и стын таным-то духам». Сходные примеры есть и среди публикуемых текстов (см. № 10).

Вопрос о жанрах осложняется еще и тем, что в обско-угорском фольклоре одна и та же сюжет мифа или предания может быть исполнен либо в песенной форме, либо в прозаической, либо в форме ритмизованной прозы [14, с. 9]. Показательно, что песенная форма была характерна для ритуальной обстановки, т. е. она бы в присутствии сверхъестественного существа, в честь которого и исполнялась песня. То произведение, которое выговаривалось на ритуальном комплексе, скоро утрачивало и песенную форму, хотя продолжали сохранять некоторые обрядовые черты, табуировалась и т. д. Можно предположить, что в древности существовала ритмизованная форма исполнения, где музыкальный «мотив» состоял всего из нескольких слогов (3–5 слогов — полуопевка) и имел два-три близких варианта, которые бесконечно повторялись, организуя текст по метрически правилам. Такое исполнение представляет собой нечто среднее между песней и прозой и звучит в определенном тембре и с определеннойintonацией. Слогам этого типа иногда наблюдаются у северных хантов и ханси, а также у восточных хантов [105 и устные сообщения Е. Шмидт].

А. П. Балазанин приводит мнение А. Наннесто, что по форме различие между хантской песней и «песней» (т. е. *сигеленг*) почти очень незначительно [54, с. 13]. В песне между языком стилизируются отдельные отрывки чистой прозы, а сами саги могут иметь обычные поэтически украшения, ритм, параллелизмы и аналитерия, так что иногда трудно определить, являлся ли мы дело с песней или с сагой [54, с. 13].

По наблюдению Е. Шмидт, мифологическая песня отличается от сказания не только формой исполнения, но и большей каноничностью. Выучить дословно крупное произведение невозможно, и потому, несмотря на стремление точно воспроизвести текст, даже священные песни варьируются. Однако в песенной форме такие элементы, как композиции, сюжетные ходы, функции героев, эпитеты, формулы, параллелизмы и т. д., сохраняются лучше. Менее устойчивы элементы микроуровня художественной ткани: распределение вставок для соблюдения метрики и структуры параллелизмов (они могут меняться даже у одного и того же сказителя в рамках «предельного произнесения»). Иногда меняются формы изложения событий с точки зрения разных лиц или вообще лицо повествователя (например, 1-е на 3-е), места вхождения диалогов и др. Вариирование микроструктурных элементов (мотивов, а иногда и целых сюжетов)

выражается в том, что они могут прикреститься к другим героям, однако такие вариации не встречаются у одного и того же исполнителя.

В качестве примера различий, которые при этом возникают, приведем рассказ В. Штейнбаха из привычной версии на фольклора у явотин. Старый хител спел песню, где речь шла о семи намошленных женщинах Пор. Затем для зыбки он решил ее не спеть, а рассказать. Фратривалые имели Пор и Мось хиты скрывают от чужих, и в рассказе вместо женщины Пор фигурировали просто «женщины, собирающие ягоды». На прямой вопрос «собирали», не была ли эта женщина Пор, сказавшая ответила отрицательно. На следующий день В. Штейнбаха попросили его спеть песню строку, чтобы описать мелодию. В песне снова появлялись женщины Пор. В. Штейнбаха заключает: «Я правильно рассчитал: я неини, где передается твердо установленная традиционная форма, он ничего не мог изменить!» [130, с. 105].

По мнению Е. Шнейд, выделенному в устной беседе, прозаическое сказание в рассказ также различаются степенью художественной оформленности: по ее выражению, у них разный «художественный код». Связано это с присущими определенным формулам, их называют так, как будто читают книгу, быстро, с особой интонацией, а рассказ выкладывается более свободно, он похож на простую речь. Сказочное сказание (миф) следует рассказывать по определенным правилам, иначе это не миф. Поэтому возникают такие ситуации, когда исполнитель может, например, сказать: «Это героическая песня, но я исполню ее как сказание». (По сообщению И. И. Терентьева, в его фольклорных материалах героические песни выложены в форме прозы). Или: «Это — сказание, но я могу исполнить только как рассказ, так как не знаю формулы». Возможно и простой пересказ сюжета, что имеет место, в частности, при рассказывании на русском языке.

Жанровые особенности текстов обуславливали место и время их исполнения, а также состав слушателей. Мифы рассказывались довольно редко, обычно на общественных праздниках. Так, мифы о происхождении медведя были составной частью медвежьего праздника. Сакральная часть некоторых мифов, где говорилось о становлении духов, была запретной для женщин и детей (например, о рождении хифа о потоплении в реке); они не должны были слышать и петь тексты некоторых других мифов. Тайной для представителей чужой фратрии оставались сказания о происхождении предка в образе собственной фратрии. В дневные В. Н. Черепцова описал случай, когда рассказчик прервал рассказ, сказав, что дальше он *явотин* — «сказочный».

Исполнение героических песен возможно только в состоянии особого возбуждения, они уходят человека от повседневных забот в сферу древности. Поэтому они звучали лишь несколько дней в году: на праздниках и честь духов-покровителей и медведя, на свадьбах и ярмарках. Героические сказания или сказки можно было услышать чаще, так как они не требуют от человека такого эмоционального напряжения. Их рассказывали вечерами, когда все отдыхало, при этом жителями иногда занимались рукоделием.

Повествования о давно прошедших временах были лучшим отдыхом после напряженного труда для охотников и рыболовов, оторванных от дома и живущих в лесной избушке или шалаше. Начатый вечером рассказ

мог длиться всю ночь, а иногда продолжался и на следующие сутки. По вечерам исповедник последние лет мы неоднократно наблюдали традицию ночного рассказывания сказок. В относительно больших семейных кругах даже устанавливали на сыновичью очередь. В доме, где она посылала, соблаговолит слушать, готовилась миска и кусок мяса. В традиционной обстановке иногда сапожники-ремесленники, парикмахеры, мясники рассказывали сказки мужчинам у одного костра, а девочкам — женщинам у другого костра. Разнообразие слушателей происходило и у учащихся школ-интернатов, когда они в свободное время рассказывали сказки.

По некоторым сведениям, рассказывать сказки днем было запрещено (иногда выказывали опасения, что сказки укорачивают путь во время дневных переходов на лед). На Васкено человека, сказавшего голову гуагури, оговорившего в общем месте, обязан был рассказать сказку. В ходе важной инспекционной работы нередко приходилось слышать рассказы, которые рассказывались как иллюстрация к религиозным верованиям, обрядам, заповедям.

У хаттов и манси не было профессиональных исполнителей, но были выдающиеся сказители и певцы, чаще мужчины. Еще в детстве они выделялись необычайной памятью, в них предсказывали судьбу сказочника или певца (одни лучше запомнили сказку, другие — песни). Передом это были маленькие родственники известных исполнителей, атак, парикмахеры, известные были мансийскими сказителями А. М. Колымова, наследившая традицию своей бабушки (на которую она похоса даже внешне). Как уже отмечалось, сказителям и певцам приписывались необычайные способности видеть на здоровье и успеха человека.

Поиске слов, мысли, образу придавалось особое значение.

У хаттов и манси существовало представление о материальности слова и даже мысли. Считалось, что слово может оказать определенное влияние на отношения людей или даже в дружбу, вражду и в материальном отношении внешнего мира. В одном из опубликованных текстов [7, с. 172] речь идет о том, что женщина вслух выражала желание остаться на месте сбора ягод. Сказанное должно осуществляться, поэтому ее муж ушел домой, оставив ее одну в лесу. Рассказчик скомментировал это следующим образом: «Раньше было так: слова шли на помощь». В другом случае мальчику, выразившему желание съесть огромную щуку, приходится делать это, хотя он не в силах справиться с ней.

При собственных хаттах и манси представляли о том, что слова и мысли могут материализоваться, считалось обязательным исполнить: иффа или сказки целому, не опуская деталей. В результате возникает почти беспрепятственно для устной традиции случаи (в первую очередь это относится к священной иффе), когда тексты, записанные в разное время и от разных рассказчиков, совпадают почти дословно. Такие примеры есть и в нашем сборнике (см. № 105, 106). Однако, как видно из опубликованных иффе, текст их мог быть изменен и упрощен. Отчасти это объясняется тем, что, как говорилось, для непосвященных из иффе специально подбирались сакральные моменты. То же самое иногда происходит, если текст заимствуют представители другой национальности, для которых является лишь слова сюжета. Детям было принято рассказывать сокра-

щепные нарванты, большие произведения дабо специальные детские сказки.

Особым вниманием пользовался тот рассказчик, который обладал артистичностью и выразительностью, в совершенстве владел искусством пересказа текста, соблюдал последовательность изложения, употребляла традиционные обороты, сохранила детали лексик и стили.

Судя по публикациям А. Н. Базанкина и В. Н. Черепцова и устному сообщению А. М. Кониной, рассказчики различались по темпераменту. А. Н. Базанкин приходит в качестве примеров известных ему сказителей Сайхатова и Гундыбина. Первый — жизнерадостный, веселый, складывал песни с ярко выраженной эстетической направленностью. Он считал, что сказку быстро, оживленно, при подражании образу героя часто подпрыгивает и жестукирует. Магера рассказывали — нерывистая, нутравновешенная, с подвижной композицией и частой сменой эпизодов, среди которых особенно акцентируются диэпические. Второй рассказчик — спокойный, медлительный, с застенчивым поведением почти нутравнухител. Он не мог сказ спонтанно, нутравнухително, как бы выговаривал одну строку за другой, охватывая за эпизодом [53, с. 66].

Исполнение некоторых произведений сопровождалось особым церемониалом. Существовал обычай, согласно которому, как сообщила А. М. Кониная, детям предварительно задавали несколько вопросов. По числу отгаданных нагадок тому или иному ребенку обещали рассказывать соответствующее число сказок, хотя слушали их, конечно, все.

Сказателя, исполняющий сказки, носившие мифологические названия о происхождении земли, описания в вардану осязали, на стол выкладывались священные предметы. Мужчины слушали с глубочайшим вниманием и уважением, считалось, что невнимательного слушателя постигнет казос-нибудь наказания. Рассказчику создавали всевозможные удобства, давали что-либо на припасы.

Героические песни исполнялись под аккомпанимент музыкального инструмента *хорос-хор* (хорос), *солмакхал* (халс). Очевидно отмечают, что передача значительных по размеру героических сказаний в песенной форме требовала огромного напряжения и часто последняя часть, а то и добрая половина сказания пропала, но и при этом в конце сказки исполнителем становился сархисий. Иногда перед началом исполнения певца следовало несколько минут, чтобы войти в настроение и при этом все нутравнухител даже, казалось бы, давно забытые сказания. Утром он падал в изнеможении, а слушатели были довольны, что услышали песни своих отцов, пропетые с таким чувством [64, с. 12].

Особая форма исполнения и структура были присущи и медовым песням, которые пелись у халса *хор-хор* «халсина песня», *халс-халс* «халсина песня», у халса *хор-халс* «халсина песня», *хор-халс-халс* «халсина песня». Сведения об этом находим у разных авторов [57; 116; 120; 121]. Отношение к медовым песням было чрезвычайно серьезным, исполним в медовых песнях петь их халсина. Само исполнение обставилось особым церемониалом. Перед медом становилось трое: в середине — певец, по бокам — его исполнители. На них была специально для этого предначинанная яркая и парадная одежда, головы обильно покрывались платком или шапкой. Песня и исполнители нутравнухително покрывались платком или шапкой.

тали, она отсоединяла медведю лапы и концы и, сцепившись козлячками, начинала петь без музыкального сопровождения. После окончания очередной песни хозяин дома звал и козляточка или ударял в металлическую доску, после чего следовал короткий перерыв и новая песня. При главным образом только стоял в середине, а помощники ему вторили. Когда средний уставал, его заменял крайний или кто-нибудь из присутствующих. Зрителя усаживали по краям пар или столики вдоль стеной. Они пили чай и с глубоким вниманием слушали. Когда необходимо полчасе песен было пропето, исполнителей снова окуривали, затем пели и его помощники одевались специальными подпоясами, наматывали на руки платки и танцевали. Затем танцевали и другие присутствующие. Вторая часть истории отдалась драматическим представлениями. В них входили некоторые сцены из фольклорных сюжеты, например в Мес-по в фильме (см. № 131).

Приведем интересные сведения об исполнении культовых песен, сообщенные нам известной фольклористкой К. Шандт (1986 г.). Культовая («и даже простая») песня исполняется в иных условиях, чем другие произведения. Протянувшись монотонный мотив, частые повторы не только строк, но и более крупных фрагментов приводит в состояние близкое экстазу. Песня полностью замыкается все возможные перспективы и оторвана от действительности, откуда — невозможно — чинить текст на ходу. Особое психофизиологическое состояние выражается в непроизвольном покачивании назад и вперед, в дрожании (подрагивании тела), в неподвижности или затуманивании глаз, слезах и т. д. Музыкальные мотивы поют козлячки, в сем может быть имеет подтверждение к максимальной предельности. Словесное действие поэта полностью растворяется в себе действительность, и в результате создается впечатление, будто певец прерастает в персонаж, от имени которого он поет (точнее, тот вселяется в него). Вероятно, отсюда и форма песни от первого лица. Одновременно создается ощущение, будто давно произошедшие события происходят заново, певец уносит слушателей в давние эпохи, «создавал» их своим песнем. Предоставленное певцу отвлечен и певца и забытью от реальности. Очнувшись, они чувствуют себя так, будто и они, и весь мирок вокруг пережизныли заново, т. е. происходит нечто вроде патариса.

И сказка, как и в песне, стесняясь изобретения расширяла в образ была столь важна, что рассказы о событиях прошлого идентифицировались с самыми событиями. Рассказчик иногда прерывал повествование, чтобы выразить свое отношение к происходящему (как будто он сам участвует в нем) и пригласить слушателей к участию. Один из них, донся до места, где герой был сброшен и задвину в воду, прервал свое изложение отступлением: «В воде знаешь как холодно!» [7, с. 7]. Поэтому и финальная формула «заключилась эта повесть, закончилась его сказка» означала окончание кушественной героя, его гибели.

Такой принцип повествования становится более понятным, если его сопоставить с изобразительным творчеством хаитов. Художники стремятся изобразить любой предмет не так, как он выглядит со стороны, а таким, каким он его знает. Он как бы выдвигается изнутри изображаемого предмета, и в таком случае все его стороны оказываются доступными взору. Поэтому, когда зритель видит фотографию или рисунок, выполненные в соответствии

с современными правилами, они говорят, что изображена жизнь положени предмета.

С этим, как кажется, связана и драматизированная форма изложения текста. По наблюдениям М. Б. Шатлова, у хантов реки Яна стелющиеся картины передавались связочными чрезвычайно живо и образно, некоторые фрагменты изображались на лицах, с соответствующим интонацией в жестами [108, с. 76—77]. В. П. Черников рассказывает о мансийском сказителе Н. Сампвалтакове, от которого была записана сказка про двух собак (М 163): «Когда он передавал диалог этих двух собак, он делал это с таким мастерством, что перед глазами так и рисовались картины разговора собак, как они дремлют от явного холода, тощие и худые, рохнут летом непременно сделать маленький забор для рыбы и тем самым обеспечить себя пищей; и затем как летом, ленивыми и разжоревшимися, они искушаются уже при одной упоминании о заборе: «Ну, друг, кто заборы достанет!» [64, с. 183].

Уже говорилось о том, что для обско-угорского фольклора характерна мира в реальности всего происходящего в рассказе — будь то миф или сказка. Момент соперничества подчеркнула М. П. Иехрушви-Баладзина (устное сообщение, 1985 г.). Люди искали, что богатыри, воины, олени, ушны и добрые герои лически сказки живут в себе, что они готовы прийти на помощь, потому их ждут. Сказители переживали за героев: кто-то — за одного героя, кто-то — за другого. Победившего богатыря только жалели: «Зачем его уничтожили?» Глубина этой веры, вызывающей такое чувство, было рассказчик завою сюжет событий и героев, оградил и в популярной формуле «кто тебя навел суда, кто тебя высказал суда».

В обско-угорском фольклоре можно наблюдать переход формул из одного жанра в другой. Например, в позднейшей сказке (М 161) Звезды-птицы говорят: «Богатырь берет arma человеческой жизни: он и кинжол кинзл, по и кинжолу кинзл, не ходит народ работать» (выделенная курсивом формула — из мифа).

Фольклорное творчество хантов и манси не являлось самостоятельной истинно-художественной, но — производной сближен с системой верований и «мифическими культурными знаками», являясь в них сложившейся системой, регулирующей в выступая как «мифический» фактор. Его специфика состоит в сочетании глубокой архаичности функционирования с языковостью и даже простотой поэтического стиля и формул. Так, удивительный стиль обско-угорского фольклора отличается обилием параллелизмов (например, «спуруга-усмыя, спуруга-утка»; «Болы, как небесный лод, болы, как небесный снег»; «долго шли, коротко шли» и т. д.), ритмики, аллитераций, постоянные шпеты, тавтологии (например, «кыла, кыла, кыла, кыла, кыла, кыла»; «на лодыли, лодыли, лодыли»; «жирная пристра, состоящая из множества жердей» и т. д.), метафоры. Особенно много метафор в медвежьих песнях, где они выступают как постоянные обозначения, ледяными: глаз медведя называется «звездой, уш — «пешью» и т. д.; другие примеры метафор: «судить, пота — жидать, ушюш; «мелкая медведя — радость пердла»; «с добрыми пожеланиями вперед, с добрыми пожеланиями назад» — со всевозможными пожеланиями во будущее и т. д. (подробнее см. [54]).

Важнейшая черта этого удивительного стиля — параллелизм — имеет чрезвычайно глубокую прагматическую (а возможно, и урало-я-тайскую) перспективу (см. [81, с. 65]).

Анализ текстов. Наш сборник посвящен прозаическим жанрам *домашь-моёй и потыр-лемай*, во в него вошла также группа песен о мифологической категории *арма-арма*. Это объясняется тем, что мифы о *межиде*, занимающие исключительное большое место в реальных художествах, обрядности и фольклоре обских ургов, исходившая в стихотворной, точнее, доспевной форме, а повествовавшие вельсь в них от первого лица.

Тексты сборника развиты на две части — хантынский и мансийский. В каждой из них они сгруппированы по жанровому и сюжетно-тематическому принципам. В начале каждой части помещены мифы и мифологические сказания. К ним примыкают и частично входят в них три сюжетно-тематически серии: 1) мифические песни; 2) сюжеты о Мое — Пар; 3) тексты о само-полударном персонаже — культурном геро-тристери, носимом мифа *Има-хити*, *Зема-пырсы* и др. Далее следуют героические сказания (богатырские сказания). Предания, бытовые рассказы и былички помещены в следующей раздел, а завершают каждую часть сборника раздел сказок.

Следует, однако, иметь в виду, что деление это, как и разделение текстов внутри разделов в серий, достаточно условно, поскольку в мифах обских ургов довольно много связочных элементов, героическим сказаниям (особенно то из них, в которых действуют сыновья или дочери верховных богов) близки к мифологическим, темы преданий и бытовых рассказов часто переплетаются, причём проистекает четкая граница между двумя последними группами тоже не всегда удается; более обособлены замкнутые и детские сказки. Кроме того, как говорилось выше, повторяющиеся персонажи действуют как в мифологическую, так и в бытовую, человеческую среду, а потому с текстами *мифологическими* сказаниями часто можно у самих носителей фольклора. Все это объясняет принципиальную невозможность вытиснуть в одну цепочку трехмерное пространство, в котором отдельно тексты противопоставляются друг другу (или сближаются) по трем координатам — сюжетной, тематической, авторской.

Остановимся подробнее на каждой из групп текстов. Первую из них образуют мифы и священные мифологические сказания о происхождении жизни, небесных светил и явица, природных стихий и животных, о перво-леде, культурном герое, создании первых благ, установлении норм поведения, обрядов и т. п.

Отдельные этапы мифотворения изображаются в разных, нередко противоречивых друг другу версиях. Больше всего внимания уделяется в них описанию первой творческой деятельности *мифологического*, что это водная, туманная стихия в одном из мифов (№ 107) названа «Сибирью»).

В воде находились холмы древнейшей тундровой земли, на нем и доме жили старик со старухой. Сверхгигантская земля появилась из кусочка ледя, который привнес в чашку отца — четыре ала холма, выравненные на дне первичного океана (№ 2). В одних вариантах (№ 105, 106) они вырастают без чего-либо приказания, в другом (№ 107) — их посылает верхний бог Нум-Торум либо его сын.

Прикоснувшись птвичь земле постепенно стала разрастаться, и старик тундрового холма послал белого вербца осмотреть ее. В первый день верб облетел землю за полчаса, во второй — за полчаса, а третий — за целый день и при этом поочередно, так как съел падала,

Земля в мифах предстает вначале как живая и расширяющаяся, затем Нун-Торум по просьбе старшей сестры Йолан-Торум-силы опускает на землю свой нос; земля осела в воду и стала неподвижной, а на месте носов возник Уральский хребт (№ 112). У южного отрога гор (видимо, Уральских) старик Тортор пробил стрелой проход для перелета птиц с севера на юг (№ 10).

Нижний мир образовался по воле Торума для того, чтобы умершие уходили туда, освобождая землю для новых поколений (№ 107). По другой версии, подземный мир стал парством близнеца и смерти, когда душа ушла через отверстие в земле этой дух Ниль-луни.

Солнце, луна и звезды, по одной версии, были созданы Корс-Торумом, по другой — их достал Мар-суко-тум из-под земли, из нарета Куль-отыра (X: 108). Пшентес рассказы о сиротничьи, а затем освобожденных светилах (№ 4, 128). Солнце и луна в мифологии обрели угров персонализированы: солнышко — Ишчипи, луна — Кузича. Происхождение лунных фаз объясняется тем, что Ишчипи-солнце и Кузича-лунушка не живут — марывают друг друга и разламывают щипцами: с тех пор месяц то укорачивается (№ 5, 6). В других вариантах солнце и месяц живут на небе каждый своей семьей и охотят дочерей в темноте кузичиному горю (№ 105, 106). У обских угров известны широко распространенный сюжет о происхождении лунных пятен на луне; здесь это объясняют за водой и дразнившие луноу дети (№ 7); иногда на этот эпизод имеется в мансийском тексте (№ 109) о приходе луны с лозами, обремененными дарами замиряться с луной.

Из астральных мифов у обских угров наиболее распространен рассказ о созвездии Большая Медведица, называемом обычно Не, Нёх «Лосы», и Мясном Пути — лямине охотники на лосей. В мифическое время первоначально лось был шестипапым и бегал так быстро, что его не могли бы догнать люди. Чтобы сделать возможной охоту на него, сын Торума (№ 8), а по другой хантыйской версии — старик Тортор (№ 10) догнал лоса и отрубил у него две ноги. У манси в этой роли выступает Мокс-хум, опередила лоса (№ 110), как человек Насстр [115, с. 89]². По другой хантыйской версии (№ 9), за лосем охотились три человека и Большая Медведица — это котел, брошенный одним из них. В некоторых текстах объединены сюжеты о происхождении звезд и энзогамих объединений Пор — Мокс. Медведица с медвежатами, родившая первую женщину Пор или Мокс, — это три звезды на небе (№ 124, 125) либо, по другому варианту, созвездие из семи звезд (возможно, Малая Медведица)³.

Персонализированной мифической фигурой выступает в фольклоре дух ветра Нат-луни (хант.), Луи-вот-сики «Северный ветер-старик» (манс.). В мансийском мифе «Про Северный ветер» (№ 115) повествуется о потоплении ветра после победы над ним чочовичи. Этот мотив встречается и в мансийском виде и в хантыйском тексте (№ 12), где старик, живущий «с дома с напертой дверью», старается по очирди дочерей и Северному ветру; лишь младшей удается пройти все испытания, стать его женой и обеспечить тем самым тепло на земле.

Огонь, по публикуемой в сборнике версии, был вынесен сыном Торума из камня (№ 1). В мифологии огонь выступает не только как благотворительная, но и как разрушительная сила, особенно в мифах об отписном потопе (№ 11, эпизод в № 103). Название потопов у хантов — «ек-кай» «бездетский

основы, у камен — *ламид-гир* «священная вода». Его относят к мифическим временам первотворения, когда Торум послал потоп за непослушание древних богатырей или своего младшего сына. В варианте, представленном в данном сборнике (№ 11), сын Торума сумел предотвратить потоп, и других мифов во время бедствия погибла растительность и большая часть живых существ, в том числе и мифических богатырей (или людей). Спаслись лишь те, кто оказался на скимсдейном ялиту; сын Торум, испугавшись в огненном потоке, немолодеет, и у него родилось семь сыновей.

Некоторые мифы о потопах имеют эсхатологический характер: в них повествуется о конце мира после которого потоп, который должен прийти через две тысячи лет после первого (см. примеч. к № 11). Последующий судья людей рисуется в соответствии с религиозными представлениями о судьбе души после смерти человека. Те, у кого кончился срок пребывания в мире, темн, после потопы забывают и приходят еще один срок своей жизни, затем превращается в муку и наконец в прах, что и будет означать новый крах мира [57, с. 50].

Первыми населявшими земли были духи, несомненно сверхъестественные существа неманы в древние богатыри (продолжительность тех времен, как и последующей человеческой эры, измеряется тысячелетиями). Душа представляла наступление в будущем «ареней человеческой эды, вечной человеческой эпохи» и устанавливала правила поведения людей, назначала им дан почтения духов и определяла местожительство последних. О расселении духов у хантов бассейна реки Демьянка рассказывается так: «Много лет назад собралась душа Тох из малайским притока Демьянка, чтобы обосноваться, душа должна отправиться калдай. Совет дался полумесяца. На холме, где состоялось собрание, еще и сегодня не растет трава; небольшие речка стала настолько сыщепной, что, переплывая через нее, собака тернит шерсть. Область была разделена так: один пошел в чужую сторону, другой остался в родных местах, и у него были крылья — полетел на небо» [119, с. 5].

В большинстве антропогонических мифов создание людей приписывается Пум-Торуму или его сыну, культурному герою. В качестве инициатора или участника этого акта называется и верховное божество именного рода Торум-ома (хант.), Пум-Торум-сина (манси); протавник бога Куа-тыр несудно подражает творцу или портат его творения (№ 113, 114). В обско-угорских мифах фигурируют разные способы и материалы для сотворения человека. Перси таковы: в людей превратились две березовые ветки (№ 13); люди сделаны из сердечными растением либо спелыми из сухих тапана и души обожания слюдой [57, с. 47—48]; они парисованы и затем образовались из горсти черной земли (№ 114); их вынули из разреза и вдре поги [7, с. 18]; сосны бога превращаются в черня, в тот — в человека (№ 107); наконец, люди возникли от мыслей «всеховных богов или существ или из поточка на земле (см. примеч. к № 13).

У первых людей оболочка была древесной (№ 107), росткой либо в ядре рыбный чешуя (остатки ее — ногти), а также в ядре шкуры, позднее вымернутой внутри (№ 114). Для оживления в людей была помещена душа или наначан воздух. Встречается библейский мотив о павших людях, съевших запретное растение (ягоду, шишку), согрешивших и повесивших висзавле (№ 1).

Согласно некоторым мифам, создание людей происходило в два и даже в три этапа. Перволюди *бис-ля* «древние люди» (*халт*) жили тысячу лет, затем погибли во время потопа, а оставшиеся дали начало новому поколению. Древние люди — огромного роста и без чувств — были бессмертными; смертными их сделали Кузь-отыр, Кынь-зунк, соблазнив сторожливую их собаку (№ 14, 114), либо люди Пастар, возродившие которых стало некомпетентным из-за их ленивых жен (№ 115). Современные люди в отличие от древних — с обреченным чувлом, «куколы-исполнцы», это кулаи богов, которыми они забавляются.

Этимологическим мифом о растенных и животных, их качествах и взаимоотношениях немного (№ 16, 17, 24). Чаще рассказы об их происхождении входят как эпизоды в мифы творения или превращения в мифологическую связь. Мотив творения их божеством или его сыном наиболее ясно представлен в мифе «Сборные» *пурок чектешан*; в *халт*-мифе особенно наглядно уделено растенным (№ 1), в мансийском — животным (№ 108). Бог и/или его сын создает полезных людей животных и растений, а его главный противник Кынь-зунк, Кузь-отыр — вредных (№ 114). Однако, или отсутствует из *халт*-мифа № 1, хотя последний и противопоставит сыну бога и подгоняивает людей сестры другие растения, чем бы миско и эти растения относятся к числу полезных. Добывание рыб и перелетных птиц путем женитьбы культурного героя на дочери водного владыки и южной женщины фигурирует в мифах о *искижикочет* земля (№ 105, 100). Появление некоторых элементов культуры связывается не с мифическими существами, а с обыденными людьми. Так, построение первой оленей пурты приписывается одному *халту* (№ 21).

Следующая группа текстов посвящена мифам и мифологическим песням о медведе. В нашем сборнике они представляются № 22—24 и 110—122. Медвежий песня делится в зависимости от функции и времени исполнения на песни доставки, песни исполнения медведя в дом, пробуждения, песни выпаса и др. Основные их темы — происхождение медведя (№ 24, 116, 117); первое его добывание культурным героем (№ 118); значительные добытатели (№ 119—122); рождение медведицы первой женщиной Мось (№ 25, 124, 125); нарушение медведем запретов и наказание его медью (№ 110, 120); нарушение медведем запрета или клятвы и наказание их медведем (№ 24, 119); добыча конкретного медведя в данной местности, освоив его в поселок или описание пути медведя после окончания праздника и т. д.

В общо-угорской мифологии существует несколько версий происхождения медведя [20, с. 9—10; 1, с. 29; 115, с. 333—334; 131, с. 268]. По одним из них, медведь родился куком чекла либо появился из чрева тигра (красношейной поганки — *Solstitialis vulgata*). По другим — медведь рожден женщиной (иногда упоминается, что ее звали в жены медведь или медведь). Личность женщины трактуется по-разному: она либо безымянная, либо Мось (№ 117), Салыр, Тигир, Вучи. Известен рассказ о превращении в медведя заблудившейся женщины — богатыря, пережитого через козла (№ 22). Во главе всего (особенно в медвежьих песнях) повествуется о небесном происхождении медведя; по одной версии, он родился через три дня после небесного бога, по другой, наиболее распространенной, медведь — сын или дочь небесного бога (№ 23, 24, 116). В № 116 Торуи и сам принимает черту медведя: когда он приходит в ярость, у него вырастают клыки.

Сюжеты о небесном происхождении медведя, особенно популярны у северных обитателей ургов, сиянцев, по данным А. Ниллесто [116], и рас-
сказу о жень медведя (или медведица) на небе, его играх. Медведь нару-
шает запрет стаю и выходит из дома; увидел начало черной дыры и беда, на
приходит в восторг и присит отца отаутать его на землю. Отец соглашает-
ся, но дает ему наказ: не разорять амбары, не забирать добычу охотника,
не отступать от закона и детей от злыхых медв. и т. д. Он не должен трогать
святыни и мертвых. В песнях на предостерегающих примерах показы-
вается, что при нарушении правил медведь всегда будет добычей охотника,
хотя для него, конечно, будет устроен почетный праздник и впрямь его
будут изобринать в песнях. Но самое плохое, что может совершить мед-
ведь, — это ринуть или убить охотника. Тогда же мелевские дача кровной
мести его, несомненно, убьет родственник охотника, праздник же не будет,
медведи сожгут и тем самым уничтожат его душу, не дадут возможности
возродиться. В мелевских песнях устанавливаются и обязанности людей
по отношению к медведю: охотники не должны хитряться и лгать, не должны
лгать медведю, никто о нем говорить — за это медведь рассердится и отом-
стит. Особенно опасно дать ложную клятву и отомстить медведю — он раз-
зорит клятвоступника.

По существу, эти песни, исполняемые обычно от первого лица, т. е. от
лица самого медведя, представляют собой мифы об установлении обрядов
медвежьего праздника; их певие на время праздника должно служить дока-
зательством осведомленности людей о его сверхъестественной сущности.

Сюжеты о знаменитых охотниках на медведя также представляли в
песнях события (№ 24, 115, 118, 121, 122). Некоторые мотивы мифологиче-
ских и героических изречений: неслось встречаются в быличках и сказках
(о пак речь победит вые). В песнях о конкретном охоте на медведя описы-
вается весь путь от места охоты до поселения. В них точно упоминаются
мелкие особенности местности, приводятся названия каждого холма,
горы и т. п. Рассказываются о нечестии, коварных медведь при его пере-
ходе: охотники и пута делают остановки и ритуальные выстрелы, на лите-
сах деревьев вырезают новые идеографические рисунки — следы от чашки
охотника, соби и убитых медведей [1, с. 28—29]. В мелевских песнях
отражено и обрядовое многообразие святочного животного. У хантов
Юрты, где существует представление об укусе медведя (душа) после праздни-
ка не на небо, а в лес, пак приходилось слышать о песнях, описывающих
эту муку.

В мелевских песнях широко использовались термины-табу из «ме-
дведьего языка», который насчитывал около 500 слов, на пак 132 были под-
ставными названиями самого медведя [111].

Следующая группа текстов — о людях Мось и Пор — включает № 25—
29, 123—132. Она начинается с мифа о рождении женщины от медведицы;
это событие относится к доколумбовой эпохе. Начиная сказания в хантуй-
ской (№ 25) и мансийской (№ 124) версии различаются. В первой сию-
мкая женщина Мось бродит в поисках своей шубы и погибает, во второй она
живет с братом, тот невесты, но женщина Мось убивает невестку и под-
мывает ее собой, у них рождается сын; узнав истину, брат убивает сестру
и ребенка. Даже сюжет разливается по одной схеме: жена женщины Мось
превращается в растение норм, его съедает медведица, у нее рождаются

два медведьконы и человеческая девочка. Парный типичный миф представлен в виде отдельного текста (№ 123). Его сюжетная идея заключается в том, как брату жить с сестрой как с женой. Здесь уместно привести слова Е. М. Мелетинского: «Миф об отказе от индивидуального брака и пользу общественного и есть крайний пример социального мифа» [74, с. 60]. Содержимый характер рассматриваемых мифов проявляется и в том, что в них часто, где рассказывается о том, как девушка, рожденная медведицей, становится женой Усамы-отыри (Городского Батыра), и тем самым устанавливаются образы мифического праздника (№ 124) и эпоса (№ 125).

В хантыйской части собрания далее следует мифологическая сказка о рождении первого мушкетера Мось из колена жещиных (№ 26). Он выступает олицетворением народа от сверхъестественных существ — элфовов Нанной. Следующий рассказ — о протавибрате сына жещиных Мось и жемон-моглых Батыра (№ 27). По определению В. Штейница, зависящего текст, это типичное героическое сказание, но оно имеет мифологическую коннотацию о превращении основных персонажей в главнейших местных духов: мать героя и ее брат — это Калтас и Иогитский старик, а герой похож на Нахмисского духа (он же — Ина-хатм) [51, с. 245].

Затем в хантыйской и мансийской частях собрания идут тексты, объединенные вокруг сюжетного стариния о противостоянии Пор и Мось (№ 28, 128—130). Один из них (№ 128) — на актуальную в мифе для того, а именно об энологическом равновесии. События в нем относятся ко времени, когда люди были бессмертными. Пор-из олицетворяет тем, что разбогатевшим людям будет не хватать пищи; Мось-из предлагает сделать реки мансийскими, а Пор-из ждет выход из тем, чтобы люди стали смертными (в другой мифе позиция Пор-из занимает небесный бог — см. № 4). Концовка рассказа звучит так: «Пор-из хоть и алая, но умная, а Мось-из гауова, хоть и добрая». Нужно заметить, что здесь выражена оппозиция Мось — Пор, обратная сформировавшейся у обоих угров: «Мось-из — очень умная и хитрая женщина, Пор-из глупее» (№ 130). Их соперничество связано с описаниями нужды и распространяется на детей. Эти рассказы близки и сказкам: герои выступают в виде животных, являются эпитомой с олицетворениями предметов, приращиваются к гиперболическим представлениям (№ 128, 129), основаны на изобличении восст мифологическую картину и сопоставлений ответов. Так, два мансийских текста, зависящие от одного и того же сюжета, демонстрируют функциональную параллельность. Мось-из и Пор-из: та и другая являются олицетворением святости бытия (№ 131, 132), но в первом случае брак неудачен, а во втором — удачен.

Третья группа текстов (№ 30—34, 133—143) посвящена наиболее популярной фигуре общо-угорского фольклора, известной более всего под именем Мар-сусе-тум, Ина-хатм, Ожон-ошри и др. (характеристику его имя персонажа огромной см. выше; см. также работы разных авторов [5, 10; 57; 88; 115; 118 и др.]). С ним мы уже встречались в космогонических и отчасти социологических мифах (см. № 105, 108), где он выступает как единственный сын старика и старуха туземного хлама, вокруг которого образовалась земля, или сын старшей, любимой сын верховных Богов Нум-Торума и Калтас (№ 133). Иногда его образ сливается с самим Нум-Торумом (№ 2), а в других версиях герой оказывается противоположностью своему отцу, например останавливает потоки, существующие на людей (№ 11).

В текстах посвященной ему серии обычно говорится, что герой живет с бабушкой или тетей. Откуда и некоторые его имена. У мамы его Зина: пыррис (Зина-пыррис, Зина-пыгрис, Зина-пырриц «Живущим сыпок» или Зина-пы-пыррис «Женщина сына сыпочка», т. е. внучен⁹). Второе имя — Зина-пы-пыррис — соотносится с началом мифологических сказок о культурном геро-трикстере, где сообщается, что он живет с бабушкой.

У западных хантов имя героя — Има-зита. В Шейбаницк пишет, что терпимо трудно понять, и переводит его как «тетя племянник» [51, с. 249]. Одна из наших рассказчиц перевела его как «бабушкин внук», такое же толкование терпимо дал Н. И. Терешкин (устное сообщение).

Майсбейдер текст № 132 проливает свет на происхождение этого имени. Здесь герой — сын Торума, который, поссорившись с женой, изгоняет ее на немлю, где она рождает сына; сестра Торума находит их и после примирения свуругом уходит с племянником на Обь. С этого момента тетя замещает ему мать, учит его обращаться с луном и стрелами и т. д., а герой поступает «одиночкой» (ер. термин хантыйского текста № 27 и 31, где герою некротателствует его дядя — брат матери).

У восточных хантов герой называется Альми, Альмали. Возможно, здесь имеется связь с именем героя Уалба-пес-ыли-сон¹⁰. Оно созвучно неоското-ну Альба (который подобен хантыйскому Альми). В сызлах облик укров героев имеет еще песочно-го выси: Качалы-стерик, Малельский, Палка, Мучан Крупица, Сын Живого Лесного Воробья и др.

В хантыйском мифологическом сказании (№ 30) герой носит имя «Желтый Богатырь, Кулец Нижнего Света, Кулец Верхнего Света», что связано с его функцией посредника между мирами: посетил верхний и нижний миры, сп узнает правду человеческого бытия, а в конце превращается в духа — объект почитания в жертвоприношении.

В мифологической сказке (№ 125) Зина-пыррис живет с сестрой на тулдовом доме (т. е. здесь пара персонажей представляла братом и сестрой, но мотив incest отсутствует: герой выдает сестру замуж), а затем, как и в мифе № 105, 106, совершает путешествие в Южную страну Мертвых, там самым открывая перспектив пути на север, к морю. Однако здесь этот этнологический мотив лишь подразумевается, а в повествовании оказывается живитель герой и его зооморфной влистит гуси на гусыня — дочери комбия Пятый стрини.

Мифологический фон весьма ощутим и в текстах № 31—32, 134, 136 и 138, но если и мифы герой содержит животных, то в текстах этой серии (особенно в № 32 и 138) бабушка или тетя сообщает ему названия добытых им зверей, учит охоте, отирает рыбачить. Герой ребенок предстает здесь как свирота — внук или племянник, ин имевший отца о матери, и или трикстер, по-мнению сужде-ржа «внушитель, воспитатель, обаяющий. Его про-длина направлена в основном против сил, враждебных людям. В текстах № 32—34, 138—140 рассказывается о встречах Има-хаты, Альмали, Зина-пыррис с яхлосами-мешками, Сая-ики. Чаще всего они выступают в функции антагониста, но иногда и товарищ герой, как это имеет место в тексте № 138. В одном из рассказов его уносит ледоход от имени Яхлоса с Кузовом. Герой хитростью выставляет детей своих противников оскободить себя, убивает их (или варит в котле, предназначенном для него самого), а затем хитростью побеждает и ледохода, из опада которого возникает

тишары. В ряде текстов (№ 32, 137) герой проявляет массово способность, но многим коим трансформированного характера.

В некоторых мансийских текстах герою противопоставит Усынг-отыр «Городской князь» (он фигурирует и в мифах о михеде и в фатральных предках Мосе — Пар). Здесь он — князь, хозяин города, и в Дин-парисе, в свою очередь, присутствуют черты героя, которого Е. М. Мезентиский называет «экономическим» [73]. Мифологические черты проявляются в видениях Усынг-отыра. Одно из них связано с птицей Тохминт-каре «Крылатый ларс, издающий посвист моря на высокой ластовнице. В публикуемом здесь рассказе Зека-парисе выбирается на дворе в области гористая, убавляет медвежью лапушку, которая грызла крылья птичьей карги; в благодарности за это ларе помогает герою, а тот, в свою очередь, помогает ему вернуть лаповые норы, оставленные у князя» [34: 135].

Дальнейшее развитие образа Зека-парисе, в вместе с тем и превращение мифологической сказки в бытовую просекающуюся в мансийских текстах № 141—142. Сказки такого рода специально проанализированы А. Н. Палазным (см. [31]). Здесь палеозека-парисе приключаются черты Зека-парисе как «виноват» герой (по терминологии Е. М. Мезентиского). Он — бадник, кушечский или парский работник, плохо одет, у него много вина Вилья и увлечительный кризис — соловьиный нос, но по сообразительности, уму и выносливости он превосходит всех остальных и, как говорится, находит победителей в любой ситуации. Герой занимается бизнесом от угнетателей, одурачивая или победив татростю и сменяемой богача Усынг-отыра, манавы, русского богатыря, купца, паря, копа и т. д. В этих текстах уже нет мифологических деталей, действие происходит в городе (по образу города Барнаула) и парским домом, деревней, лавкам, таверной и т. п. Эти сказки, как отмечает А. Н. Палаз, выросли и развились в память социально-экономических условиях, сформировавшихся после присоединения Сибири к России, в условиях азиатской политики и торгово-промышленного империализма. В представлении народа этот герой и в настоящее время. Одна из главных особенностей азиатской новостности об Аляске сломан: «Он в сейчас разны с пави, он всегда рядом с луком (луком), который уносит лавки» [6, с. 22]. Показные мансы считают, что смелость Усынг-отыра (Мир-супе-лука) проявляется и в том, что: «люди он послал людям адео строить самолеты и спутники» [38, с. 114]. Таким образом, этот персонаж принадлежит одновременно двум мирам — миру предков и миру живущих — и двум временам — современному (т. е. эпохе первооткрывателей) и протопастическому (т. е. с тошину).

Несколько и следующей группе произведений устного народного творчества хантов и манси — героическим сказаниям или богатырскими сказками. Показным, что у обоих укров героическое сказание имеет много общего с героическим эпосом, и исследователи этих жанров трудно разграничить. Типическими сказаниями в мансих почитаются работы С. К. Пытальова [41, 83, 84]: их авторы дается авторам, собравшим или подготавлившим тексты и публикации в многотомных сериях хантского и мансийского фольклора: Г. Мушка, А. Калачев, П. Павя, Д. Шевлякин, Э. Берген и др. (см., например, [150; 135]). Вопрос о богатырской сказке обоих укров рассмотрел Е. М. Мезентиский в связи с проблемой происхождения героического эпоса [76]. Типология героических эпосов манси и северных хантов

появлению работы И. П. Демель [112; 113]. В нашем сборнике лучше всего образцы героических сказаний представлены № 35—37, 144, 145, 148.

Основные темы героических сказаний тесно связаны для богатырских сказаний. Это военные походы богатырей с целью святости либо зловейности, сражения с другими богатырями или с мифологическими, иногда с мифологическими существами. Повествование начинается с выхода героя из дома и заканчивается либо прибытием его в иной город, иную землю, либо возвращением домой (В. И. Пропп считал такую форму композиции древнейшей [86, с. 92]).

В ряде случаев встречается тема героического подвига (№ 35), а в незавершенном тексте № 37 дается развернутая картина трехкратного чудесного рождения богатыря. Герой восстает противца, указывающего на характерные черты их внешности или пристрастия. Противник может быть связан и с семитическим происхождением. Так (№ 35) для злого врага или богатыря с Восточным для Окейной Суши Рыбы после того, как тот совершил свой первый подвиг — в данном случае охотничий: убивает одним выстрелом сразу семь рыб, напавших на его стрелу (мотив стрелы богатыря, который убивает сразу по 100 вражеских воинов, часто встречается и в других текстах).

Противниками героев выступают в основном не демонические существа (помогая им очищение героини земли от чудовищ, мешающих плаванию по рекам, сколько упоминается в тексте № 36), а богатыри — родственники шести или не названных, потому своим чести и «чести», «судьбы» и «вещи» оказались связанными (слова марского святителя, переросшего в сражение, дана в тексте № 36). Перед походом устраивалось жертвоприношение. Способы ведения войны и оборонительные меры были различными. Тактика зависела от обстоятельств. Принадлежала разведка, стратегическое планирование, захват врага краской, ограда укреплённых мест и т. д. Особенно красочно описаны подвиги богатырей. Победитель набрал доспехи и символы силы убитого врага, иногда съездил его сердце. Скалдование пришло победителю сразу, а побежденному — уныние.

Богатырские походы в повествовании занимают основное место в текстах этой группы, однако определенную роль играют и сверхъестественные силы: по просьбе героя бог Торум насылет жару на стаи противника (что вынуждает осевших жителей горюда открыть ворота и спуститься к реке, где оплодотворенные получают возможность познать доушину), бросает повелевание в жилище героя молнию (№ 27), дает богатырю муку, толку и жаркую воду для спасения погибшего брата (№ 146), дает своему сыну — «Многострашному Мужу» — три аришлы, чтобы нева бедного богатыря рождал наследника (№ 37), и т. д. Некоторые герои обладают способностью превращаться в животных, оживать, но эти мотивы, как и водопоемные трюки, столь характерные для повествований о мифологических героях-трикстерах, здесь достаточно редки.

Одной из особенностей героических сказаний является то, что из героев-богатырей нередко отожествляются с родоначальниками территориальных групп, которые, как уже говорилось, в ряде случаев соотносятся с персонажами пантеона — детьми Нуи-Торум. Так, в молдавских текстах № 144—147 действуют именно эти мифологические персонажи, становящиеся в конце повествования духами-покровителями определенной местности. Особенно сильна мифологическая семантика в сказании «Иван-

Таково краткое характеристика «классических» героических сказаний обских угуров, сложившихся большей частью в период распада доклассового общества. Е. М. Мелетинский считает, что им свойственны и общие черты эпического стиля, но это еще не терминологический вопрос, так как здесь отсутствует настоящий эпический фон, изображение общепородных судеб [76, с. 84].

Наряду с героическими сказаниями в фольклоре обских угуров имеются исторические предания о сражениях богатырей с угнетателями или захватчиками. Одни из них посвящены междоусобицам славянских собственных богатырей (№ 30—41, 150, 151, 153), другие — борьбе с иноземными силами (№ 48—52, 155, 157). Среди последних фигурируют «самоходы» (пенцы), татары, этнос Ахмис-их («мшовой народ») и русские казаки.

Предания о богатырях-редках (матуках, отрях и др.) включают те же темы родовой земли, поселения, лесов, осад городов или поединков на воле, по действиям, происходящим в них, относятся ко времени человеческого зря, связываются с конкретными районами расселения хантов и манси и призваны объяснить миграции определенных социальных групп, происхождение элементов окружающего ландшафта или культурных мест. Подобно героям предания являются не отдельные личности, а социальная или территориальная группа: в таком случае противоборствующие стороны обозначаются этнонимами, например: «Завыли жители Агава воювали с Ахмис-их» и т. п. В ряде случаев топонимические и этнонимические мотивы выступают самостоятельными темами преданий (№ 42—45, 47, 154, 156, 158, 159). По той же раздел мы включили предание, в котором объясняется отсутствие грамоты у хантов (№ 53).

В преданиях о событиях менее отдаленного прошлого нередко отражены и реальные события и факты, в том числе отголоски Сибиря русскими, начавшиеся в XVII в. Как известно, некоторые хантыские и мансийские названия означали сопротивление русским нациям. Предания об этом имеются и в нашей сборнике (№ 51, 52). Однако в них присутствует и мотив замирения, а в некоторых рассказах даже подчеркивается, что hostility с Ермаком не возникала [7, с. 40]. Полюбопытному исследованию присутствия воинственных элементов в прошлом военных столкновений: «Сейчас пенцы, ханты — все вместе живут».

Следующие разделы общей частей сборника непосредственно связаны с актуальными верованиями обских угуров (№ 54—78, 150—177). В них включены рассказы, в которых шла отражение представления хантов и манси о духах, о шаманах, о душе и судьбе умерших, о сверхъестественных существах, обитающих в заброшенных жилищах, водоемах, тайге и т. д.

Среди этих текстов встречаются как былички, так и быличины. Былички либо рассказываются очевидцами, либо в них излагаются события, происшедшие с какими-либо другими конкретными лицами. В последнее время рассказчики, избегая имен, стали указывать источником информации не отдельных лиц, а ссылаться на «сказание, имею в виду старое поколение» (см., например, № 58). Считается, что все описываемые в этих рассказах события имели место в действительности, хотя, с нашей точки зрения, реальные факты часто переплетаются здесь с фантастикой. В архивных материалах В. П. Черноголовы имеется такая записка: «В Нижнем Нарындах и историк старина И. П. Дюрова, который в присутствии карсала в детей

убежденно рассказывала о том, как он однажды повстречался с одиозным мачехом [11, № 860, д. 38, л. 49]. Подобную убежденность в реальности своих рассказов высказывали и иные информанты.

Близкие, живущие в сборке, на редком исключении, относятся к мифологическим, по терминологии Е. М. Мелетинского [76].

Если в близких человек лишь фиксирует присутствие духа или сверхъестественного существа либо слегка соприкасается с ним (присем для его героя этот контакт бывает, как правило, вынужденным: в отличие от героя мифа или сказки он не стремится познакомиться с ними близко), то в бытовых героях выступает с этими существами в непосредственный контакт и даже противоборство. В них повествуется о поощрениях иных миров, удачах или неудачах браках, клановых услугах или состязаниях. Многие из этих рассказов имеют нравучительный пафос, они истолковывают правила поведения, проследуют воспитательным путем.

В рассказе о существовании семьи паломов па небо (№ 55) отражены представления о его чистоте, туда можно попасть только с новыми, чистыми вещами (согласно различным верованиям хантов, жертвы лебу и небесным богам должны быть белого цвета). В рассказе «Обманутый степь» (№ 54) на первом плане выступает нравучительный аспект: как дорого приходится платить человеку за нарушение правил обращения с этим важнейшим существом.

Рассказ «Музыкальный мыс» (№ 57) бескомпромиссен, это, собственно, этнографическое сообщение. Но он представляет интерес для понимания значимости музыки как части устного народного творчества. Умение играть на музыкальных инструментах изображается как сверхъестественный дар, связанный с миром духов. Подобные воззрения присутствуют и в других текстах одного сборника (см., например, № 58).

Рассказы о встречах с манюнтами Вас (№ 58, 59) интересны тем, что в них выражено разное отношение к описываемым событиям и тем самым раскрывается судьба фольклорной традиции. Один из них ведется от черного лица, т. е. это своего рода черномантология. Но черноманто — это молодой хант, окончивший школу, и он критически относится к рассказам стариков, считает их преувеличенными. Он находит компромиссное решение: «Вас может загнать целый народ — ханты говорят, старики. Они истомлены, и в это не верю. Но ложку переварить Вас можно». В другом случае рассказу придан комический оттенок, отвлекающий внимание слушателей от главного события — встречи с Вас — и тем самым снижающий значение этого факта.

Собую тематическую группу образуют рассказы о контактах живых с миром мертвых, иллюстрирующие представления хантов и манси о смерти и последующей судьбе умершего. Мысль о том, что умерший продолжает существовать и с ним (его душой) можно встретиться, отражена в текстах № 60—62, 64—66, 162—163, 165. Из них следует, что умершие (их души) продолжают вести обычный образ жизни: едят, пьют вино, играют на музыкальных инструментах, имеют своего палача и т. д. Вместе с тем мир мертвых противопоставляется миру живых не только иными условиями («когда у нас ночь, у нас день»), но и социальным plane. Впрочем, последний момент объясняется скорее не традиционными верованиями, а живущими идеями (например, идея возмездия).

Еще одна группа текстов посвящена «лесным людям» (№ 68—72, 169, 170). Они известны под разными именами: мас, миш, Улху, Вор-уаия и др. У миши различаются Нор-Мис по «лесная женщина Мис» и Бит-Мис по «Воинши женщина Мис». Иногда рассказчики называют их духами, но чаще подчеркивается, что это «такие же люди, как мы». События в рассказах развиваются практически по одной схеме: герой (героиня) встречается с лесной или водной женщиной (мужчиной), который узнает человека в лес либо приходит к нему в дом и заступают в качестве «чуждесного супруга». Обычно человек стремится обратно домой, его отпускают и награждают охотничьим счастьем, но вскоре после этого он умирает.

У хантов и манси существуют большой цикл рассказов о мифах (Сас-яни) — сверхъестественных существах, обитающих в некоторых районах родительства лесных людей. В рассказах повествуется о встречах людей с этими существами. В нашем сборнике одна часть рассказов помещена в группе текстов об Эва-выриси (Альвала), а другая — в разделе, где действуют обычные люди. Но они становятся котом, какими рисовались в воображении народа менцы — Сас-яни — и их взаимоотношения с людьми. Но наиболее распространенному мифу, это антропоморфные существа, однако в некоторых хантыйских рассказах присутствуют зооморфные черты мифов (№ 73, 75). В фольклоре северных обских угров мифы тесно связаны с мифологией. Прекрасной иллюстрацией этому служит мансийский рассказ «Человек с реки Казы» (№ 169). Основной его смысл сводится к запрету присутствовать на братиальных вечерних образках представителям другой этноязыковой общины, в данном случае — энто. Нарушителя уносят с призывом менцы в похороненный Яла-ук-ойен едва не доводят своим танцами до смерти. В тексте № 73 менцы самостоительно называют человека из то, что тот мучает энтей, т. е. за нарушение экзоэтнического запрета.

Один из хантыйских текстов (№ 76) интересен в изобразном отношении. Это доклад «человека и Менд-чел, состоявшего в отчаянном загаде. Как человек он встречается с в мансийском тексте (№ 172). Обращает на себя внимание, что у манси менцы рисуются менее враждебными по отношению к людям, чем у хантов.

Менцы, фольклорный персонаж хантыйских и мансийских северных рассказов, фигурирует и в сказках. Впрочем, грань между ними и сказками не всегда легко провести. В нашем сборнике раздел сказок условно начинается с № 77 (ханты) и № 170 (манси). Эти сказки включают национальные мифологические мотивы, другие являются переработкой заимствованных сказок, в которые введены элементы и приметы асканского быта и мировоззрения; некоторые тексты совмещают в себе то и другое. К лучшим образцам общеогуторской связи в нашем сборнике можно отнести текст № 88 («Павло Осмоному Эпсту Верий Муну»).

И в хантыйских и в мансийских сказках наиболее популярны такие сказочные персонажи, как лесная женщина (№ 83, 85, 187, 188), ее сестра (№ 89, 186), младший брат (№ 83, 85, 187, 188).

Тексты о лесной женщине Коры-воу-уи (Сильвановская женщина, или Давидовская женщина) и женщины-людоедки близки рассмотренным выше группам о менцах и Мис-Пор. В рассказах такого рода, как

и в некоторых героических сказаниях, бросается в глаза определенная натуралистичность в сценах расправы с врагом: разжевывания хитом, противояние жидоты, снятие скальпа и т. п. Объяснение этому можно найти в условиях жизни и истории народа: охотник и рыболов, постоянно убивающий и разделывающий дичь, воспринимает подобные детали более естественно, чем представители иного уклада жизни.

Публикуемые материалы могут дать фольклористам немало информации о процессе развития обско-угорской сказки. Для примера сравним сказание миксунгирского сюжета о пенерной сестре (АТ 315). В хантыйской сказке (№ 86) события разворачиваются в лесу и рыболовом поселении; персонажами являются старик со старухой, их дочь (пенерная сестра), сын, жена сына, сверхъестественное существо Сэс-ниш, медведица, лоскля, собака, лосенок, медвежонок; из предметов фигурируют молоток, пущиная, зуб миксунгир, подушка, дом с семью комнатами. Как герои, так и предметы в основном относятся к привычному окружению и образу мысли хитом. В мансийской же — более поздней — сказке (№ 188) к обычному месту действия (лесу) добавляется мореный берег и царский дом, к предметам — кривня, ушмывальник, инструменты для поджога копы, козалиный хушбок и т. д. Вместо лесного существа Сэс-ниш действуют богатыри, появляются такие персонажи, как саумянки и работники, среди животных упоминаются свинья, курица, и вводится образ «чуждесной» суворуги — лебедя. Любопытно еще одна деталь. В хантыйской сказке пенерная сестра умиротворяет брата, подкладывая в его подушку зуб миксунгир, который козляется ему в ухо. В мансийской сказке сестра с мужем обматывает героя проволокой, и этот зверь-проволока превращается ему в тело. Новый элемент — проволока — ассоциируется здесь с привычным понятием — змея. Композиция мансийской сказки усложнена по сравнению с хантыйской включением многих новых сказительских ходов, почти отсутствующих в исходном тексте.

Остановимся на образе «павшего», «не подымающего головы» героя. Этот вопрос был затронут выше, при характеристике серии рассказов об Эзав-пырысе. В сказках образ «павшего» героя проявляется более отчетливо и многогранно. Первотип, повествование его в фольклоре обских урков объясняется, с одной стороны, внутренними процессами развития (появление социальная обособленная личности как проявление начала человеческого расселения), а с другой — историческим влиянием или прямым заимствованием. Примером первого рода может служить сказка о Ратлархо-Хуштаро, младшем брате, сидевшем целый день у очага и умиравшем в золу (№ 85). В заимствованных же сказках «павший» герой имеет и другие удивительные признаки: долго не взрослеет, у него верны, он «неправильно» выполняет работу — запрягает копы надом наперед, вырывает деревья с корнями и т. д. Однако в серии испытаний он выходит победителем, причем заимствованному «павшему» герою почти приспосабливают поступки персонажей из обско-угорского фольклора. Например, в сказке «Павшая Голова» «павший» герой встречается с птицей Керс, как в мифологический Эзав-пырыс [6, с. 28].

К числу источно-уровенских сказок, в незначительной мере пораженных на собственном лад, относятся хантыйские тексты № 90—92 и мансийские № 181—189.

Завершают разделы детские сказки и стихи-диалоги. Это коротко рассказаны почти исключительно о животных. Среди них — очень распространенный у разных народов миф о лисе, крадущей пшну. Хантайский текст (№ 94) выглядит более традиционным, в нем строгие рамки охотничье-рыболовного быта. В маньчжурском тексте (№ 194) сочинены два эпизода: один из них повторен хантайский рассказ, в другой идет в себе черты новых веяний: во-первых, в нем Лис превращается в сопла-вого, парниного мальчишку, т. е. приобретает черты «низкого» героя; во-вторых, здесь фигурируют заимствованные элементы быта: кирпичная изба, трапеза жиды в крпине и др.

Сказки «Воробышек с сестренкой» (заветы, № 95) и «Мышонок — Зем-линой Братцы» (манси, № 192) принадлежат вниманию сказочным героям с Аляски и Ойя-шарским. В первой герой вступает в противоборство с Сосисом и побеждает его. Во второй Мышонок живет с бабугай, выступает создателем благ (людя и весла); козачков служит широко распространенный эпизод с омыжанием бабуг.

Другие сказки относятся к различным сюжетам в жизни зверей и их взаимоотношениях. Здесь истории о запугивании и хвастовстве (№ 96, 97, 191), о поумничестве и повах друга (№ 195, 186), о лени (№ 193). Стихи-диалоги, обычно состоящие из вопросов и ответов, несут в себе информацию о языковых приходах и животных (№ 184, 402, 197—199). Так, ноги птицы сравниваются с подпорками шалаши, нос — с лопаточкой, язык кошки — с подильником и т. д. Благодаря форме изложения подобные тексты легко запомнились детям. Завершают разделы детские сказки так в хантайской, так и в маньчжурской частях рассказы о двух-трех товарищах (платок, иногда и т. д.), их дружбе-противостоянии и гибели (№ 193, 194 и 200).

Показательные особенности и связи. Рассмотрев устно известность двух народов, следует хотя бы кратко остановиться на сходстве в различиях в этой сфере. Многие исследователи общекорейской культуры считали как бы эталоном северные группы, где много сходного у хантов и манси. Много общего у этих групп и в народной поэзии, чем объясняют, в частности, большое число слов, заимствованных из сестринского языка [117, с. 167]. В предисловии же к изданию маньчжурского издания хантайских и маньчжурских сказок отмечено, что хантайский фольклор, несмотря на огромное сходство, отличается от маньчжурского. Он более архаичен и историчен, более дифференцирован по жанрам, у него больше мифологический налет, много каракалукских сказаний и мифов. Если у манси ощущается какой-то «слабый европеизм» в героях, то ханты заимствовали «безе суровые палеосибирские астры» [14, с. 88].

На материалы нашего собрания можно заметить, что у манси больше заимствованных европейских мотивов и деталей сюжета.

Определьные различия существуют и в фольклоре разных групп одного и того же народа. Например, у восточных манси в отличие от северных нет рассказов об Звезе-выресе, не упоминается об огневом дестве, больше распространены русские сказки [80, с. 87].

При всем своеобразии общекорейского фольклора в нем, разумеется, встречается и сюжеты, образы, мотивы, известные у других народов. Из их числа относятся, например, мифы ниряния пид за землей или

облет во златом, происхождение созвездия Полынь Молочная, превращение жемчужи в кукушку по-ан непослушавшая детей, поиск собакой хозяина и много других.

Сложный процесс формирования ойско-угорской мифологии и фольклора можно проиллюстрировать на примере многогранного образа Мир-сусне-хума (он же Эгна-пырис, Азалаа и пр.). Еще Б. Мушкачи высказал мысль, что небесный всадник Мир-сусне-хум — это солнечное божество [10, с. 191]. Версия получила развитие в работах других авторов, помещая из которых принадлежат В. П. Телодору. Он связывает Мир-сусне-хума с иранским Митрой по следующим признакам: это всадник на белом коне, седьмой сын верховного божества, посредник между небом (богом) и землей (людьми), который дружелюбен с пнями; наконец, его сподвижники и Наталья как и Митер и сестра символизирует связь Матри и Азалаа, столь характерную для иранской мифологии [9].

Мир-сусне-хум в более заземленной фигуре «разорителя гниды» встречается в рассказах о птице [10]. Эти тексты во многом соответствуют нетсеному мифу о разорителе гниды, который рассматривается как след христианского мифа, заимствованного в Амурскую зону с южными племенами иранцев из Карлани [80, с. 132—141]. В некоторых ойско-угорских текстах герой назван Плещинноголовым. Образ плещинного пернатца очень популярен в сказках народов Средней Азии, встречается у тюркских и монгольских народов. Под именем Эгна-пыриса (Азалаа) тот же герой выступает в роли трикстера, в которой он особенно близок европейскому трикстеру и селькупскому Иче; параллели имеются также в иганасинском и ишюном фольклоре. И юные иголки рассказов об Эгна-пырисе (Азалаа) имеют истоки сивилей людских и приращивания его перья в доморок, широко распространенный у народов Сибири и известнейший у индейцев Южной и Северной Америки. Наконец, в позднейшей сказке русского происхождения Эгна-пыриса приписываются имя и поступки Иавануику-дурчана.

Наследование типологических и генетических связей ойско-угорского фольклора — задача будущего, а приведенные примеры лишь показывают, насколько открытым является материал для дальнейшей работы.

* * *

Исходя из того, что это первое крупное издание повествовательного фольклора на русском языке, мы стремились не только полно представить его типологический состав и попытаться отразить традицию в не различных вариантах. При подборе и подготовке текстов учитывались следующие соображения и обстоятельства.

В этнографической литературе зинтов и манси нередко описывают вместе, но фольклор их публикуется раздельно. В данном издании объединены оба народа: при общем представлении тексты разделены на чукотскую и мансийскую части. Ученик в деловых общах народов на крупных диалекто-этнографических группах: мы стремились включать и сборники тексты изданной на юж. При подборе материала использовались и старые и новые материалы — как опубликованные, так и рукописные, чтобы проследить живучесть фольклорной традиции и ее трансформацию в течение почти полутора веков.

Реальность обско-угорской фольклористики такова, что в этих источниках не оказалось достаточного количества русских переводов с названных фольклорных записей. Современные же лингвисты и собиратели, даже владеющие родным и русским языками, испытывают трудности в переводе назва большого числа архаизмов, отсутствующих в живой речи¹⁵; не некоторым диалектам социалесков вообще не оказалось. Поэтому при подготовке издания предпринят широкий поиск истинников и привлечены материалы 20 собирателей, но, несмотря на это, подбору текстов нельзя считать равнотщевой. Лучшими образцами являются рассказы приписных знатоков фольклора, занисанные на национальном языке и переданные на русский специалитетам, владеющим «общим языком». В ряде случаев переводы сделаны совместно русскоязычным и собирателем. Для того чтобы достаточно полно представить в сборнике сложнейший состав обско-угорского фольклора, пришлось сделать перевод некоторых текстов не с оригинала, а с его немецкого перевода¹⁶. Кроме того, в издании вошли тексты, рассказанные по-русски (это отражает и современное состояние самой фольклорной традиции). Это главным образом записи последних лет у восточных хантов, по которым практически отсутствуют публикации на национальном языке; они могут быть полезны своей информативной о сюжетах и героях.

Как уже отмечалось, часть материалов публиковалась ранее, в том числе и на русском языке, но в настоящее время эти издания почти недоступны. Многие тексты специально переданы для данного сборника и публикуются впервые.

Название, если оно отсутствовало у рассказчика, было дано собирателем либо составителем. Народные названия чаще всего даны по имени главного героя, например «Иеншны Мос» сказка или «Она-пирск»; во содержание описательных сюжетов может быть самым разным, поэтому в некоторые названия необходимо было внести уточнения.

Многие имена, отражающие происхождение, внешний образ, примычки героев, даны в русском переводе, например Желанный Богатырь — Кулец Нижнего Света, Кулец Верхнего Света¹⁷. Наряду с такими антропонимными именами в списке без парцелляционного значения (Альдам, Ялыкис), которые трудно перевести на русский язык. Не чаще всего герои безымянные и указаны лишь их родственные взаимоотношения: старик и старуха, тети и племянники и т. п. У северных групп нередко в мансийском или герою вложены заимствованные слова, и наоборот. Рассказчику и слушателю это понятно, но переводить бывает трудно, так как не всегда известно, на каком языке кто-то из них знает часть имени. Из-за трудностей с переводом некоторые имена в текстах нашего сборника оставлены в той форме, в какой они записаны на родном языке.

Лингвистические дела при подготовке издания не преследовались. Тексты включены у носителей нескольких различных диалектов и мансийского языка разнообразно, многими собирателями, с применением разных транскрипций, поэтому могут встречаться различия в написании одних и тех же терминов. Мы стремились наиболее часто встречающиеся термины привести в текстах в единую форму, а в словаре дать в жаргонном.

В опубликованные ранее тексты иногда внесены лексические и орфографические уточнения, сделана небольшая правка с учетом характера

издания, убраны затрудняющие чтение скобки (в скобках оставлены лишь непонятные рассказчикам, давшие им в процессе записки). Сложные имена на национальных языках даются через дефис; на русском языке компоненты имени собственных пишутся с прописной буквы.

В примечаниях к текстам указаны имена собирателя и переводчика, время и место записи, имя и возраст рассказчика, ссылка на публикацию. Имя переводчика не указывало в тех случаях, когда оно неизвестно либо записано сделано с рассказа по-русски. О некоторых рассказчиках даны более подробные сведения в отдельной части (после примечаний).

Неопубликованные записи А. Салаидина, И. Еришкова, Е. Кузнецовой, А. Пили, И. Сайбатковой, В. Соловьев хранятся в их личных или семейных архивах. Материалы Н. Лукиной, Г. Пелин, В. Чернецова взяты из архива Музея этнографии в этнографическом кабинете Томского университета, а текст Н. Каскина — из архива Тобольского гос. историко-архитектурного музея-заповедника. Часть архивных материалов подготовлена к печати в наш сборник на собирателями или переводчиками, а другими лицами (М. Пахутина-Цыганкина подготовила № 100, 108, 112, 148, 150, 152; Е. Мартынова — № 42; И. Лукина — № 4, 110, 118, 117, 123, 124, 138, 139, 140, 151, 155, 158, 159, 166, 171—173, 175, 178, 190, 192—194; 197—200).

В примечаниях включены также комментарии, раскрывающие смысл тех или иных явлений и форму, бытовые реалии и религиозные представления, исторические факты, места происшествий событий и т. п. (все это комментируется при первом употреблении или упоминании). Часто встречающиеся этнографические термины и имена персонажей рассказов в словаре, куда вошли также и топонимы.

При подготовке комментариев и словаря использовались сведения, приведенные собирателями и переводчиками. Особенно широко привлекались данные И. Акичева, С. Пяткова, В. Чернецова, В. Штейншниц и текстами, переведенными К. Шмидт, почти все комментарии составлены ею.

Выражаем глубокую признательность заперской фольклористке Ею Шмидт за ценнейшие консультации и конкретные сведения по сбору-уточнению фольклора, а также кандидату исторических наук Е. С. Новик за серьезную помощь в ходе всей работы над сборником. С благодарностью принимаю конкретные предложения по доработке книги, высказанные в рецензиях кандидата филологических наук Е. А. Хохлицкого и кандидата исторических наук В. И. Петрушина.

И. В. Лукина

Примечания

¹ Они упоминаются в самых разных источниках по религии обских ургов. Первые подробные сведения приводятся в книге Гр. Новацкого [81]; впоследствии — в книге В. Штейншниц [56].

² У обских ургов известны и другие музыкальные инструменты: 0—13-струнная арфа (запт. *горон-моз*, *горонт-моз*; нем. *goronsin-äse*), 1—2-струнная *сисини* (запт. *арал-моз*, *арал-моз*; нем. *aral-moz*), *сисини* (запт. *хитт. нил-моз*), музыкальный лук (запт. *гет*), деревянный или металлический *мартин* (запт. *гудар*, *ахскал-луккал*, нем. *gudar*), деревянный *тренисто* (запт. *гор-мобал*; нем. *gorz-mel*), *дириница* *жуужалка* (запт. *миселка*), *деревянная чуралга-замыкала* (запт. *аот-аот-гола-гет*),

бубен (кват, крел; мис, ком), свистки, дудки, пищалки из дерева, тростника, кости, пера [45, с. 102].

² Связи с лингвистической терминологией пошерпуги нами из опубликованных и устных сообщений М. П. Вихруновой-Баладиной, А. М. Козыной, Н. В. Саввакиной, Н. П. Терениной и Е. Шмидт; воспользуемся случаем выразить им свою признательность за помощь.

³ В жаровой терминологии мисс Е. Шмидт выделяет еще одну специфическую группу терминов для обозначения более мелких и одноразовых массивов текстов. Большинство жаров, обозначенных подобными терминами, связано со сложной игрой, именно потому для мисс важным их различия и точные названия [108, с. 52]. Эта терминология дифференцирована, поскольку основой значения выступает здесь функция без указания на форму произнесения, а один и тот же жар может обозначаться несколькими терминами. Обычно жары включают одно-два слова, но иногда они состоят из четырех и более слов, например *сетя-ка-ксту-а-я-б-се-а* «слово-примы к бегу». Кроме того, существуют особые жары для заголовка *амат-се, ама-мисе, айаме, (тат): аамсе, аам-ам (мис)*.

⁴ В. Корвин вводит обско-угорскую праформу слова «свеча» и старорусскую бирину (IX–III вв. до н. э.) и сравнивает его с близким севенгским термином. Обозначаящим «отправление черной службы» и «депонение» [122, с. 40, 52–53]. Более широко фолетически и семантически слово тексия с жаром *м-и* приводит Е. А. Акименко [55], обнаруживая их в тюркском (называя с общедревнетюркского), древнесибирском и финно-угорских (включая венгерский) языках, что позволяет отнести их к широко-урало-азиатской общности.

⁵ Это только одна из групп песен, вообще же *арат-ары* включают множество жаровых и тематических групп, в том числе песен напризывающих отдельных лиц, песен с установившимся текстом, песен, сопровождающие танцы, и т. д. (их классификация выгравне была предложена Б. Миничи [26], другой вариант дан В. Н. Чернецовым [64], новейший подход к этому вопросу изложил Е. Шмидт [107]).

⁶ В нашем сборнике имеются рассказы об охоте двух мужчин, предков рода Пастор, на лоса, но без знания о стрелыном пог-этническом финале этих рассказов объясняет их происхождение созданий, а расселение рода из различных территорий (см. № 43, [58]).

⁷ Интересно, что изображение лоса в сочетании с солдатами символически «отныне и заготовкой мясом се на вырезанных животных Умат», а изображение индейки (и других животных) в сочетании с солдатами в истинном символически — во ритуальных песнях, применяемых во время медвежьих праздников. В. Н. Чернецов, анализируя эти рисунки, переходит к заключению, что в них мало отражено каноничность образов, следовательно «неканоничность и произвольность канона» [108, с. 59].

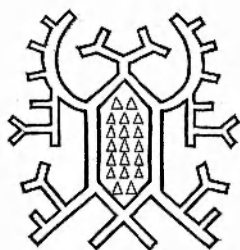
⁸ По поводу первого из них можно отметить, что его составные элементы фигурируют и как два разных мифа — первого мужчины Париса и первой женщины Эны, от которых пошел «весь вогульский род» Воронцов, это обстоятельство даю основание А. П. Балазину считать миф Эна-Париса мифологическим, более ранним по сравнению с мифом Мир-Сусе-хум. По его мнению, буквальный перевод Эна-Париса «Силою женщин» указывает на древний характер происхождения антропоморфа, в современном изложении роста этот термин отсутствует [6, с. 66].

⁹ Оно содержится в неопубликованном мифе, хранящемся в Тобольском музее-заповеднике. Сюжет мифа совпадает с № 105–106.

¹⁰ О языке фольклора см. [54].

¹¹ Ряд из них — на диалектах северных хантов и северных манси — приверчен по оригиналу с Е. Шмидт (№ 26, 27, 28, 31, 35). При этом мы неслись, что только в одном из изданий [48] немецкий перевод был несколько упрощен; в частности, и без вынужден фольклорные формулы.

¹² Об именах фольклорных персонажей см. [15].

**МИФЫ,
предания,
сказки
хантов**

1. Сотворение мира

Не было ни земли, ни воды, был только один Нум-Торум. Был у Торума дом в воздухе, на расстоянии трех аршин от дверей лежала доска, и только по этой доске ходил Торум, когда он выходил из дома. И ел и пил он только мед и сур. День и ночь он бывал дома, только два-три раза в день выходил гулять. Когда он проходил с прогулки, то садился на место-веревку, сидел и думал.

Однажды во время его размышлений капнула капля сверху на стол. Капля скатилась со стола, упала на пол, и вышла маленькая — женщина Ева¹. Маленькая девочка открыла дверь и вошла в другую комнату. Когда она оделась в этой комнате в платье, неизвестно откуда полученное, и вышла к Нуму, то он бросился ей на шею, поцеловал ее и сказал:

— Будем с тобою век жить.

Долго жили, коротко жила, у них родился сын. Сын рос очень быстро, потому что так же жид быстро растут, и вышел однажды на преддверную доску гулять. Отец и мать говорили ему:

— Далеко не ходи, ты можешь с этой доски упасть.

Он их успокоил, говоря, что не упадет. Прогнул спину, спустилась бумага² прямо к сыну Нума и прильнула к ладони правой руки. Бумага эта подвинулась вместе с ним кверху, и он пришел к дедушке. Тот его спросил:

— Ты пришел ко мне?

— Да, и пришел.

— Как поживаешь?

— Ничего живу.

Дедушка спросил его:

— Что у тебя есть там, внизу, кроме домочка, широко ли там или узко?

И он ответил ему:

— Ничего не знаю, широко или узко.

— А есть ли вода или земля?

— Ничего не знаю. Вниз смотрю: везде широко, не видно ни земли, ни воды.

Тогда дедушка дал ему в руки земли и ту бумажку, с которой он подвинулся кверху, и спустил его обратно к домику к Нум-Торуму, сказав на прощание:

— Когда ты спустишься вниз, то сбрось с преддверной доски землю вниз.

Когда он спустился, то землю всю высыпал вниз и пришел в дом, который был асломом. Тогда отец и мать спросили его, где он так долго ходил. Он им ответил, что был на улице, на доске, и играл. На другой день дедушка сам спустился в золотой дом Нум-Торума. Его накормили и накормили. Дедушка спросил у мальчика:

— Знате ли ты, кто больше — сын или отец?

Он ответил ему, что отец-бог выше сына. Отец и мать стали спорить, что есть один бог. Дедушка сказал им:

— У вас ума нет, маленький умнее вас.

Затем дедушка скрылся. На другой день мальчик опять вышел на ту же доску, посмотрел вниз и увидел землю, но леса нет. Тогда он прибежал к родителям и сказал, что увидел землю, и стал просить спустить его вниз. Его посадили в золотую люльку и спустили на веревке вниз. Когда он, спустившись, правую ногу поставил на люльку на землю, то нога стала тонуть как будто бы в ямке. Тогда отец обратно поднял его. Мальчик рассказал, что спустился, но земля жидкая. Мать стала говорить:

— Ну ладно, сынок, завтра вместе спустимся, сама посмотрю.

Наутро, утром раненько, спустившись оба в люльку. Спустились оба вниз, и вот мать действительно увидела, что земли нет, а есть жидкое болото. Она сначала стала на ноги, потом пришлось пагнуться и уцепиться руками. И вот стала она тонуть и скоро совсем скрылась. Мальчик остался и заплакал. Наконец он потянул за веревку, отец его поднял и стал спрашивать:

— Почему плачешь и где мать?

— Мать, — говорит он, — утонула в болоте.

Отец стал его утешать и сказал:

— Скоро ли, не скоро ли, но все равно все умрем.

Скоро, однако, мать вышла из комнаты смеющаяся и стала говорить сыну:

— Зачем ты плакал? Все равно, когда мир будет на земле, то дети будут такие оживлять своих родителей. Скоро будут деревья и трава на земле, потом народаются все люди.

На другой день, поутру, мальчика опять опустили на землю. Он вышел из люльки и побежал по земле: болота не было, земля укрепились. Мальчик на земле сделал двух людей — мужчину и женщину. Когда он по ним думал, они ожили. Потом Торум создал моршну и брусняку — красную ягоду. И сказал Нум-Торум людям:

— Вот вам моршну и красная ягода — питайтесь ими.

Потом он им сказал:

— Когда я уйду от вас, то придет Куль и будет вас соблазнять. Вы ему не верьте, пока я не приду сам; когда приду сам, то скажу иначе.

Он повесил веревкой, его подвинул черту. Тогда Куль пришел к вновь созданным людям и стал спрашивать:

— Что? Торум повелел нам есть моршнку и красную ягоду?
И он дал им горсть черемухи и сказал:

— Вы едите моршнку и красную ягоду — от нее сытости нет, а вот если съесть эту горсть черемухи, то от нее навсегда будет сыт.

Они не думали есть, но Куль уговорил их. Они съели и почувствовали, что сыты. Куль скрылся. Они продолжали есть черемуху. Когда Торум пришел на землю и стал спрашивать, что они едят, они показали.

— Зачем вы послушались Куля: он соблазнил нас!

Торум пошевельнул их рукой, они упали в разные стороны замертво. Торум дунул на них, они опять ожили. Потом он им ^{сказал}:

— Я вас оккупал. Смотрите, придет опять Куль, будет вас соблазнять — вы его не слушайте, ешьте моршнку и красную ягоду, которые я повелею вам есть раньше.

Затем он создал зайца и сказал им:

— Этого можно есть.

Затем позволил им есть и малину.

— Смотрите, — сказал он им на прощание, — не давайте себя соблазнять Кулю: ведь вы уже были мертвыми, верьте, что потому, что дали себя соблазнить Кулю. Теперь я вас опять оставлю здесь, и, если Куль будет вас соблазнять, не слушайте его слов, пока я не приду.

И показал он им три дерева: сосну, лиственницу и березу. После ухода Торума явился Куль и стал спрашивать:

— Зачем нам есть эту малину, что в ней сытного? А вот есть кедр — высокое дерево, на нем шишки. Пользуйте эту шишку, и будет у вас полный горсть орехов, и вы будете сыты.

Когда они съели эту шишку, то увидели, что они лгавы, и стали друг друга стыдиться, потом соблазнился друг другом и согрешили. После этого они спрятались в траву. Когда пришел Торум и стал их звать, они откланились чуть слышно.

— Почему вы спрятались? — спросил он их.

Когда он подошел к ним, они оба сидели на земле и не могли встать на ноги. И сказал им Торум:

— Вот я создал для вас одесей, оленей, зайцев, коров и лошадей: кожей их вы будете одеваться. Я говорил вам, что не нужно есть, вы не послушались, теперь останетесь на земле.

Он оставил Торум им ни огня, ни котла, оставил только сырое мясо и сам ушел вверх, на небо. Спустя некоторое время Торум посмотрел с неба вниз и увидел неисчислимое количество людей на земле — столько, что им стало тесно и они начали воевать друг с другом. «Что из этого выйдет? — подумал Торум. — Надо дать им зиму, чтобы они мерзли». И народ стал мерзнуть и умирать от мороза. Потом Торум стал размышлять, отчего осталось так мало народу. И он опять спустился на

землю.

Ходил он по земле и думал. Увидел камень и приложил руку к этому камню, и пошел жар от камня. Возле него лежал маленький камень. Когда он взял маленький камень и ударил о большой, то большой рассыпался — и из него вышла живая огонь. От камня пошла дорога, неизвестно куда ведущая, но очень широкая. Еще из камня образовалась воцелая лодка, то ли нос, то ли корма ее — неизвестно. Взял Торум опять камень и стоя друг о друга ударить, и показались огонь. Тогда Торум сдвинул из беровой коры трут, взрубил дерево, наколот дров и развел огонь. Когда он развел огонь, то собрал народ и стал отогревать у этого огня.

Потом стал он думать о том, что нельзя людям жить без народа, и сделал котел (из железа ли, из камня ли — неизвестно). И он принес в этот котел воды, повесил котел на палки, убил скотину (то ли корову, то ли оленя — неизвестно). Когда все сварились, Торум сам сел, закусы, и ему показались пища вкусная. Накормил он остальных, оставшихся в живых, съевших им.

— Вот я вам показал пример, как вам варить: вот огонь, вот вода; как я делал, так делайте и вы. Если будете забывать, разложите огонь — отогреетесь. Что добудете и что где достанете — вот так варите и едите. Питайтесь той пищей, которую я вам показываю.

Потом он им показал, как добывать птицу переселами, рыбу — гыггами, как неводить, как козыдывать и всякие промыслы. Затем сказал народу:

— Больше я не приду к вам, так я живайте.³

Когда Торум поднялся вверх, то спустя некоторое время стал опять смотреть вниз на землю. Видит, что народ размножился, все трудится. И стал думать: «Вот сколько расплодилось народу, соблазнил их дьявол». Позвал Торум к себе Кули и говорит:

— Ты без моего позволения никого не тронь, не соблазний, пока не скажу. Когда скажу, укажу на старого или молодого, того и съешь.⁴ Половину народа ты возьмишь, а половина останется мне.

2. Как кулик землю достал

Всех зверей ханты убивают, только кулика-люли не убивают. Он землю наверх подпал, когда наводнение было. В Ханты-Миянские есть семь холмов, это он подпал их. Когда чей-най¹ был, земля после этого не стала. Коп-нян-пах² — ему пегде охотиться — думал, думал. Кули послал и говорит:

— Хоть бы землю достать для охоты.

Люли нырял, выпрыгнул без земли. Второй раз — опять без земли. Третий раз вышел с землей. Коп-нян-пах там охотился.

3. Черт и бог

Черт пришел к богу и говорит:

— Дай мне то, что я у тебя попрошу.

Бог сказал:

— А что у меня есть?

Черт сказал:

— Есть.

Бог сказал:

— Ну ладно, дам.

Черт сказал:

— Дай мне солнце и месяц.

Бог отдал черту солнце и месяц. Черт стал в темноте людей есть. Так легче темным дела делать, разбойничать стал. Сын к богу пришел и говорит:

— Зря ты отдал солнце и месяц, пойдя и забори назад.

Бог говорит:

— Да неудобно теперь, раз уж отдал.

Сын говорит:

— Раз вы теперь друзьями стали, то почему неудобно?

— А как я возьму?

Сын говорит:

— Раньше черт жил без солнца и месяца, он не знает, что такое тень. Попроси у него тень. Если не отдаст, то ты солнце и месяц забори.

Пришел бог к черту и говорит:

— Дай мне то, что я попрошу у тебя.

— А что у меня есть?

— Есть, — говорит бог.

Вот сел, сидит. Бог показывает на тень и говорит:

— Дай мне вот это.

Черт лаял и не мог поймать. Тогда бог забрал солнце и месяц, снова светло стало.

4. Снысхан-пхиган

Снысхан — солнце, пхи — месяц (старик). Старик приехал к сныке и говорит:

— Спеш мне лисью шубу.

П просит еще спеш шубу из волка, зайца, горностая. Сныха скинула эти шкурки¹ и дала старнику. Старик надев и стал кататься с горы на гору. Шуба на четвертый раз порвалась. Все шкурки стали зверями и разбежались. Он голым пришел к сныке и отругал ее:

— Пойду на твоего отца войпой.

Собрал он всякое. А сныха взяла крыток, поддела солнце с маслом и спрятала в сундук. Старнику стало темно идти войпой. Он несколько дней не ел, не пил, пришел к сныке:

— Отпусти солнца, мне поесть и попить надо.
Она говорит:
— Ты же хотел на моего отца войной идти.
— Не буду воевать.
Тогда спиха отпустила солнце и месяц. Старик воевать
по стад.

5. Дочери солнца и месяц

У старика со старухой были сын и дочь. Дочь в деревне всех
людей слетала. Мальчик узнал об этом и спрашивает у матери:

— Кто тебе больше нравится — сын или дочь?

Та отвечает:

— Дочь.

Он заплакал, ушел. Дочери солнца пришла в сзоро купаться,
а он шкуру зебеда надел на себя и плавает. Дочери солнца его
е собой взяла. Он живет на солнце, одна за него мамуи выпила.
Он днем уходил от солнца и плакал. Дочери солнца спрашивают
у него:

— Что ты плачешь?

— Я обо что-то ударился.

Солнце пришло в то место и спрашивает у того:

— Ты зачем его обидел?

А тот отвечает:

— Он по дому скучает, потому я плачет.

Солнце говорит:

— Ты почему же говорил, что по дому скучаешь? Сходи
домой.

Дочь солнца даст ему гребешок и мамушек. Когда он стал
домой из землю, его сестра уже родителей съела и их черепами
играла. Все деревню съела и теперь черепа родителей кидает.
Есть вверх лицом упадет, значит, брат присел: хотела брата то-
же съести. Приехал он, а сестра пошу у лошади вытаскала и хо-
тела съести. Он всползл на коня — и ударить. Она гонится за
ним, уже близко. Он гребешок бросил — дес густой вынос позади
него. Пока она дорогу рубила, лошадь немного отдохнула. Он
едет, она опять догонит. Он камень бросил — стала вырывать.
Пока она камень разбивала, лошадь отдохнула. Уже догонит
его сестра. Она схватила его в том месте, где сердце, а тут солн-
це схватило парня, но уже без сердца. Солнце домой парня при-
весло, откачивать. Лежать стало. Наречь то оживает, то умрет, по-
тому месид то вырастает, то пропадает.

6. Пронхождение несяца

Один мужик жил, аи непы, никого еще у него нет. Потом
думает: «Один я в лесу живу или еще люди есть, надо сходить
посмотреть».

Думал, думал, переночевал, утром встал, чаю попил, оделся и пошел. Шел, шел, смотрит — я лесу избушка, там живет одна женщина. Стал с ней жить. Живет, живет, смотрит, что у этой женщины жизни короткая, а у него длинная. Думает:

— Поиду дальше.

Идет лесом в ночь. Опять впереди избушка. Пришел и видит: одна женщина там живет. Смотрит — опять у этой женщины жизнь короткая, а у него длинная. И сказал женщине:

— Я поиду дальше.

И пошел. Идет лесом в ночь. Встретил опять в лесу избушку, там живет одна женщина. Она без отца, без родителей. Стали вместе жить. Он видит, что у них жизнь одинаковая. Жили, жили, он говорит:

— Я пойду домой свою избушку посмотреть.

А женщина его не пускает. Он собрался и пошел. Сходил, дом посмотрел, пришел обратно. Истряс дом, где первая жена жила, смотрит — избушка нет. Откуда-то первая жена выскочила и погналась за ним. Он от нее убежал. Бежал, бежал, смотрит — где-то тут вторая жена жила и избушка здесь была. Откуда-то вторая жена выскочила, обе погнались за ним. Бежал, бежал, смотрит — третья жена в избушке на курах ножка сидит, ручки ноги спутались с дери. Он крикнул:

— Дверь открий!

Она дверь открыла, он наполовину залез, жены его из две части разорвали. Одна половина осталась там двум женам, другая — у третьей. Он стал с третьей женой жить; он — месяц, а она — солнце. Он когда вырвет до конца, тогда она одну половину мужа вверх бросила. Если так — пусть будет месяц, а сама стала солнцем.

✓ 7. О злых силах и месяце

Есть у солнца такой народ, только там жарко. Хлеб не ест, только поставит перед собой, смотрит, ртом откидывает. Только примыкает — добывает пшеницу, рыбу.

На месяце паровозик такой. Ребятишки ночью, когда месяц только взошел, пошли за водой. Не дошли до порога дома, стали

ЖИВОТЕТЬ.

— Вот как хорошо мы живем: и рыба у нас есть, и вода!

Месяц их поднесла на небо. Сейчас ребятишкам говорит:

— Не надо ночью бегать, а то месяц нас на небо утащит.

8. Шестиногий лес

Бог создал лес шестиногим шестируким¹. Младший сын бога думает: «Вот бедо, создав шестиногим шестируким. Когда пойдут люди на свете, никто не сможет есть его мяса, настолько

быстрым он сотворен. Он испился, у жены отец и мать. Тесть обижает его, не любит, пьют его «железным, булыжным супом». Это ему не нравится.

— И,— говорит,— пойду искать лоса. Он моим отцом сотворен таким быстрым! Где же он живет? Пойду-ка и его поймаю.

Его тесть говорит:

— Что хочешь сделать такой слабый человек, как ты?

— Я все-таки пойду, попробую.

Говорит он тестю:

— Пойдем-ка со мной. Надень кузов с вищей за спину.

— Ладно, ладно, я иду,— говорит его тесть.— Ну вот, поторопишь меня мисом. Что ты можешь слезать—железод, булыкающий палым супом, железод, булыкающий железивым супом!

Вот пошел. Пошел и настичу лоса. Вот это место, где лось живет. Он подкрался, лось его заметил, испугался, так побежал, что лишь следы остались. Кончиком лапы он потрогала следы, они уже давно затвердели. Настолько затвердели, что ири прикосновения значила, будто порок протка. Он растерялся, думает: «Ну и быстрым ты создан, лось! Только и подкрался, а ты убежал, ушел. Мой отец создал тебя быстрым. „Будь очень крепким,— такие слова мне слышны.— На берегу священ-ной реки, что в середине явра, есть озеро без деревьев в округе, без трав на берегу. Спустись к тому озеру“».

Шел, шел он по этой протоптанной дорожке, пришел к озеру. Это озеро всегда замерзшее. На том берегу озера сверкают рога лоса, призрачные петроги. Когда он побежал к озеру, то задела сзади себя пыльную лапу.

— Эй ты, быстрый, все еще ходишь там?! Поторопись, мои старые ноги еще не устали, хотя я старый человек.

Лось перепрыгнул через наклонное дерево, на той стороне попал в снег и прошел через него, остался след, как от протинутой по глупе сети. Лось перепрыгнул через наклонное дерево, и он перепрыгнул, на другой стороне оказался. Вышел из снега, и от него остался черный след, как от законченного котла.

— Давай беги,— говорит.

Он пошел дальше. Сверху, с восток деревень, спускают ниспущенные пеленки из оленьей шкуры. Это пройденное лосем место.

Говорит ему лось:

— Доберись прямо до чистого озера без деревьев, до чистого озера без трав, что на самом дальнем конце питающей реки, на дальнем конце многогорной реки, к чистому озеру, близ чистоты лоса.

Шел, шел, дошел до того озера. Тот лось проходит по середине озера.

— Эй ты, быстрый лось, все еще ходишь там? Иди быстрее, я еще не устал.

Лось на том берегу испрыгнул через изогнутое дерево, оказавшись с другой стороны, красный след остался, как от протянутой по глыбе сети. И он перешагнул через это дерево, на той стороне, победил по снегу, и остался след, как от законченного котла. Голос говорит:

— В дальнем конце многорыбной реки, питающей реки, есть чистое озеро без деревьев, чистое озеро без трав. Туда добрайся.

Когда лось ушел оттуда, он стал размышлять, один его след за пятью лесами с лоскушками на белку, за пятью лесами с лоскушками на собол. Думает: «Если этот уйдет от меня, то как же будущий человек его убьет?»²

Он тронулся на лыжах, подшитых шкуркой с живота темного ягера, быстро двинулся в сторону дома. Как одну ногу поднимет, так перешагнет через пять лесов с лоскушками на белку, другую ногу поднимет — перешагнет через пять лесов с лоскушками на собол. Шел-шел в дальний конец питающей реки, многорыбной реки. На краю чистого озера без деревьев, чистого озера без трав, на берегу озера — лесистый пригорок. Поднялся на перешеек пригорки, и лесу ходил. Поднялся туда, смотрит в сторону озера: лес не видать. Думает: «Вот ушел, куда девался?» Снова посмотрел вниз: лось пробирается под холмом. Лось пробирается через это место. Тот кончиком лука его тронул.

— Ну ты, быстрый, я еще не устал.

В середине озера — остров, к нему погнал лось, тронул кончиком лука. Его заднюю часть срезал:

— Будь четырехногом, четырехруким. С шестью лапами, с шестью руками даже меня измучил, а будущему человеку как же быть?

Силл шкуру, думает: «Что мне делать с этим мясом? Разложил мясо по воде озера, только сердце и язык взял. Шкуру пришил к ноге.

— При шиваении белых кукол, черных кукол³ будешь обоживать дров.

След лоса, по которому он шел, прибил кончиком лука к ноге, чтобы люди видели⁴.

— Пусть устанет лось, когда его будет гонять человек, пусть не сможет отдохнуть. Если медлительный человек его не догонит, то на второй день пусть догонит.

Думает: «Мой тесть идет за мной, очень обидел меня, но я принесу ему сердце и язык». И пошел обратно. Шел, шел, не нашел старика. Где конец питающей реки, там озеро, в старика все нет. В конце реки он пришел к озеру, наводненному жепскими слезами, там тоже его нет. Только туда старик добрался, где он спугнул лоса.

— Ну, убил лоса?

— Да, старик, и убил: он за одним деревом, за двумя деревьями⁵. И принес сердце и язык. Ты, усталый старик, свари их где-нибудь подале. Я побуду домой, а ты иди к куче мяса. Старик очень обрадовался. Старик ушел, он говорит:

— Ты когда-то обидел меня, хотя твою дочь — мою женою и мы живем с ней дружно. Ты только свою дочь любишь, а меня обижал. Потому сегодня ночью ты слышь лаяк и сердце лопнет, а потом заблудись навсегда в лесу и погибни там. Все.

✓ 9. Происхождение «Визовский»

Здесь было три крылатых человека: один — на Вахе, другой — на Оби, третий — не знаю где, может быть, на Енисее. Они хотели соревноваться, кто раньше добьется до подвеса. Снег был глубоким и три задних бежали за годовалым лошадком, он молодой и бежит быстро. Бежали, бежали. Визовский бежит и перелазит через деревья высотой по пояс человеку. Визовский бросил котел, чтобы легче бежать. Визовский первый достигал лес. Теперь на небе три звезды: это охотники бегут за лошадкой, а котел — это котел, который один из них бросил.

10. Старичок Тортор

— Старичок Тортор, старик, что же ты ищешь?

— Я ищу тонкую шубку, сшитую из гладкого, как стрела, меха.

— Старичок Тортор, старик, что же ты ищешь?

— Я ищу кисть, пеструю, как шкура со спинки бурдука.

— Старичок Тортор, старик, что же ты ищешь?

— Я ищу крепкий лук свой, свою добрую стрелу с костяным наконечником.

— Старичок Тортор, старик, что же ты ищешь?

— Я ищу свой хороший посох, сделанный умельцем.

— Старик Тортор, старик, что же ты ищешь?

— Я ищу один кузнечек с костями ворона, один кузнечек с костями сойки.

— Старичок Тортор, старик, что же ты ищешь?

— Я ищу лыжи-подвесаки, подбитые шкурой взрослой выдры.

Старичок надевает на себя тонкую шубку, сшитую из гладкого, как стрела, меха оленя. Надевает на себя кисть, пеструю, как шкура со спинки бурдука. Надевает на ноги лыжи-подвесаки, подбитые шкурой взрослой выдры. Берет один кузнечек с костями ворона, один кузнечек с костями сойки. Берет на спину крепкий лук с железной спинкой, берет в руки добрый посох, сделанный умельцем.

После того как собрался, зашагал вперед. Куда бы ни пошел свой добрый посох, сделанный умельцем, там появляется множество речей со снежной наледью, множество бегов со снежной наледью. Далеко шел — никто не видел, коротко шел — никто не

видел. Когда он так шел, навнес след соболя. По следу соболя идет и человек и пришел к концу южного отрога гор.

Долго шел — никто не знает, коротко шел — никто не знает. И однажды увидел своим поднятым оком, своим замечающим оком зверя¹, предназначенного ему для добычи. И вот он снимает один кузнечек с зорыными костями, один кузнечек с зорыными костями. И вот он снимает свой кривой лук с железной спинкой, свою добрую стрелу с костяным наконечником. И вот натягивает он свой кривой лук с железной спинкой, накладывает на тетиву свою добрую стрелу с костяным наконечником. И после того как выпустил свою стрелу, ворочает над ней:

— Пусть одну лапу зверя она унесет в утреннюю зарю, пусть одну лапу зверя она унесет в вечернюю зарю, пусть образ того зверя запечатлится на небе² для моего великого батюшки-бога.

Так и гремела стрела старичка Торетора семь дней. От потешной стрелы обреченный проход в горе. И во этому проходу совершает свой перелет множество птиц, детящих на север, множество птиц, летящих на юг.

11. Огненным потоком

Вверху, на небе, живет бог Торум. Его жене пришло время рожать, и, как водится, она родила сына. Положила его в колыбель и укачивает. Тут приходила мама бог Торум и приказала:

— Запри этого ребенка в круглый каменный дом.

Затем повернулась к сыну и сказала:

— Когда-нибудь я приду и достану тебя, но когда — мое дело.

Сказала она мальчику и унесла. Заперла в дом, а дверь заперла на замок. Пороток время был он заперт, долгое время был он заперт, вдруг принудился в колыбели и так сказал:

— Мой отец, бог Торум, не обращает на меня внимания, хотя он говорил: «Когда-нибудь я приду и достану тебя».

Должно сидеть. Долго ли сидел, коротко ли сидел, наконец ощутил свое лицо. Опять поднялся, говорит:

— Я уже стал взрослым, бороздитым человеком, но никто не смотрит на меня. Может быть, много отца, бога Торума, уже нет и живых! Я не могу здесь больше оставаться, я стану здесь своим человеком и илэми!

Сказал так и стал двигаться. Одним движением разрушил каменный дом, так что и осколка не осталось. Затем начал ползти. Увидел солнце, заметил, что в городе возмущается з-потой дом. «Это, конечно, дом моего отца», — подумал он и пошел туда. Пришел, открыл дверь, не унес еще и пойти, как отец ему навстречу:

— Сын мой, зачем ты пришел? Я сказала, что приду, когда надо, и заберу тебя. А теперь ты мне больше не нужен, иди ку-

да хочешь. Если тебе встретится сильный человек или хитрый человек — твоя вина. Только смотри — справишься ты с ним или нет. Если бы ты подождал, пока и тебя найду, то не было бы человека сильнее тебя и хитрее тебя.

Парень тоже расказался и так ответил отцу:

— Справлюсь и с ним или нет — мое дело.

Сказал, повернулся и вышел. Ушел и перестал в дом прислужника своего отца Торума. Там он и проводил дни. Но однажды, кто его знает, связался с женой прислужника. Это раскрылось. Отец Торум созвал народ и приказал:

— Убейте его!

— Как мы его убьем? — спросили мужчины Торума.

— Пусть все лошади, сколько их есть в городе, пашут дров. Сложите дрова в костер и сожгите его на костре! Пусть он горит, пусть прогорит! Такой человек недостойн жить!

Народ так и сделал. Разожгли большой костер, бросили в него в середину пламени. Он не сказал ни слова, не пролил ни слезинки, а огонь горел день и ночь. Когда его потушили, бог Торум приказал народу:

— Идите и посмотрите, что с ним стало!

Мужчины тотчас пошли, посмотрели, и вот они видят: на месте огня появилось маленькое озеро, а по озеру туда-сюда плавают маленькие гусенки. Мужчины идут назад, бог Торум спрашивает их:

— Ну, что вы видели?

— На месте огня появилось озеро, а по озеру плавают маленькие гусенки. Это может быть только сын бога!

— Если это так, то стреляйте в него, — приказал тогда бог Торум. — Идите и застреляйте его.

Народ идет туда. Они стреляли целую ночь, выстрелы трещали целый день, наконец даже порохов кончился, но с маленьким гусем ничего не случилось! Он был хитрее их, они ничего не могли с ним сделать!

Прошло немного времени, и вдруг мужчины видят: маленький гусенок вышел на берег и разгуливает там. Посмотрели еще раз и видят: маленький гусь исчез, а на дороге к городу идет сын Торума. Приходит, входит в дом прислужника и говорит ему так:

— Вот я, убей меня! Ну, когда же ты меня убьешь? Так убавить же, теперь ты можешь убить меня голыми руками!

Прислужник расердился и приготовился к борьбе. Начала они бороться. Сын Торума одной рукой схватил голову прислужника и так повернул ее, что она сразу свалилась с шеи. Прислужник был мертв. Тут жена собралась и опять стиралась к отцу. Только он ступил на порог дома, а отец уже ему навстречу:

— Сыночек, что ты спать наделал?! Что ты сделал с моим прислужником? Небесная обитель тебе не впрок! Уходи. Подишь, там, внизу, там тоже земля, там тоже живет народ. Сусу-

кайся и им, будь их повелителям. Они будут тебя почитать, они будут тебе молятся.

Тогда сын бога, сын Торума спустился с неба, пришел на эту землю. Он встал народ под свою защиту, лечил его, если тот болел. Народ начал ему поклоняться. Это заметил бог Торум, повелитель людей.

— На меня этот народ больше не смотрит. Из-за их коварного повелителя они забыли меня. Я должен убить их вместо их повелителя, и похороню на земле огненный потоп.

Так начал он размышлять. Это услышал сын Торума. Он сказал своему народу:

— Наш отец Торум хочет нас уничтожить, он хочет насдать на землю огненный потоп.

Народ сына бога стал умолять своего повелителя:

— Мы умоляем тебя, мы дадим тебе много драгоценного золота и семь чаш золота. Мы дадим тебе в жертву семь пестрых коней, мы убьем семь черных лив. Возьми их, поднеси своему небесному отцу.

Так умолял народ и принес свои жертвы. А сын отиражаясь к своему отцу, зашел и начал так говорить:

— Бог Торум, небесный отец, мой народ просит тебя. Взгляни на эти жертвы и не забывай нас.

— Лучше замолчи! Через неделю я пошлю на землю огненный потоп!

Тут и сын разгневался и так ответил отцу:

— Если хочешь похоронить огненным потопом, то сдержи это. Я не оставлю свой народ в беде!

Затем поприцали:

— Будь здоров! — И вернулись на землю.

Народ его сразу же спрашивает:

— Что за новости ты принес?

— Через неделю наш отец Торум пошлет на землю огненный потоп.

Наступил тут народ, мужчины и женщины начали плакать, Сыну Торума жалко их.

— Дети мои, — говорит он им, — не плачьте. Принесите мне жертву из ваших белых и пестрых коней. Принесите мне жертву и из вашего белого и пестрого скота!

Настал седьмой день. Народ везде приносил жертвы. Семь черных лив, семь чаш золота, семь шелковых занавесей подарили сыну Торума. Сын пришел и берет когда она закончили жертвоприношения. Затем пошел домой. Ночеро услышал: гром гремит с неба, сверкает молния и где-то бушует вода. Вода обрушивается. Сын Торума говорит народу:

— Эта вода обрушится на землю через неделю.

Народ опять начал плакать. Сыну Торума стало их жалко.

— Дети мои, не плачьте, — снова утешал он их, — вода и земля, нам ничего боится.

После этого они немного успокоились, хотя плеску пелесю над головами был слышен шум воды. Вода бушевала и буйствовала, но не достигал земли. Уже сельмой день клонился к вечеру, и все же вода не пришла на землю.

Небесный отен тоже смотрит вниз:

— Куда же делась вода, которую я послал вниз?

Посмотрел полудне и видит: между обними землями, между верхним лесом и землей, толстостенное медное корыто. В нем и собралась вода чудовищного потопа.

А у бога Тарума, небесного отца, нет больше воды в небе, которую он мог бы послать на землю. Так земля и осталась до сегодняшнего дня такой, какой она была.

12. Дом с закрытой дверью

В красивом божественном лесу жил человек с тремя дочерьми. Он всегда жил в доме с закрытой дверью¹. Однажды говорит старшей дочери:

— Доченька, я замерзлаю. Сходи за озером к Северному Ветру, попроси, чтобы не очень дул. Пока не дойдешь до другого берега, завязки на шубе и кисах не залазайвай². Встретивши медведя — пошелуй их и давайше шагать. Когда придешь в дом, в дровянике найдешь два топора — острый и тупой. Руби дрова тупым топором, острый же трогай. После этого сама выбери, как быть.

Старшая дочь отправилась в путь. На озере она сразу завязала шубу и кисы, думает: «Что это я буду по морозу с незавязанной шубой и кисами пагата?» Пошла старшая дочь сзади, разогнала медведей и дальше пошла. Давно ли, коротко ли шла, наконец пришла в дом, построенный из сырых листьевени. В дровянике действительно она нашла два топора — острый и тупой. Несколько дров острым топором, занесла в дом, разложил огонь. Когда подметала пол, нашла кусочек собоиного мяса, кусочек соболиного мяса и тут же съела. Наступил вечер. В дом вернулся хозяин, поиск его был весь унесен соболями. Он спросил: «Где видны для меня т олго?»

— Нет, — ответила она.

Начала они снимать шкуры с соболей. Пока она обдирала одну шкуру, хозяин все шкуры обдирал. Сварили они соболиное мясо. Мужчина пальцами мясом две чашки и сказал:

— Эту чашку унес в соседний дом.

Вышла старшая дочь на улицу, от одного дерева к другому шла, до соседней не нашла. Стали они мясо соболиное есть. Пока хозяйка ела один кусочек мяса, она всю тарелку с мясом спустила. Скоро настал следующий день. Перед уходом в лес мужчина говорит:

— Если до моего приезда не сошьешь шубу из соболиных шкур, не быть твоей голове на месте.

Хозяин ушел в лес. Думает старшая дочь: «Что же я могу сделать за такой короткий срок?» Гастопда она клей и стала шкуры склонить. В это время вошла в дом женщина и попросила:

— Неиста, пощи у меня в голове.

— Некогда мне искать у тебя в голове,— ответила она.

Гостя ушла ни с чем. Так она и склеивала шубу клеем. По-чером вернулся хозяин дома. Надса поную собольную шубу, только дошел до двери — шуба расклеилась. Рассордился хой-но, и старшая дочь старика простилась с жизнью.

Сильнее прежнего стал мерзнуть человек за закрытой дверью. «Видно, не выполняла дочь моих советон»,— подумала горестно отец. Отправил он среднюю дочь, чтоб заклора она Северный Ветер. Но не исполнила и средняя дочь просьбы отца. При-шлось ему отправлять младшую дочь к Северному Петру. Нака-зал ей перед дорогой, как нести себя в пути. Отправилась в до-рогу младшая дочь. Как только перешла озеро, наотню завязала шубу в иоты. Наострону ей попалась медведь, она их обила, расчлвляла и дальше тошла. В древицке вышла дая топора — тупой и острый. Тупым топором дрея изрубала и огонь и изба развизла. Когда подметала под, ваила кусочек досного мяса и кусочек собольного мяса, положила их на подоконник. Вечером в дом вернулся хозяин. Весь его нос был уонши собольми. Пока муж снимал шкуру с одного соболя, она спала шкуры со всех соболей. Говорит он:

— Ты по видела точила?

Иена присела ему кусочек досного и собольного мяса. Это, оказывается, было его точила. Сварили они собольное мясо, и муж попросил отнести одну чашку к соседям. Младшая дочь отнесла мясо к соседям. После этого они стали есть мясо. Пока она ела один кусочек, муж съел все мясо. Наступил следующий день. Перед тем как уйти в лес, муж ей наказал:

— До моего прихода сней из этих соболей шубу.

Осталась она одна и думает: «Что же я могу сделать за та-кое короткое время?» Скоро вошла в дом женщина и попросила:

— Неиста, пощи у меня в голове.

Стала она искать у женщины в голове и видит: за одним уком женщины обрабатывают шкуры, муот их, шьют шубу. Уди-вилась она этому. Пока в голове жекла, шуба уже готова была. Видим: служанки-пекидики помогли ей справиться с работой. Пришел вечером с охоты муж. Надса поную шубу, прошея по избе, повранилась она ему. С тех пор младшая дочь осталась жить с Северным Ветром, а у человека в доме тепло стало.

13. Происхождение человека

Не на земле, а в небе живет один человек — Ков-яки. Он живет один. Думает, что надо человека сделать. Взял глину, сде-лал. Как его оживить? Тот не дышал. Оставил его, пошел котцу.

— Пот, отец, надо как-то, чтобы человек жил.
 — Ты ему воздуха накачай, он оживет.
 Пришел, у него руки и ноги оказались передоманными.
 — Эй, сын, человек активно не живет, он заболел. Нарочно у тебя так вышло?
 — Как нарочно? Я его оставил целого.
 — Пот, человек живет, являет и умрет.
 Он пришел обратно, дал ему воздуха, человек ожил. Как быть? Кон-ника опять один живет. Тёрас-най¹ одна живет. Этот человек пошел к ней, и они вместе стали жить.
 На земле людей вообще не было. Они две березовые ветки словили, дома посадили, потом эти ветки людьми стали².

14. Как человек стал смертным

Медведь ведь проклял, не знаю кем. А собака Торумом проклята. Раньше человек умирал, а потом оживал всегда. Один раз он умер, а собака пошла к Торуму и спрашивает, как его оживить. Торум говорит:

— Моложи ему на ноги камень, а на голову гивлушкин, он и оживет.

Собака понесла гивлушкин и камень человеку, а навстречу черт:

— Кладь гивлушкин на ноги, а камень на голову.

Собака так и сделала. Когда человек пстал, камень ему лоб пробил, и он совсем умер. Собака снова пошла к Торуму:

— Я камень ему на голову положила, а он совсем умер.

Тогда бог ее проклял:

— Неси шубу и, что хляпни во двор положит, то и ешь!

Раньше собака человеку настоящим товарищем была, из одной посуды с ним ела, чистой была.

15. Происхождение скоти

Еще у Торума был сын Сюхас. Теперь это птица, которая высоко летает.— Сюхас Торум послал сына с неба на землю хорошие дела творить и наказал, чтобы он хорошо оделся. Тот не послушался, говорит, что не замерзает. Подлетел к земле, а Торум за неисслушание мерзнул. Сын упал. Тогда Торуму жалко его стало, он превратил его в птицу. И теперь она высоко летает, но подняться до неба не может.

16. Происхождение кукушки

Однажды муж Казым-нми уехал на рыбалку, а она с мальчиком и девочкой дома осталась. Захотела Казым-нми пить, попросила детей принести ей кружку воды, но дети не принесли.

Казым-ими превратилась в кукушку. Дети гонялись за ней по лесу с криками и просили Казым-ими выпить воды, но кукушка улетала от них все дальше и дальше.

Еще раз Казым-ими увидела своего мужа, возвращающегося с рыбавки. Она села к нему в облас, а муж так сильно ударил кукушку неслом, что облас у него раскололся пополам и несло сломалось. С тех пор кукушка все время говорит:

— Рыт чои, луп чои — половина обласа, половина несла,

17. Почему у глухаря глаза красивые

Когда-то жили все птицы вместе и не улетали в теплые края. Стало холодно, собрались птицы улетать на юг. Собрались все вместе и решили завтра лететь. Глухарь почелась отдельно. Утром он прилетел туда, откуда должны были улететь птицы, но место было пусто, птицы уже улетели. Глухарь так долго плакал, что у него покраснели глаза. Весной птицы прилетели. Он рассказал, как провел зиму. Боровая птица решила больше не улетать на юг. Подплывающая птица не боялась глухаря и стала на зиму улетать.

18. Белое мясо рыбчика

Рыбчик раньше был большой птицей. Однажды он внезапно испорчился и превратился в рыбу. Рыбчик рассердился и порвал его на семь частей, на семь сторон света раскидал по кусочку. Из одного кусочка стал маленький рыбчик. И с тех пор белое рыбчичье мясо есть у всех зверей и птиц. У глухаря есть белое мясо, у лоса вдоль хребта тоже идет белое мясо рыбчика.

19. Летучий зверь-налим

Давно-давно, очень давно это было — в стародавние времена. Древние старики нашим предкам рассказывали, что с тех пор прошло много десятков тысяч лет, а момент был, еще больше прошло с момента образования земли и появления зверей и птиц на земле. Это, говорят старики, было еще тогда, когда звери человеческий язык понимали: когда таежный хозяин — медведь — в родстве у зверей был; когда в роду у Сена-рях медведь желанным гостем был.

Вот в те стародавние времена среди летучих зверей и птиц Летучий зверь-налим был, очень и очень большой и страшный зверь. Он отличался от всех зверей тем, что летал по небу, как птица. Сидит на море, плавает, как морское животное. Сидит на суше, ходит, как зверь лесной.

И вот однажды Летучий зверь-налим, летая по небу, увидел: по обширной и ровной болотистой тундре едет кто-то на пяти запряженных оленях. Это мишовой ненец¹. Нарта его нонан, идать, сделана из чистой кремневой листовницы Семисажениный хорей с коньком стальным, идать, сделан из бивней мамонта².

Летучий зверь-налим думает: «А что, если я съем этого эдо-на?» С этим замыслом он взлет на лету схватил эдока с оленями и партой, все сожрал. Досыта наевшись, он расположился спать. Трое суток он спал. Затем поднялся и полетел по скалистым горам и долинкам, по полям и по рыбным рекам и озерам. Довго ли, коротко ли так он летал, однажды утром, на восходе солнца, надал, на опушке леса, он увидел: идет лыжник. Стад внимательно всматриваться в него. Оказывается, это дровосек-хант. За поясом, идать, висит топор. Рукавицы на голые по-блескивают, верх у них вязан из чистого серебра. Пыжи, идать, сделаны из гонимовой бересты с покрывной из тавяной шкуры. Идет лыжник в лес, с охоткой поглядывает на странного зверя. Кружится над лыжником Летучий зверь-налим и думает: «А что, если я этого лыжника съем?» С этим замыслом конарным он на лету хватает и проглатывает ханта, как чайка рыбешку. Проглотив ханта, Летучий зверь-налим дальше полетел.

Довго ли, коротко ли он летал, однажды, летая над большим городом, он взглянул вниз. Видит: на окраине города кто-то идет. Летучий зверь-налим стал всматриваться в него. Это, оказывается, старейший пои с большим крестом серебряным на груди. Летучий зверь-налим кружится, парит над поном и думает сожрать и пои-старика. С этим замыслом конарным полетает на пои и проглатывает его, как морская чайка рыбешку. Проглотив пои с крестом, зверь-налим летучий дальше полетел³.

Это злодейство Летучего зверя-налима городской народ, конечно, видел. Жители этого города с поклоном и жалобой обратились к семи старцам семи городов и просили изабанить город от хищного зверя-налима.

Собрались семь старцев семи городов. Судили-рядили, все зверства Летучего зверя-налима отметили на дощечках и решили с этим обратиться к Солнцу дня и Солнцу ночи, предать суду. Летучего зверя-налима. И вот семь старцев семи городов семь дней подряд молили и просили Солнце дня наказать коварного злодея — Летучего зверя-налима. Семь старцев семи городов семь дней подряд приносили в дар Солнцу дня семь жертв и ставили семь котлов с разными кушаньями. Семь ночей подряд молили и просили Солнце ночью и ночью наказать коварного злодея Летучего зверя-налима. Семь старцев семи городов семь ночей подряд совершали Солнцу ночью и ночью семь молитв и ставили семь столов с разными кушаньями да сладкими напитками.

Разыскали Летучего зверя-налима и представляли на суд Солнцу дня и Солнцу ночи. На одной стороне Летучего зверя-налима стояла вооруженная стража Солнца дня, на другой сто-

роне Летучего зверя-палама стояла вооруженная стража Солнца ночи.

Солнце дня рассмотрело жалобу семи старцев семи городов, отмеченную на-ловечках, и сказал:

— В этих отмеченных дощечках доказываются все злодеяния Летучего зверя-палама: первое преступление — это нападение на вепца-едока, которого он сожрал вместе с оленями; второе преступление — это нападение на дворовека-ханта, которого он с палата сожрал; третье преступление гласит: нападение на пола-старца, которого тоже сожрал. Кто свидетелем этих злодеяний может быть?

Солнце ночи рассмотрело жалобу семи старцев семи городов, отмеченность на дощечках и сказал:

— Я могу быть свидетелем по этому делу. Злодейство Летучего зверя-палама мне все известно. И само ведомо, как Летучий зверь-палам попал на вепца-едока на оленях и сожрал его вместе с оленями. В другой раз оцить утром, с восходом солнца, с хитрыйских юрт шел на лыжах хант-проноска в лес. Летучий зверь-палам попал на него и сожрал. Много ли, мало ли времени прошло. Однажды, во время заката солнца, над большим городом летал, Летучий зверь-палам шнырял на пола-старца и сожрал его. Все эти преступления не проходили мимо моих очей. Эти преступления надо вот здесь рассмотреть и коварство этого злодея-палама совсем ослабить и не дать возможности ему множиться. Если это злодейство коварного зверя оставим безнаказанным, то он со временем все живое и прекрасное на земле уничтожит. Надо ему наказывать.

— Правильно! — говорит Солнце дня, — надо его наказывать. Я придумаю ему такое наказание: прекратить его и маленькую рыбешку — в рыбу-палама. За то, что он губит людей, пусть для людей будет рыбой. Пусть этой рыбой питаются люди. Пусть будет так.

Солнце дня и Солнце ночи приказали своей страже:

— Орубить крылья Летучего зверя-палама и вырвать семь перьев с хвоста. Затем пустить его в Обскую губу, в воду Ледяного моря. Пусть там будут мучиться и плавать по большим рекам да речушкам и протокам. Люди его будут ловить неводами и сетями, гитгами да кричками.

По сему приказу Летучего зверя-палама превратили в рыбу-палама. Так и доныне эту рыбу-палама ловят люди и едят ее вареной и жареной, в консервах и копченой. Вот и весь сказ о паламе-зверь-летучем⁴.

20. О пожелании оленей

Когда-то поспорили казым-ях и ахым-ях¹, кому достанется больше оленей. Хозяйкой всех оленей была Пазым-мня. Было два больших оленя — важениа и хор. Они были в два раза боль-

ше выпасенных оленей, от них все олени пошла. Их хозяйкой была Казым-ими. Этих оленей запрягали в двустороннюю нарту — хоть с той стороны запрягай, хоть с другой¹. Собирались тазовцы и казымцы, праздник хотели устроить, жертвоприношение; не человека в жертву принести, а оленя. Посопоили, кому этих больших оленей отдать. Тазовские говорят, что им надо отдать, а казымцы тоже требуют, у них на этих двух оленей есть своя богиня — Казым-ими. Казымцы говорят:

— Эта женщина (Казым-ими) кому принадлежит, тому надо и оленей этих отдать.

Так они спорят. Приказали этих больших оленей четверо еловыми арканом, и олени стали прыгать. Олени рванули аркан, порвали и сразу убежали в сторону Тарко-сале. Все маленькие олени за ними. Ночью половину стада вернули. Из этого стада у хантов олени появились, кому один, а кому десять досталось. Больших оленей являл у ачмы-из, и тогда Казым-ими стала их хозяйкой. Казымцы оленей в итоге не на больших оленях. Там стадо наполовину собаками расклевал и утащил. Эта двусторонняя нарта называется дуи-ауль, ее надо у ачмы-из динать, она у них остается.

✓ 21. Первая оленья нарта

Два ханта решили построить нарту. У них есть олени, и они где-то заметили, что на оленях надо ездить. Пошли в лес, два хвойных дерева срубили. Один мужик ничего не обтесал, с сучками стоял, другой все снял и сделал гладко. Сделал нарту, она одного человека держит. Один поехал — только иль стоябом; у другого олени тянут, тянут — и панака: сучки обратно тянут. Олени оглянулись на хозяина и говорят человеческим голосом:

— Ты нас послушай. Посмотри на своего товарища, у него все гладко сделано, а мы весь лес вместе с твоей землей тащим на себя, у нас сучки есть.

С того времени стали обстругивать гладко все снизу.

22. Богатырь-медведь

Медведь произошел на свет, по преданию стариков, через обращение или видоизменение человека-богатыря. Это обращение человека в медведя произошло по следующему обстоятельству и таким образом. Был один богатырь, который в жизни своей любил ходить часто в лес. Много раз он так ходил в лес и всегда возвращался из леса домой. Однажды так же пошел богатырь в лес, где и заблудился: зимел так далеко в глубь леса и в такое место, где ему выйти из такого места никак невозможно было — ни иззад, ни вперед. Представлялся ему еще одна только возможность выйти из непроходимого места — перебраться через ог-

ремную колоду, тут бывшую и поросшую на одну четверть мхом. Богатырь при всех своих попытках не смог, однако же, перелезть через эту колоду в своей одежде, какая была на нем. Он употребил последнее к тому средство: снял с себя для достижения своей цели — перелезть через колоду — верхнюю и нижнюю одежду, положил ее около колоды и перелез через нее голым.

Как только он перелез через колоду, то я тот же миг почувствовал тяжесть в своем теле. Сказ он сматривать себя и увидел, что тело его покрылось такой шерстью, какую мы видим теперь на медведях. Видя свое тело, обросшее шерстью, богатырь испугался и решил по этому случаю порогнуться назад через эту же колоду к своей одежде, чтобы прикрыть свое тело и не было бы видно на нем шерсти. Когда же богатырь перелез снова через колоду и стал снимать положенную им ранее свою одежду, то ее, к несчастью его, нигде не оказалось: ни на том месте, где он положил ее, ни на другом каком-либо месте. Одежду богатыря, по объяснению остряков, унес дьявол: шерсть образовалась на теле богатыря из моха, когда он перелезал через колоду. Да и человек-богатырь стал медведем тоже по хитрости и действию дьявола. Богатырь, по имени человеческой одежды и будучи покрыт шерстью, не пошел в таком виде жить к людям, но стал остальное своей век скитаться по лесу и питаться тем, что только падает себе в лапы. Вот первое по свет появившееся медведя, но преданию остряков.

23. Провожаемые медведи

✓ Не знаю, правда или нет, что медведь раньше был богом, у него были дети. И вот (здесь есть послушные и непослушные) одного непослушного медвежонка бог выгнал и сказал:

— Иди куда хочешь.

Маленький медведь ушел на землю, но до земли не полетел и застрял в развилке дерева. Думает: «Пропал теперь: ни вверх нельзя подняться, ни на землю опуститься. Съедят меня, наедрят, черны». И правда, падох медведь, стали из него выпадать черны на землю. Из больших черней выросли медведи с длинными хвостами — большие таежные медведи, а из маленьких черней — маленькие северные медведи без хвостов.

24. Медвежья смерть

От моего езда, муля самобезного себя, я на конце дорогих железной ноги спустился на землю. За узким и длинным зеркалом находится небольшой островок суши, покрытый рощей из сибирянской березы. Когда я туда пришел, там возмывалась чернотелая гниль, родившая прекрасную черноту, возмывалась пингвиновая гниль, родившая прекрасную пингвинку. В пингвинке здесь родилась пингвиновая величавая с перелетливой весла,

в изобилии родилась черемуха величиной с лосиные губы. Пришли двое мужей из города Городского Князя. Один муж говорит:

— За узким и длинным сором находится небольшой островок суши, покрытый рошей из смешанной липы. И пойдя добыть кремлевое дерево для кремлевого лука¹.

Другой муж говорит:

— За узким и длинным сором находится небольшой островок суши, покрытый рошей из смешанной липы. И пойдя туда взять березового дерева для березового лука.

Когда они, севши в лодку с тремя отделениями² и обхвативши крепким обхватом славной полов руки весло, снабженную пальцеобразной перекладной, опускают его в воду у славного носов носовой лодки, то оно выходит на поверхность у кормы лодки, снабженной кормой, подобно тому как большая скона вытаскивает из воды рыбу.

Позади узкого и длинного сора находится небольшой островок суши, поросший рошей из смешанной липы. Когда они приплыли к этому островку, один муж добыл кремлевого дерева для кремлевого лука, другой муж достал березы для березового лука⁴.

Позади узкого и длинного сора находится небольшой островок суши, поросший рошей из смешанной липы. На небольшом островке, покрытом рошей из смешанной липы, поднималась черемуховая гривка, производящая чермушинки, и пильновиковы гриппы, производящая шинисвинки. Шаполик величиной с перекладную весла и черемуха, крупная, как лосиные губы, родилась здесь в изобилии.

Когда оба мужа одного роста, одной высоты приплыли на западе розного города, они приплыли многочисленным женщиным города дважды сложную складчатую весть об этом⁵. Многочисленные женщины города, многочисленные женщины с приворочными руками отплыли туда со славными берестяными корнями с зубчиками и отверстиями, со славными туссами с обрубками в отверстиях. Они оттолкнули от берега большую лодку, изукрашенную изобразившими птиц, которую Городской Князь берет с собой в дело войны. Они взяли с собой девочку в яловке, в славную середину лодки, являющей середину, они ее посадили. Они взяли с собой мальчика в берестяном лукошке⁶, в самую середину лодки, снабженной серединой, они его положили.

Позади узкого и длинного сора находится небольшой островок суши, покрытый рошей из смешанной березы, небольшой островок суши, покрытый рошей из смешанной липы. Славным носом лодки, являющей нос, она там пристала к берегу. Многочисленные женщины с приворочными руками запытались на берест, подобно самкам-зайцам с явными задом. Многочисленные женщины с явными руками поплыли на берег из четырех дорогих концов своих носов⁷. Они взяли с собой девочку в яловке. На славной сухой ветви дерева там они ее понесли. Они взяли с собой мальчика в лукошке. На славной сухой ветви дерева там

оня его понесла. Многочисленные женщины с прозрачными руками и многочисленные женщины с ленивыми руками побежали к черемухой горняке, поросшей черемушином.

Когда многочисленные женщины с ленивыми руками устлали славное доньино берестяной корзины ягодами, а многочисленные женщины с прозрачными руками дошли до середины корзины, а, подобно лесному зверю, зарычал тогда на них из большого горла. Многочисленные женщины с прозрачными руками прыгнули в сторону, подобно самцам-зайцам с легким задом. Многочисленные женщины с ленивыми руками еле уползли на дорогах концах своих четырех колен. Пое остроколючей, принадежанней Городскому Князю, расписной и плурашантой изобразительными птицами они в страхе обратили в корку, а из коры лодки, слабешной корной, они сдвинули нос. У них была с собой девочка в льняшко. Ни славной сухой ветви дерева там они ее оставили. У них был с собой мальчик в берестяном лукомке. На славной сухой ветви дерева там они его оставили.

К девочке бедняжке, мертвой от страха, я подошел:
«Девочка-бедняжка, ты мертвая, ты мертвая!

Твоя мать, а ты меня плакала.

В худой одежде из кожаной коры она для меня плакала.

Твоя мать в честь меня плакала.

С знакомой из бересты¹ она, подобно жеребенку, для меня плакала.

Девочку безжалостно, мертвую от страха, я бросил в свои поляны рот с двадцатью зубами.

И захрустел зубами, как будто она была утешком.

К мальчику бедняжке, мертвому от страха, я подошел:

«Мальчик-бедняжка, ты мертвец, ты мертвец!

Твоя мать в честь меня плакала,

Твоя мать в честь меня плакала.

В суровом кафтане, пушистом, как белый мех, она для меня плакала.

Твоя мать в честь меня плакала.

В обуе, украшенном бисером, подобно ноготкам белки, она для меня плакала.

Твоя мать в честь меня плакала,

В рубашке с изобразительными птицами она для меня плакала.

В лаптях, изукрашенных изобразительными птицами, она для меня плакала.

Когда сила моей правой руки истощится,

Я силой левой руки тогда же являлку возьмусь².

В то время как на мальчика-бедняжку напал позитивный страх перед лесным зверем, в лодку рту зверя, слабешком двадцатью зубами, собиралась темная чина.

Когда многочисленные женщины города пришли на площадь родного города, они принесли многочисленными мужьями города двадцать сложную складчатую чина. Многочисленные мужья города сдвинулись тогда на военную ногу с прекрасными суставами. В славную середину лодки, слабешной серединой, они по-

сидели двух охотничьих собак, подобных годовалым телатам оленей¹¹.

Посады уязкого и дьявпого сора находится лебодыной остро-
век суши, покрытый рошей из смешанной джвы. Славный нос
островенечной лодки они держали высоко, подобно тому как дер-
жит свою высокую шею плавающий олень. Если бы конец сла-
вной мормы лодки, имеющей корму, не был бы снабжен рулевым
веслом, то как бы славный нос островенной лодки вошел в свя-
щенную воду с семью концами?¹²

Когда они добрались до небольшого островка суши с рошей
из смешанной березы и с рошей из смешанной джвы, многочис-
ленные мужи с медвежьим сердцем¹³ прыгнули на берег, подоб-
но азайнам-самцам с легким задом, а многочисленные мужи с
диавельским сердцем¹⁴ еще поехали туда на дурных конях своих
четырёх юлен. Тогда на меня спустились двух охотничьих собак,
подобных годовалым оленям телатам. В то время как я недо-
шел к мальчику-бедняжке, мертвому от страха, на меня броси-
лись две охотничьи собаки, похожие на годовалых оленевых телат.
Когда я попал на двух охотничьих собак, похожих на годовалых
оленевых телат, на меня пошел с принадлежащими Городскому
Князю и вынутыми из отверстия козлана двух- и однокопенны-
ми стрелами. В то время как я пошел навстречу вынутым из
отверстия козлана двух- и однокопенным стрелам, на меня на-
ступили охотники с односторонней, связанной ремнем рогати-
ной¹⁵; а когда я пошел против одностороннего, связанного рем-
нем коня, они на меня пошел с сбукос топора, изъеденного
огнем. Когда я вошел навстречу сбуксу топора, изъеденного
огнем, тогда я скончался великой смертью медведя.

Когда я скончался великой смертью медведя, тогда с меня
сняли шкуру, подобно тому как снимают шкуру с дубравной со-
рожи. Мои священные мальчи¹⁶ и медведи поехали в самую
среднюю лодку, снабженной среднейю. Из славной плавиды
родного города, принадлежавшего Городскому Князю, мы направи-
лись с целой процессией из джвы. Тогда мы пришли в город-
ской пристани, многочисленных женщин города, сотни нечи-
стых женщин стояли, подобно судоманкам, с мопрами руками
перед моей головой с проборм, производящей множество ядов.
Многочисленные женщины города, многочисленные мужнины го-
рода подняли там к себе славное облако из массы воды¹⁷. Свя-
щенную мзу медведя они тут стали есть.

Когда меня ввели в самую среднюю дома, снабженного о-
гнем, зажженным остью жовидной, тогда устроили священ-
ный пир медведя. Когда священный пир медведя прошел, они
стали есть священный пир медведя. Меня одели в пуши-
стый суконовый кафтан с длинным пушиком, меня украсил аве-
линием серебряным. Когда священный пир медведя
окончился, я по дорожному концу ислетанной цепь, звенящей, по-
добно серебру, подлился наверх к моему отцу, мзу семибедно-
го медведя¹⁸.

25. Женщина Мось

В давней избушке жила когда-то женщина Мось. Однажды, когда пришла весна, она повесила сушить на солнце свою яркую вышитую и украшенную шубу. «Пусть еще немного подсохнет», — подумала она, затем пошла в дом и занялась работой.

Когда настал вечер, она вышла и видит: шуба исчезла! Направо смотрит, налево смотрит, но нигде не находит шубы. И метра не было, куда же она подевалась? Неужели ее человек забрал? Везде и всюду осматривает, но не видит никого. Тогда она начинает плакать.

— Зачем только я ее вывесила? Еще моя мать ее шила, паперво, уже лет двадцать жить. По она бы не порвалась еще целых тридцать! Не украл ли ее па земный четвероногий зверь? Или с ней узетела пернатая небесная птица? Где я ее найду? — причитала она себе под нос.

Потом жегла, но никак не могла уснуть. Рано утром она быстро встала, поела, попила, повязала голову платком и отправилась в путь куда глаза глядят. Долго шла, коротко шла, наконец чувствует, что ее оставляют силы. Оглядывается: позади плет дым. Дым из избушки. Три ее столба в землю входят, а три — возмываются в небо. Женщина Мось идет к избушке, но не отваживается заходить. Кто его знает, что там живет — человек или злой дух. Она прислушивается. Внутри слышно только потрескивание огня. Она начинает плакать. Тут открывается дверь, и на пороге находят женщину.

— Кто ты? — спрашивает она у женщины Мось.

— Я женщина Мось из одинокой избушки, — отвечает женщина Мось.

Тут женщина подбежала к ней.

— Гуслож, что тебе сюда привело? — спросила она.

— Шуба, которую шила моя мать, потерялась, исчезла.

— Как это потерялась? — спросила женщина.

— Я ее вывесила сушить, и она исчезла. Не знаю, украл ли ее четвероногий па земный зверь, или с ней узетела пернатая небесная птица. Теперь иду ее искать куда глаза глядят, — ответила женщина Мось.

Но женщина поцеловала ее, ввела в дом, дала ей поесть и напоить. Женщина Мось поела, по, сколько ела, столько и плакала.

— На плачь, с плачем ты ее никогда не разыщешь, — успокаивала ее женщина.

— Конечно, никогда я ее не разыщу, — повторила женщина Мось.

— Подожди, пока придет твой довер, может быть, он ее где-нибудь найдет, — утешала женщина.

И только она это проговорила, как они услышали, что кто-то пришел. Пришел муж женщины. Он вошел, но ничего не сказал.

— Ты не замечаешь,— набросилась женщина на мужа,— что у нас находится кто-то, кого мы знаем?

— Мои глаза еще слепые от весеннего ветра, но теперь я вижу: здесь женщина Мось из одинокой избушки,— сказал муж.

Затем спросил женщину Мось:

— Наверно, ты ищешь что-то? Рыбача я охотюсь, я прохожу по земле, я странствую по дальним дорогам, странствую по близким дорогам, но ничего не нахожу.

— Шуба, которую шила моя мать, потерялась, и теперь я иду ее искать.

— Здесь ищутся еще только злые духи, но не люди,— сказала эта женщина.

— И все же ты ничего не видишь? — снова спросила женщина Мось.

— Если бы ее увезли туда, где проходит его дорога, он бы ее обязательно увидел,— ответила вместо мужа женщина.

Тут и муж ахнул словом:

— Жена, дай своей сестре легкую шкурку хуинцы. В далекой земле, там, в одинокой земле, живет ее младшая сестра. Может быть, у нее есть что-нибудь спазать?

С этими она явля. Пошуру жетала. Муж уже давно ушел. Иней, как шкурка белая, покрывал его ложе¹. Обе женщины сразу же поднялись, начали есть. Но женщина Мось, сколько ела, столько и плакала.

— Я хочу разыскать свою шубу! Я хочу ее найти, даже если это будет стоить мне жизни! — так жаловалась она своей сестре.

Затем поцеловала ее сестра, женщина Мось отираялась и пошла своей дорогой. Долго ли шла, коротко ли шла, наверно, несколько недель шла. Но однажды у нее опять кончились силы. «Если я сегодня не умру, то завтра обязательно умру», — думает она про себя. И тут, когда она посмотрела вперед, опять увидела избушку. Три столба в землю входят, три возмываются в небо. Идет она к избушке, но от слабости не может открыть дверь. И вдруг дверь открывается изнутри, выходит женщина, берет женщину Мось за руку и вводит в дом.

— Госпожа, дорогая сестра, сестричка моя, что у тебя произошло? — спрашивает она.

— У меня глаза опухли, и говорить я не могу. Дай мне спалача прийти немного к себе, тогда смогу тебе все рассказать,— отвечает ей женщина Мось.

Тут женщина готовит ей ложе, дает поесть. Женщина Мось сразу уснула так глубоко, что проснулась, только когда пришла доверь. Открылась дверь, и кто-то похматый, как медведь, переступил порог. Подходит к ней совсем близко, обнимает ее, рассматривает. Женщина Мось испугалась.

— Разве чужой пришел или что, почему ты так приоткрыла-ешь? — начала женщина на мужа.

Женщина Мось снова открыла глаза, а что она видит? Там на крыше висит медвежья шкура, а перед ней стоит князь-герой

редкой красоте. Правда, она еще никогда не видела такого мужчину! Теперь начинает и говорит мужчина:

— Женщина Мось из одинокой избушки, что ты ищешь в этой далекой земле; куда-п птаца не залететь?

— Я иду свою шубу, которая досталась мне от матери,— отвечает женщина Мось.

— Не твои ли любимал шуба потерялась?

— Как раз. Ах, я в этой шубе прошла всю созданную Тору-мом землю, и она даже не изнасилась, даже не порвалась. Ах, что это была за шуба! И теперь потерялась.

— Твоя шуба далеко отсюда,— предупрежда деверь женщину Мось,— даже птице туда не долететь, не то что слабый, как ты, женщина.

— Я хочу размянуть свою шубу, даже если это стоит жизни!

— Ну, если у тебя есть ум, то, может быть, это не будет стоить тебе души,— огласил деверь женщину Мось.

Затем они поеди и легли отдыхать. Поутру, когда они встали, женщина тотчас приказывает жене:

— Жена, дай сплести сестре летнюю шкурку белки!

Затем поворачивается к женщине Мось и спрашивает:

— Что тебе дал старший деверь?

— Он дал мне летнюю шкурку куницы,— ответила женщина Мось.

— Твой старший деверь, наверно, знал, что тебе дать! А теперь отправился в путь. В пути на Оби и на берегу моря ты скоро встретишь много людей. Но не слушай их, даже не смотри на них. Когда оставишь их позади, встретишь город. На краю города стоит дерево, и на вершине дерева — дом! На балке под окном этого дома на вершине дерева — тут твоя шуба. Когда подойдешь близко к дереву, положи шкурку куницы, которую дал тебе старший деверь. Но обе стороны дерева лежат в ряд собаки, не бойся их, они тебя не заметят. Иди спокойно дальше. Затем забирайся на дерево и бери свою шубу. Накройся шкуркой летней белки, во чтобы при этом не думала: «Ну как-нибудь моя шуба со мной» — иначе собаки тебя змея разорвут на куски. Ну вот, да не забудь, что я тебе сказал.

Женщина Мось отправилась в путь. Довго ли шла, вероятно ли шла, наконец, когда у нее уже устали ноги, увидела однажды на берегу Оби людей, они рыбачили сетью. Один вел, другой смелся. Но ей летело здесь было искать, она даже не останавливалась, а шла все дальше. Шла, шла, пока наконец не увидела перед собой что-то подобное городу. Перед городом — дерево, а на вершине дерева — едва заметный домик. Подходит она ближе, кладет шкурку летней куницы и начинает забираться. По бокам дерева лежат собаки в желтых цепях. Между ними расстояние едва ли будет фут, едва ли можно пройти. Но женщина Мось все-таки идет, берет свою шубу — те видо ип одной человеческой души, кладет шкурку летней белки и, как будто она и есть летняя белка, спускается в обратный путь. Когда добравается

до подножия дерева, думает про себя: «Ну наконец! Я все же разыскала свою шубу». Но в тот же миг, как она подумала, набросилась на нее собака и пригнала к месту. Женщина Мось умерла, ее шуба осталась там, а душа побрела дальше. Душа побрела, пришла к дому младшей сестры, стукнула в дверь.

— О горе, она умерла! — сказала сестра и начала плакать. Душа побрела дальше. Она добралась до дома старшей сестры, тоже стукнула в дверь.

— О горе, она умерла, та из моих, которая была вдали! — вскричала старшая сестра и начала плакать.

Но душа опять побрела дальше, в свою собственную бабушку. Там она проползла между многими шкурами диких зверей и многими шкурами куньи. Но напрасно заползала она туда, она не могла возродиться. Так и ушла опять из дома. Как раз земля начала обновляться, пришла весна, и душа женщины Мось заползла в землю. Там, где она заползала, скоро начал расти красивый цветок. Он рос и рос все больше. Тут проходила медведица и съела красный цветок. Едва душа женщины Мось — это и был красивый цветок — попала в медведицу, медведица забеременела и родила ребенка. Затем она родила еще одного, а в третий раз медведица привела на свет хантыйскую девочку — женщину Мось из одинокой бабушки.

— Я родила хантыйскую девушку, небесную девушку! — вскричала медведица.

Шло время, и она воспитывала ее вместе с другими. Когда девочка подросла, то падала бересты и спила из нее такую узкую берестяную коробочку, что просто чудо! Пока она так дни проводила, воднянется однажды медведица и говорит:

— Моя хантыйская девушка, моя небесная девушка, уходи отсюда, уходи куда-нибудь. Я чувствую, придут люди и убьют тебя.

— Я нас не оставлю, — возразила ей девочка. — Ты мать, в лучше пусть они убьют меня, а вы останетесь жить.

— Моя хантыйская девушка, моя небесная девушка, беги, бег! Тотуи определяет день моей смерти, ты не можешь меня от этого избавить. Но вотом, когда ты придешь к людям-хантам и во время ира она будет есть мое мясо, тогда ты, хантыйская девушка, моя небесная девушка, спрячь в тихом месте на берегу наши русы и ноги, наши прекрасные, как кедровые ветви, когда? чтобы наши душа падали к тебе после смерти. Даже если будешь плакать, не забудь об этом!

Пока они так разговаривали, вдруг услышали, что снаружи расхаживают люди. Затем медведица-мать продолжала:

— Хантыйская девушка, моя небесная девушка, ты нас еще увидишь! Как только наступит сумерки, ты увидишь наши души в виде семи звезд на небе. Если тебя спросят, то скажешь только: «Это Дом Медведицы». Мы станем семью звездами.

В этот миг народ на улице начал ломать дом, дверь дула.

— Моя маленькая девочка, стойди подальше, чтобы они вместо меня тебя не обидели! — крикнула медведица-мать девочке.

Но девочка идет к двери и бросает перед домом украшенную берестяную коробочку. Когда люди увидели берестяную коробочку, начали спрашивать:

— Как сюда попала эта берестяная коробочка?

— Ее выбросили из дома, — сказал один.

Они рассматривают коробочку, не узнают ее. Такого рисунка никто у них не делал.

— Еще никогда мы не видели таких коробок из бересты. Как она попала туда, внутрь? Но живет ли человек в берлоге?

Тут девочка выбросила еще берестяную коробку. Люди удивлялись:

— Как это так? Еще никогда не было берестяных коробок в медвежьем доме!

Тогда медведица-мать во второй раз крикнула дочери:

— Моя маленькая девочка, уходи отсюда!

Но в этот раз девочка не послушалась ее, а вышвырнула в дверь третью берестяную коробочку. Опять среди людей некоторые закричали:

— В берлоге человек, как иначе бы сюда попали берестяные коробочки?

— Как может оказаться здесь человек?! — кричали между тем другие. — Злой дух здесь живет, злой дух, а не человек.

В доме медведица-мать опять кричит:

— Моя маленькая девочка, отойди подальше!

Тут люди толкнули в дом бревно. Медведица-мать хочет лабириснуться на них сквозь отверстие в берлоге, но ее удерживает девочка.

— Мамочка, дай мне выйти первой!

Медведица-мать не слушает ее. Пришел день ее смерти, и, как определил бог Торум, она должна умереть. Итак, она вышла из берлоги, люди шагнули на нее и убили. Затем люди начали приходить к ней.

— Там еще два маленьких брата! Еще два медвежонка остались!

И воткнули в берлогу кривое бревно. Старший медвежонок схватил его, но девочка крикнула ему:

— Брат, дай мне выйти!

— Сестрички, катяйская девушка, небесная девушка, постой! Давай и тебя разорвут, оставься здесь, — ответил он девочке.

Тут люди вытащили и молодого медведя, а сваружа убили его. Теперь девочка начала умолять младшего брата:

— Брат, я девушка, пощажай меня! Дай вытаскать меня вместо тебя!

Но он этого не допустил.

— Пусть они сначала вытащат все-таки меня. Так и умру раньше, и обоим моим глазам не придется смотреть, как они мучают меня.

Тогда люди вытащили и второго брата, убили его. Внутри, в доме, девочка разразилась слезами. Люди подходят ближе, прислушиваются: из медвежьей берлоги доносится человеческий плач!

— Как это может быть? — спрашивают они друг друга.

Прислушиваются получше. Действительно, человеческий плач! Они уже хотят уходить, как девочка говорит громче:

— Вы убили всех моих! Почему вы не убьете наконец и меня?

— Человек! Пужно его вытащить! Но только как?! — кричат они наперебой.

Тут младший сын Городского Князя собирается с духом, идет в берлогу и выводит платящую девушку. Что они видят: девушка одета в княжескую курью шубу, в шелковый платок! Тут люди начинают перешептываться:

— Волшебницу, женщину Мось из одинокой избушки, ее достал сын Городского Князя из берлоги.

Так беседовали люди. А парень посадил девушку на свои сапоги, туда, где сажали жену, натянул повод, и они поехали. Короткое время он ехал с ней, долгое время ехал он с ней, наконец прибыли они в княжеский город. В городе уже рассказывают там и тут:

— Волшебницу, женщину Мось из одинокой избушки, ее достал в жены младший сын Городского Князя-старика.

— И правильно сделал, — сказал Городской Князь-старик.

И они ввели девушку в дом. Сделали ей занавес из шелка, отделили ей женский уголок, и с тех пор жила девушка у них. Между тем мужичины привезли и ее мать, и братьев. С громкими, радостными криками собирается ярид, начинают сплывать шкуры. В это время игрок играет, неведомо кто, ворочает корюжку — каждый делает свое. Затем едят, пьют и танцуют. Но девушка все плачет и плачет за занавесом. Она плакала так сильно, что ее глаза совсем опухли. Затем, когда танец кончился, она начинает наблюдать. Она замечает, куда люди разбрасывают когти медведей, медвежьи когти их рук, идет туда, собирает их и все уносит в тихий лес на берег. Там она их укладывает — пусть их души вызрывают.

Когда она идет назад, то вдруг слышит, как к ней подходит медведица-мать, ее братья-медведи. Она слышит, как их душа говорит друг другу:

— Я родила хантыйскую девушку, небесную девушку. Но когти с моих рук, на когти с моих ног нельзя наступать ногам! О горе, хантыйский мужчина ей понравился, она, наверно, уже забыла мой приказ!

Когда они близко подходят, она опять слышит:

— Хантыйская девушка, небесная девушка, нас сюда привел твой плач. Смотри, мы нашли наши когти с ног, мы нашли и наши когти с рук. Посмотри, сейчас наши души подлетят на небо! Хантыйская девушка, моя небесная девушка, на небо по-

явятся семь звезд. Смотри, седьмая звезда — это я! Слева и справа от меня двое моих детей. Дом Медведицы³ — так ты должна называть это созвездие, а как только твои слезы высохнут, точно ты должна сказать это я народу. Ведь он еще ничего не знает об этом. Тебя скоро спросят: «Почему это созвездие называется Дом Медведицы?» Тогда ты должна им сказать: «Она родила хантыйскую девушку, небесную девушку. Волшебница, девушка Мось из одинокой азбушки, — это была ее дочь, поэтому это называется Дом Медведицы. Теперь же ты должна идти. Потом тебе завтра скажут: «Ешь!» Но ты должна им ответить: «Я не ем мяса своей матери, я не могу есть мяса своей матери-медведицы. И если вы меня будете заставлять есть, я и семь лет — все равно я не съем ни кусочка. Если я не могу здесь остаться, ну, тогда я пойду дальше, куда глаза глядят».

Так девушка и сделала. Она пошла в дом и сказала, как ей велела, слова матери. Это испугало Городского Князя-старика.

— Моя маленькая девушка, моя маленькая сирота, ты же не для того пришла, чтобы уйти?! Наверно, мы найдем какую-нибудь пищу, которая тебе понравится!

Так женщина Мось осталась у них. И с тех пор как она к ним пришла, народ здоров и счастлив. На охоте дичь бежит как раз через дорогу, а во время рыбалки за хорошим уловом всегда приходит еще лучший. Потом девушка родила им и ребенка. Этого ребенка она еще и сегодня растит. И ужо сам былая у них!

26. Мужчина Мось, рожденный из колена женщины

Жила-пожила женщина в мужчине. Они были уже старыми, но у них не было ни сына, ни дочери. На старости лет они уже не думали больше о ребенке. Пока они так проводили дни, у женщины вдруг заболело колено. Ночью она не может спать и днем не может спать, а только рычит, как ядса, как чудовище. И наконец говорит мужу:

— Муж, проткни мне колено! Может быть, тогда мне станет лучше.

Но муж не хочет этого делать.

— Как же я проткну человеческое мясо ножом?

Однако женщина не отстает от него:

— Наточи свой острый нож и проткни мне колено!

Муж наточил свой острый нож и проткнул колено женой. Но оттуда вышел не гной, а камень. Тут мужчина говорит:

— Сравни! Как в человеческом мясе вырос кусок камня?

Рассматривает его и думает про себя: «Он такой большой, что из него выйдет хороший точильный камень». Взял камень и бросил его на угловую плиту. Дальше приводит сия дни и ночи.

Наступал вечер, они попили и поели, мужчина лег спать. Женщина еще прибрала пищу на столе и тоже легла. На другое

утро они встали. Но когда они решили поесть и попить, то их

Иногда так бывает, когда вы спите

— Как странно, муж! Кто здесь был? Съел всю нашу пищу!

И вот когда наступил вечер, женщина сказала:

— На этот раз и тарелку оставлю пищу на столе. А ночью не буду спать.

Наступил вечер, и они легли. Мужчина скоро уснул, а женщина не спит, не ложится. Пока она так лежит, вдруг с угловой полки прыгнул семи- или десятилетний мальчик, побоялся к столу, начал есть и пить. Когда он все съел, изобразил опять на полку. Наступило утро, они встали. И тут жена говорит своему мужу:

— Муж, сегодня ночью я видела ребенка. Но так как у нас нет ребенка, то давай съезим этого.

— Не говори глупостей, — отвечал муж, но жена говорит:

— Посмотри сам! Вечером мы опять оставим пищу на столе, но не будем спать, а подождем. Как только он спидет к столу, чтобы есть и пить, ты должен его схватить, муж.

Наступил вечер. Женщина и мужчина разинулись на парак, но не спят без сна. Вдруг около полуночи с угловой полки прыгнула чужой ребенок величавой с мужичку, чужой ханжеской сын. Он подошел к столу и усеялся есть и пить. Тут жена толкнула мужа:

— Иди и схватй его!

Мужчина подошел и хотел схватить мальчика. Но они столкнулись и начали бороться. То мужчина берет верх, мальчик оказывается почти на парак, то мальчик берет верх и почти затаскивает мужичку на угловую полку. Так они боролась и боролась почти до рассвета. Тут мальчик поднимается и говорит:

— Мать, отец, что вы мучаетесь! Я хочу спускаться и жить у вас. Не дам и хотел познать свою силу. А тех пар как и вы, — то хотел выйти померить свои силы. Далеко на вашей земле, на нашей воде живут четырехгодовалые старики Яляны. Они живут на месте хантыйских мужички, на месте хантыйских женщин. С этим народом я хочу помериться силами. Если я найду победителя, то жаль хантыйских мужички, хантыйских женщин становится слабодой.

Жена и муж долго раздумывали, и наконец мужичина сказал:

— Сыночек мой, нужно много сил, чтобы победить стариков Яляны тех земель. С тех под много взрослых мужички пробовали свои силы, это нам не помогает. Но это правильно, мой сыночек, если хочешь, то иди. Может быть, всеянут сажны хантыйских мужички и хантыйских женщин.

Тут оделся сын и попрощался с ними. Затем отправился в путь помериться силами с четырехгодовыми стариками Яляны. Долго ли шел, коротко ли шел, вдруг слышит жалующийся голос, как плач сороки. Мужичина Меси, рожденный из колена женщины, пошел туда. Тут встал на дыбы зорь. Врусе двухгодовалого старика Яляны. Старик Яляны поднимается и говорит:

— Что, черт нормый, ты там увидел? Наверно, увидел мужич-

нам, по трем углам земли. Сделав это, мужчина Мось отправился в путь домой. Его путь пролегал через далекую землю, его путь пролегал через близкую землю; долго ли шел, коротко ли шел, вдруг услышал что-то подобное реву идиолов, подобно реву духа. Подошел ближе. И вот идет как чашащая вода из отаго хантыйской женщины — так идет борьба. Семьголовый старик Яляня борется на семь сторон, так что кровь ручьями льется везде по кровавым питающим местам. Тут мужчина Мось громко вскрикнул:

— Мой семьголовый старик-дедушка, что ты хочешь от хантыйского мужчины, от хантыйской женщины? Если хочешь помориться силами, то подходи.

Мужчина Мось выпячивает себя и стоит в ожидании. Старик Яляня напугал поподья своего змея Вуреса, но змея Вуреса не хочет идти дальше.

— Что с тобой? Неужели ты чужь мою смерть? Мы прошли многие воды, многие земли и уже видели кое-какую человеческую силу. Неужели ты боишься мужчины Мось? Тебе его нечего боятся!

Но как старик Яляня он погнал своего змея Вуреса, он не мог его туда направить. Тогда он спустился и подошел к мужчине Мось. Началась давняя борьба. Если берет верх старик Яляня, то мужчина Мось почти терпит под ногами дарующую силы землю? Если берет верх мужчина Мось, то он почти впадает в землю старика Яляня с его семью головами. Боролись они, боролись, и вот старик Яляня сказал:

— Давай закончим, у нас равные силы.

Но мужчина Мось ответил:

— Нет. Ты сожрал много мяса в крови. Пока я стою на этой священной земле, до тех пор хантыйские мужчины, хантыйские женщины не должны больше видеть крови, до тех пор не должны проливаются их слезы.

Начало они снова бороться. Мужчина Мось срубил семь голов старика Яляня, но его руки и ноги боролось не менее ловко. Вскоре старик Яляня опять стал сильнее, а мужчина Мось почти потерял под ногами дарующую силы землю. Вдруг задрожала священная земля, кожаная земля. Тут почувствовал мужчина Мось, что он стал еще сильнее, чем прежде. Он поднял вверх старика Яляня и бил его вместе с руками и ногами в землю. Затем жег пламенный огонь и бросал в него старика Яляня. Его несл развел по ветру, из него появились кошари и мошки.

Затем он пошел к хантыйскому народу. Там сделал большое бескровное жертвоприношение, большое кровавое жертвоприношение, и было устроено огромное торжество. Тут они дали ему в жены девушку с черемухоподобными косами, с розолоподобными косами. С этой прекрасной женщиной он отправился в путь к своему отцу-матери. Там они живут в богатстве и изобилии по сей день.

27. Камень семпир

Живет мужичина Мось с сестрой. Долгое время живут долго, короткое время живут коротко. Пока они так живут-поживают, брат за многие созданные Торумом дни наполняет шкурами амбары в лесу, наполняет амбары в горном лесу¹. Однажды, когда брат ушел в лес, вошел Богатырь Высотой Семь Соболей, говорит сестро мужичины Мось:

— Поини у меня в голове!²

Женщина начала искать у него в голове. Долго или коротко искала, говорит:

— Хватит, иди домой! Мой брат придет, будет ругаться.

Едва кончилась эта ночь, мужичина ушел. Слышно, что пришел брат. Свои пятью шкурами лоса обложенные лыжи ударит друг о друга, как будто они раскалываются — раздается эхо семь раз, как будто они раскалываются — раздается эхо шесть раз³. Затем стрихивает брат кусочки льда и комочки снега, идет в дом.

— Ах, сестра, в моем доме в глазах рябит, в ушах шумит⁴.

Сестра говорит:

— Я надела нечистые одежды⁵.

На этом брат оставил ее в покое. Поели, попили, легли спать. Утром встали, поели, попили. Брат за многие созданные Торумом дни наполняет многие амбары в горном лесу, наполняет многие амбары в лесу. Только брат ушел, заходит Богатырь Высотой Семь Соболей, говорит женщине:

— Поини у меня в голове!

Женщина начала искать у него в голове. Долго ли, коротко ли искала женщина у него в голове, говорит:

— Иди домой, мой брат придет, это нелепо для меня.

Богатырь Высотой Семь Соболей пошел домой. Едва он вышел, пришел брат. Свои пятью шкурами лоса обложенные лыжи ударит друг о друга, как будто они раскалываются — раздается эхо семь раз, как будто они раскалываются — раздается эхо шесть раз. Идет брат в дом, говорит сестре:

— В моем доме в глазах рябит, в ушах шумит.

Сестра говорит:

— Я надела нечистые одежды.

На этом брат оставил ее в покое. Затем она поела, попила. Затем обернула голову и глаза, легла спать⁶. Утром встала, поела, попила. Брат пошел в лес. Когда брат ушел, входит Богатырь Высотой Семь Соболей, входит Богатырь Высотой Шесть Соболей⁷. Женщина начала искать у него в голове. Он вертит головой и ту и другую сторону, женщина говорит:

— Хватит, иди домой! Мой брат скоро придет.

Богатырь Высотой Семь Соболей еще глубже забирается головой в ее подол. Нечдолго побыли они так, приходит брат. Слышно, как он гневно ударит свои пятью шкурами лоса обитые лыжи, как будто они раскалываются — грохочет эхо семь раз, как

будто они раскалываются — грохочет это шесть раз. Затем отряхивает кусочки льда и комочки снега, входит в дом. Богатырь Высотой Семь Соболей быстро встал.

— Будь здоров, старший брат геронни, старший брат герон⁸. Не сердись! Я пришел, чтобы забрать твою сестру.

Мужчина Мось говорит:

— Что я могу поделать? Если моя сестра хочет, пусть идет. Я не держу ее!

Затем они поцеловались и разошлись. Богатырь Высотой Семь Соболей встал, сдвинул свою жену, засунул в сумку, затем пошел дальше. Долго или коротко шел, пришел домой. Вытащил жену из сумки, бросил ее на пол. И вот она стоит, величиной с большую женщину, и вот она стоит, высотой с высокую женщину⁹.

Долгое время жили они долго, короткое время жили они коротко, родилась у жены сын. Мать сшила ему колыбель из бересты, украшенную ногастыми зверями, сшила ему колыбель, украшенную крылатыми зверями. Полежала сына в колыбель. Когда малыш поспелел, колыбель развалилась. В это время занюх Богатырь Высотой Семь Соболей, тонором с рукояткой, тонором с обухом бьет он жену:

— Проклятая баба! Если бы это был от меня сын, как бы он так сделал?!

Затем отец сделал ему деревянную колыбель. Мать положила его в деревянную колыбель. Когда мальчик поспелел, деревянная колыбель развалилась. Богатырь Высотой Семь Соболей схватил свой тонор с рукояткой, схватил свой тонор с обухом, начал бить жену:

— Проклятая баба! Если бы это был от меня сын, как бы он это сделал?!

Затем отец приказал своим железно обрабатывающим людям, своим мастерам обрабатывающим людям сделать железную колыбель, сделать металлическую колыбель. Железная колыбель была готова, металлическая колыбель была готова. Мать положила его в железную колыбель, допнула железная колыбель, железные сколки летели туда-сюда. Богатырь Высотой Семь Соболей схватил свой тонор с рукояткой, схватил свой тонор с обухом, начал бить жену:

— Девушка без отца, без матери! Если бы это был от меня сын, как бы он это сделал?!

После этого ушел муж, оставил свою жену.

Мальчик подрастает за день на паль, за день на ширину ладони. Наступил день, выросли посланцы:

— Богатырь, Высотой Семь Соболей приглашает тебя зайти играть в камень семиыр¹⁰.

Наступил вечер, обернули они с матерью голову и глаза, легли спать. Утром сын встал, суконый халат с татарскими широтником был давно готов. Надев — как раз по его размеру. Оторвал три куска от лесного духа, оторвал четыре куска от лесного духа, затеял вышел. На улице столько пароду — роится, как густая туча

Его братья стали дальше грести. Долгое время они ехали долго, короткое время они ехали коротко. Пока они так ехали, прибыли в город, населенный семью наменвоглазыми богатырями. Его братья говорят:

— Мы выйдем на берег продать шкуры. Ты оставайся здесь до нашего возвращения.

После того как его братья ушли, он поставил на песчаном берегу изготовленный его матерью снабженный коловальчиками полог¹⁴. Пока он наливается в полог, слышит, что подходит доз мужичи-ромсичинов.

Один говорит:

— Я схвачу его.

Другой говорит:

— Я схвачу его.

Один говорит:

— Ты его упустишь.

Другой говорит:

— Ты его упустишь, я схвачу.

Так сперя, они подходят. Начавшись на прыжку полога. Он нырнул в воду. На середине Оби всплыл, вскрикнул священным голосом железной гавары, металлической гавары¹⁵. Затем снова нырнул, у пристани города своего дяди выплынул наверх. Священным голосом железной гавары вскрикнул он, священным голосом металлической гавары вскрикнул он. Затем вскрикнул головой и снова нырнул, в вырве проплыл один за другим семь прыжков, шесть прыжков отрезков Оби. Всплыл у пристани своего города, вскрикнул священным голосом железной гавары, металлической гавары. Затем вышел на берег, величавой со взрослого человека стоял он тут, ростом с высокого человека стоял он тут. Затем пошел на берег. Короткое расстояние он прошел, длинное расстояние прошла навстречу ему мать¹⁷. Поцеловала его, обняла.

Неделю он прожил, его отец посылает веставника.

— Твой отец зовет тебя!

Он говорит веставнику:

— Иду, я иду.

После того как веставник ушел, он пошел в дом своего отца. Отец говорит ему:

— Подем вместе!

Затем он пошел домой. Пришел домой, говорит матери:

— Отец приглашает меня ехать в город, населенный семью наменвоглазыми богатырями.

Мать говорит:

— Поуждай! Что я могу поделывать — поуждай!

Поцеловала его мать, обняла, затем си вышел. Когда он пришел к реке, его отец был уже в лодке. Отец сел на весла, его посадил на корму. Затем они двинулись. Долгое время ехали они долго, короткое время ехали они коротко. Пока они так ехали, прибыли в город. Он держит нос лодки прямо, корму лодки прямо. Их лодку подтаскивает к берегу старик. Его дядя забрел и

воду, вытаскила лодку за корму на берег. Вынес своего племянника на берег, пачкорипа, вилоня. Дядя жила на угла старую коробочку, засунул ее племяннику в нагрудный карман. Прокосил его дядя к рене, посадив на корму лодки. Дядя совсем не заботится о своем свонке¹⁸. Затем он подрастал со своим племянником.

Давнудились они даякие. Долгое время ехали они долго, короткое время ехали они коротко. Пока они так ехали, прибывали в город. Он и отец — оба вышли на берег. Она вышла, пошла в дом, населенный семью каменногоглазых богатырями. Подозривалась с ними. Обоих посадили за стол с пиком, за стол с медом. После того как они асталл с пивной головой, с медовой головой, говорят семь каменногоглазых богатырей:

— Мы дадим тебе в жены без калыма, в жены без выкупа младшую из трех наших сестер, воспитанных в доме камсар. Мы приведем тебя в отдельный дом¹⁹, тебе не придется жить с братьями женой.

Едва кончилась эта речь, как его привели в другой дом. Посадили его на нары с завязесом²⁰, повесили на огонь семидонный котел²¹, наваливали доверху лосниным мясом. Пока он валялся на нарах, на дымоходное отверстие дома опустилась птичка²².

— Сисмы теб, теб. В четырех углах твоего дома положил огонь. Он искочил, прогнал птичку:

— Зверь без отца, без матери, почему ты обманываешь? Я получу жену без калыма, жену без выкупа.

Затем топил он большой семидонный котел, валяется на нарах с пологом. Пока он валялся, опустилась на дымоходное отверстие птичка²³.

— Сисмы теб, теб. В четырех углах твоего дома положил

огонь.

Он прогнал птичку:

— Зверь без отца, без матери, почему ты обманываешь? Я получу жену без калыма, жену без выкупа.

Затем топил он большой семидонный котел, бросился на нары с пологом. Пока он там валялся, опустилась на дымоходное отверстие птичка:

— Сисмы теб, теб. В углах твоего дома появилось пламя.

Он искочил, поджег и дверь, хоть он и толкнул дверь, она только затуманила. Тогда стал он молить своего светлого отца на седьмом небе с ковыковой балкой и дымоходом о панцире с кольцами²⁴, как мелкая рыба чешуя. Едва кончилась эта речь, со звоном упал панцирь с кольцами, мелания, как рыба чешуя. Вместе с ним он набросал на себя меч, подка его панцири копчались у щиколотки. Он оперся на меч, выскокнул. Тогда он выскокнул, то тут стоит семь каменногоглазых богатырей с телами голыми, как их мать родила. Его светлый отец на седьмом небе с ковыковой балкой и дымоходным отверстием облака его чайной темной кроки, мучной кроки²⁵, он начал рубить. Долгое время рубил он долго, короткое время рубил он коротко.

Вдруг он почувствовал: из него посыпались вши. Он взбрылся на дерево, ссадил кожу с головы, начал убивать вшей. В этот миг его дядя под деревом громко засмеялся:

— Племянник, что ты делаешь?

Тот испугался и быстро втащил кожу на голову²⁵. Он спустился, его дядя говорит:

— Первую половину моего города ты уже всю убил. Почему ты такой сердитый? И стрянул на твою голову коробочку, полную вшей²⁶.

Дядя поцеловал его, обнял, затем они разошлись. Долгое время шагает он долго, короткое время шагает он коротко. Если падает снег, это напоминает ему о зиме; если идет дождь, это напоминает ему о лете. Долго ли, коротко ли шагал, пришел домой. Три угла дома его матери уже совсем обвалились. Он взобрался к дымоходу отверстием: у матери осталась единственная искорка огня. Если он пришел летом, то с конца его весла упала капля воды, если пришел зимой, то с конца его лыжного посоха упала снежинка. Его мать заплакала:

— То ли сверху пришедший бродяга, то ли снизу пришедший бродяга затушил искорку, которую видел еще мой сын.

Тут сын рассмеялся:

— Мать, еще в трех днях не прошло после моего ухода, а ты уже ругаешься.

Мать выбежала к сыну, чтобы его поцеловать. Сын толкнул ее ногой и отбросил. На этом конце поля она заплакала, с того конца поля появилась. Она стала трехлетней маленькой женщиной, углы ее платка стекают вязью²⁷. Сын отрубил от диквеницы листовичную цепку, отрубил от вихты пихтовую ветку. Бросил ее семь раз через голову — появился семисаженный дом, бросил шесть раз через голову — появился шестисаженный дом; в его окна стучит дятел, а его нечи прыгает летушка.

Пока они так жили-пожидали, говорят мать сыну:

— Накондай своего дядю в гости²⁸.

Племянник вызвал его. Дядя связался с ним, как издавна павшая капля дождя, как издавна падающая снежинка. Она устроила большой пир для всей деревни, устроива большой пир для всего города. Месяц или неделю ели они. Богатая женщина, богатый мужчина облизывали пальцы; бедная женщина, бедный мужчина унесли еду на месяц, унесли еду на неделю. Дядя говорит племяннику:

— Иди в страну своего обитания! Вечером принимай не принятую утром жертву, утром принимай не принятую вечером жертву²⁹.

Дядя говорит своей сестре:

— Иди к своему самосплавляющему холму с гнездом озерной гатары, иди к своему самосплавляющему холму с гнездом татары! Вечером принимай не принятую утром жертву, утром принимай не принятую вечером жертву³⁰.

Дядя говорит:

— Я пойду в свой город в форме несущейся лошади, пойду свой город в форме бегущей лошади. Сажу там, дурья дуни и лепных девочек, сажу там, дурья души маленьких мальчиков. Затем они поцеловались, обнялись, пошла по трем сторонам земли. И до сегодняшнего дня живут в счастье, благополучии.

28. Женщина Мось и женщина Пор

Живут лиса и зайчиха. Наступил день, они начали готовить коток. На другой день пошла и катку кататься на савках. Лиса всегда идет первой. Два-три раза съехала первой, говорит зайчиха.

— Позжай ты первой.

Зайчиха говорит:

— Я не поеду первой.

Затем зайчиха говорит:

— Вчера же ты первой ехала, что с тобой сегодня случилось.

Начали спорить. Одна говорит:

— Ты поезжай первой.

Другая говорит:

— Ты поезжай первой.

Хотя зайчиха стояла печальная и грустная, она съехала первой. Не доехала она и до середины склона, как ее пересекла лиса, съехала ей хребет.

Двое детей зайчихи так ждали свою мать, так ждали — все не идет. Они подкрались к дымоходу лисы и смотрят черным дымом.

— Дай мне этот глазной жир, дай мне этот глазной жир!

Слышно, как мать детям:

— Жрите глазной жир ее двух детей!

Они отползли от дымохода, пошли домой с плачем, с воем. Старшая сестра говорит младшему брату:

— Побойлась быстрее!

Они взяли гребень, взяли оселок, взяли кремь. Долго идти коротко идут, оказалась лиса. Сестра оглянулась: лиса вот-вот их схватит, вот-вот там их схватит. Сестра бросила гребень: — Если нашей песне, нашей сказке продолжиться², пусть вьется такой густой лес, что носу не проникнуть, глазу не проникнуть.

Оглянулись — ничего не видно. Сестра говорит брату:

— Она, конечно, отстала.

Опять оглянулись и видят, что лиса идет. Только разогранным волосом развевается на ветру. Вот-вот тут их схватит, вот-вот там их схватит. Сестра бросила оселок:

— Если нашей песне, нашей сказке продолжиться, пусть возникнет такая большая гора, что до неба достанет, до Торуа дойдет. Ногти за нее не схватятся, зубами за нее не схватятся!

Оглянулись — ничего не видно. Сестра говорит брату:

— Она, конечно, отстала.

Прошло совсем немного времени, лесу опять стало видно, язык неск наружу свисает. Вот-вот тут их схватят, вот-вот там их схватят. Сестра бросила оставшийся камень:

— Если нашей песне, нашей сказке продолжаться, пусть возникнет такой большой огонь, что до неба достанет, до небосвода достанет!

Огнянулись — дым и след ширьма. Сестра говорит брату:

— Теперь она точно отстала.

Сняла сестра брата с плеч, начали они есть моршuku. Долго ели, коротко ели — кто это видел? Брат начал кричать:

— Сестра, мои дожки уехали в землю!

Сестра дальше ест моршuku. Немного погодя брат снова начал кричать:

— Сестра, сестра, я уже по паш в землю ушел!

Сестра как ни в чем не бывало дальше ест моршuku. Немного погодя брат опять начал кричать:

— Сестра, сестра, я по горло ушел, вытяти меня!

Сестра взглянула туда: действительно, он по горло ушел. И хотя она поспешила туда, брат исчез в земле.

И вот идет она с плачем, с воем, куда голова ведет, куда глаза глядят. Шла, шла и ударила кулаком по гнилому пню березы.

Оттуда выскочила женщина Пор:

— Кумушка, кумушка, почему ты разрушаешь мой дом?³

Они объединились. Долго шли, коротко шли — кто это видел? Подошла к озеру. Женщина Пор говорит женщине Мось:

— Кумушка, кумушка, испугаемся?

Женщина Мось говорит:

— Я не хочу.

— Что значит — не хочу! Раздевайся!

Женщина Пор разделась, прыгнула в воду. Женщина Мось, хоть и стояла печальная и грустная, но все же плакала раздеваться. Только она вошла в воду, женщина Пор выпрыгнула на берег, одела собольиные одежды, меховые одежды женщины Мось. Женщина Мось поднялась на берег:

— Почему ты надева мои одежды?

Женщина Пор бросила женщине Мось свои пористые одежды.

Женщина Мось говорит:

— Принеси сюда мои одежды!

Женщина Пор говорит:

— Я тебе не отдам, надевай эти одежды.

Женщина Мось говорит:

— Если всю не отдашь, то на завязло шубы писит маленький мешочек, дай его сюда!

— Кумушка, кумушка, не что мне твой мешочек? Бери!

После того как женщина Мось взяла свой мешочек, она оделась в такие же собольиные одежды, меховые одежды.

Долго шли, коротко шли — кто это видел? Женщина Пор говорит женщине Мось:

— Мы идем, идем и придем к городу. Сын Городекого Дере-

венского старика и сын Тонтоп-старика¹ стреляют на улице стражами.

Женщина Пор говорит женщине Мось:

— Ты так возьми стрелу сына Тонтоп-старика, я возьму стрелу сына Городского Деревенского старика.

Пот они идут, идут и действительно приходят к городу. Оби сына — Тонтоп-старика и Городского Деревенского старика — стреляют на улице стрелами. Хотя женщина Пор хотела поднести стрелу сына Городского Деревенского старика, женщина Мось оттолкнула ее в сторону. Стрелу сына Городского Деревенского старика взяла женщина Мось, стрелу сына Тонтоп-старика взяла женщина Пор. Женщина Мось пошла к двери дома Городского Деревенского старика. Слышит, как Городской Деревенский старик говорит дочерям:

— Идите, введите свою невестку!

Женщину Мось взяла за обе руки, ввели в дом.

Долго ждали, коротко жили, Тонтоп-старик пришел в дом Городского Деревенского старика и говорит:

— Завтра нужно город обматать.

Настало утро. Женщина Пор слезла комышовый канат, его хватало только на половину города. Женщина Мось слезла такой канат, что его хватало обматывать город два раза, три раза.

Долго жили, коротко жили, у женщины Мось родился сын. Женщина Мось говорит своему свекру:

— Когда я сюда пришла, моего младшего брата затянуло в землю, пойду посмотрю это место.

Наступил следующий день, свекор заирал ей трех черных, как сажа с коглы, быков-оленей. Женщине Пор ее свекор заирал трех рыб-усачей, они стремятся затянуть ее в ледяную лунку. Долго ехала, коротко ехали, женщина Пор говорит:

— Я уже прибыла к пещи.

Она вошла в свой прежний гнилой пенек березы. Женщина Мось долго ехала, коротко ехала, прибыла на место, где ее брат ушел в землю. Какой дом здесь стоит, да так сверкает, да так блещет! У двери рычит, ворчит собака. Внутри слышно женщину:

— Если это желанный мне человек, обложил ему спящие комья, ледяные комья и втопчил внутрь! Если это нежеланный мне человек, разорви его в нух и прах!

Собака связала женщину Мось спящие комья, ледяные комья, втопкнула ее в дом. Там сидит женщина с пштем. Эта женщина спрашивает:

— Откуда пришла, гостья?

Женщина Мось говорит:

— Когда в прошлый раз здесь проходила, моего брата затянуло в землю.

Женщина говорит:

— Если у тебя был брат — это дом твоего брата.

Прешло зимнего времени, слышно — к дому человек пришел. Немного погодя вываливается медведь! Два-три раза попытка

дома, снял свою шкуру. Брат обнял за шею сестру, от радости не знает, как они встретились; сестра обняла за шею брата, от радости не знает, как она встретила. Они поцеловались, обнялись. Сын женщины Мось — человек песни, человек сказки долго ли растёт? Достиг возраста бета⁴. Дядя сделал ему такую стрелу: сюда выстрелит — она заныт, туда выстрелит — она заныт! Долго жили, коротко жили, говорит женщина Мось своему брату:

— У меня с сыном тоже есть своя земля!

Наступил следующий день, брат запряг женщине Мось шестилетних белоснежных быков-оленьев со шнурками как жерди⁵. Говорит сестре:

— Но оглядывайся, пока этот дом не исчезнет.

И вот женщина Мось охала, охала и подумала, что дом исчез. Оглянувшись: позади идет оленьё стадо, вначале его не видно, конца его не видно. Добралась она до прежнего места. Выскочила женщина Пор; её старшие братья запретили ей трех усачей. Прибыли они в город. Тонтон-старик и Городской Деревенский старик спорят на улице. Тонтон-старик говорит:

— Сначала прибудет моя свиха, она спорачивает на мою дорогу.

Городской Деревенский старик говорит:

— Сначала прибудет моя свиха, она спорачивает на мою дорогу.

Они досахали до развязки, женщина Мось прибыла к двери дома Городского Деревенского старика, женщина Пор прибыла к двери дома Тонтон-старика. И сегодня они живут в счастье, благополучии.

29. Три Пор-из

Жили-были три Пор-из. Так жили, так были, ходили к манты-ку воровать рыбу на реку. Так они идут, так они поют:

Один мой подел рэн-рэн-рэн,

Другой мой подел рэн-рэн-рэн.

Пришла к забору манты-ку, подняла мурду, посмотрела, что в ней. Сколько рыбы она вытащила, столько унесла домой.

Однажды манты-ку заметил это дело. Манты-ку пошел следом за Пор-из. Видит, что они заходят в дом, варят пищу. Манты-ку забрался на крышу дома, достал мухомор, накрылся в котёл. Потом Пор-из начал есть, съел рыбу с мухомором и опьянел⁶. Перья Пор-из так поет:

— Женщина зашивающая, женщина зашивающая, женщина зашивающая гилую обувь, попортившуюся обувь.

Средняя Пор-из поет:

— Девушка с дровами, женщина с дровами, девушка с дровами, женщина с дровами.

Третья Пор-из поет:

— Я вижу себя висящей на першине черемухового куста, я-

бинового куста, и вижу себя на вершине черемухового куста, рибинового куста.

Поднялся вихрь. Дом подняло на воздух. Первую Пор-но унесло на середине реки, закинуло в водоворот. Другая Пор-но, средняя Пор-но, зацепилась за дерево, там осталась. Третью Пор-но топе поднял ветер, она зацепилась носом за вершину дерева.

Вихрь копчился. Посветлело. Пришел мань-ну. Первую Пор-но вытащил с середины реки, среднюю Пор-но посадил рядом с первой, а самую младшую Пор-но сшил за носы с вершины дерева. Всех Пор-но он унес в свой дом. Младшая Пор-но стала его женой, старшая Пор-но стала швейей, средняя — жешивной, таскающей дрова.

30. Священное сказание о Желанном Богатыре — Куце Нижнего Света, Куце Верхнего Света

На земле без дерева, на земле без травы! Желанному Богатырю — Куцу Нижнего Света, Куцу Верхнего Света и его супруге-гусыне, супруге-утке¹ бог Торум, бог Етым² предназначил одну-единственную дочь. Желанный Богатырь — Куце Нижнего Света, Верхнего Света много сотен зимних дней, много сотен летних дней ходит по своей купеческой дороге нижнего света, по своей купеческой дороге верхнего света.

Однажды его великий небесный отец, его великий небесный батюшка устроил большой праздник, посвященный небу, большой праздник, посвященный земле. Сели они за стол с неисчерпаемым пивом, сели за стол с неисчерпаемой медовой. Выбирали вкуснейшие куски, как гусь, выбирали вкуснейшие куски, как утка, его жена говорит:

— Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света, пока ты расхаживаешь по своей купеческой дороге нижнего света, пока ты расхаживаешь по своей купеческой дороге верхнего света, ты продаешь-покупаешь дорогой товар русского человека, дорогой «мушкетер» русского человека. А ведь нам богом Торумом, богом Етымом назначена одна-единственная дочь. В будущем от богатыря с какого-нибудь края реки, от богатыря с какого-нибудь края земли придет к ней слабый посыл, придет к ней войско. Ты подумай-ка, старик, если летом придет к нашей дочери, то в пустую лодку ее будут сажать, если зимой придет, то в пустые сапоги будут ее сажать. А ее отец называется Куцом Нижнего Света, Куцом Верхнего Света. Истом все именитые с речного края, все именитые с земного края будут говорить: «Зря его называют Желанным Богатырем — Куцом Нижнего Света, зря его называют Желанным Богатырем — Куцом Верхнего Света». Ты, старик, пока ходишь да продаешь дорогой «мушкетер» русского человека, покупай дорогой товар русского человека, из товаров получи отложил бы для нее по куску ткани, чтобы поменьше собрать ей сотни вещей невесты, сотни вещей девушки на выданье!

— Кто сосчитает проведенные ими ночи, кто сосчитает проведенные ими дни? В течение долгого века их жизни, пока Иславиный Богатырь — Купец Нижнего Света, Купец Верхнего Света ходил по купеческой дороге нижнего света, по купеческой дороге верхнего света, бог Торум, бог Етым действительно одарил их одной-единственной дочерью. Он при случае откладывает на куску ткани из дорогого имущества русского человека, из дорогого товара русского человека; так и наполнил богатством шесть жердей из лиственницы, так и наполнил богатством шесть жердей из ели⁴.

Когда они так издали-покидали, заходящие многие вестники-мужчины, заходящие многие вестники-женщины говорят им одинажды:

— Из залива Северного моря, из края Северного моря, темноводного священного моря, темноводного благословенного моря лилывало множество людей с берестяными бортами; с громом слет они по шести обским городам, по семи обским городам⁵. У кого хорошая дочь — того покидает хорошая дочь, у кого хороший сын — того покидает хороший сын. С каждой зарей все ближе они!

Такая весть распространилась, такой слух распространился. Пока эта песня звучала, пока эта сказка звучала, люди донимали уже до края деревни, до края города, где проживал Иславиный Богатырь — Купец Нижнего Света, Купец Верхнего Света. У кого маленькая дочь — его маленькую дочь стреляют, у кого маленький сын — его маленького сына стреляют стрелами величистой с чешуей сыра⁶.

Пока они ночи проводят, пока они дни проводят, им бог Торум, бог Етым предназначил одну-единственную дочь, она тоже была тропута стрелой величистой с чешуей сыра. Маленькой стрелой величистой с лист дерева в нее стреляют. Родители кормят ее наваром с гусиного мяса, кормят ее наваром с утиного мяса. Все напрасно. Ее души угасает.

Иславиный Богатырь — Купец Нижнего Света, Купец Верхнего Света со своей женой-гусыней, со своей женой-уткой давятся горькими слезами, давятся печальными слезами. Ну как же, ведь бог Торум предназначил им одну-единственную дочь! Иславиный Богатырь — Купец Нижнего Света, отец за свою долгую жизнь, когда он ходил по веселой купеческой дороге нижнего мира, когда он ходил по веселой купеческой дороге верхнего мира, дорогил товарами русского человека, дорогил имуществом русского человека замышлял семь жердей из лиственницы, замышлял семь жердей из ели. Но куда ему дать сотни нешей невесты, сотни нешей долужки на выданье? Сколько поместилось на ее тело, сколько закрывало ее тело, надели на нее. А куда увозить остальные нещи? Унесли за леса, унесли за поля⁷, положили в ее могилу. Три раза плача, они сидят, три раза горюя, они сидят после того, как ее унесли за леса, за поля. Так провели семь ночей, так провели семь дней.

Прошло много зимних дней, прошло много летних дней, а он

свою веселую купеческую дорогу верхнего света, веселую купеческую дорогу нижнего света совсем забрел.

Потом жена и муж свою стопечальную думу стали забывать, свою многостороннюю мысль стали забывать. Кто сосчитает прошедшие ими ночи, кто сосчитает проведенные ими дни? Однажды, когда они ели еду, когда они пили воду, жена говорит:

— Мой муж, Желанный Богатырь Нижнего Света, мой муж, Желанный Богатырь Верхнего Света, до каких пор мы будем сидеть с печальной душой, до каких пор мы будем сидеть с горестной мыслью? Что делать? Долго мы печалились, долго мы горюем — она никогда не вернется. Может быть, мы будем жить по-прежнему. Одного добытого зверя, одной избавленной рыбы хватят ли на сотню дней нашей жизни? Ты теперь, мой муж, Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света, расскажи бы свою веселую купеческую дорогу нижнего света, свою веселую купеческую дорогу верхнего света.

— Ну правда, жена, все мои мысли уже притупились.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света начал готовить в дорогу двух коней. Приготовил коней, дорогой товар русского человека, дорогое имущество русского человека. Нагрузил на двох саней, придала бастрымом, как сево. Нагрузил сани, вывел коней, запряг их, с женой они даже ды прощаются, трижды прощаются, обмениваются ста крепкими поцелуями в нос, ста крепкими поцелуями в ухо. Затем Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света поправился в дорожную сторону северной Оби. Заезжает в этот город, заезжает в эту деревню. «Ну, в этом городе, в этой деревне часто обманывают. По время прежних приездов взяли у меня, а не заплатили».

Так он едет семь ночей, едет семь дней. Вот милова боловодную питающую Обь, где поднимается рыба, вот милова боловодную многорыбную Обь, где поднимается рыба. В устье черноморного благословенного моря, где поднимается рыба, он приехал. По пути находит след мыли — выслеживает ее, находит след ясна — выслеживает ее. Ист и кончился черноморское священное море, где поднимается рыба, вот и кончился благословенное море, где поднимается рыба. Забрался в такую даль, где рассвет как осенняя ночь, а на закате совсем темно. Остановил он коней:

— До каких пор мне идти? Куда идет теперь мой дорога?

Туда повернется, сюда повернется:

— Кто будет плакать обо мне? Где-нибудь так и погибну.

Затем дальше погнался коней. Пока ехал долгий век, пока ехал короткий век, идет: как будто кто-то мелькает там. Видит, приближается оленья упряжка, уже очень близко подъехала. Запряжены два холмошных быка, белых, как небесный лед, два холмошных быка, белых, как небесный снег. Сидят на шире человек и ларке, белой, как небесный лед, белой, как небесный снег. Съезжались они. Тут остановилась оленья упряжка, а этот остановил коней.

— Ну, Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Бога-

тырь Верхнего Света,— говорит оленный человек,— что за сила тебя пригнала, что за сила тебя привнесла, здравствуй!

— А, не говори, друг, я не знаю дорогу. Цыгаюсь вернуться, да не найду обратную дорогу.

— Ну чего ты идешь-то, что несешь-то?

— А что я несу? Дорогой товар русского человека, дорогое имущество русского человека я несу.

— Давай поменяемся на твой дорогой товар русского человека, на твое дорогое имущество русского человека.

— Давай поменяемся. Твоя шкурка красного зверя, твоя шкурка черного зверя где?

— Моя шкурка красного зверя, моя шкурка черного зверя дома. Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света, давай подем в мою землю. Смотри, там кова отдохнут и ты отдохнешь. Моя земля рядом, не очень далеко.

Он думает: «Забрался на далекую землю, недоступную даже лесу, где моя земля, где она осталась? Ну, если идти, то идти».

И погнался за человеком. Олени, белые, как небесный лед, белые, как небесный снег, выгибают снежные холмы величавой с чарам, снежные холмы величавой с чарам. Пока они ехали, долгие неки, пока они ехали короткий век, Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света слышит:

кто-то приближается, деревья с корнями выдергивая, и слышно, как несет с собой; если попадется дерево с твердой сердцевинной, то слышно, как ломается пополам, если попадется дерево с мягкой сердцевинной, то шумит-изгибается, как на ветру. Раз крикнет — и уже здесь, раз свистнет — и уже тут. Его проводник остановил оленей и так говорит:

— Ну, Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света, истань-ка быстрее под подгрудок моих оленей. Он остановился, еле успел спрятаться под подгрудок оленей, как подскочило что-то. Опамятается, это длинный мертвец с края кладбища, это тонкий мертвец с края кладбища. Засмеялся мертвец:

— Эге-ге-ге, милый Желанный Богатырь, странник по рекам, странник по землям. Странствуй по рекам, странствуй по землям, ты привнес мне свежее мясо, свежую кровь!».

Оленный человек говорит таким голосом:

— Ага, а место, назначенное богом, я несу, а я не назначенное богом место чего я несу? Дорогое имущество русского человека, дорогой товар русского человека я несу сюда, если надо, то несим.

Длинный мертвец с края кладбища, тонкий мертвец с края кладбища порежусь, туда заглядывает, сюда заглядывает:

— Нет, это мне не нужно.

Покрутился и ушел в ту сторону с криками, с воплями, выдергивая деревья с корнями, деревья с ветвями. Человек, сидящий на оленьей паре, говорит:

— Ну, иди, иди, садись на свои санки.

Что ему делать: если сидит, то беда, и не сидит, то беда. Думу думающего человека он думает: «Разве я могу вечно носить свою душу?» Сел в санки.

Побежали олени, белым, как небесный лед, белым, как небесный снег. Пока они едут долгий век, пока они едут короткий век, снова что-то врывается — и вот уж здесь, снова что-то свистит — и вот уж тут. Снова слышно, как, выдергивая деревья с корнями, выдергивая деревья с ветвями, что-то идет. Ехавший впереди человек остановил оленей, говорит нехотливо:

— Ну, Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света, оставай скорее, опять на нас плдут, встань под животом моих оленей.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света встал под животом оленей. Снова подскочил длинный мертвец с края кладбища, тонкий мертвец с края кладбища и засмеялся:

— Эге-ге-ге, милый Желанный Богатырь, странник по рекам, странник по землям. Странствуя по рекам, странствуя по землям, ты принеся мне свежее мясо, свежую кровь.

Одевший человек говорит тихим голосом:

— Ага, в место, назначенное богом, я везу, а в не назначенное богом место чего я повезу? Дорогое имущество русского человека, дорогой товар русского человека я везу сюда, если надо, то вольям.

Длинный мертвец с края кладбища, тонкий мертвец с края кладбища перегнувшись, туда-сюда заглядывает:

— Нет, это мне не нужно.

Позвернувшись и ушел в том же направлении, выдергивая деревья с корнями, выдергивая деревья с ветвями. Закричит — и вот уж там, засвистит — и вот уж далеко. Говорит человек, сидящий на оленьих нартах:

— Ну, Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света, садись на конные санки.

Он сел в санки. Побежали олени, и сзади бегут кони. Едут они долгий век, едут они короткий век, снова слышится, как что-то идет, закричит — и вот уж здесь, засвистит — и вот уж тут. Едущий впереди человек снова остановил оленей, говорит тихо:

— Ну, Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света, встань скорее на выступы копыт моих оленей.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света встал на выступы копыт оленей. Так же, выдергивая деревья с корнями, выдергивая деревья с ветвями, подскочил мертвец, засмеялся:

— Эге-ге-ге, милый Желанный Богатырь, странник по рекам, странник по землям. Странствуя по рекам, странствуя по землям, ты принеся мне свежее мясо, свежую кровь.

Одевший человек говорит тихим голосом:

— Ага, в место, назначенное богом, я везу, а в не назначенное богом место чего я повезу? Дорогое имущество русского человека, дорогой товар русского человека я везу сюда, если надо, то вольям.

Длинный мертвец с края кладбища, тонкий мертвец с края кладбища перетянулся, куда сюда заглядывает.

— Нет, это мне не нужно.

Повсрулся и пошел, выдергивал деревья с корнями, выдергивал деревья с ветками, закричит — и все далеко, засияет — и все далеко. Человек, сидящий по олевым веткам, говорит:

— Ну, Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света, садись в сань, посидь.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света сел в сань ^{иногда шибкозавал}.

Не так уж долго они ехали. Подъехали к дому с выбором.

— Ну, Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света, — говорит олевиный человек, — вставай и заходи.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света слез с саней и зашел. Оказывается, впереди усту сидят старики, его волосы стали белыми, стали желтыми. На той стороне, где полки, сидит женщина. Зашел Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света и привсталовился у дверей. Говорит старики, сидящий в передней усту:

— Ну, странник по рекам, странник по землям, разве ты пришел, чтобы стоять у дверей? Заходи, заходи, садись впереди.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света зашел, сел. Пока он там сидит, старик говорит:

— Этому страннику по рекам, этому страннику по землям до каких пор сушить пот?¹⁰

Женщина тут же встала за дело с водой, за дело с едой, ходит туда, ходит сюда. Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света оглядывает женщину с голозом по ног. Ему с женой, пока жила на своей земле, бог Торум, бог Етым предназначал одну-единственную дочь. По женской фигуре, по женскому телосложению и по надетой одежде и по надетым нарядам это как будто его дочь. Зашел человек, который привел его. Женщина закончила дело с водой, закончила дело с едой. Поставила самобраный стол с пивом, самобраный стол с медовухой.

— Ну, гость, раздевайся, садись есть-пить, — говорит старики. Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света раздевается, приставился. Сели они есть и пить. Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света берет кусочек и все смотрит на женщину, берет два кусочка и все глаза не сводит от нее. Пока они так едят, говорит человек, который привел его.

— Ну, — говорит, — странник по рекам, странник по землям, что ты смотришь на мою жену?

— Как мне не смотреть, — говорит, — кажется, что бог создал постоит человек. Нам с женой, нам мы жили на своей земле, бог Торум, бог Етым предназначал одну-единственную дочь. По ее надетой одежде, по надетым нарядам, по ее женской фигуре, по женскому телосложению это как будто точно она.

Говорит человек, который его привел:

— А по-моему, кто она?

— Это она и есть, — говорит он.

Подскакивая друг к другу, обнимаются, целуются. Тройным плечем плечут, тройными сезонами облачаются, плечут да ревут. Поплакали-поплакали, человек, историй правед, и его отец-старик говорит:

— Ну, хватит, хватит, сподлю вы плачете, ревете. Теся наш¹⁾, Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света, теперь слушай. Когда появится мальчик на свете, когда появится девочка на свете, пусть они держат это в памяти. Чужою, именитой дочь, сотни вещей невесты заранее пусть не готовят, сотни вещей девушки на выданье заранее пусть не готовят; человек, имеющий сына, сотни вещей невесты, сотни вещей невесты тоже пусть не готовят — это не нравятся богу. Когда ты жил на своей земле и был Богатырем-Стравником Нижнего Света, Богатырем-Стравником Верхнего Света, ты объехал всеядую купеческую дорогу нижнего света, всеядую купеческую дорогу верхнего света, покупал-продавал несомняемое дорогое богатство русского человека, несомняемый дорогой товар русского человека, ты приготовил для своей дочери сотню вещей невесты, сотню вещей девушки на выданье. Ты со своей женой говорила так: «В будущем придет свадебный поезд от каюто-то богатыря из-за рек, богатыри из-за земель. Если летом придет свадебный поезд, то нашу дочь поставят на борт пустой лодки; если зимой придет свадебный поезд, ее посадят в пустые саги». Я услышала этот разговор и приготовила множество лодок с берестяными бортами. С многочисленным войском, отмеченным зарубками на всея счетной ладке, мы сели в многие лодки с берестяными бортами, по многим городам на берегу Оби, по многим городам на берегу сора, с шумом-громом пачнавшейся грозы, с шумом-громом идущей грозы мы поплыли вверх по Оби. У кого дочь была хорошая — коронную дочь у него забрали, у кого сын был хороший — хорошего сына забрали. Так посадили и твою дочь в глупую выемку лодки. А вы говорите, что свою дочь спхоронил за лесами, мы поплыли вместе с сотней вещей невесты, вместе с сотней вещей девушки на выданье. Мы потом на своих многочисленных лодках с берестяными бортами повернули назад. Отныне, мой зять, Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света, человек, имеющий дочь, человек, имеющий сына, пусть совсем не готовят сотню вещей невесты, сотню вещей девушки на выданье.

После этого они сидели с хмельной от пива головой, с хмельной от медовухи головой. Мисных семь дней они блаженствовали, мисных шесть дней они блаженствовали.

Потом стали жить-поживать. Кто считает проведенные ими ночи, кто считает проведенные ими дни? Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света мясную надею прожил будто один день, две мясные надеи прожил будто два дня. Валнется и катается у своей дочери в гостях. Со своими сатами несомняемое пиво, несомняемую медовуху принимают. Пива они так

живут, пока они так поминают, целое мясное полугодие прошло, целый костный год¹² прошел. Раз говорит Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света:

— Ну, счасты и доченька моя! Долгий век живем, короткий век живем, с вами жить мне не скучно. А кто у меня есть на оставленной земле, на оставленной стороне моей? Хотя у меня есть там дорогое имущество русского человека, дорогой товар русского человека, об этом я не горюю. Бог Торум, бог Егым определил нам с женой вместе быть, а она живой век живет или нет — не знаю. И человек, имеющий свою землю, и человек, имеющий свою реку, начинаю скучать по своей земле, начинаю скучать по своей реке. Теперь, доченька, я вида живушей женщины, в обитие живушей женщины и тебя узнал. Теперь мне пужай землю, чтоб возвратиться, где я возьму землю, чтоб возвратиться? Если приеду домой, я обязательно расскажу эту весть, расскажу эту повесть.

Поча его старей свят так стоит, так сидит, старик говорит:

— Ну-ка, родственник-свойственник, одним лишь воспоминанием об этой далекой земле, недоступной и лосю, как мог бы ты отправиться, как мог бы ты поехать? Среди этих алых духов как ты поедешь? Проводи ты еще ночь, проводи ты еще день, а мы подумаем так и эдак, как увести тебя на твою землю.

Бог он провел ночь, вот он провел день, и его зять говорит:

— Ну, мой тесть, Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света, как ты поедешь на своих колах? Я подумал запречь тебе обезжающих реки моих желанных оленей, обезжающих земли моих желанных оленей. Если они донезут тебя до твоей земли, то донезут, а если не донезут, то не донезут.

Говорит его свят-старик:

— Родственник-свойственник, ты налялся-катейся, а мне-то что тебе подарить? Сейчас найду тебе что-нибудь.

Его свят ходил, пока блюдо остынет, ходил, пока котел сварится. Зашел, принес сапоги с семислойной мягкой подошвой.

— Ну, родственник-свойственник, что хорошего у меня, чтобы тебе дать? Надень эти сапоги, надень эту шапку, окаямленную мехом черного зверя, в подарок и взыщи еще семисуставную шапку. Теперь и пойду готовить тебе одежду.

Запряг он оленей.

— Ну, свойственник-родственник, я закончил.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Верхнего Света одеслянирнулся, со своей дочерью обменялся ста крепкими поделунами в нос, ста крепкими поделунами в ухо. Со своими свойственниками тоже расстался с добрыми пожеланиями вперед, расстался с добрыми пожеланиями назад¹³. Вышел на площадь деревни; там уже запряжены олени, блага, как небесный лед, блага, как небесный свет. У них принамо семь ножиных ножней.

— Свойственник-родственник, — говорит ему старик, — если столкнешься с какой-нибудь могучей силой, то шесть ножней ты

разорви, а если седьмую разорвешь, то мы тебя больше не знаем.

На этом делают они два прощания, делают три прощания.

— Не горюй о конях, я унесу их за твою землю.

С этим он сел на оленью шкуру. Олень побоялся. Пока они так шли долгий век, шли короткий век, начали приближаться к тому месту, где последний раз останавливались. Кто-то раз крикнет — и уж здесь, раз свистнет — и уж тут. Идет, выдергивает деревья с корнями, идет, выдергивает деревья с ветками. Хватая за один волос, начинает догонять, хватая за два волоса, начинает догонять.

— Распроклятый твой отец, распроклятый твой предок, последний раз ты вырвался, а теперь для тебя нет лестницы, чтобы подняться на небо, нет дырки, чтобы спуститься в асмы.

Четыре ножки хоть и разрывает, тот не отстает от него, так ошумивает, так хватается за него. Разорвал шестую ножку, тот отказался от него.

— Ну, распроклятый твой отец, распроклятый твой предок, тебе, наверно, какой-нибудь любящий тебя человек завяжет двух оленей, обвязывающих реки, обвязывающих земли, если бы не он, то я бы тебя съел-вспил.

С этой нестью, с этим слухом он и отстал от него. Олень, усталося, побежали. Бежали они долгий век, бежали они короткий век, начали приближаться ко второму месту, где они тогда останавливались. Снова слышно стало, как кто-то выдергивает деревья с корнями, выдергивает деревья с ветками. Раз крикнет — и уж здесь, раз свистнет — и уж тут.

— Ну, распроклятый твой отец, распроклятый твой предок, последний раз ты вырвался, а теперь я тебя тут же съем. Захочешь подняться на небо — лестницы нет, захочешь завязать в землю — дырки нет.

Хватая за один волос, начинает догонять, хватая за два волоса, начинает догонять. Хотя он пять ножек разрывает, тот не отстает от него, так ошумивает, так парывает. Разорвал шестую ножку, и тот отказался.

— Ну, распроклятый твой отец, распроклятый твой предок, ты нашел себе любящего человека, который завяжет тебе двух оленей, обвязывающих реки, двух оленей, обвязывающих земли.

С этой нестью, с этим слухом он и отстал от него. Олень, успокоился, побежали тише. Бежали долгий век, бежали короткий век, начали приближаться к тому месту, где тогда первый раз останавливались. Там кто-то выдергивает деревья с корнями, выдергивает деревья с ветками. Раз крикнет — и уж здесь, раз свистнет — и уж тут. Начинает догонять его, хватая за один волос, начинает догонять, хватая за два волоса.

— Ну, распроклятый твой отец, распроклятый твой предок, от тех двух ты вырвался, а от меня захочешь подняться на небо — нет лестницы, захочешь завязать в землю — нет дырки.

Он начал разрывать ножки. Пять ножек разорвал, шестую ножку хоть и разрывает, тот все не отстает от него. Вот пойма-

ет его, сейчас поймает его. Хотя свет и не разрешал разрывать седьмую ножку, он разорвал ее. Разорвал, и небо на глазах исчезло, земля на глазах превратилась.

Было так с ним долгий век, было так с ним короткий век. Потом очнулся, открыл глаза, оказывается — такой же лунный мир, такой же солнечный мир¹³. Темный мир, через который ехал, остался позади. Озвни, оказывается, стоит, тыча носами в свет. Как он их погонит их, озвни говорит устами хантыйского человека, говорит языком хантыйского человека:

— Чего ты нас погоняешь, Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света? Силы рук¹⁴, чтобы дальше идти, у нас нет, силы ног, чтобы дальше идти, у нас нет. Твой свет не разрешал разрывать седьмую ножку, а ты разорвал. Сила наших рук вот и разорвалась, сила наших ног вот и разорвалась. Там дальше стоит семь берез, выросших из одного ния, ты их обойди. За это время мы что-нибудь придумаем. Может быть, мы станем сидеть в руках, может быть, мы станем сидеть в руках.

Желанный Богатырь Нижнего Света, Желанный Богатырь Верхнего Света думает: «Ну как же я обойду эти семь берез, выросших из одного ния?»

Взял он семиставную палку, подаренную светом, и пошел. Семь ночей идет, семь дней идет. Когда идет снег, ему вспоминается зима; когда идет дождь, ему вспоминается лето. Наконец он так устал, что если на его нос повесить пруты, то он не удержится, если повесить травинку, то она не удержится¹⁵.

— Ну, поню-ка я место отдохнуть, сколько я еще буду идти-то?

Видит, недалеко стоит гнилой березовый пенек. Пошел туда, откуда-то высочлнла старуха, бская, как злая шкура. Обожженным тушом топчом как свилу махает — он прыгает вверх, как сверху махнет — бросается вниз.

— Остановись, остановись, убейшь меня! Разве не ходит люди мимо тебя?

— Распронял твой отец, распронял твой продж, ты пришел со злым намерением, разрушил трубу чувала.

— Ну и забавная труба у вас, откуда я мог знать?!

— Ну, тогда иди, тогда заходи.

Зашла она. Оказывается, дом у старухи, белой, как злая шкура, такой: в него черные зери заходят, красные зери заходят¹⁶.

— Ну, раздевайся, раздевайся, гости.

Посадила она его на место, куда гостей сажают, поставила его на место, куда гостей ставят. Он снял сапоги с семислойной медной подошвой, подаренные светом. Оказывается, они продирились. Вглянул тут на семиставную палку, подаренную светом. Оказывается, только рукоятка ее осталась, настолько она изнасилась. Поставила самобраный стол с ливом, самобраный стол с медовой. Пока они блаженствуют, она она наслажда-

ются изобилием, старуха, белая, как заячья шкура, говорит:

— Знаменитый Богатырь с края рек, знаменитый Богатырь с края земель, куда ты идешь?

— А, свояченица-родственница¹⁸, куда я иду — это дело моей жизни, моего существования. Пока я шел многие дни жизни, пока я шел многие дни века, так и шло дело моей жизни.

— Ну, свояченица-родственник, проводи ночь, проводи день, я пока какую-нибудь одежду сошью тебе.

Старуха села, взялась за дело с иглой, взялась за дело с игоплетением, шила ему меховую обувь из камуса хора. Желанный Богатырь Нижнего Сеста, Желанный Богатырь Верхнего Сеста расслабил сустав руки, пришедший из далекой земли, расслабил сустав ноги, пришедший из далекой земли. Вышел, освежился и охладился, снова вошел. Сидят они у самобранного стола с медоухой. Старуха говорит:

— Свояченица-родственник, ты по какой нужде ходишь по этой далекой земле, недоступной и лесю?

— По какой нужде хожу, сейчас расскажу тебе. Дорога моей жизни, дорога моего существования задержалась. Как ни ногою то саих двух оленей, объезжающих реки, моих двух оленей, объезжающих земли, устами хантыйского человека они говорят, языком хантыйского человека они говорят. «У нас, — говорят, — силы рук, чтобы идти дальше, не стало, силы ног, чтобы идти дальше, не стало. Ты, — говорят они, — обойди эти семь берез, выросших из одного пня, мы за это время немного подумали, может быть, ставем сильными в руках, может быть, ставем сильными в ногах».

Старуха говорит:

— М-м-м, что за семь берез, выросших из одного пня? Как будто не авашь, что всю эту священную землю, изогнутую в виде круга, с края неба ты обходил¹⁹. Ну, сейчас уже большее расстояние прошел, меньшее расстояние еще осталось.

Они сидели с мыслью от пня головой, с мыслью от медоухи головой. Старуха подбросила ему меховую обувь из камуса хора:

— На!

Желанный Богатырь Нижнего Сеста, Желанный Богатырь Верхнего Сеста надел обувь из камуса хора. Встал на задний конец дощатого пола, многие вещи сдетого человека надел. Со старухой начал он расставаться с добрыми пожеланиями вперед, с добрыми пожеланиями назад. Дважды прощались, трижды прощались. Вышел он на площадь деревни, вышел он на площадь города и вошел вперед. Семь ночей идет, семь дней идет. Долго шел, коротко шел, пришел к оленям, прикинул, насколько они повеселились. Сел на оленью ярту, вожжами поддал. Олени бегут вперед, выбивая снежные комья величиной с терпак, снежные комья величиной с кашку.

Шли они долгий век, шли они короткий век. Вот он смотрит вперед, видит: неск белый свет целиком светится. Олени остано-

вились на бегу, перешли на шаг, потом совсем стали. Как оп ни поговянет оленей, говорит они устами хантыйского человека, говорят они языком хантыйского человека:

— Чего ты нас поговянешь, смотри вперед, что там светится?
— Я не знаю, что там светится.

— Если не знаешь, то знай, это город из красной меди ²⁰. Теперь наша дорога идет к этому городу. Потом посдем через этот медный город, потом побегим по улице медного города, придем к середине медного города, и из медного дома три медных человека выйдут. Потом скажет человек, стоящий в середине: «Поймайте, поймайте оленей, распроклятый их отец, распроклятый их предок! Какие легкие ноги привели их сюда?»²¹ Тогда нас поймают эти три медных человека, нас разрубят на куски величиной с кусочки обуш, нас разрубят на куски величиной с кусочки рукавиц. А ты, если мы нужны тебе, возьми кусочки наших носов, доставь кусочки наших ушей. Обними ноги стоящего в середине человека. Если он простит нас, то простит, если не простит, то не простит.

Он погнал оленей, те побегали вперед. Долго шли, коротко шли, и взыправду их дорога идет к медному городу. По улице медного города бегут олени. Приехали к середине медного города. Знаменитый дом деревни куда может деться? Знаменитый дом города куда может деться? Из знаменитого дома деревни, из знаменитого дома города вышли три медных человека. Стоящий в середине человек просит:

— Поймайте, поймайте оленей, распроклятый их отец, распроклятый их предок! Какие легкие руки, какие легкие ноги их привели сюда?

Схватили их, разрубили в пух, разрубили в прах. Он взял кусочки их носов, взял кусочки их ушей. Обнял ноги в середине стоящего человека. Тот туда-сюда вложит его, сюда-туда вложит его. Вот говорит стоящий в середине человек:

— Погодите, погодите, люди, остановитесь! А ты астань. Кто тебя навел сюда, кто тебя наставлял сюда?²²

— Ха, невинных моих оленей вы разрубили в пух, разрубили в прах, а теперь куда лежит моя дорога?

— Ну, если у тебя есть какая-нибудь хитрость, какой-нибудь фокус, то сделай что-нибудь с рожденными без отца, без матери оленями.

Вот он осотрелся, завес кусочки ушей и носов за голову, опустил сюда. И вот во весь рост рослого оленя, во всю вымоту высокого оленя они встали. Стоящий в середине человек подошел, спявкой своей дорогой сабли, истекающей слюной, зарубал им на носу: как зарубка — то три зарубки, как зарубка — то четыре зарубки ²³.

— Распроклятый ваш отец, распроклятый ваш предок, слушайте хорошенько. В дальнейшем настанет на свете кукольное время, настанет на свете кукольное время, потом с темноводного свящешного моря, с темноводного благословенного моря, где мы

живете, выдот множество лодок с берестяными бортами. Собирут души-тени девочек с носами, собираут души-тени красивых мальчиков из семи городов на берегу Оби, из шести городов на берегу сора. Назначенных нами сажайте в глубокое зарубия в середине лодки, не назначенных нами не сажайте»³⁴.

Потом дважды они прощались, трижды они прощались:

— Ну, иди, иди на ту реку, куда ядешь, на ту землю, куда едешь, а вам, олеви, распродатый ваш отец, распродатый наш предок, хорошо, что такой человек попался, а то здесь мы бы закончили нашу песню, закончили нашу сказку.

Он сел на оленюю парту. Олеви побежали вперед. Едут через медный город, олеви выбивают снежные комья величиной с черпак, снежные комья величиной с чашку. Далеко ехали, коротко ехали, он смотрит вперед: как раньше светалось, еще больше светится. Олеви бегут-бегут, переходят на шаг и совсем останавливаются. Как он ни поговевает их, они говорят устами хантыйского человека, языком хантыйского человека:

— Что нас говишь, что нас поговлешь, посмотри вперед, что там светится?

— Откуда я знаю, что там светится.

— Если не знаешь, то знай: там виднеется серебряный город. Дальше наша дорога идет в серебряный город и идет по узищу серебряного города. В середине серебряного города из серебряного дома выйдут три серебряных человека. Стопший в середине человек тоже начнет просить: «Поймайте, поймайте этих олеви, распродатый их отец, распродатый их предок». Нам потом схватят. Так же разрубят в пух, так же разрубят в прок, а ты потом, если мы нужны тебе, так же возьми кончики наших носов, кончики наших ушей, опять сделай так, как раньше делал.

С этим подалась вперед и бегут. Выбивают снежные комья величиной с черпак, выбивают снежные комья величиной с чашку. Приехали в серебряный город, бегут по узищу серебряного города. Приехали в середину серебряного города. Знаменитый дом деревни куда может деться, знаменитый дом города куда может деться? Из серебряного дома вышла три серебряных человека. Стопший в середине человек говорит:

— Поймайте, поймайте олеви, распродатый ваш отец, распродатый ваш предок! Какие легкие руки принесли вас сюда, какие легкие ноги принесли вас сюда?

Три серебряных человека схватили их, разрубали в пух, разрубали в прок.

— А, распродатый ваш отец, распродатый ваш предок, какие легкие руки вас принесли сюда, какие легкие ноги вас принесли сюда?

Он взял кончики их носов, кончики их ушей. Обила ноги стоящего в середине человека. Тот туда-сюда волоочит его, сюда-туда волоочит его. Стопший в середине человек говорит:

— Погодите, погодите, люди, остановитесь! Ну, аставай, аставай! Кто тебя нанел сюда, кто тебя наскзал сюда?

Сказали они друг другу привет вперед, сказали они друг другу привет назад.

— Ха, невинных моих оленей во что проворачивали? А теперь куда лежит моя дорога?

— Ну, если у тебя есть какая-нибудь хитрость, какой-нибудь фокус, то сделай что-нибудь с рождскими без отца, без матери оленями.

Он осмотрелся, заисе копытца ушей и носов за голову и опустил саади. И вот во весь рост рослого оленя, во всю высоту высокого саеи онг етала. Стоящий в середине часеи подиши, сининой саеи доргой саби, истекающей писом, зарубил им на посу: как заруба — то три заруби, как заруба — то четыре заруби.

— Распрокалтый ванн отец, распрокалтый ванн предок, сущаито жерошенико. В дальнейшем настанет на свете кукольный век, настанет на свете кукольное время, до окончания песни, до окончания сказки²³, с темноводного синицеиного моря, с темноводного благостенниного моря выплывает множество лодок с берестяными бортами, соберут душо-тени дечечок с кесами, соберут душо-тени красных мальчиков из семи городов на берегу Оби, из шести городов на берегу сора. Назначенных нами сажайте, по назначенных нами не сажайте.

После этого расстанется он с добрыми помыслами вперед, с добрыми помыслами назад. Давжды пропадались, трижды пропадались.

С этим он соя им оденко нарту, олени побежали. Серебряный город кончился. Олени выбивают снежные комья величпой с черпак, снежные комья величпой с чашку. Пока они шли долгий век, пока они шли короткий век, как раньше светилось — еще больше светится. Олени бежали-бежали, перешли на шаг и совсем остановились. Как он ни пошевеливает их, говорят они устами зветийского человека, говорят они языком зветийского человека:

— Чего нас пошевеливаешь, чего нас поговяешь? Смотри туда вперед, что там светится?

— Оттуда и знаю, что там светится.

— Теперь на двух местах нас простили, а на третьем — кто его знает. Если не знаешь, то знай: это золотой город. Наша дорога ведет в золотой город. Когда мы побежим по улице золотого города, так же придем к середине золотого города, из золотого дома выйдут три золотых человека. Потом где же знаменитый стоящий в середине человек: «Побивайте, побивайте оленей, распрокалтый их отец, распрокалтый их предок». Потом схватят нас, так же разрубят в нух, разрубят в ирах. Как раньше делал, то же сделай теперь.

С этим побежали вперед. Выбивают снежные комья величпой с черпак, выбивают снежные комья величпой с чашку. Приехав в золотой город, поднялись на возвышенность золотого города. Бегут по улице золотого города. Знаменитый дом деревни

туда может деться, знаменитый дом города куда может деться? Из золотого дома вышли три золотых человека. Говорит стоящий в середине человек:

— Поймайте, поймайте, люди, распроклятый их отец, распроклятый их предок! Какие легкие руны принесли их сюда, какие легкие помы пришли их сюда?

Схватили их, разрубили в пух, разрубили в прах. Он взял кончики их носов, кончики их ушей. Шаг к ногам стоящего в середине человека, обнял. Тот туда-сюда поворачивает его, сюда-туда поворачивает его. Стоящий в середине человек говорит:

— Постойте, постойте, люди, остановитесь! Кто тебя напел сюда, кто тебя наговоря сюда?

Сказали они друг другу привет вперед, сказали они друг другу привет назад.

— Ха, дорогие люди, моих безвинных оленей вы уничтожили, погубили, теперь куда лежит моя дорога?

— Ну, если у тебя есть какая-нибудь хитрость, какой-нибудь фокус, то сделай что-нибудь с рожденными без отца, без матери оленями.

Он поднял кончики их носов, кончики их ушей, запас за голову, опустил сзади, и вот во весь рост рослого оленя, во всю высоту высокого оленя встали они там. Стоящий в середине человек подошел, синей своей дорогой собрал, истекшей пивом, зарубил им на плечу: как зарубка — то три зарубки, как зарубка — то четыре зарубки.

— Распроклятый ваш отец, распроклятый ваш предок, слушайте корешенко. С темноводного священного моря, с темноводного благословенного моря, где вы живете, в дальнем, когда настанет на свете купальный век, настанет на свете купальное время, выплывет с моря множество лодок с берестяными бортами, начнут собирать души-тени маленьких девочек с носами, начнут собирать красивые души-тени маленьких мальчиков из семи городов на берегу Оби, из шести городов на берегу сора. Это вы сказанное мною железом зарубивное священное слово, медью зарубивное священное слово не говорите, что не слышали. Назначенных мной скажите, не назначенных не скажите.

Еще стоящий в середине человек говорит:

— Ну-ка, шестой возьми.

Сунул руку в карман, вынул золотой бумажный лист, вынул золотой карандаш, положил на колено, начал писать. Писал-писал, бумага кончилась. Стоял пополам, положил в конверт.

— На, возьми эту бумагу. Потом, когда приедешь на край твоей реки, когда приедешь на край твоей земли, и наступит какой-нибудь священный день, священный день на все тело, священный день на всю землю, и с янтарными в дереве многими мужичинами, с жлаущими в дереве многими женщицами вы будете его праздновать, с каким-нибудь напитком будете праздновать, с какой-нибудь едой будете праздновать. В это время ты прочитай эту бумагу.

Дважды они прощались, трижды они прощались. Сол он на оленью шкуру, олени побежали вперед. Они несли его через золотой город. Золотой город кончался. Олени выбавают снежные комья величиной с черпан, снежные комья величиной с чашку. Шли они долгий век, шли они короткий век, приехали к двум мужчинам. Один пришел к другому, они говорят и говорят о чем-то. У того, кто дома, есть струг, а с пришедшим человеком вдруг что-то случилось, он придался хозяина, схватил струг и давай его стругать. Стругал-стругал, от того ничего не осталось.

— Ха, — говорит Искалный Богатырь Нижнего Сета, Искалный Богатырь Верхнего Сета, это что за фокус?

Олени снова говорят устами хантыйского человека:

— А что, ты не видишь?

— Откуда я знаю?

— Если не знаешь, то знай: это последнее место, куда мы пришли, это мы идем из возмездия золотого города, где живет наш светлый отец, имеющий в доме золотое дымовое отверстие¹⁴. Пока мы шли долгий век, пока мы шли короткий век, из того мира, где ты живешь, попали в нижний мир. Вот этим мужчинам приговор такой: в сетах человеческом мире, где и ты жил, этот иструганный человек имел струг. У пришедшего человека струга не было. Он пришел, о каком-то деле они разговаривают, беседуют: «Ну, друг, есть у тебя струг? Дай-на мне, то-то постругай». — «Ха, ты, рожденный без отца, без матери! Когда и доставал этот струг, где же ты был? Второй человек ни с чем пошел домой. И вот в этом мире приговор исполнился, Олени подняли головы, побежали дальше. Шли долгий век, шли короткий век, пришли еще в одно место. Там человек что-то делает. У него есть круглое точило. Издали пришел другой человек, о чем-то говорит. С пришедшим человеком вдруг что-то случилось, он придался хозяина, наклонил на точило и начал точить, топило куски мяса, как и котле, кипит. Искалный Богатырь Нижнего Сета, Верхнего Сета сидит на своих оленьих нартах:

— Ха, это что за фокус?
Олени говорят устами хантыйского человека, языком хантыйского человека:

— Если не знаешь, то знай: в светлом мире, где ты жил, ири своей жизни этот пришедший человек прилягнул за какое-то дело, но оказалось, что его топор тушой, нож тушой. Пришел к другому, говорит: «Ну, друг, дай мне топило, чтобы точить». — «Ха, когда я доставал топило, где же ты был? Газе не знал, что его надо доставать!» В этом мире ему приговор такой: кладут на его топило и истачивают до конца.

Олени подняли головы, побежали дальше. Пока они шли долгий век, пока они шли короткий век, приехали еще в одно место. Оказывается, жена и муж из-за чего-то ругаются и ругаются. У них большой тулуп. Приходит время ложиться спать, они закрываются этим тулупом. Если жена захватит тулуп, то зад мужа торчит, если муж захватит тулуп, то зад жены тор-

чит, тулупа им не хватает. Желанный Богатырь, Нижнего Света, Пернего Света говорит, сиди на зарте:

— Ха, это что за фокус?

Олени говорят устами хантыйского человека, языком хантыйского человека:

— Не знаешь это дело?

— Откуда мне знать?

— Если не знаешь, то знай: в светлом мире, где ты жила, при жизни они жили так подружно. Семь ночей они ругались, семь дней они ругались. Когда наш желанный небесный отец спелал малоспелую осень для собачьих ног, для человеческих ног¹⁰ этот человек отправлялся в лес по желанной тропинке белок. Пока муж ходил, жена смотрит: какой-то красивый мужчина ходит. «А ну-ка, я пощечоню его». Пошкотала, приложила к одной щеке, к одной руке. Ее муж долгий век ходит, короткий век ходит, приходит домой, а жено не до блюд, не до котла. Живут они долгий век, живут они короткий век, наступает лето, шинювник для сбора, черемуха для сбора носенчат. Жена отправляется по желанной тропинке собираемой черемухи, собираемого шинювника, ее муж остается дома. «Ха, распроклятый ее отец, распроклятая ее мать, она ушла». Тоже смотрит: какая-то красивая женщина ходит. «Ну-ка, я пощечоню ее». Пошкотала тем, пощечоняла тут, приложила к одной щеке, к одной руке. Женшина долгий век ходила, короткий век ходила. «Ты не запаса дров». — «Не до того мне, я и так не справляюсь». Опять из-за дров спорят, из-за травы спорят. Так они поступали, когда жили в светлом человеческом мире, а теперь им приговор такой: в таких же мучениях, в таких же страданиях их сбивает потопом, их омыкает течением. Олени подняли головы, побежали дальше. Идут короткий век, идут долгий век, пришли еще в одно место. Там тоже жена и муж. У них плоховатая шуба длиной с куртку, о чем-то говорят, говорят. Когда придет время ложиться спать, своей шубкой длиной с куртку они укрываются.

— Ха, это что за фокус?

Олени говорят устами хантыйского человека, языком хантыйского человека:

— Ха, ты не знаешь это дело? Эти женщина и мужчина, когда они жили в светлом человеческом мире, где ты жила, они в таком согласии и жили. Если жена говорит, муж слушает целую ночь, целый день. Если муж говорит, жена слушает целую ночь, целый день. Когда они покотоса спать и укрываются шубкой длиной с куртку, их рук не видно, их ног не видно. Когда наш желанный небесный отец спелал малоспелую осень для собачьих ног, малоспелую осень для человеческих ног, муж отправился в лес по желанной тропинке белок. После того как он ушел, с уюдами заходит женщина. «Ну, подружка, ты почему не ходишь в мой дом?» — «Как бы я пошла, муж ушел на охоту, дом останется один». — «Ну, подружка, заходи ночью». — «Ну, идя, идя, я зайду». Когда та ушла, она говорит себе: «Ну, я

пойду к тебе, по моему мужичку-то каково ходится в это время?» Муж ходил долгий век, ходил короткий век, приходит домой, дальше живут-поживают. Живут-живут, наступлет лето, шиповник для сбора, черемуха для сбора поспевает. Жена собирается на желанную тропинку собираемой черемухи, собираемого шиповника. «Ну, муж, ты оставься-ка дома, пока я хожу». Жена уходит на желанную тропинку собираемого шиповника, собираемой черемухи. С улицы заходит человек. «Ну, друг, один остался хозяином, что ли?» — «А как же, жена пошла по какой-то тропинке собираемого шиповника, собираемой черемухи. Дом остался один, я нигде не собираюсь». — «А ну, зайдём-ка, зайдём ко мне». — «Ну, иди, иди, может быть, потом зайду». Когда тот ушёл, он говорит: «Ну, я пойду к тебе, а моей жёнушке каково там ходится, хорошо или плохо?» Жена ходила долгий век, ходила короткий век, приходит домой. Они беседуют вперед, они беседуют назад, садится за еду с пивом, яв еду с медовухой. Сделанная ими еда так насыщает, сделанный ими напиток так насыщает! Вот какова была их жизнь в светлом лубном человеческом мире. Теперь они попали в этот мир, их несет гладко, как по петру, как по течению.

Олеги подняли головы, побежали вперед. Шли они долгий век, шли они короткий век, пришли в какое-то место. Оказывается, там один человек таскает связку ушей, с плеча почти до земли свисает.

— Ха, что это за фокус?

Олеги снова говорят устами хантыйского человека, языком хантыйского человека:

— Что за фокус? Это когда в светлом человеческом мире, где ты живешь, настает кукольное время, тогда мальчику, рожденному какой-нибудь красавицей, девочке, рожденной какой-нибудь красавицей, если попадет одно ухо из этой связки, то они будут слышать на расстоянии семи дней, на расстоянии шести дней — танце у них будут способности, такой у них будет сила.

Олеги подняли головы, побежали дальше. Выбивают снежные комья величиной с черрак, снежные комья величиной с чашку. Долгий век шли, короткий век шли, снова превали в одно место. Оказывается, человек таскает на спине связку глаз.

— Ха, что это за фокус?

Олеги говорят устами хантыйского человека, языком хантыйского человека:

— Что это за фокус? Когда настает на свете кукольный век, настает на свете кукольное время, тогда в светлом человеческом мире, где ты живешь, рожденной в будущем маленькой девочке, рожденному в будущем маленькому мальчику если попадет один глаз из этой связки, то они будут видеть на расстоянии семи дней, на расстоянии шести дней. Связка глаз для этого.

Олеги подняли голову и побежали дальше. Выбивают снежные комья величиной с черрак, выбивают снежные комья величиной с чашку.

чпой с чашку. Пока шла долгий век, пока шли короткий век, попали в лунный мир, где живут люди, попали в солнечный мир, где живут люди.

Шли долгий век, шли короткий век, приехал он на край своего города с богатыршей, приехал он на край своего города с богатырем²⁸. Подъезжал к дверям, истаял с огненных карт, огненной повернул назад.

— Ну, обезжающие реки дороге олени, обезжающие земли килье олени, поищите край своей реки, поищите край своей ~~земли~~!

Погнал их меральм прутом, потом зашел в дом. Его жена, оказывается, сидит на нарах и что-то делает.

— Ну, жена, здравствуй!

Жена сидит, большого внимания не обращает, малого внимания не обращает на него. Он подошел ближе и говорит:

— Жена, здравствуй!

Жена ничего не слышит, продолжает работать. Подошел к ~~подойти~~ ~~дверям~~:

— Здравствуй, жена! Слышишь, или нет?

Жена не вздохнула и не испугалась. Он рассердился:

— Ну, рожденная без отца, без матери, человек и трех дней не ел, а ты уже пришла к другой мысли, к другой душе! Подошел и ступил ее. Жена качнулась в одну сторону, начала ковырять в ухе.

— А-а-а, — говорит, — многие мои предки, ушедшие вперед, немногие мои предки, ушедшие вперед, покойники кричат в ухо²⁹.

— Это, наверно, я говорю так, как ушедшие в вайский мир покойники.

Вышел повесил голову, куда-то шагает, горюю. Видит, что у дверей автога сидит его жона. Подошел. Оказывается, они нагружены, придавлены шкурами черного зверя, шкурами красного зверя. Пришло ему в голову: «Это мне мешает шапка, окаймленная мехом черного зверя, подаренная моим сватом». Снял шапку с головы и снова зашел. Жена увидела. Меньшее расстояние он шел, большее расстояние жена бежала. Облала его за шюю.

— Ходил ты долгий век, ходил ты короткий век, наконец подошел откуда-то.

Слушались-обшиваются. Муж разделся. Присел к столу с ливом, к столу с медовой, чтобы есть-пить. Взялся за разговор.

— Я недавно заходил, три раза здоровался, ты и большого внимания не обратила, и малого внимания не обратила. Я рассердился, подошел и стукнул тебя. Ты качнулась в одну сторону, чуть не упала, потом начала ковырять в ухе, говори: «А-а-а, многие мои предки, ушедшие вперед, немногие мои предки, ушедшие вперед, покойники кричат в ухо».

— А действительно, как-то недавно у меня звенело в ушах. О пройденной дороге вест, о пройденной далекой земле слух два дня, три дня он рассказывает и рассказывает. Как живет его

дочь, как ухаживали за ним сваты, как ухаживал за ним зять. И эта весть копчилась, и этот слух копчился.

Пока они так жили, пока они так проживали, настал большой священный день на всю землю. Живущим в деревне многим женщинам, живущим в деревне многим мужчинам они собрали к себе, создали к себе, к столу с напитком, к столу с медовухой, чтобы посидеть с хмельной от нива головой, с хмельной от медовухи головой.

— Ну, дети, пока я ходил по краям рек, пока я ходил по краям земель, мне дали бумагу. Живущим в деревне многим женщинам, живущим в деревне многим мужчинам прочту.

Вынула из кармана лист золотой бумаги, развернула: оказывается, светлым отцом, имеющим в доме золотое дымовое отверстие, три ветки золотой писанной там написано: «Где-то на берегу беловодной питающей Оби, где рыба поднимается, беловодной многорыбной Оби говорят о земле, обросшей обской травой, о земле, обросшей соровой муравой, назначен ему священный мыс, где осенний глухарь роляет перо, священный мыс, где осенний глухарь роляет перо».

Светлый отец, имеющий в доме золотое дымовое отверстие, светлый батюшка, имеющий в доме золотое дымовое отверстие, когда-то открыл на свете кукольный век, когда-то открыл на свете кукольное время. Светлым отцом, имеющим в доме золотое дымовое отверстие, он назначен на священный мыс, где осенний глухарь роляет перо, чтобы нескончаемую кровяную жертву со стрелы принимать, нескончаемую кровавую жертву с лука при-
ищечать.

После того как копчился стол с пивом, после того как копчился стол с медовухой, после того как многие живущие в деревне женщины разошлись, после того как многие живущие в деревне мужчины разошлись, он говорит жене:

— Ну, пойдем на повсем уголок нашей реки, повсем уголок нашей земли.

Как и назначил им великий отец Торум, великий батюшка Торум, они препратились в речных гусей с выступающей грудью и отирались в путь с криком тён-тён, с криком гал-гал. К дороге верному течению по беловодной питающей Оби, где поднимается рыба, по беловодной многорыбной Оби, где поднимается рыба, с криком тён-тён, с криком гал-гал они привлекли к восхваленной земле, обросшей обской травой, к земле, обросшей соровой муравой. Своими большими, как луна, священными глазами, своими большими, как солнце, священными глазами они видят: вправду, на мыс, выходящий к сору, на мыс, выходящий к озеру, светлый отец, имеющий в доме золотое дымовое отверстие, спустил священную листовицу с золотыми корнями, священную листовицу с золотыми ветвями. На вершину этой листовицы он спустил горюх, положил на журавля с головой,

потопий на муравья с шеей. На вершине города, покрытого белым войлоком, города, покрытого золотым ковром, спустил священный кончик железной кисти, священный кончик медной кисти, в над ней — дорогой кончик золотой цепи³¹. Необытный большой дом, где у него вход — неизвестно, где у него дверь — неизвестно, как попут северный ветер — качает его к семи краям юга; как попут южный ветер — качает его к шести краям севера. Семь раз по ходу солнца обходит, шесть раз по ходу солнца обходит, неизвестно, где у него дверь, где у него дымовое отверстие. Когда напелся железный крючок, тогда открылась дверь, тогда открылось дымовое отверстие.

Зашли они в священный дом с неизвестной дверью, в священный дом с неизвестным дымовым отверстием. Оказавшись, это дом с сотней слуг, дом с сотней прислужников. Там стоит их самобранный стол с пивом, их самобранный стол с медовухой. В заднем углу дома, в переднем углу дома лежат много бумаг с золотыми ветвями писания. С ланочадами, с чернотелыми саугами, с сотней нежженных прислужников они обмениваются добрыми пожеланиями вперед, они обмениваются добрыми пожеланиями назад. Сто слуг нежженных, сто прислужников нежженных радостными руками радуются, радостными погами радуются³². Он открыл бумагу с золотыми ветвями писания, из заднего угла дома, из переднего угла дома смотрит большими, как лупа, глазами, смотрит большими, как солнце, глазами. Оказываются, эти книги являются хвалениям, таким образом хвалятся: «Он называется парем с данью весенней белки, он называется парем с данью осенней белки³³, его зовут золотой жесей восходящего солнца, его зовут золотой красотой встающего солнца. На всей священной земле, восточной в виде круга, добрым языком голосом к нему обращаются, добрым низким голосом к нему обращаются. Великим отцом Торумом, великим батюшкой Торумом в угол его дома, в соня его дома, где стоит лонинад, изначальны желанная оленя, облекающие реки, желанные оленя, облекающие земли, священные животные с шерстью летнего бурундука, священные животные с шерстью летней белки³⁴.

Потом со своими чернотелыми слугами, чернотелыми прислужниками они сели за самобранный стол с пивом, за самобранный стол с медовухой. Три дня сидели с хмельной от пива головой, четыре дня сидели с хмельной от медовухи головой. В этом счастье, в этом благополучии пачай жить, до сих пор живут.

31. Маммоужерший наемники

Живут тети с племянником. Долго или коротко жила, наступила ночь, племянник говорит тете:

— Теперь я утру. Устав меня на излабине. Дай мне с собой мою сеть, дай мне с собой мой котел, дай мне с собой мой топор! Положи меня под мою лодку!

Едва договорил он, как умер. Тети паграса воды, обмыла его,

положила на скамью². Три дня держала дома, на третий день поехала на кладбище. Приехала к кладбищу в лодку, вынесла его на берег, положила под лодку. Поехала тетя домой.

Когда тетя уехала, он вскочил, столкнул лодку в воду, положил сеть в лодку, поехал на озеро ставить сети. Приплыл на озеро, поставил сеть. Поймал рыбы на раз поесть, снял сеть, поехал на кладбище. Подплыл к кладбищу, причалил. Вытолкнул лодку на берег, развесил сети, повесил котел, приготовил пищу. Съел рыбу, суп оставил в котле. Затем заполз под лодку.

Настал день, его тетя говорит:

— Поеду на кладбище оплакивать моего умершего.

Отправилась на кладбище, приехала. Видит: дно его лодки мокрое, сети мокрые, на костре еще горит огонь, в котле еще горячий суп.

— Какие-то люди растащили мои дары умершему!

Тогда она стала плакать и причитать:

— Да славится имя моего племянника по имени Мокрая Лодка, да славится имя моего племянника по имени Мокрая Сеть, да славится имя моего племянника по имени Икраной Уголок! Гты!

Затем встала тетя, поехала домой. Когда тетя уехала, он вскочил. Стокнул лодку в воду, положил сеть в лодку. Поехал на озеро ставить сети. Приплыл на озеро, расставил сети, поймал рыбы на раз поесть, собрал сеть, поехал на кладбище. Подплыл к кладбищу, причалил. Вытолкнул лодку на берег, повесил сети, повесил котел, приготовил пищу. Поел рыбы, суп оставил в котле. Затем заполз под лодку.

Пришла тетя домой, прошло три дня или четыре дня.

— Поеду опять на кладбище.

Приготовилась, отправилась на кладбище и приехала. Дно его лодки мокрое, сеть мокрая, огонь еще горит, суп в котле остался. Тогда она и стала плакать и причитать:

— Да славится имя моего племянника по имени Мокрая Лодка, да славится имя моего племянника по имени Мокрая Сеть, да славится имя моего племянника по имени Икраной Уголок! Гты!

Затем копчила плакать, встала, поехала домой. Когда тетя уехала, он вскочил. Стокнул лодку в воду, положил сеть в лодку. Поехал ставить сети. Приплыл на озеро, расставил сети. Поймал рыбы на раз поесть, снял сеть, поехал на кладбище. Приплыл к своему кладбищу, причалил. Вытолкнул лодку на берег, повесил сети, повесил котел, приготовил пищу. Поел рыбы, суп оставил в котле. Затем заполз под лодку.

Тут его жмет поживает. Однажды входит мужчина:

— Тебя твой племянник обманул. Сходи завтра на кладбище! Я вижу вид медведя³, переплыву рукав реки. Я зарычу по-медвежьи, а ты закричи: «Племянник, аставай, а то меня медведь сожрет!» Тут он по-медвежьи, вскочит. Я поднимусь на берег, схвачу его, буду бить. Ты разними нас.

Они попрощались, осталось только место от вошедшего муж-
чины.

Вскочил племянник под своей лодкой, толкнул лодку в во-
ду, положил сеть в ящик. Поехал на озеро, поставил сети. Под-
нял рыбы на раз поост, собрал сеть, поехал на кладбище. При-
плыл к кладбищу, причалил к берегу. Вытолкнул лодку на бе-
рег, понесла сети, повесил котла, приготовил кашу. Поел рыбы,
сух оставил. Потом зашел под лодку.

На следующий день тетя говорит:

— Поеду на кладбище.

Приготовилась, приехала на кладбище. Дно его лодки мокрое,
сети мокрые. Зашла она и стала плакать и причитать:

— Да славится мой племянник по имени Мокрая Лодка, да
славится мой племянник по имени Мокрая Сеть, да славится
мой племянник по имени Иериний Утолок Рта!

В этот момент с другой стороны рукава в воду с рычаньем
бросился медведь. Тети начало кричать:

— Племянник, вставай, вставай! Меня сейчас медведь сож-
рет!

Племянник не выдержал, выскочил, сбегал к реке. Схвати-
лся он с медведем драться, медведь начал его бить:

— Почему ты обманывалась, почему ты мучаешь свою ста-
рую тетю?

Тетя разжала их. После этого они останавливались, пожелока-
лись, обнялись. Отправлялись домой, пришли, устроили большой
пир для всей деревни, большой пир для всего города. Месяц ели,
неделю ели. Затем тетя пошла в свою землю, дядя — в свою
землю, племянник — в свою землю *. И вот живут они в счастье
и благополучии до сегодняшнего дня.

32. Ими-хиты

Ими-хиты с бабушкой живут на краю земли. Сделал однажды
себе Ими-хиты ледяную горку и катается по ней динми.
Как-то раз прибегает Ими-хиты домой и спрашивает бабушку:

— Бабушка, я видел зверька: хвост черный, а сам серый.
Что это за зверек?

Бабушка говорит:

— Это белка, внучек. Раньше твой отец добывал этого
зверька.

— Я пойду, бабушка, догоню его, — говорит Ими-хиты.

— О внучек, ты еще мал за белкой гоняться. Ты ее пого-
дишь, она на дерево залезет, что ты с ней сделаешь?

Пошел Ими-хиты снова кататься. Долго, коротко катался,
снова прибежал к бабушке:

— Бабушка, я опять видел зверька: кончик хвоста черный,
а сам весь белый. Что это за зверек?

— Это горностай, внучек. Раньше твой отец добывал этого
зверька.

— Я пойду, бабушка, догоню его.

— О внучек, ты еще мал за горюстаем гоняться. Ты его догонишь, он под корень дерева залезет, что ты с ним сделаешь? Опять пошла кататься Ими-хиты. Долго, коротко катались, спить прибегла к бабушке, говорит:

— Бабушка, я этот раз видел такого зверя: весь целиком черный. Что это за зверек?

Бабушка говорит:

— Это соболя, внучок. Раньше твой отец этого зверька добывал.

— Пойду я, бабушка, догоню его.

— О внучек, где тебе догнать соболя. Соболя — это зверь с длинным следом.

— А как добывают, бабушка, этих зверей?

— Как их добывают? Луком и стрелами.

— А какое бывает лук и стрела? Как их делают? Сделай мне лук и стрелы, бабушка.

Бабушке очень не хотелось мастерить, да что поделаешь, если ребенок просит. Взяла она полена, выстругала что-то вроде стрелы. Затем нашла какой-то обрубок палки и сделала внучку лук. На следующий день утром проснулась бабушка, взглянула, а внука уже след простыл.

Долго, коротко ходил Ими-хиты, пришел домой уже под вечер. Привнес всякого зверя целую кучу. Бабушка пономряла лису, напояла, и если они вдвоем снежоват добытых зверей. Бабушка учит:

— Твой отец вот так снежовал, вот так правил шкурки.

С тех пор каждый день стал ходить Ими-хиты на охоту. Всегда уходил, когда бабушка еще спала. Так он ходил, охотился, а однажды вечером за едой сказала бабушке:

— Бабушка, я теперь подальше уходить буду, там больше звери. Сделала бы ты мне какой-нибудь кузовок, чтобы можно было брать с собой еду. Ходить в лесу я еще не умею как следует, может случиться, что я еще заблужусь где-нибудь.

— Да, это верно, внучек.

Бабушка села и мотом сплела кузовок, чтобы влезть еду. На следующий день Ими-хиты надел свой кузовок с едой и пошел опять на охоту. Какой след ни попадется, по тому следу и идет: попался след мышки — идет по следу мышки, попался след ласки — идет по следу ласки. Так он шел, шел, вдруг слышит: кто-то кричит, надрыгается. Ими-хиты думает: «Схожу-ка я посмотрю, кто там кричит?»

Стал подкрадываться. Осмотрелся: оказывается, на берегу реки высокая гора. Видит: менка-пошиха катается па железных сплах. Покатится, закричит и засмеется; покатылся, закричит и засмеется. Ими-хиты стоит в глаз с него па сводит. Долго, коротко так стоял Ими-хиты, наконец менка его заметил.

— Эй, дружок, ты здесь? — говорит ему менка-пошиха. — Иди покататься со мной!

— Нет, — отвечает Ими-хиты, — я пошел на охоту, мне некогда кататься.

— Ну, иди, иди, разок скатимся, чего там?

Ну разве отвлечешься от менка-пошиха?

— Иди садись на передок, — говорят менка-поших.

— Нет, на передок не сяду. Я сяду заскочу. Я не удержусь, ты уж очень громко кричишь и смеешься.

— Нет, я не буду очень громко кричать и смеяться.

Вскочил Ими-хиты сзади, и пошатнулся. Когда пошатнулся, менка-поших так закричал, что Ими-хиты упал без чувств. Долго, коротко лежал, очнувшись, видит: менка-поших поднимается в гору с санками.

— Эй, дружок, почему ты упал?

Ими-хиты отвечает:

— Я же говорю, что не могу кататься с тобой. Ты очень громко кричишь и смеешься.

— Ну, — говорит менка-поших, — теперь я буду потише смеяться.

— Нет, я больше не буду с тобой кататься. День проходит, отодвигаясь назад.

— Ну, скатимся, скатимся еще разок. Садись ко мне на колени, не выпадешь.

Отговаривался, отговаривался Ими-хиты, да разве отговарившись от менка?

— Ну, садись, садись, — говорят Ими-хиты, — я опять сяду заскочу.

Покатились. Менка-поших опять закричал, засмеялся по веселому. У Ими-хиты белый свет из глаз скрылся. Долго, коротко лежал, очнувшись, слышит: менка-поших с улыбкой к нему подходит.

— Что, дружок, опять ты остался?

— Ты так смеешься, разве можно с тобой кататься?

— Ну давай еще разок скатимся, да как следует, по-хорошему. Ты садись теперь в санки.

Ими-хиты говорит:

— Нет уж, с тобой вместо я больше не покажусь. Я сам сделаю себе санки, а ты один катайся.

Ими-хиты взял свои топорышко, срубил поправившуюся березку, расколол пополам и стал обтесывать. Менка-поших смотрит: Ими-хиты тесает — топор соскальзывает, тесает — соскальзывает.

Менка-поших говорит:

— Когда твои санки будут готовы, если ты так будешь тесать? Дома ты разве на особом месте тешешь?

— Дома я на бабушкином лыске тешу.

— Как это ты на языке тешешь? — говорят менка-поших.

— А я привык к этому. Вот ты привык же кричать и смеяться, — говорит Ими-хиты менка-пошиху. — Ты вот ляг, я на твоём языке быстро вытешу.

— Ну, ты мне еще язык струбини.

— Язык у меня руки без жала, что я топор не держу!

Менка-поших согласился, лег напильник и высушил свой дымный, как шкура зверя, язык. Ими-хиты положил ему на язык обрубок дерева и стал легонько тесать тонкими стружками. Тешет и присоворивает:

— Когда я был дома, вот так, вот так, бывало, тесал.

Тесал, тесал, стал дотесывать до копца, приволился и отрубил копчик языка у менца-пошиха.

Закричал менка-поших странным голосом, и Ими-хиты упал без памяти. Долго, коротко лежал, очнулся; совсем замер. Смотрит: менка-пошиха нет, только отрубленный кусочек языка остался. Ими-хиты встал, взял кусок языка и пошел по окровавленному следу менка-пошиха. Шел, шел, пришел к огромному городу. Дома здесь все сложены из ливтенниц и елей. Там, где не хватало ливтенницы, деложива елкой, где не хватало елки, деложива ливтенницей.

Как шел он по следу, так и пришел к дому, стоявшему на другом краю города. Подошел Ими-хиты к этому дому, залез на крышу и приволился ухом к дымоходу, стал прислушиваться. Слышит: менка-поших стоит и задыхается. Домашние спрашивают:

— Что случилось с тобой?

Он покалывает рот и что-то бормочет. Спрашивали, спрашивали, так ничего от него и не добились.

— Ми, что с ним могло случиться? — сказала кто-то со вздохом.

— Иди, — сказал тот же голос, — сходи к дедушке из соседнего дома.

Кто-то некончил, открыл дверь. Вышел, оказывается, маленький менка. Выбегал и начал илгасать. То одну ногу вскинет, то руку вскинет. Илгасет, а сам папекает:

Тула-скуда прыг-скок,
Тула-скуда прыг-скок.
Как свиню повернусь —
Круглая юбка трясется!
Если грузики повернусь —
Бисерная юбка выскок.

Бежала, бежала, прилигивался, и зашел в один из соседних домов. Только менка скрылся в доме, Ими-хиты спрыгнул вниз, подошел к тому дому, куда пошел менка-поших, и стал опять прислушиваться через дымоход.

Менка-пошиха кто-то спрашивает:

— Что скажешь? Тебя, наверно, за делом прислали сюда? А менка-поших все свое продолжает: то ногу вскинет, то руку вскинет, а сам папекает:

Тула-скуда прыг-скок,
Тула-скуда прыг-скок.
Как свиню повернусь —

Круглая коза трясется,
Если грудью повернусь —
Басерый донца вытесит.

Плисал, плисал, да так и убежал, испидывая то руку, то ногу.

Кто-то в доме говорит:

— Этого беспутного мальчишку, паверно, за каким-нибудь делом посылали.

Как только менца-поших вошел в свой дом, Ими-хиты прыгнул с крыши и побегал туда же, влез на крышу, к отверстия дымохода.

Менца-поших спрашивают:

— Ну, что сказал тебе дедушка?

А менца-поших все время пляшет и поет:

Туда-сюда прыг-скок,
Туда-сюда прыг-скок.
Как спяном повернусь —
Круглая коза трясется,
Если грудью повернусь —
Басерый донца вытесит.

— Этот мальчишка ничего там, видимо, не сказал. Иди, дочка, помоги своему брату.

Слышит Ими-хиты: девушка встала со знопом серебра, со знопом золота? Вышла на улицу. Видит Ими-хиты: перед ним красавица из красавиц, девица из девиц. Вышла, посмотрела вокруг и вошла в соседний дом. Ими-хиты прыгнул и тоже побегал туда. Затем павер, стал слушать через дымоход, а внутри кто-то говорит:

— Ну, внучка, с какими вестями и новостями пришла?

— Отец тебя зовет, дедушка. С братом что-то случилось. На рот показывает, что-то бормочет, а толком ничего не может рассказать. Вдохнет — захлебнется.

— Что могло случиться? Паверно, к Ими-хиты он приста-
вал. Ну, иди, или я приду.

Девушка вышла и пошла домой. Только вошла она в дом, Ими-хиты прыгнул с крыши и побегал. Влез из прыгу дома, куда вошла красавица, видит: идет старик, несет содой, подошел к этому дому и вошел.

— Ну, что случилось? — спрашивает.

— Да вот, просто ходил натереться, и что-то с ним случилось.

— Да, случилось, случилось. Противный он мальчишка, приста-
вая к Ими-хиты и вот получил. Теперь надо как-то упрямить Ими-хиты.

— Откуда мы возьмем Ими-хиты, чтобы упрямить его?

— Куда девается Ими-хиты? Вон он на крыше, подслушивает в дымоход чужа.

— А как его упрямить?

— Что же делать, придется проснать ему нашу дочь из-за противного мальчишки. Иди, внучка, если тебе жалко брата.

Пойди, обещай быть Ими-хиты невестой и уприси его, чтобы он
вышел тебе братом.

Девочка опечаленная, невеста, вышла на улицу и говорит:

— Ну, иди, Ими-хиты, спаси моего брата.

Немного повертелась и пошла в дом.

— Ну, позвала? — спрашивает дед.

— Позвала.

— Как ты знала? Иди не стесняйся, скажи, что будешь ему
девушкой.

Девочка опять вышла. Повертелась, постояла и говорит:

— Ну что подсаживай, Ими-хиты, брат ужо совсем умирает,
и обещай быть тебе невестой, только выходи его.

— Ну, иди, иди, я приду сейчас, — говорит Ими-хиты.

Ими-хиты взял свой кузовок и вошел в дом.

— Ну, Ими-хиты, этот прогидный мальчишка, наверно, при-
ставал к тебе?

— Я пошел на охоту, — говорит Ими-хиты. — Слышу, кто-то
кричит. Стал подходить, смотрю: он катается. Тут я на него за-
смотрелся и стою. Он меня заметил и стал приставать: давай
кататься. Я ему говорю, что мне некогда, день approaches,
мы надо охотиться, он все свое: знай пристает. Раз по-
катились, он так закричал, что я от его крика без чувств

упал. Оп второй раз пристал. Второй раз покатились — то же
самое, и без чувств упал от его крика. На третий раз, чтобы от-
даться от него, и я придумал, как от него отжаться.

— Ими-хиты, удвой свою доброту, выходи этого мальчишку.

Мы тебе отдадим вот эту красавицу, что носит носы живые, как

птицы², что ходит в юбке серебра и золота.

Ими-хиты достал обрубок дрыла из своего кузовка и приставил
его к языку мальчишки. Язык тут же стал прирастать. За-
тем Ими-хиты дал ему выпить теплой воды. Когда в третий раз
нашлись, мальчишка вдохнул и сказал:

— Ал-ла, наконец от сердца отлегло.

Дед и отец прижались его ругать:

— Скверный ты парень! Счастье твое, что пришел сюда Ими-
хиты. Хорошо, что он добрый человек. Если бы не он, то про-
пал бы ты без языка.

Затем устроили свадебный пир на весь город и на все село.

33. Бабушкин язык

Внучек с бабушкой живут. Они живут, живут, и бабушка
говорит:

— Ты за бабушку не ходи. Тула ходили многие, да мало кто
вернулся.

Внук охотится и думает: «Почему меня бабушка туда по-
пускает?» Думает: «Ну-ка, я посмотрю, что там есть». Шел, шел
далекий день: там бабушка стоит, у нее огрady есть. Он думает:

«Зайти или нет? Надо, пойду. Посмотрю, кто там живет». Заинел, смотрит: там Менк-ики с детьми живут. У него один сын и одна дочка. Менк-ики говорят:

— Пот к нам мясо само пришло, есть по надо.

Поймал его Менк-ики и к стене гвоздями прибил. Говорят детям:

— Вы его не отпускайте. Я пойду за большим котлом, чтобы сразу сварить его.

Пошел за котлом. Ребята охраниют. Когда Менк-ики ушел, он сидит, думает: «Что делать?» Ребята говорят:

— Отпусти меня, пожалуйста. Пока отец придет, и нам сделают повarenку маленькую и корытце — мое мясо есть и жир хлебать.

Они думали, думали: «Правда, отпустим, пусть приготовит». Она его отпустила. Он ребяташек убил и сварил. Сварил и одно корытце с мясом на дорогу поставил, а другое — около оврага, где надо заходить, трестю — и дверям, четвертое — в доме. Игину половил в костер, раскалил. И менок углей пасмыл. Сам вынес на осну — там стояли три высокие осны. Поток слышит: идет Менк-ики. Менк-ики пришел, на дороге корытце увидел и говорит:

— Моем мясом, моей кровью пахнет.

К оврагу пришел — опять корытце. Говорит:

— Моем мясом, моей кровью пахнет.

Вошел домой и опять на улицу вышел. Смотрит, что тот на осне сидит. Взд тонор и думает: «И осну срублю». Стад рубить. Рубил, рубил, до половины срубил — все держится осна. Думает: «Надо отдохнуть, все испотел». Пока сидел, откуда-то птицы к зверю подошли к осне, нагадали около нее, и осна стоит, как и раньше. Он опять рубить стал. Уже качается осна, чуть не свалилась.

— Надо передохнуть.

Пока отдыхал, птицы и звери опять нагадали, и осна опять стоит, как и раньше. Думает: «Что же делать, чтобы осну свалить?» Стад рубить, опять осна качается. Думает, что надо отдохнуть. Стад отдыхать. Опять птицы и звери нагадали, нагадали, осна стоит, как и раньше. Тот кричит:

— Дяди, все равно осну не срубил! Давай ложжся, рот открой, я прыгну прямо в рот, чтобы тебе не мучаться.

Тот думает, что это правда. Лег, рот открыл, глаза открыл. Он пасмыл ему горячих углей, потом бросил горячую пеншу, всю голову пробил. Менк-ики пропал.

Тот слез с осны, костер развел, положил его в костер. Менк-ики горел, его пепел полетел. Менк-ики говорят:

— Пусть мой пепел будет у людей кровю сосать.

Это комары. Там где-то они и сейчас живут или скопчались. Внук домой пришел.

34. Альваали и Сэс-ики

Подходит Альваали к озеру, а там сидит чирок. Он выстрелил из лука, чирок полетел, стрела засела. Пошел Альваали, давай выгасивать.

— Пусти,— говорит,— стрелу, а то я тебя луком ударю.

Луком ударил, и лук туда прилип. Лук тянет и ничего не может сделать.

— Пусти, а то я тебя неслом ударю.

Ударил, несло совсем прилипло. Тянул, тянул, ничего не может сделать.

— Пусти, а то я тебя обласом ударю.

Ударил, и облас прилип. Тянул, ничего не может сделать.

— Пусти,— говорит,— облас, а то я тебя рукой ударю.

Ударил, и облас прилип. Тянул, ничего не может сделать.

— Пусти,— говорит,— а то я тебя ногой ударю.

Ударил, и ноги прилипли, ничего не может сделать.

— Пусти,— говорит,— а то я тебя головой ударю.

Ударил, и голова прилипла. Так и прилип весь. Сэс-ики опоздал это, а не чирок. Он подошел к Альваали (его отца и дела Сэс-ики съел) с цепью и говорит:

— Охо-хо, какой счастливая у меня цепь!

Взял его через плечо и потащил домой. Притащил домой, прилежал на цепь, говорит:

— Ну что, убивать тебя или нет?

Альваали и говорит:

— Зачем бить? Ты посмотри — один кость. Ты лучше меня сплала наморщи.

Тот согласился. Сэс-ики уходит. Где жирную утку убьет, все дает Альваали, чтобы он скорее поправился, был жирный. Корнил, кормил, вырастил — просто один жир. Притащил его теперь, хотел убить и в котел. Альваали и говорит:

— Какой это котел? Мала он. Ты меня варить будешь, весь жир сплывает. Ты поезжай за большим котлом.

Сэс-ики и поехал на вершину Оби за большим котлом, чтобы варить Альваали. Сэс-ики уехал, у него дома остались дочери. Когда он уехал, Альваали и говорит:

— Вы, девочки, отпустите меня. Я хоть похолол, потопнусь, да вам ложки-чашки слеваю.

Отпустили они его. Он вышел на улицу, то поколотит, другое. Потом и говорит:

— Идите, и вам ложки сделал мой жир снимать, мой суп хлестать.

Вышла одна на улицу, подошла к нему, он ее обухом. Она упала, он и говорит:

— Идите кто-нибудь, она тут упала чего-то, утащите ее.

Вышла вторая, подошла к нему, он ее обухом ударил. Она тут же и упала. Взял их обеих, изрезал на куски, и котел по-ложил и стал варить. Сварил их, вытащил мясо, выстрогал на-

домки и натывая кусочки на них, поставив на дороге Савс-ники. Сам же в голенища кисов насыпал песку и положил их на дорно, а потом залез на леснину и сидит. В денницы положил два пучка сена связал и положил, как будто они там лежат. Чтобы подумала Савс-ники, что девки убеди его уже и сваржили для него.

Идет Савс-ники. Дошел до мяса, говорит:

— У, дуры девки, дуры, зачем вы так сделали?! Я сам хотел его убить, лучше бы сделал.

Шел и все куски, что на палочках, ел. Говорит:

— Однако это мое мясо, моя кровь, мои девки, съесть.

Пришел к избе, стал искать, а там две головы девичьи лежат. Подошел к ногогу, смотрит: к ногогам сороки светятся. Поднял ногог, сороки улетели.

Савс-ники и говорит:

— Алявали, Алявали, ты надо мной посмеялся, мои же мясо и кровь.

Давай в избе считать каждую сеничку: которой пары нет, ту съест. Давай бревна считать в избе: которому пары нет, то съест. На ушну вынул, давай лесным считать: которой пары нет, ту съест. Алявали и говорит:

— Ты чего там считаешь? Я ведь здесь сижу.

Савс-ники говорит:

— Пить тесел я съел, пить топоров съел, вырвало меня от этого.

Пить тесел он вылазнул. Давай Савс-ники рубить ими леснину, где сидит Алявали. Каким топором ни ударит — ломается, каким теслом ни ударит — ломается. Все сломал. Опять семь топоров, семь тесел вылазнул. Давай ими рубить. Шесть топоров сломал, семь тесел сломал. Один топор остался. Давай вы рубить. Савс-ники рубил, рубил, вот-вот леснина упадет. Алявали тогда и говорит:

— Стой, не руби! Что тебе достанется, если я с лесным в воду упаду? Ты лучше носами глаза пошире раскрой и рот от-крой пошире да к лесной доникся, а я и тебе в рот прямо и уволю.

Савс-ники лег под лесной, открыл глаза и открыл рот. Алявали взял голенища кисов и стал спускаться с лесным, а сам ему носом сыплет.

Савс-ники ему и говорит:

— Зачем ты в меня сыплешь?

Алявали и говорит:

— Лески, лески, это я слезаю, это кровь на тебя вылезает.

Спустился پایینе, голенища развязал и насыпал на старинка весь песок. Старик расхопал — рот в такую толщину песку, ничего не видит и сказать не может. Алявали его этим же последним топором и убил. Все переломал и вместо с избой поджег. Иза выгорела. Алявали смотрит: какая-то баба стала гасить огонь, соболыми размахивать. Взял он эту бабу и ушел с ней жить.

А когда Сэв-ини егоред, пенел поветед по лесу, и слышно было:

— Народится народ, и мы будем пить его кровь.
Он полетел комары (жули).

35. Старик Лампаск и его внук

Живет старик Лампаск, старик Вампаск. У него семь сыновей. Пока они долгое время живут, пока они короткое время живут, пока живут-поживают, однажды наступил день. Сыновья прислушались: снаружи слышен какой-то шум. Старший сын вышел — к нам пришли враги! Он вошел в дом, сказал отцу:

— Враги к нам пришли, семь каменногоглазых богатырей!

Он говорит отцу:

— Дай мне свой панцирь.

Отец сидит в полном молчании. Сын повернулся, вышел, недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. С телом голым, как меня мать родила, меня убьют.

Отец сидит в полном молчании. Сын повернулся, недолго ходил, вошел, говорит отцу:

— Будь добр, дай мне свой панцирь. С телом голым, как меня мать родила, меня убьют.

Отец ни слова не сказал своему сыну. Сын повернулся, вышел: семь каменногоглазых богатырей, крича, послали его голову Торуму. Семикратным криком кричали они Торуму, шестикратным криком кричали они Торуму¹. Пока с его головы была снята, на вершину известницы заброшена².

Тогда выбежал второй сын, долгого ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь.

Отец сидит в полном молчании. Сын повернулся, недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. Иначе твоего второго сына убьют. Разве тебе не жалко?

Отец сидит в полном молчании. Его сын повернулся, недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. С телом голым, как меня мать родила, меня убьют.

Сын повернулся, едва вышел, как семь каменногоглазых богатырей, крича, послали его голову Торуму. Семикратным криком кричали они, шестикратным криком кричали они.

Тогда выбежал третий сын. Долгого ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь.

Отец сидит в полном молчании. Сын повернулся, недолго ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. Иначе твоего третьего сына убьют. Разве тебе не жалко?

Отец не сказал ни слова. Сын повернулся, вышел, недолго ходил на улице, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. С телом голым, как меня мать родила, меня убьют.

Отец не сказал ни слова. Повернулся его сын, едва вышел, как семь каменногоглазых богатырей, крича, посвятили его голову Торуму. С семикратным криком была посвящена его голова Торуму, с шестикратным криком была посвящена его голова Торуму. Кожа с его головы была снята, на верхушку дерева заброшена.

Тогда выбежал четвертый сын. Немного ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь.

Отец сидит в полном молчании. Его сын повернулся, немного ходил, вошел:

— Отец, будь добр, дай мне свой панцирь. Иначе убьют твоего четвертого сына. Неужели тебе не жалко?

Отец сидит в полном молчании. Его сын повернулся, немного ходил, вошел:

— Отец, будь добр, дай мне свой панцирь. С телом голым, как меня мать родила, меня убьют.

Отец не сказал ни слова. Сын повернулся, едва вышел, семь каменногоглазых богатырей, крича, посвятили его голову Торуму. С семикратным криком была посвящена его голова Торуму, с шестикратным криком была посвящена его голова Торуму.

Затем вышел пятый сын, немного ходил, вошел:

— Отец, дай мне свой панцирь.

Отец вообще не разговаривает. Сын повернулся, немного ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. Иначе убьют твоего пятого сына, неужели тебе не жалко?

Сын повернулся, немного ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. С телом голым, как меня мать родила, меня убьют.

Отец вообще не разговаривает. Сын повернулся, вышел, его голову семь каменногоглазых богатырей, крича, посвятили Торуму. С семикратным криком была посвящена его голова Торуму, с шестикратным криком была посвящена его голова Торуму. Кожа с его головы была снята, на верхушку дерева заброшена.

Тогда вышел шестой сын. Немного ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь.

Отец сидит в полном молчании. Сын повернулся, немного ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. Иначе убьют твоего шестого сына. Неужели тебе не жалко?

Отец сидит в полном молчании. Сын повернулся, немного ходил, вошел:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. С телом голым, как меня мать родила, меня убьют.

Отец сидит в полном молчании. Его сын повернулся, едва вышел, его голову семь каменногоглазых богатырей, крича, посвятили Торуму. С семикратным криком была посвящена его голова

Торуму, с шестикратным криком была посвящена его голова Торуму. Кона с его головы была снята, на верхушку дерева заброшена.

Тогда выбежал седьмой сын. Недога ходил, пошею:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь.

Отец сидит в полном молчании. Его сын повернулся, подога

Ходит? Решает:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. Иначе убьют твоего седьмого сына, неужели тебе не жадно?

Отец сидит в полном молчании. Сын повернулся, недога ходил, пошею:

— Будь добр, отец, дай мне свой панцирь. С тем же голым, как меня мать родила, меня убьют.

Отец сидит в полном молчании. Его сын повернулся, едва вышел, его голову семь каменногоглазых богатырей, крича, повисли Торуму. С шестикратным криком была посвящена его голова Торуму, с шестикратным криком была посвящена его голова Торуму. Кона с его головы была снята, на верхушку дерева заброшена.

Тогда встал отец, надел свой панцирь, схватил свой меч, выбежал. Когда он вышел, уже разбежались семь каменногоглазых богатырей.

Потом они жили долго, жили коротко. Пока они так жили-поживали, его седьмая, младшая сестра родила сына. Сын подрастает за день на пядь, подрастает на ширину ладони. Пока они так жили-поживали, подрос вилук и стал бегать. Наступил день, когда бегал по улице, вилук подумал: «Скажу дедушке, пусть он сделает мне лук, стрелу». Затеял, говорит дедушке:

— Дедушка, сделай мне лук, стрелу.

Дедушка сделал ему лук, стрелу. Дедушка говорит:

— Готов лук, твои стрелы готовы. Не ходи за дом, пядьки.

Его стрела, лук были готовы. Много сотворенных Торумом дней бегает он по улице. Наступил день, когда он, играя на улице, сдув стрелу. Она упала у края моря. Он сбегал к морю — все его стрела упала рыба сырым. Он вынул ее из воды и бегом к двери.

— Дедушка, откры дверь, я добыл много рыбы.

Дедушка говорит:

— Недавно ты спросила у меня имя. Пусть славятся твои имя: Богатырь с Вертолом для Весенней Сушны Рыбы, пусть славится твоё имя: Богатырь с Вертолом для Осенней Сушны Рыбы³.

Так они жили-поживали. Наступил день, когда дедушка сидел облаженной спиной к огню. Вилук заметил на его спине раны джиной в пядь:

— Дедушка, что это за раны у тебя?

— Это рубцы, накусанные вшами⁴.

Вилук оставил его в покое. Наступил день, когда вилук, играя на улице, сдув стрелу. Она упала позади дома. Он пошел за

дом, взглянув на вершину дерева — висят семь скальпов. Победил он домой, вошел, говорит дедушке:

— Почему вы утаили от меня отца и братьев моего отца? Дедушка, дай мне свой панцирь. Я пойду искать разрушительную месть за своего отца³. Кончится мое мясо, пусть мои кости ищут мести, кончатся мои кости, пусть мой костный мозг ищет мести⁴.

Дедушка говорит:

— У тебя еще слишком нежная рука, у тебя еще слишком нежная нога. Куда ты пойдешь? Вырастешь, тогда пойдешь искать отца и его братьев.

На это он не сказал ни слова, повернулся, вышел. Куда глаза глядят, туда он шагает. Долгое время шагает он долго, короткое время шагает он коротко. Пока он так шагает, встречается ему медведь. Он схватил его за оба уха, начал бить о дерево:

— Без отца, без матери! Почему ты преградил мне путь?

Избил его в пыль и прах, бросил в сторону от дороги. Затем дальше шагает. Долгое время шагает он долго, короткое время шагает он коротко. Пока он так шагает, тот же медведь навстречу идет.

— Скотина без отца, без матери! Почему ты преградил мне путь?

Схватил его за оба уха, начал бить о дерево. Избил его в пыль и прах, бросил в сторону от дороги. Затем дальше шагает. Долгое время шагает он долго, короткое время шагает он коротко. Пока он так шагает, навстречу идет тот же медведь.

— Скотина без отца, без матери! Почему ты преградил мне путь? Мой путь долгий. Если я так буду идти, то как я приду?

Схватил он его за оба уха, начал бить о дерево. Избил его в нух и прах, бросил в сторону от дороги. Затем дальше шагает. Долгое время шагает он долго, короткое время шагает он коротко. Пока он так шагает, навстречу ему идет, улыбается, дедушка:

— Внучек, ты меня чуть не убил! Трижды ты бил меня о дерево. Моя душа чуть не вышла.

Снял свой панцирь:

— Внучек, возьми этот панцирь.

— Ты, без отца, без матери! Что мне делать с твоим панцирем? Оставь свой панцирь, который пожалел! Ты дал убить всех братьев моего отца и отца. Почему ты пожалел тогда дать?

— Если не берешь панцирь, я дам тебе клубок ниток. Куда клубок пойдет, туда и ты пойдешь.

Затем пошеловал его дедушка, и он пошел дальше. Долгое время шагает он долго, короткое время шагает он коротко. Куда клубок заходит, туда и он заходит. Пока он так шел, пришел к берегу моря. На другой стороне моря то ли облако, то ли горел. Вынул он клубок из сумки, бросил его через море. Появился мост такой ширины, что он мог перейти. Затем он перешел через море. Пришел на другую сторону моря. Сошел на берег — и вот

он попал в город, населенный семью каменьпоглазми богатырями.

Посидев воду женщины начали над ним смеяться:

— Внук старика Лампаск, старика Вампаск, Богатырь с Вертелом для Весенней Сушки Рыбы, Богатырь с Вертелом для Осенней Сушки Рыбы, ты пришел искать разрушительную месть за отца, ты пришел искать разрушительную месть за мать?

Затем его светлый отец, живущий на седьмом небе с конько-выми башками и дымоходом, выдал на него чашку, полную темной крови, выдал на него чашку, полную мрачной крови⁴.

Затем он вошел в дом, населенный семью каменьпоглазми богатырями. Встал у двери около чулана. Семь каменьпоглазми богатырей сидят за столом, вкушая в изобилии пищу.

— Внук старика Лампаск, внук старика Вампаск, Богатырь с Вертелом для Весенней Сушки Рыбы, Богатырь с Вертелом для Осенней Сушки Рыбы, ты пришел искать разрушительную месть за отца или ты пришел искать разрушительную месть за мать? Не тнешься в не бериски! Садись за наш стол есть и пить! Мы дали тебе в жены без кадыма, в жены без выкупа младшую сестру из наших семи сестер.

Едва кончилась эта речь, Богатырь с Вертелом для Весенней Сушки Рыбы, с Вертелом для Осенней Сушки Рыбы привели в другой дом. Его посадили на вары с полотом, на огонь повесили большой семидопный котел, наполнил рыбой:

— Вары этот котел. Сварится котел, тогда приведем сюда твою невесту⁵.

Начал он греть котел. Потом посидел недолго, на дымоход дома села птичка:

— Сиськи, теб, теб! Внук старика Лампаск, внук старика Вампаск, дверь твоего дома закрыта и в четырех углах залонен огонь, дно твоего котла забыто доской.

Он прогнал птичку:

— Ты, без отца, без матер! Зачем меня обманываешь? Я получу жену.

Затем пошел к котлу, начал его греть. Пошел к парам, улегся. Недолго лежал, на дымоход дома села птичка:

— Сиськи, теб, теб! Внук старика Лампаск, внук старика Вампаск, дверь твоего дома закрыта и в четырех углах залонен огонь, дно твоего котла забыто доской.

На это он прогнал птичку:

— Скотина без отца, без матер, почему ты меня обманываешь? Я получу жену без кадыма, жену без выкупа!

Потом начал греть свой котел. Пошел к парам, улегся. Недолго лежал, на дымоход дома села птичка:

— Сиськи, теб, теб! Внук старика Лампаск, старика Вампаск! В четырех углах твоего дома повисел огонь.

Он подошел, подбежала к двери — дверь только гулит! Начал он вымалывать у своего отца, мужчины верхнего неба, папцарь с мелкими ячейками:

— Спусти, отец, папцарь и спусти меч!

Едва эта речь кончилась, упал со звоном панцирь с медными ячейками. Тогда падал он панцирь, оперся о меч, выпрыгнул. Когда он выпрыгнул — стоят тут семь каменногоглазых богатырей, голые, как мать родила. Светлый отец, живущий на седьмом небе с копытовыми башками в дымоходе, обнял его чашкой темной крови, и начал он рубить. Долгое время рубил он долго, короткое время рубил он коротко. Одинажды почувствовала тяжесть на правой руке. Остановился вытереть пот. Остановился, взглянул на свою руку: это его жена схватила руку! Он схватил ее, слышит, сказал, засунул в нагрудный карман.

Затем бежал он город — все семь каменногоглазых богатырей убежали. Вырывая у них один ялык, вырывая у них два нола¹⁶, начал их преследовать. Долго ли, коротко ли бежал, догнал их. Они сидят на согнутом дереве¹⁷, вытирают пот. Натянул он свой лук, свою стрелу: потянул одно плечо, отпустил руку. Семерых каменногоглазых богатырей насадил на одну стрелу. Затем он снял у них скаканы, забросил на вершину дерева:

— Пусть нас обвеивает ветер на месте несенной чайки, осенний чайник¹⁸.

Затем дальше пошел. Долго шел, коротко шел, пришел к берегу моря. Вынул свой клубок из нагрудного кармана, бросил его через море. Появился мост, по которому он мог идти. Перешел он на другую сторону моря, смотал свой клубок, засунул в нагрудный карман. Потом дальше пошел. Долгое время идет долго, короткое время идет коротко. Если снег падает, он вспоминает зиму; если дождь идет, он вспоминает лето. Долго шел, коротко шел, прибыл в город. Его дедушка состарился, и его мать состарилась, и жены братьев его отца состарились.

Затем он вынул свою ялку из нагрудного кармана, бросил ее на пол. В рост взрослой женщины стояла она тут, высотой и высокую женщину стояла она тут. Они устроили большой пир для всей деревни, устроили большой пир для всего города. Моед ели, моед ели. Бедная женщина и бедный мужчина обдирали пальчики и большие пальцы. И теперь они живут в счастье и довольстве.

36. Сыновья Мужчины с Размашистой Рукой и Тягавской женщины

Двое сыновей Мужчины с Размашистой Рукой и Тягавской женщины жили долго, жили коротко. Старший не имеет жены, у младшего есть жена. С какого-то отдаленного конца земли привелся огромный филин, несущий с деревню, сел на вершину диктенницы и качался в эту сторону, и качался в ту сторону. В то время как младший выделяет худые нечистоты, несные женщины и мужчинами, и сидит, ему были брошены филином две русавки на икурор филина.

— Страх Визуаную Кольцугу на Половина Многих Земель Последних Богатырей, в тот же день, как ты родился, я родилась,

в тот же день, как я родилась, ты родился. Кровь от наших пуговиц воняла в одно место. Нашим Небесным Отцом, нашей Небесной Матерью нам предопределено быть вместе. Если ты имеешь намерение меня выпить в жемчуг, то не жди, пока вскипит кипящий котел, не жди, пока поспеет долговременный котел!² Мой отец, Кровавый Богатырь, старый Няни-хуш, желает меня отдать без залога многочисленным мужикам самодской стороны.

Обе рукица из кожи филина он вертит в одной руке, вертит в другой руке: как шов шился — не видно, как работа работалась — не видно, или они в таком виде были созданы. Он вошел в дом и туманной почью, темной, подобно глазу духа, он лег спать на вышнее место, он лег спать на блочное место³; он не мог спать и думать, как он пойдет к своему брату, своему Мужчине с Размашистой Рукой и Тиварской женщины. Когда загорелась утренняя зоря, пошла к нему. Его новость услышала первое произнесенное им слово, когда он оказался на площади города, выходящего площадь. Вторично сказанное слово она услышала, когда он оказался в жерданных сених, где лежат собаки. В третий раз произнесенное им слово она услышала, когда он оказался на славных полозниках дощатого пола. Когда он вошел в дом, его брат мылгу исплиплившей домашние работы рыбано большим глазом, иппугу издам глазом. Когда рыбалил, исплиплившая домашние работы, припсела полное блюдо славного кушанья, он взял концами пальцев один кусочек, он взял концами пальцев два кусочка. Его брат ему сказал:

— Брат, пачало той дести, которую ты припсес, пачало той реча, которую ты припсес, излоки.

Иплат сказал:

— Призлетел большой филин, величнейшей с деревню, величнейшей с город, и сел на прочный городской столб. Им была брошена две рукица из шкурки филина: как шов шился — не видно, как работа работалась — не видно, или они так и были созданы. Большой филин, величнейшей с деревню, величнейшей с город, сказал: «Страх Вуплившую Кольчугу на Повоттиа Многих Земель Нисийий Богатыря! К моему отцу, Кровавому Богатырю, старику Няни-хушу, прибили вошмы со стрижеными головами, прибили сваты со стрижеными головами⁴. Многочисленным мужикам самодской стороны он меня хочет отдать без залога казлама. Если ты имеешь намерение меня выпить в жемчуг, не жди, пока вскипит кипящий котел, не жди, пока поспеет котел, требующий время, чтобы вскипеть. Быстро одевайся, быстро приходи!»⁵

Его брат ему сказал:

— Сбих многочисленных мужей со всего города, сбих многочисленных мужей со всей деревни созова вместе, приведи семь оленей, привезанных в олгову реку, привалях их к прочному городскому столбу, чтобы жертвенной рукой, чтобы рукой, готовой к пугу, припсест там жертву. Перед полозом и мужиком водом чужестранцев⁶, для того чтобы солзать туда сотня дибрых

духов, которые живут на многочисленных мысах, чтобы созвать туда сотни лесных духов, которые живут на многочисленных мысах, и просить у них силу для сна, силу для живота.

Его брат пошел домой и созвал своих многочисленных мужей со всего города, со всей деревни и большие коннокопье, предназначенное для собрания воинов, предназначенное для собрания сватов. Семь оленей, привязанных к одному reinu, была там привязаны. Многочисленные мужи со всего города, со всей деревни поставили туда берестяные сосуды с кипящим оттерсти-ем⁴, берестяные сосуды с обручем и оттерсти. Они опускались на колени на площадку, поросшей травой, они вставали на площадку, производившей траву, и с жертвенной рукой они там стояли, и с рукой, готовой к пиру, они там стояли. Они снимали с животных копыта, варили мясо и казали в беду в берестяные кувалы. Они взошли в большое аданпе, предназначенное для собрания воинов, для собрания сватов, ози мясо и пила⁵. Многочисленные седоголовые старцы открыли тогда начало речи, открыли

начало речи:

— Княгиня нашего города и племянница нашего города! О каком отдаленном конце земли мы думаете, изложено в речи нашей начало, слова нашего начала. В какой отдаленный конец мира вы желаете направить сватов со стриженными головами, воинов со стриженными головами?

Младший мужчина сказал:

— Мы спариваемся в город Кровавого Богатыря, старого Нянк-хуна, ради младшей дочери Кровавого Богатыря Нянк-хуна.

Многочисленные седоголовые старцы сказали:

— В город Кровавого Богатыря, старого Нянк-хуна, отправлялись много мужей, но, когда они опрыкнули свои глубокие сидящие лопки с волевой корной, в которых они обычно сидели, на деревянные колья, подобные журавлиным ногам, они и поросла одичавшими мохом желотухи и пила⁶.

Младший брат сказал:

— Если мы, двое сыновей Мужчины с Разманистой Рукой и Тыпарской женщиной, отправимся в город Кровавого Богатыря, старика Нянк-хуна, и опрокинем нашу грузную лодку с волевой корной, в которой мы сидим, на деревянные колья, подобные ногам журавлей, то каким это образом она порастет оленьим мохом высотой в пила?

Младший муж встал, взял из-за угла чужака подорожника, нарезав на нем три грани и отметил зарубками сто пятьдесят мужей со своей стороны: где был плох отец, отмечал сына, где был плох сын, отмечал отца; старший брат тоже взял из угла за чужаком подорожника, нарезав на нем три грани и отметил зарубками сто пятьдесят мужей со своей стороны: где был плох отец, отмечал его сына, где был плох сын, отмечал его отца. Там, где был отмечен отец, плачет сын, там, где был отмечен сын, плачет отец. Младший муж приказал:

— Когда появится утренняя заря, когда войдет солнце, соутитесь с жердяной пристави, состоящей из множества жердей! Всем многочисленным мулам, которые были отмечены зарубками, младший муж сказал:

— Когда вы ляжете в туманном месте, чтобы спать крепким сном, то не спите долго!

Наступила туманная ночь, темная, как глаз духа, и они легли спать в туманном месте, чтобы спать крепким сном.

Старший муж пробудился: где-то слышен шум шагающего богатыря, идущего богатыря. Он вошел в сени. Если бы хороший плотник во время встройки не положил туда множество железных полос, не положил туда множество железных кусков, половник сеной не выдержал бы его тяжести. Войдя в дом, его брат — сын Мужичи с Размашистой Рукой и Таварской женщины, сказал:

— Брат, зачем спать так долго мужи, намеревающиеся завоевать питающие⁸ источники чужой земли, намеревающиеся завоевать изобилующие рыбой источники чужой страны, мужи, которые легли на туманном месте, чтобы спать крепким сном?

Старший муж встал и мигнул рабыне, исполняющей домашнюю работу, большими глазами, мигнул малым глазом. Она принесла половик блудно славного куманья. Младший брат взял концами пальцев один кусочек, взял концами пальцев два кусочка. Младший брат сказал:

— На твоих многочисленных складах, где у тебя лежат металлические вещи, из твоих многочисленных складов, где у тебя лежат разные толпы, в изобилии выложены глыбы золота, глыбы серебра¹⁰ и в глубину сдвигающую лодку брось в изобилии красное сусло и черное сусло, чтобы мы не увидели стесненного края земли, чтобы мы не увидели края земли, полного движеньем!¹¹

Когда старший брат пошел в свои многочисленные склады, где у него находились металлические вещи и разный товар, уже давно занятых ими место стало пустым. Муж, Несущий Край Еледа и Край Тука, уже давно пополнил, уже давно набросал в лодку глыбы золота, глыбы серебра. Он поднял свою голову с пробормотом, с которой падали роскошные волосы, взял кольчугу и то, что было необходимо, и стал шагать по полу: и он живет как князь, и он живет как боярин. Его малые дети пугаются ледянистого холода, идущего от железа, холода, идущего от металла.

Когда он шагнул по полу, то, на какую половинку он ни наступал, она гнулась напоподобие обруча: если бы хороший плотник во время работы не положил сюда множество листов железа, если бы он не положил сюда множество полос железа, половник бы не выдержал бы его. Когда работающая в доме рабыня принесла полное блюдо славных яств, он взял концами пальцев один кусочек, он взял концами пальцев два кусочка. Из его глаз потекли слезы длиной в семь пядей, из его глаз потекли слезы длиной в шесть пядей.

— Удастся ли нам, двум мужам, отправляющимся в питающие земли чужестранцев, я изоблажающие рыбой земли чужестранцев, вернуться с нашими головами с косами или пест, или наши души, обладающие руками и ногами, от нас, мужей, имеющих руки и ноги, придут в наш Тигарский город Мужа с Размашистой Рукой, или же наши перебивающиеся голодные кожи будут где-либо съедены каким-нибудь мужем?

Когда он спустился с жердочной пристани, состоявшей из множества жердей, он своим домом, хорошо построенным из дерева, хорошо крытым травой, много раз отнесся поклоном, изогнувшись, подобно многочисленным дужкам из черемухинника, подобно многочисленным обручам из путника. Многочисленные мужи со всего города, многочисленные мужи со всего селения между тем собрались. Младший брат посмотрел: в его глубоко сидящей лодке с водяной кормой, в которой он обыкновенно сидит, лежат глыбы золота, глыбы серебра.

Старший брат, когда сажался в свою глубоко сидящую лодку с водяной кормой, тоже огляделся: и у него лежат глыбы золота, и у него лежат глыбы серебра. Мужи, идущие на войну, отчалили от берега, мужи, едущие сватать девицу, отчалили от берега. Оставшиеся дома многочисленные седололовые старицы крикнули громкий крик, который принято кричать при отчаливании конок; до вершины низкого дерева и до середины высокого дерева он достиг. Когда они крикнули во второй раз, до пестрых облаков достиг их крик. Крик, крикнутый в третий раз, до Золотого Своста, отца ¹, достиг. Младший муж сказал:

— Послушай, брат, теперь выступим с нашими войнами со стриженными головами, с нашими сватами со стриженными головами: до нашего отца, Золотого Своста, достиг наш зов. Где теперь наступит для нас день поражения и смерти?

Они сели в глубоко сидящую лодку с водяной кормой, чтобы грести при помощи пальчатого весла, имеющего перекладину наподобие пальца. В то время как они едут, всюду, где у жён и мужей, живущих на семи мысах ², расположенных во сю сторону реки, где у мужей и жён, живущих на семи мысах, расположенных по ту сторону реки, хватает ума, хватает сердца, они выставляют для проедающих войнов берестяные сосуды с вельяминами отверстием, берестяные сосуды с обручами в отверстиях. Такие места они проедают, дарят иптели счастье в добыче рыбы, дарят им счастье в добыче тушины. Здесь они закладывают в жертву кроковых оленей, здесь они закладывают в жертву холощенных оленей. Там, где у людей не хватает ума, не хватает сердца, они проедают, распространяя разные болезни: ледяных покойников тащат прочь, холодных покойников тащат прочь. В тех местах они оставляют позади себя площади, усыпанные кусками женщин, усыпанные кусками мужчин. Когда они приехали к каковой-то протоке, многочисленные седололовые старицы сказали:

— Муж, едущий на войну, муж, едущий сватать девицу, пусть здесь приготовит нежную пищу ³, питающую пищу, пусть здесь

поставит блюда и кузона, чтобы просить здесь о силе для снапы, чтобы молить здесь о силе для живота.

Пристали к берегу. Многочисленные прозвбино мужи при-
несли в руках режущее железо с острым клинком¹⁸, многочис-
ленные прозвбино мужи развели при помощи дрова огонь —
многоязычный рот дровы Тярп¹⁹. Многочисленные проголодавшие-
ся мужи принесли в руках котел с железной ручкой, пригото-
вили поспящую пищу, питающую пищу, поставили блюда и бере-
стые кузона, чтобы сыпать туда добрых духов, живущих на
сотнях возвышенных мысов, чтобы сыпать туда лесных духов,
живущих на сотнях мысов, и от них просить силу для снапы,
и от них просить силу для живота.

Многочисленные седоголовые мужи, многочисленные безоголо-
вые мужи сказали, что здесь надо прожить два дня, что здесь
надо прожить три дня. Прожив там два дня, прожив там
три дня. Наступил день для сбора на войну, наступил день сва-
риваться на свадьбу. Младший муж сказал старшему:

— Одень сто пятьдесят своих мужей и дорожную обувь и до-
рожные одежды, и я одену сто пятьдесят моих мужей в дорожную
обувь и дорожные одежды, чтобы, когда мы прибудем в город
Кроноватого Богатыря, старшего Нянь-хуна, нельзя было бы узнать,
кто из нас богатыри, чтобы нельзя было узнать, кто из нас про-
стой человек, чтобы богатыри не были приняты за богатыря. Когда
мы пройдем два плеса, когда мы пройдем три плеса, будет виден
сор Кроноватого Богатыря, старшего Нянь-хуна. Перед нами будет
простираться столь широкий сор, что его глаза не охватывают,
как будто там сошлись небо и земля.

Ехали, ехали, посмотрели назад: как будто там притянута
черная нитка, посмотрели вперед: как будто там притянута чер-
ная нитка. Олень поехал, поехал вперед, и перед ними по-
казался город Кроноватого Богатыря, старшего Нянь-хуна. Дально-
зоркими они были замечены, чутким ухом услышаны. Они сказа-
ли своему князю:

— Кроноватый Богатырь, старший Нянь-хун, выслучай нас для
князя! К нам приближаются воины со стриженными головами,
к нам приближаются сваты со стриженными головами!

Когда Кроноватый Богатырь, старший Нянь-хун, свистился к
жердочной пристани, состоящей из множества жердей, он увидел,
что действительно приближаются воины со стриженными головами,
действительно приближаются сваты со стриженными головами. Его
сын Призывающий Коней, Призывающий Оленей к Звоняще-
му Столбу спустился к берегу, посмотрел, посмотрел и сказал:

— Послушай, батюшка, к нам приближается безголовая свадь-
ба, не имеющая головы, к нам приближается безголовая свадь-
ба, при которой нет возврата²⁰.

Младший сын князя Мужа с Размышительной Рукой и Тинар-
ской женщиной потыкает мякоть тес к горлоу, свистит из ши-
рокой глотки, свистит из узкой глотки²¹. Он повернулся сюда, он
повернулся туда. Подобно выдре с заостренным телом, он изви-

валяся в своей глубоко спящей лодке с водяной кормой в эту сторону, живящая в ту сторону и показывая все удочки, все хитрости, какие только есть.

Они подъехали к пристани. Прибавлялись к берегу на расстойные выстрела, младший муж поставил копец дука на землю, выпрыгнул на берег и пошел вперед как беззаботный юноша, будто он был местный житель в этом городе, будто он был местный житель в этой деревне. Их пригласили в большой дом Кривавого Богатыря, старика Пилик-хуша, предназначенный для собраний юношей, в большое помещение, предназначенное для собраний сватов. Им дали жепишу, чтобы носить воду, им дали жепишу, чтобы варить котел, им дали мужичку, чтобы рубить дрова. Для них готовят венечную и венчающую пищу, их кормят и поит. Страх Впугивающую Кольчугу из Нюотта Мюотха Зекель Носильный Богатырь сказал:

— Брат, ту несть, которую мы привезли, ту речь, которую мы привезли, дачало этой вести, начало этой речи пошлем туда!

Младший брат сказал:

— Дадим растять вник, покрывающему нас, пришедших издалека. Когда мы проведем туманную ночь, темную, как глаз духа, во время зародившейся зарю, при взошедшем солнце, тогда и пошлем к ним нашу несть, нашу речь.

Всякий раз, когда на одной стороне один муж ложится, на другой стороне один муж бодрствует; как только спящий муж пробуждается, бодрствующий муж ложится. На чужой стороне, на чужих водах, которые они не знают, ими овладевает страх. Когда стало светать, они повели одного мужа из местных и выставили одного мужа из прибывших, чтобы передавать нести. Они пришли к Кривавому Богатырю, старому Пилик-хушу, и сказали:

— Кривавый Богатырь, старый Пилик-хуш, выслушай нас как муж; к тебе прибыл юноша со стриженными головами, к тебе прибыл сваты со стриженными головами. О младшей дочери Кривавого Богатыря, старого Пилик-хуша, девочке, что ты скажешь, что ты думаешь? Эту несть, это слово ты нам изложи!

Старик сидел, сидел и сказал:

— Моей младшей дочери, Кривавого Богатыря, старика Пилик-хуша, девочке, обратившейся в прах тело и уже давно похоронил. В страну, столь отдавленную, что не добраться туда и знечи, кто мог бы отвезти вам мою несть, мое слово, я вашу несть, ваше слово кто бы доставил ко мне? Эту мою несть, это мое слово отвезете вы.

Они вернулись и сказали:

— Младшей дочери Кривавого Богатыря, старого Пилик-хуша, девочке, обратившейся в прах тело уже давно предано земле.

Двое сыновей Мука с Размашистой Рукой и Тиларской жепишей сказали:

— Если ее обратившаяся в прах тело похоронено, пусть он

даст десять челноков с лопатами, пусть он даст десять челноков с товарами. Мы ее выроем, а принесенные глыбы золота, груды серебра и предназначенные для нее дорогой шезл и дорную парчу положим ей в могилу. Пусть тогда славные суставы ее тысячи костей пропадут в том виде, как их мать родила. Эту весть отнесите Кровавому Богатырю, старику Нянк-хушу.

Ему отнесла эту весть. Кровавый Богатырь Нянк-хуш опустил голову сидел, сидел и сказал:

— Моя младшая дочь, Кровавого Богатыря Нянк-хуша девица, еще сосет материнское молоко.

Эту весть отнесла туда. Оба сына Мужа с Размашистой Рукой и Типарской женщины сказали:

— В нашем Типарском городе Мужа с Размашистой Рукой много одождовых женщины, много благоговейных женщины, пусть она там питается молоком из груди, пусть она там питается молоком из рожака.

Эта весть была отнесена и Кровавому князю, старику Нянк-хушу.

Он сказал:

— У моей младшей дочери, Кровавого Богатыря Нянк-хуша девицы, растущие суставы рук еще не окрепли, растущие суставы ног еще не окрепли.

Двое сыновей Мужа с Размашистой Рукой и Типарской женщины сказали:

— Ее растущие суставы рук, ее растущие суставы ног мы сами там вырастим.

Кровавый Богатырь, старик Нянк-хуш, уступил. Он сказал:

— Все мои сваты числом триста человек, приходите сюда: я не знаю, кто из вас князья, кто из вас простые люди; вместо князей не выставляйте простых людей, вместо простых людей не выставляйте князей.

Сваты послали обратно весть:

— Ты уроженец этого города, ты уроженец этого селения, все, что тебе необходимо, у тебя имеется в изобилии виде, у нас же, происходящих из селения, расположенного у рыбного источника чужой стороны, не готово то, что нужно.

Оба сына Мужа с Размашистой Рукой и Типарской женщины приказали многочисленным мужам всего своего новоселого отряда, многочисленным мужам всей своей толпы сватов измерить расстояние между домом Кровавого Богатыря, старика Нянк-хуша, и их домом, чтобы узнать, до какого места приходится на их долю устлать дорогу красным сукном, устлать дорогу черным сукном. Приказавшему Килей, Приказавшему Оленей и Завидеющему Столбу приказал его отец:

— Послушай, сын мой, твои оба свата не имеют желания идти по смертной кожной земле, по мохнатой земле. И ты устлай пространство, которое пришлось на твою долю, красным сукном, черным сукном.

После этого сватам была послана весть:

— Мои сваты, приходите!

Младший сын Мужа с Размашистой Рукой и Титареской жещины выступил со своей толпой сватов в триста человек по направлению к дому будущего тестя; он сам шел впереди и повел себе через плечо меч. Кровавый Богатырь, старик Нанк-хун, сказал своему народу:

— Зоймите хорошую дорогу, по которой должны идти воины, по которой должны идти сваты. Если жених неопытен в свадебных делах, он не сумеет найти путь, по которому ему придется идти; если он опытен в свадебных обстоятельствах, он беззапно войдет по дороге, по которой ему следует идти.

Он со своим народом дошел до места, приходящегося на путь сватов. Народ действительно совсем забыл дорогу, по которой им нужно было идти. Он схватил меч и стал махать: носится он руки мужа — его унесет зарубленного в куски, носится он ноги мужа — его унесет зарубленного в куски. Народ разделился на две части, образовался путь, по которому можно было идти. Они подошли к дому своих сватов¹².

Будущий тестя с сыном (их сваты) выпали на улану, обнимались в семь объятий, обнимались в шесть объятий, целовались, миловались. Их берут за руки и вводят в дом. Приготовили стол с братой, приготовили стол с медом. Они пьют пиво, они пьют мед. Оба брата стали рассматривать Кровавого Богатыря, старого Нанк-хуна, с головы до ног. Он же, со своей стороны, начал их осматривать с ног до головы. Жениху прислали полное блюдо славных еств. Жених взял концами пальца один кусочек, он взял концами пальцев два кусочка. Он оделся, принарядился в плотно завязанную шапку шелковым платком. Его ввели в дом будущего тестя, взявши за руки.

Он вошел в дом. Перед ним висят увешанный колокольчиками занавес, увешанный бубенчиками полог. У входа в полог сидит седоволосая старуха, сидит белоголовая старуха. Взявшись за край полога у входа, он его пошевелил три раза. Старуха оставив вход в полог свободным. Он дал ей глыбы золота, глыбы серебра. Он вошел в полог, обнялся и поцеловался со своей женой. Когда рабыня, исполняющая разные работы в доме, принесла полное блюдо со славными ествами, он взял концами пальцев один кусочек, он взял концами пальцев два кусочка. Бывший в доме парод вышел на улану, и дом опустел. Ее муж положил на ее жилистую шею, имеющую много жил, свою руку с пятью сосчитанными пальцами. Его жена оттолкнула его прочь. Неполного спустя он опять положил на нее свою руку с пятью сосчитанными пальцами, жена его опять оттолкнула. Он еще присел, присел и в третий раз положил на нее руку с пятью сосчитанными пальцами. Его жена стала говорить острые слова, стала говорить колкие слова. Ее муж сказал:

— Теперь ты говоришь острые и колкие слова. В Титареском городе Муна с Размашистой Рукой ты в виде огромного филина, величистой с город, в виде огромного филина, величистой с дерев-

ню, села на прочный городской столб и бросила две рукавицы из кожи филина, на которых не было видно, как шов был шит и каким образом производилась работа. Ты сказала: «В тот день, как ты родился, я родилась, в тот день, когда я родилась, ты родился. Кровь от наших пушинок попала в одно место». Зачем ты обманывал меня, мужа, пришедшего в страну, куда не добираться даже зверю, чтобы и напрасно потерял глыбы золота, глыбы серебра? Тебя, женщину, говорящую острые и жадные слова, я разрублю на две части, чтобы ты плавала в крови!

Бог жена сказала:

— Или в тебе сидит живой дух, или в тебе сидит живой мекка: я женщина, ходящая в простой обуви, я женщина, ходящая в простой одежде. Уже неделя прошла, как младшую дочь Кровавого Богатыря, старого Нили-хуша, девушку, увезли к многочисленным мужам самоселской стороны.

Его брат прислушался: в каком-то месте распространяется шум от идущего богатыря, у неподвижной коницы земли, мокрой земли концы рукавов начинают дрожать, концы пол начинают дрожать²⁰. Он вошел в сени. Если бы хороший плотник во время их сооружения не положил множества железных полос, по длине множества жестяных листов, половицы сеной не выдержали бы его тяжести. Он подошел к дверям, схватил дверь и, когда стал ее отворять за кольцо, вырвал ее вместе с петлями, со всем, что было на ней, и поставил ее в сторону. Когда он вошел в дом, он сказал своему брату, сыну Мужа с Размахистой Рукой и Тинарской женщиной:

— Каких раба, исполняющих в доме разные работы, у нас нет в Тинарском городе Мужа с Размахистой Рукой? Жил ли я, муж, обладающий силою в славных суставах рук, с какой-нибудь рабыней, исполняющей домашние работы?²¹ Уже неделя прошла с тех пор, как Кровавого Богатыря Нили-хуша младшую дочь, девушку, увезли к многочисленным мужам самоселской стороны. На гладком песке, намытом сорowymi волнами, она там написала: к многочисленным мужам самоселской стороны меня увезли, ломая мне руки, ломая мне ноги. Когда придут оба сына Мужа с Размахистой Рукой и Тинарской женщиной, пусть они не ждут, пока вскипят плиты котла, пусть они не ждут, пока поспеет долговаренный котел.

Он стянул с себя сон и встал. Он пошел в большой дом, предназначенный для собрания воинов, и приказал своим воинам и сватам:

— Возьмите ваши лодки с берега!

Они спустились к реке, если в лодки и отчалили. Женх сказал своему будущему тестю:

— Эй, тесть, выслушай меня как тестя! К тому времени, как мы вернемся с нашими головами с косами, выстрой суставчатой рукой коней часток у твоего города из снежного дерева на место старого, который иструхлядел.

Его тесть крикнул и ответил:

— Сваты мои, истребляйте меня как сваты. Паши головами чужие по неслучайности к многочисленным мужам самоедской стороны, чтобы они у нас содрали; с нашими головами с косами нам не вернуться домой.

Младший муж обернулся:

— Эй, тесть, твой город Кропаного Богатыря, старого Иник-хуша, всея пройду, увижусь, подобно выдре с заостренным телом, и в таком виде его оставлю²³.

Старший муж ему сказал:

— Брат мой, сын Муна с Размахистой Рукой и Типарской женщиной, пока ты будешь извигаться в городе Кропаного Богатыря Иник-хуша, подобно выдре с заостренным брюхом, многочисленных мужей самоедской стороны удалится от того места, где они теперь находятся, на длину повода, удалится на длину сети.

Тогда младший муж опять повернулся назад. Они сели и стали грести пальчатыми веслами, снабженными перекладинами наподобие пальцев, направляясь к многочисленным мужам самоедской стороны. Оба кияла опускают весло в воду у носа лодки и выптывают его у кормы. В лямках, образованных в воде несом, целую неделю вода кипела от собравшихся и изобилия ершей и чебаков.

Они схали, ехали и у места, где погали самоедских мужей протоптали дорожка, пристали. Многочисленных сыновей самоедских мужей глубоко сидящие лодки с водяной кормой лежат там перевернутые. И они вытащили свои лодки на берег, опрокинули их и пошел пешком. Младший муж бросил со своей головы шапку, она полетела в виде кукушки²⁴ и скрылась из виду. Многочисленные мужи самоедской стороны лежат около огня (многочисленного рта дельи Тхри) и спят. Вперед, в ологе, у кедров, лежат двое богатырей-самоедов. И у самоеда старика Сос-Торума²⁵ имеется свой полог у корня другого кедров. В этом пологе он держит младшую дочь Кропаного Богатыря Иник-хуша, девицу. Кукушка с маковки головы вернулась обратно и сказала: так и так.

Младший муж сказал многочисленным мужам своего воинского отряда, многочисленным мужам, составившим его свадебный поезд:

— Когда вы, мои триста мужей, пойдете, пусть не шевелится соринка, пусть не шевелится былинка!

Он прислушался, как они идут: действительно, не шевелится соринка, не шевелится былинка. Он сказал:

— Многочисленным мужам самоедской стороны высечен огонь и поставлены многие чашы с дымящимися отверстиями и многие берестяные сосуды с дымящимися отверстиями. Не задевайте прага чаш, не задевайте края берестяных сосудов!

Они пошли туда и были там выстроены. Им было приказано: — Не делайте столько шума, сколько конар делает, не совершайте никакого бы то ни было дела!

Младший муж пошел со своим братом туда. Он сказал:

— Полог старика Сос-Торума находится там, у комыя того медра. Там он держит дочь Кровавого Богатыря, старика Пине-хуша, девицу. Прокарались туда. В другом пологе находится двое самоедских богатырей, я туда пойду.

Старый муж направился туда крадучись. Когда он добрался до полога старика Сос-Торума, слышит, что тот борется со своей женой. Жена его говорит:

— Я девица, мой нетронутый, девственный поск я не дам тебе развлекать в темнотредесном урмине. Когда мы прибудем в священный город, в котором живут самоедские мужи, там развлек мой девственный поск, нетронутый, как у девицы. Многочисленные сдохшие старики, многочисленные блуждающие старики поставят мне чашу с дымчидыми отгертисми и дадут мне груды золота, груды серебра.

Они боролись в пологе: куда они повернутся, я тот угол и падает. Когда ноги самоедского богатыря оказались в другом углу, остийский иниль ударил по ним мечом и отрубил по колену. Горюностай-самец, видевший лицо Таря и лицо рыбы¹², выскочил из задней части полога на улицу и воскликнул:

— Ворониски образом инеля лишели моих членов, подобно тому как тайком лишают себодя его членов. Инки и муж, обладающий силою в славных суставах рук и силою в славных суставах ног, не имел дела с младшей дочерью Кровавого Богатыря, старика Пине-хуша, девицей, и я был богатырем, и я был мужем. Где бы наступил дая, инеля смертный день моего поражения?

Старик Сос-Торум победил. Что в другом пологе произошло и что потом случилось, остийский богатырь не знал. Он погнался за стариком Сос-Торумом, побежал за ним. Когда он бежал, иней делал во все стороны. Видя, что ему не догнать врага, он стал усердно молить бога:

— Золотой Смет, отец, почему ты не спустишь на путь, по которому должен идти самоед, покрытый дубравой холм?

Богом-отцом был спущен пырншый лесом холм. У самоеда нет ног, он не может идти. Богатырь подошел к нему сзади и расстел его поволою. Нижняя часть туловища упала на землю и осталась на месте, верхняя половина туловища носилась дальше. Тот ее преследует, но не может догнать. Во все стороны иней летит. Снова он обратился с мольбой к богу-отцу, чтобы он опять спустил на землю покрытый дубравой холм. Бог-отец спустил ему пократый дубравой холм. Обрубленные тело самоеда идти не может. Старший муж подошел сзади и ударил его по шее: плечи упали и остались на месте, голова же опять начала двигаться вперед. Как он ее он преследует, не может настигнуть. Опять он спросил у бога-отца пократый дубравой холм. Бог ему спустил дубраву. Самоедская голова не имеет возможности идти: как задевет за дерево, отскакивает назад. Она стала молить бога о реке, текущей женской и мужской кровью. И ей была дарована река. Когда остийский богатырь собирался ударить голову мечом, она бросилась в реку, всплеснула воду. Остия стоит на

берегу речки. Голова самодеды вышла у нижнего конца речного плеса на поперечность и сказала:

— Страх Внушающую Кольчугу на Полотна Многих Земель. Носилец Богатырь, зачем ты пришел в эту страну, куда не добрался даже зверю? Убегая от тебя, я прятал от тебя мою переливающуюся головную кожу, прибежав к сотням уловок, прибежав к многочисленным выдумкам. Если ты войдешь в воду, то ты, муж, живущий в светлом мире, войдешь на много-много лет. Если ты хочешь вернуться домой, то возвратись в свой дом со своей головой с косами. Что же до меня, то пусть многочисленные мужи самодесной стороны принесут сюда пожертвованные мне чины, пожертвованные мне берестяные сосуны, пусть сюда будут привезены и в качестве кровавой жертвы зловещие собаки, шерстистые собаки²⁶. Когда ты повернешь к дому свою голову с косами, то в доме, наполненном собравшимися женами, наполненным собравшимися мужчинами, не говоря, что тебе удалось содрать с богатыря Сне-Торуша его переливавшуюся головную кожу.

Исцарапавшись домой, он повернул назад свою голову с косами и ушел. Между тем многочисленные простые люди самодесной стороны сражаются с простыми женщинами его страны. Из многочисленных мужей самодесной стороны они убили половину, избивая их в куски. Его же триста мужей все на полях, все ходят. Он начал сражаться. Младшая дочь Кровавого Богатыря Нянь-хуша, девица, зацепилась за него: его рука отяжелела, его нога отяжелела. Он воскликнул:

— Неужели Золотой Свет, мой отец, предопределил, чтобы простые войны содрали с меня мою переливающуюся головную кожу?»

Младшая дочь Кровавого Богатыря Нянь-хуша сказала:

— Страх Внушающую Кольчугу из Полотна Многих Земель. Посилец Богатырь, твой брат, сын Мужа с Размышительной Рукой и Талантливой женщиной, ушел вместе с двумя сыновьями живородящего живого духа, пошел за ним по женой гришке или по мертвой гришке²⁷. Отчего ты не пойдешь, надставить взаменные черенки его стрел, замкнуть разорванные перья его стрел?

Он ушел. В то время как он идет, когда ему понадобится лесистое место, он поднимается через, пробивая себе путь, подобно тому как охотник на гусей, охотник на уток вырубает просеки для перелесов. Когда ему встретится чистое место, он идет, вырывая ногами землю на три аршина вглубь. Он шел, шел и услышал бранящийся шум, как бы от влочающейся ноги кольчуги; он всегда по другую сторону речного леса, за высокоствольным лесом и спрятался. Только концы дуги незаметно для него торчали наружу. Оттуда ему сказал его брат:

— Муж, собравшийся в путь на войну, собравшийся в путь на свадьбу, сам спрятался, только журавлиная шея торчит.

Он встретился со своим братом. Старший брат сказал:

— Ты пошел с двумя сыновьями живородящего живого духа, какое дело ты сделал и как поступил?

Младший брат сказал:

— Когда я померился силой с двумя самодскими богатырями, ни я не мог их убить, ни они не смогли убить меня. Мы разошлись в противоположные стороны, давши друг другу клятву: не идти сражаться друг с другом на женский век, не идти сражаться друг с другом на мужской век. Кто из нас нарушит клятву, у того пусть будет содрана его перламутровая головная кожа!

Старший муж сказал:

— Самоед все равно что собака с отрезанным хвостом: когда он хочет сохранить свою душу, никакой клятвы он не дает, какого он зарона не даст! Пойдем и убьем собак-самоедов!

Младший муж сказал:

— Я не нарушу своей клятвы. Если самоед хочет ее нарушить, то пусть он ее нарушает!

Они повернули назад свои головы с косами, чтобы возвратиться домой. Младшую дочь Кровавого Богатыря, старого Илук-хуша, девушку, они увели с собой. Они подошли к лодкам и сели, чтобы грести пальчатыми веслами, имеющими на перекаладинах рукоятки, подобные пальцам. Муж и жена сидят. Если на шее жены лежит рука мужа, то на шее мужа лежит рука жены, а простые воины их несут, работая нослами. Когда стал виден город Кровавого Богатыря, старого Илук-хуша, их заметили дальновзоркие, их услышали чуткие ухом. Они сказали:

— Кровавый Богатырь, старый Илук-хуш, выслушай нас как богатыри, выслушай нас как муж: две богатырей, которые ушли с многогребными лодками самодской стороны, обернули свои головы с косами, чтобы возвратиться сюда.

Кровавый Богатырь, старый Илук-хуш, сошел со своим сыном Привызавшимся Колей, Привызавшимся Оленей и Завидеваему Слобу и простыми. Они посетили и видят, что их девушку несут обратно: на шее у жены лежит рука мужа, на шее у мужа лежит рука жены; немного проедут — целуются, еще немного проедут — опять целуются. Из глаз старика Кровавого Богатыря Илук-хуша потекли слезы длиной в семь пядей, шесть пядей.

Когда его брат, сын Мужа с Парамаштой Рукой и Тимарской женой, подошел на расстояние, с которого стрелок может попасть в цель, он поставил конец лука на землю и выстрелил на берег. Он сказал брату:

— Город Кровавого Богатыря, старого Илук-хуша, я пробегу низвергающей и выравнивающей лодой. Не выходи из лоды глубоко сидящей лодки с водной нормой на берег, иначе мой гнев не пройдет, моя злость не пройдет. Не за мой же полесский отряд мне приваться?!

Он засунул за пояс большой топор, величавой с лопатку оленьего быка, взял с собой свои стрелы и свой лук. Город был окружен оградой из нового дерева при помощи суставов суставчатой руки. Он начал рубить дерево и откалывать огромные щепы, величиной с деревню, величиной с город. Вот он прорубил отверстие, достаточное, чтобы ему проехать. Кровавый Богатырь, ста-

рый Нинк-хун, вышел со своим сыном на улицу. Призывающий Колей, Призывающий Оленей и Завидевшему Столбу, его сын, положил стрелу на тетиву лука, натянул тетиву и спустил. Попая прямо между двумя лопатками рубящего мужа, его стрела изогнулась, подобно дереву, которое дожидается гнет на кантрассе. У Нинк-хуна, Кровавого Богатыря, потекли из глаза слезы длиной в семь пядей, длиной в шесть пядей. Во второй раз он положил стрелу на тетиву лука, натянул его и спустил. Она опять попала рубящему прямо между лопатками и изогнулась, подобно тому как у дощечника дерево изгибается на кантрассе. Кровавый Богатырь, старый Нинк-хун, начал сильный плач, с воротя города, с ворота деревни. Сын его положил третью стрелу на тетиву и спустил ее. Ветром от нее был сметен в кучу обильный сор со всего селения, был сметен в кучу весь обильный сор со всего города. Попая рубящему мужчине прямо между лопатками, она сидно изогнулась, подобно тому как у дощечника гнется дерево на кантрассе. Ее черенок раскололся и изломался в мелкие куски, подобно игрушке маленьких детей. Его брат, сын Мука с Размашистой Рукой и Тигарской женщины, сказал:

— Эй, сват, заслунай свата! Эту твою воловную стрелу, травяную стрелу²⁴, когда она попала в легкое моей груди, я еле почувствовал, как будто меня укусила комар, и то только потому, что я надеял долго державший ржавый доскут кереси²⁵, взятый у обских остиков. Если бы у меня была свайбенная верхом и рулаками колчуга, которая у меня есть в городе Мука с Размашистой Рукой и Тигарской женщины, я бы не почувствовал твоей подоспелой стрелы, твоей травяной стрелы. А если бы я твою воловную стрелу, твою травяную стрелу все-таки заметил, когда она попала в легкое моей груди, у меня от радости на голове вырост бы золотой рог²⁶.

Он схватил лук, положил стрелу, натянул лук и спустил. Ветром, произведшим тетивой лука, был сметен в одно место обильный сор селения, был сметен в кучу многочисленный мусор города. Попая прямо между лопатками Кровавого Богатыря, старика Нинк-хуна, стрела улетела его к стене дома и туда попала: этот старик не может пошевелиться. Он положил на тетиву другую стрелу и спустил ее. Попая прямо между лопатками Призывающего Колей, Призывающего Оленей и Завидевшему Столбу, стрела его улетела к стене дома и туда волялась; и он не может пошевелиться. Хотя в дух стреляют и в них попадают стрелы, она все не падают. Многоглазые мужи всего города, всего селения Кровавого Богатыря, старика Нинк-хуна, выйдя на улицу, выдернули стрелы и, клевая за руки, уложи их. Они пали к ногам своего свата и стали умолять о помиловании. Их сват оставляет их лежать два дня, оставляет их лежать три дня. Вот пришла младшая дочь Кровавого Богатыря, старика Нинк-хуна, девочка, обила его руки, обила его ноги и сказала:

— Девочка мой, сын Мука с Размашистой Рукой и Тигарской женщины, хотя я тебя и не кормила молоком из моей груди и ты,

мои доверь, искормлен из режиса, спажу ли и одно слово, выслушай это слово, спажу ли я два слова, выслушай два слова, так как и княжеского рода, парского рода. Когда ты отправишься в свой Тилпарский город Мука с Разаманской Руной и свою дорогое платье, украшенное бисером, и свою дорогую одежду, украшенную металлическими поделками, заносишь, если ты слерешь с моих родных и братьев их переливающихся головные помы и сделаешь меня другой сиротой, то кто одетый привезенный тебе отряд новиков в триста человек в дорогую обувь, в дорогую одежду и мне, чтобы нарядиться, как подобает невесте, кто доставит дорогую обувь и дорогие одежды?

Свят тогда их похвалил, они обнялись и поцеловались. Тесть богатыри позвал их к себе, сказал:

— Устроим большой пир для всего города, устроим большой пир для всего селения.

Они пришли к нему. Там был устроен большой пир для всего города, для всей деревни. Сколько ни есть в месяце многочисленных в дивных неделях, они пили и ели. Богатая женщина, богатый мужчина брали концами пальца один кусочек, брали два кусочка, поели и удалились. Бедная женщина, бедный мужчина они и пили, сколько ни есть в месяце многочисленных дивных недель.

Когда окончился девичий пир, когда окончился отроческий пир, настал день выступления воинов, настал день выступления сватов. Кровавый Богатырь, старик Пник-хун, сказал:

— Мои сваты, выслушайте сваты! Я живу у источников семи речек, шесть речек, скажу и возьму дорогую обувь и дорогие одежды, чтобы одеть наших триста мужей? Дорогую обувь и дорогие одежды я пошлю на берег реки. Подождите только, пока всплывет княжеский котел, поврежете, пока не поплывет долговременный человек.

Они прожили два дня, прожили три дня. Страх Вунающую Кольцугу из Подотна Многих Земель Поспешу Богатыря велел его брат:

— Пауци свою жену, чтобы, когда наступит день выступления воинов, день выступления сватов, она, схватив себя за волосы, бросаясь бы на половицы дощатого пола и потребовала у своего отца семужинский котел, из которого могут есть триста человек. Когда мы достигнем пристани и выступит зрелище садиться в лодку, пусть она, схватив себя за волосы, бросится на землю и просит у своего отца серебряный кровельный лист, под которым могут укрыться триста человек.

Наступил день выступления воинов, наступил день выступления сватов. Его жена, схватив себя за волосы, бросаясь на половицы дощатого пола и сказала:

— Батюшка, я иду, чтобы отправиться к питающим источникам чужой земли, я иду, чтобы следовать к рыбным источникам чужой стороны. Буду ли я носить в своем чреве девочек или буду ли я носить в своем чреве мальчиков, когда я прибуду а Ти-

парский город Муна с Размышистой Рукой, многочисленным седоголовым женщинами и многочисленными белоголовыми старцами будут меня спрашивать, что я привезла с места, куда отправлялись на войну, куда отправлялись святать. Батюшка, если ты дашь мне свой семушковый котел, то я найду, не дашь, так нусть меня, окровавленную, разрубят на две половины.

Из глаз ее отца потекли слезы семи пядей длиной, шести пядей шириной. Он сказал:

— Дочка, зачем сидишься ты со злости на твою седалище, состоящее из двух половинок? Ты мой город Кровавого Богатыря, старина Пник-хуша, сокрушаешь, опрокидываешь.

Он приказал двадцати мунам:

— Ступайте, чтобы принести на берег семушковый котел. Двадцать муний пошли и принесли семушковый котел на берег. Мужик, отправившийся святать, спустился к реке и хотел сесть в лодку, но в это время невеста, схватив себя за волосы, бросилась на гальбей песок, пачкавший волосы сора:

— Батюшка, буду ли я исцелять во чреве девочек, буду ли я поситить во чреве мальчиков, когда дай отглад войнов и дай отряда святых наступит день прибытия в Тлпарский город Муна с Размышистой Рукой, многочисленным седоголовым женщинами, многочисленным белоголовыми старцами будут меня спрашивать в Тлпарском городе Муна с Размышистой Рукой: «Младшая дочь Кровавого Богатыря, старина Пник-хуша, молодецка! То, что ты привезла из отцовского дома, дай сюда!» Батюшка, что я тогда дам? Дай мне серебряный кровельный лист, под которыми могут укрыться триста человек, тогда я отправлюсь; не дашь, то нусть меня, окровавленную, разрубят на две половины!

Ее отец начал большой плач, незнанием с ворот города, величиной с ворота селения, и велел принести серебряный кровельный лист. Двадцать мужей пошли, зная что и приносили на берег. Они обнялись и поцеловались со сватами, попрощались, сели в лодки и отправились, песистывая из широкого горла полным голосом и несистывая из узкого горла тонким голосом.

Кажи, ехали и доехали до катящей гальки мамонтовой Оби: через нее платно соорудена плотина из мамонтов и яров²⁴. Младший муж работал веслами в глубоко сидящей лодке с подной кормой, в которой он сидел; ему едва удалось прорваться через плотину из мамонтов, через платину из яров. Он сказал, обернувшись назад:

— Брат, и ты в твоей глубоко сидящей лодке с подной кормой, в которой ты сидишь, поднимай хорошо заостренное весло к несущим лодки, поднимай хорошо весловое весло, слабиконного весловонного.

И старший муж едва прескочил через платину из мамонтов и яров. Те лодки, в которых находились простые лодки, опрокинулись в воду, и они были съедены мамонтами и ярами. Страх Внушающую Келькуту из Полотна Многих Земель Носащий Богатырь сказал:

— Брат, пробьем эту плотину из мамонтов и яров. Иначе пикакая женщина, пикакой мужчина не смогут просесть по поверхности катящей гальки камонистой Оби.

Оба они вышли на берег, опрокинули на носу семушковый котел и покрыли его серебряным кровельным листом. Они пошли в семпбздную священную воду и начали махать мечом. Нуски мамонтов и куски яров стало отходить течением. Они пробрели плотину из мамонтов и яров, сели в лодку и начали грести пальчатыми веслами, снабженными пальчатыми перекладными.

На острове Кувоат было собрано вражеское войско, столь многочисленное, что нет столько деревьев в лесу, нет столько былинки на лугу. Пристали к берегу, женщину покрыли серебряным кровельным листом и накрыли семушковым котлом. Они падали свои кольчуги, плотно завязали глаза³² и стали сражаться: они махали мечом в эту сторону, они махали мечом в ту сторону. Братья падают, как сто куч весеннего сена, как сто куч осеннего сена. Они рубили их и отбрасывали. Оба самодеятельных богатыря, которые раньше покладлись и ушли, оба эти самосела оказались тут. Остатки войны им говорят:

— Самосцы, вы дали столь великую клятву, столь великий зарок! Зачем вы опять пришли сражаться? Самонд все равно что собака с отрезанным хвостом: если он хочет продать свою жизнь, какую клятву, какой зарок он не дает?

Они стали сражаться. Остатки войны отскакивают и отбрасывают их черное злато, их черные кости³³, но они постоянно обрезают свой прежний вид. Хотя они их и рубят и отбрасывают, они постоянно вновь воспресают. Брат сына Мужа с Размашистой Рукой и Тягарской женщины свел шапку с маковки головы и бросил ее:

— Поди позови старика Пит-поу и старика Нума³⁴ заменить новыли плавающим черенки стрел, приделать новые перья к стрелам, у которых они изорвались.

Кукушка подлетела и дала шесть старнику Пит-поу, улетела, прибыла к старнику Нуму, села у верхнего отверстия отага и прокукала. Старик сказал, строгая черенки стрел, и прислушивается: что такое выкрикивает кукушка? Кукушка сказала:

— Оба сына Мужа с Размашистой Рукой и Тягарской женщины так пострадали от двух самодеятельных богатырей, что они еле живы, что они близки к смерти.

Старик Нух спарилдился, положил в лодку неживую пищу, питоющую пищу, сел в гудую сидящую лодку с волягой кормой и отправился. По дороге к нему сел старик Пит-поу. Оба старика стали грести, огромные волны, производимые лодкой, идут через речные заливы и через пески. Достигли они устья Колды. Старика и старик — души с устья Колды — им сказали:

— Мы жили и зимой, мы жили и летом, но подобного не видели. Что за богатыри, что за садичи едут, какой великий гнев, какую великую злобу они везут с собой?

Они вышли на поверность воды:

— Старик Пум, старик Пит-поу, куда вы едете?

— На остров Куноват, там двое сыновей Мужа с Размашистой Ручой и Таверской женщиной так пострадали, что еле живы, что близки к смерти. Мы едем, чтобы доставить силу их сплвам, мы едем доставить силу их животам.

Старцы с устья Кюнды совещаются и решают:

— И мы отправимся, стоим на остров Куноват в воду и следим обоих самоедских богатырей.

Они снарядились в путь; они ударались в речные заливы, они ударались в пески, они попереджали речные заливы, они попереджали пески. Когда старик Пум и старик Пит-поу достигли острова Куноват, кунушина, которая несла весть, только еще летит через Обл. Оба сына Мужа с Размашистой Ручой и Таверской женщиной сошли к ним на берег и сказали:

— Каких богатырей мы встречаем, каких сплвчей мы встречаем! Двух самоедских богатырей мы рубим и отбрасываем, их отлетающее прочь мясо и отсканивающие прочь кости возвращаются на прежнее место, мы их не можем убить.

Старик Пум сказал:

— Начинаяте опять сражаться, мы посмотриим.

Они опять начали сражаться. В самом деле, они самоедов рубят и отбрасывают, их отсканивающее мясо, их отсканивающие кости вновь оживают. Старик Пум подбежал и схватил кожаный мешок, который самоеды друг другу бросали²⁵, и, когда у обоих мужей истощилась сила, он им его бросил, сказав:

— Познайте и типичен его воетам.

Оба самоеда встали на колени на равнине, произвождающей траву, встали во весь рост на равнине, произвождающей траву, и сказали:

— Сиповыл княгивш и князеб, не убивайте нас, не причиняйте нам зла: родится ли у нас дочь, не будем друг с другом сражаться, родится ли у нас сын, не будем друг с другом сражаться, покланяемся на земский век, на мужской век не поемать между собою.

Старший муж сказал:

— Самоед все равно что собака с отрезанным хвостом, когда он хочет сохранить свою жизнь, какой клитвы, какого зарека он не даст?

Они бросили кожаный мешок на землю и пипали и топтали его ногами. Самоеды упали на землю и сами собою умерли. Их согнали на огне. Поднимется южный ветер, он несет их плеск на север, поднимется северный ветер, он несет их плеск на юг.

Всю металлическую вещь и пушнину, которые они привезли с места, где сражались, они поделили пополам со старцами. Поехали обратно, им встретились старцы с устья Кюнды. Богатыри им сказали:

— Выходите на берег. Куда вы едете?

Старуха и старик сказали:

Торчавшю наружу соболям хвосты^а обивал ватор, как шкурня лесныхх ^{чаще,}
Торчавшю наружу белачья хвосты обивал ватор, как шкурня осенних ^{чаще.}

Теперь, когда он уже старик, садился,
То надкладывал сухое себе в изъеденное червоточиней пространство ^а
а лодке между понорами^б.

После этого он зямет огонь.
Многочисленную пушнину из семи амбаров с Боровой стороны
Он изложил на огонь,
Многочисленную пушнину из семи амбаров с Урманной стороны

После к старому топику, одетому в малицы из медвежьих и лосиных шкур,
Прибавились пять мужей, облаченных в колытки,
Одетый в колытку из медвежьих и лосиных шкур топик залезшая вместе

Тогда сильный богатырь, старик Сонг-хуш, в плече оторвался туда сам,
с собой и кожаную земаю^б.
Схватил одетого в малицу из медвежьих и лосиных шкур топика

За голову, широкою раскопанным волосами,
Выворотил его вместе с кожаной землей, волосатой землей
И положил его на огонь.

Но, оказавшись в огне,
Топик сбросил сивчик, подобно самцу-горностая, и упал в сторону¹.

Тогда пришел пятеро мужей, облаченных в колытки, принесли железную палку и железный клип. Ставив железный клип в его седлашке, они ударили его железной палкой, и он раскололся на две половины, подобно прямому куску дерева. Его положили на огонь, как кладут нишу на дно желудка. Когда первый дым поднялся вверх, он, подобно широховатому куску пищи, застрял посреди горы Золотого Света, отца. Тогда Золотой Свет, отец, сказал своему сыну Много Странствовавшюму, Много Блауждавшему мужу:

— Спустися на брепную кожаную землю на неотрывающемся конце железной цепи¹.

Вот Много Странствовавший, Много Блауждавший муж, его сын, спустился на землю. Сильный богатырь, старик Сонг-хуш, стоя у огня, поворачивается к нему то спиной, то грудью. Сын бога, Много Странствовавший, Много Блауждавший муж, сказал:

— Здесь как будто что-то приключилось из-за гнева и злобы: у моего отца, Золотого Света, дым застрял посреди глотки, как широковатый кусок пищи.

Старик Сонг-хуш, сильный богатырь, сказал:

— Моему топику, одетому в малицы из медвежьих и из лосиных шкур, я подарювал семь амбаров, пооблагодущих пушным товаром, на Боровой стороне реки и семь амбаров, пооблагодущих пушным товаром, на Урманной стороне. Несмотря на это, не родилось у меня ни сына-богатыря, держащего лук в руке, привычной к луку, ни рожились у меня ни дочери-девицы, держащей плуг и работающей концом пальца. За это я положил топика на огонь.

Много Странствовавший, Много Блауждавший муж, сын бога, опять поднялся к Золотому Свету, отцу, и отъез туда дважды сложенную складчатую весть. Золотой Свет, его отец, дал ему три зернышка веляичнику с косточку черемуховой ягоды, чтобы

он отнес их сильному богатырю, старику Сонг-хушу, а тот чтобы дал съесть их своей любимой жене. Сын бога, Много Страстноваший, Много Блауждавший муж, дал старику Сонг-хушу три верюшья невичюю с кочотку ягоды черемухи. Богатырь дал их съесть своей любимой жене. Тогда в углу ее обжорного живота свернулся как бы клубок из золотистого шелка. Десять лунных месяцев⁴, которые женщины носят плод, она его носила. Наконец она разрешилась от бремени у нокия дерева, где женщины рожают⁵. Там родился у нее сын-богатырь, держащий лук в руке, привычной к луку.

Когда мы жили на кожной земле в большом городе Сонг-хуша, дух смерти пошел на нас с огромным войском. Еще не наступила зима, как шум от переноски лодыных мертвецов, холодных покойников громко раздавался, подобно гоготанию гусей, подобно гоготанию уток. Сильный богатырь, старик Сонг-хуш, тоже лежал в горячке на высокой подушке. Он пролежал неделю, умер и материал среди многочисленных мертвецов с вылезавшими одышками. Многочисленные мужи города закопали его тело в передней части города, имеющего переднюю часть. Родившийся от него сын-богатырь, держащий лук в руке, привычной к луку, стал расти, но, еще будучи мальчиком с неокрепшими руками, умер и истерялся среди многочисленных мертвецов с запавшими одышками. Многочисленные мужи города похоронили его тело в средней части города, имеющего переднюю часть.

Однужды этот ребенок в том мире проголодался. Сильный богатырь, старик Сонг-хуш, сказал ему:

— Ступай в благодатный дом мужа, где я жила, пойди к работающей в доме рабыне: она о тебе упает по семи шелам светлого дерева, в которое вселится дух⁶.

Когда этот строн, муж-богатырь с привычной к луку рукой, вошел в середину города, построенного из дерева, многочисленные собаки с ногаными гнами схватили его за толстые жилы окр, как будто это были кровавые ности. Когда он вошел в дом, на работающую в доме рабыню нашла сильная зевота⁷. Рабыня рабаля сказала своей госпоже:

— Оленья Самоседа с Илокатны Глазими, поставь полную чашу хороших яств, славная душа рукастого мужа, держащая лук в руке, привычной к луку, сиустилась по цепи домой.

Когда она поставила для него полную чашу хорошей пищи, она стала складывать трехколенный коленчатый плат⁸. Ее сын, держащий лук в руке, привычной к луку, хотя и взял кощамн мальцев кусочек пищи, он шерохватым куском застрял у него воперек глотки, и мальчик громко закрычал⁹. Его сын-богатырь с рукой, привычной к луку, вышел из площади города, имеющего площадь, и стал молиться Золотому Свету, своему отцу. Сын бога, Много Страстноваший, Много Блауждавший муж, стоял поблизости. Сын бога, Много Страстноваший, Много Блауждавший муж, сказал:

— Не кди в могилу, сооруженную из осипового дрова, пройди у передней части горла, именного переднюю часть, по узкой тропинке, усеянной дильями и быдшиками. Когда ты придеши к безлесной дыва, ободенной во время пастыбы оленьими языками, обратись там в репейник с красной перхушкой. После этого тебя, красноперый репейник, Родишная Сто Детенышей Голобрюха Оленья Самка положит на дно своего желудка, как кладут туда пищу.

По узкой дорожке, усеянной листочками и быдшиками, я пошел, и у края безлесной дивы, ободенной оленьими языками, я там протрялся в красноперый репейник. Когда я в него обратился, меня, красноперый репейник, съела Родишная Сто Детенышей Голобрюха Самка. Тогда у Родишней Сто Детенышей Голобрюхой Самки свернулся в животе как бы дорогой клубок из золотистого шелка. Десять лунных месяцев, которые женщина несет плод, она нас носила, и тогда мы — три богатыря, три брата — появились на белый свет остяцкого народа.

Наступила длинная зима, держащая все в лед. Появился слабый наст с зернами льда желчиной с нос турупаты. Потом из растаявшего и замерзшего снега образовался наст, хоть тонким руби. Родишная Сто Детенышей Голобрюха Самка сказала своим детям:

— Послушайте вниман долгим ухом небольшую весть. Пущенный богом железный волк с зашдевелыми боками нас заставит подпрыгнуть.

Вот пущенный богом железный волк с зашдевелыми боками нас спугнул, мы побежали, побежали семисаженными прыжками. Родишная Сто Детенышей Голобрюха Самка от усталости бросилась в мягкий снег. После того как мы пробегали пространство, которое может пробегать олень без передышки, мой младший брат бросился в рыхлый снег. После этого мой второй брат устал в рыхлый снег. Когда я пробегал расстояние, которое олень может пробегать без передышки, я стал молить Золотой Свет, отца: пусть передо мной появится ободенная оленьими языками безлесная дива. Тогда появилась ободенная оленьими языками безлесная дива, и мы начали бежать вокруг нее, во все семипяди сзади сторон света. Вот стемнело. Я залез в мягкий снег. Хотя я и ждал его, железный волк с зашдевелыми боками все не приходил. Так я лежал. На утренней заре, когда звери начинают бродить, и выскочил из снега, и волк выскочил из снега. Я сказал:

— Железный волк с зашдевелыми боками, обегим опять сзади сторон света.

Тогда волк истряхнулся — и человек в своем собственном облаке предстал перед ним, сви Много Странствовавший, Много Блауждавший муж в своем собственном облаке там стоит. Он сказал:

— Что я стану делать с твоими покрытыми гнидами и поганым мясом? Ступай к Осетровой речке, на ее берег, и пачни ходить там, где водятся олени. Когда двое мужей одного роста, двое охот-

пиков сидят в плетскую лодку, ты, животное, обладающее сердцем, выстави твое сердце напоказ!¹⁴

Я пошел на то место, где подытся олени. Вот пришли туда двое мужей одного роста. Кормовщик показывал лодку неслом, а муж, пахотивший на носу, взял лук и стрелы, положил стрелу на тетиву лука, слабейшего тетивой, нагнул его так медленно, как летом убывает вода в Оби, и спустил стрелу; в сердце животного, имеющего сердце, она попала. Сделав только три прыжка, я упал. Вот содрал с меня кожу, подобно хорошо снятой коже дубравной сорочки. Меня, оленя, притащили в крытую лодку, в большой город мука Сог-зува меня привезли и крытую лодку привезали около пристави, отступя от берега¹⁵. Вот работающая в доме рабыня спустилась к воде, и когда увидела, что там в крытой лодке лежит олень, то убрала сердце у животного, имеющего сердце, и язык у животного, имеющего язык. Она принесла их домой, и они с хозяйкой¹⁶ стали их варить. Когда они были готовы, они их съели. В небольшом углу живота хозяйки и свернулся, как дорогой клубок из золотистого шелка; затем образовался мой брат, потом мой младший брат образовал клубок в небольшом углу живота рабыни.

Когда нас принесли десять месяцев, в течение которых женщины носят детей, они у колыя дерева, где ложатся женщины на сноих, разрешились от бремени. Когда они разрешились от бремени, мы, трое богатырей, трое сыновей, родились на белый свет астицкого народа. Пока мы были маленькими, мы росли в деичьем городе, где много девочек, и отроческом городе, где много маль-
чишек.

Так мы жили и жили. Однажды пришел ко мне мой старший брат, глава города. Когда он вошел в деревянные сени, где лежат собаки, то многочисленные собаки с погаными гравия хотели уку-
сать его за достатые жылы нир, но, как только холодный ветер от конящего сланного богатыря коснулся их своим быстрым порывом, они разбежались во все стороны, как брошенная на землю горсть мороженой рыбыны. Ледяной проем двери, находящейся в приеме, он распахнул. После этого мой брат — Пашек Стреляющий Богатырь с Суставами Искусных Рук и Ног — пришел ко мне. Я смотрел сквозь маленькую щельку моего согнутого локтя, как он защемил в щеке двери кончик своей палки; слышно было, как с крыши песчаного дома упало несколько песчинок. Когда приблизился мой старший брат, глава города, я приподнялся на месте храниения лука, на котором обычно лежат богатыри, и стал горосить сотню работающих в доме немужских работниц. Мои сотня немужских работниц-рабынь, поставив на четверногий стол благодатную чашу с оленьим садом. Мой брат сказал:

— Я пришел не из голодного дома. Если ты выслушаешь мое доброе слово, то, сколько ни есть оленьего сала в твоём благодатном блюде, я все конком трапезного сустава своего пальца введу в рот. Если же ты не выслушаешь то слово, которое я тебе скажу, то я уйду, захлопнув ногой ледяную дверь, холодную дверь,

Я сказал:
— Отчего ты не скажешь, какал у тебя есть весть, какое слово?

Мой брат сказал:
— До каких пор ты, подобно незамужним девицам, будешь бегать быстро, подобно стрелу, которая пробегает пространство перед дуком? Разве ты не знаешь, что у тебя подбородок сброс бородой, как у взрослого человека?

Я сказал:

— Красавица-девица, такой красоты, что я бы ее взял в жены, в каком конце света, где она родилась?

Он ответил:

— Если пройти через семь вод той безбрежной дыны, обондеиной ласковыми языками, и пересечь семь поросших лесом гринок, то за седьмой дыной возвышается город, выстроенный из кожуристой ластовицины. Старый князь строгавет там черен двухконечной стрелы. В доме, олашаемом песнями, качален осмерках сивоней. После пилх в берестяной зыблю с пилцной спиною ного уаичинали, толкая дилку ногой? Трех самоводских красавиц, трех дочерей там уаичинали. И своим долгим ухом слышал слух про девицу такой красоты, что ты бы взял ее в жены. Ступай, если хочешь, а пока устрою пир для всего города.

Когда наступил следующий день, я послал слугу — Счастливого Мужа, Несущего Блюдца с Мерзавином Краем — на равнину, поросшую слезным мохом. Вот мой слуга — Счастливый Муж, Несущий Блюдца с Мерзавином Краем — в сапогах поделав пришел к месту, где был слышен стук оленьих ходит. Оленя были приведены к комло священного дерева с изображением бога, и перед ним были поставлены в качестве кровавой жертвы семь оленьих быков, приваленных к одному ревию. Счастливый Муж, Несущий Блюдца с Мерзавином Краем, мой слуга, перерезал острым ножом их многожилые шен, затем с них снял шкуры, подобные хорошо спитым шкурам дубранной сороси. Их варили в большом котле для обеи жителей города. Когда пиар в большом котле воспел, многочисленные мужи всего города были туда сосланы, подобно тому как метуная рука собирает русскими крылышком сор. Мой слуга, Счастливый Муж, Несущий Блюдца с Мерзавином Краем, при этом приподнимался на цыпочки у каждого встречного дома, чтобы через верхнее отверстие дымохода позвать людей. В мой жертвенный дом, состоящий из восьмисот жертвой, в котором и живу, пришло столько народу, сколько входит рыбы в ханолцинуую окуптеую или плотную мережу. Когда на большом пире, устроенном для населения города, славный навар в большом котле был съеден, принесли питающую неслую ишу, привелли много хуэюна с лавлавиным отверстием и многочисленными угловатыми дуошки с завлавиными отверстиями. Они начали есть. С подбородками, гризными от сочащегося острогого жира, они стояли, как судомышны с мокрыми руками. Когда они так стояли, подобно судомышным с мокрыми руками, они начали говорить исходящие из серд-

на слова, подобные гусиному крику. Многочисленные мужи со старческими лицами сказали:

— Вы еще молодежь, но имеющая детей! В прежние времена, когда мы жили с вашими отцами, если мы устраивали такой большой пир, чтобы на нем угощались воины, то потом мы славными суставами тяжелых ног направлялись в какой-нибудь край земли.

Тогда из угла дома, имеющего переднюю часть, выскочил сын доблестного мужа, схватил из угла за чувалом, где лежат дрова, большую половинку колотого попеда и на его стороне нарезал три грави. Себя мой брат Иташек Стреляющий Богатырь с Суставами Пескуных Рук и Ног как начальнику над войском и главе свадебного пиршества нарезал большую зарубку, потом — зарубку на моего брата Р. Там, где был плох отец, отмечался зарубкой сын его; там, где сын был плох, отмечался зарубкой его отец. Он собрал толпу в семьсот человек, воинский отряд в семьсот мужей. Мой брат сказал:

— Когда наступит завтрашний день, отправимся на воинскую ногу, на святосскую ногу.

Хотя я и лежал на постром одежде, на узорчатом коврине и спал на мягком месте, мне казалось, что я лежу на граненой стороне ручки топора, что я лежу на ребре ручки ножа. При появлении утренней зари, когда зари пачкают свой ход, я забился, как сооруженный из главы семипутовый запор держит рыбу. Вот мой слуга, Счастливый Муж, Несущий Плодо с Мерзущим Краем, подойдя ко мне на расстояние рукоятки посоха-топора¹⁴, стал толкать меня между лопатками ребристым суставом согнутого пальца. Мой слуга, Счастливый Муж, Несущий Плодо с Мерзущим Краем, сказал:

— У твоих многочисленных мужей, которых ты ведешь на войну и которые собрались перед пристанью, от холода начинают дрожать концы ручавов, начинают дрожать края ног их одежд.

Внешую на гвозде божественную, удлиняющую жизнь кольчугу с прочным краем и через маковку головы опроркинул на свою высокую грудь, как будто это были три конца холодной воды. Потом я надея одну на другую славные одежды из пушистого бархата и из тонкого шелка. Я принарядился крестнее всех в городе и в стране. Я пошел в переднюю часть дома, имеющего переднюю часть, в углу дома, имеющего углы. Углом дома, имеющего то-нарами, где хранилась пушнина, был чист, как обработанная кожа дубравной сорки. Хотя я и вошел в содержащий кольчуги угол дома, где у меня хранились кольчуги, он был чист, как обработанная шкурка сорки. Я вышел на площадь города, имеющего площадь, в перед комлом свящепого дерева с изображением бога, сильно изгибався, семь раз поклонился. Когда я шел к призывным на оленями деревянным саям, порою мной встала толпа девиц, состоявшая из десяти женщин. Тогда я, муж, обладающий сердцем, думал в глубине своего сердца: «Если бы я, вместо того чтобы вести слух многочисленных людей в ядовитую пасть мимонтов, встретился на кривой дороге, по которой бегут песцы, с тол-

пой молодых девиц, я бы не повел своих многочисленных горожан и непасытную пасть мамонтов». Высокая женщина говорит:

— Ты, низкая женщина, сделайся-ка выше.

Низкая женщина говорит:

— Послушай, высокая женщина, сделайся ниже¹⁹.

Мой младший брат громко меня пристыдил за мою верештеватость²⁰. Я села на пахотийшиеся за оленями дощатые сани и покрылся пестрым ковриком с изображенными людьми. Начальник над войском сделал головой знак к отпращиванию²¹.

38. Золотоволосый Царь

На речке Яль-нелтан-итал жил в старину Золотоволосый Острипый Царь Саринг-агтав-кантах-кай. Он был могучий богатырь-матур, он бегал быстрее оленя по крепкому восту. Лук его был из кремленного дерева, лук его был из гризвой березы. Пускал он стрелы, оперенные ординными перьями, выше темных туч; пустил стрелу понизу — вчехи поднимаются, деревня клонится, как трава, по воде нады пойдут.

Пришли войска из далеких краев, из-за большой воды, с края моря далекого. Войска его боялись: если выстрелить в него мимо, то всем конец. Вышло время такое — подошли войска, побросали оружие и говорят:

— Мы подходим к тебе без всего, без оружия. Что хочешь, то и делай с нами. Давая мириться.

И говорит он:

— Ну, если вы пришли с миром, что буду делать с вами? Давайте мириться!

Они ворожили семь суток, и войска поклонились, что жевать больше не будут. А когда они ворожили, жена богатыря, царина Кан-из, посмотрела один раз, посмотрела другой раз на богатыря тех войск, падела шитую рубашку, падела соболью шубу и все смотрела на него. И подговорила богатыря тех войск царину погубить ее мужа. Когда войска поклонились, то Саринг-агтав-кантах-кай ушел с рова на северную сторону, в урман. Вот раз он лег спать, и царина легла с ним. Вот она ему и говорит:

— Сними с себя кольчугу тлжскую, сними с себя кольчугу желскую.

Он послушался и снял, и он заснул. Она взяла его острый нож, посредице надрезала лук так, что он держался на одной бересте²², и положила его около спящего мужа. Она была худая женщина. Вдруг проснулся царь и слышит, что войска идут на него, уже подошли. Вскочил царь на ноги, схватил лук из кремленного дерева, схватил лук из гризвой березы... Хотел пустить стрелу, натянул лук, а он сломался на две части. Осердился царь, бросил лук в войска, много народу побил. Хотел надеть кольчугу, а в это время ему в бок вошло большое копьё-пальма. Царь отломил ручку копья, падела кольчугу и побежал.

Долго, долго бежал по урману, где бежал — дорогу проложил. Боялся бежать и упал, где урманый остров Орто-мелом-тай (Убитые старшины). Поднялся, сел на колыду, хочет спать колычуту и не может. Подходят следом воиска. Он и говорит им:

— Подходите поближе, снимите с меня колычуту.

То же подходит. Тогда он из последних сил сжал с себя колычуту и бросил ее на землю, и она вонзла в землю на семь рупных сажков. Царь бросил колычуту и сам упал. Тогда войска отрезали ему голову с золотыми волосами и увезли ее далеко, за большие воды, на край моря, к другому боному царю Нагг-кан. Увидел Нагг-кан голову с золотыми волосами и разгневался, загремел оружием и говорит:

— Войска моя, зачем вы убивали его? Лучше бы живым взяли и принесли ко мне, и то осыдного царя убивал, Золотоволосого Останого Царя Саринг-агав-сантах-кан убили!

И велел царь казнить те войска, и покаялся больше не посмать в тех местах. Так и называется эта река Иль-модатан-игал — «Войска заикались речью».

39. О богатырях-иредках

Был здесь богатырь с серебряной головой, и в Александрово был. Близки они недалеко отсюда. Богатырь с серебряной головой когда домой приехал, жена даже в воду по колено зашла его встречать. Близки богатыри на носале, недалеко от Кри-волудна.

Богатырей раньше много было, сейчас не видать. Богатырь с серебряной головой жил в Александрово. Жена его так ждала, что встретить вышла и по полю в воду зашла. Близки богатырь с серебряной головой и другой. Другой богатырь подарил ему славного и кожу с головы снял. Тогда он собачью шкуру себе на голову нацепил, а тому пообещал:

— Вот придти через три года!

Орунг-отыр — имя богатыря с серебряной головой, второй был Нуку. Богатырь с серебряной головой пошел искать его, а те около заповор жили у Троегородского, кан-то шенку пропустили¹. Орунг-отыр увидел шенку, догадался, что здесь они живут. Видит, она его кожей украдет, на пальку нацепил. Пришел, а тот говорит:

— Не прошло еще трех лет.

Орунг-отыр:

— Нет, время пришло.

И задвинул его. А у Нуку мальчишка был. Прозорный народ тогда был. Он караулил дорогу, чтобы Орунг-отыр не прошел. Тот его увидел, выстрелил стрелой из лука, а мальчишка как нырнул с облака — стрела мимо пролетела. Как тополь пролетел или утго.

Раньше железю они где-то брали. Шапка железная у них с ручкой — никак не сломаешь. А на бритвы негодное, не берет.

С самоедами воевали. Те все баб коровали. От Александрово па Ларьяк дорога проходит, они еленими по ней проходили. Ерган — самоеды.

Богатыри были здесь на Полуденном и в Александрово. Раньше, где Криволицкое стоит, чистое место было. Море было, а потом лес пошел, богатырей по стаю держать. Тяжелые они очень были.

Чегая орда² — это лесной народ был. Вонт-лук называется. В лесу жил, бабы за них еще замуж выходили. Красивый народ, большой, вроде дьяволов они.

Ерган с Ваксу приходили. Лани богатыри из луков с ними перестреливались. Стрела, как кипжал, с обоих концов заточена. Быстро стреляли, гогали догоняла стрела. Насквозь проходила тело. Пальцы какие-то были у богатырей, что стрелы не пропускали, и шипки тоже — стрела отскочит. Ерган продут, а лани под землей жили в пармах. Орехи едят, а то думают, что вода капает. И дети такие сырные были, но слышно их было. Я видел места такие земляники, везде они.

40. Богатырь и связаной

У богатырей был связаной. В Среднем Висогано есть мыс Висен-Анкала-пэй³. Быше Чуровой на Пюрольке богатырь жил, там оборона была. Обекис Ас-ях⁴ пришел, у него жена красивая была, ее захватили. Он пырнул, на той стороне Пюрольки выпрыгнул. На нем был шабур, он на берегу шолы его распахнул, обские в него стреляли, он полами шабура стрелы отмахивал. У жены были штаны и сумка из оленьей шкуры. Она сумку в воду опустила. Ее захватили, повезли, а она гилуунками путь показывает⁵. Обской богатырь говорит жене этого богатыря:

— Я только жид!

Голову ей на колени вложил, она говорит:

— Шанку сичи!

Она слышит, сучок обломился. Он спил шанку, тот его из самострела убил. Одного богатыря оставил, говорит:

— Не ходите больше сюда.

Сын у него был безногий, жену его убил. Это было на Висен-Анкала-пэй. Олуть Ас-ях пришли. Говорят:

— Попадете!

— Обондите!

Один черок падел, говорят:

— Я десять мужиков свирядил!

Другой черок падел:

— Я еще десять мужиков свирядил!

Под чувалом у него выход был, он вышел и убежал. Позвал богатырей. Их главный богатырь жил на Альин-пеля, Висен-Анкала у него связаной был. До обеда уже назад вернулся. Это слыт в пабе, жудт, Мируюку дсавали. Инаа тогда не было, мужокны

съели, а Анкаля не ест. Те все уснули. Он каждому киждик и горлу кристальствует:

— Всех бы зарезал, если бы не мировая. Всех я обхитрил!

41. Битва богатырей

Богатырь нюрльского народа¹ пошел на речку Калганак, осадил их посенок. А калганакским богатырь ушел вверх по Васьгану, дошел до Натальги и лег спать. Нюрльский богатырь осадил Натальгу и говорит:

— Храпит, аж земля дрожит.

Проснулся калганакский богатырь, падает черни, лыжи. Скакал с горы — образовался яр. Подым-пай. Пошел вверх по Васьгану к брату, который жил в верховьях Васьгана. Ниже Ай-полюво онте догнал нюрльский богатырь калганакского. Дошел до Волково калганакский, остановился на ночлег, но нюрльский опить его так покаял, что у того расстроился живот, и после его ухода образовалась брусничная гора Улом-игол. Утром на Слопцов яр, там его весна застала. Он сделал обласок из дерева кун-юх. Сел на почку отдохнуть. В это время подыхал его брат — богатырь с Нилз-пугои, с верховья Васьгана. С ним была и сестра калганакского богатыря. Сестра взмынула и ударила мечом по ножке, и Васьган потек там между гор. На конце Слопцова яра скончался нюрльский богатырь, его сразил с помощью брата калганакский богатырь.

42. Семья Чугас

Около селения Цингалы находится гора Чугас. Два Чугаса раньше были соседями с противоположным берегом Иргизи. На увале жила хантыйская семья по имени Чугас: старик со старухой и три сына. Старик умер от черной осы и цинги.

Старший сын жил на мысу увала, средний — на середине, а младший — на материке. В наследство им остался топор. Звери они ловили выама, чернашам, стрелами. Оружьем пользовались все три брата. Топор потребовался среднему брату. Старший брат бросил топор и рассек увал. А река тут как тут — размыла расщелину протоки, и появился Большой Чугас. Средний брат бросил топор казидому, так образовался Средний Чугас. Потом Малый Чугас. Потомки братьев жили сначала на мысу материка, а потом и на Среднем Чугасе.

43. Происхождение народа Пастар

Далеко на юге или недалеко, кто его знает, там, где берет начало Обь, жили когда-то предки народа Пастар, монет, они и сейчас там живут. Однажды двое из них поили на охоту. На охоте они неожиданно наткнулись на прекрасную дичь, на лоса. Начал

его преследовать. У первого человека Пастэр были крылья, он гнался за зверем по воздуху; второй, у которого были только ноги, преследовал его по земле. И хотя он бежал быстро, как птица, все же он отставал от лоса и крылатого человека Пастэра. Так сильно отстал, что уже не видел их обих, так далеко они его обогнали! Но возвращаться он все-таки не хотел, так и бежал дальше за ними. Раз бежит — пусть бежит, посмотрим, что в это время делаю другой — крылатый.

Крылатый гнался дальше за прекрасным лосем. Гнался за ним долгое время, гнался за ним короткое время, наконец догнал. Попал в него стрелой человек Пастэр, свалился лось замертво. Но и человек был обессилен.

— Ах, как я устал, — сказал человек и сел на землю рядом с лосем. Пока так сидел, начал осматриваться. «Свою землю я оставил далеко позади. Что это за земля? Я ее не знаю! Кто знает, сколько дней и гнал этого лоса, кто их считал? И если я его убил, то путь домой так долог, что я никогда не смогу принести его домой», — подумал он про себя и затем встал. Снял шкуру с лоса, обрезал спинной жир, засунул его в голшнице своей обуви. Прикрыл мясо вотками и сучками, сверху положил еще плетень. Затем отравился туда, откуда пришел. На лету опустил одно крыло в снег, пролегал так немного и затем еще раз протертел крылом знак в снег.

Долго ли летел, коротко ли летел, вдруг ему встречается другой человек Пастэр — тот, что бежал. Он все еще гнался за лосем.

— Убил ты лоса или упустил? — спросил пенный крылатого.

— Убить-то я его убил, но так далеко отсюда, что там и оставил его мясо. Я лечу сейчас домой, а тебе если нужно мясо лоса, то иди и бери, — ответил крылатый пенному.

Тут он достал сало из голшниц и дал другому, чтобы у того было что поесть, пока он найдет мясо. Затем предложил:

— Когда я возвращался, то чернул крылом по снегу. Долго будешь брести, коротко будешь брести, затем найдешь по моему следу мясо лоса. Можешь его съесть и, пожалуй, можешь даже там остаться, потому что пенному оттуда, наверно, никогда не вернуться.

Сказал так крылатый человек Пастэр и полетел дальше домой, а пенный отправился и пошел наирамую дальше. В пути он все время ел лосиний жир, так что ему не пришлось голодать. Долго ли шел, коротко ли шел и наконец, когда жир кончился, нашел убитого лоса. «Моя родина и впрямь далеко, далеко позади. Когда же я смогу пешком до нее добраться?» — подумал он про себя. Потом достал мясо лоса и начал его есть. Он ел и ел с аппетитом, затем начал осматриваться. «Моя родина далеко отсюда. Пешком мне никогда не вернуться», — думал он. — Земля есть и здесь. Рыба есть, охотничья дичь есть, здесь будет неплохо. Останусь здесь — так думал он про себя, так и получилось. Человек Пастэр, пенный, остался там на все время. Свою истинную родину он вскоре совсем забыл.

От этого человека Пастэр пропалел народ Пастэр. Раньше они здесь никогда не жили, а как сюда пришли — о том и рассказывает эта история.

✓ 44. О народе Лар-ях

По большим сорам, по высоким травам, у большой воды жили два богатыря. Они были братья. И весь народ Лар-ях с ними жил по большим сорам, у большой воды.

Пошла богатыри на охоту. Один пустил стрелу, орлиными перьями оперенную, летит стрела выше облака текучего. Другой пустил стрелу, орлиными перьями оперенную, летит стрела выше темных туч. Ходили, ходили, ходили... Убили большого-большого орла. Много орлиных перьев досталось им на стрелы. Пришли богатыри в юрту ночью, было темно. Как вынули перья из оленьего мешка, в юрте стало светло как днем. Одно орлиное перо горит огнем ярче солнца, светлей зари. Перо это было золотое. Стали богатыри спорить, кому взять орлиное перо. Один возьмет золотое орлиное перо — другой спорит, другой возьмет золотое орлиное перо — этот спорит.

Долго ли спорили, дрались ли — никто не знает. Один богатыря остался на больших сорах, у большой воды, где у них был город Ват-пуго. У него и осталось золотое орлиное перо. А другой богатыря пошел на другую реку. С ним пошла и половина народа из города. Так и стали народ этот звать Ват-ях — народ из города.

45. Происхождение священных мысов

Давным-давно это было. Эта легенда длинная, ее от начала до конца никто рассказать не может.

Одна семья, во главе которой была старуха, решила спуститься по Оби вниз и поселиться на Висюган. Говорят, Настояни они не любили, и поехали на Цирольму и стали возмущаться по реке Тух-сиге, которая впадает в Цирольму, а вытекает из озера Тух-этор. Начался голод. А тогда был обычай: если нечего убить, надо дать дар. На одном мысу на Тух-сиге старуха принесла в дар одного своего сына, убила и съела на мысу под кедром, подеркала его мысу. Потом охота нешла хорошо, они разжались, ноская дальше. У нее была большая семья, запас скоро кончился, опять начался голод.

Доехали до острова, на нем она принесла в жертву своего старика. Этот остров до сих пор называется Ини — старик. На том острове сейчас стоит елка и кедр, там тоже дар приносился до сих пор. Когда стали поднимать к северу Тух-этор, от семьи отделились три дочери, старуха их отделила. Там тоже образовались священные мысы. Туда только жепские несли в дар приносили: гребни, кисоплетки.

Остальные поплыли к Озерному, к людям. Там старуху не приняли, как чужую, и она решила спускаться назад по Тух-сиге. У нее осталось три сына. Она решила закрутить Тух-сигу и заплыть Озерное. Чтобы бить колья, нужны были молоты. Старуха закрутила речку, на речка ширилась и пошла другой стороной. Она дух сыновей отправила туда, где старика заложидла, а младшего зашла с собой. Она все хотела попасть водой на Насюган. На озере Пас-эитор заложидла и младшего сына и по берегу вышла и большое озеро Тух-эитор, поплыла по нему. В одном месте, где она была, образовался мыс Пай-пин (Мыс-старуха), где толе приносят дары. Сама она опять вошла в Тух-сигу. У нее был с собой ручной лосенок. Она привезла его и дар на Тух-сиге, а сама сделала из белого камня его изображение. Этот камный лосенок на Тух-сиге дажно, ему каждый охотник и пресеканй приносит дар. Его никто не видит, только осяки. Он из-под земли появляется и исчезает.

46. О происхождении фамилий

Старики рассказывали, что раньше люди деревня на деревню войной ходили. Жили они в юрах¹, чтобы трудно их найти было. Недалеко от поселка Ление-Киевского есть место, которое называется Яль-вост-пин². Это небольшой мысок, поросший высоким сосняком. Раньше этот мыс был больше, а на нем стояла большая деревня. Вот однажды на деревню напали враги. В деревне жил богатырь, сын которого был женат на очень красивой девушке. Из-за этой красавицы и произошла война. Когда враги напали (их было в три раза больше), богатырь сделал негод с сахарную шую, сын сделал весло с лебединою шую толщиной. Прыгнули они в обласк, хотели убежать от врагов. У богатыря весло было толстое, и он уловил далеко, а у его сына весло было тонкое, с лебединою шейку, и, когда он начал сильно грести, весло сломалось. Враги догнали богатырского сына и убили. Сноха же богатыря спряталась в большом болоте между кочками. Она залезла в большую куженьку, и враги ее не нашли. В деревне всех людей перебили, остались в живых только богатырь и его сноха. Богатырь сошел со своей снохой, стал с ней жить. Детей они стали называть Микунимыми. Сноха-то спряталась между кочками, а кочка по-остяцки — мюх, мюх-пай. отсюда и фамилии Микунимых. Эту сказку дед Семен Антоусов рассказывал.

У богатыря были шапка меховая и железная рубаша. Печуга-дись враги богатыря, потому что увидели, как он шел по берегу и скручивал березки, как хотел. Враги искутались, назад вернулись. У богатыря и его снохи было три сына. От этих сыновей и пошли три остальные фамилии: Калжины, Микунимы, Васильины.

47. Заселение Агана

В Казиме жили муж и жена. У них умерла дочь. Родители ее похоронили и угощенье на кладбище делали. Ушли с кладбища домой и огонь забыли потушить. Ночью все кладбище сгорело. По закону их должны были судить, а они на Аган убежали. Сначала они по Обиехали, а потом — по Агану. Поселились эти люди в самых верхних Агане. Потом у них дети пошли. Все Казимканы — их дети. Произошло это давно, шесть или семь поколений уже прошло.

48. Борьба с народом Ахис-ях

Раньше жителей Агана воевала с Ахис-ях. С Ерган-ях жили мирно. Ахис-ях всегда стремился захватить богатства — стада оленей — у аганцев. У Ахис-ях было два равнелика, которые пришли на Аган, чтобы узнать, сильные ли люди здесь живут. В Агане жили два брата, они были очень сильные. Старший брат — Рап-ики, он мог вылезть сук на стволе толстого дерева. Младший брат — Рап-ики-моги. Равнелики Ахис-ях увидели лук у Рап-ики. Они стали его растягивать, но не смогли. Ахис-ях решили, что Кантах-ях хотят просто напугать их этим луком. Рап-ики услышала это. Он взял лук в одном мизинцем так растянул тетиву, что концы лука сошлись. Потом они поссорились, кто лучше стреляет. Ввалил рога у хора. Выстрелил брат Рап-ики, немного пробила кость. Выстрелил Рап-ики, стрела его пробила кость и полетела дальше с той же скоростью. Ахис-ях выстрелил, но не пробила кость, только мизинца осталась. Равнелики уехали в свою землю и рассказали все, как было. Тогда Ахис-ях побоялись идти войной на Аган. Когда разведчики уезжали, Рап-ики задела мизинцем их облас и долго по воде таскала.

Одновременно на Аган шло большое войско Ахис-ях с сенера. У них два поколения было. Стали они воевать, будет ли им удачи в войне. Проворчалась они в птиц и сквозь шкуру чука! улетели.

Когда шаманы вернулись, они сказали, что Ахис-ях позачат богатую добычу. А в следующую ночь в лагере Ахис-ях умер один человек. Наутро все войско умерло. Одна девочка осталась, эту девочку подобрала Кантах-ях. С тех пор Ахис-ях не нападают на Аган.

Это давно было, много поколений прошло.

49. Чипан-ку

Ахис-ях приехали. Одни мужик с женой шли, он Чиван-пу, колдун. Ахис-ях зашли, их сенеро. Все поставила, шумят. Рыс смотрит — глаза на вода. Они боятся:

— Убирай жем!

Чипиз-ку говорит:

— Вы же воевать пришли.

— Мы по-доброму пришли, по воевать.

Все исчезло. Слова смотрят — два лебедя выходят.

— Как так? Убейте их!

Лебеди все ближе к ним подходят. Старик говорит:

— Вы же воевать пришли.

Ахис-ях испугались. Лебеди исчезли. Смотрят — два медведя выходят. Главный среди Ахис-ях говорит:

— Поезжай ко мне на нарте, двух быков¹ шкуру, кумыш, малину и кисы — всю одежду съедася, поезжай к нам.

— Вы же воевать пришли!

— Нет.

Если нам жить хочется, уезжайте назад. Дальше еще один козлун сиделся меня есть.

Ахис-ях молятся. Повезли делушку. На другое утро явились все павези — кисы, кумыш, малину, все половили и поехали назад. Испугались.

50. Месть за отца

Одна женщина с сыном живет, сын у нее маленький. У них, кроме дома, ничего нет, только одна собака. Они живут, живут. Потом сын вокруг ходит с нартой, думает: «Почему мы с матерью одни живем? У меня отца не было, что ли?»

Понес на высокий холм, заметил: там двое убитых лежат. Он думает: «Домашню матери спросить, может, мой отец убитый тут лежит?»

Домой пришел, у матери спрашивает:

— Не знаешь, у нас отца не было, что ли?

Мать отвечает:

— Нет у тебя отца.

Он говорит:

— Там на высоком холме двух убитых видел.

— Это когда-то Ахис-ях¹ с паними воевали, твоего отца убили.

— У нас неужели всего одна собака, оленей, что ли, нет?

— Есть олени. Ты маленький, кто их сможет привести и за-
пречь?

— Если есть, я могу привести.

— Если можешь, то в чистом белоте они ходят.

Поехал с собакой, отпустил ее, она пригнала к чуму оленей.

Он матери говорит:

— Показки, каких оленей запрягать, я съезжу пощупать людей.

Мать двоих вьюжков показала, он запряг и поехал. Ехал, ехал, много оленей увидел и один чум, шесть мужиков возле нарты. Они увидели, что посторонний, лунь взяли, приготовились стрелять.

— Не стреляйте меня, я к вам зайду, поговорить надо.
В чужих землях, там одна женщина:
— Ох, сынки, что вы делаете, своего младшего брата чуть не убили!

— Мы откуда знаем, брат он или не брат.
Посторонний говорит:
— Может, вместе жить будем?
Поехали вместе, чужие походы, вместо стали жить. Самый младший говорит шести братьям:
— Нашето огда убили Ахыс-ых, давайте их искать.
За один день много оленей забивали и много матери оставили.
Говорят:
— Забра поедом.

Поехали на север семь человек. Целую зиму ехали. Пришла весна, потом лето. Остановились около речки, каждый день тревожатся, что сильнее. Младший брат самый сильный и следующий младший тоже сильный. Те другие слабее. Эти двое все вместе делают, спят вместе. Младший говорит:
— Побудьте здесь, мы двое облаз сделаем, по речке поплывем, кого-нибудь найдем.

На облазе поехали, двоих встретили. Братья говорят:
— Мы столько росли, никого не видели.
Те смеются:
— Вы что, так долго жили, никого не видели! Поедем с нами, у нас город недалеко, там народу много.

Приехали в город. Там Ахыс-ых в войне готовятся, луками стреляют, собаками сражаются. У них главный каир, к нему их повели. Говорит ему:
— Мы двоих встретили, они никого не видели.

Братья спрашивают:
— Вы куда готовитесь?
— Раньше мы с Ахыс-ых всевали, шестерых мальчиков оставили и мальчика с матерью. Они теперь выросли, мы туда пойдем.
— нас возьмите, мы хотим воевать.

Им одну собаку дали, лука дали. Вокруг города стены, никто не вылезет. Они двое вместе ходят, и войне готовятся. Один раз они за стену вышли и кричат:
— Когда лед застынет, мы придем.

Их догнали, догонили, не догнали. Они приехали к остальным пяти братьям. Осенью по первому снегу стали в войну готовиться. Пошли к городу поближе. В городе как будто никого нет, пустой. Стена у города крепкая. Два младших брата хорошо вооружались, у них колючки и сабли, а у тех ватерых — только луки. Два брата в город пошли, а пятеро остались за городом следить, чтобы никто не убежал. Сражались, сражались, сразу всех убили. Вышли из города и ватерых братьев спрашивают:
— Никто не убежал?
Те отвечают:
— Мы никого не видели.

— Мы вам не доверим.

Пошли все вместе. Один след нашли, догнали, на снегу разгребли. Все семеро полопали:

— Ты, старик, что здесь делаешь?

— Никого в городе не осталось, и едва дождя, здесь умру.

Они оставили его, к городу пошли. Старик хорощив подволоки достал, на север убежал. Братья говорят:

— Этого старика не убали, он убежал, теперь целую армию достават.

Вокруг города ходят, ходят, никого не нашли. К матери поехали, вместе стали жить. Два младших брата на одной постели спят, ложатся в колымагах, встают в колымагах. Пять братьев утром долго без сну сидят, не беспокоятся. Однажды утром только встали, тот старик армию привел. Два младших брата сразу говорят:

— Мы не будем драться, у нас сил не хватит, мы убежим.

Пять братьев остались, их убали.

51. Тонля-богатырь

Тонля — царь хантов. Один раз женщины пошли черемуху собирать и позвали одну девочку. Она осталась. Над ней кто-то пролетел на белом коне.

— Ну-ка, дедушка, открой рот, я тебе туда камешек спущу¹.

— Как спущушка?

— Так, спущу маленький камешек.

— Кто ты такой?

— После узнаешь, рот открой.

Она открыла. Это был Ков-ви.

— У тебя родился сын, родится не по-человечески. Назови его Тонля. Он будет хвитами командовать.

Она послушала и так сделала. Через некоторое время родился мальчик. Она назвала его Тонля. Он рос не по дням, а по часам. Он так жил, женился на Малом Югане. Ушел раз на охоту, с братом пошел. Приходит с охоты — ни жены, ни матери. Мать у него в Малом Югане была. Ко-урм — длинная урля, они там жили. Он с братом был, даявай искать. Искали, искали — нету.

Его назвали Тонля. Тонля был царь хантов. Он в Сургуте, ему ханты по бежке отдавали. Казак его попросил, он не дал, говорит:

— Я сам удерживаю со своих, пусть он с казаков удерживает. Он удерживал перья от орла на стрелы.

— Если он со мной спорить хочет, пусть войско придет. Я людей не вущу, я хозяин.

Казакон послали сто человек. Тонля на урле построил город, на Мунку-урм, воле Угута, там рядом высокий бугор есть. Войско пришло, казане говорят:

— Тонля, подоби. Все уместится, будем вместе воевать.

52. Приход Ермака

Рассказывали: Ермак пришел к богатырю, который у Колпашно. Тот мордущку плед, высоко пригнул. Ермак показывает пушку, а богатырь смил пушку: вот наше оружие! Десять мужиков к нему подошла, богатырь их между пальцами зажал. Оби перепрыгнул. На Васюган Ермак не приходил. Договорились не воевать, а остяков в армию не брать. Эта грамота на бересте в Новосибирске на хранении.

53. Почему у остяков нет своей грамоты

Когда-то в старину один остяк стал приглашать в товарищи русского, чтобы идти вместе в лес на звериный промысел. Русский согласился идти вместе в лес. Пошли. В лесу, на промысле, остяк и русский, как верные товарищи, не оставляли друг друга и не расходились один от другого далеко, но всегда были вместе. Они промышляли в лесу несколько времени так, как и все обыкновенные промысловики, и ничего особенного за это время промысла с ними не случалось. Но вот однажды днем они шли по лесу на промысла, но обыкновенно своему вместе, как вдруг оба увидели, что с неба перед ними падают две какие-то бумажки. Русский, когда перед ним упали две бумажки, сказал по этому случаю остяку:

— Вот спустился с неба потому две бумажки, что нас двое: одну — для меня, а другую — для тебя. Так выбери же себе на двух бумагу, какую только пожелаешь, а я возьму себе ту, которая останется.

Затем каждый из них взял себе по бумаге. Русский, взявши свою бумагу, подержал ее несколько времени в руках, посмотрел, что в ней написано, и положил себе на лапушку. Остяк со своей бумажкой поступил иначе: посмотрел, что в ней написано, и положил на пень, тут случившийся, сказав при этом русскому так:

— Я свою бумагу теперь не возьму с собой, а возьму после, когда пойдем обратно мимо этого места с дивного промысла к своему стану.

Остяк, оставивши свою бумагу на пне, отправился с русским дальше в лес для промысла. По окончании дивного промысла они возвращались обратно к своему стану тем же путем, каким шли вперед в лес, чтобы взять остяку бумагу, положенную им на пень. Но что же, и удавление и несчастие остяка, случившееся с его бумагой? Бумага его на пне не оказалась. Бумагу эту съел лось, который проходил в отсутствие остяка и русского мимо этого самого места, что было видно по его следам.

— Вот почему-то, — заканчивает обыкновенно остяки свой рассказ, — у нас и нет своей остяцкой грамоты. Если бы остяк с

бумажкой поступила так, как русский человек — взяла бы ее с собой, тогда бы и у нас была своя грамота. Хотя мы знаем, что местами есть грамотные ости, но они все-таки учатся и учатся по русской грамоте, а не по остицкой. Остицкой грамоты нет, ее съел лось.

34. Обжигенный огонь

Рассказывают, что ехали двое — муж и жена. Захотели развести костер, а огонь никак не загорается. Тогда муж рассердился и начал говорить рубить огонь. Говорит:

— И все равно в другом месте разведу огонь.

Поехали в другое место, и там пиани не могут развести огонь, пиюде не могут развести. Потом ехали, ехали и приехали снова на это же место, где он костер рубил. А там сидит женщина в красном платке и плачет¹. У нее по лицу кровь течет.

— Зачем ты меня так изрубил? Большие ты пиюде не разведешь огонь, пока не отдашь мне дочь свою.

У них была дочь, в дневной ямалке² сидела. Мать заплакала и не хочет отдавать, а муж, раз он изрубил огонь, должен был рассчитаться. Поставил люльку с ребенком на костер, костер сразу и разгорелся. Она взяла ребенка³.

35. Путешествие на небо

В Большом Ларьяке такой случай действительно был. Одна старуха была, у нее одна юга оленья⁴. Семь сыновей у нее было, каждый умел играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Один умел на гитаре играть, другой — на бубне, третий — на димбре⁵.

Они сказали старухе:

— Надо убраться отсюда, а то здесь скоро житья не будет.

Запрягли оленей и поехали на небо. Километром пятидесяти отъехали, дальше ехать не могут. А старуха не хотела на небо ехать и привадила к задней юрте глупые, старые иирики. Младший сын спустился, отрезал одну юрту, она на землю упала. Мой отец видел сколько раз эту юрту, на земле лежит.

Через год ровно младший сын вернулся, но на землю не стал спускаться, а сел на вершущу дерева. Его увидели, говорят:

— Что там сидишь? Хоть в чум зайди чаю попить.

А он:

— Нет, земля совсем стала грязная.

И рассказал, что на небе никогда вчерашнюю рыбу и мясо не едят, только свежее всегда, столько там рыбы и мяса можно добыть.

56. О ворожее

Риппье были ворожее, как с гипнотизмом. Он говорит:
— Вы меня закройте в сундук.

Сундук у него большой, с замочной скважиной. Сундук на замок закроют, потом откроют, а его нет. Он в замочную скважину вылезал. Большой ворожеей был, только русских боялся. Если русские есть — у него сила пропадает. Стелют тряпку, руки ему закручивают за спиной. Когда завяжут, деньги ему бросают со всех сторон, кучу денег. Он предупреждает:

— Только не бойтесь, сейчас у меня белки будут, бурундуки будут.

И мне мать говорила:

— Ты только не бойся!

— Глаза еще завяжи, — он просит.

Глаза ему завязают кто-нибудь, он не знает — кто. Он спрашивает:

— Все?

Ему отвечают:

— Все!

Не успевают свет потушить, у того, кто глаза завязывал, уже веревка на коленях лежит. Он говорит:

— Ну, приходите!

Слышат, как кто-то стук, тук. Кто-то бежит, он говорит:

— И вверх пойду.

Слышно, как он качается, воздух вверх ходит. Потом слышно его снова на полу, и он говорит:

— Где же вы, мои белки?

Слышно, как белка цоклет.

— Где же вы, мои бурундуки?

Слышно, как бурундуки свистят. Под конец:

— Где же медведь?

Слышно, как медведь идет, урчит. Все дрожат, боятся. Все кончается.

— Ну, теперь вставайте!

Все встает. У них, где сидели, под яями деньги, которые они ему бросали. Это являлось-весь! Н Тимелье был Муртык, у него голова была узкая, потому что из сундука часто вылезал.

57. Музыкальный мыс

На озере Тух-эитор есть мыс, там богатыри себе стрелы ковали. Там протекала река Чебачья, оттуда переноски и мысок. Там растут три ивры. Кто хочет на гармошке или балалайке хорошо играть, нужно туда двенадцать ночей ходить и играть, чтобы ивры не аяла. Если не научишься — пропадешь. Черты ходят. Если вытерпишь — научишься, а не вытерпишь — пропадешь на третьи сутки.

Рядом с Озерным есть Висеп-эктор, считалось священным. Там нельзя стрелять — хороший клев вдруг мгновенно пропадет. Отшельник метрон на двести, своя клюнет два-три раза, и тогда хоть сутки жди — не клюнет. Рассказывали, что Висе выгнали с другого озера, он шел по мелкому месту. Рядом две кивки, он будто бы положил в одну голову, а другую зад. Потом ушел и омут на Тух-сито, в нем все клюет.

58. О мамонте
(вариант А)

Я жил раньше в другом месте, где рядом было маленькое озеро, вдалеке от него — большое озеро. Из маленького озера в большое пролегал Вис и сделал канаву шириной в комнату. Всю землю он сдвинул в то озеро, и там образовался остров. Как сосенки росли — так там и растут на озере, на острове. Потом ушел в другое место.

Вис может заслать целым парходом — ханты говорят, старики. Они неграмотные, я в это не верю. Но лодку перевернуть Вис может.

59. О мамонте
(вариант Б)

Своих однажды ехала на обласке. Лежит Вис, и рога торчат у берега. Она думала сначала, что это коряги. Потом посмотрела лучше: это Вис. Она тогда обласку волоком перетаскала, чтобы здесь не плыть. А обратно плыла, он уже под воду ушел.

Один раз рыбак плыл по озеру, вдруг оказался где-то в темноте. Мелькнул просвет. Рыбак достал нож и ударил им. Через некоторое время он оказался на берегу. Это его Сорт-вис проглотил. Когда он дышал, то жабры открыл, и рыбак увидел просвет. Когда ударил ножом, то заперол Сорт-вис. Тот от испуга его выпустил. Рядом лежал мертвый Сорт-вис.

60. Почка

Я раз рыбачил, ничего не было. Другой раз присадили, сварили, темно стало. Володька прилег, ему лет двенадцать. Ружей у нас не было. Я закурил. Слышу: «Выпи!» И еще, еще. Володька соскочил:

— Что это?

— Не знаю.

Это черти были. Утас-пугол, от него осеники тянется. Оттуда кто-то идет и кричит, ближе, ближе. Володька говорит:

— Давай в обласок садим!

Сел, взял ружье, оно плотное. Едем к тому, я вперед грёбу, а Палодька — назад. А тот кричит, аж сквозь уши проходит. Старик потом говорил:

— Нужно было повернуться спиной к нему и стрелять из-под руки. А если бы вперед выстрелил, в себя бы попал.

Я начал по-русски и по-своему ругаться. Слышу: среди кошек булькает, потом голос стал затихать и ушел. Там раньше клали выкидышей, они потом оживают и в дьяволов превращаются. Мы раньше в дуло клали, чтобы в черта не превратился, а православные камешь кладут.

А одному старику в обласок сел, как ребенок. Поверье было: перевезти его паоборот надо. А у этого старика он сел на нос лицом к человеку и заставил нести. Вышел из лесу — как человек, одетый, как кула, небольшой, сантиметра сорон, а голос — оглохнуть можно. Меня пугал в болоте такой же.

61. Случай в доме

Днем дело было. Я прилегла отдохнуть, а Ефим¹ вышел за дровами. Вдруг вижу: заходит женщина в шубе, в платье и как хозяйка дома проходит в тот угол, где стоит медвежья голова².

Я встал и говорю:

— Ты что здесь?

Тут вышел Ефим и говорит:

— Что это с тобой?

Я рассказала ему. С тех пор мне стало как-то плохо, посоветовали менять дом. Сюда приехали, здесь все нормально. А это просто умершая бабушка приходила дом проведать. Надо было на поминки к ней в кладбище сходить.

Это называется «малачить». Мы с Ефимом жили в доме моего отца, а женщина после замужества должна уйти из дома отца.

62. Поиски девушки

Давным-давно это было. Здесь потом жило человек двадцать. Однажды девушка потерялась³. Ее ищут, не могут найти. Смотрят: на яру, откуда она покатилась, след видел, как она съехала. Около серошны яра след потерялся. Ищут, не могут найти. Тут был дед шамана, они здорово шаманили. Народ говорит:

— Надо узнать.

Они могут вызвать Ягул-ики. Ков-ики — лех. Вызвали вечером, в темноте они стали шаманить. Посреди дома. Тут приходят всякие шайтаны (души). Медведь делью брякает, все здороваются. Тут пришел черт Кот-кули-ка. Он говорит:

— А мне не надо приходить?

— Тебе не нужно, — шайтаны говорят, — не нужно, так выговим.

— Как вы его выгоните? — говорит народ.
 — У нас медведь на цепи.
 Медведь погнался за ним, тот удрал. Около какого-то бота догнал, избил, одна грязь от него осталась. Духи шаманов сирашников.
 — Зачем вы нас позвали?
 — У нас тут одна девушка потерялась.
 — А мы знаем, где она. Если надо, мы ее приведем.
 И тут она кричит:
 — Сражествуйте, вы меня ищите?
 — Тебя!
 — Со мной ничего не случилось, меня зомуж изла такой вдоровый, мы живем около кладбища, с этой стороны, на бугре.
 Она приспопорила, ее сирашники:
 — А можно этого зятя сюда позвать?
 — Можно, приведите.
 Около дверей кто-то кричит грубым голосом:
 — Зароно! Вы меня звали? Я вашу дочь звал, вы ее не ищите, мы там иннем. Когда гроза воднимается, мы ухсдим по семь сажен в землю¹, а как застынет — я и вам в гости прихажу.
 Это мальчика был.

63. Пронашая девушка

В степи давнее время жили муж с женой возле одной речки. Была у них дочка, которая любила целыми днями играть на улице. Игрушечные домики строила и играла там в куклы. Однажды она забежала в дом и говорит:
 — Мама, дай мне парочку самых лучших и платок на лицо платили¹, зять твой, Лесной дух, приехал.
 А мать говорит ей:
 — Не вздумывай, дочь моя.
 А дочь нарядилась и вышла на улицу. Вечером отец вернулся с рыбалки, а дочери нет. Искали они ее везде, да так и не нашли. Прошло время, старики совсем состарились от горя. Приходит к ним однажды женщина какая-то, ребеночка опустила на пол, а он бегают, смеется, играет. А женщина села и говорит:
 — Мама, платок платки на лицо, зять твой, Лесной дух, приехал.
 Мать смотрит на нее и думает: «Неужели это и есть дочь моя?» Долго жила дочь с сыном у родителей, а время быстро пролетело. Говорит дочь:
 — Пора нам ехать домой, погостили, хватит.
 А зять все это время жил под крышей дома, и никто его не видел. Вышла старика дочь с внуком провожать на крыльцо, те сделали несколько шагов и исчезли с глаз. Старики там и остались один старость свою дожидать.

64. Покинутые юрты

Один человек на охоту пошел. А в это время у него жена умерла. После смерти его жены все люди покинули свои юрты¹. Вернулся муж с охоты, видит: юрты пустые, нет никого вокруг. Зашел он в свой дом, а навстречу ему жена идет. Подходят к нему и говорят:

— Я умерла, но ты меня не бойся. Сегодня вместе почь проедем. Не вздумай убежать. Завтра Торум рассвет сделает, и на рассвете ты можешь уходить.

Муж так перепутался, что у него все трясется, и ответить даже своей ничему не может. Жена говорит:

— Данай я тебе голову вымою.

Помыла ему голову и волосы его в узел завязала². С одной стороны узел завязала для того, чтобы удача в охоте ему была, а с другой — чтобы он жил долго. Когда жена закончила, муж ее обманул. Он вышел из дома и убежал. Жена его догнала и все узлы обрезала³. Она говорит:

— Раз ты меня не послушался, иди теперь к своим.

Этот человек, когда пришел к своим людям, прожил лишь несколько дней и умер.

65. Кладбище и амбар

Однажды двое товарищей проезжали вечером мимо кладбища. Уже было время ложиться спать. Один предложил переночевать в амбарчике неподалеку. У другого жена была похоронена на этом кладбище, и он не согласился:

— Нет, я проведу ночь у могилы моей жены.

Ночью он проснулся оттого, что что-то споткнулось о его ноги.

— Что за бревно лежит у меня на дороге, — услышал он женский голос, — что за обомшелый пеня здесь лежит? Я собирала все для своих деточек, ведь они плачут, потому что родственники не привезли нам никакой еды. Теперь все пропало. Не прикасайся к этому.

Тут раздается голос мертвой женщины из могилы:

— Это не бревно, а мой муж, который хочет провести ночь около меня.

Мужчина, услышав этот разговор мертвых, не мог больше спать. Когда настало утро и он встал, то увидел на могиле угли; из-за этого ханты считают, что мертвые едят что-то подобное, и при похоронах к могиле разводят там огонь. Затем он пошел будить своего товарища. Когда пришел к амбару, то постучал в стену:

— Вставай, уже день.

— Дай мне сначала связать свои кости, — послышалось в ответ.

«Это, конечно, не мой товарищ, а какой-то злой дух», — подумал человек и убежал. Когда потом вместе с другими стали

смотреть, что было в амбаре, там нашан только кости. С того дня ханты больше не ночуют в заброшенных домах или амбарах¹.

66. У подземных духов

Однажды жили два ханты: один — на Оби, другой — на Юляне. Они друзья были. Зимой и летом друг к другу в гости ездили. Они жили лучше, чем братья живут. Однажды летом обской собрался в гости. Приехал он на Юган, к юртам подходит, а там ни сторовам ханты стоят, а его друга не видно. Пристал к берегу, стал людей спрашивать:

— Где мой друг? Может, он на охоту или рыбалку ушел?

— Нет, он умер.

Он заплакал и говорит:

— Скажите, где его могила?

Ему сказали. Пошел к могиле, стал рыть около нее. Долго плакал. Вдруг два маленьких мячика (мал-каплах-от²) выглянули из земли и стали спрашивать:

— Что тут плачешь?

Он говорит:

— Как же мне не плакать? Друг у меня был, лучше братьев жил. А сейчас он умер.

Черты говорят:

— Зачем плакать? Давай мы тебя сводим к нему, и ты увидишь его.

За руки его схватили, вниз тащат. Потом говорят:

— Тут дом, зайди, там твой друг.

Затолкнули его в дверь. Он смотрит: друг его сидит. Друг его заметил и говорит:

— Как ты сюда попал, зачем пришел? Здесь жить плохо приходится.

— Как не прийти? Увидеться-то надо.

Друг стал рассказывать:

— Здесь плохо. Все время заставляют играть на разных инструментах: на гитаре, маркас-юх, на скрипке, пин-юх³. День и ночь играю, пальцы все искалечил. Когда у нас день — у нас ночь, когда у нас ночь — у нас день. Сейчас у нас стемнело — это считается днем. Они всегда приходят к этому дому, где я живу. С утра по двое-трое собираются, самыми последними приходит хозяин чертой Тойлоп-ики. Он тебя сразу увидит. Приходит и приглядывается, нет ли новеньких, заставляет их играть. Ты начинал ли играть, скажи, что не умеешь играть. Он будет спрашивать, почему не умеешь. Ты скажи: «Умею, но на чужих не умею, у меня дома свои есть». Он скажет чертам: «Уведите его, пусть си за своим ходит». Когда тебя уведут, то домой к тебе не зайдут — будут болтаться. Ты завтра дверь и окрести весь дом. Они постучат и уйдут. А так тебе отсюда не выйти.

Вот стали заходить по одному, по два. Много народу собралось, когда довернулись. Говорит:

— Почему хозяин не приходит? Он всегда с утра приходит. Ждали, ждали, его нет. Что случилось с ним? Самих-то — земля дрогнула. Наконец-то он идет. Дверь открывается, он заходит. Черти говорят:

— Как ты долго пропадал!

— Я задержался. Я всегда у людей присматриваю, где шум, — я люблю ходить туда. Иду по улице, слышу: в одном доме музыка, пляшут, поют. Я зашел туда. Там веселье, народ, интересно смотреть. И присел поближе, они меня не видят. Плясали, плясали, все заснуло, и я уснул. Проснулся, смотрю — душно стало. Это какая-то женщина взяла да и окрестила весь дом — мне душно. Там хозяйка стояла, а куда залез, там полочка. Сажу, тут женщина подходит и хозяйку окрестила, мне трудно стало. Стал шевелиться и думаю: «Хоть бы она меня выбросила!» Она заметила, окно открыла и хозяйку выбросила, сказала: «Поди ты к черту!» Мне понравилось, что она меня выбросила, а особенно понравилось, что меня к черту послала. Думаю: «Хоть бы бог дал ей сто лет жить». Вот поэтому я долго не приходил.

Стал он кругом смотреть, нового заметил сразу. Подшла и стал подавать то гитару, то скрипку. Он все говорит:

— Я не умею.

— Почему ты не умеешь?

— Уметь-то умею, но на чужих не умею, дома у меня все

свое.

Он кричит чертам:

— Отведите его обратно домой! Пусть он соберет все свои вещи и сюда приходит.

Повели его вверх, к дому подвели и говорят:

— Заходи, мы не можем входить в ваши дома.

Он зашел, окрестил весь дом, черта струсил и ушел. Он там остался жить, так и живет.

67. Человек, оставшийся под землей

В одной хантыйской деревне жили два человека. Пошли они в лес. Пришли они в лес, сделали шалаши. Закончили устройство шалаши, поела, легли. Утром встали. Одежики, пошили в лес. Долго ходили, коротко ходили, вернулись. Старший поймал четырех белок, младший поймал соболя. Старший говорит:

— У меня заболела голова, сними шкурки с моих белок, с этого соболя.

Он лег. Пока младший снимал шкурки с белок, дверь пестежки открылась. Младший взглянул в сторону двери: два глаза выкатились¹. Он сразу встал, вышел, чтобы пускаться в погоню за глазами. Смотрит: они скатились с горы. Идет дальше в погоне за глазами. Они перекатились через лежащее дерево. Он

тоже перешла. Глаза заглянули под ствол кедра. Он подошел к дереву, остановился. Думает: «Может быть, они вернутся. Долго стоял, коротко стоял, глаза вернулись. Он хочет ударить по снеговой дощатой, но ему жаль их. Глаза покатались по прежнему следу. Опять перекатались через то лежащее дерево. Он думает: «Начнется буря, след заметет». Самая ветка дерева, пылуя nose. Начал стирать стружка вдоль прежнего следа. Глаза катятся вперед, он идет за ними. Глаза вкатились в шалаш, он вошел. Смотрит: глаза вкатились в одежду и лежащему человеку.

Кипящий котел был готов, лежащий человек встал. Если они есть, воск. Младший говорит:

— Ты ничего не видел во сне?

Старший говорит:

— Действительно, я видел сон: под растущим раньше деревом видел сокровище.

Младший говорит:

— Ты действительно его видел?

Старший говорит:

— Я действительно его видел, а теперь ложимся.

Утром рассветало, они встали, отправились вдоль вчерашнего следа, вдоль воструженных стружек, куда ходил младший. Спустились с горы. Бегом прошли нуть. Пришли туда, к большому кедру, начали копать. Одна из них нашла дыру такой величины, что человек может войти. Старший говорит:

— Оставайся здесь, я пойду туда.

Младший говорит:

— Иди, если пойдешь, но не уходи навсегда.

Старший говорит:

— Зачем я пойду навсегда? Я вернусь.

Старший вошел внутрь, уполз в комнату. Смотрит на нуть:

там сидит женщина. Женщина говорит:

— Все свою жизнь я ждала тебя, теперь ты пришел.

Женщина говорит:

— Куда теперь пойдешь? Охраняй здесь мое богатство, мое сокровище.

Он говорит:

— А кто будет охранять мой дом, что мне здесь делать?

Женщина говорит:

— Делай или не делай, куда ты теперь пойдешь? Если не останешься здесь, зачем пришел? Выход есть, иди.

Он не смог найти прежний вход. Говорит:

— Будь добра, выпусти меня наверх, я скажу слово своему товарищу, я не убогу.

Женщина говорит:

— Говори слово там, где стоишь, взгляни глазом, иди туда.

Он смотрит: дыра стоит открыта наверху. Женщина встала, они вышли вместе. Младший, не имея ниши, чуть не умер. Старший говорит женщине:

— Кого я пошлю принести весть, что мой младший товарищ собрался умереть?

Женщины вытащили из кармана маленькую бутылочку, он получил в подарок ножку воды из бутылки, выпил, начал говорить. Старший говорит:

— Иди ко мне домой, скажи, что я остаюсь.

Он пошел, отправился. Старший вместе с женщиной пошла назад в комнату, еще и теперь они под землей.

68. Охотник без глаза

Однажды два брата жили в одной ките. Правда, в отдаленных джунглях. Дождя не было, растительность болотная была. Младший женатый был, а старший холостой. Как снег выпал осенью, сразу в урман собрался он. Ушел на охоту надолго. А младший остался. Тоже ходит каждый день, как с утра пойдет — так и до вечера. Вечером приходит весь мокрый такой, такой испрошенный и ничего не добывает, не приносит домой: ни рыбы, ни зверя. Чего ходит — жена сама не знает. С утра чуть снег опять уходит и вечером приходит весь мокрый такой, как будто в воде он лазил, в снегу. Ну, вот жена думает: «В чем дело? Люди ходят, добывают кое-что, приносят домой, а этот муж у меня ничего не приносит. Надо как-то завтра сходить на ним, чего он делает, посмотреть».

На следующий день муж тоже собрался, пошел. И она тоже собралась, будто за дровами. Ушел муж, она за ним по следам. Со стороны следит за ним. Муж идет, а лес подался, идет. Смотрит она: что-то он улегся на спину, лежит.

— Ничего себе охотник! Шел, шел, улегся и лежит. Дай-ка посмотрю поближе, подойду.

Подойдя и видит: муж улегся, вытаскил свои глаза, прямо вверх поставил и сон-фит:

— Сэмлек рэм-рэм-рэм.

— Вот ничего себе даст, сэмлек рэм-рэм-рэм. Что это он делает?

Он, оказывается, каждый день ходит и этим делом занимается. Люди охотятся, а он каждый день сэмлек рэм-рэм-рэм делает.

— Сейчас я тебе чудеса наговорю.

Подошла к нему поближе и — хоп! Из рук выдергивает эти глаза и бегит. Тот без глаз остался. Туда-сюда, куда делась моя голова? Кто выхватил из рук? Как теперь домой-то попаду? Давай туда-сюда шарить. Ну, дорога ему знакомая, каждый день ходит, запомнил. «Ну, — думает, — домой-то попаду, а вот глаза куда делались, я же знаю». Шел, шел по знакомой дороге, все же пришел. Жена говорит:

— Ты сегодня раньше пришел.

— Да вот, как же не раньше, ослеп сегодня, ничего не вижу.

Жена думает: «Ослеп, а глаза-то я утащила. Я думаю, что ты каждый день на охоту ходишь, а ты, оказывается, только сэмлек раз-раз-раз делаешь. Тогда дома сиди, раз не можешь охотой заниматься».

На следующий день жена что-то там на улице делает, убирает да дрова готовит. Смотрит: с той стороны по Югану лось бежит, прямо к ним. Забегает быстро к старику, говорят:

— Старик, лось бежит, что делать?

— Что делать? Принеси мне лук и стрелы и дверь открой. Когда к двери подойдет, ты скажешь.

Притащил ему жена лук и стрелы. Лось как раз к ним близко к двору прибежал.

Жена говорит:

— Как раз возле дверей он.

Он стреляет сразу же.

— Ну, жена, сходи посмотри, что там у меня вышло?

Пошла старуха туда, смотрит, а лось там через два-три метра лежит. Приходит домой, старик спрашивает:

— Ну как там? Попало хоть, нет?

— Где ж там попасть? Нет, не попал.

— Как так не попал? У меня никогда стрела мимо не проходила, а тут мимо прошла! Вот тебе раз. Ну ладно, мимо так ^{прошла}.

Жена вышла, как будто по дрова ушла, а сама к лосю подошла, разделала, домой притащила. Сварила мясо себе, ест и про себя думает: «Вот так, ты сам каждый день сэмлек раз-раз-раз делаешь, охотиться не хочешь, вот я ешь, что хочешь. А я кот мяса поем сама».

На следующий день тоже по дрова да так куда-то ходила, на улице возле дома что-то леребирала. Смотрит: снова лось с того же направления идет. Забегает, мужу говорит:

— Опять лось идет.

— Ну-ка, тащи сюда мой лук и стрелы.

Подает ему.

— Дверь открой.

Открыла двери.

— Когда прямо к двери подойдет, скажешь.

Когда прямо к двери подошел лось, старуха сказала ему. Он стреляет.

— Ну-ка, сходи посмотри, что там сейчас, попало или нет.

Подошла, видит, что лось два-три шага отбежал и завалился.

Приходит домой и говорит:

— Ну, старик, опять мимо попал.

— До ну! Как так у меня все мимо попадает? Разные же и никогда мимо не стрелял, все прямо, а тут все мимо. Второй раз уже, это уж неважно.

Про себя старуха думает: «Вот я тебе здорово подстроила. Не будешь больше глазами моргать». Пошла туда, разделала, натаскала в лабаз себе, варит каждый день. С мясом живет.

Старик думает: «Допустим, если она у меня глаза сташала, спрятала же куда-нибудь. А вот куда спрятала? Это, может, она что-нибудь поторопилась? Надо что-то придумать». Один раз, вник, что жена по дрова ушла на целый день, стал рыть пещу под землю то место, где она спала. Каждый день, как жена уйдет, он роет. Знает, что дом брата не так уж далеко. Он, как мышь, такую канаву прорыл внизу до самого дома. Вот однажды думает, что жена должна прийти к вечеру. Он туда прорыл все, зашел и застал пещу в доме. А жена с дровами пришла и думает: «Приехал охотник. Надо зайти рассказать о своем муже-депуте. Как люди каждый день дело делают, а он самек ром-ром делает. Это уж ни к чему».

Заходит, платок подернула (она закрывается перед братом)¹⁾, уселась там и стала говорить:

— Люди добрые на охоту ходят, дела делают, кое-что добывают, а у меня вот муж каждый день с утра пойдет и к вечеру приходит. И ни рыбинки, ничего, никакой зверюшки не принесет. Что за такой муж! Надоело мне каждый день одно и то же. Я решила в один день проследить за ним. Пошла, смотрю: а он в одном месте в снег лег на спину и что-то делает. Дай-ка я посмотрю, что он на снегу лепит. Подошла ближе, а он, оказывается, глазами свои вытаскивает, приподнял и говорит: самек ром-ром-ром. Вот, думаю, ничего себе охотник мой. Люди охотой занимаются, а он каждый день самек ром-ром-ром делает. Я у него сташала эти глаза. Дома спрятала в короб, к себе положила. Вот чем у меня муж занимается. А потом я сдвинула на улице свои дела делала, дрова да что готовила к вечеру. Смотри, доск плет с той стороны. Я забежала и мужу говорю: «Лось идет». Он говорит: «Принеси мне лук и стрелы, я попробую, что выдлет». Я принесла ему, он десь свизал приторчить. Я пристреляла, и когда лось к двери рядом подошел, я говорю, что подбегает. Он в это время выстрелял. Говорит: «Сходи-ка, что вышло, попало или нет?» Я прихожу, он через два или три шага завалился, упал. Прихожу домой, говорю мужу: «Ну, муж, мимо». — «Как так мимо? У меня никогда мимо не приходило». А я про себя думаю: «Вот ты каждый день самек ром-ром-ром делаешь, а если бы хотел мяса, ты бы охотился. Это мясо затаскала себе и сама потихоньку варю да ем. Вот так, твой братик — зынтай!».

— Да, — этот про себя мычит, — да, плохо.

— Ну ладно, домой пойду.

Встаю, пошла. А мужик в это время обратно в сору, у себя там высклакивает, спит. Тут жена заходит.

— Вот, — говорит, — брат приехал с охоты.

— А, ну и с собой, ничего не знаю. Что-нибудь он добыл?

— Не знаю, не стала спрашивать²⁾.

Пока жена туда-сюда на улице ходила, он с этого короба вытаскивал свои глаза, видел. Тут у них ругань получилась. Не знаю, что потом случилось. Так, наверно, и живут.

69. У лесных амдей

Жили мы недалеко отсюда, и потерялся в тайге маминый матери брат с ми. У него уже семья была. Потерялся, найти не могли. Ушел его лесной человек, год он там промчал. Привел к себе домой, он плачет у порога. Все у них есть, что мы едим. Зовут есть, а он у порога стоит, не хочет. Такие же люди, как мы. Вот ровно через год его посадили на гаухари, и тот привнес его на Вертикае. Люди там его и увидели — сидит на песке.

Когда отправляли, подали ему в горсти град и бросили в лицо. Это были слезы, которые он выплакал за год. Везели дома собак всем привязывать в деревне. Он передал всем, все привязали. Скоро миста выдр к ним пришло, и они их убили. Около собак нашли много задушенных выдр! Мужик говорит:

— Не хотел с ними жить, и у него в семье никто не останется.

Вот сейчас из этой семьи остались мать да брат. Эти лесные люди так же рыбачат, так же охотятся. Наверно, странные, потому ему не хотелось жить с ними. Наверно, черт лесные.

70. Ууху

Один остяк из села Шеркалы отправился пешком по берегу осенью в деревню Алезкино. По реке шел лед. В пути остяка настигла ночь. У него закружилась голова, и он сел на камень отдохнуть. Сидел почти до полуночи. Вдруг к нему является кто-то в виде кузника и говорит:

— Что ты здесь сидишь?

Остяк, услышав такие слова, упал в обморок. Он лежал долго. Потом проснулся. Увидел: незнакомец все еще стоял перед ним. Это был Ууху — лесной дух. Ууху сказал:

— Пойдем ко мне.

Остяк спросил:

— А где твой дом?

— Мой дом в источе реки, отсюда будет верст пятнадцать.

— А когда же пройдем такое расстояние?

— Пока ты будешь курить сигарку, тем временем дойдем.

— Я не могу так быстро за тобой шагать. Силы нет. Устал.

Ууху говорит:

— Вот у меня кузов на спине. Сядь в этот кузов, и я тебя доведу. Но одно плохо: у тебя в кармане есть письмо! Брось ты его, а то я тебя убью.

Остяк отвернулся и сделал вид, что он бросил это письмо. Тогда Ууху посадил его в кузов и пошел к себе. Остяку казалось, что он как будто ехал на хорошем коне. Через несколько минут они доехали, и лесной дух сказал:

— Вылезай, вот мой дом!

Остяк вышел из кузова и увидел перед собой хороший дом, амбар и лабаз на семи столбах. В огне горел синий огонь.

Лесной дух говорит ему:

— Заходи в дом, но закрой сначала глаза и не гляди на огонь!

Они зашли. Уху посадил остяка в темном углу. Остяк сидел там, пока варилась еда. Нарядя еду дочь лесного духа. Она была очень красива. Когда она ходила тула-сюда, на ее платье брелили разные бусы и колокольчики, сверкали бисером вышитые узоры. Остяку эта девушка очень понравилась. Он полюбил ее и захотел жениться на ней. Потом девушка подала еду. Лесной дух сел первым за стол и пригласил остяка. Он тут впервые увидел лицо лесного духа. Лицо было красное, как мумак, волосы — черные, плетённые в две длинные косы, плечи были широкие, а руки огромные. Когда стали есть, лесной дух сказал:

— Если ты останешься у меня жить, то за тебя я выдам свою дочь. Ты будешь невидимым для других людей, как и я.

Лесной дух пригласил к столу свою дочь и спросил у остяка и у нее:

— Посмотрите друг на друга! Покорившись ли вы друг другу?

Остяк ничего не ответил, а дочь сказала:

— Как же я сразу смогу выйти замуж за незнакомца?

После обеда остяку постелили меховую постель и соблазнили одеяло. Лесной дух перед сном показал ему одиннадцать комнат, а двенадцатую не показал. Сказал:

— Я покажу эту комнату, если ты останешься у меня жить навсегда. Там у меня тайные вещи и разное оружие.

Все легли спать. Лесной дух захрапел, а остяку не спится. Он все думает о девушке. Хочет забраться к ней. Первый раз собрался, вышел из своей комнаты, но не осмелился и вернулся к себе на постель. Он, сидя на своей постели, мечтал о девушке. Про себя он еще сказал:

— Пусть что будет, то и будет. Теперь я пойду.

Подполз к постели девушки и видит: девушка тоже не спит. Он сел у нее на краю постели. Девушка подала ему руку, и остяк крепко пожал ее руку. Потом они поцеловались. А затем он спросил:

— Любишь ли ты меня? Если любишь, завтра мы с тобой побегим ко мне. Я здесь не останусь.

Она ответила:

— Как я буду жить среди незнакомых людей? У вас другая вера, другие порядки. Как я оставлю отца одного?

— Если ты не выйдешь за меня замуж, то отведи меня домой.

— Пожми здесь неважно, и отец отведет тебя домой, — сказала она. — Но только ты плохо сделал, что оставил у себя письмо. Ты этим нарушил наш порядок. Храни это письмо, как свое сердце, и не показывай его моему отцу.

Остяк пошел в свою комнату, но заснуть уже не мог до утра. Наутро Уху пришел его будить. Говорит:

— Пора вставать.

На столе было уже все готово. Остяк сел за стол обещать. Лесной дух за обедом ему сказал:

— И яду в лес на целый день, а ты не убегай. Или я тебя догоню и приведу сюда обратно.

Ууху ушел в лес. Девушка ему показала двенадцатую комнату. Там он увидел чудеса будущей невесты лесного духа. Ууху встретил куда-то юношину, но она не согласилась сразу выйти за него замуж, а лесной дух попросил в знак согласия лишь ее верхнее платье. Чудеса стояло одетое в это платье, словно живое. В изголовье углу комнаты Остяк увидел стрелу, воткнутую в склянку. Девушка сказала:

— По этой стреле я могу узнать о смерти моего отца. Если из этой стрелы покажутся капли крови, то я буду знать, что мой отец умер. Мою отца никто не может убить, кроме малява.

В этой же комнате жила собака, прикованная цепями за задние и передние ноги. Она считалась лучшей собакой при охоте на большого зверя и чужих людей из чужих мест. Теперь она сторожила комнату. От ее шеи шли две цепи в ту и другую сторону к стенам. Собака не могла двинуть головой.

— Мой отец всемаст эту собаку убивать, чужах охотников на другого места (рода). Раз пришел дальний человек охотиться. Он вышел переноса через небольшую речку на лад, но упал и умер. Это собака убила незнакомца.— сказала девушка.

Потом девушка открыла дверь и пополье и сказала:

— Здесь есть подземный ход. Этот ход ведет к речке и служит для защиты от врагов моего отца.

Они пошли обратно, и Остяк рассказал ей о своей жизни.

Девушка же говорила про свою жизнь. Она сказала:

— Я много видела разных людей и животных. Они нас не видели, а я к ним подходила очень близко. Нас не видят потому, что ползают берестой². Если бы отказались от березы, то стали бы нас видеть.

Сейчас дней протекло быстро, как один день. Девушка не соглашалась идти за Остяком. Но от покаяния она забеременела.

— Твой сын останется со мной, а тебя буду считать своим мужем,— сказала девушка.

На седьмой день лесной дух еще раз пришел сюда остаться, но он не согласился. Сказал:

— Иди мои дом!

Дух ответил:

— Когда я нес тебя сюда, ты мне не верил, что так скоро добьдеш. Теперь я поведу тебя пешком, и ты увидишь, как далеко идти.

Лесной дух подарил Остяку головной убор и мешок с дорогими мехами собачьими. Ууху вел его по горе. Шли долго и вышли у крутого берега реки.

— Ну вот, и хотел сделать тебя счастливым, и жилось бы тебе весело и хорошо. Когда придешь домой, в течение трех дней не смотри на огонь! Живи в темном месте, в темноте! Я бы

не пустал тебя домой, но письмо мешало. Я знал, что письмо было при тебе. Теперь я толкну тебя с горы. Ты не бойся, не ушибешься. Это тебе знак.

Они поприщались. Указу взял его за ноги, как налку, бросил его под гору к реке и закричал:

— Будь всегда счастлив!

Остак, кружась по воздуху, упал на камень, на ему казалось, что это был не камень, а пуховая постель. Он остался и пощупал себя. Он был здоров.

71. У лесной женщины

Около ста пятидесяти лет назад в Нижне-Тумпокольской волости один остак пошел вечером ловить на Обь рыбу. Довел, ловил, попал к берегу и увидел на берегу глухаря. Смирно сидит. Жалко, не было ружья. Бросил на глухаря горсть песка. Глухарь немного отлетел и опять сел.

Остак потянулся за ним. Догоняет. Ему жарко стало, снял с себя верхнюю одежду. А глухарь все по земле бежит. Изруг ему показало, что на суку дерева сидит его родная, давно умершая мать и качает ногой. Она сказала:

— Сын, сын мой дорогой, я тебя долго ждала. Подойди, я хотя бы поцелую тебя!

Он обрадовался и подошел к ней. Наклонился поцеловать свою мать и потерял сознание. Очнулся и видит, что она летит и несет его на крыльях, через реку Обь несколько раз перелетела. Прилетела к себе домой. Вот она начала за ним ухаживать, говорит:

— Будем вместе жить, как муж с женой.

У нее было много мехов и всякого добра. Все жилище было обложено мехом¹. Он не соглашался жить с ней. А она все тащит его в перстний угол². Остак же думал о доме, о семье и детях, о жене, стая горько плакать. Она же говорит:

— Не плачь о доме! Я им даю промысел, всех зверей и дичь посылаю. Я вижу твоих людей, которые охотятся³. Оставайся!

Но он не согласился. Идет на ульну, думает убежать, но всегда неволью приходит к жене женщины. Звери бегут около него, но он не думает о них и не страшен.

— Почему не убиваешь зверей?

— Не видел,— отвечает остак.

— Так не горюй, будем жить до первого ребенка, а потом уйдешь домой. Я поеду с тобой. Ты будешь жить со своей женой, а я — с твоими братьями.

Он не соглашался. Она аuala в передний угол. Подойди он к переднему углу — перешел бы к ней и остался бы у нее. В избе всегда было мало света. Она была красавица, но имела длинную бороду. Женщины долго угощивали его. Один раз они пошли вместе на охоту. Она сказала:

— По пути зайдем в гости к моему старшему брату.
Пошли. Поохотились. К вечеру она повела его к своему старшему брату. Этот не знал об острке. Удивляется, не улыбается. Она говорит:
— Милый брат, я гауш сделала, без твоего приказаania привела к тебе человека.

Брат сказал:
— Это твое дело, но я знаю, этот человек не будет жить с тобой, у него есть крест.
Остак еще сильнее начал беречь свой крестик. Остались там почевать, утром долго спали. После обеда брат женщины говорит:

— Посмотри мои амбары!
У него было три амбара со всяким добром. В первом амбаре он увидел много стрел и луков, дорогие соболяные и лисьи меха. Много-много было мехов. В другом амбаре были разные товары, шерстяное и красное сукно. И одежда меховая из оленьих шкур, и обувь всякая разная. В третьем амбаре стояло чучело в виде коня. На нем сидело чучело в виде самого брата.

— Почему это?
— Я много хожу на охоту. Для нас опасен гром. Он в нас стреляет иллиями. Если из чучела течет кровь, то моя жена или сын будут знать, что я убит,— сказал брат женщины.

Там же был бедный медведь, на цепи привязан. Он бросился на остана, когда его увидел. Но брат женщины сказал:

— Успокойся!
Зверь лег успокоенный. Он держал его вместо собаки.
— Он борется с моими врагами, рвет врага зубами,— сказал брат женщины.

Пошли в жилище. Брат женщины говорит:
— Почему не хочешь остаться с моей сестрой?

Остак, думая о доме, ответил:
— Дома жена и малые дети с голоду помирают.
— Это я знаю и помогу им, только ты оставайся с моей сестрой. Скажи, что оставишься, и я сделаю все, что надо.

Три дня пробыл у брата женщины. Все еще уговаривали остика. Брат сестры сказал:
— Он с тобой не останется, отпусти его домой.

Она еще раз его упрямивает:
— Ты будешь чемпионой, никогда не состаришься.
— Почему я таким вечно буду?
— У нас есть дух. Он нас омолаживает, когда мы старимся.⁴
Кладет нас в люльку, брызжет живой водой, и люди становятся молодыми.

Он в мыслях начинает соглашаться. Она говорит:
— Скажи крест, он мешает нашей жизни.
Он противится. Так прошло еще много дней.
— Я уведу тебя к дому, не могу более терпеть и носить на себе твои слезы. Ты так много плакал.

На другой день посела его по лесу. Дала ему много пушини, одежду на полную ярту. Идут. Приближается дом остяка. Тут она его остановила, попрощалась с ним. Говорят:

— Посмотри на меня!

Он посмотрел на нее и увидел: его слезы бегали у нее на ладони, словно живые маленькие змеи³.

— Пот твои слезы,— сказала она и брызнула ему в глаза.

Потом ударила его по спине и сказала:

— Не остался у меня — помирай горбатым! Со мной ты жил полгода, а за это дам тебе лишь один счастливый день в жизни. Твое поколение немного увидится и потом вымрет.

Он оглянулся. Ее уже не было. Он стоит у конца своей деревни. Не может идти к своему дому. Один мужик подошел. Ему крикнул:

— Прикажите собак и приберитесь в избах! Огни зажигайте не яркими!

Мужик сообщил об этом по домам. К вечеру остяк появился в своем доме. Тут его встретили родные, все плакали. Ему ^{сказали}

— Мы ждали очень хорошо⁴.

Через несколько дней он вышел утром на улицу и в будке для собак увидел пять выдр. Взял палку и убил их. Это был его счастливый день. Прошло две недели, и он захворал. Ослен, у него появилась горб. Скоро он умер.

72. Соболь с золотым кольцом

Один мужик убил соболя. У него через всю шею желтое кольцо, как золотое¹. Старик убил, в лесу не обдирает. На стан правее, ободрав, разрубил. Чаю повар, солдат, ожидает. Себе поставил еловые лапы, черту — пихтовые. На недрах сиди себя нарисовал бога в образ земля. Дело к двенадцати часам. Черт ли, кто ли — бух к костру:

— Отдай соболя, ты моего брата убил!

Охотник уступил заднюю часть поджарить чуть-чуть, голову себе оставил. Шайбан² приземлился по другую сторону огня. Охотник бросает ему заднюю часть соболя, тот — обратно. Еще раз перекинулись. Черт давай жевать. Жевал, жевал — прыг через огонь. Охотник приготовил еловую лапу.

— Чей черт крепче, кто сильнее крапача будет?

Черт видит, что у охотника еще много чертей: еловые лапы на много голосов трещат. Черт пихтовую лапу схватил, а та пыхнула и погасла. Охотник крикнул:

— Эй, земля, моя беретел!

И открыл изображение на недрах. Черт увидел бога и землю, отпрыгнул.

73. Навязывание

Двое на охоту пошла. Один зверей не добывает, рыбу живую в котел бросает. Другой пришел в лес на охоту, встретил двух незнакомцев, они ему говорят:

— Сегодня на ночь заготовь небольшие дрова и всю ночь молись.

Вот приходит он, дрова готовит, молится. Приходит его партия, который зверя не добывает, и говорит:

— Я в это не верю.

Степняк, слышавшая какие-то шорохи. Из леса выходит два великана Менк-ики. К костру дымки поставили, издали того, который не молился, на палочки поддели, на костре жарят, едят. Светать стало. Тот думает: «Пот дождет, и до меня очередь дойдет».

Один великан говорит:

— Иногда не нужно мучить зверей, иногда надо до конца убивать.

Он пришел домой и говорит, что было так и так. А ему не верят, говорят, что вроде похерился на охоте и убил ты его. Послали за шаманом. Тот приказал белого оленя в жертву принести. Разобрались — правильно он говорил. Все поверили, что великанам того стыдно.

74. Охотники и Менк-ики

Однажды муж с женой жили. У них сын был лентый. На охоту никуда не ходит, все дома. А у других сыновья, сразу как снег выпадет, на охоту ушли и урмал. А он все дома. Родители ему говорят:

— Ты что, в урман-то не хочешь идти? Сходил бы хоть раз. Видишь, у других сыновья ушли уже, а ты не идешь.

Ладно, подумал, подумал, собрался.

— Ладно уж, пойду.

Собрался, пошел. Все загрузил в нартышки. Пошел. Шел-шел однажды, стемнело вроде. Целый день топал. А не знает, куда в урман идти-то. Думает: «Ладно, стемнело, надо место подыскать где-то, переночевать. Завтра уже где-нибудь пристроюсь».

И только что думал про это, смотрит: костер ядала горит, свет увидел. Думает: «Ну, где-то близко душа есть, идти. Надо и нему поближе сходить. Раз там костер, дрова мелкие таскать надо будет».

Подойдя поближе, видит: у костра сидит Менк-ики. Тут он испугался. Думает: «Пот ничего себе товарища встретил. Уж с ним шутки плохие встретятся».

Ну, обратно уж не пойдешь, он все равно заметит пень, а к нему ближе — так опасен он, съест сразу же. Смотрит, какой он лицом? А у костра хорошо видно. Сидит около костра, греется. Такой большой костер развел. И сидит, главное. А глаза

у него один прямо на дбу. Сидит, и возле него мясо кучами лежит, лосиное. Берет тушку мяса, через себя кидает. Он думает: «Ничего себе, что он через себя кидает?»

Рядом кинет кусок и сидит. Он стал замечать: он ест это мясо. Берет кусочек и через себя кидает, а у него рот, оказывается, сзади. Вот поэтому он назад кидает¹. Он думает: «Ничего себе! Дав-ка я выстрелю. У него же один глаз. Этот глаз лопнет, так и хорошо, тогда не увидит меня».

Берет и стреляет. Тот что-то говорит:

— Какая-то соринка попала в глаз.

Меня-иш говорит:

— Что за соринка?

Вытащил и говорит:

— А, это ты! Что ты кидает соринки сюда? Иди сюда, чтобы причесться?

Он думает: «Ничего себе. Сейчас подойдешь, он тоже меня через себя пнет. И не будет меня».

— Да не бойся, — говорит, — поблинко айда.

Подождал к нему.

— Ну, садись. Вот мяса сколько угодно, ешь.

«Ничего себе», — про себя думает, — это же он парочко меня уговаривает, чтобы и не боялся, пристроился, а потом он чтобы еще мяснее².

— Да не бойся, — говорит, — я тебя есть не буду. Вон у меня сколько мяса. Мало, так еще убью, сколько надо. Вар!³

Ну, тут он сварил себе мяса и давай есть.

— Ты, — говорит, — не бойся, я лосей не ем. У меня мяса хватает. Завтра на охоту вместе пойдем, и тебе добу, сколько надо, вези их.

Тут пошел, побойтал они. А этот сидит на костре. Мяса-иш, берет мясо и через себя... Черт его знает, может, шесть или семь лосей было в одной куче, все разделанное на куски специально, чтобы ел всю ночь. И под утро уж там мало осталось. Этот мужик уже не стал бояться, улетел. Утром просыпается, а этот сидит возле костра, дремлет тоже.

— Что-то не спится, — говорит. — Уже рассвет.

Он опять снова мяса сварил себе, поел.

— Ну, — говорит, — пойдем на охоту теперь. Я тебе лосей добу, если увидишь, вези их домой себе.

Идут однажды, что-то под вечер, смотрит: стадо лосей стоит там.

— Ну, вот, — говорит, — эти лоси, там шесть ли, семь ли штук стоит вместе, в куче. Сейчас у меня камень в руке, и его кину, и все твои будут.

— Да ну!

— Правда. Ты своей штукой вчера козла, это что! Я думал, это соринка мне в глаз попала. Оказывается, ты в меня стрелял. Вот увидишь, как я сейчас стрелять буду. Вот эти лоси все сейчас упадут.

Берет камень и кидает. И прямо как будто все как в один ухватился, упал, в общем, я кучу их завалял.

— Вот видел, бери их, раздельная в мези домой. А я себе других подыму.

Менк-ики ушел. Он их там раздала, там переночевал. На следующий день — что у него — дом близко — он их домой вывез, рассказывал все.

— Вот,—говорят,—я так и не ходил на охоту.

Ему и на зиму хватит охот лосей. Так их домой вывез, так и сейчас, наверно, живет.

75. Ловушка для Менк-ики

Весной раньше на рыбалку сама спускалась¹. На Малом Югане также однажды сами спускались. Время как раз пришло, спускаться нужно. А вот один Менк-ики тоже был. Думает: «Как Юган перегоридить?»

Он все таскал с этих краев всякие сосны, лесники, чтобы Юган перекрыть, чтобы люди не проезжали, не проплывали. Он решил Юган закрыть. Вот с этих краев таскает все. Леснику дернет, тащит на себе и через Юган кидает все. Кидал-кидал, однажды закрыл, видите. Как раз ханты спускаются, смотрят: Юган перекрыт. А он сам стоит через Юган, ноги раставил и вперед смотрит, что там делается. Ханты увидели, что он стоит, Юган перекрыл специально для них. Думают: «Что с ним сделать?»

А что сделать? Както надо его убить, а как такого великана убьешь? А так вот — запросто можно. Подумали и придумали. У него трона есть, где лесны таскал. Там надо большую такую яму выкопать, пока его негу, и илы острые поставить в яму. Он туда обязательно свалится. А яму сверху прикрыть. Потом все же сделали эту яму, большую вырыли. И вот илы такие острые, не знаю — железные или деревянные, наставляли. Потом прикрыли ее листьями как ни в чем не бывало. Натаскал всего². А он пока ходил туда-сюда, эти эти прикрытые открыли, расставляли по бревнышкам засорядку на рове, отпалыв. А Менк-ики все мало, пошел опять по тропе. А он когда идет, рассказ у него есть, про себя бормочет. Пока шел, прямо и яму, в эти илы упал, так и с кошцом. И они его там сожгли.

76. Кто умнее

Идет человек на охоту по лесной тропинке, вдруг навстречу ему Менк-ики. Говорит ему Мени:

— Человек, ты очень бледен.

Человек:

— Потому я очень бледен, что на обласе переохал оксан по пазыванию бубен.

— А ты храбрый человек. Давай сказки будем говорить друг другу: кто кого победит, тот того и сожрет.

Меня:

— Одна луна и одна кельц, что за зверь?

Человек:

— Когда люди живут одним умом, можно и деревню и город построить.

Меня:

— Две луны, две кельцы, что за зверь?

Человек:

— То, что видел двумя глазами, не забылось, не пропало.

Меня:

— Три луны, три кельцы, что за зверь?

Человек:

— В явля или птицу стреляная стрела с тремя крылышками мимо не пролетит.

Меня:

— Четыре луны, четыре кельцы, что за зверь?

Человек:

— Четырьмя руками и ногами землю боiously исходить вдоль и поперек.

Меня:

— Пять лун и пять кельцы, что за зверь?

Человек:

— Когда стоит чужом рядом, то всегда есть и толер, и в

Меня:

— Шесть лун и шесть кельцы, что за зверь?

Человек:

— На парте оленьей с шестью перекладинами изъездил землю боiously вдоль и поперек.

Меня:

— Семь лун и семь кельцы, что за зверь?

Человек:

— Когда бывает лето из семи месяцев, то в складах и домах пусто становится.

Меня:

— Восемь лун и восемь кельцы, что за зверь?

Человек:

— Когда бывает лето восемь месяцев, в складах и домах

ничего нет.

Меня:

— Девять лун и девять кельцы, что за зверь?

Человек:

— Ивлал, авлал. Из девяти месяцев лета не бывает и ямы не бывает, сейчас я тебя топориком изрублю на мелкие куски.

Меня испугался, что человек умнее его оказался, и убежал обратно своей дорогой.

77. Манть-ку

Пошел Манть-ку в лес и там заночевал. У него огня не было, печем огонь развести. Он в один дом зашел, там человек жил, совсем один. Манть-ку у него огня попросил, но тот человек ему отказал. Он говорит Манть-ку:

— Ты мне сказку расскажи, тогда дам тебе огня.

Манть-ку отвечает:

— Никакой я сказки не знаю.

Схватил огонь и побежал. Человек догнал Манть-ку, отобрал у него огонь и говорит:

— Прядумай сам и расскажи мне хорошую сказку.

Манть-ку начал рассказывать:

— Жили мы, жили, и однажды родился мой отец. Надо было сделать поры, но ничего у меня не было, печем поры сделать. Пошел я тогда на охоту и вижу: пять досок на одной ноге стоят. Я выстрелил в ногу, и все доски упали. Не могу их до дома донести. Тогда я из лосиной шкуры веревку сделал, эта веревка до самого дома дотянулась. Я стал ее огнем нагревать. Веревки от огня все больше и больше сжимается, так досок я до дома дотащил. Сделали поры. Жилим, живем, и у меня родилась мать. Опять поры нечем делать. Пошел я на охоту, вижу: пять морков на одной ноге стоят. Я в одну ногу выстрелил, все морквы упали. До дому дотащить я их решил так же, как и досок. Сделали поры. Так у меня мать в отец появилась. Потом ко мне с неба семь сыновей Торума спустились. Они сказали, чтобы я им кисы сделал. Они спрашивают: «Когда сделаешь? Я им определенное время назвал. Спустились сыновья Торума к этому времени на землю, а я не успел и сроку кисы сделать. Сыновья Торума рассердились. Они схватили меня и на небо повесли. Когда я упал, то по пояс в земле оказался. Вдруг вижу: лиса бежит. Я ее за хвост схватил. Лиса увернулась, а у меня в руке комок оказался. Развернул я комок, а там бумага. Стая и эту бумагу читать. Там было написано, что ты моему отцу сто рублей должен. Вот видишь, а ты для меня огня понажал.

Этот человек долго думал, когда он в долг у Манть-ку сто рублей брал.

78. Арых-лунк

Арых-лунк — огромный черт, ростом с кедр. Они давно являл, когда травы и деревья еще не было на земле. Дом их был в огромном соловом селере.

Один мужик в облаке по Оби плывал, рыбачил. Вдруг небо потемнело, солнце кто-то закрыл. Мужик поднял голову и увидел, что огромная черная туча через Обь перелетела. Это Арых-лунк украл жизнь у другого Арых-луна и убоялся от него. Прошло совсем мало времени, смотрит мужик: бредет к нему Арых-лунк, огромный, высотой с кедр, и спрашивает:

— Мужик, ты не видел, как огромный челнок здесь про-
бегал?

А мужик ему отвечает:

— Нет не видел, только вот огромный черная туча пронеслась
вон в ту сторону, я видел.

— Это Арых-лук уарал мою жену и убегает. Как услы-
шавши, что земля треснется, а вода в Оби заплещется, это зна-
чит, мы деремся.

Сказал так Арых-лук и побежал в ту сторону, куда мужик
показал. Вскоре земля задрожала и вода в Оби плескается по-
чала. У мужика обласок чуть водой не разбало. Вернулся Арых-
лук со своей женой и говорит мужику:

— Как же мне тебя отблагодарить за то, что ты мне путь
указал?

Мужик ничего не ответил. Тогда Арых-лук оторвал кусочек
от своей рубахи и бросил мужику в обласок. Обласок чуть не
перевернулся — так много было товара¹.

79. Налимьи печенки

Жили-были старик со старухой. Старик на реке ездая забор.
Наступило утро. Старик пошел смотреть забор. Гимга пошла
пошла. Гимга была полная рыбой — один налим. Рыбу домой вы-
нес. Самого крупного налима выбрал на уху, выпотрошил и го-
ворит старухе:

— Пока уха варится, я малость сосну.

Налимья сварилась. Старуха рыбу сложила в отдельную чаш-
ку. Печенки тоже сложила в отдельную чашку.

— Уха сварилась, вставь налимину есть, — будит старика
старуха.

Если есть налим. Смотрит — а в отдельной чашке нет ни
одной налимьей печенки. Старик молчит. Рыбу убрали. День
прошел.

На другой день старик пошел смотреть забор. Гимга пошла
рыбой, больше прошлой добычи. Рыбу домой вынес. Также вы-
брал крупного налима, выпотрошил его, сказала старухе:

— Пока варится уха, я малость сосну.

Старик лег. Налимья сварилась. Старуха рыбу в отдельную
чашку сложила, печенки тоже сложила в другую чашку. Ста-
ла будить старика.

— Вставь рыбу есть, — говорит старуха.

Старик встал. Сел за стол. Старик смотрит: в чашке ни од-
ного нет ни печенки нет.

— Куда ты делала печенки? — старик спрашивает.

Старуха говорит:

— Хотел очень долго кипеть. Печенки разваривались и, плав-
ные, растяжи.

Налимьи поели, ухи напился. Старуха говорит:

— Завтра я пойду по ягоды. Ты дома побудь.
Наступил утро. Старуха ушла в лес. Старик остался дома. Сидит, строгает ланки для плетения гнты. Смотрит: а углу яблы стоявший кожаный мешок вдруг зашевелился. Старик вскочил. Начался мешок, смотрит, а в мешке сидит старый старик. Борда его от жира печенюк совсем вылезла. Старик догадался, в чем дело.

Наступил вечер. Пришла старуха домой. Старик говорит старухе:

— Завтра переедем на другое место.

Ночь прошла. Утром стали готовиться переезжать на другое место. Весь домашний скот погрузили в лодку. Большой кожаный мешок положили на корму лодки. Старик сел на корму править. Поехали.

Доехав до середины реки, Старик ногой нул этот большой мешок. Мешок скатился в воду. Старуха стала ругаться:

— Гонила тебя, мешок мой и воду не скатился бы.

Мешок в воде плавает, старик в нем кричит:

— Сделайте такую милость, возьмите меня, спасите! Чего только вы пожелаете, то вам и будет!

Таких корыстных людей, как ты, я не верю никогда. За твой злой умысел пропадай тут.

Старик со старухой вернулись обратно. На старом месте стали жить. Старик занор высматривает. Каждый раз гмта полна рыбкой. Утку варит. Пона уха варится, старик отдыхает. Уха сварится, садятся за стол. Чашки с рыбой полные. Чашки с печеными полные. Еды вдолжля, стало жить хорошо. И, наконец, они сейчас еще живут да поживают да нас с тобой вспоминают.

80. Леший

Жил хвнт. Сделал занор на Оби, установил гмту. Понес домой. Назавтра пошел смотреть занор. Но занор кто-то уже недавно был высмотрен. На другой день пошел смотреть. А занор опять кем-то уже высмотрен. На третий день пошел смотреть. Занор также перед его приходом только что был высмотрен.

— Кто же это высматривает мой занор? — сам с собой говорит. — Постой, покажу тебе, кто это так озорывает!

И вот он спрятался в конце берегового занора. Наступила полночь. Слышит, кто-то идет. Видит: лыжник идет к занору. Оказывается, это леший¹. Подошел к занору, поднял одну гмту. Хвнт остался в сарафане.

— Давненько леший, что делаешь?

Леший отвечает:

— Видишь, промытлю! Занор высмотрю, и пойдем ко мне в гости.

Вот они пошли. Довго ли, коротко ли так шли они. Незнаестно, какое пространство прошли. Но вот впереди показался лесственный мис. Дошли до мыса. Леший спрашивает:

— Как называется этот листочничий мис, знаешь?

Хант отвечает:

— Студя мне знать, как он называется.

Леший говорит:

— На этот мис сколько людей приходило, ни один живой назад не возвращался.

Хант видит: на сучках большой яственишцы развешаны черенки людей, а внизу возле яственишцы кучками лежат чьи-то кости. Дальше идут. Неизвестно, долго ли, коротко ли так шли. Вдали показались чумы. Подошли ближе. Хант смотрит: семь чумов стоит подряд. Зашли в первый чум. Ханту сварили мяса, накормили, горячим чаем напоили. Леший и говорит:

— Ты, монет, в тех чумах погостить желаешь? Если хочешь, так сходи. Только от этого чума в тех пяти чумах можешь побывать. Но только в последний чум (седьмой) не заходи.

Хант вышел на улицу. Подошел к дверям первого чума, слышит: зеще орут, поют. Хотел зайти, но побоялся, не зашел. Подошел к дверям второго чума, также не зашел. И так прошел мимо всех пяти чумов. Смотрит в сторону последнего чума. Видит, за чумом стоит человек, делающий нарту, похож на ханта.

— Сложу-на туда,— говорит,— ничего страшного нет, свой человек, видать.

Подошел к нему, поговорился. Разговорился. При этом он оказался изювский пенец, из рода Ванокан². Так, поговорив между собой, побратались. Зашли в чум. Здесь за столом, угощая ханта, Ванокан предупредил его:

— Ночью будь осторожным, не спи. Если уснешь, леший может убить тебя.

После угощения хант вышел на улицу. Пошел к чуму лешего. Лешему сказал:

— В пяти чумах я побывал. В седьмой чум ты не велел, я не заходил.

Леший на это ничего не сказал. Наступила ночь. Легли все спать. В полночь леший тиховако шепнул своей дочке:

— Иди принеси мою большую вежную шкуру быка и большой острокопечный, сердце моя достанешь мой нож заиси.

Дочка его быстро вышла на улицу. Прошло немного времени, принесла большую вежную шкуру оленя и острокопечный нож.

Леший постелил шкуру на пол, взял острокопечный нож. Положил спящего ханта на шкуру оленя. Хотел было зарезать его заколоть, да нож в руках его пошевелился колючим острием вверх. Приготовился второй раз заколоть, но опять нож так же пошевелился.

Третий раз стал готовиться, но тут хант нишевелился. Нож из рук лешего сорвался и встинулся в голову самого лешего. Тогда леший молча улетел спать.

Утром лешие послали своих настуков — водка и медведи — пригнать стадо оленей к стойбищу. Прошло немного времени, пригнали стадо в загон. Запрягли семь легких нарт и одну нарту запрягли для иенца и ханта. Все поехали к яственишчи-

му мысу. Приехали туза, зарезали оленя, варили сырого мяса. Затем варили котел мяса. Расселись у костра. На одной стороне костра сели полукругом семь леших. На другой стороне сели рядом Ванюкан и хант. Пока вареного мяса, старший леший говорил:

— Перед закатом солнца следует борьбу устроить. Боритесь будем так: кто будет в борьбе побежден, победитель пусть тут же его убивает. Если вы останетесь живыми, все наше стадо и прочее богатство пусть перейдет в наши руки. Для закрепления моих слов ставлю на бирю свою тамгу, этому последуют и мои братья.

Все семь леших вырезали на бире свои тамги, затем Ванюкан и хант поставили свои родные знаки на бире.

После этого хант выступил на место борьбы, против него выступил меньший из леших. Вот схватились два борца. Их борьба недолго продолжалась. Хант, выиграв сильно и одну сторону, резко повернул в другую. Бедняжка леший, не ожидая такого приема, не устоял на ногах и хлопнулся на землю. Не успев выкрикнуть слово — острин ножа вошелась в сердце его. Из группы леших выступил на борьбу второй. Заинтересовался борьба ханта со вторым лешим. Хант, набрав пыла, стал напропалую на лешего саен и одним рывком нирво уложил его плашмя на обе лопатки. Не успев тот сказать слова — острин ножа вошелась в его сердце. Так хант поборода всех шестерых леших и убил их своим чудесным ножом.

Встал на смену Ванюкан и гонорит побратиму-ханту:

— С тебя, браток, достаточно. С дядькой-лешим на борьбу и стану. Тем временем ты отдохнешь. Если же я убитым буду, ты, я верю, халыксий род не опозоришь.

При этом меньший брат молча взял свой чудесный нож, изметнула его кверху, нож, падая вниз, воткнулся в землю до черенка. Тогда он снял свой кожаный ремень, вложил в ножны чудесный нож и подал его брату:

— Я вижу, твой ремень слабит. Вешь мой пояс, он, надеюсь, выдержит руки седьмого лешего.

Опоясавшись Ванюкан и выступил на место борьбы. Тут двад леших встали с места и такую речь повел:

— Много здесь хантов и вышло от моих рук погибло. Ни один живой еще не уходит. Многие годы, а может быть век, их кости лежат здесь на этом мысе. Мыс этот назван нами «Мысом смерти». Моих шестерых братьев меньшой твой брат хотя и убил, но они будут живы, когда вы здесь от рук моих будете лежать мертвыми.

— Да, на слова, подать, ты очень грозный,— гонорит Ванюкан,— но убив зверя, шкурой не торгуй. Не халыксь очкавом, по недай конца. Проступив к делу, подумай о юшке.

Из стерна тут двайш этих слов, выскочил на Ванюкана и хотел его с налета сбить с ног. Но леший словно встретился с утесом. Ванюкан удержался на ногах. Ни тот, ни другой не слетелся. Силы равные сошлись. Друг друга не могут осадить в борь-

бе. Пот градом льется с обоях. От пота снег под ногтями их растаял до земли. Пар валит от них, словно дым из трубы чувала. Долго боролись. Долго старались друг друга свалить. Под конец леший стал уставать. Сбрал он последние свои силы и хотел поднять да вонзить бросить на землю, но тут суставчики ног и мыщцы лешего не выдержали веса Нанонапа, и он упал на одно колено. Нанокан навалился на него и прижал к земле.

«Видно, смерть моя пришла», — подумал леший и, как волк, завыл под ногами:

— Погоди уми, не спешь за нож хвататься. Может, мирно мы борьбу закончим. Даю тебе я слово крепкое: никогда к хантским и венецким промыслам касаться не буду. Пусть свободно каждый хант или венец в дремучих лесах ставит свои ловушки на всех зверей и птиц.

— Нет, — сказала Нанокан, — мир плохой у нас с тобой. Таких чертей, как ты, надо всех уничтожить. Чтобы хантам и венецам на промыслах не вредила. И ты здесь должен умереть.

Но стоя он далеко слушать речи злодея. Схватил своей мощи чудесный и ползал по рукам в сердце коварного врага. Пораженный прямо в сердце, леший задрогнул всем телом. Управившись с лешим, братья собрали большую кучу валежника и хвороста. Развели огромный костер и всех леших бросили в огонь. Затем братья поехали на стойбище к семи чумам. Здесь они решили уничтожить и семью леших. Имущество сложили в аргоши, оленей стада погнали к себе домой. Здесь все богатство разделили поровну. И наверное, с этим добром и стадом сейчас еще живут да пожинают. А может быть, касаются по тундрам Обского края и поляриным тундрам Урала.

81. На реке Нинкан-ган

Жили две семьи на реке Нинкан-ган. В одной семье жена младше. У младшей был ребенок, у другой — трое. Собрались мужья на охоту и наказывают женам:

— Ведите себя хорошо, не балуйтесь, а то людоед придет и съест.

Ушли мужья на охоту. Младшая сидит тихо, не балуется, ребенка все качает. У другой ребятки балуются, она их еще нарочно дразнит: груди вытаски, трясет ими, приговаривает:

— Тюгыдялас, палалавас.

Та соседка говорит:

— Тихе. Что нам мужья наказывали? Вдруг людоед придет. Младшая выпала стружка из-под ребенка выбросить¹, а ребенка в подол держит. Посмотрела на ту сторону Ваха — людоед идет. Забежала.

— Что нам говорили!

Сидит. Людоед перешел через Вах, голова саргой обмотана. В дом не может пройти. Сел на той стороне, где младшая сидит.

Боятся младшая и думает, как бы убежать. У нее ребенок в пододе. Она говорит:

— Дедушка, я струнку выброшу из-под ребенка?

Он говорит:

— Обязательно в то время, когда я пришел.

Она:

— Нюю, раз мокрые.

Она выскочила — и бегом. А тех людей съел, кишки в чуме развесил, а на улице срубил немь высотой с ее рост и на него надел ее голову. Возвращаются охотники, видят головы. Старший говорит:

— Мон-то выпил меня встречать на улице.

Видит, на палках головами выставлены и платочки надеты. Косточки собрал, горюет сидит. Людодд анал, что охотники будут переживать, и послала свою дочку. Плохо они жили, не разговаривали. Рыбу она наварила, вместе черпалики рукой заглаза, обоняла, апарала, отцу хотела пожаловаться. Лунг сказала этому мужчине:

— Первый слоток проглотишь, а от второго умрешь.

Он долго не ел ничего, боялся. Потом стал есть, первый слоток проглотил, в вторым подавился и умер. Младший пошел жену свою искать. С тех пор речка называется Шиван-Вган (Друж женщины речка).

82. Шесть коварных женщин

Шесть коварных женщин из породы людоедов пошли искать себе мужей. Долго шла по борах и болотам. Идут по дороге, разговаривают о том о сем. Одна нечаянно задела верх тулудуки березовой, а она ушла. И стала оттуда молодая девушка. Женщины заспорили. Одна хотела ее сейчас же съесть, другие говорят:

— Возьмем с собой, авось после понадобится.

И решили взять ее с собой. Шла долго ли, коротко ли, вышли наконец к избушке повой, рубленой. А там жила семь братьев неженатых. Девушка досталась одному молодому охотнику. Братя ходят на охоту сиварану, ищут янрей и птиц. Сколько бы они ни охотились — все мало, все не хватает. Младший жена стала мужу жаловаться, что ее обманывают и живет она под порогом. Три дня не ходела на охоту меньший брат, выстроил себе избушку отдельную. Теперь ни рыбы и мяса всегда хватало. И вот старшие братья говорят жене:

— Ближе уже нет аюрей и птиц. Пойдём далеко на охоту, а вы вносимые то, что у вас есть.

Ушли все семь братьев на охоту. Живет себе молодуха и не печалится. Однажды дасер чуть-чуть протыравил и на порог поставила тарелочку деревянную, а ней несколько кусочков мяса. И говорит жене старшего брата:

— Вот родила сегодня сыночка, да мы съели и про тебя не забыли. А когда у тебя будет ребеночек, тогда и должок вернешь.

На следующий день другин несет, а там и остальные принесли кусочки мяса. Она не стала есть это мясо и поставила на полу. И вот когда у нее родился сын, она все боится, что дознаются алые недумы, прадут и сожрут ее сына. А сыночек ей все улаживает, на одной щечке жула играет, на другой щеке солнце спрыгнет. И совсем ее думает плакать. И вот вечером явля те кусочки, которые женщины приносили, подогрела, унесла соседкам. Они расхватали все кусочки. Жуют и говорят, что почему-то нашей кровью пахнет. А другие говорят, что это потому, что отцы одной крови. В одно морозное утро смотрит молодуха, а соседи куда-то собрались, да еще с топорами. Думает:

— Наверно, дознались, что у меня сын жив-здоров.

Схватила сыночка, держит руками и плачет. А как увидела, что женщины идут к ней, так совсем чуть не заведнелась, да услышала, как звоночек зазвенел где-то. Видит: с потолка дьялька на цепочке спускается. Она скорне сына в эту дьялку положила, и с легким звоном снова эта дьялька скрылась в потлаче. Запла и ней соседи коварные и говорят:

— Ну, пойдем деревянные куклы делать, а то с чем мужей-то встречать будем? Детей-то сдела.

Молодуха отказалась идти с ними. Целый день рубила, строга, и к вечеру куклы были готовы. На следующий день вернулись мужья с охоты, женщины встречают их со свертками. Как стел робюшка поцелует, так с лица скатется. А молодуха меж том думает: «Когда же дьялка появится? Или совсем утссая ее нечистая свадь?»

Вдруг услышала, звоночек зазвенел, и дьялка появилась. Она сплетала сына и скорне встречать мужи идет. Младший брат целует сына, и пацого не делается с его лицом, дить улаживает. А старшие братья прижали и хвостам шести копей своих жев и пустили их по лесу с криком, чтоб когда еще поношение будет меняться, то не поныдался бы на свет такие коварные люди. А младший брат стал со своей женой жить-поживать на бжам сиемо. Момот, и сейчас живут.

83. Кирп-вилауп-ими

Жгут женщины и мужчины. У них три сына. Пришла осень, люди начали собираться в лес на охоту. Старший сын сказал:

— Отец, я тоже пойду с людьми.

— Зачем ты пойдешь? Не ходи.

Люди нагружали свои нарты, он тоже нагрузил свои. После того как они стравались, долго были они или коротко были они, надумала вниз домой идти, поставила нарты по направлению вниз¹. А он поставил свои нарты к лесу. Товарищи удерживают его:

— Дай нам домой уйти.

— Почему вы меня удерживаете? Я отправлюсь в лес, вы отправитесь домой.

Его товарищи отправились домой, он отправился в лес. Пришел к лесной избушке, развел огонь, приготовил котел, котел был готов. К нему пришла Кирп-нолуп-ния, вошла в избушку, села к огню, начала зевать, встала, проглотила его целиком.

Долго она коротко жила, пришла осень, люди собрались отправляться в лес. Старший сын старика сказал:

— Отец, я тоже пойду.

Отец сказал:

— Из двух оставшихся сыновей у меня, наверно, останется один, зачем тебе идти? Ну, если хочешь, то иди.

Людям он сказал:

— Будьте добры, станете уходить домой, приведите его. Долго она коротко жила, стала уходить домой, поставили свои нарты по направлению к нему. Он поставил свои нарты к лесу. Товарищи удерживают его:

— Будь добр, не ходи туда.

— Почему вы меня держите? Я нас жмет топором и рублю. Он пошел вперед в лес, в конце той дороги, пришел туда, тут много готовых нарубленных дров, развел огонь, приготовил пищу. В избушку вошла Кирп-нолуп-ния, точно так же села к огню. Он испугался. Кирп-нолуп-ния начала зевать, встала, проглотила его.

Настала осень, люди опять собрались в лес. Последний брат старика

сказал:

— Отец, я пойду с ними.

— Зачем ты пойдешь? Два твоих ушедших брата — где они?

Не ходи.

— Пойду.

— Ну, дорогой сын, иди, если ты не слушаешь моих просьб. Люди отправились в путь, и он отправился в лес. Пришел она к избушке. Долго была она коротко, стали она уходить. Он поставил свои нарты к лесу, пошел в лес, пришел к лесной избушке, развел огонь, приготовил пищу, положил шомпол в огонь. Пришла Кирп-нолуп-ния, вошла в избушку, сказала:

— Как тебе нить?

— Моя нить — Промедшая Весна.

Он смотрит: шомпол уже стал как огонь, схватил его, потянул об в середину живота. Она закричала:

— Промедшей Весной я проткнута!

Выскочила, побежала домой. Ее дети говорят:

— Кто это тебе сделал?

— Промедшей Весной я проткнута.

— И только теперь стало больно?

Он пришел домой, играющие дети его замечали:

— Старик, старик, ваш сын пришел.

— Болтоння, что за сын живой до сих пор?

Они живут в благополучии до сегодняшнего дня.

84. В прошлую весну уехавший

Жили муж с женой вдаль от всех в лесной чаще. Однажды муж сказал:

— Я съезжу в осеннюю бабушку¹. Скоро зима, пора готовить и ей.

Сказал — поехал. Запряг собачью упряжку, доех до ехал, коротко ездая, наконец приехал. Пошел в избушку, чуял растопив, котелок почесал. Когда тепло стало в избушке, на чувала кто-то провизнес:

— Как тебя зовут?

Мужик совсем послушался и сказал:

— Мне имя — Прошлой Весной Уехавший.

Мужик чекнул воду, обаял весь чувал. Маденькая педьма закричала на весь лес:

— Прошлой Весной Уехавший спину мне облет, спину облет! Сбежалась педьма к маменькой педьме, стали спрашивать,

почему она только сейчас опомнилась, ведь год уже пришел.

— Где его искать?

В это время мужик запряг собачью упряжку и уехал поскоре прочь от бед.

85. Три брата

В каком-то царстве или княжестве жили три брата. Два брата псалми дьями охотятся за боровой дичью, за болотной дичью, а младший брат псалми дьями сидит у скала, воле и песок ворошит. Знал его Ратпархо-Хишпархо¹. Так они и жили. Однажды старший брат говорит:

— До каких пор мы будем жить одни? Где-нибудь люди подыдут. Я схожу туда, пошу, где мужчины и женщины живут. Оставлю вам стрелу, вы смотрите на нее: когда на ней кровь появится, тогда пишите мне, значит, что-то случилось со мной.

Собрался старший брат, расседовал с братьями и отправился в дорогу. Осталось двое братьев. Однажды посмотрели на стрелу брата, оканчивается, кровь пла из нее, по дню выскочил. Стали собираться в дорогу средний брат, чтобы старшего разыскать. Расседовались братья перед дорогой. Средний брат сказал:

— И стрелу оставлю. Когда из моей стрелы кровь пойдет, значит, что-то со мной случилось. Тогда иди меня искать.

Младший брат Ратпархо-Хишпархо остался один. Долго так жил, коротко так жил, однажды видит, что из стрелы среднего брата кровь когда-то текла, да высохла. Собрался Ратпархо-Хишпархо в дорогу. В лес зашагал, куда глаза глядят, куда уши слышат. Платит он, издыхал, и думает о братьях. Долго шел, коротко шел, наконец почувствовал: спина устала, плечи устали. Вдаль, вдаль среди деревьев речка блестит. Ратпархо-Хишпархо подошел к реке. За речкой он увидел избушку и стал кричать, чтобы его перенесли через реку. Из избы вышла Кири-иколу-ани

и подошла к берегу. На лодке переехала через реку. Лодка воткнулась в берег, и Ратпархо-Хишпархо хотел сесть на середину лодки. Кирп-иколуп-ими сказала:

— Не садись туда. Это святое место. Сядь на нос лодки.

— Отчего оно святое? — спросил Ратпархо-Хишпархо и сел на середину лодки.

Кирп-иколуп-ими пересекла его через речку и спросила:

— Куда ты идешь, дорогой самочек?

— Иду искать своих братьев. Ты здесь никого не видела?

— Нет, анучек, я здесь никого не видела, — ответила Кирп-иколуп-ими. — И здесь одна в своей избушке-деревушке живу.

Они вошли в избушку. Кирп-иколуп-ими стала варить аичче мясо. Ратпархо-Хишпархо лег в постель, отдохнуть, а сам смотрит в дальний угол краешком глаза. (Оказывается, там человеческие кости лежат. Ратпархо-Хишпархо думает: «Видимо, она сожрала моих братьев. Надо посмотреть за ней»). Сварилося аичче мясо, и они стали есть. Кирп-иколуп-ими заныла голодом скала. Ратпархо-Хишпархо краешком глаза наблюдал за ней. Вдруг Кирп-иколуп-ими прицелилась и бросила в Ратпархо-Хишпархо аиччую голову. Но он поймал ее на лету и бросил обратно. Голова аиччи попала в Кирп-иколуп-ими и убила ее.

Тогда Ратпархо-Хишпархо развел костер и бросил туда Кирп-иколуп-ими. Когда она совсем сгорела, он потушил искры, разлестившись вверх и вниз, оставшуюся золу развел и сказал:

— Пусть никогда на белом свете не будет такой гадости.

После этого Ратпархо-Хишпархо погоревала около костей братьев и пошел по берегу куда глаза глядят. Шел, шел, смотрит: на одном дереве гнездо орла. В гнезде птенцы кричат, есть хотят. Ратпархо-Хишпархо наловил у берега мелкой рыбы и накормил птенцов. Птенцы-орлы ему сказали:

— Спрячься сейчас в кусты.

Скоро он увидел, как идяли появились два орла. В лапах они несли мясо для птенцов. Сели орлы в гнездо, подали птенцам пищу, а те отворачиваются. Рассердился орлы:

— Что вы ели, если есть не хотите?

Отвечают птенцы:

— Наш человек накормил свежей рыбой. Мы не хотим есть, очень вкусная рыба была.

— Скажите, где он сейчас? Ему спасибо нужно сказать, он хороший человек.

— Вот там он сидит, спрятавшись, — показали птенцы.

Ратпархо-Хишпархо вышел из укрытия. Орлы сели на землю, поблагодарили его и спросили:

— Откуда ты пришел, парень? Проси, чего хочешь, все сделаем.

Подумал немного Ратпархо-Хишпархо и сказал:

— Ничего мне не надо. Только вот горе у меня: Кирп-иколуп-ими сожрала моих братьев, только кости остались. Если бы им их оживили!

Тогда один орел сказал:
— Это нетрудное дело. Я знаю, живую воду ворона найдет.
Мы слетаем за живой водой, а ты покорми наших птенцов.

Орлы улетели, а Ратпарко-Хишпарко остался кормить их птенцов. Прилетели орлы к гнезду вороны и отобрали у нее птенцов. Ворона заплакала-жаловалась. Орел сказал:

— Слетай и принеси мертвую и живую воду, а не то проглотю твоих птенцов.

Ворона быстро слетала куда-то и принесла мертвую и живую воду. Орел разорвала птенца вороны, брызнула на него мертвой и живой водой. Действительно, птенец ожил. Тогда орлы отдали вороне птенцов и полетели с мертвой и живой водой к Ратпарко-Хишпарко. Обрадовался он и отправился туда, где кости братьев лежали. Сначала он сбрызнул кости мертвой водой, они проснулись. Сбрызнул второй раз, кости встали на ноги. Третий раз сбрызнул их живой водой — братья ожили и глаза открыли.

— Как мы долго спали. Кто нас разбудил?

— Вы бы еще спали, если бы я вас не оживил.

Расцеловались братья и домой отправились. Решили они и дальше так дружно жить. И до сих пор живут счастливо-удачливо.

86. Две сестры и баба-яга

Вот жили две сестры, старшая и младшая, в олявой избе. Младшая сестра красная, старшая не сильно красная. Прибегает младшая сестра к старшей и говорит:

— Сестра, я хочу сегодня идти.

— Куда?

— Куда глаза глядят. Скучно что-то, не по себе.

Идет, идет, вдруг — такая красная несочная дорога. Шла, шла по ней, уже захотела есть. Думает: «Сейчас пообедаю, пойду дальше».

Собирает дрова костер разжечь. Гнилой пень обломала, вдруг спину слышит, кто-то говорит под землей:

— Кто это мое трубу сломал? Иди сюда!

Зашла под землю, там в избе старуха шогмаш-попиким (баба-яга). Она спрашивает:

— Пустышь почевать меня?

— Почуй, только трубу пададь, дров принеси, воды привнеси, пол помой.

Она трубу пададила, воды принесла, пол помыла, стала почевать. Старуха спрашивает:

— Куда ты, денушка, отправляешься?

— Престо пошла куда глаза глядят.

— Найдешь дальнее?

— Пойду дальше.

— Ты мне хорошо сделала, я тебе тоже хорошо сделаю.

Завтра найдешь на дороге, потом две дорожки будут — одна на-

право, другая налево. Иди по левой. Иди, иди, там амбар старый в лесу. Заходи туда, там стоят ящики — золотые и грязные. Ты бери самый последний, плохой, золотой не бери. Обрати пойдешь, там все бедня и ронки кричать будут: «Понажись нам, каная ты есть!» Ты иди своей дорогой, не оглядываясь, с ними не разговаривай.

Вот она идет, идет, видит две дорожки — одна направо, другая налево. Она пошла по левой. Вдруг в лесу амбар стоит. Она зашла, там много ящиков — золотые и железные. Она взяла самый плохой. Идет обратно, ронки ей кричат по-человечески:

— Девушка, взгляни на нас, покажишь, какан ты есть!

Она слова не сказала, идет дальше. Шла, шла, пришла к бабушке, рассказала ей все.

— Молодец, что так сделала. Домой придешь, ящик под подушку положи, никому не говори.

Она пришла домой, к сестре не зашла, уснула. Утром спит крепко, слышит, кто-то ее будит:

— Встань, я есть хочу.

Она думает: «Кто такой?»

Встала, такой красивый парень сидит. Она обрадовалась, что такого красивого парня встретила, стала его целовать, обнимать. Старшая сестра пришла, увидела, что из трубы дым идет, прибежала, спрашивает:

— Где ты такого красивого жениха достала?

Она говорит:

— Иди к бабушке, она тебе все расскажет.

— Отдай мне парня!

— Нет, не отдам!

Начали они драться. Старшая сестра младшую носу поцарапала. Он стал заступаться за младшую:

— Все равно не буду с тобой жить, уходи.

Ушла старшая сестра, потом пришла мириться. Эти двое стали жить. Старшая сестра тоже пошла. Идет, идет, такая красивая песчаная дорога. Дальше идет, уже сеть захотела. Думает: «Сейчас дрон соберу, костер разведу».

Стали гонимой вью, ночью, слышит голос из-под земли:

— Кто это мне трубу сломал? Иди сюда!

Зашла под землю, там старуха и бабушка живут, шогман-нюкку. Она спрашивает:

— Пустишь ночевать меня?

— Почуй, сколько трубу наладь, пол леемой, воды прижеси.

Она трубу наладила, пол помыла, воды прижесла. Стали они ночевать. Утром старуха спрашивает:

— Куда путь держишь, девушка?

— Сестри мне рассказывала, что она парня красивого в амбаре достала, и тоже туда пошла.

— Ты мне хорошо сделала, я тебе тоже хорошо сделаю. По дорожке пойдешь, потом две дорожки будут — одна направо, другая налево. Иди по левой. Иди, иди, там амбар старый, заходи

туда. Там ящики стоят всякие — золотые и плохие. Ты бери плохой, золотой не бери. Обратно пойдешь, тебе белки и рожики кричать будут: «Девушка, оглянься на нас!» Ты их не слушай, иди своей дорогой, не оглядывайся, с нами не разговаривай.

Идет, идет, вдруг две дорожки — одна направо, другая налево. Она пошла по левой. Вдаль видит ямбар старый. Зашла к нему, увидела ящики. А там царь-новорожки жили — это золотники, красавцы, они ящиков поставили. Она не послушала старуху и явила золотой ящик. Идет обратно, рожи ей кричат:

— Девушка, взгляни к нам, покажись, какая ты есть!

Она туда посмотрела, разговаривает, болтает с рожей. Идет дальше, белки кричат ей:

— Девушка, взгляни к нам, покажись, какая ты есть!

Она с белкой тоже разговаривает, болтает. Приходит к старухе:

— Нет в какой ящик взять.

— Ну, какой изшла, такой и бери, сама выбрала.

Перепопала у старухи, пошла домой. Пришла домой, под подушку ящик положила, к сестре не пошла. Думает, что хорошего дарин привнесла. Утром ей так спать хочется, слышит, кто-то ее будит:

— Истайи, я есть хочу.

Она встала, в стг. старый-старый старик, вся голова саргой обмотана. Это Савс-икс был. Он молодой перен, только заколдованный, поэтому старый.

— Не хочу с тобой жить!

— Не будешь меня кормить, я тебе съем!

Осталась с ним жить, что поделалась: жить-то хочется.

87. Дочери Менк-ни

Жила мун с женой, у них не было ни сына, ни дочери. Муж ходил на охоту с лошадей, с утра до вечера. Однажды томо собрался, коршун ему пастручу летит и кричит:

— Тебя в город зовут, там родня твои.

Он думает: «У меня нет родни. Что он кричит? Домой приду, жене расскажу, она знает». Домой приехал, жена кушать поставила. Он поел и забыл спросить. На следующий день собрался на охоту с лошадью. Ехал, ехал, опять коршун кричит и зовет его к родне куда-то. Он думает: «У меня нет родни. Что он кричит? Как я забыл у жены спросить? Сегодня спрошу».

Наблизил, соболей столько, что у лошади сини согнулась. Домой пришел, жена, опять все забыл. На следующее утро опять собрался на охоту, снова коршун зовет в гости.

— Что этот коршун привлазился ко мне? У меня нет родни, и я забываю у жены спросить. Надо что-то придумать.

Взял валочку, к роговце привязал, чтобы она подсаживала. Добыл дачи, рыбы, соболей, лисич всяких. Домой приходит, жена

ставит на стол. Он покушал, опять собирается. Жена постель стала готовить, вязала его шубу, там палочка болтается.

— Зачем ты палочку привезла?

— Это уже третий день хочу спросить, хорошо, что ты уехала. Как уеду на охоту, коршун прелетает и к родне в город звонит.

— Какой ты, муж, дурачок! У меня же отец-мать в городе, к ним каждый день Мелк-ики приходят. Нас туда зывают, что да?

— У нас отец был царь в этом городе. Муж говорит:

— Давай завтра поведем.

Послали на следующий день собрались, поехали. Приехали к городу, приходит к ее отцу. Заходят. Тут царь присягнулся, что это зять и дочь.

— Хорошо, что вы приехали, я вас давно вызывал. Сколько богатырей вызывал — никто не справится с Мелк-ики, он людей съедает. Может, ты, зять, справишься?

— Где мне справиться!

— Может, справишься?

Вечером все уснули, он оделся, меч взял и пошел. А там было две улицы: одна нейтральная, другая поменьше. Они ворота были закрыты. Он ходил, ходил по улице, думает: «К каким воротам встать?» Стал к большим. Слышит шум. Кто-то идет и напевает:

— Тери-ери-рыпер.

Так и идет. Из-под льда выскакивает и к воротам идет. Спрашивает:

— Эй, столбы, вы не видели, здесь богатырь был?

— Он около вас стоит.

Мелк-ики сразу убежал. Тот пошел домой, лег спать. Прошулся — шум стоит. Там купцы, работники стоят. Царь взял налку-кочергу и машет:

— Что вы шумите? Здесь же человек спит!

Он вверх посмотрел:

— Я не сплю, так лежу.

— Как же, ты ночью трудился. Я с утра весь город обшел, ничего не случилось, люди все целы, даже собаки на месте.

Зять говорит:

— Надо норы сделать.

— Это, думаешь, трудно?

Собрали семь лошадей, с народом норы сделали у ворот, где он стоял. К вечеру все ушли. Он собрался, оделся хорошо и пошел. Ходит туда-сюда, думает: «Вчера на большой улице стоял, сегодня на маленькой улице встану». Встал у ворот. Немного погоды слышит, опять идет и поет:

— Тери-ери-рыпер.

Выскакивает из-под льда на борту и стал спрашивать:

— Эй вы, ворота! Вы мне сестры и братья, должны рассказывать, тут один богатырь был, он уехал или нет?

Столбы говорят:
 — Он около вас стоит.
 Тот испугался и ушел. Он думает: «Большо не придет, пойду домой».

Утром проснулся, слышит шум. Царь своей палочкой всех гонимых бьет:
 — Человек спит, что вы кричите?
 — Не тревожьте людей, я не сплю.
 — Ты же трудился, я с утра весь город обошел. Ходил — все живым, даже с собаками ничего не случилось.
 — На маленькой улице тоже надо поры сделать.
 — Разве это трудно? Это можно.

Сделали у ворот на маленькой улице поры, все разошлись. Когда стемнело, взял меч и пошел. Ходит по улице туда-сюда, думает: «Вчера на маленькой улице был, сегодня, наверно, пойду к большим». Встал, слышит, кто-то идет-поет:
 — Тери-ери-рыпер.

Выскочил из-под льда и сразу к столбам:
 — Вы же мои сестры-братья. Скажите, где-то тут богатые, он уехал или здесь еще?
 — Он давно уехал, и его след простыл.

Ему не верится. Там, где обувь валяется, за воротами, стал их искать.
 — Эй вы, батмаки, вы же мне сестры-братья. Должны сказать, где этот богатый.
 — Он же у ворот стоит, тебя ждет.

Тот с этими же словами убежал обратно. Пошел домой, уснул. На следующий день опять царь палочкой всех гонимых бьет:
 — Не мешайте спать человеку.

Слова все так же было, теперь поры батмакам сделали. Собрали семь лошадей, народ помогался. Вечером он собрался, оделся хорошо и меч взял. По улицам ходит, думает: «Вчера и его на большой улице напугал, сегодня здесь встану». Только подошел, встал у столба, слышит, тот бежит, поет:
 — Тери-ери-рыпер.

Из-под льда выскочил, спрашивает:
 — Вы, столбы, вы же мне сестры-братья. Должны сказать, где богатый.
 — Он уже давно уехал, его и след простыл.

Ему не верится. Он подошел к батмакам, стал их пинать:
 — Эй вы, батмаки, вы же мне сестры и братья. Должны сказать, где-то здесь богатый был, он уехал или нет?
 — Так он же за воротами стоит.

Тот убежал. Наутро встал, теперь батмакам у этих ворот поры сделали. На другой вечер стемнело, он собрался, оделся, меч взял. По улице ходит, думает: «Вчера я на маленькой улице испугал, сегодня он к большой подойдет». Притаился, слышит — он идет, говорит:
 — Тери-ери-рыпер.

оков. Он смотрит через дыру в потолок. Меж ними уже надох. У него три дочери, сидят, плачут. Он улыбается: плачьте, ~~плачьте~~.

— А, вот кто нашего отца утробил! Мы тебе паворожим, ты долго не будешь жить.

Старшая сестра говорит:

— Я буду корожить.

За жердь в крыше одной ногой зацепилась, повисла:

— Домой пойдет, на охоту пойдет, за лесным следом погонится, ему нить захочется, а я превращусь в озерко. Он станет ~~идти~~ — а я его съем.

Сказала с жерди. Средняя говорит:

— Разве так корожат? Дай-ка и.

Ногой за жердь зацепилась, повисла, говорит:

— Он домой придет, охотиться пойдет по лесному следу, замерзнет, дров навалит и будет бересту искать, а я в пень березовый превращусь. Он пень дернет — я его съем.

Младшая говорит:

— Иначе так корожат? Вот я поворочу. Он домой придет, на охоту пойдет, лесной след увидит, погонится...

Что-то про себя прошептала, а он не услышал. Ему надоело слушать, пошел домой, говорит:

— Теперь не бойтесь, людоеда я прикончил.

Собирается ехать. Царь говорит:

— Не уходишь, погости.

Погостили, собрались ехать. Где почуют, где три дня поживут — куда им торопиться. Приехали домой, стал он охотиться. Однажды ходил, ходил, лесной след увидел, пошел по следу.

Степенно. Он думает: «Завтра еще пойду, далеко он не уйдет».

Пришел домой, жене рассказала, что он лесной след видел.

— Завтра я за ним пойду.

Поехал, поехал, стал лося гнать. Нить ему захотелось, стал смотреть, рядом озеринко. Топором лед вырубил, смотрит — кровь. Он узнал, что это она паворожала, топором все перерубил, пошел дальше. Лося все нет, он замерз. Дров пригвоздил, стал бересту искать, смотрит — пень березовый. Топором немного ударил — кровь. Он узнал, что это средняя сестра паворожала, пень вырубил весь.

— Выходи не будет ворожить.

Шел, шел, смотрит: соломенный сарайчик, и дым из него идет. Думает: «Кто-нибудь есть. Надо погреться».

Зашел. Там дедушка чувал топил, говорит:

— Гостю зазора, погрейся.

Она топил, топил. Ему стало жарко, он отодвинулся назад, у него в ушах зазвенело, белый снег далеко стал, как звездочки светит. Лежит, думает: «Вот что она паворожала. Как бы мне выжить, а ей дай тигда!»

Лежит день и ночь в яме, не выйти. Подлегела сорока, говорит:

— Давай за хвост держись. Когда буду вытаскивать, ты ничего плохого не думай, не сердись.

— Что я буду сердиться? Ты меня вытащишь.

Он взялся за хвост, она его тянет. Немного осталось, он думает: «Вот выйду, дам той, что наворождала».

Хвост у сороки оборвался. Сорока говорит:

— Я тебе что говорила: «Но думай, не сердись!»

— Сходи к моей жене, у нее есть смерток с усами, привеси.

Она прилетела, говорит:

— Твой муж в могиле лежит. Там есть моточек, надо его с собой взять.

Жена собралась, к яме пришла. Один ус спускает:

— Придерживайся, я буду тебя вытаскивать. Ты ни о чем не думай, не сердись.

— Что я буду сердиться, если меня вытаскивают?

Он привязался, жена стала его вытаскивать. Немного осталось, он думает: «Как бы мне выбраться! Я бы дал этой ведьме!»

Ниточка оборвалась, он издал свисток. Жена говорит:

— Еще два осталось. Если эти оборвутся, я ничего для тебя не сделаю.

Опускала ниточку, он привязался. Жена его стала вытаскивать, он подумал: «Как бы мне вылезти! Я бы дал этой, что наворождала!»

Нитка оборвалась. Жена опускает последнюю ниточку. Он привязался. Чуть-чуть его не вытащили, он думает: «Я бы дал этой ведьме!»

Ниточка оборвалась, но жена его подхватила. Он легкий стал, как скелет. Утащила его, стада улаживать за ним. Стад он как раньше. Пошел он однажды смотреть лесной след. По следу пошел, смотрит: какой-то сарай, дым идет. Там другая девушка. Она стала прятаться. Он подбежал, угробил ее.

— Вот, будешь еще ворожить!

Домой ушла, до сих пор живет, на охоту ходит. И сейчас, наверно, живнет.

88. Подобно Основоному Листу Верткий Муж

Старик со старухой проводят див, проводят ночи. У них нет ни дочери, ни сына. Они состарились. Старик сказал:

— Жена! Я отправлюсь к моему многочисленным амбарам на боровой стороне, к моему многочисленным сибарам на урманной стороне и обложу их огнем. Пусть дым поднимется к Небесному Отцу и Небесной Матери: он не дал мне ни дочери, ни сына.

Он отправился и обложил их огнем. Дым достиг Небесного Отца. Небесным Отцом был послан вена его сын:

— Посмотри, как будто там что-то случилось из-за злобы и гнева?

Он спустился вниз: в самом деле, муж из деревни в один дом облагает огнем свои многочисленные амбары на боровой стороне, свои многочисленные амбары на урманной стороне.

— Старик, зачем ты обкладываешь огнем?

— Небесный Отец и Небесная Мать не наградили меня ни сыном, ни дочерью, поэтому я обкладываю амбары огнем, чтобы они не остались после меня.

Тогда тот дал ему три зернышка величной с косточку черемуховой ягоды:

— Иди домой и дай их съесть своей жене.

Старик пошел домой и дал их съесть своей жене. Долго ли жили, коротко ли жили, его жена забеременела. Однажды утром угол ее чрева приготовился рожать сына, рожать дочь. Когда она разрешилась от бремени, то у ее сына сквозь кость видна кость и сквозь мозг костей виден мозг¹. Этот мальчик пачал расти — в день на пядь, в ночь на ладонь. Он начал гулять по улице. Стал соображать, что здесь некогда должен был находиться большой город без конца и края. Посреди города лежит выросшее при сотворении мира лиственничное дерево, еловое дерево. Поднял он его вместе с корнем и комлем, положил на плечо, отнес прочь и бросил в сторону. После этого они стали жить. Однажды он сказал отцу и матери:

— Я отправлюсь в путь. До каких пор я буду сидеть в углу дома?

Его отец сказал:

— Ступай, да не ходи далеко.

Он оделся, вышел на улицу и устремился в один из краев земли. Шел, шел и пришел к стоявшему на пути дому и амбару. Он вошел в сени, медведь и волк стали рычать и ворчать. В доме раздался голос старухи:

— Если вам люб муж, то схватите его за край рукавов и за копец пол, введите его в дом. Если вам нелюб муж, то оторвите у него бедра там, где прикреплены бедра, оторвите у него лопатки там, где прикреплены лопатки.

Они схватили его за края рукавов и концы пол, ввели в дом. Старуха его обняла и поцеловала:

— Сказочный муж из однодомного селения, внучек мой, куда ты сварядился?

— Я так здесь брожу, без дела.

Старуха его накормила, напоила и села около него:

— Внучек, куда ты собрался?

— Бабушка, дай мне имя!

— Послушай, внучек, какое же я дам тебе имя?

Старуха сидела, сидела:

— Пусть твое имя будет Подобно Осинному Листу Верткий Муж, Подобно Осинному Листу Неспokoйный Муж.

— Ай, ай, старушка, ты умеешь давать имена!

Он попрощался и направился домой. Пришел домой, отец его спрашивает:

— Куда ты ходил, сынонок?

— Я ходил к своей старой бабушке.

Старик подумал: «И я был богатырем, был мужем, по до того места доходил и в поле, он же в полдня туда сбегал». Он спросил у своего отца:

— Есть ли у тебя давно выжатенная дощадка или нет?

— Как мне иметь? За семью каменными степами, там находится мой конь золотой масти. Ступай следи туда и выведи его.

Он отправился к месту, где находились лошади. Когда он клал на лошадей свою руку, они не выдерживают его руки, когда он заносит на лошадей свою ногу, они не выдерживают его ноги. Он вернулся назад, пошел во двор — лошади бродят. На какую лошадей он кладет руку, ни заносит ногу — ни одна не выдерживает. Один жеребенок весь в коросте около него трется.

— Ах ты безродный жеребенок! Как подойдешь сюда, я схвачу тебя и до смерти брошу на землю.

Он схватил жеребенка, жеребенок не тронулся с места, на котором стоял. Он клал на него свою руку, жеребенок не обращал на это внимания, он закидывал на него свою ногу, жеребенок стоял так же, как и раньше было. Он подумал: «Вот не предназначил мне хорошей лошади, предназначенный мне конь — вот

сгодись».

Он пошел домой и спросил у своего отца узду, кнут и седло. Отец принес ему золотую узду, золотой кнут и золотое седло. Он пошел во двор, поймал этого жеребенка, наложил на него узду, он сделался двухлетним. Вывел его из изгороди — он стал трехлетним. Наложил на него седло — он стал четырехлетним, натянул переднюю подпругу — он стал пятилетним, натянул заднюю подпругу — стал шестилетним. Сказал своему отцу и своей матери.

— Пойду посмотреть красивых жеп и красивых мужей и себя показать.

Его отпустили. Он сел на коня, конь сделался семилетним. Поднял его конь и унес в один из краев земли. В то время как он подбирал рукава и полы одежды, его деревня виднелась, подобно зубчику гребня. Показался большой город без конца, большой город без края. Он подъехал к дому старухи и старика, последних птиц города, и вошел в дом. Старуха и старик его обняли и поцеловали. Старуха и старик выжидали, старик выжидал из-за печки тельника и заколол его около его козленка. Кровь брызнула на него. Когда это дело было сделано, он сел, ничего к нему не пристало. С тельника содрал шкуру, мясо сварили, накорнили и явили его. Он спрашивает:

— В этом городе живет ли князь или царь?

Они говорят:

— Царь живет.

— Есть ли у него дочь или нет?

Старик сказал:

— У него трое дочерей.

Он попрощался с ними и вернулся домой. Сказал своему отцу:
— Я ездил в большой город без конца, в большой город без края. В этом городе живет царь. У него три дочери. Пойди по-
свят царских дочерей для меня!

Старик смирнулся, бросил в сани серебро и золото, прива-
ля ногой кучу собольих шкур и другой пушнины и отпра-
вился. Пришел к царю сватать дочерей. Но приказанию царя его
блин, толкали и отпустили домой. Старик, плача в нощ, пришел
домой. Сын сказал:

— Почему ты плачешь?

— Меня блин, толкали и отослали домой.

Стад светать следующий день, опять сын его поспалот:

— Ступай опять сватать к тому же царю!

Опять его блин, толкали и иргнали домой. Рассветал тре-
тий день. Сын сказал:

— Ну, ступай искать невесту в каком-нибудь другом месте.

Старик отправился в тот же город и послал младшую дочь
священника. Ее отдал ему без калыма. Старик пришел домой,
распевая и рассказывая сказки. Отец с сыном смирнулись ехать
свадебным поездом. Они надели дорожную обувь, дорожные одежды,
приварились и вышли на улицу. Сына его езда было пладо
из собольих и бобровых одежий. Они тронулись и прибыли в
тот город.

Там был устроен пир для девушек, пир для юношей, и, ско-
ро в месяце ни имеется неделя, они ели, и в течение долгих не-
дель они пили. Когда окончился девичий пир, когда окончился
отроческий пир, они пожелали ехать домой.

Они опять созывают многочисленных мужей всего города,
многочисленных мужей всего селения, чтобы пить на девичьем
пире, чтобы пить на отроческом пире. Они пришли домой,
устроили девичий пир, отроческий пир, и в течение многих не-
дель месяца, в течение долгих недель они пили. Когда прошел
девичий пир, когда прошел отроческий пир, они стали жить.

Муж, влюбивший жену, стал исцелять ее: когда наступают
время полудня, она не отрывал глаз от окошка. Однажды он
спал на свою жену за ноги, втащил ее и положил жене свою
голову на колени. Тут жена его оттолкнула, и он, ушиб и ударив-
шись о край двери, пролил из носа кровь. Его жена сказала:

— Я не искала в голове у мужа на том конце света, пре-
звещаемого Купец, Странник?, стану я искать в твоей нечистой
голове!

Муж побоялся к отцу и матери и сказал своим родителям:

— Когда я положил жене на колени голову, чтобы она по-
искала, она меня оттолкнула, и, когда я упал и ударился о край
двери, у меня из носа потекла кровь. Она сказала: «Я не искала
в голове у мужа на том краю земли, именуемого Купец, Стран-
ник, буду я искать в твоей грязной голове!»

Он простился с отцом и матерью; вышел на улицу, вскочил
на коня и ускакал. Его отец и мать остались, плача в нощ. Конь

его поднял и воздух и понес. В то время как он подбирал рукава и полы, он космолтрел назад: город, в котором он жил, показался ему с зубчик гребня. Он ехал, ехал и прнхал к столбшму на его пути дому и амбару. Сошес с коня и прннла его и столбу, прнзнанченному для лошадей. На месте, где как будто рывло стола лошадь с ее четьрьма прнорднчнмн и задннмн носамн, лонят четьре глнбы серебра. Он также смахнул с коня ннел и сднннул его в сторону. И на месте, где стола его конь, лнкат четьре глнбы серебра. Он подумла: «Этот муж не снльнее меня и не слабее меня». Вошел в дом, старуха его обнлаа и поцеловала:

— Подобно Оснновому Лнсту Вертнй Муж, Подобно Оснновому Лнсту Неспокойный Муж, ннучен мой, куда ты спнрднлся?

— И как здесь брону, бел дла.

Она его накормила и напола. Старуха отодвннула стол в сторону, накрыла его плотно белым полотенцем и села у его нодон:

— Куда ты, ннучен, направила?

— Отец мне нла в жены младшую дочь священннка; когда я положла моей жене голову на колени, чтобы она понскала, она меня оттолкнула, и я, упав, пролла алую кровь и темную кровь. Она сказала: «Я не нсала в голову у мужа там, на том краю сета, называемого Кунца, Странннка. Булу я нсать в твоей грязной голове!» И отправаюсь нсать Кунца, Странннка.

Старуха сказала:

— Отправляннхнся в город Кунца, Странннка много, но нст вернухнхся назад. Вернхся назад!

— Нет, в осмолтру все отворстна воды и земли, с моей гололой с носамн я не вернусь.

— Послушай,— сказала старуха,— я тебе кое-что дам, оно тебе будет прнятно и полезло.

Старуха ныла из комнаты и пронала. Хоть он ндал, ндал, старуха вет и нот. От ожданнл он потерял терпение. Он толкнула днерь парнуку, старуха схнтнла днерь снаружн:

— Ннучен, куда ты тороннхся? У нас, жевщнн, сто узлов, тысяча узлов: однл узла лннннннн, другой узел разнннннн.

Она дала ему снаву с нншьюдснantly серебрнннымн кольцамн: — Но дадут лн тебе чего-нбудь твои жнвушче там старую тетнн!

Она прнстнлась, и он собрался в путь, конь понес его. Опнть она досхала до столбшго на его пути амбара и дома. Подвел он коня к столбу, прнзнанченному для коней: как будто бы отсюда только утала муж. В четьрех слодах коня остальхся четьре глнбы серебра. И он прннзла своего коня, схоннул с него ннел и отодвннул его в сторону. На месте, где стола его конь, остальхся четьре серебрнльные глнбы. Он вошел в дом. Старуха его обнлаа и поцеловала:

— Подобно Оснновому Лнсту Вертнй Муж, Подобно Оснновому Лнсту Неспокойный Муж, ннучен, куда ты направила?

— И здесь так, без цели брожу.

Старуха его поворнула, напояла, оставила стол в сторону, покрыва его белым полотенцем и села около его колен:

— Внучек, куда ты свирадился?

— Мой отец взял мне и жены младшую дочь сплеченника. Когда я поволок своей жене голову на колени, чтобы она по-искала, она оттолкнула меня, и, упав и ударившись о край двери, я пролил из носа алую кровь, пролил темную кровь. Она сказала: «У живущего там, на краю света, мужа, пшеничного Кунош, Странника, я не искала и голову. Ты мне что за человек, чтобы я искала в твоей голове!» Я отирались размыскивать мужа Кунош, Странника.

Старуха сказала:

— Оттирались куда много, но ист вернувшихся назад.

Поротись назад!

— И осматриваю все отверстия воды и земли, с моей головой с ногами и не вернусь.

Старуха сказала:

— Вот я тебе что-то дам.

Она вышла из дома и привала. Он ждал, ждал и сказал:

— Эта обманщица старуха удвала от меня.

Он встал, толкнул дверь на улицу, старуха прижала дверь снаружи:

— Внучек, куда ты торонишься? У нас, женщины, его узлом, тысяча узлов: если один узел завяжешь, то другой развяжешь.

Она ему вручила клубок ниток:

— Должно тебе пригодится.

Они простались. Он вышел на улицу и сел на коня, который поидла его и поволок. Он ехал, ехал и доехал до стоянища на его пути дома и амбара. Селся с лошади, поволок коня к стойбу для лошадей. Он смотрит, как будто только что уехал муж; на месте, где стоял его конь, остались четыре серебряные глыбы. И он привалил вместе коня, сдвинул его в него швей и отодвинула в сторону, на место, где стоял его конь, остались четыре глыбы серебра.

Он подумал: «Этот муж не сильнее и не слабее меня. Если бы мы селились здесь на равнине между лесом и берега, то мы побегали бы здесь на своих лошадях понах. Вошел в дом, старуха его обвила, полаяла:

— Именитый там, по том краю земли. Подобно Осинному

Листу Беркый Муж, Подобно Осинному Листу Песняковный Муж; внучек мой, куда ты направился?

— И так здесь брожу, без цели

Она его инкорнула, напояла и села водотную к его коленным:

— Куда ты свирадился?

— Отец мой взял мне и жены младшую дочь сплеченника.

Когда я поволок своей жене голову на колени, чтобы она по-искала, она меня оттолкнула, и я, упав и ударившись о край двери, пролил алую кровь, пролил черную кровь. Она сказала: «Я не искала в голове живущего там, на том краю света, мужа,

Он достиг города Куница, Страниника и подъехал к дому Куница, Страниника. Мать Куница, Страниника обняла его и поцеловала. Накормила его, наполнила медом и брагой. Они стали жить. Однажды перевернутая чашка опрокинулась сама собой. Он спросил:

— Послушай, старушка, что хотела сказать эта твоя чашка?
— Мой сын вернулся с пути.

Немного погодя стоящая чашка опрокинулась.

— Что хотела сказать эта твоя чашка?

— Мой сын дошел до половины пути.

Опять немного погодя опрокинутая чашка приняла старое положение.

— Что хотела сказать эта чашка?

— Мой сын пришел. Куда я тебя спрячу?

Схватив его за волосы, она бросила его на пол; он превратился в иглу без ушка, и она его сунула в щель бревна. Сын ее вошел в дом:

— Матушка, кто к тебе приходил? Подбавь его немедля сюда, и не проливай и капельки его крови, сколько ее помещается на дощичке ложки⁴.

Мать его сказала:

— Ни раньше ко мне никто не приходил, ни после никто не будет приходить, откуда же теперь кто придет ко мне?

— Матушка, если он старше меня, я его сделаю своим отцом, если он моложе меня, я сделаю его своим сыном, если он одного возраста со мной, я сделаю его своим братом.

Мать вытащила иглу из щели бревна и бросила ее на пол. Какого роста он был, таким и предстал перед ним. Они обнялись и поцеловались. Стали угощаться брагой, стали угощаться медом. Принесший брат сказал:

— Мой отец взял мне в жены младшую дочь священника; когда я положил своей жене голову на колени, чтобы она носила, она меня оттолкнула, и я пролил алую кровь, черную кровь. Она сказала: «Я не искала в голове у мужа там, на том краю земли, именуемого Кунец, Страниник. Ты мне что за человек, чтобы я искала в твоей голове!»

Его брат, Кунец, Страниник, сказал:

— В клетви сеней, где я обычно сплю, ложись и надень мою одежду. И дам тебе три серебряных прута, бей ее ими, пока она не встанет.

Он надел одежду брата, пошел туда и лег. Вот слышит шум приближающейся сороки. Она влетела через окошко, сдернула шкуру сороки в какого роста была, такого роста предстала перед ним. Он сморгнул на нее укоризной: действительно, его жена. Она вошла к нему, и он плотно закутался в одежду. Что только она не делает, он по обращает на нее внимания. Вот женщина надела такую речь:

— В то время «я» я, обладающая сплю в славных суставах рук, стала жить с тобою, и сделалась женою мужа, способного

схватить птину за ее хвостовые перья, четвероногого бегущего зверя за хвост. Нашел ли на этого моего портокапитый бес — я не знаю, нашел ли на него догоняющий бес — я не знаю.

И этот момент он вспоминал, хватаясь все же досы и став бить гребенными прутьями. Когда три металлических прута были пломаны, у нее была сломана одна нога, у нее была сломана одна рука и выбит один глаз. После этого он ее отпустил. Она влезла в сорочью шкуру и отправилась, покачиваясь по все стороны. Он же пошел к своему брату. Они сели, дали брату и мед.

Жили, жили, брат его решил отправиться в путь. Он сказал своему брату:

— Ты оставайся, а я пойду искать с семподоном менком. Если соскучишься, то ступай в мой каменный амбар в семь комнат. Шесть комнат открытой, а седьмую комнату не ходи: это мой священный, несрушимый запрет.

Его брат ушел, а он отправился в каменный амбар с семью отделенными. Вошел в первую комнату, видит: все здесь переполнено лягушками и ящерицами. Подождав этого добра он выгреб прочь. Вошел во второе отделение: здесь все переполнено лягушками и ящерицами. Вошел в третью комнату: все полно тем же самым. Он опять выгреб половину. Вошел в четвертую комнату — то же, пошел в пятое отделение — то же. Вошел в шестую комнату — там ничего нет, только доб его светится. Он стоит, соображая, как войти в седьмую комнату или не входить. Думал, думал: «Однако пойду посмотрю, что там такое есть».

Отворил замок, чуть-чуть приоткрыл дверь и заглянул в щелочку. Видит, что ему нельзя подить пз-за света глаза. Тут он сильно отворил дверь, и тогда золотой свет вырвался оттуда, он отскочил назад. Девочка его схватила и стала втаскивать в комнату, он же тащил ее наружу. Когда девочка брала верх, она его втаскивала внутрь комнаты; когда муж становился сильнее, он дотаскивал девочку до заднего конца комнаты. Он поразмыслил: «Нельзя же так втаскивать, что ради и руки, прочь?» После этого они, сойдясь вместе и как бы не зная, что делают, стали обниматься и целоваться.

Он стал ходить туда и своей жене каждый день. Однажды об этом узнала его теща. Его жена забеременела, и теща сильно на него разгневалась. Вечером пришел ее сын. Оба брата ели и пили. Мать стала выговаривать своему сыну. Он ответил:

— Матушка, зачем ты гневаешься?

Его мать сказала:

— Твоя сестра, которая воспитывалась в комнате за семью каменными стенами, забеременела; хорошего брата ты себе нашел!

— Матушка, — сказал ее сын, — зачем ты сердилась пз-за пустого дела? Неужели муж, пришедший из столь отдаленной земли, что туда не добраться даже зверю, пришел с истощенной силой рук и истощенной силой ног, чтобы совершать мне прекрасное дело? Когда придет рассвет завтрашнего дня, пусть они оба упадут и твоим ногам и я верно твоего колдую.

После этого его мать замолкла. Когда начало светать, Подобно Основному Листу Верткий Муж, Подобно Основному Листу Неспоймай Муж с женой оделась, принарядилась и, взявшись за руки, пошли в дом тещи, унази к ее ногам и к краю ее одежды. Был устроен девичий мир, был устроен отроческий мир. Сколько минется в месяце продолжительных месяцев — они ели и пили. Когда пришел мир для девиц и мир для молодых людей, они стали жить. Жена его родила сына. Он стал ходить каждый день в дом своего шурина. Однажды он сказал своей жене:

— Сегодня я отправляюсь воевать с семитоловыми мясником, скажи моему брату, чтобы он не выходил из дома, пока я не вернусь.

Вот он ушел. Пришел туда, смотрит: пароду у осмитоолового мясника так много, как деревьев на нагорном берегу, покрытом темным лесом. Он плотно завесил глаза шелковым платком и начал махать мечом. Народ валится, подобно сотне коней весеннего сена, подобно сотне коней осеннего сена. Хотя он и рубит, хоть он и толкает, народ все не убывает. Обишел он народ сзади, видит: сидит муж и удирчет камень сталью; как только падает исра, тут же вырастает муж с топором и мечом. Он туза ножевал, отобдал у этого мужа огниво и самого мужа разрубил посередине на две части и вновь стал махать мечом. Так он ножевал, ножевал, однажды его меч задел за что-то. Долго ли сражался, коротко ли сражался, уничтожил он этот народ и пошел домой. Пришел домой и спрашивает свою жену:

— Дома ли мой брат?

Жена его сказала:

— Твой брат пошел к тебе на третий день после того, как ты ушел.

Он сердится на свою жену:

— Зачем вы его пустили? Поэтому-то мой меч за что-то и задел!

После этого они с женой оделась в отправлялись. Пришли к этому убитому народу и стали осматривать убитых. Как ни искали, его нет. Однажды они его нашли, тело его расчленено пополам. Притащили его домой, сделали серебряный гроб и, вырезав в нарах, на которых они спали, кусок доски, поставили вниз гроб.

Однажды от тещи пришла весть: «Тебя зовет твоя теща, приходи скорее». Его жена сказала:

— Тебя зовут, чтобы убить. Полез бы ты на небо, но нет лестницы, спустился бы ты в недра земли, но нет отверстия.

Он простился с женой и ушел. Как только пошел в дом тещи, когда шагнул из двери в комнату, упал через дыру в нижний мир. Долго там лежал, коротко лежал, когда пробудился, видит: он лежит в темном месте. Все залито водой. Он встал и видит: место, на котором он лежал, от слез залито водой. Он встает и поет. Вот он отправился к краю земли. Шел, шел и пришел к столбцу на его пути дому и амбару. Когда вошел в дом, видит:

сводит муж ростом и пять бревен. Старуха и старик с ним позовались, поцеловались и сказали:

— Идущий там, на той краю земли, Подобно Основному Листу Верткий Муж, Подобно Основному Листу Неспокойный Муж, какой несней, какой сказкой тебе завлекли в эту священную страну, куда не добежать доброму духу, в эту чудесную страну, куда не по силам добраться и меньку?

— Я здесь брожу без дела.

Потом он сказал:

— Старуха и старик, не надо ли вам сына? Я вам буду сыном.

Старуха сказала:

— Мы такого человека ищем.

Он стал там жить. Старик сказал ему:

— Веди своих лошадей в коров в поле, но не ведя их в сторону владений меньки.

Он повел своих лошадей в коров в поле, посмотрел и увидел, что в его владениях не найдено в стеблях былинки, который мог бы встать между корнями зубов, на стороне же меньки не пробраться через траву из-за ее густоты. Он пустил своих лошадей во двор меньки.

Однажды идет к нему одноголовый менька:

— Ах вы обманщики, старуха и старик! Ваши глаза были у вас выбиты, у нашей матери в серебряном блюде они лежат. Опять вы сюда привели лошадей. В этот раз я не пролью и капельки вашей крови, которая одна орошает донышко лопки.

Он подошел, приблизился, тот встал:

— Что ты говоришь, менька? Будем ли мы мечами рубиться или толкаться?

Менька сказал:

— Будем рубиться.

Он ударил меньку мечом по шее, снес ему голову, а туловище утонуло в сторону и брело. После этого опять спрятался. Немного погодя приходит двуголовый менька. Он приблизился, и они схватились. Ударил меньку мечом по шее — двух голов нет, снес их прочь и брело в сторону. Немного погодя трехголовый менька приблизился. Он сказал:

— Будем мечами рубиться или толкаться?

Менька сказал:

— Будем рубиться.

Он ударил его по шее, снес три головы. Немного погодя приходит менька с четырьмя головами, подошел к нему. Он сказал:

— Будем мечами рубиться или толкаться?

Менька сказал:

— Будем рубиться!

Он ударил по четырем головам меньки, снес все четыре головы. Немного погодя пришел пятиголовый менька. Он сказал:

— Будем мечами рубиться или толкаться?

Менька сказал:

— Будем рубиться.

Когда он его ударил, пять голов были сразу съезены. Немного погодя приходит шестиголовый менка, приближаясь к нему. Богатырь сказал:

— Будем мечами рубиться или толкаться?

Менка сказал:

— Будем рубиться.

Он, ударив его мечом, сразу снес шесть голов. Немного погодя приближается семиголовый менка:

— Ах вы безродные, старуха и старик! На этот раз я у вас не пролью и капельки крови, которая едва может покрыть донышко ложки. У нас уже были вынуты глаза, они находятся у нас в доме, у нашей матери в серебряном блюде. Вы все-таки привели сюда своих копей?

Он приблизился, менка сказал:

— Будем мечами рубиться или толкаться?

Он сказал:

— Будем рубиться.

Начали они рубиться. Он с менком возился, возился, отрубил шесть голов, осталась одна голова. Вот они схватились руками, боролись, боролись. Место, на котором они сражались, сдвинулось тонким. Вот он стал вталкивать старого менка в землю. Толкая его, толкая и засунул по шее. Хотя он его и рубит, ничего ему не делается. Старый менка сказал:

— До каких пор ты будешь меня мучить? В моем кармане есть белое полотенце, вынь его, оберни вокруг моей шеи и потом ударь мечом.

Он вынул из его кармана белое полотенце, обернул вокруг шеи и ударил мечом — голова отпала прочь. Появил он своих лошадей домой. Старик сказал:

— Что ты долго ходишь?

— Я так здесь брожу.

— Послушай-ка, не водишь ли ты копей к изгороди старого менка?

Он сказал:

— Все менки убиты мною. Послушай, старик, если я сделаю нас зрячим, можешь ли ты отвести меня к мужским подам верхнего наземного мира?

Старик сказал:

— Если ты сделаешь такое дело, то как же я тебя не доставлю?

Когда настал рассвет, он поел, попил и отправился. Пришел к дому старого менка, видит: сидит старуха-менка.

— Муж русской земли! Ты свою плоть и свою кровь сам припеко мне. Я не пролью и капельки твоей крови, которая едва может покрыть донышко ложки.

После этого они уговорились выходить во время борьбы три раза на улицу. Они схватились, боролись, боролись. Старуха сказала:

— Дай мне выйти!

Он ее пустил. Старуха выпала на улицу, выпила сильной воды и вошла в дом. Опять они схватились. Теперь она отпустила мужа на улицу. В сенях стоит две бочки с водой: он сузуд налил в одну бочку — тот слеза, сузуд в другую бочку — сделался здоровым. Из этой бочки он выпил, сколько мог. Вошел в дом, и они схватились. Старуха стала уступать. Старуха сказала:

— Пусти меня наружу!

Выпила, выпила сильной воды и вошла в дом. Они схватились, и он стал поддаться. Он сказал:

— Дай мне выйти!

Он выпил сильной воды и на место, где находился ковш от сильной воды, опустил другой ковш. Они схватились, и он бросил старуху в эту сторону, бросил в ту сторону. Старуха сказала:

— Выпусти меня!

Старуха вышла и выпила воды, сколько могла. Хотя она и стала махать крыльями, но лишь слабела от этого. Старуха обратилась в бегство. Хотя он издали, издали — старухи нет и нет. Он подумал: «Эта старуха в самом деле от меня убежала». Вышел в сенях, старухи нет и нет. Стад ее преследовать. Гнался, гнался за ней, и, когда почти ее достиг, она раньше его вошла в дом. Он вошел в сенях, там стоит две бочки: он сузуд налил в одну бочку — тот слеза, он его сузуд в другую бочку — опять стал здоровым. Вышел в дом: перед ним висит колод, украшенный колокольчиками и бубенчиками. За этим колодом сидит девица. Он схватился со старухой, они боролись, боролись, и он одолев старуху. Хотя он ее рубит мечом и топишет, ей ничего не делается. Когда он изогнулся на девицу, девица толкает рукой свой подбородок. Ударил он старуху подбородком в подбородок снизу, старуха вытонулась, как она была. Девица сказала:

— Подымчик ли ты меня замучил?

Он сказал:

— Подымку.

Она сказала:

— Словом своим мою мать. Когда со стола свисает на огонь, на него выносятся много липерн и змей. Если какая-нибудь из них нечаянно упадет, старуха предстанет перед нами такого роста, как она была. Сделаем метам и будем их беспрерывно сжигать в огнях.

Вот они развели костер на сундуках и бревнах, подожгли на него эту старуху. Ее живот догнул, вышло много жидкого и жирного и змей. Начали они их сметать в огонь. Работали, работали, наконец кончили. Муж сказал:

— Чтобы улететь, не жди ли ты раньше с мужичком, прыгнем три раза через огонь. Если ты жила с мужичком, то не допрыгнешь.

Вот муж прыгнул через огонь, и женщина прыгнула. Во второй раз он опять прыгнул, и женщина прыгнула. В третий раз он туда прыгнул и обернулся. Когда женщина прыгнула, он ее толкнул назад, и она упала наземь. Ее живот догнул

Жар птица прыгнула его акры, лажнула на них, и они стали адорнее прежнего. Он напсил на груди жар-птицы: «Я был до- ставлен хорошо и благополучно». Жар-птица отпиривалась в путь, а он зашкал к своему дому. Ношел в дом, видит: его жена ле- жит между двумя мужьями. Сылати свой меч, он поднял его, чтобы удирить их. В это время жена иристалла и сказала:

— Что с тобой сделалось? Эти мужья — твои сыновья.

Сыновья жена сказала:

— Истанайте, наш отец пришел.

Сыновья встали и упали к ногам своего отца. После этого они обнялись, поцеловались, послаи, попиали. Стало светать. Он вынул брата жены из серебряного гроба, брызнул на него живой водой и ударил жплым прутом. Тот притягивает к себе свои ру- ки, притягивает к себе свои ноги, посмотрит в одну сторону и в другую сторону, но не видит. Он схватил младшего сына, разру- бил его на две половины и его кровью обрызгал брата жены. Тогда он поднял свою голову, покрытую соринками и быдниками:

— Меня усыпил муж сестры Подобно Основному Листу Вер- тивий Муж, Подобно Основному Листу Неспойный Муж. Чей сын разбудил меня в акаме, выломанный гильям деревом?

Муж сестры сказал:

— Много ты был усмилел, и мною же ты воскрешил.

Он сириснул младшего сына живой водой и ударил жплым прутом. Тот поднял вверх голову, покрытую соринками и быдни- ками. Они обнялись и поцеловались, они и посла брата и мед. Опять повел брат жены их в свой дом. Тогда нашла своего сына. Они обнялись и поцеловались. Обоих она поит и корит брагой и медом. Когда кончили, муж сестры отправился домой.

Однжиды пришла песть: «Брат жены зовет тебя на игровую площадку». Отец с двумя сыновьями оделся, припардился и отправился. Пришли туда, видит: устроена игровая площадка из меда. Они стояли на одну сторону, те стояли на другую сто- рону. На них брат жены наступил ногой именован талью⁴. Млад- ший сын, выскока вперед, поймал ее носком ноги, положил на пятку и взмачнул ногой. Она унеслась через землю, населенную богатырями. Они вернулись домой. Отец сказал:

— Брат моей жены соорудил площадку для игр, и я устрою площадку для игр.

Утром следующего дня он вышел на улицу, вынул свое огни- во и начал высекать огни: как только падала какая-нибудь иск- ра, тут же вырастаа из земли воли с топором и мечом. Высекла, высекла и высекла столько огней, сколько бывает личинок и му- рашек. Он приказал сделать серебряную площадку для игр и дал песть брату жены: тебе зовет твой шурин на площадку для игр. Брат жены отправился к нему с многооплещеными мужиками всего города, всего селения. Прибыл он и видит, что у его шурина столь- ко паров, сколько бывает личинок и муравьев. Они встали на другую сторону. Муж сестры, положив на пятку камень, сделал ногой взмах; народ брата его жены, находившийся на пути, по

которому делал камень, лежал на земле: если камонь касался руки кого-нибудь, то ломал ему руку, если камень касался ноги кого-нибудь, то ломал ему ногу, если задевала туловище, то разрывала его на две части.

После этого отец с сыновьями повернулся назад, зашагали и ушли, а этот народ, когда он сузил огниво в карман, ушел вниз и вверх. Он вошел в дом и сказал своей жене:

— Ступай к своему брату и спроси его: если он позволит, то я уведу тебя с собой, если не позволит — не поведу. И у меня есть собственная земля, и у меня есть собственная вода, ведь я не давал за тебя выкупа, не давал за тебя товара.

Его жена ушла; когда она смотрела на синего брата, то унывалась, когда поворачивалась к нему спинкой, то плакала. Ее брат сказал:

— Сестра, ты здесь топчешься, что тебе надо?

Его сестра сказала:

— Мой муж послал меня к тебе, он не дал за меня платы, не дал за меня товара; если ты разрешишь, то он меня уведет с собой, если ты не разрешишь, то он меня не уведет.

Ее брат сказал:

— Вы могли давно уйти, вы могли утром уйти. Я не считаю для себя возможным жить в одном доме с женщиной, которая выше меня, я не умею жить под одной кровлей с богатырем, который выше меня.

Ночного погодя он сказал:

— Приходите сюда все.

Они пошла домой и сказала мужу:

— Брат сказал: мы давно могли бы отделиться, мы могли бы уйти утром; я не в состоянии жить в одном доме с женщиной, которая выше меня, я не в состоянии жить под одной кровлей с богатырем, который выше меня; приходите сюда все.

После этого они пошли туда, их накормили и напоили. Их одоажет по столько одежд, сколько их плечи могут поднять. Обним сыновьям их дядя подарил по коню золотой масти и по золотым саням. Всю массу соборных мехов и пушинны на санях им пришлось унять при повороте ног. Они обнялись, поцеловались, простались и спаридились домой.

Они приехали к первой тетке. Видит, что эта старуха уже трясется от старости. Его жена толкнула ее на землю, подняла, и эта старуха сделалась молодой и красивой женщиной. Они обнялись и поцеловались. Их накормили и напоили вином и брагой. Они простались с этой женщиной и отправились в путь. Прибыли ко второй тетке. И эта старуха стала так стара, что еле ходит. Его жена толкнула ее на землю и подняла. Она стала молодой и красивой женщиной. Они обнялись, поцеловались, простались со старухой и отправились дальше. Пришли к третьей тетке. Эта старуха еле ходит. Его жена толкнула ее на землю и подняла, она сделалась молодой и красивой женщиной. Они обнялись и

поцеловались, она их нажорыпла, панюла. Они простылись и сварадились и уить.

Он взял одну щену из урманя и одну щену из бора. Когда он прибыл в город, в котором он родился, то увидел, что у его дома сжались три угла и унесла только одна угод; оттуда еле поднимался вверх тонкий дымок. Он влез в дымоходу и посмотрел вниз и видит: его отец и мать ссорятся из-за искры. Если он пришел зимой, то насыпал на нее столько снега, сколько поместится на руке кууга; если пришла летом, то палил воды по конце ясла. Старики начали ругаться:

— Этот огонь остался нам от нашего сына, кто погасил его? По просторной дороге, более широкой, чем копыенце, по дороге, прохаживающей перед домом, пусть его утащат, пригнавав за одну руку, пусть его уведут, пригнавав за одну ногу.

Он сказал:

— Пусть тот муж, которого проклипают мои родители, не выходит из дома.

Как только раздался голос их сына, они бросились на улицу. Старик подбежал, чтобы обнять своего сына; сын его бросил на землю, и он стал молодым, красивым мужчиной. Старуха побежала, чтобы обнять его жену; невестка ее толкнула на землю и подняла — та превратилась в молодую и красивую женщину. Они обнялись, поцеловались, ели и пили вино и мид.

Степнодо, они легли спать. Подобно Осиновому Листу Верткий Муж, Подобно Осиновому Листу Песнопойный Муж вышел на улицу и расколол щепы, взятые из урманя и из бора, на мелкие кусочки. Он их бросал в эту сторону, он их бросал в ту сторону.

— Если явится муж, который про меня будет слагать песни, если явится муж, который про меня будет рассказывать сказки, то пусть у него вырвутся на этой стороне сто домов и на той стороне сто домов. Пусть перед этих сто домов, перед многочисленных домов появится мой дом. Если на передней стороне дома будет стучать каюном дятло, то пусть на задней его стороне стучит каюном пелууну. Пусть сюда мне будет дистанция хорошая жертва из крошечных оленей, пусть сюда мне будет дистанция хорошая жертва из хохощущих оленей. Пусть мы пробудимся в доме, полном холостых работников, пусть мы пробудимся в доме, полном незамужних работников. Пусть двор, который у меня появится, будет переполнен лошадами и коровами.

Он вошел в дом и лег спать. Когда утром рассело, ни тол-ко он встал, но увидел, что во вновь созданном железном, металлическом доме холостые работники и незамужние работницы уже на ногах. В самом деле, он смотрит туда и сюда: па-той стороне выросло сто домов, и на той стороне выросло сто домов, и посреди сотни домов, многочисленных домов появился его дом. Он посмотрел на двор: он полон лошадами и коровами. Сделал впр для дрови, сделал впр для мужчин, и на нем она ела и пила, сколько многочисленных и продолжительных поделъ

ни числятся в месяце. Несколько глаз хватает, отовсюду пригласили гостей, несколько ушей слышит, приглашают гостей.
Всем тем многочисленным мужам, которые слышали этот рассказ, я желаю добыть в изобилии рыбу, добыть в изобилии пушной товар; всем же тем многочисленным мужам, которые не слушали рассказа, я желаю гусей в уши.

89. Златоволосая девочка

В одном прекрасном месте жили старик со старухой. У них был мальчик. Он вырос и ушел, сказав:

— Не пряду больше!

Совсем его потеряли старики. Ждали-ждали. Потом у них родилась дочь. У нее волосы были — одна половина простая, другая золотая. Красивая красная. Старик говорит старухе:

— Эту девочку не надо растить, от нее нам неприятности будут. Надо отнести ее в ту сторону, где людям головы отсекают. Если не увесешь, я тебе голову отрублю.

Старуха говорит:

— Такая красивая девочка! Как ей голову рубить? Жалко ведь, как я ее буду убивать?

Старик снова:

— Если не увесешь, я тебе голову отрублю.

Старуха повесила девочку туда, где людям головы отрубают. Идет, идет, вдруг навстречу наречь. Оказывается, это сын встретился с матерью.

— Мама, я вас так давно не видел!

— Ты жив?

— Жив. Куда ты идешь?

— Старик велел дочку отнести туда, где людям головы отсекают.

— Не отсекай, такая красивая девочка, отдай ее мне!

— Он меня заставил ложку ее крови принести.

— У меня есть собачонок, я мишу тебе ложку ее крови дать. Убил он собаку, старуха принесла старнику ложку крови. Старик стоит, ждет.

— Ну что, убила дочь?

— Да убила, вот кровь.

Остался старик жить-поживать. А сын идет, несет девочку. Он уже где-то женился, жена у него была. Привносит девочку, говорит жене:

— Растить будешь, это моя сестренка.

— Не желаю ее растить.

Потом девочка ей понравилась, стала ее растить. Опять жена говорит один раз:

— Не надо мне ее!

Он говорит:

— И тебе, сестренка, дом построю, живи одна, я буду тебе ^{всегда} ^{всегда} помогать.

Стала сестренка жить одна. Брат, куда ни пойдет, ей что-нибудь принесет. Однажды она сидит, слышит, в водополье кто-то ^{сидит} ^{сидит}.

— Ой, меня испуги.

— Кто ты?

— Впусти меня, если не впустишь, я тебя съем.

А это был Савс-ики. Выходит, говорит:

— Давай вместе жить, выходи за меня.

Она не хотела, но куда ей деваться? Она стала с ним жить.

Он говорит вдруг:

— Ты брата куда-нибудь дедала бы, чтобы он сюда не ходил.

— А что я могу сделать?

— Ты сегодня будто заблагов и пошла его, пусть он к медведю на молоком сходит.

Брат пришел, сестра говорит ему:

— Ой, я что-то боюсь, ты бы к медведице за молоком сходил.

И ^{начал} ^{начал} боится.

Пошел он за медведицей. Идет, идет, вдруг навстречу медведица и но-человечески ему говорит:

— Что тебе надо, молодой человек?

— Знаете, меня послала сестра, мне молока медведицы надо.

Я боюсь.

— Не бойся, подойди, бери молоко.

Он подошел медведицу. Медведица говорит:

— Посмотри у меня в ушах. Там пугавица, возьми ее, никому не показывай, не говори.

Принес он молоко сестре. Палавирта Савс-ики говорит:

— Пошла его к лесу на молоком. Медведица его не убала, испугот, да так обманет.

А жена брата ничего не знает, куда он ходит. Сестра говорит:

— Ой, я боюсь так, ты сходи оканчиви молокою лесами.

Опять пошел лесу изнать. Идет, идет, вдруг лесная ленив и спрашивает:

— Что тебе надо, молодой человек?

— Меня сестра послала за молоком, она так боится, я боюсь.

— Подходи не бойся, бери молоко.

Подошел он лесу. Она говорит:

— В лесом уже у меня посмотря, что там есть — всякими, а в счастье может пригодиться. Если будет несчастье, под подушку ^{положи} ^{положи}.

Молоко принес сестре, она вышла, взяла, в дом его не пустила, чтобы он Савс-ики не увидел.

Теперь брат думает: «Что-то неладно, пойду я посмотрю, что там у сестры в доме».

Брат дома положил пугавицу под подушку, утром встал — что-то по-человечески разговаривает. Посмотрел — лесная с медвежонком. Еще у него была собачка. Это его три верных друга, они

потом всегда вместе были. Пришел он к маме сестры, слушает. Там говорит Сэв-ики:

— Ничего ему не сделалось, что теперь будем делать?

Брат думает: «Вот что! Отец правду говорит, что ей нужно годовую отсечку».

Брат к сестре зашел и говорит:

— Завтра я не வரு, буду отдыхать.

На другой день приходит тайно, спрятался за деревом, стоит. Оса то выходит, то заходит. Не ждет его. Сэв-ики с двумя головами выходит. Он не знает, что его брат видит. Брат выстрелил из ружья, Сэв-ики упал. Еще другая голова осталась. Второй раз выстрелил, вторая голова свалилась. Брат сестре говорит:

— Быстрее дрона неси, сожжем его.

Сожгли его. Печка осталась, и от него полетели мошки, комары. И слышно, как пищат.

— Дальше я вижу кроме того ничь буду!

Пошел он домой охотиться. Сестра со снохой помирилась, дружно стали жить. Сестра пошла туда, где Сэв-ики горел. Там в золе его зубы остались, не сгорели. Посет их домой. Сшила подушку красную, наволочку из утильничков, зубы в подушку зашила. Вот хороший подарок брату! Приходит и говорит снохе:

— Кому шила подушка, тот пусть и спит. Ты не ложись на подушку, пусть он ложится.

Вечером брат приходит домой, жена ему говорит:

— Хороший подарок тебе сестра принесла.

Он лег на подушку, уснул, а ночью зубы ему в ухо заехали. Она умер. Жена плачет:

— Куда его девать?

Сестра говорит:

— Давай поставим его в избу, где семь комнат.

Занесли в избу, где семь комнат, поставили без гроба. На каждую комнату замок повесили. Пока они его хоронили, собака, лосенок и медвежонок спрятались. Собака с лосенком разговаривают:

— Как так, куда наш хозяин подевался?

Медвежонок говорит собаке:

— Ты ведь дух его знаешь, попохай, куда след ведет.

Собралась они трое и пошли. Собака впереди, след хозяйня похает. Дошли до дома, где семь замков. Собака бегает вокруг дома и говорит:

— Здесь след, дальше нет следа.

Как им сломать семь замков?

— Попробуй ты, собака, зубами, зубы у тебя крепкие.

Собака ломала, ломала — не может сломать.

— Попробуй ты, медвежонок, ты сильный.

Медвежонок тоже не мог сломать.

— Лось, может, ты сможешь?

Лосенок как разбежался — задней ногой все семь замков сломал. Они туда заходит, он мертвый лежит. Медвежонок его ту-

да-сюда переворачивает — не встает. Лось его нюхает — не помогает. Собака его нюхала, нюхала — в ухо зуб нашла, вытащила. Он испугет:

— Кто это меня разбудил? Я так крепко и долго спал!

— Это мы, твои друзья.

Пришли они домой, пришел и сестра. Ова испугалась: как так — покойник пришел! И умерла сразу. Пришел и жень. Собака, лосенок и медвежонки сада. Испуг от страха тоже умерла. Он остался с ними троими. Может, потом женится.

90. Орел

Жили старик со старухой в большом красивейшем городе, в огромном божественном городе. Долго так жили, коротко жили, пролежав однажды старуха, встала, раздула лоду у чувала и начертила следы змей. Старик пошел к ней и вышел на улицу. Пришел по лесу, бродил, ничего не добыл. На обратном пути нашел только что вылупившегося орленка, принес его домой, посадил у порога.

Старуха спрашивает:

— Что ты принес, старик?

— Принес я птенца орла.

— Принес ты того, кто нас обьет.

— Еды и воды у нас хватит, — успокоил ее старик.

Настал вечер. Старик вышел на улицу, птенец говорит ему:

— Унеси меня в верхний конец поселка, посади в самый дальний из семп амбаров.

Так и сделал старик. Старуха его спрашивает:

— Куда ты унес птенца? Принеси того, кто нас обьет.

Старик отвечает:

— Хватит нам еды и воды.

Долгую ночь долго спали, короткую ночь быстро скоротали.

Утром старик видел старую кису и вышел из дома посмотреть орленка. Амбары для муки были пусты.

Пришел домой, спрашивает его старуха, что он видел. Отвечает ей старик:

— Семь обгоревших, семь обожженных столбов — все сожрал.

Посадил старик птенца у порога. Старуха начала ворчать:

— Пронзай раз говорю: принеси ты того, кто нас обьет.

— Не бранись ты, старуха, воды и пищи нам хватит. Может, позже он нас будет кормить.

Пришел в этот день. К вечеру у орленка пушок появился на крыльях. Говорит птенец:

— Посади меня в середину деревни.

Так и сделал старик. Долгую ночь долго спали, короткую ночь быстро скоротали. Утром старуха растеряла мужа, вышел он, пыл старыми кисами, на улицу. Видит: один копец поселка совсем опустел. Орленок вырос, у него подросли крылья. Принес

его старик к порогу своего дома, старухе же сказал, что орел расставил в семи местах семь обгоревших, семь обожженных столбов.

— Давно я тебе говорила, что сожрет он нас.

К вечеру старик сел ворочая орленка, подлил его и унес в северную часть деревни. Утром старик в первую очередь вышел проведать птенца. Орленок за эту ночь съел всех жителей деревни, крылья у него выросли, стад он орлом. Принес орла к дому. Рассказала старухе, что остались они один в деревне. Старуха испугалась:

— Давно я тебе говорила, что погибешь ты нам принесет.

— Хватит тебе ворчать, старуха. Что будет, то и будет.

Вечером оставил старик орла у порога, а сам лег спать. Утром проснулся они невредимыми. Вышел старик на улицу посмотреть на орла. Говорит ему орленок:

— Ты меня вырастил, я у тебя в долгу. Клади на мою спинку постель, поешь со мной.

Лег старик на спинку орла, поднялись они в воздух. Деревья с кренками корнями обламывались от их полета. Поднялись они выше, считают разноцветные головы облаков, черные головы туч считают. Скоро опустились они на землю, увидел старик приземистую избушку. Говорит ему орленок:

— Здесь живет моя старшая сестра. Войди в избу и скажи: «Я от твоего брата. Когда он был слабым, я ходил его, когда у него не было крыльев, я растил его. А теперь мне нужен маленький ларец».

Вошел в избу старик, видит: стоит перед ним красавица, только с солнцем можно сравнить ее и с луной. Шею ее соболь соболь обнял, у ног ее соболь бегает. Поздоровались они, угостила хозяйка гостя на славу, поили, поели. Вымолял наконец старик:

— Меня прислал твой брат. Когда он был слабым, я ходил его, когда у него не было крыльев, я растил его. Ларец мне велел попросить.

— Я его не для тебя хранила, — ответила девушка.

Полетел он на орле дальше. Долго ехали для коротко ехали, наконец приземлился.

— Здесь живет моя средняя сестра, заходи.

Вошел в избу старик, видит: стоит перед ним красавица, лишь с солнцем ее можно сравнить и с луной. Белую шею ее соболь обнял, у ног ее соболь бегает. Поздоровались они, угостила хозяйка гостя на славу, поили, поели. Говорит наконец старик:

— Меня прислал твой брат. Когда он был слабым, я ходил его, когда у него не было крыльев, я растил его. Он велел просить маленький ларец.

— Не дам я его тебе, — ответила девушка.

Отправились они дальше. Долго ехали, коротко ехали, сели опять на землю.

— Здесь живет моя младшая сестра, входи.

Пошел старик в дом, видит: стоит перед ним такая солнечная, луноликая девушка, что краше ее нигде ли на земле найдешь. Никогда, никогда не видел он такой. Попросил он перед выходом маленький арзец. Задумавшая девушка неодолего, но тут же отдала ему арзец со словами:

— Тебе не отдам, кому отдам? Бери, пусть он тебе пользу принесет.

Вышел старик на улицу, поправился с оравом и зашагал к дому. Шел он туда, куда глаза глядят, потому что не знал дороги. Наконец устал, пришел к озеру и решил отдохнуть. Тут он вспомнил про ящик, а захотелось ему посмотреть, что внутри. Став замочную скважину отщипывать, появилась оттуда кровь. Друг крышка ящика поднялась, и из него поплыл в разные стороны народ. Бежал за ними старик, выбился из сил, никак не мог всех вернуть. Забурлаило озеро, зашумело, поднялся над водой огромный мужчина:

— Что ты здесь треминишь, старик, спать не даешь! Я тебе помогу собрать этих людей, а ты мне отдай сына.

Старик знал, что у него нет сына, поэтому решил пообещать и не выполнять обещания. Тут же народ был собран, а на груди старика была прижжена бумажка. Принял старик домой: действительно, сын у него большой уже. Открыл сын арзец, повалил оттуда народ и заново всю деревню. Тут же увидел сын на груди отца бумагу:

— Ты меня обещал отдать, отец. Ну что же, надо идти.

Сказал так и ушел. Долго ли шел, коротко ли шел, пришел к озеру. Остановился он, вдруг слышит: лебеди летят. «Чем стану?» — думает. В ту же секунду превратился в тонкую иглу для вышивания узор. Воткнулась игла в берег озера. Прилетели лебеди, сбросили лебединый облак, стали в озеро купаться. Младшая из сестер долго не входила в воду, наконец согласилась. В это время он сиротал ее одежку. Когда лебеди нарезались, вышли на берег и улетели. Осталась младшая лебедь одна. Долго она просела свою одежку, наконец он согласился отдать. Какже матери их вместе свели, какже отцы их вместе посадили — полюбили они друг друга.

— А сейчас мне нужно лететь. Ищи меня в центре города, в самом большом доме. Над дверью будет красная пометка.

Улетела лебедь. Помисл навстречу город искать, где невеста жила. Долго шел, коротко, пришел в город. Нашел он свою возлюбленную, и зажила она счастливо. Скоро родился у них сын. Пришли одноклассники суги пары и вызвали его к тестю. Нечего делать, пришлось идти. Говорит ему тесть:

— Здравствуй, дорогой зятюшка! Хочу я знать, на что ты способен, а для этого пройдеши испытание. Пока спит эта деревня, пока спит этот город, ты должен покрыть весь город гладкими, ровными тротуарами без единой щели, так, чтобы улетевшая игла на виду лежала. Если не справишься до рассвета, тебе недобротать.

Пришел он домой, пригорюнившись. Стала жена допытываться, что случилось. Поведал он ей обо всем.

Посмеивается она:

— Никуда тебя от этого не уйти.

Наступил вечер, а вскоре и ночь. Увидев, что муж собирается спать, жена удивилась:

— Что же ты за работу не принимаешься? Времени у тебя в обрез.

Муж и слушать ее не желает. Дондалась она, когда муж уснет, вышла на крыльцо и начала танцевать. Мужской танец танцует — она мастерица, женский танец танцует — она мастерица. Вдруг появились тут двадцать молодежи с ножами и топорами, весь город покрыли ровными тротуарами. Только забрезжил рассвет, будит жена мужа:

— Вставай, пора! Вот тебе молоток и плоскогубцы, иди работай.

Скоро и слуги царя пришли за ним.

— Иди за нами, — говорят они, — царь тебя вызывал.

Говорит ему теща:

— Выполнял ты мое задание, но на этом они не копчуются. Пока спит этот город, пока спит эта деревня, ты должен построить церковь. Если до утра не справишься, ждет тебя смерть.

Спрашивает дома жена, зачем его отец вызывал, почему он задремал.

— Что мне делать? Руками не били, полкой не били, приказал мне твой отец за одну ночь церковь построить.

Вечером опять муж спать собирается, снова говорит ему жена:

— Что же ты укладываешься, кто работать будет?

Дондалась жена, когда муж уснет, вышла на крыльцо танцевать. Танцует мужской танец — она мастерица, танцует женский танец — она мастерица. Появилось тут двадцать молодежи с ножами и топорами, построили они церковь. Разбудила жена мужа на рассвете, дала ему плоскогубцы и молоток, отправляя его на работу. Вызвали его скоро к теще. Встретил он зятя *доскочив:*

— Дорогой мой зятень, я ведь пошутил вчера, а ты такие дела ворожишь. Сегодня вечером пойдите с моей дочерью в церковь, пусть она просвируй печет, а ты молитвы читай. Если не выполнишь задание, ждет тебя смерть.

Нечего ему делать, пришел домой, рассказал все жене и лег спать. Пришла она в церковь, плюнула в угол — появился муж ее и начал читать молитвы. Изгнула в другой угол — появилась невестка, похлопав по теще, стала печь просвиру. Прибежала она домой, разбудила мужа:

— Бежим, некогда нам спать. Отец нас в полночь позовет.

Сходила жена на конюшню, запрятала отцовского коня, и уехали они из дому. Сходила утром царь в церковь, видит: зять молитвы читает, дочь печет узорчатые просвиры. Пришла царь домой, рассказал все жене.

— Это все проделки твоей дочери, — ответила царица. — Они уже давно уехали.

В это время они продолжали свой путь. Много времени прошло, мало прошло, вдруг жена спрашивает его:

— Ты что-нибудь заметил или нет?

— Нет.

— Отец ведь нас догонит.

Когда царь был совсем близко, они превратились в старика со старухой, а конь их — в теленка. Нагоняет их царь и спрашивает:

— Не проезжали ли по этой дороге дочь моя и зять?

— Не до твоих нам дел, дорогой, никого не видели. Тридцать лет мы искали своего теленка, только теперь нашли.

Уехал царь ни с чем обратно. Говорит ему дома жена:

— Это все проделки твоей дочери, удалось им обмануть тебя.

Вскорепустился царь в погоню и вскоре догнал беглецов. Говорит жене мужу:

— Сделай хоть что-нибудь, твой черед настал. Если не можешь, нам отец не простит обмана.

Появляясь тут откуда-то железная бочка. Спрятались они в нее. Начал тесть колотить по бочке, развалилась она и выдала беглецов. Крепко рассердился зять, плакнул ни тестя. Тот преурачился в железный столб. Стал тут царь плакать, плакать, просить прощения. Простил он ему все и на этом разошелся. Приехал сын домой, видит: у матери с отцом один угол дома остался, один уголок в огне тлает. Бросил он в отверстие очага ком снега, погасла последняя искра. Радвался родной голос матери:

— Что за птица хищная надежду нашу потаскала?

Пошли они с женой в дом, говорит сын родителям:

— С моего отъезда не прошло и трех дней, а мы уж умирать собрались.

Пнула он свою мать, подделала она к самым облакам. Опустилась на землю, превратилась в девочку трех лет, кисти платка по земле танутся. Плузу невеста старина-отец, подделал он к самым облакам, опустился на землю трехлетним мальчиком. И живут они счастливо до сих пор.

91. Золотой конь

Жил в одном городе старик со своей дочерью. Долго жили так, коротко жили так, не знаю. Однажды вечером говорит старик дочери:

— Понеси у меня в голове, доченька.

Стала дочь нести в голове отца, увидела золотую нить.

— Отец, можно я душу на нее?

— Не делай этого, доченька, не до песен тебе будет, но до сказок тебе будет.

Но послушалась дочь отца, дунула на воша, и та превратилась в золотого коня. Говорит тогда отец:

— Ну что теперь делать? Раз так, пусть будет он Появившийся из Гинды Копя, Появившийся из Вши Копя. Кто скажет, как зовут коня, тому отдам в жены дорогую пригожую дочь.

Во время их разговора сидел на крыше злой колдун и все слышал. Прошло немного времени, стали свататься к дочери старика. Но никто не мог отгадать ключи коня. Вдруг открывается дверь, входит с ушами злой колдун ростом с вершок, голова с огромным берестяной кузов. Говорит, усмехаясь:

— Я-а, а... Кто не знает ключи коня: Из Гинды Появившийся, Из Вши Появившийся.

Испугался старик, только куда деваться — сам обещал дочь выдать замуж. Плачет дочь неутешными слезами по прежнему житью-бытью. Собралась она наконец в дом муна-колдува. Говорит ему:

— Ты поезжай вперед, я приеду за тобой.

Злой колдун уехал. Говорит конь хозяйке:

— Ноги мои хлост обмотай берестой¹, садись на меня. Я тебя увезу, а там wybierай сама, что делать.

Села она на коня, подвинулась она в колдун и повелась. Схватил она погоню. Схватил колдун коня за хвост и ноги, только скурчевил береста отвалилась. Так он и остался. Подвинулась конь выше туч, облаков. Детей, детей, привел ее наконец в царский город. Спустился конь на землю и сказал:

— Здесь живет глава города Орт-ики, у него есть три сына. Войдешь к ним в дом, паплет, пакорит. Спать захочешь — постелит тебе шкуру оленю, ты ее положишь головной частью к ногам. Меня к толстому дереву не приближай, к молодой траве, трымае приближи, а шкуру не донеси.

Все так и случилось. Вошла она в дом, наполнила ее, накормила. Ложась спать, оленью шкуру головной частью к ногам повернула. Так и уснула. Услыли хозяева, что ложились к ним пришла. Вышла она здесь замуж за младшего сына Орт-ики. Долго жили, коротко жили, только ушел муж на войну, взял золотого коня с собой. Наивышала ему жена:

— Береги коня, не приближай его к толстому дереву.

Вскоре после отъезда мужа родила у нее сын. Отправила она к мужу слугу с радостной вестью. Написала ему бумагу: «После твоего отъезда жена родила тебе сына: на одной щечке месяц сияет, на другой щечке солнце сверкает». Едет слуга с письмом, уж вечер настал. В темноте он в яму провалился. Вадит: сидит колдун с черной к костер жжет.

— Эхэй! Куда едешь, что везешь? Далай сюда, если по дашь — убью.

Испугался слуга и отдал письмо. Прочитал колдун письмо, порыв и другое написал: «После твоего отъезда жена родила тебе щенка». Взял слуга бумагу и дальше поехал. Приехал к хозяйке, прочитал тот бумагу, опечалился. Но ответ написала такой:

«Пусть хоть щенок будет, до моего приезда оставьте живым-здоровым». Собразил слуга домой. Едет и думает: «По другой дороге вернусь». Едет по другой дороге, неожиданно провалился под землю. Стоит перед ним колуш с вершок, смеется:

— Дай бумагу сюда, не то убью.

Снова отдал слуга письмо. Прочитал его черт, порял, новое написал: «Прогоните обоих из дому, чтобы до моего приезда их не было». Поехал гонец с письмом дальше. Прочтёла письмо отец мужа, напугались все дома. Жаль невестку, хороша она, но что делать, если сын приказал прогнать. Отправили они ее из дому с сыном.

Пошла она за город, вспоминала тут про князя. Появился он наконец с большим бревном на шее. Говорит ей мать:

— Нет у меня сил везти вас. Распори мне живот, войдите туда, а там сама выбирай, как быть.

Так она и сделала и как будто уснула. Когда проснулась, видит: сын ее уже бежит и кричит:

— Мама, мама, отец пришел!

Взглянула она в окно, видит: катается черт на крыше. Схватила она меч, проткнула дырку и крикнула:

— Иди сюда, заходи!

Только сузился он в дырку, отрубил она ему голову. Пылала тогда на улицу, развела огромный костер, до самого неба. Бросила туда черта. Когда все сгорело, развела печь по свету, приговаривая:

— Пусть никогда больше не будет на белом свете такой заразы!

Смотрит она: по дороге идет ее муж, плачет, горько проклинает себя. Позвала жена его в дом, помирились они, стали жить счастливо.

92. Богатырь, росший три дня

Жил муж с женой. У них не было детей. Наконец у них родился сын. В первый же день он стал ходить. На второй день пошел на охоту. На третий день стал приносить домой дрова. Как-то пошел он в лес за дровами. На этот раз он привнес столько дров, сколько могли привести десять лошадей. Когда он сбросил дрова на землю, задрожал весь город. О нем заговорил весь город. Узнал об этом и царь. Прибежал мальчишка к царю. Царь ему сказал:

— У меня нет в городе богатыря. Будь ты богатырем, охраняй наш город.

— Согласен, царь-отец,— сказал мальчишка,— буду охранять город.

Царь продолжал:

— Я тебе и твоим родителям построю новый дом.

Скоро построили ему новый дом, где он и стал жить. Но скоро надоело ему в одном городе жить, пошел он к царю и сказал:

— Хочу я по свету походить. Надоело на одном месте сидеть, пошщу на я человека сильнее меня. Хочу силой помериться.

Стал его царь уголаживать:

— Не уезжай от нас, богатырь! Кто же будет наш город охранять?

Как ни упрашивала царь, богатырь не согласился остаться. Тогда царь дал ему коня доброго, коватьчугу, лук и стрелу. Попрощавшись богатырь с царем я отправился куда глаза глядят. На следующее утро прибыл он в незнакомый город. Едет по улице, никого не видно. Ночичился эта улица, спернула на каменную улицу. Едет, едет, видит: на конце улицы стоит высокий человек, выше домов ростом. Говорит этот человек ему:

— Здравствуй, богатырь, росший три дня!

Испугался парень: «Откуда он знает, что я рос три дня?»

— Здравствуй,— поздоровался он.

Этот высокий мужчина сказал:

— Поищем ты мне человек.

Поехал молодой богатырь за этим человеком. Мужчина наповал его чаем и спросил:

— Куда ты едешь?

— Я еду искать сильного человека, чтобы силой помериться,— ответил богатырь, росший три дня.

— Не едь ты никуда, молодой человек. Мне жаль тебя. Все равно кто-нибудь найдется сильнее и убьет тебя. Возвращайся лучше обратно и охраняй свой город,— сказал этот человек.

— Нет, я все равно пойду мериться силой,— ответил молодой богатырь.

— Хочешь послушать сказку?— спросил тот человек.

— Хочу.

— Так слушай. Когда я был молодым, я тоже хотел найти сильного человека. Собралось нас семьдесят человек со всех земель, построили себе дома на перекрестке дорог. Кто бы ни проезжал мимо нас, оставался без слезей, богатства, денег. По ночам охраняли эти богатства десять человек. Нам нравилось так жить, ведь не было никого сильнее нас. Сидим однажды ночью, охраняли богатства. Наруж земля задрожала. Смотрели мы на дорогу, смотрели — увидели маленького мужчину. Мы не могли поверить, что под нами земля дрожит. Поскорее разбудили тех, кто спал. Истали у дороги и стали ждать, когда он подойдет к нам и что будет дальше. Мужчина подошел к нам, придел на своего маленького коня, закурил папиросу и спросил: «Откуда у вас столько добра?» Мы ответили: «Это отобрано у людей. Если ты узнаешь, что изменится? И тебя можем убить так же». Тогда мужчина сказал: «То, что взяли у людей, верните и не мучайте больше их. Мы ответили: «Тебе какое дело? И тебя можем туда же отправить». Человек этот закричал: «Молодые вы еще, чтобы меня убить! Скорее всего я с вами расправлюсь».

Мы ничего не ответили. Мы ждали, что он будет делать. Он закурил папиросу и вытащил из кармана какой-то сверток. Это

был маленький меч. Мы думали: «Как же он может нас им убить?» Он взял меч за острие и стал точить. Когда закончил, спросил нас: «Будете еще обижать людей?» Мы ответили: «Но собираемся прекращать, лучше тебя убьем». После этого он сказал: «Если не хотите жить, ваши дела». Он опустил меч, и мы не знали, когда небо потемнело, когда земля опустилась. Опустился я, оказывается, лежу в суробе. Этот человек кричит мне: «Встанай, мужичок, зачем ты в суробе? Посмотри, что с твоими людьми». Встал я, оказывается, все товарища мои убиты: где голова валится, где шпильки или пилы, где ноги, где руки. Я совсем испугался, думаю: «Быть и мне убитому». Говорит мне этот человек: «Не бойся, ты будешь жив». Сошел он с коня на землю, взял бумагу и написал: «Чьи богатства здесь, придите и заберите свое. Кто возьмет больше, будет наказан богом». Приклеил он бумагу к столбу, а столб поставил посреди дороги. После этого конь сказал: «Сидишь сюда, посиди в мой город». Я подумал: «Неужели такой маленький конь выдержит меня?» Говорит тогда этот мужичина: «Что ты! Конь мой тебя выдержит, скорей ты установишь обзвезд».

Ты и сид на коня. Сначала конь набирал скорости, потом замедлял. Летели мы выше облаков. Летели, летели, наконец конь стал опускаться. Смотрю я вниз и вижу огонь. Чем ближе мы опускались к земле, тем больше становился огонь. Я сказал этому мужичине: «Какой огонь ты человек — не знаю, зачем ты меня на огонь везешь?» Он отвечает: «Не подходи разве, там внизу не огонь, а мой город». Опустились мы вниз. Действительно, это был золотой город, от него так светило, что я глаз не мог открыть. Дал мой спутник корма коню и приклял его к столбу. Когда пошел в его дом, на меня посыпались золотые монеты. Только хотел прийти, они отиски меня к порогу. Тогда крикнувший меня человек сказал: «Не горюй, мужичок, возьми полотенце у двери, протри глаза». Протер я глаза, прошел к нему. Выше чай пили, потом он сказал: «Отдохни теперь».

И лет спать. Не знаю, сколько спал, вдруг слышу его голос: «Долго ты спал. Семь дней проспал, действительно богатырь». Когда чаю напился, он сказал: «Сейчас поедем воевать». Сели мы на коней и поехали. Мой спутник предупредил: «Поедем туда, где начинается вход в подземное царство. На-под землю выйдет карлик, мы будем драться. Если он будет меня одолевать, ты этого коня брось через нас». Скорю мы приехали на то место, где был вход в подземное царство. Навстречу нам вышел из-под земли карлик. Мой товарищ соскочил с коня и стал бороться. Карлик оказался сильнее и повалил моего спутника на землю. И схватил коня за оба уха и перебросил через них. Мой спутник тут же поднялся, ударил карлика об землю с такой силой, что у того покатылась голова. Мой спутник хотел поймать голову, но она укатилась в подземное царство. Тогда он крикнул: «Зачем я сделал для детей широкую дорогу в подземное царство?! После этого он разрубил оставшуюся часть карлика и бросил в костер.

«Я хотел убедиться в твоей силе,— сказала мой спутник,— поэтому расстался. Ты, конечно, силен, богатырь. Мой конь весит столько, сколько двести обыкновенная лошади».

После этого мы отправились в обратный путь. Мой спутник сказал тогда: «Знаешь ли ты, кто я?» — «Не знаю», — ответил я. «Я — Юнан, сын царя. Больше никогда не ищи человека сильнее тебя. Знай, что сильнее всегда найдется. С этих пор ты будешь царем. Если кто-нибудь захочет с тобой воевать, ты всегда будешь знать об этом. Будешь знать, в каком городе кто родится». После этого мы сели на коней, и он отвез меня на прежнее место. Мы попрощались, оттуда я пешком отправился домой. С тех пор живу в этом городе и охраняю его. Как ты живешь, я тоже знаю. Лучшие ты, молодой богатырь, росший три дня, вернувшись домой, охранял свой город.

Тогда богатырь, выросший за три дня, отправился домой. Царь очень обрадовался его возвращению. Стали его спрашивать, как он съездили, и куда ли человек сильнее себя.

— Нет, никого не видел, — ответил молодой богатырь.

Царь сказал:

— Хорошо, что ты вернулся.

С тех пор молодой богатырь стал охранять свой город.

93. Птица Каре

Отец царя под замком держал. Почему под замком держал — не знаю. В темном месте в подполье держал. Он как-то свет увидел, в дырочку подсмотрел.

— Какой белый свет красивый! Почему меня отец под замком держит?

Расскопал дыру, вышел на белый свет. Здесь птицы всякие летают, так хорошо! А отец строго ему приказал не выходить. Вышел на берег, там корыто. Сел, поел по воде. Потом снова в подполье спрятался. Отец что-то догадался, спрашивает:

— Однако ты выходил?

— Нет!

Второй раз вышел, пошел на берег, а корыте по воде ездил. Подхихтел старик, присел:

— Унеси нас, нам в город надо.

— Как я нас на корыте перевезу?

— Как-нибудь, перевези только.

Он перевез.

— Ты нас перевез, теперь тебе счастье будет. Исполнишь, тебе счастье будет. Пойдешь завтра, там белая береза растет. Выкопашь ее, поставишь, тебе каждый день будет золото.

Он пошел, увидел белую березу. Выкопал, принес домой, поставил. Утром встал, на нее разные птицы прилетели, клюют, и золото падает. Каждый день золото падает! Отец приходит:

— Опять ты выходил?

— Нет, я не выходил.

Один раз сонался:

— Я хочу выйти на белый свет, я счастье нашел.

И рассказал все. Отец спрашивает:

— Где ты столько золота берешь?

— Нон берега, с нее золото падает, когда птицы клюют.

Слова вышел из подпола, думает: «Сегодня я подальше пойду».

Старик ему еще баночку дал. Если ее бросить на пол — конь выйдет. Он бросил баночку, вышел вороной жеребец, чернокрылый. Поехал разгуляться. Вдруг впереди пламенный огонь.

Думает: «Вот я попал!»

Конь говорит по-человечески:

— Ты не бойся, три раза меня ударь по левой стороне.

Он сделал так. Три раза ударил его по левой стороне, конь крылатый сделался, перелетел через огонь. Ехали, ехали, приехали в одну деревню. Там все люди слепые.

— А почему вы все слепые?

— Не знаем. Куда ты идешь? Вылечи нас, тогда возьмешь парскую дочь-красавицу.

— Где мне на нее посмотреть?

А они слепые, сами ее не видят. Стоит дом высокий, девушка из окна выглядывает. Красная, косу опустила вниз. Он думает: «Как мне выручить их? Съезжу дальше».

Им сказал:

— Доеду до одного места. Когда приеду, вам помогу.

Ехал, ехал, вдруг видит: стоит большое дерево. Там две птицы Карс летают, песок таскают на гнездо. Песок сыплется, его несет на деревню, людям на глаза, люди слепнут. Он залез в гнездо, там два маленьких птенчика. Он им шеп пересказал воровчками. Птицы к нему скоро прилетели:

— Помогли, у нас птенцы заболели. Может, поможешь, вылечишь?

— Вылечу, если вы гнездо уберете на другое место. Люди из-за вас все испортили. Идущи лечить вас.

Залез, птенцов развязал, вниз спустился:

— Вот, вылечил.

— Приедешь в деревню, все люди с глазами будут.

Птицы улетели с этого места. Он едет назад в деревню. Все люди уже с глазами.

Надо свадьбу играть. Женится, весь народ пришел на свадьбу гулять. Решил невесту домой вести. Едут, едут, вдруг костер пламенный, все еще горит. Она говорит:

— Мы стоим.

Конь ему говорит:

— Ударь меня как в тот раз три раза с левой стороны. Сверху огонь переделю.

Он ударил коня три раза с левой стороны, перескочили огонь. Превозжигает домой с невестой к отцу. А тут золота отцу подымил

«стол насыпалось. Дом стоит железный-каменный, а птицы все еще золото носят. Так они живут, симвовой-дочерей замуж отдадут и снова города строят.

94. Лиса в лодке

У нас, я слышал от старика-покойничка, когда женился, такое было. Лиса бегит вдоль берега, ей уже есть ничего. Соседи мужиков едут. Она на песке дедка вверх ножками. Один мужик говорит:

— Смотри, лиса пропала, подберем ее.

Види за задние ноги и бросили в лодку. Раньше лодки крытые были, как чумы, там ребята. Как плес длинный попадет, мужик лисе:

— Как этот плес зовется?

Лиса:

— Голодный остров!

Дают ей строганины. Раньше луками охотились. Едут дальше, омут большой.

— Какой омут?

Лиса:

— Мы тут раньше луки топили.

А она тетивы перегражала. Кинулись луками ее стрелять, руками не стали — вроде неудобно, легкая добыча. Едут дальше, она плывет. Опять плес длинный, рядом хороший сосновый бор.

— Какой плес?

Лиса:

— К голодному плесу-бурю приблили!

Хватает ее и выбрасывают за задние ноги.

95. Воробышек с сестренкой

Жил воробышек с его сестренкой. Раз воробышек пошел сестру проворить. Он поймал большую щуку. Он делает пирту сосновую, потом березовую, все у него делается. Потом делает железную саяку. Он щуку положил на пирту, кое-как домой привез. Домой принес и говорит сестренке:

— Свари рыбу, мне стала холодно и внутри.

А сестра все съела, простую рыбу оставила. Потом воробышек

подходит:

— Тя-тя-тя, израньте вас!

Не стал рыбу есть, улетел. Прилетел к дому медведя Сяаски. Он увидел тарелку с маслом, стал есть масло. Потом еще раз поел и не может подняться, сел в уголок. Потом приходит медведь:

— В этом доме что-то томится.

Медведь его поймал и хотел зажарить. А воробышек ему говорит:

— Не жарь меня, и тебе дам в жены свою сестренку.

Медведь ему говорит:

— Ты долеташь, а я как увижу, куда ты летишь?

А воробышек ему говорит:

— Одним прыжком по земле бородаты буду, и догавяй.

Потом воробышек пришел домой и говорит:

— Сестренка, я тебе отдам медведю.

Сестренка заплакала, и воробей ей говорит:

— Приготовь топор, постель и мою шапку¹. Двери сделай изюномышкой!

Потом пришел медведь, стал заходить и говорит:

— Что у вас двери маленькве?

— Заходи, ничего не маленькве.

Сестренка схватила топор. Как стукнул его! А воробей его шапкой швырнул, и он умер, и его подогнали.

96. Зайчик и лягушка

Зайчик живет в избушке. Он жил один и катался день и ночь. Один раз приходит домой, а в избушке что-то маячит. Он испугался, а лунг кричит:

— И тебя зарубаш!

Находит зайчик из избы и плачет ночь и день. Вдруг в лесу шум, это лиса идет навстречу и спрашивает:

— Что плачешь, кто тебя обидел?

— У меня в избу кто-то пришел.

Пошла она дое, а тот снова кричит:

— И вас топором зарубю и коном зарежу!

Пошли лиса и заяц по лесу, плачут. Идет волк навстречу:

— Что плачете?

— У зайца в избе кто-то не пускает. Мы двое пошам, тоже не пускает.

Пошли трое в дом, спать их лунг прогнал. Пошли трое по лесу, плачут. Самшит, кто-то лес ломает. Выходит медведь. Рассказали ему, медведь с ними пошел. Пришли к дому, лунг только успел связать:

— Топором зарубю, коном...

И медведь изломал десь. Там сидит лягушка, у нее деревянные топор и деревянный осж. Этим она и пугала. Она ее съела.

97. В доме бурундука

Бурундук с охоты домой возвращался. Самшит, а его доме кто-то шаманит. Убежал бурундук в лес, чтобы помочь найти. Встретил зайца и говорит:

— Пойдем со мной, у меня дома кто-то шаманит. Нужно выгнать.

Заяц ему отвечает:

— Пойдем еще кого-нибудь позовем.

Шли, шли и лесу встретили. Сказал ой бурундуку то же, что и зайцу. Лиса говорит:

— Еще нужно помощи искать.

Шли, шли и встретили медведя. Бурундуку говорит ему:

— Пойдем ко мне, у меня дома кто-то шаманит, нужно вы-

гнать.

Медведь отвечает:

— Побойте, я вам помогу.

Заходит в дом к бурундуку, а там лгушка шаманит, прыгает по полу. Медведь говорит:

— Кого вы испугались!

Схватил лгушку за голову и выбросил на улицу. Лиса го-

ворит:

— Давайте устроим норы.

Назначили, кто должен Торуму петь и причать. Медведи на-

значили. Начал медведь петь и плясать. Поет, а лиса его в это

время облизывает:

— У всех в лабазах воруют, в крамах оленей убиваешь и

ешь их.

Медведь очнулся и говорит:

— Кто меня облизывает?

Лиса отвечает:

— Это заяц.

Медведь стукнул зайца лапой и убил. После этого медведь

снова начал петь и плясать, а лиса его так же облизывает. Мед-

ведь перестал петь и спрашивает:

— Кто меня дразнит?

Лиса отвечает:

— Это бурундуку.

А сама в это время роет норку шале сгены. Медведь схватил

бурундука лапой, но тот увернулся и убежал. Только на спине

у бурундука помессы остались — следы от медвежьих когтей.

Медведь снова начал петь и плясать. Лиса снова начала его об-

лизывать. Медведь спрашивает:

— Кто меня дразнит?

Лиса отвечает:

— Это я.

Медведь хотел ее припнуть, но лиса в норку нырнула, пото-

ружю сама выкопала. Медведь полз в эту норку и застрял, ни

вперед, ни назад вылезти не может. Лиса в это время вышла на

улицу, разнесла огонь и далав пшеницу навалывала. Когда пшени-

ца догорела пшеница, лиса всадила ее медведю в спину. Так

лиса себе много пшеницы запасла.

100. Жирный кулик

Жил муж с женой. Пошел как-то муж запор для ловли рыбы ставить. Поставил запор. Однажды пошел проверять его. У запора увидел кулика. Тут же вернулся и сказал жене:

— У запора я видел кулика, ты его яглой уложи.

Жена ему ответила:

— У тебя есть стрелы и лук, ты и убей его.

Муж сделал стрелы, пошел к запору и убил кулика. Вернулся домой с добычей, и тут же стали его варить. Весь котел наполнили до краев жиром. Муж с женой варили жиром все чашки, больше уже не было посуды. Из котла жир потек на пол. От страха муж с женой изобрелся из кровати. Скоро жиром наполнился весь дом, и муж с женой захлебнулись. Таким жирным оказался кулик.

✓ 101. Пташечка

Жила пташечка, у нее был лучок со стрелками.

— Пташечка, пташечка, куда ты лучок положила?

— На пеньки положила. Огонь загорелся, и лучок сгорел.

— А костер куда девался?

— Дождик пришел в костер потушил.

— А дождь куда девался?

— Две девочки прибежали и проглотили.

— А куда две девочки девались?

— Они убежали по воду. Ушли и не вернулись.

✓ 102. Птичка

— Птичка, птичка, зачем тебе крылышки?

— Я крылышками балаган закрываю. Весной закрываю, зимой закрываю.

— Птичка, птичка, зачем тебе ноги?

— Ноги мои, а ими подпорки для балагана делаю.

— Птичка, птичка, а зачем тебе голова?

— А там мозг в кушечке. Я его зимой ем, весной ем.

— Птичка, птичка, а зачем тебе глаза?

— А мои глаза — это на середине неба две звездочки. Они зимой светят, летом светят.

— Птичка, птичка, а зачем у тебя нос?

— Это мои ложечка, а из нее день пью, ночь пью.

103. Красный платок и черный платок

Жил красный платок и черный платок. Красный платок утром встает, огонь зажигает, а черный платок целый день лежит, ничего не делает. Красный платок за драконами ходит, а черный

**мифы,
предания,
сказки
манси**

105. Священное сказание о возникновении земли

Живут старуха и старик тундрового холма¹. У них есть бесосемянный ворон. По двум сторонам дома спящая вода, земля совсем нет. Старик не выходит на улицу, не знает, какая местность около дома². Пока они так живут, однажды с неба слышится какой-то шум. Старик выглядывает из окна: сверху, с неба, летит железная гадарга, ныряет в воду, чтобы найти землю. Ходила-ходила, выпрынула — никакой земли не нашла. Вдохнула, опять нырнула в воду. Ходила-ходила, выпрынула — опять пусто, нету земли. Немножко вдохнула, третий раз нырнула, в водах выпрынула, так вдохнула, что горло лопнуло³, но и земле у нее была крошечка земли. Взяла ее и улетела в сторону неба.

Старуха и старик легли спать. На следующий день, когда они встали, с неба снова слышится какой-то шум. Старик смотрит в окно: с неба вниз летит гадарга⁴. Ныряет в воду. Ходила-ходила, когда выпрынула, летит у нее нет, пусто. Немножко вдохнула, снова нырнула в воду. Снова ходила-ходила, когда выпрынула, тоже ничего нет. Немножко вдохнула, третий раз нырнула, когда выпрынула, так вдохнула, что макушка лопнула⁵. В ее макушке — большой кусок земли. Такого обтерла об угол тундрового холма, потом улетела в сторону неба.

Старуха и старик легли спать. На следующий день, когда они встали, земля была пириной с подожу. На второй день, когда они встали, земля уже была несколько хатаан⁶ — настолько она увеличилась. На третий день старуха и старик смотрит в окно: воды совсем нет, все стало землей. Старик говорит бесосемянному ворону:

— Иди-ка посмотри, какой величины стала земля.

Ворон улетел, полчасика делал — земли такой величины стала. Старуха и старик легли спать. Снова встали, снова посылают ворона, чтобы посмотреть величины земли. Ворон с дороги вернулся только и позудил — такой величины земля стала. На третий день, когда они встали, снова говорит ворону:

— Иди-ка посмотри, какой величины земля стала.

Его все нет и нет, так и замечерело. Прям спать ложиться, тут он, почерневший, ирлается. Старик говорит ворону:

— Ты что-то пидежал в дороге.

Говорит ворон:

— Что я мог паделать? Один человек умер, я поел пемного, из-за этого, что ли, и почернел?

— Если ты ел челимена, то уберайся отсюда. Настанет на свете век человека, встанет на свете время человека, и не сможешь ты добывать лесного зверя, не сможешь добывать речную рыбу, на том крошаюм месте, где человек добил лесного зверя, ты и утоляй голод. А в другое дни ложись голодными.

Верон улется в лес, до сих пор там живет.

Теперь старуха выходит из дома. Когда заходит, говорит старик:

— Старик, за домом вырос куст.

Старик говорит:

— С теми корнями, что ость, с теми ветвями, что есть, залоси еще.

Женщина выкопала дерево, занесла. И старик узнает его: это кедр⁶. Говорит старухе:

— Выноси и посади туда же.

А старик-то сам не выходит из дома. Ложат они спать с женой. Когда он остал, жены нет. Ушла она куда-то, что ли? Старик не выходит, так и живет дальше. Живет так четыре-пять недель, заскучая. Хотя ему нельзя выходить, в этот день он вышел искать жену. Подошел к дери, жена на улице, слышно, говорит:

— Не выходи, мой сынок уже дорос до охоты на белок. Я через неделю выйду, а ты не выходи⁷.

Неделю она прожила, потом зашла мать с сыном. Сын уже бежит. Песенный человек, сказочный человек рано дорос растет? Старуха и старик далеко живут-поживают. Их сын дорос до охоты на лесного зверя. Из сердценым ствола, обструганного на стружки, делают ему лук, из сердценым ствола, обструганного на стружки, делают ему стрелу. Начал он охотиться в речном краю, в лесном краю.

Говорит старик:

— Какое имя мы дадим нашему сыну?

Старуха говорит:

— Если бы у нас была дочь, и бы дала ей имя, а мальчику пусть отец даст имя.

Говорит старик:

— Какое имя я дам? Его имя пусть будет Тарыг-пещ-нима-

233-стр. 6.

Тарыг-пещ-нималла-сон идет в лес. Наполняет многие амбары горного края, наполняет многие амбары лесного края: собла, лось просто сами падают. Пока он так ходил, захотел воды попить. В одном месте нашел свободную ото льда речку, прилет, чтобы попить, оттуда смотрит бородастый человек. Отпрянул в страхе. «Здесь, впервые, какая-нибудь чертова река, — думает. — а ней черт, здесь нельзя пить⁸. Поняв, ввербуй лед на озере, снова прилет попить. Снова оттуда смотрит бородастый старик. Снова думает: «Это какое-нибудь чертова озеро». Потом ушел на

Оби. Он дотел до середины Оби, прелег, снова бородатый человек смотрит на него. Он ощущивает себя — это его же борода отражается. Пилел обской воды, потом пошел домой. Зашел, присел на скамейку, как без рта, как без языка: о чем бы мить его ни спрашивала, он ничего не говорит.

Говорит мить:

— Раз не говоришь, то как попадешь когда-нибудь в беду, то вниз тебе не уйти, вверх тебе не уйти.

Говорит отец:

— Ты сл, как без рта, как без языка, неужели ты плохо думаешь о нас?

Только теперь загонорил сын:

— За время, пока моя борода так выросла, неужели ты не видал про женский край, где женщины ходят?

Отец говорит:

— Я же не выхожу. Где находится женский край, где ходят женщины, я не знаю. Ты человек, облажающий демаи, ты человек, облажающий рски, женский край, где ходят женщины, ты сам мщи.

Тарыг-нец-нимал-сов обернул голову, глаза и ног спать. На следующий день встал, его отец говорит:

— Иди к развалившейся конюшне, там поконь. Если чего-нибудь добьешься, то добьешься, а если не добьешься, то как хочешь.

Сын вышел, подошел к углу развалившейся конюшни. Конский навоз начал копаться, там показались концы вожжей. Он захватил конец вожжей и выдернул — такой конь там стоял, как будто спадать собирается, просто качается туда-сюда. Щелкнул нотом между глаз — стал таким конем, что если выдыхает, то из одной ноздри искры клубятся, из другой ноздри дым клубится. Стад трехлетним конем.

Он прыгнул на спину своего коня, тот взлетел, сменялся с идущими облаками, с бегущими облаками. Тел на спине коня достиг Тарыг-нец-нимал-сов Оби. Вот он идет по обскому ру, на вершине пра три осины стоят. Один лист кажется золотым и так крутится, что глазами не уследить. Тарыг-нец-нимал-сов думает: «Наномы мои руки? А ну-ка, я выстрелю туда». Выстрелил стрелой из сердечника ствола, обстрелянного на стружки, прострелил середину листа.

После того как выстрелил, на него палался сон¹⁰. Он заснул, ему снится, что где-то ругается женщина: «Ну вот, дети такие фокусы делают: обходят демаи, обходят реку и стреляют в пубу для упрямства».

Когда он проснулся на спине коня, оказывается, он спит в дверях какого-то дома. Спускается с коня, заходит в дом, там женщина говорит:

— Зб-я, Тарыг-нец-нимал-сов, только сейчас пришла? Долго же ты спал. Торум спустил тебе жену, Параларек¹¹ ее убрал.

Тарыг-нец-нимал-сов говорит:

— Его дело, пусть крадет. Разве я был женат до сих пор? Вся жена жить тоже хорошо.

Тетя накормила, нановола его, и он поехал дальше. Тетя подарила ему обесцвотый нож, железную астробовую шкуру, железную лыжную шкуру подарила ему, железную мышиную шкуру и маленькую шучью шкуру подарила ему.

— Памятник,— говорит она,— теперь пойдешь, а когда придешь, то эти мои вещи отдай назад, они нужны мне. Если пойдешь в какую-нибудь беду, в какую-нибудь нужду, меня слышом громко не зови, только вспоминай¹². Вот пойдешь, посмотри вниз: там стоят семь войлочных домов, овцы-свиньи кругом кишат, как черви. Спустишься к войлочным домам, из войлочных домов появятся однопотные люди, у них один глаз пылкий, а другой здоровый. Ты спроси у них: «Чых овцы-свиньи вы пасете?» Они скажут: «Пасем овцы-свиньи Паранарсеха». Ты скажи: «Так не говорите. Говорите так: „Мы пасем овцы-свиньи Тары-пещ-нимала-сова“». Сзади идет огненный червь. Если вы скажете, что пасете овцы Паранарсеха, то огонь сожжет вас. А если скажете, что пасете овцы-свиньи Тары-пещ-нимала-сова, то по-хорошему обойдется. Потом вылезли их глаза, дунь на них, пусть у них будет два глаза. Потом пойдешь дальше, снова придешь к семи войлочным домам, коровы кругом кишат, как черви. Опять спустишься вниз, дойдешь, покажутся однопотные люди. Спроси у них: «Чых коровы вы пасете?» Они скажут: «Пасем коров Паранарсеха». Ты скажи: «Вы не говорите так. Говорите так: „Пасем коров Тары-пещ-нимала-сова“». Если вы не скажете так, сзади идет огненный червь, сожжет вас. Потом дунь на их руки, пусть все вылезает. Потом опять пойдешь дальше. В одном месте снова будет семь войлочных домов. Кругом везде одни кони. Потом спустишься, придешь, из войлочных домов выплут однопотные люди. Ты спросишь у них: «Чых коней вы пасете?» Они скажут: «Коней Паранарсеха пасем». Ты скажи: «Вы так не говорите. Скажите: „Мы пасем коней Тары-пещ-нимала-сова“». Иначе сзади идет огненный червь, сожжет вас. И вас не будет, и коней не будет, всех сожжет». Если они по-хорошему отнесутся к тебе, то дунь на их ноги, выдери их. А теперь иди.

Тары-пещ-нимала-сова сел на спину своего коня, взял свой сомбранный хлут, смешался с воздушными облаками, с богунными облаками. В одном месте он смотрит вниз: семь войлочных домов стоят, овцы-свиньи кишат, как черви. Кони спустился на землю.

Люди появлялись из домов, все они однопотные. Спрашивают: «Х?»

— Чых овцы-свиньи вы пасете?

— Пасем овцы-свиньи Паранарсеха.

— Нет, так не говорите. Говорите так: «Пасем овцы-свиньи Тары-пещ-нимала-сова». Если скажете: «Пасем овцы-свиньи Паранарсеха», сзади идет огненный червь, всех вас сожжет.

Они склонили головы, деля и его нитам — как же мы скажем: «Мы пасем овец-овней Тарг-нещ-нимали-сона!» Он, нул на них, все они стали зрячими.

Сел на коня, снова сменялся с пущими облаками, бегущи облаками. Нина он шел, в одном месте смотрит вниз: семь в ложных домах стоит. Малые кони кишат, как черви. Не спустился вниз, иривамався. Идет из дома, все с одиорукне.

Спрашивает их:

— Чьих коней вы пасете?

— Пасем коней Паранарсеха.

— Так не говорите. Скажите: «Пасем коней Тарг-нещ-нимали-сона». Сяди идет огниный нар, огонь гожжет нас.

Душу на них, их руки стали здоровыми. Они ложатся к ногам — мы стали рубастыми, как же мы не скажем: «Пас коней Тарг-нещ-нимали-сона».

С этим он сел на шипу коня, снова встал. В одном месте смотрит вниз: там кони кишат, как черви, семь войлочных домов стоят. Его конь снова спустился, из домов выносятся одноногие люди. Спрашивает их:

— Чьих коней пасете?

— Пасем коней Паранарсеха.

— Не говорите так. Скажите: «Пасем коней Тарг-нещ-нимали-сона». Если вы скажете так, то по-хорошему обойдет.

— Как мы не скажем, — говорит.

Тарг-нещ-нимали-сон душу на их ноги — все они стали обесми погами. Его конь двинулся вперед, снова смешался с пущими облаками, с бегущими облаками. Нина он так шел, однажды смотрит вперед: на синие семакырлого железного коня сто город. Его конь спустился к дверям города. Он спрыгнул с коня, принялся его, зашел. Красивца-девица, битатырша-девица, сестрица ему Торумом, живет в доме. Говорит девица:

— Эй, Тарг-нещ-нимали-сон! Долго же ты сиел! Как же я могла бы быть твоей женой? Теперь и жена Паранарсеха.

Тарг-нещ-нимали-сон говорит:

— Что мне теперь девять с тобой? И кроме тебя пайдет хорошая женщина.

Девица застенчалась. Тарг-нещ-нимали-сон говорит:

— Слушай-ка, принеси мне чего-нибудь поесть, и голоды.

— Пусть принесет та хорошая, та красивая.

— Ну а у Паранарсеха какая волшебная сила есть?

Говорит женщина:

— Пусть скажет та мудрая, у меня-то мудрости нет.

— Ну скажи, скажи скорей.

Потом женщина принесла ему еду.

— Ну, — говорит он, — рассказай, какая у него волшебная сила.

— Какая у него волшебная сила? Никакой у него волшебной силы нет. Вот скоро, — говорит она, — он придет в виде ворона

сядет на семивершинную дивственицу, все крад всея городов он оглядит. Если он заметит тебя, с криком улетит в лес.

Он пошел, вышел. Женщина спрянула его коня. Он пошел к комоу дивственицы, зарылся в землю, только один глаз остался наружу, чтобы смотреть вверх.

Снова он так дождя, неслышав крик ворона со стороны верха Урала. Смотрит: летит ворон-старик, его лопатки трут о небо, так высоко он летит. Летят-летят, сел на вершину семивершинной дивственицы. Все края городов до одного осматривает. Потом с криком улетел идеаль. Он заметил Тарыг-пещ-нимала-сона. Тот выскочил, влез в железную дробную шкуру и погнался за воронем. Гониет-гонит его, уже почти донял, но как-то потерял из виду. Смотрит вниз: в виде зайца тот скачет. Он влез в железную зайчью шкуру и снова погнался за ним. Начал догонять, снова потерял из виду. Смотрит назад: там вора мышки виднеется. Он влез в железную мышью шкуру и по той же дороге гонится за ним. Снова начал догонять, а тот скользя из моря в виде маленькой железной шкуи. Он тоже влез в железную шую шкуру и ищелулся след тому человеку. Начал его догонять, и человек в виде шкуи выбрался сквозь морской лед. Он пикантно пойма что по суше, ирубил в чух и прах, свет на огне. Летящую вверх искру прибавляет вниз, летящую вниз искру прибавляет вверх. После того как он прибыл Наранаречка, тот улетел в виде рошпи. Он выстрелил в него своей пробивающей кольчугу стрелой, и вот только половина рошпи летит. Снова свет, из огня тот покаяла в виде желаемого зайца. Он выстрелил своей пробивающей кольчугу стрелой, и вот только два кука от него летят. Снова поджиг и смотрел, пока жар не погас. Цинто не сбегал. Укравший жену человек так и был убит.

Пока он говорил, немного летел на крыльях и в какой-то край попал — не знает. Немного он шел в виде зайца, немного — в виде мыши, немного — в виде маленькой шкуи и в какой край попал — совсем не знает. Ему казалось, что теперь он погибнет, ходит с плачем. Одиавды кто-то за спиной говорит:

— Друг, что ты делаешь? Перестань, мне уже скучно стало.

Глянул туда, а там стоит его конь.

— Садись, — говорит, — мне на спину.

Сел на спину коня. Тот двинулся в путь, смешался с идущими облаками, с бегущими облаками. Пока он так ехал, слышит какой-то шум впереди. Его конь остановился. Говорит Тарыг-пещ-нимала-сона:

— Знаешь, что за шум там впереди?

— Откуда я знаю, что за шум.

— Это свистящий огненный потоп. Одна часть большого огня горит в одном краю неба, другая часть горит в другом краю неба, все небо и земля целиком сгорят¹³. Как нам пройти через огонь?

Говорит Тарыг-пещ-нимала-сона:

— А я откуда знаю?

Говорит конь:

— Залезь в мою подпругу, там возьмешь тридцать аршин белого батиста, тридцать аршин ситца.

Он залез в подпругу коня; оказывается, внутри подпруги дырка. Он издал тридцать аршин белого батиста, издал тридцать аршин ситца, вылез из дырки, обмотал руки-ноги коня, самого себя тоже обмотал. Чувствует, что конь далеко диннулся. Долог лоток, коротко дется, конь остановился.

— Вылезай, — говорит.

Намотанный ситцем хлопьями слезал. Нока они переняла огонь, он спотел. Он едет далеко на коне. Впереди снова какой-то шум слышится.

Говорит конь:

— Что за шум, слышь?

-- Откуда я знаю?

— Смотри-ка вперед, что там творится.

Смотрит вперед: тридцать осей сходятся и расходятся. Что на сите они хлещут, никто не может прикинуть. Говорит конь:

— Ты не думай туда, не думай сюда!¹⁴

Диннулся дальше. Тарыг-пец-нимала-сон думает: «Чем они страшны, эти осины?» Подъехал к осинам, осины сомкнулись, задела Тарыг-пец-нимала-сон. Он упал со своим конем. Куда конь понал — не знает, и сам куда понал — не знает. Когда очнулся, оказывается, зацепился подбородком за ветку, качается туда-сюда. Вниз ему не уйти, вверх ему не уйти.

— Уй-а, — говорит, — мать раньше так и говорила: «Как попадешь в беду, тебе вниз не уйти и вверх не уйти». А теперь, смотри-ка, мне вниз не уйти и вверх не уйти. Моя тети говорила прежде: «Если попадешь в какую-нибудь беду, в какую-нибудь нужду, то призови меня». А теперь где же она? Тут я и погибну.

В это мгновение что-то загрохотало, он смотрит: из трех пры-
дастых коней едет его тети.

— Что с тобой, напуганный? Почему меня так срочно позвал? Я сидела, пила чай, и все чайные чашки разбилось в прах. И какую беду, и какую нужду ты понадел?

— Тети моя, это всего моей гибели. Вниз не уйти, вверх не уйти. Мой конь увесел в какой-то край.

Тети захватила тридцать осей, сама она их пополам, говорит:

— Когда наступит на свете человеческой мир, наступит на свете человеческие время, то какой человек сможет прикинуть через века?

Ослепнулся Тарыг-пец-нимала-сон — тети нигде нет, в сам он упал на землю и там стоит. Коня нет, и вечно нет.

— Золотой мой божо, — говорит, — куда делся мой конь? И тут и погибну.

В это мгновение за синий говорит конь:

— Перестань, мне уже скучно стало, сиди на мою спину.

Он сел радостно на спину коня.

— Возьми свой семитгранный кушт,— говорит его конь,— ударь меня.

Он взял семитгранный кушт, один раз ударил коня, и тот подвядая, смеялся с идущими облаками, с бегущими облаками. Пока он едет, впереди снова какой-то шум слышится.

— Что за шум впереди, знаешь?

Тарыг-пец-нималл-сол говорит:

— Откуда мне знать?

— Если не знаешь, то знай: это хранит старик, лежащий поперек семи облачных чирков¹². Конец нашей жизни, никак мы не сможем пройти, тут мы будем убиты. Твоя тетя прежде не давала тебе чего-нибудь?

Тарыг-пец-нималл-сол говорит:

— Что она дала мне?

Говорит конь:

— Не давала она тебе обоюдоострый нож?

«Привада»,— думает он,— она давала мне обоюдоострый нож.

Говорит конь:

— Иди, алезь в мышиную шкуру, отрежь ему крылья по-са и мочки ушей; если так назначено, чтобы твоя песня продолжалась, твои слова продолжались, то сможешь, если не назначено, то убьют тебя.

Тарыг-пец-нималл-сол алез в мышиную шкуру, пошел в пещеру мыши к старуку, лежащему поперек семи облачных чирков. Его конь остался там. Как старик выпустит воздух — его унесет на зад, как дует ветер — его чуть не вгоняет в иссари. Он старается удержаться, еле-еле улетает. Вынул обоюдоострый нож, отрезал крылья носа и мочки ушей старика, положил их в карман. Его конь говорит:

— Иди скорей, свяжись.

Он побоялся к коню, сел ему на спину, конь двинулся вверх. Когда старик, лежащий поперек семи облачных чирков, бросился в погоню за ним, конь поднялся. Тот не догнал. Говорит старик, лежащий поперек семи облачных чирков:

— Эй-а, Тарыг-пец-нималл-сол, в будущем, пока не умрет последний мужчина, ты будешь жить бегом, а со мной покончено.

Тарыг-пец-нималл-сол отвечает ему:

— Когда настанет на свете человеческий век, настанет на свете человеческое время, какой человек сражится с тобой? Из-за этого я и убил.

Конь двинулся дальше, смешался с идущими облаками, с бегущими облаками. Летел-летел конь Тарыг-пец-нималл-сола, однажды приостановился, говорит:

— Наденешь ли мой пояс сверток бересты, наденешь ли мои руки-ноги свертки бересты, а мои хвостом обмотай саблю.

Надел он на нос и руки-ноги свертки бересты, хвостом обмотал саблю. Его конь говорит:

— Теперь садись на мою спину.

Он сел на спину коня, конь поднялся, смешался с вдувшими облаками, с бегущими облаками. Ехали они, ехали. Однажды конь спустился на землю. На месте приземления стоит дом с амбаром. Говорит конь:

— Слезай, иди захвати дочь старухи Кирт-нбан-экам¹⁸, мать как раз заснула. Когда он пошел, говорит конь:

— Не ходи, иди сюда. Наруг ты подумаешь лишнее, а старуха проснется, и конец нашей жизни будет. Лучше сначала зайди в мою поодру, там кабак, и там набавишь три чарки.

Тырг-нещ-нимали-сон заходит в поодру коня, оказывается, в поодре кабак. Выпив три чарки, вышел. Говорит конь:

— Теперь иди захвати дочь старухи Кирт-нбан-экам.

Зашел в дом, вытащил оттуда дочь. Говорит конь:

— Сидись скорой, она уже идет на нас.

Едва он динел до коня, появилась на улице старуха Кирт-нбан-экам. Говорит конь:

— Бросай женщину, а то уже догонит.

Он бросил женщину, быстренько сел на спину коня, динулся вперед. Старуха Кирт-нбан-экам схватилась за нос коня, конь махнул головой — берестяной сверток слетел. Она динулась к передним ногам коня, схватилась за них — берестяной сверток слетел. Потом динулась к задним ногам коня, конь как подскокал вверх, берестяные свертки тоже слетели. Потом она динулась к хвосту коня, все пальцы ее рук порезались о савблю. Она начала их догонять — тут схватится за них, там схватится за них. Говорит конь:

— Что у тебя в руке? Пас пот-пот схватит.

Говорит Тырг-нещ-нимали-сон:

— Ничего у меня в руке нет.

Кирт-нбан-экам тут хватает их, там хватает их. Говорит конь:

— Ты чего ждешь-то? Разве не знаешь, что у тебя в руке?

Он глянул по руке: сомкнутый кулак у него в руке. Как ударил коня, тот смешался с вдувшими облаками, с бегущими облаками. Старуха Кирт-нбан-экам говорит:

— Эй-а, Тырг-нещ-нимали-сон, ну и украл дочь, теперь биг вляд тебя, ты сякаси.

Поехали дальше. Однажды они приехали в город Паранарес-ха. Конь спустился к воротам города, как раз его жена появилась на улице. Они влялись за руки, жена ввела его в дом. Дома она говорит:

— Эй-а, несенный человек, сказочный человек, много мук ты пережес.

Поставила стол с пивной едой, с медоупишной едой, начали есть. Однажды говорит его жена:

— Выходи-ка, твой конь зовет тебя на узипу.

Вышел, конь подвля ногу.

— Иди, — говорит, — какой-то супон уколол ногу.

Он подходит. Оказалось, дочь старухи Кирт-нбан-экам прилипла там. Они вернулись с дочерью старухи Кирт-нбан-экам.

Он сидел между двумя женщинами, обнимался, целовался. Пошли, он говорит своим женам:

— Я сейчас лягу спать. Если до моего пробуждения ты не увезете меня к матери-отцу, старухе-старуке тулупного хозяина, то нашей жизни конец, нашу шкуру разрублю я, как волос. Этот город со всем народом-добром, с овцами-коровами, козлами — все увезито на мою землю.

Он обернул голову, глаза. Раз во время сна слышит: какал-то старуха ругается.

— Ну что за привычки у молодых?! Теперь жена пусть ходит по делу, а муж пусть лежит? Вот как мучает моих милых детей. Недавно я ему давала обоюдоострый нож, давала железную истребительную шкуру, давала железную зачехленную шкуру, давала железную чашинную шкуру, давала маленькую шучью шкуру, и вот пропозит из мимо.

Он продолжает лежать, не встает. Вот как-то жена его будит:

— Вставай, мы приехали.

Он встает. Оказавшись, он приехал к матери-отцу. Но зная, как родители давились к нему, не зная, как он двинулся к родителям. Обнимались, целовались. Вырос такой горюх — стоит, разрезая бегущие облака, стоит, разрезая идущие облака. Возник серебряный дом, возник золотой дом. Дальше живут-поощивать.

Дного мил, коротко жил в доме тулупного хозяина. Однажды Тарыг-пец-нимала-сов говорит своим женам:

— Я слова пошцу женский край, где женщины ходят, снова пошцу мужской край, где мужчины ходят.

Говорит его мать:

— 38-а, когда наступит на свете человеческий век, человеческое время, весеннюю безну, осеннюю белку с такой же допкостью будешь искать.

Обнялись, поцеловались, он вышел, сел на спинку коня, поехал. Дного охал, коротко ехал, однажды его конь спустился в средину моря. Оказавшись, через воду ходят серебряная дверь, золотая дверь. Коня оставил там, сам зашел. Пришел вниз, там город водяного царя, серебряный город, золотой город. Возле дома стоит маленький дом⁴, туда и зашел. В маленьком доме сидит женщина с водяными косами и с водяной краской. Вот и говорит дочь водяного царя:

— 39-а, Тарыг-пец-нимала-сов, Торум, наверно, мне тебя называли.

Обняла, поцеловала его. Павной едой, медовушкой едой накормила. Говорит женщина:

— Иди к своим братьям, зайдя в большой дом. Если там выдержишь, то выдержишь, если не выдержишь, то как хочешь.

Он встал, пошел. Зашел — семь мужчин играют в карты. Вглядевшись на него, он чуть не упал, с трудом выдержал.

— 38-а, Тарыг-пец-нимала-сов, — говорит они, — что тебя привнесло сюда, что тебя привело сюда?

— Живому человеку чего ходить в одно и то же место?

— Если хочешь быть нашим зятем, нашим свойственником, то садись за стол.

Он сел за стол, продолжали играть в карты-шахматы. Он — мастер, лучше тех семи умеет, он мастер. Однажды говорит он семи мужчинам:

— Я человек, имеющий свою землю, человек, имеющий свою реку, заскучал по своей земле-реке, пойду-ка.

Он пошел, новость приготовили. Говорит дочь водяного царя:

— Какое приданое тебе надо? Корону-лошадь тебе надо или речную рыбу тебе надо?

Тырг-пещ-нимали-сов говорит:

— Конечно, речную рыбу надо. Когда настанет на свете человеческий век, настанет на свете человеческое время, что будут люди есть?

Жена говорит:

— Ты иди вперед. Когда ты придешь, тогда я сама приеду. Тырг-пещ-нимали-сов поднялся к своему коню через дверь. Оказавшись, его конь так заморился, что его мясо поплыло, его кости кончались. Тырг-пещ-нимали-сов подал на него — каким конем раньше он был, таким животным раньше он был, а теперь и того лучше стал. Из одной ноздри искры летят, из другой ноздри дым летит.

— Сядься, — говорит, — на мою спину.

Он сел на коня и тронулся в путь, смешался с идущими облаками, с бегущими облаками. Пока он так ехал, в одном месте спустился. На том месте, куда спустился, — дестили, се перхушка летит в небо. Своего коня призывал к иртуину, вырешему иначе летом, призывал к трапичю, вырешему иначе летом. Сам изобразил во дестиле. Пришел он на небо. Месяц-старик сидит на гибящей парте. Тырг-пещ-нимали-сов, как ни гонится, как ни гоняется за ним, не догонит. Крутятся, крутятся, снова и снова едут по тем местам, где уже ехали. Тырг-пещ-нимали-сов стал ждать в одном месте. Месяц-старик провозяет.

— Эй-а, Тырг-пещ-нимали-сов, — говорит, — ты здесь. Как ты попал сюда?

— Никому человеку чего ходить в одно и то же место?

На том месте, где они встретились, стоит дом. Месяц-старик говорит:

— Тырг-пещ-нимали-сов, заходи, я вотом приеду.

Говорит сидящей в доме дочери:

— Не мучай чужого человека.

С этим месяц-старик поехал, а он зашел. Женщина сидит за загородкой с пологом, оп присел. Долго сидел, коротко сидел, падал он нерелуть. Хлод одолевает и одолевает его. Заходит месяц-старик, зарулся он доч:

— Что за припычка у молодых?

Сразу никакого холода не стало. Месяц-старик принял его в зятя, принял его в свойственника. Пошел к загородке с пологом, он ночь ночевал там, встал на следующий день и вошел один.

Долго шел, коротко шел, однажды привал к солнцу старухе. Как ни гонится, как ни гонится за ней — не догонит. Солнце-старуха едет на трех конях. Тогда он стал догоняться в одном месте. Солнце-старуха подъехала туда. Оказывается, там стоит дом. Солнце-старуха говорит:

— Эй-а, Тарыг-пещ-нимал-сов, что тебя принесло сюда, что тебя привело сюда?

— Иному человеку чего ходить в одно и то же место?

— Заходи, я потом заведу.

Говорит дочери:

— Чужого человека не мучай.

Он зашел, полог висит перед загородкой. Долго, коротко сидел он там, полог зашевелился. Жара одолевает и одолевает его, он потом извошел. Солнце-старуха заходит, заруталась на дочь:

— Что за приличка у молодых?

Никакой жары не стало. Покормили его пьяной едой, медовушкой едой. Поел, говорит старухе-солнцу:

— Ну-ка, я понесу солнице.

Солнце-старуха говорит:

— Правильно ли будешь нести его?

— Разве я плохо его несу? Так же хорошо понесу я.

Солнце-старуха говорит:

— Как хочешь, если хорошо нестишь, то неси.

Тарыг-пещ-нимал-сов взял солнице, понес. Смотрит вниз: на пляжине земле малый народ, все до одного одноплазые, криворотые. В одном месте дерутся двое мужчин, дерутся до крови. Тарыг-пещ-нимал-сов думает: «Если бы я был там, в драке этих сухих сынов я бы разобрался». Как только он подумал так, те свалились, умерли. Едет дальше. В одном месте снова смотрит вниз: две женщины терпят, ругают друг друга. Он думает: «Если бы я был там, ну, сучья, а бы с ними разобрался». Они свалились к черту, умерли. Поехал дальше. Долго или коротко стал, однажды привал к старухе-солнцу. Старуха-солнце сиропит:

— Хорошо съездила?

— Ну, съездила.

— Ничего плохого не делала?

— Не делала.

Старуха-солнце говорит:

— Тарыг-пещ-нимал-сов, если бы ты носил солнице, не осталось бы стоящего человека, всех бы убил. Зачем ты убил этих четырех человек?

Тарыг-пещ-нимал-сов говорит:

— Дерутся-ругаются, я просто подумал, а они свалились.

Старуха-солнце говорит:

— Когда настанет на свете человеческий век, человеческое время, таким образом всех людей убьешь.

Зашли они к дочери. Старуха-солнце приняла Тарыг-пещ-нимал-сова в зятья, привала в свойственников. Зять говорит:

— Эти живущие на мягкой земле люди почему все одноплазые, криноротые?

Старуха-солнце говорит:

— Такие же здоровые, дуугазые люди они, такие же здоровые, приморотые люди они, только если они против тебя смотрят, их глаза не могут вытерпеть.

Тарыг-пещ-пимала-сов похваст Старуха-солнце говорит:

— Когда пойдешь обратно, мою дочь, лулу-дочь, найдешь ли у лестницы, то найдешь, по найдешь — твою дею.

Жену оставил там, а сам спустился по лестнице, пришел вниз. Ночь заморился от голода — в костей нет, и мяса нет. Подул на него — каким кошем раньше он был, а теперь еще лучше стал. Из одной ноздри изубится искры, из другой ноздри изубится дым. Сел на спину коня, снова тронулся в путь, смешался с идущими облаками, с бегущими облаками. Долог ехал, коротко ехал, однажды прехал и снале с дырой. На тем месте, где небо свисает, снала с дырой обтнута семикратным железным перенесом. Он палел в железную лостребную шкуру. Старик, караулящий перенес, говорит:

— Эй-а, Тарыг-пещ-пимала-сов. По всей земле ты хитрил и хитрил, но если даже и переберешься через мой железный перенес, ты попадешь в мою железную рыболовную сеть.

Тарыг-пещ-пимала-сов смотрит: у перенеса только одна ячейка из слабого железа, а все остальные сделаны из крепкого железа. Он бросился туда, еле пропих через ячейку из слабого железа, его крылья отрезало. И упал в воду. Говорит старик:

— У меня есть и железные рыболовные сети. Ты пробрался через железный перенес, а все равно в тебя поймю железной рыболовной сетью.

Он смотрит на железные рыболовные сети — в них только одна ячейка из слабого железа, другие все сделаны из крепкого железа. Когда он упал в воду, то поплыл дальше к ячейке железной маленькой шуки. Ходил-ходил — как бросится в ячейку на слабого железа! Но ему не пробраться, тут и попался. Старик говорит:

— Я его добыю.

Жена говорит:

— Я его добыю.

Жена держит маленькую шуку, ее муж начинает добывать железной колотушкой. Старик говорит:

— Дерки покрепче!

Как ударил железной колотушкой, маленькая шука выскользнула, и он руку жене пережмолил. Жена ругается:

— Только что говорила: «Я добыю». Теперь ты держи, а буду добывать.

Старик держит ее, жена здоровой ручей добывает. Маленькая шука выпрыгнула, рука старика пережмолилась ошалами. Выпрыгнув, маленькая шука упала, пробралась через сеть.

Тарыг-пец-нимала-сов полетел в южный край и виде маленького гуса. Прилетел к дому Южной старухи-старика. Снял с себя гусиную кожу, зашел. Старуха и старик сидят. Говорят:

— В другом конце света о тебе слышно, Тарыг-пец-нимала-сов, что тебя привнесло сюда, что тебя привнесло сюда?

— Жилому человеку чего ходить в одно и то же место?

Южная старуха вышла, поймала двух живых чирков, занесла их, убила, поставила варить. Тарыг-пец-нимала-сов съел их. Женщина вынесла их косточки, рассела в озере с живой водой. Они подтели чирками, крикам.

Говорят южная старуха и старик:

— Тарыг-пец-нимала-сов, выходи-ка. Если что-нибудь подучиш, то подучишь, а если не подучишь — твоё дело.

Тарыг-пец-нимала-сов вышел, смотрит: возле дома маленький домик. Зашел туда. Внутри маленького дома, оказывается, сидит женщина с открытой головой, ее косы распушены, еще только их заплетется. Ее колени покрыты шелком, кромок шелка колыхается. Тарыг-пец-нимала-сов говорит:

— Давескую замасю я прошёл, я думал, какую-нибудь порядочную женщину найду, про которую слышно было, что семь черняшек заплетены, семь морянок заплетены, а вот накону — никакой черняшки нет, никаких морянок нет, на коленях нагульный ребенок шевелится!

Женщина отдернула шелк: семь черняшек, семь морянок вытесали, его глаза и уши царапают туда, царапают сюда. Он говорит женщине:

— Хватит, забирай их. Мои глаза-уши зацарапались нынче.

Сел рядом, обнялись, поцеловались. Девушка говорит мужу:

— Иди к моей матери-отцу. Пусть тебе дадут одну золотую гусиную шкуру и одну золотую лебединую шкуру.

Тарыг-пец-нимала-сов пошел к старухе-старнику, говорит:

— Дайте мне одну золотую гусиную шкуру, одну золотую лебединую шкуру.

То сидят носившие головы. Старик подложил голову, дал зятю одну золотую гусиную шкуру, одну золотую лебединую шкуру. Сам взял и золотую гусиную шкуру, его жена взяла и золотую лебединую шкуру. Говорят Южная старуха и старик:

— Наша дочь, наш зять! Пастает на свете человеческий век, настанет на свете человеческое время, этих гусей-уток мы приготавлим в приданое нашей дочери. Попа оставлены на свете один мужик, одна женщина, пусть их едят, пусть никогда они не выживутся.

Обнялись, поцеловались и подтели. Гуси-утки присоединились сюда к ним. Через скалу с дырой вылетели на этот свет. Тарыг-пец-нимала-сов тут и явился своего кося, тот совсем уж заморился — костей нет и мяса нет. Он подал на него — наком конем раньше был, а теперь еще лучше стал.

Тарыг-пец-нимала-сов в виде гуса сел на синюю коня, а его жена летит на крыльях. Приехали к лестнице, там дочь солдана

старухи и луна-дочь тронулись в дорогу со своим копытным облагом, коровьим облагом. Долго ехали, коротко ехали, открылась дочеря гиреда копытного царя в середине мира, дочь водяного царя появилась оттуда. Посехали дальше. За ними речные рыбы, гуси-утки плывут-летят, как тонучая вода, просто плывут. Долго ехали, коротко ехали, приехали в его город. Вынулись к матери-отцу, обнимались-целовались. Выросе такой город, что стоит, разрезая бегущие облака, стоит, разрезая идущие облака. Вблизи дом, истекающий текучим золотом, великий город, истекающий текучим золотом. Нет ни одного гвоздя, на котором бы собралась шкурка не висела, нет ни одного гвоздя, на котором бы зверяная шкурка не висела.²²

Поставили стол с явниной едой, с медоушной едой, ели-пили. Пока они едят-пьют, что мать говорит:

— Когда-то настанет на свете человеческий век, настанет человеческое время, во всех краях с богатырями, где живут многие женщины с липецкими халатами, где живут многие мужчины с липецкими халатами, во всех краях с богатырями.²³ Будут приносить тебе в жертву рогатого оленя, будут приносить тебе в жертву копытного оленя.²⁴

Теперь он обернул глаза, голову, лег спать с шестью женами. Проснулся на следующий день, выткнул руку — приоткрылся рукой к теплему месту, выткнул ногу — приоткрылся ногой к теплему месту.²⁵ Его мать-отец подошла к нему, мать говорит:

— Ты, сынок, останешься теперь на нижнем свете²⁶, а мы пошли на верхнее небо. Когда-то настанет на свете человеческий век, настанет на свете человеческое время, быть тебе на нижнем свете пидарителем света. Пусть твой отец живет в верхнем свете богом Торуумом, а я буду жить Кахтаею.

Разошлись в три стороны. До сих пор живут в изобилии в богатстве.

§106. Сказание о северных землях

Живут старуха со стариком. Поскольку вода. Их дом в воде находится. Долго жили, коротко жили. Слышно, кто-то легит. Старик выглянул на улицу. Смотрит: сверху летит железная гайера. Вниз спускается. Поправила слон ярыла в парь, пропелые далекую землю. Выпрыгнул в воду. Долго прыгала, коротко прыгала, выпрыгала. Под шеей кровь показалась, пия у нее допрыгала. В клюве держит маленький кусочек земли. Принесла кусочек земли, привела его между бревнами. Поднялась и полетела туда же вверх.

Старуха со стариком живут. Жили, жила. П одна из двух слышно, кто-то летит. Старик выглянул на улицу. Летит другая железная гайера. Спустилась на воду. Поправила слон ярыла в парь, пропелые далекую землю. Выпрыгнул в воду. Долго прыгала, коротко прыгала, выпрыгала — пияго у нее ист. Немно-

го посидела и снова выинула. Выинула — ничего у нее нет. Третий раз выинула. Накрошила в котел мороженой рыбы, парила в котел талой рыбы. Когда котел с мороженой рыбой, с талой рыбой вскипел, гатара выинула. На голове у нее кровь выдала. В кашле, дохнет маленький кусочек земли. Плотно его прикусила. Принесла на заворки дома, сушила между бревнами. Поднялась вверх и улетела.

Старуха со стариком остались. Старик жил три дня, спал. Вытащил на улицу, смотрит: у ворота остался маленький кусочек земли. Старик прожил три дня. Открыл дверь, смотрит: земля уже темного выросла. Захлопнул дверь. Прожил еще три дня. Открыл дверь, вышла на улицу. Ходит. Весь дом оброс землей. Вошел в дом, три дня жил и снова на улицу вышел. Смотрит: земли нет, кругом земля. Вошел в дом. Три дня жил, спал.

У старика есть белый ворон.

— Слушай, облетаю землю. Посмотри, какой величины стала

земля.

Белый ворон полетел. Летел три дня. Возвратился:

— Величина земли такая: за три дня ее облетел. "

Старик жил три дня, на третий день говорит:

— Ступай, еще раз посмотри, какой величины стала земля.

Полетел. Вернулся через пять дней:

— Земля стала такой величины: осматривал ее пять дней.

Ворон три дня жил дома. Утром встал.

— Ступай посмотри, какой величины стала земля.

Полетел. Довольно летая, коротко летал. На седьмой день вернулся:

Оказывается, земля стала такой величины: осматривал ее семь дней.

Ворон сделался черным. Старик говорит:

— Почему ты стал черным?

— Я долго летая, сильно проголодался.

— Нет, ты сделал что-то плохое.

— Нет, сильно захотелось есть, потому и почернел.

— Нет, ты сделал что-то плохое.

— Правда, сделал плохое. Человек умер. Я съел четыре кусочка его тела. Потому и почернел.

— Ступай куда глаза глядят, больше ты мне не нужен. Если бы не съел человеческого мяса, ты сам добывал бы рыбу, добывал бы лесного зверя. Теперь не будешь добывать рыбу, не будешь добывать лесного зверя. Там, где человек убьет оленя или лося и обдерет их, в том месте останется кровь. Мясо человек себе возьмет, ты же пей кровь.

Ворон улетел.

Старуха со стариком остались одни. В один из дней старик вышел на улицу. Ходит. Оказывается, на задворкахросло дерево. Как будто оно с корнями и ветками, выросло его и принес домой. У старика есть маленький ножик. Пожиком стругает дерево. Говорит старухе:

— Какое это дерево?
 — Пусть оно называется кодром.
 Старик локтем порезал себе руку. Потекла кровь, течь не перестает.
 Старуха говорит:
 — Протяни сюда руку.
 Старуха приложила рот к его руке и высосала кровь. Старуха говорит:
 — Ступай отнеси дерево назад, поставь его на то же место, где оно было раньше.
 Старик вернулся домой. Легли спать. На следующий день старик рано проснулся. На улице все еще ночь. Темно. Старуха нет. Выскочил из дома. Темно. Ищет, ищет старуху, не может найти. Полня искать в лес. Заблудился.
 — Хитит, пойду домой, утром помогу.
 На обратном пути около своего дома увидел маленький берестяной домик. В берестяном домике горит огонь. Заглянул туда, видит: сидит старуха, мальчика родная, в люльку его укладывает.
 Старуха говорит:
 — Ступай домой! Не твоё дело!
 Старик ушел к себе в дом. Прожили семь дней. Старуха вошла в дом. Прибродилась. Устроила транеу¹. Старик говорит:
 — Наречем нашего сына именем.
 Старуха говорит:
 — Каким же именем мы его наречем?
 Старик говорит:
 — Гары-нец-пимала-сов.
 Живут. Долго жили, коротко жили. И вот их сын стал охотиться в урманной стороне, в лесной стороне. Наполняет много амбаров красным зерном, черным зерном. Однажды, когда он ходил, ему сильно захотелось пить. Спустился к озеру. Озеро замерзло. Нашёл топор, прорубил прорубь. Лег к проруби, чтобы напиться. Из воды выскочил бородастый мужчина. Испугался. Вскочил. Говорит:
 — В этом озере живет черт. Пряду к реке, к Сосье. Там палился. Там на течениа черта нет.
 Пришла на Сосьну. Прорубил прорубь. Наклонился, чтобы напиться воды. Из воды на него взглянул бородастый мужчина.
 — Хватит. Пойду на Обь. Здесь живет черт.
 Пришел на Обь. Прорубил прорубь. Лег. Нагнулся, чтобы напиться. Из воды выплынул бородастый мужчина. Искочил:
 — Посмотрю еще раз, что там такое? Что там за черт испот? Хорошенько рассмотрю его.
 Смотрит внимательно и видит свою одежду и свое лицо. Досыта напился. Говорит:
 — Будет, пойду домой. Вот каким я уже вырос, а они даже жены мне не дали. Борода у меня по грудь.
 И вошел обратно к своему дому, к своим родителям.

Сила с себе ремени, обремененный черным зверем, красным ястребом. Закутался с головой и лег. Ца с ним не разговаривает. Утром встал. Умылся. Сварядился. Мать поставила перед ним пищу в блюде, пищу в чумане:

— Ешь, сынок.

Сила ест. Поел, с едой покончил. Мать говорит:

— Сынок, вчера ты ходил по дороге, которая ввергла тебя в гнев и злобу.

— Как же мне не гневаться?! Борда у меня по грудь выросла, а мы не узнали еще, где находится женский край, исходивший жещивами; не узнали еще, где находится мужской край, исходивший мужчинами. Вот почему я рассердился!

Мать говорит:

— Сынок, ведь ты ходишь в урманную сторону, в лесную сторону. Если где и встретишь человека, то встретишь ты. Разве нам, лесным в доме, отыскать человека?!

Сыл думает: «Разве им, лежа в доме, узнать, где живет человек?»

Вышел на улицу. Похаживает. Ходил, ходил, назад идет. Ни-чего не видел. Приблизился к дому. Смотрит: стоит там то ли конюшня, то ли хлев, два угла в землю провалились. Вошел туда, низ смотрит. Видит навоз, оставшийся от лошадей и коров. Лошадей и коров нет. Лошадиный навоз, коровий навоз плавает водой. Показался лок в подполье. Лок открыл. Вниз смотрит. Видит там то ли лошадей, то ли коров. Спустился в подполье. Ухватил что-то мохнатое. Вытащил вверх. На улицу вынес. На пойманном животном лошадиный навоз, коровий навоз. Поела на Обь и проруби. Моет, моет и вот видит: стоит перед ним конь с пестрыми бедрами, с пестрыми лопатками; стоит конь с изображением мещи, с изображением слани. Поел его на берег и корону своего дома. Там поставил. Вошел в дом к матери. Мать дала ему узду с серебряными кольцами, с серебряными кистями. Принял коня и верхний зарубие семи-суставного железного стога¹. Вошел в дом. Мать нырнула в углу дома с углами. Вынула корб с семью перегородками². Открыла крышку корба. Вынула колыту.

— Сынок, надень ее.

Надел. С трудом переставляет пог, как две жерди рыболовного зипора, устроенного на быстром течении Оби. Сузла руки в рукава: плору его кистям, плору его телу. Мать нырнула в углу дома с углами. Вынула корб с семью перегородками. Открыла крышку корба. Вынула семисуставную саблю:

— Сынок, возьми ее.

Взял в руку. Вперу его кистям, вперу его телу. Мать нырнула в углу дома с углами. Вынула корб с семью перегородками. Открыла крышку корба. Вынула трестравную плеть, дала ее сыну:

— Сынок, вот твоя сила для путешествий по земле, для путеше-
ствий по морю.

Порвалась в углу дома с углами. Вынула короб с семью пера-городками. Открыла крышку короба. Вынула разрисованное седло, какого не видели мужчины, какого не видели женщины. Вышла на улицу. Пошла к коню. Оседлала коня. Сел в седло в образе золотой утки, в образе золотого гуся. Пустелся в путь.

Мчит его конь туда, куда клонится его голова, куда гнется его шея. Несет его конь среди бегущих облаков, среди плывущих облаков. Когда он так мчался, видит: приехала на озерный берег с земным простором. Смотрит вверх. Осипа стоит. Ветней на ней нет, стала голый. Лишь на самой верхушке один лист. Взял в руки лук и стрелу:

— Собью с осипы лист. Понаду или нет?

Потянула лук, вставила стрелу. Стрела полетела, попала в середину листа, пробивая его насквозь.

— Ослыпается, хорошее у меня рука! Если попадется мне эшерь, не уйду ему от меня! Убью его.

Тронулся дальше в путь. Когда ехал, услышал. Одианды слышит, кто-то бранился:

— Ешь тоже человек!. Вырастят такие сильные руки, вырастят такие сильные ноги и даст им полную волю. Зачем ты пробил стрелой кусок моей востеда, предназначенной для сна?!

Дальше едет. Немного проехала. Стоит один дом, олки амбар. Конь остановился. Он приехал кони к верхней зарубке семпустающего железного стога. На улице никого нет.

— Зайду в дом. В этом доме, может быть, кто-нибудь жинет. Пошла в дом. Сидит старая женщина. Голова у нее седая, как шерсть заячьего меха.

— Эх, нуучек, долго же ты пролежал, долго же ты проспал! Нуучек. Нуи-Торум. Батюшка твой, спустил тебе с неба жену. На третий день твою жену унес Нарпарсеха.

Он отвечает:

— Его ноги, пусть унесет.

Старуха напортила его пищей на чумпан, пищей из блюда. Старуха дала ему шкуру маленькой шuki, дала ему шкуру мамонта, дала ему шкуру истреба, дала ему шкуру лосенного зайца, дала ему похищцы.

— Ну вот, нуучек, теперь поезжай. Долго будешь ездить, коротко будешь ездить, на обратном пути возврати данные тебе вещи. В горе понадешь, в беду понадешь — неси мои.

Вышел на улицу и поехал. Долго ехал, коротко ехал. Стоит войлочный чум. Лошади пасутся. Люди живут.

— Чых коней пасете?

— Мы пасем коней Нарпарсеха.

— Вот, не говорите так. Исход за мной едет Огиппный царь, он спавит нас огнем. Не говорите так. Лучше скажите: «Мы пасем коней Тарыч-меш пималы сола».

Они с ним целуются, обнимаются. Если по было у них одежды, он снабдил их одеждой. Если не было у них пищи, он снабдил их пищей.

Долго ехал, коротко ехал. Стоит пойлочный чум. Короны па-сутся. Люди живут. Спрашивает их:

— Чьих коров пасете?

— Мы пасем коров Наранарсеха.

— Нет, не говорите так. Сяди едет Огненный царь, он пас огнем сивалит. Говорить следует так: «Мы пасем коров Тарыг-пещ-нимала-сова».

Они с ним целуются, обнимаются. Если не было у них нищи, он сивадия их нищей. Если не было у них одежды, он сивадия их одеждой. Показал дальше.

Долго ехал, коротко ехал. Стоит пойлочный чум. Овцы па-сутся. Люди живут.

— Чьих овец пасете?

— Мы пасем овец Наранарсеха.

— Нет, не говорите так. Сяди едет Огненный царь, он нас огнем сивалит. Так скажите: «Мы пасем овец Тарыг-пещ-нимала-дид-пещ».

Они с ним целуются, обнимаются. Если не было у них одеж-ды, сивадия их одеждой. Если не было у них нищи, сивадия их нищей. Давайте показ.

Долго ехал, коротко ехал. За морем показался город. Подъ-ехал. Смотрит. Стоит один дом. Дом величавой с горой, величи-ной с деревом. Копь остановился у подножия семисуставного железного столба. Он привязал конскую узду к верхней зарубке семисуставного железного столба. Пошел к двери дома. Пошел. Стал открывать дверь. Дверь назад тинут. Он к себе тинет, а кто-то тинет к себе. Открыл дверь. Вошел в дом. На пороге

— Эй-эй! Тарыг-пещ-нимала-сов, долго же ты спал! Не звать тебя, не сивадить.

— Приехала я не за тобой, хорошей женщиной, красивой женщиной.

Дверь захлопнулась, и он остался. Пошел внутрь дома. Пещет, ищет женщину, найти не может.

Устал, сея и говорит:

— Ей виан, хватит. Ведь человек не всегда говорит одно

и другое.

И вот в последней комнате послышались плаги женщины. По-дошла к нему. Расцеловались, обнялись. Приготовила стол с пшавой едой, с медовой едой. Стала есть, пить.

За стол, за пшавой он спрашивает:

— Какими чарами обладает Наранарсех?

Они отвечает:

— Не похоже на то, чтобы он смог тебя убить.

Посел, пошла, с едой покинула. Женщина говорит:

— Выйдешь на улицу. За домом стоит большая ластовница. Ступай в подползку этой ластовницы. Сирисчи под мих, а сам из-под миха заблядай. О михе не думай. И его сиричу.

Вышел из дома, подошел к подножью ливневницы, забрался в мих, смотрит. И вот видит: над Южным Уралом повисло на небе облако, висящее с сырковой грав. Долго смотрел, коротко смотрел. Облако ближе продвинулось. Оказывается, летит сюда крылатый Пунух, которому поклоняются и которому приносят жертвы люди адептов мест. Спустился на вершину ливневницы. Сел на вершину большой ливневницы, рожденной землей, рожденной небом. Оправляет крылья, прошедшие далекую землю, оправляет перья, прошедшие далекую воду. Немного пошевелит и полетит.

— Эй-эй! Тарыг-пещ-нималы-сов, когда ты пришел? Ублет еще невил.

Ничего полетел, выкружился и спрятался сел на вершину ливневницы, рожденной землей, рожденной небом. Женщина говорит:

— Тарыг-пещ-нималы-сов давно убит. Ни костей, ни мяса от него не осталось, все сгнило.

Он немного пошевелит, испорчу и полетит.

— Эй-эй! Тарыг-пещ-нималы-сов, когда это он пришел? Ублет меня. Лучше улечу.

Ничего полетел. Вернулся. Сел на ту же высокую ливневницу, рожденную небом, рожденную землей. Женщина говорит:

— Тарыг-пещ-нималы-сов давно убит. Ни костей, ни мяса от него не осталось, все сгнило.

Ничего пошевелит, испорчу и полетит.

Тарыг-пещ-нималы-сов выскочил из укрытия, залез в шкуру железного истребителя и вылетел. Догоняет его, чтобы убить. Немного спускается: смотрит: нет его пиле, куда-то нечел. Оказывается, нырнул в море в образе железной гагары. Тогда он залез в шкуру маленькой щуки и пачка его преследовать. Говит, говит. Но вот потерял его из виду. Оказывается, выскочил на берег и превратился в зайца. Тогда он тоже залез в зайчью шкуру и начал его преследовать. Говит, говит. Но вот потерял его из виду. Оказывается, летит в образе золотой утки-чирка. Теперь нет у него больше способа, чтоб настичь его. Взял он лук и стрелу. Пустил стрелу и попал в самую середину золотой утки-чирка, припала ее шею. Расскопался утка на мелкие кусочки, упала на землю. Подошел, взял в руки. Поглядел. Подошел к земле. Принес дров. Разжег костер. Положил утку на огонь. Огонь разгорелся. Смотрит: никто из огня не вылетает. Но вот видит: по затухает один маленький уголек. Уголек раскопался, и выпорхнула из него золотая утка-чирок. Взял лук. Пустил стрелу.

Попал. Надвое расколол стрелу золотую утку. Взял ее, положил в тот же костер. Принес дров. Разжег огонь. Огонь разгорелся. Смотрит: никто из огня не вылетает. Огонь потух. Тлеет только один уголек. Уголек раскопался, и выпорхнула из него золотая утка-чирок. Взял лук. Пустил стрелу. Попал в золотую утку, и утка раскололась на две части. Взял утку, положил в костер. Принес дров. Разжег огонь. Золотая утка-чирок загорелась.

Сгорела вся дотла. Исчезла. Ничто из костра не вылетело. Огонь погас. Мешает угля в костре семисуставной саблей. Ничего не лопает. Нусто. Вот когда он ее уничтожил. Сумел убить. Говорит:

— Сюда я на крыльях летел, по воде плава, пешком шел. Как я пойду назад? Не сумею мне вернуться домой.

Конь говорит:

— Иди сюда. Я здесь. Поедем!

Онашивается, конь каким-то образом к нему сам пришел. Подбежал к коню. Сел на спину коня в образе золотой утки, золотых уток.

Летит среди бегущих облаков, среди идущих облаков. В одном месте конь остановился. Конь говорит:

— Вперед что за земля?

Он отвечает:

— Я не знаю, какая это земля.

— Вперед горит огонь. Мы влетим в пламя и сгорим. Залазай ко мне в изюрию. Там торгуют тридцать лавок. Купи три аршина белого полотна. Потом залазай в другую изюрию. Там торгуют тридцать кабачков. Выпей три чары вина.

Сделав так, как учил конь. Конь говорит:

— Оберни себя тремя аршинами белого полотна. Ложись ко мне на спину. Ни о чем не думай.

Конь пошел дальше. Он лежит у него на спине, ни о чем не думает. Долго ехал, коротко ехал. Конь остановился:

— Ну как, жив?

— Жив!

Слез с коня. Полотно на нем все обгорело. Конь говорит:

— Огонь Торума остался позади.

Дальше едут. Долго едут, коротко едут. Конь остановился. Конь говорит:

— Вперед что за земля?

— Я не знаю, какая это земля.

— Вперед это Кул. Он лет поперек нашей дороги. Подъедем к нему, и он нас съест. Ступай сходи к нему, с ним надо что-нибудь сделать.

Слез с коня. Потаскал. Кул как вдыхает в себя, его близко к песу поднимет; как выдохнет из себя, его обратно отбросит.

Конь говорит:

— У тебя есть что-то в кармане.

— Подумаю, что у меня там есть. Ничего нет.

На лет вскомкал:

— Есть у меня в кармане шкурка мамонта.

Конь говорит:

— Залазай в шкурку мамонта и заберись под мох. Так и иди к Кулу. У тебя в кармане есть ножницы. Выгляни из-под моха и отрежь у Кула нос и оба уха.

Залаз под мох. Подобрался к Кулу. Выглянул. Взял ножницы. Отрезал у Кула нос и оба уха. Принес к коню. Сел на коня. Поехал. Смотрит назад. Кул вскочил. Кричит:

— Эй-эй! Тарит-пещ-пимали-соя, внучек, не уезжай! Я все тебе расскажу. Выучек! Устрой ты мне соборное гнездо, иериние гнездо. В нем я спину. Это смерть моя. Отрезаа ты мне нос, отрезаа ты мне уши. Это мои гибели!

Поехал

Долго ехал, коротко ехал. Конь останавлился. Конь говорит:

— Вот и конец нашего пути.

— Почему?

— Посмотри вперед. Сюда идут тридцать осей, выросшие из одного моря! Идут в облаат. Схватят на пути человека, съедутся ветвями и задушат его. Человек погибает. Ты залезай ко мне в поздрю. Там есть тридцать кабаков. Выпей три чарки вина. Носикся ко мне на спину и ни с чем не думай.

Он так и сделал. Конь тронулся в путь. Подъехали к тридцати осням. Он думает: «Благодаря мне. И конь устал. Ты ли на себю удегся, то ли под землю провалялся — того не ведает. Думает: «Пропал я». Вспомнил: «Ведь мне старуха говорила: попадешь в какую беду, попадешь в какую нужду — подумай обо мне». И вот видите: едет кибитка, надрывшаяся потеркой лошадей. Подъехала. Дверцы распахнулись. Бабушка протянула руку. Схватила тридцать осей за вершины и сложила их. Бабушка говорит:

— Наступит дрезняя эпоха человеческой жизни, наступит вечная эпоха человеческого рода. Я вас сиюмала, и человек будет расти. Дверь кибитки захлопнулась. Кибитка скрылась.

Он говорит:

— Почему я не спросил у бабушки, не видела ли она где-нибудь моего дядю?

Конь говорит:

— Послушай, едем, довольны!

Подбежала к коню. Сел к нему на спину. Поехали.

Долго ехали, коротко ехали. Конь останавлился:

— Вы там впереди что за асмала, знаете?

— Я не знаю.

— Там живет Кирт-нйди-эква. Мы едем туда. Кирт-нйди-эква лежит на нашем пути. Она спит. Дочь ее находится дома. Кирт-нйди-эква лежит около порога. Стерзает. Едут кто-нибудь придет. Ты иди. Войди в дом. Девушку вытасни на улицу.

Поехал. Думает: «Когда буду входить в дом, меня убьют».

Конь говорит:

— Иди ко мне. Спарди мои. Мои задние ноги оберни берестой. Мой нос оберни берестой. Мои задние ноги оберни берестой. К хвосту прикрепь самосуставную саблю. Залезь ко мне в поздрю. Там есть тридцать кабаков. Выпей три чарки вина и выходи воя.

Он так и сделал.

Конь говорит:

— Теперь иди, заходи в дом.

Вошел в дом. В доме сидит дочь Кирт-пёп-эжмы. Одна нога у нее залетела, другую она еще залетляет. Схватила ее за носы, на улицу тащит. Вытащила на улицу. Кирт-пёп-эжма вскричала. Кричит:

— Внучек, не уноси мою дочь!

Он девушку бросил, вскочил на коня и поехал. Копь говорит:

— Она нас сейчас убьет.

Кирт-пёп-эжма схватила коня за нос — бересту с носа сорвала. Схватила коня за передние и задние ноги — бересту с ног сорвала. Схватила коня за хвост — перерезала саблей обе руки. Поехали дальше. Копь говорит:

— Наслушай, нет ли у тебя чего-нибудь в кармане?

— Что у меня может быть?

Кирт-пёп-эжма кричит:

— Внучек, ты меня убил! Станю я здесь в соблазном гнезде, в зарином гнезде!

Копь снова говорит:

— У тебя что-то есть в кармане.

— Что у меня может быть?

— Нет, у тебя что-то есть!

И тут исполнил.

— Есть у меня в кармане плетень.

Махнул плетью три раза. Копь появился выше бегущих облаков, выше идущих облаков.

Длинно ехал, коротко ехал. Копь остановился. Приехала к дому Паранарсеха. Копь стал к вертикально смысственному железному столбу. Привалила коня к персей зарубе семисуставного столба. Вошел в дом. Навстречу ему вышла жена. Целуются, обнимаются.

— Как съездила?

— Хорошо съездила!

Сел на столу с пивной едой, с медовой едой. За едой, за пивом ее муж смотрит на улицу. Видит: у коня одна нога согнута.

— Ох, землю объездила, воду объездила, нога у коня сломалась.

Почему-то жалеет.

— Выйди на улицу, посмотри, что случилось.

Жена вышла на улицу, смотрит: к коню коня прилипла дочь Кирт-пёп-эжмы. Оторвала она дочь Кирт-пёп-эжмы от конского конюта, и две героини, две богатырши поцеловались, обнялись. Вошли в дом. Все вместе пируют за столом с пивной едой, с медовой едой. Носят, попили. Муж говорит:

— Я сейчас лягу спать. Пока я сплю, вы отправляйтесь в мой город. Сколько есть богатств в городе Паранарсеха, все узнаете к себе.

Лег спать и больше с ними не разговаривает.

Женщины собрались в путь. Какое богатство было, все взяли с собой, ничего не оставили. Долог ехали, коротко ехали, и вот он съехал сон слышит, как бранится бабушка:

— Если человеку нужно куда-нибудь ехать, то едет мушкетер. Разве можно отправлять в путь женщин? Женщины это не под силу! Как ты мучишь моих детей!

Он крепко спит.

Исцены приходят в его божий город, в его царский город. Он проснулся. Вышел на улицу. По всему городу, по всей деревне продолжается, осматривает. Сколько было богатств в городе Нараварсеха, все доставлено.

Вошел в дом:

— Вот и хорошо. Все богатства сюда привезли. Заживем на славу.

Говорит:

— Придите человека. Пусть соберет народ.

Собрали народ со всего города, со всей деревни. Устроили свадьбу. Пригласили мисную педю, костную педю...

У него есть кузнец. Пошел к кузнецу. Говорит:

— Сделай мне железного коня, чтоб у коня было семь железных крыльев.

Кузнец скопал коня с семью крыльями. Он сел на семикрылого коня и полетел. Лететь начал, конь пабон поклонился. Привел коня домой. Говорит кузнец:

— Сделай иначе. Сделай коня восьмикрылым.

Кузнец приделал коню восьмое крыло. Он сел на коня и полетел. Совсем хорошо летит. Летит прямо. Вошел в дом. Говорит женам и родителям:

— Сейчас я поведу осматривать один край земли.

Вышел на улицу. Восьмикрылого коня сунул в карман. Сам сел на коня с пестрыми бедрами, с пестрыми лопатками. Едет.

Долго ехал, коротко ехал. Копь остановился. Приехал к подножию серебряной лестницы. Коня с пестрыми бедрами, с пестрыми лопатками пула игой. Копь превратился в обожженный, обугленный пень. Выпал из кармана восьмикрылого железного коня. Едет на коне вверх, поднимается по серебряной лестнице. Приехал к светлому месту. Восьмикрылого железного коня сплосжил в карман. Взад-вперед ходит. И вот видит: старик зорится в маленькую карту собаку и едет к нему. Подъезжает и говорит:

— Тыры-пец-пимале-сон, нууче! Посыдам ли зверем ты принесен, доставшим ли зверем ты доставлен? Все же приехал сюда!

— Растущий человек разве ездят по одним и тем же местам, разве плавают по одним и тем же водам?

Сматривает: в маленькую карту посажено Солнце. Сидит Солнце в карте, а собака поит его.

— Ногоди, нууче! Подем ко мне в дом.

Немного проехал, видит: стоит один дом, стоит один амбар. Старик открыл двери, крикнул:

— Люди, не обижайте моего дитяти! Кормите, поите его!

Старик уехал, а он тут остался.

Вошла в дом. Никого нет. Сядь на скамью. Думает: «Вот он что сказал — не обижайте его. Кто меня может обидеть? Здесь нет никого». Идти: в заднем углу дома лежит кусок шелака. Шелк зашевелился. Стало невыносимо жарко.

— Умру!

Шелк зашевелился опять. Стало прохладнее.

— Теперь хороше!

Шелк пошевелился в третий раз. Из-под шелака вышла довушка, на пол опустилась и пошла на улицу. И дом вошла. Повесила оленего быка грудью, похожую на лист борщевика. Повесила котел. Разрезала мясо. Положила в котел. Котел кипит. Котел вскипел. Мясо вычерпала в блюдо. На один край блюда положила женский нож, на другой край блюда положила мужской нож.

— Если думаешь обо мне, ешь!

Сели и стали вместе есть. Поел, с едой покончили и легли вместе спать. Ночью старик пришел домой. Поел-понял. Говорит:

— Я ведь тогда сказал: люди, не обижайте моего дитяти. А теперь где дочь, там и сын. Разве слушают они родительских слов?

Старик лег спать. Утром встали. Поели, поняли. Говорит:

— Сегодня и поеду. Я поеду Солнце.

— Посежай, — говорит старик, — только не обижай парод!

Запряг собаку, посадил в карту Солнце и поехал. Ехал, ехал, в одном месте посмотрел вниз. Видит: люди дерутся, ругаются, отнимают друг у друга рыболовные угодья, охотничьи угодья. Думает: «Спустился б я вниз, всех бы побил». Сколько людей дралось, сколько людей ругалось — все умерли. Поехал дальше. Приехал к дому Стемнело. Поел, понял. Лег к жене спать. Утром встал. Старик говорит:

— Как съездишь?

— Так себе съездишь.

Старик вышел на улицу. Запряг собаку. Погрузил Солнце и поехал. Приехал к одному месту, вниз посмотрел: оказывается, люди умерли. Поехал дальше. Стемнело. Собаку отпустил. Пошел к дому. Поел, понял. Лег. Утром встал. Поел, понял. Старик говорит:

— Сынок, что ты сделала с людьми одного края земли? Они все умерли.

Он говорит:

— Смотрю вниз. Внизу: дерутся, ругаются, отнимают друг у друга рыболовные угодья, охотничьи угодья. Думаю: спущусь вниз и всех побью.

Старик говорит:

— Если бы я так думал, не было бы на свете людей. Народ что делает, так и должно быть: он сам себе хозяин. Не мое дело. Ступай в сегодня же воскресь народ!

Запряг собаку, погрузил Солнце и поехал. Приехал к одному месту, посмотрел вниз: люди мертвы. «Его воля... как придет вам

на ум, так и живите. Вы сами хозяева. Не мое дело». И люди сразу ожили. Поехала дальше. Стенисла. Собаку отпустил. Вошел в дом. Поев, попил. Лег спать. Утром встал. Поев, попил. Старик вышел на улицу. Взял повод. Губил мясную неделю, костную неделю. Вошел в дом:

— Ну, дети мои, поезжайте. Приготовил я для вас олений обод, звериный обод. Теперь поезжайте.

Дочь с зипом метал, оделась, смирдалась. Поцеловалась, обнялась. Вышла на улицу. Оказывается, сваряжен такой олений обод, такой звериный обод, что конца ему не видно. Все олени бегут. Посадил жену на спину восьмикрылого железного коня. Спустился вниз на аскаю. Говорит жене:

— Ты оставайся здесь. Я поеду дальше.

Сел на своего коня с пестрыми бедрами, с пестрыми лопатками. Восьмикрылого железного коня положил в карман. Поехал. Долго ехал, коротко ехал. Приехал к медной лестнице. Коня с пестрыми бедрами, с пестрыми лопатками никуда не пошел. Он превратился в обгорелый, обугленный конь. Вынул из кармана восьмикрылого железного коня. Сел на него. Поднимается на нем вверх по лестнице. Приехала к светлому месту. Восьмикрылого коня положил в карман. Вздвинулся вперед. И вот видит: сидит старик с собачьей нарткой. В нарту писаное Месид. Сидит Месид и нарте, а собака носит его. Подъезжает старик к нему и говорит:

— Внучек! Писаным ли зверем ты принесен, летающим ли зверем ты доставлен?

— Растущий человек разве ездит по одним и тем же местам, разве елавет по одним и тем же водам?

— Внучек, поезжай ко мне в дом.

Немного проехали, видит: стоит один дом, стоит один амбар. Старик открыл дверь и говорит:

— Люди, не обижайте ребенка! Заходи в дом.

Старик уехал, а он остался тут.

Вошел в дом. В доме никого нет. Сел на скамью. Осматривается. Видит: лежит кусок красного сушка. Сушко зашевелилось. Мороз его пробирал.

— Вот здесь и умру. Зачем это и сюда занес?

Кусок красного сушка снова пошевелился. Стало теплее.

— Теперь хорошо.

Третий раз сушко пошевелилось. Из-под сушка поднялась девушка. Спустилась на пол. Вышла на улицу. Вошла в дом. Внесла груды зверя, всхожую на лнет борщенина. Повесила котел. Разожгла огонь. Мясо разрезала на куски. Положила в котел. Котел кипит. Котел поспел. Сняла котел. Мясо выложила в блюдо. На один край блюда положила женский нож, на другой край блюда положила мужской нож.

— Если думаешь обо мне, ешь. Если не думаешь, твое дело.

Сел. Поев, попил. Легли в постель. Долго спали, коротко спали. Встали. Оказывается, старик уже приехал. Говорит старичу:

— Сегодня я псеуду.

— Поезжай.

Запряг собаку. Поехал Месяц. Поехал. В одном месте приблизился к краю неба, посмотрел вниз. Видит: люди дерутся, ругаются, отнимают друг у друга рыболовные угодья, охотничьи угодья. Думает: «Спустился бы я вниз, всех бы побил!» Сколько людей дралось, сколько людей ругалось — все умерли. Поехал дальше. Приехал к дому. Стемнело. Поел, попил. Лег к леву спать. Утром встал. Старик говорит:

— Как съездишь?

— Так себе съездишь.

Старик вышел на улицу. Запряг собаку. Погрузил Месяц и поехал. Приехал к краю неба, вниз посмотрел: оказывается, люди умерли. Поехал дальше. Стемнело. Собаку отпустил. Вошел в дом. Поел, попил. Лег. Утром встал. Говорит:

— Сынок, что ты сделал с пародом того края земли? Все люди умерли.

Он говорит:

— Смотри вниз. Лягу: дерутся, бранятся, отбирают друг у друга рыболовные угодья, охотничьи угодья. Думаю: снушусь вниз и всех побью.

Старик говорит:

— Если бы я так думал, не было бы на свете людей. Народ что делает, так и должно быть; он сам себе хозяин. Не мое дело. Ступай и сегодня же воскреси народ!

Запряг собаку, погрузил Месяц и поехал. Приехал на край неба, посмотрел вниз: люди мертвы. «Его валя...» — так кричит ему на ум, так и живете. Вы сами хозяева. Не мое дело. И люди сразу ожили. Поехал дальше. Стемнело. Собаку отпустил. Вошел в дом. Поел, попил. Лег спать. Утром встал. Поел, попил. Старик вышел на улицу. Взял топор. Рубил мясную пещеру, костную пещеру. Вошел в дом:

— Ну, дети, поезжайте. Приготовил я вам олений обоз, звериный обоз. Теперь поезжайте.

Дочь с зятем встали, оделись, снарядились. Поцеловались, обидлись. Вышли на улицу. Оказывается, снаряжен такой олений обоз, такой звериный обоз, конца-краю не видно. Все оленьи белы. Поехал женою на спину восьмикрылого железного коня. Спустился на землю. Приехали к дочери Солнца. Дальше троих поехали. Долго ехали, коротко ехали. Говорит своим женам:

— Вы поезжайте в мой город, я поеду в другую сторону. Осмотрю еще один край земли. Посмотрю, какова земля.

Поехал дальше. Женщины отстали.

Долго ехал, коротко ехал. Видит: впереди него небо и земля вместе сошлись. Подъехал туда. Дыра. Огромная дыра. В нее вделан железный переклад, сверху натянута. У переклада старик сидит. Уток ждет, гусей ждет. Восьмикрылого железного коня поглотила в карман. Из кармана вышла шкурка железного истреба. Зайрала и шкурку. Поглотил. Поглотил и железному перекладу. Ударился о переклад. Старик переклад опустил. Переклад упал. Пе-

ревес разорвался. Старик вскопал, бежит, чтоб его схватить. Он быстро залез в шкуру маленькой щуки и нырнул в озеро. Немного подышал. Вышел на берег. Взад-вперед ходит, смотрит. Видит: стоит один дом, стоит один амбар. Пошел туда. Вошел в дом. В доме сидят старуха со стариком.

— Эй-эй, Тары-пец-нимал-сок, ну-те! Посидим ли зверем ты принесом, подыхающим ли звером доставлен ты?

— Растущий человек разве ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам?

— Садись, ну-те!

Старуха говорит:

— Выйди на улицу. Принеси что-нибудь поесть.

Возвратился старик. В обемк руках у него живые утки, живые гуси. Внес их в дом. Старуха повесила котел. Оцпилаа перья с живых уток, с живых гусей. Напрошила в котел утиног мяса, гусиног мяса. Разожгла огонь. Котел кипит. Поела. Сняла котел. Мясo выложила в два блюда.

— Ну-те, иди за полог.

Одно блюдо дала ему. Стали есть.

— Ну-те, хорошенкo ешь, будь аккуратен, не лямай шест⁵.

Поели, с одной кончили. Кости из двух блюд сложила в одно блюдо, вынесла на улицу. За домом озеро с живяи водой. Кости высыпала в это озеро. И из воды вылетели живые утки, живые гуси. Вошла в дом. Он лег спать с их дочерью. Утром встала. Поели, попила. Девушка заплетает косы. Колени у нее покрыты мехом. И вот он видит: шок на коленях шовелится. Девушка говорит:

— Эй-эй, далекая земля недоступна для зверя, далекая земля недоступна для оленя.

Он думает: «С такой стати я шел сюда ради такой несомненной девонки!» Тогда девушка снорула в руках змею. Оттуда выскочила семь чернедей, семь селезней, кричат. Девушка говорит:

— Ступай спустись на пол, поймай девицу с молодцем.

И схватил его медный шок Горума, медный шок Нуныча⁶. Длого жила, коротко жила. Однажды старик мылся на улицу.

Взял топор. И вот рубит, вот рубит. Девушка говорит:

— Что делает твой тесть? Знаешь?!

— Я не знаю, что он делает.

— Он готовит для нас плавный обоз, звериный обоз, на котором мы должны с тобой ехать.

Девушка говорит:

— Выйди на улицу и скажи тестю: «Что делаешь?» Он отвечает: «Готовлю я вам олений обоз, звериный обоз, на котором вы поедете». Ты скажи: «У тебя есть две заветные шкуры. Дай мне их, а не то не смогу я сесть олений обоз, звериный обоз. Сюда я шел пешком, летел на крыльях, плыл под водой».

Старик стоит с опущенной головой. Немного подумал и сказал:

— Я имел всего одну дочь, в ней все мое богатство! Я отдам тебе заветные шкуры.

Вместе с зятем вошел в дом. Порылся в одном углу дома, вынул шкуру гуся. Порылся в другом углу дома, вынул шкуру лебеди. Его зять зашел в гусиную шкуру, его дочь залезла в лебединую шкуру. Вышли на улицу и полетели.

Долго летели, коротко летели. Прилетел он с женой в обитаемую им героическую землю, в обитаемую им богатырскую землю. Вместе с ними прилетели утки, прилетели гуси. Множество посылку живущих мужчин в пищевых шубах, в пищевых пухах добывают гусей, добывают уток. Едят, пьют. Говорят:

— Прилетели черные гуси, прилетели славные утки. Наш богатырь уток привел, гусей привел.

Дочь Месица, дочь Солица — его жены — тоже прибыли в его героическое гнездо, в его богатырское гнездо. Всего у него стало пять жен. Сразу сделала свадьбу. Людей собрал. Собрал множество людей со всего города, со всей деревни. Люди пришли. Поставили столы с пшеничной едой, с медовой едой. Люди едят, пьют. Пируют мисную неделю, паруют костную неделю. Он говорит

маленькому:

— И опять поеду. Посмотрю еще один край земли. Съезжу туда.

Одеся, снаряжился, вышел на улицу. Сел на спину коня с пестрыми бедрами, с пестрыми лопатками и поехал.

Долго ехал, коротко ехал. Приехал к морю. На середине моря стоит стол. Сел туда на стол. На столе лежит книга. Читает ее, рассматривает. Смотрит под стол. В воде видит утку. Забрался в шкуру маленького щупи, нырнул в море. Плавали, плавали, встретили маленькую щуку, подружился. Вместе плавают. Приплыли к берегу. Он нырнул на берег. Сбросил с себя щуку шкуру. Царь смотрит. Царь стоит один дом, один выбор. Пошел туда. Вошел в дом. В доме сидит старуха со стариком.

— Эй-эй, внучек, поспим ли зверем ты принесен, подымающим ли зверем ты доставлен?

— Растущий теленок разве едят по одним и тем же местам, разве плавают по одним и тем же водам?

Старуха говорит старому:

— Внучек приехал. Неси угощение.

Старик вышел на улицу. Долго ходил, коротко ходил, вошел в дом. Принес осетра, принес сельму. Осетра накропили в котел, сельму сырой съели. Котел пошел. Вынули осетрину из котла и тоже съели.

— Внучек, дай мне, съели.

Всплыл в волот. Там сидит девушка. Вместе легли. Утром он думает: «Понял, нужно домой возвращаться». Старик говорит:

— Позжай, а тебя не держу.

Старик взял топор. Вышел на улицу. И вот рубит, вот рубит. Дома девушка говорит:

— Что даст твой тесть? Знаешь?

— Я не знаю, что он даст.

— Он готовит нам олений обод, звериный обод, с которым мы должны поехать. Ты скажи ему: «Сюда я шел пешком, дота не крылат, папа по воде. Не смогу нести олений обод, звериный обод. У тебя есть две звериные шкуры, отдай их мне».

Старик стоит с опущенной головой. Немного подумав, сказал:

— Помою одну дочь. Большие бы имели, тогда не отдавал бы.

Старик пошел в дом. Нормылся в одном углу дома, достал остроушку шкуру. Нормылся в другом углу дома, достал шкуру пельмы. В шкуру пельмы забралась его дочь, в остроушку шкуру забралась его зять. Вышли и нырнули в море.

Плынут. Приплыли к его городу. Вышли на берег. Его многочисленные мужчины в нищенских шубах, его многочисленные женщины в нищенских юбках рыбу добывают, рыбу едят и говорят:

— Наш богатырь привез рыбу. Мы рыбу ловим, рыбу едим! Он пошел к себе в дом. В дом вошли с женой. Сняли с себя шкуру острю и шкуру пельмы, положили в ящик. Сшила люди, устроил свадьбу. Пировали массу неделю, пировали массу неделю. Говорит:

— Моя работа окончена. Лягу спать. — И лег спать.

Долго спал, коротко спал. Слышно, бабушка бранит:

— Ах ты таякой-сыкой! Что так долго спишь! Тебя звал к себе твой батюшка Торум, твой отец Торум. Сегодня он раздаст богатырские имена. Быстро отправляйся на небо!

Встал, умылся, поел, попил. Вынул из кармана шкуру пельмы, шкуру мамонта, шкуру железного ястреба, шкуру зайца и вынул:

— Помою, бабушка. Они мне стали дичини.

Отправился на небо к Торуму.

Пришел к Торуму. Пошел к нему в дом. Подошел к Торуму:

— Здравствуй, Торум!

— Здравствуй, сынок!

— Дай мне богатырские имя.

— Дам. Ты первым пришел. Тебе в дам.

Пошел на улицу. Навстречу ему идет один человек. Шапка у него на голове надет. Пришедший человек не знает, что шапка у него на голове криво сидит. Пошел в дом. Подошел к Торуму:

— Дай мне богатырское имя.

— Богатырское имя я уже отдал, другого у меня нет.

Нет, не перестает, все просит:

— Никто раньше меня не приходил. Я первым пришел.

— Нет, я уже отдал богатырское имя!

А тот не перестает, все просит.

Втроем вышли на улицу. Принесли крылатого коня, которым владел Торум. Их связали за колесы и положили на крылатого коня. Коня хлестнули плетью. Торум говорит:

— Кто из нас завязнет, тому не будет богатырского имени.

Возна, поел их конь, палоблиный мужчина не выдержал и задрожал от боли.

Торум говорит:

— П не говорил, что пет у меня больше для тебя богатир-скоро приходи.

Вошли в дом. Торум говорит палоблиному мужчине:

— Владей одной частью моего имени. Ты будешь Подум-Торумом!

Вдвоем вышли на улицу. Сошли вниз на землю. И стал он теперь богатырем. Завыл с шестью женою.

Когда он так жил, наступила древняя эпоха человеческой жизни, нечая эпоха человеческой жизни.

Он живет на Казыме. Людей много. Но вот однажды заболели люди, и все умерли. Лишь в одной деревушке не умерли люди, остались живыми у них одна дочка и один сын. Живут они в доме. Деревенские люди все уехали на Обь. Брат говорит:

— Ляжем спать.

Легли. Утром встали. Пошли пасторанивать слоппы. Пришли в лес. Брат говорит сестре:

— Ты оставайся здесь, собирай ягоды. Я сам пасторожу слоппы.

Помел. Пасторанивает слоппы. Девушка собирает ягоды. И вот подъезжает кибитка, запряженная пятеркой лошадей.

Двери кибитки открылись

— Девочка, что делаешь?

— Ягоды собираю.

— Подойди ко мне.

Подшла. Богатырь протянул руку. В руке у него три кедровых ореха.

— Девочка, съешь орехи!

Двери кибитки закрылись, и богатырь уехал.

Пришел брат. Спрашивает:

— Набрала ягод?

— Немного набрала, на еду.

— Побдем домой.

Пошли. Пришли домой. Посел, попили. Легли спать. Брат утром проснулся. Сестры нет. «Куда это она ушла?» Вышел на улицу. Темно. Ищет, ищет, найти ее не может. Идет назад к дому. У порога дома стоит маленький берестяной домик. Смотрит: в домике спит сестра, в руках у нее ребенок. Брат бежала к себе в дом. Плачет, горюет:

— Приедут люди, спасут: родную сестру за жену держат. Поиду в лес, повешусь!

Пошел в лес. Долго ходил, но не смог найти для себя дерево, на котором мог бы повеситься. Пошел домой. Немного попил. Опять вспомнил про то дело. И снова плачет, горюет:

— Будет, поиду в лес, повешусь!

Пошел в лес. Ходил, ходил, но не нашел дерево, на котором мог бы повеситься. Вернулся домой. Сестра уже дома. Устранил

транецу. Пошли. Легли спать. Утром встали. На улице лает собака.

— Эх, люди приехали!

Выбежала на улицу. Людей нет. Собака вверх лает, на поленицу. Смотрит: собака сидит. Вбежал в дом. Взял стрелу, взял лук. Пустил стрелу — собака ушла. Принес его в дом. Оказался ест, собака собакой искусан. Содрал с него шкуру и отдал сестре.

— Высуши, выделай, сшей легкую шубку, одень в нее сына. Опять легли спать. Утром встали. Поели, попили. На улице лает собака. Выбежала на улицу. Собака лает на поленицу. Смотрит: собака сидит. Вошел в дом. Взял стрелу, взял лук. Пустил стрелу — собака ушла. Оказался ест, собака собакой искусан. Принес в дом. Облудил. Шкуру высушил, выделал и лопочкой се перед изображением богатыря. Устроили транецу. Кланяются в землю, молятся:

— Дай, богатырь, нам силы и здоровья!

Однажды слышат: кто-то едет. Послышавшись злов кадомальчиной, злов Бубенцов. К дому подбежала кибитка, запряженная пятеркой коней. Кибитка остановилась под окном. Открылись дверцы. Из кибитки выгинул мужчина:

— Девочка и мальчик, живы?

— Живы.

— Что у нас есть?

— Ничего нет.

— Нет, у нас что-то есть.

— Нет, ничего нет.

— Нет, мы что-то имеем.

Девочка говорит:

— У меня есть сын!

— Припеси его ко мне. Я посмотрю, каков он.

Вынесла. Взял в руки. Смотрит. Люльку с ребенком поставил на спину:

— Что еще имеешь?

— Ничего у нас нет.

— Нет, мы что-то имеем!

— Нет, нет у нас ничего.

— Нет, у нас что-то есть!

— Прида, есть у нас собольиная шкура. Мы повесили ее перед изображением богатыря.

— Припеси сюда, я посмотрю, какова она.

Принес. Отдал богатырю. Тот рассматривает ее. Топко за синю положила. Другую шкуру встал в руку и отдал мальчику:

— Положи ее в ящик. Эту шкуру держи перед изображением богатыря.

Дверцы кибитки захлопнулись, и уехал. Ребенка увез с собой. Пришли деревенские люди. Посадовались, поцеловались. Поели, попили, погостили. И теперь в счастье и в довольстве живут.

Светлый муж-отец¹ создал этот мир, эту Сибирь. Деревьев не было, сухой земли не было, нигде была вода, нигде был туман. Сын Светлого мужа-отца, обходя в тумане, в воде мир после раздела², говорит:

— Но мог ли бы я создать тундровый холм такой величавый, чтобы он смог меня выдержать?

Тогда выплынула он свои сонли в саже из глубины глотки — возник тундровый холм. Теперь он проводит время на этом своем тундровом холме, пока жар, пока прохлада. Пока он так же, приходит кто-то, расклевывается стая, погружается и всплывает. Когда подошла, то оказалась несомый петром черт. Подошла к нему, здесь рвет, там хватается. У него концы из твердого дерева, он толкает его отсюда, толкает его оттуда. Светлый мальчик потерял терпение, вынул из кармана двух гагар и говорит:

— Две мои дочери с игольчатыми клювами, — говорит он, — сделайте что-нибудь с ним!

Гагары начали раздирать черта, да и убили его.

Светлый мальчик говорит про себя:

— Если бы мой отец не рассердился на меня, — говорит он, — я бы на свой страх и риск дал бы земле подняться, — говорит он.

Ему и страшно и не страшно.

— Две мои дочери с игольчатыми клювами, — говорит он, — выдите обе на спор, — говорит он, — кто из нас двоих вызовет живую землю, — говорит он, — кто из нас двоих вызовет мертвый мир, кто из нас двоих вызовет мертвый мир.

Тогда они выжили. Они странствовали, странствовали, семь лет прошло. До семи лет не хватало семь месяцев, тут всплыла гагара и испарилась.

— Я проснулась в мертвом мире, — сказала она.

И вот по истечении семи лет поднялась на поверхность другая гагара, и там, где она отряхнула свои крылья, появилась кука велика, где она отряхнулась, тут появилась каменистая земля. Светлый мальчик пошел к своему отцу, спросил и сказал:

— Твоя птица вызвала мертвый мир.

Светлый отец сказал тогда:

— Мертвый мир я изначально предисказ, — говорит он. — Если его не предисказ, где тогда поместятся подрастающие девочки и подрастающие мальчики? — говорит он. — Между растущими деревьями им не хватит места, между выросшей травой им не хватит места, — говорит он. — Друг с другом, между собой они не найдут еды, не найдут питья, — говорит он. — Друг с другом, между собой они не найдут еды, они тут же начнут друг друга резать, начнут друг друга есть.

Светлый мальчик выплынул сонли в саже из глубины своей глотки, начал они высыхать и затвердевать, из них появилась волосатый червь, волосатая змея³. Этот волосатый червь, эта во-

жестом эпил рассказывается: если дует ветер с почтой стороны и попадает ветер на нее, раскачивается, если дует ветер с дневной стороны и попадает ветер на нее. Пока она так лежит, качаясь от ветра, на нее падает вода дождя, на нее падают капли воды. От дождевой воды, от талой воды растет она. Она выросла величавой с женщиной, величавой с мужчиной, стала человеком⁴. Он начал жить, живет. Однажды, когда он бродил, охотился, встретился ему женщина Ери.

— Это ты, из чего-то возникший дорогой мальчик, дорогой муж? — говорит она. — Ты изготовил старую веревку?

Маленький человек спрашивает ее в ответ:

— Что за старая веревка? — говорит он.

— Я, — говорит она, — так называемая джуадаа, ползущая вперед женщина, я здесь, — говорит она. — Из чего, — говорит она, — ты возник? — говорит она.

Маленький человек спрашивает в ответ:

— Из чего, — говорит он, — ты возникла? — говорит он.

— Я, — говорит она, — возникла после возникновения неба, после возникновения земли, ко времени возникновения черной земли⁵, — говорит она. — Черная земля раскололась на две части, и поделившаяся на трещины этой черной земли — это я, — говорит она. — Я возникла из черной земли, — говорит она, — ты возник, — говорит она, — из Светлого мужа-отца, — говорит она. — Ты — сын Светлого мужа-отца, — говорит она.

Маленький человек задумался.

— О какой старой веревке, — говорит он, — ты ведешь речь? — говорит он.

Женщина Ери говорит:

— О такой веревке, как эта, — говорит она и опрокидывается на спину.

Она разувая Маленького человека на себя и обняла его. Она твиге⁶ и твиге Маленького человека вину.

— Старая веревка — это так, — говорит она.

Женщина Ери трет Маленького человека о своей зад, у Маленького человека ничего не чешется. Мужской член и яички Маленького человека под мышкой. Она вырвала мужской член и яички Маленького человека из-под мышки, клупала их моим ног Маленького человека. Они пожелтели.

Когда они так инаут, женщина Ери имеет тонкую оболочку, а мужчина — толстую оболочку, коростую оболочку. Мужчине в этой своей оболочке не наклониться. Женщина Ери говорит:

— Мой сын янгиги, — говорит она, — в этой своей оболочке ты не наклоняешься, — говорит она. — Что это за оболочка, — говорит она, — коростяная оболочка или берестяная оболочка? — говорит она. — Иди, — говорит она, — и где твои охотничьи уголки, твои лесные уголки, там есть трехлиственное ягодное дерево величавой с пуговицу, на этом трехлиственном ягодном дереве есть три ягоды.

Тогда пошла человек, пришла в лес.

— О каких трех ягодах ведет она речь? — говорит он. — Нужно их поискать.

Пока он бродит, оглядываясь, все высматривает. Смотрел, смотрел, нашел трехлистное ягодное дерево. И вот на этом трехлистном ягодном дереве нашел три ягоды. Две ягоды он съел, одну ягоду несет домой. Пришел домой, занес свою жепу.

— Моя дочь кивгичи, — говорит он, — ягоды, о которых ты говорила, здесь, — говорит он.

После того как он в лесу съел две ягоды, его твердая оболочка начала отделяться. Дома он съел свою последнюю ягоду, теперь твердая оболочка сошла, и осталась тонкая оболочка. Долго жили, коротко жили, затем произвели они целый род девочек и род мальчиков.

108. Как достали сознание и мысли,
как на земле появились птицы и звери

На тундромом бутре живут старуха со стариком. Долго жили, коротко жили, однажды старуха вышла в селцы. Вышла в селцы, видит: там лежит только что родившийся ребенок. Взяла его, принесла домой.

— Старик, впесу-ка я ребенка в дом?

Старик выскочил из дома, он взял ребенка, впесил в дом. Старуха стала его растить. Начал мальчик и ходить, весел ему шло. Однажды мальчик сказал:

— Мама, укажи мне место, где бы я мог бороться.

— Такого места нет, — отвечает отец.

— Мама, ты, наверно, знаешь, укажи мне.

— Есть такое место, — говорит мать. — Сказывают, живет дочь Нум-Торума¹. Если у тебя появилось такое сильное желание бороться, иди к ней. Место твоей борьбы там! Нум-Торум занет оставил: никому против нее не устоять; если кто-нибудь задумает ее ударить, и землю уйдет, семь морей, семь земель насквозь пройдет.

Мальчик собрался в путь. Мать дала ему обломок миски:

— Если твои руки, твои ноги попадут в беду, этот обломок миски разломит пополам.

Побежала она его, и мальчик пошел. Мать с заплаканными глазами осталась дома.

Долго шел, коротко шел, и вот на своей дороге нашел семиступный посох. Поткнул посох в дороге, взял его и дальше идет. Однажды слышит сверху человеческий голос:

— Внучек!

— Что?

— Куда идешь?

— Землю посмотреть, силу свою попытать.

— Силы не пытай, я тебе работу дам.

- Какую работу?
- Птиц, зверей делать.
- Как я смогу делать зверей? Совсем темно, нет ни солнца, ни месяца. Где я возьму солнце и месяц?
- Оши у Хуль-отыра.
- Э...

Мальчик сорвал три травинки, скрутил их в душу. Из его рук выскочил когтистый зверек, запрыгал вокруг мальчика, завибрил:

— Сын великой женщины, богатырский сын, что прикажешь делать?

— Кончай землю на семь сажен вглубь.

Когтистый зверек начал рыть землю. Так роет, что комья земли, как вороны, взлетают вверх. Наконец прорыл ход в нижний мир. Мальчик съел туза, видит: как светло! И солнце и месяц светят: видно, как люди ходят. Снова отверстие наверх стали подниматься комья. Один комья поет песенку:

Пан-пан-пан-пан-пан!
В верхнем мире люди живут.
В верхнем мире я дежу.
У земных людей буду пить кровь.

Комаров так много налетело, что вся земля ими вибрировала. Мальчик спустился в нижний мир, вошел в дом к Хуль-отыру.

— Ты зачем сюда пришел? — спрашивает Хуль-отыр.

— Хочу что-то спросить.

— Что же ты хочешь спросить?

— А зачем у тебя так много комаров? Вои сколько их па *звонит комаров, жужжит их.*

Хуль-отыр стал гладить, а в это время мальчик открыл свою табакерку, извл. ценотку табак и дунул в глаза Хуль-отыру. Оба глаза ему табакком запылали. тот совсем смотреть не может.

Хуль-отыр и солнце и месяц держал у себя в доме. Мальчик потонулся, схватил месяц в солнце и проснулся бегать из дома. Хуль-отыр за ним погнался. Мальчик обернулся всем в полетел дальше. Хуль-отыр обернулся в железную чайну. Мальчик с криком летит к Пуз-Торуму:

— Отец, отец, вот он месяц догонит!

Пуз-Торум выбежал из дома, кричит вниз:

— Месяц и солнце бегает вверх!

Мальчик бросил их, там они и повисли.

Пуз-Торум побежал на встречу, схватил свой блестящий меч. Хуль-отыр увидел меч, с плачем повернул назад. Говорит:

— Ты будешь жить в сияющем месте, а я в темноте остался! Души людей ко мне будут появлять и тоже в темноте жить будут.

— Ну, тогда я тебе полсолнца дам.

.. Какой свет от половины солнца!

— А не хочешь, так и живой совсем без солнца.

Пум-Торум с силой вернулся домой. Сел за стол. Поняли, поели. Мальчик встал из-за стола, поворочался с отцом, обернулся гусем и полетел. Летел, летел, на землю спустился. На земле снова в человека преобразился и пошел. Долго шел, коротко шел, в одном месте поднял два камушка. Хорошенько потр их один о другой — появилась собака с пушистым хвостом, побежала вслед за мальчиком. По дороге он сорвал с березы три листочка, сверху их в трубочку, дуя, — и появились маленький зверек, лесная мышь. Вместе идут дальше. Мальчик отломил от ели пеньочку, обстругал ее наподобие зверька — прыгнул пушистый соболь, за ним пошел. Так, идя по дороге, делает все новых зверей. Куда кланится его гадюка, куда и идет. Куда мальчик пойдет, куда и змея бежит. Долго так брел, коротко так брел, смотрит вперед: на берегу моря виден огонь; искры от огня вверх поднимаются. Туда и направился. Пришел. Смотрит: женщина лежит, спит. При дыхании у нее из пахвой искры вылетают.

Он хотел женщину похлещи ударить — в тот же миг она скрылась. Под землю провалилась, только голова мелькнула. Он разломил обломок миски, который дала ему мать, и у него появились колючуга. Надел колючугу, кинулся за женщиной. Гнался. Долго гнался, коротко гнался, вперед смотрит: видно, женщина

бегает куда-то.

Когда мальчик стал ее догонять, она обернулась и остановилась. Добежал до нее, схватился бороться. Долго боролись, коротко боролись, наконец оба упали наземь. Женщина обессилела, и мальчик обессилел. Силы у них равные.

— Давилься, когда боролся, — говорит женщина. — Ты не пы убить не можешь, и я с тобой справиться не могу.

Отпустили друг друга, попрощались и разошлись в разные стороны. Мальчик идет дальше. Долго шел, коротко шел, добрался до отверстия, но поворочу под землю спускался. Навстречу вышел, своим зверем говорит:

— Ты, собака, ищи, ищи человека. А ты, мышь, ступай, можешь, где найдешь кучу сухой травы. Там себе сделаешь гнездо. А ты в лес бегй, — говорит он гадюке — Ези мышь к твоему дому придет — убий. Будешь ты убийцей мышей.

Зверь разбежался, мальчик пошел дальше. Долго шел, коротко шел, однажды смотрит вперед: на всей земле огонь подымается. Пришел туда: оказывается, на земле это — море огненное. Как через море перебраться? Положил поперек моря сомкнутый посох, и он так раз через все море лег. Началал скимой, и появился мост такой лирипы, чтобы человеку пройти. Побежал через огненное море. Носох забрал и дальше шагает. От

погоды слышит сверху голос отца:

— Не истречал ли где своих братьев?

— Нет, — говорит, — не встречал.

— Поднимайся сюда.

Мальчик попытался обернуться гусем, но не получается. Начал плакать. Отец говорит ему:

— Чего плачешь?

— Не могу принять своего облика.

Отец дукул на него сверху, и явился вверх златошейный гусь. Мальчик в образе златошейного гуся полетел к своему отцу Нум-Торуму, зашел в окно, опустился на середину пола, и тут обернулся человеком.

Все сыновья Нум-Торума собрались. За стол сели, есть стали. Поели, попили, распрощались.

Мальчик идет к своему краю. И теперь там живет. Его имя — Маленький Богатырь. Желтая Трисогуза. Богатырь, имеющий облик желтой трисогузы — это он².

169. Как луна на землю приходила

Давным-давно жила-была старая женщина. Занималась она домашним хозяйством, готовила пищу. Однажды вечером старая хозяйка затопила чулан и стала готовить ужин. Жила она с внучкой и внучкой в деревянном доме. Ребятишки вышли ночью на улицу и стали сечься над луной, стали рожицы корчить душе, показывать на нее пальцем. И луна тут очень рассердилась на ребятишек-проказников, стала спускаться на землю. Тут бабовники со страху забежали домой.

Бабушка взглянула на них, вышла из дома. Посмотрела на небо и подит: на небе нет луны. Смотрит: почерневшая луна спускается на землю. Старая женщина зашла домой, вытряхнула из рукодельного мешка свое рукоделие, затолкала в него вичухат, зашила мешок и заиртала его подальше. Затем старая хозяйка поставила на стол берестяную чашку с солью и хлебом. Недолго ждала она, и вот рассерженная, почерневшая луна подошла к двери ее дома. Луна с шумом и грохотом влезла в дверь и спросила старую женщину:

— Где теперь те ребятишки-бабовники, что сменялся надо мной и стрелял мне рожицы?

Соль, услышав голос луны, сказала:

— Малые дети посиделись над тобой, луна, а ты сразу и рассердились, спустилась на землю. Меня вот человек в котел для супа бросает, а я и не серуюсь.

Затем загорела хлеб на столе:

— Ты, сердитая луна, и так съела беззлых детей³, теперь снова на землю спустилась. Человек меня на горючей воде замочивает, нечет в горячей печке. Вытащил из печки, режет меня на кусочки, а я и то не серуюсь. А ты, луна, на детей рассердилась.

Тут луна с шумом и грохотом вышла из дома и поднялась на небо, на свое место. А старушка вышла на улицу, посмотрела вверх: луна снова слетит в ночном небе. Зашла она в дом, распоркала рукодельный мешок, выпустила своих внучат. Они и теперь живут.

110. Охота на шестиногого лоса

Жил человек с женой, был у них маленький сын, в колыбели еще лежал. Однажды женщина пошла за водой и видит: менка гонит шестиногого лоса. Приходит домой, муж ее спрашивает:

— Что сказать имеешь?

— Ничего нет, видела, как менка шестиногого лоса гнал.

— Мось-хум! услышав это, выскочил из колыбели и побежал. Погнался за лосем. Долго, коротко гонился за лосем, догнал и отрубил ему две задних ноги. Остались две передних да две средних. Дорога, по которой бежал Мось-хум, видна и теперь: это Малецкий Путь. Также виден и лось — Большая Медведица. Раньше, когда лось имел шесть ног, его люди не могли догнать.

111. Про Северный ветер

Дун-вот-ойна — Северный ветер. Старик в пизовой стороне за морем жил. День и ночь не переставая дул. Оттого на земле очень холодно было. Люди от Северного ветра страдали. И зиму и лето все дул и дул. Каждый день люди от холода умирали. Однажды один человек связал:

— Буду в пизовую землю на Северного ветра. Буду с ним биться.

Собрался и пошел. Долго, коротко шел, до пизовой земли добрался, к Северному ветру пришел, биться его зовет. Северный ветер дул и стрелы схватил, из дома выбежал.

Долго бился, дуло друг в друга стрелы пущали. Под копей человек пизовчился, лук натянул, стрелу пустил. Стрела Северному ветру половину нижней челюсти разбила.

С этой поры ветер дуть перестал. Стало тепло. Такая жара настала, что люди от нее болеть стали. И зиму и лето все тепло. Каждый день люди от жары умирали.

Много, мало времени прошло, снова ветер подувать начал. Челюсть у него заживать стала.

Челюсть у него хоть и зажила, прежней силы все же не осталось. Всполохну прежней силы все же не осталось. Всполохну прежней силы лишь дует. Людям с той поры хорошо жить стало.

112. Оновсывание земли

Йола-Торум-сиян на землю спустился, Крылатый Каам¹ на землю спустился. На земле стали жить.

Однажды Йола-Торум-сиян говорит Крылатой Каам:

— Подвинься к своему отцу, Нум-Торуму. Так ему скажи: «Номинная земля наша все чахнет, на место не стоит. Когда появятся на земле люди, как они будут на ногах держаться?»

Нум-Торум, отец мой, укрепи пашу землю! Может быть, напмы-нибудь юнсом он ее опишет.

Крылатая Калм подтянулась к Нум-Торуму. Вошла в его дом. Нум-Торум за столом сидит, правой щекой о посох опирается. Спрашивает дочь:

— Крылатая Калм, какое слово ты принесла, с какою речью ко мне пришла?

Крылатая Калм отвечает:

— Нум-Торум, отец мой, наша земля, как ип лодка уже стала, а все еще движется, на месте не стоит. Когда появится человек, не устоять ему на ногах. Ты укрепи пашу землю, оподить ее кадым-нибудь юнсом.

Нум-Торум голову опустил. Ноян он так сидел, котел с рыбой вешел. Потом голову поднял и сказал дочери:

— Я сделаю, как ты сказала, землю опоашу.

Крылатая Калм вышла из дома Нум-Торума, спустилась об-ратно на землю. Иолу-Торум-силь спрашивает ее:

— С чем пришла, какую весть принесла?

Крылатая Калм отвечает ей:

— Нум-Торум, отец мой, обещал укрепить землю; сказал, что опоашет ее.

После этого Нум-Торум спустил на землю свой пояс. Его пояс был украшен тлелазны пуговицами. Земля глубоко села в воду и стала неподвижной. На том месте, где лег пояс, теперь Уральский хребет. Это самая середина земли.

113. Как создали человека

(вариант А)

Прошло некоторое время, и опять Иолу-Торум-силь посылает Крылатую Калм:

— Ибди к Нум-Торуму, скажи ему: земля теперь крепко стоит; надо создать человека, чтоб он на ней жил.

Крылатая Калм отправилась к своему отцу. Долго, коротко дотела, про то никто не знает. Однажды прилетела она к Нум-Торуму и говорит:

— Землю ты укрепил. Теперь нужно сделать человека.

Нум-Торум голову поднял, на дочь посмотрел:

— Я человека сделаю и на землю спущу, а вы его там сидите.

Крылатая Калм улетела. После этого Нум-Торум позвал Топал-ойку, приказал ему сделать человека.

Топал-ойка вырубил из лиственницы семь человеческих фигур. На это время Худ-отыр вылепил из глины семь человеческих фигур. Говорит Топал-ойке:

— Дай, братец, поменяемся, а?

— Нет, не буду меняться,— отвечает Топал-ойка,— твои люди глиняные, худые.

— Ну, поменяемся, — уговаривает Хуал-отыр.
— Не хочу отдавать своих людей. Вот сколько я с ними бился!

— И я над своими поработаю, — говорит Хуал-отыр — А ты души для них откуда возьмешь? Нум-Торум тебе душ не давал. Сидит Топал-ойна, голову почесывает.

— Верно, — говорит, — души-то у меня нет. Ну а ты моих деревенских людей сделаешь людьми?

— А то как же! Я их оживлю. А из глиняных людей пусть будут меншки.

Топал-ойна деревенских людей отдал Хуал-отыру, себе глиняных взял. Хуал-отыр глиняные фигурки отнес к Нум-Торуму. Нум-Торум поставил их спицами к себе, душу на них: куда делались? Топал-ойна руки расставил, да ни одного не поймал.

Топал-ойна почесала у себя в затылке. Взял глиняных людей, посмотрел на них. Что же? Глина, а только.

Нум-Торум ему говорит:

— Глиняных людей отнес к вшей сестре Калтась-эне. Корс-Торум души для них отдал ей. Пусть она их оживит.

Топал-ойна отправился к Калтась-эне. Пришел, говорит ей:

— Сестра, этих людей сможешь оживить?

— Оживлю, — отвечает Калтась-эна, — только ты отсюда уходи.

Топал-ойна ушел. С тех пор, когда дети на свет появляются, мужичина при этом бьют вояды.

Глиняные люди стали живыми. Только век их недолог: куда годятся их кланьяные руки, кланьяные ноги? В воду увидят человек — тонет, жарко стает — из него пот выступает. Люди, сделанные из глиняных, были бы крепче и в воде не топились бы.

Когда люди на земле появились, Крылатая Калм сына положила к Нум-Торуму. Сказала ему так:

— Ну вот, люди на нашей земле появились. Теперь скажи, чем они будут кормиться, чем прокормят от холода своих детей?

Нум-Торум голову опустил, долго думал. Потом так ответил:

— Крылатая Калм, лети обратно на землю. В тайге в лесной чаще будет много сохатого зверя; на болотах, в тундре и нушу оленей. Там они будут жить, нишу для себя искать, а люди пусть ходят туда на промысел.

Крылатая Калм спустилась на землю. Позн-Торум-сын спрашивает ее:

— Какую вещь ты привнесла от своего отца?

— Нум-Торум так сказал: в тайгу, в лесную чащу, на болота и в тундру в пуши оленей и сохатых зверей; туда будут ходить люди добывать себе нишу.

114. Как создали человека
(вариант 5)

Пришел черт к богу. Бог его вытолкнул. Опять расхаживает бог и думает: «Я его зря вытолкнул». Черт опять приходит к нему наверх:

— Что ты задумал, дорогой бог, я это знаю.

Дорогой бог снова расхаживает и думает. Помрачивается к черту. Дорогой бог говорит:

— Как это ты знаешь мои мысли? Если ты их действительно знаешь, то говори!

— Когда утром встаешь, ты думаешь, когда ночью спишь, ты думаешь: ты хочешь создать человека, но нет черной земли.

Дорогой бог говорит:

— Если ты действительно умный, если ты действительно знающий, то иди прижмись наверх пригоршню черной земли.

Черт думает: «Пойду и прижмусь черной земле». Черт пошел и прижмется богу черной землей. Бог взял ее, разделал на две части, в обеих руках сжал черную землю. Затем он взял свою бумагу, нарисовал мужчину, нарисовал женщину. Из одной руки выпустил черную землю — появилась мужчина, из другой руки выпустил черную землю — появилась женщина.

Черт сидит и думает: «Он сделал человека. Как бы мне сделать?» Черт ушел от бога, разозлился на него. Он спустился и украл черную землю. Сжал и бросил ее — появилась ищирица. Она мчится на созданную богом черную землю. Затем черт взял свою бумагу, нарисовал женщину, нарисовал мужчину. Скидывает опять черную землю; что делал бог, то же делает и он. Разделал ее на две части, выпустил из одной руки — появилась жук, выпустил из другой руки — появилась жаба.

Тут папал на черта кошель, и он думает: «Пойду к богу наверх». Пошел к богу и думает: «Как же мне попасть к богу людям?» Пошел туда к людям, собака хотела его укушать. Тогда черт сделал холод, собака начала мерзнуть. Собака вприсит:

— Я же мерзну, сделай тепло.

Черт говорит:

— Подушуй к себе. Я напышу на тебя шкуру.

Собака подушнула к себе. Черт напышу на нее шкуру. Затем взял людей, одевал их всех солами, затем убежал.

Бог спустился, чтобы измерить черную землю. Бог поднялся. Смотрит на людей: они одеваны, в солах. Дорогой бог рассердился. Он вывернул из наружную кожу внутрь, он вывернул им внутреннюю шкуру наружу. Дорогой бог говорит:

— Ну, кашляйте теперь и плайте теперь! Этими вашими солами плюйтесь и кашляйте весь свой век.

Собаке он сказал:

— Будь теперь с этой шатнутой чертом шкурой!

115. Первые смертные

Крылатый Пастэр и погастый Пастэр начали чихнуть. Они обращаются к своим женам.

— Послушайте, — говорят они, — когда придут люди, скажите людям, пусть они сделают нам гроб из липового дерева и поставят на башню.

Они умерли. Пришли люди. Люди спрашивают женщин:

— Какой гроб они приказали сделать?

Они говорят:

— Липовый гроб.

— В землю, на глубину трех аршин, приказали они похоронить их.

Они и закопали их в землю. Мертвые лежат. Наконец прошло семь лет. Когда они хотели открыть свои гробы, то увидели, что они похоронены в земле. На погосте Пастера обрушилась земля, и он задохнулся. Крылатый Пастер сказал:

Затем он трижды крикнул, и люди обнаружили его; и хотя они искали, искали, но, когда добрались до середины могилы, крылатый Пастор назоритов:

— Пусть позднее рожденная девушка, позднее рожденный юноша так же покорится, как я упокоился на тысячу дней¹.

116. Медвежъя песня о спуске с неба

Дерзкий Дух, твой мой! ¹
 В людях на меча чужой зловра,
 И батюшки глумление
 Выдаются мною.
 В дьявола без меча прекрасного зверя,
 В батюшку кляушарю
 Выдаются мною.
 Не седи, седи, седи, седи законно!²
 Не выдумывай, мною выдумано,
 Выдумано говорю:
 Дерзкий Дух, твой батюшки
 Делать меча, чужой зловра,
 И батюшки кляушарю
 Мною герман и лососев скляном,
 И так зловра выдуму.
 В дьявола, герман, прекраснейший скляном
 Сочинявший скляном свой
 Батю, выдумано
 И скляном говорю:
 Не выдумывай, мною
 Уж как я уду,
 Сиди, сиди, сиди, сиди
 На соборных скляном, и скляном скляном
 Не выдумывай, мною
 Мною скляном скляном
 Не забудь, глуми!

[illegible]

За кости паялась,
 А я все гляжу,
 А подпалась когда,
 С глаза правого слезу
 Влево утираю,
 С глаза левого слезу
 Вправо утираю.
 Повернулась в донной побрека,
 В соблазнах свое гледищию
 Читалась.
 Вот ошаксти
 С грохочущим шумом
 Сильной грозы,
 С грохочущим шумом
 Мощной грозы
 Огонь мой пришел.
 Лыжи, выдрой обгнанные,
 Околачивая, припался,
 Был в сделаны немелой рукой,
 На еловом дереве три куски
 Раскололись бы патрое!
 Сделал мастер хороший
 Лыжи те,
 Потому в цылы остался,
 Не распался,
 И дом вынес,
 Где на этой в елках покат,
 Бессловесным зверем,
 Безъязыким зверем
 Ты сиди.
 Довго ль так сиди,
 Мало ль так сиди,
 Подишь голову.
 Десятазубый свой, зубастый рот
 Открывает, говорит:
 — Надый аморь конучий, моя доченька,
 Маю спазачного слона
 Не посулила
 Сильно раз тебе говорила,
 Чтоб нежженных коней
 Ты не трогала.
 Так зачем же их
 Ты истревожала?
 — Батюшка, на землю
 Отпусти бы ты меня!
 Желтым расщечена
 Малая земля,
 Красным расщечена,
 Хорошев земля!
 — Где ты пача, доченька,
 Золде желтометтуе,
 То вода по трислизи виднется,
 — Отпусти ты меня все же, батюшка!
 — Нет, не отпущу тебя—
 Так скачал и оза.
 Слоза более не вымолвила,
 Лыжам не пошегула.
 Много ль так сиди,
 Мало ль так сиди,
 Чашечка наливная, иста,
 Законченную едрому азна,

Наденет ее на плечи свои
 Собирается,
 В заколоченный дом, где жолото кутят,
 Отырывается,
 Точка жолота, зыбкий стук
 День не умикает,
 Ночь не умикает.
 Вот однажды возвращается
 Беринга Свет, мой батюшка:
 — Если сильно так
 Захотелось тебе,
 Выходи сюда.
 Если хочешь, отпущу тебя.
 Тут скажут он меня
 В дальку заточеркую
 С железом обречен,
 Заскрипит золотый блочек,
 Скружится я,
 Сильнее с неба спустится,
 Станешь на земле встать,
 Тут умори ядрот золотого блочка
 Громкий стон.
 Отскакивает жолотый блочек,
 Когда жолотый ветер поднимается,
 Грохочет жолотый и жолотый
 И жолотому,
 Когда северный ветер поднимается
 Отпустит меня
 К жолоту Морт-страны.
 Голова моя дитя жолотится,
 Волосы мои дитя жолотятся,
 Жолотый жолотый
 Закрился жолотый блочек,
 Поднялся жолотый блочек,
 В жолотую одачу
 Кверху выплута.
 — Ну, жолотый, где жолотый?—
 Отец мой спрашивает,
 — Жолотый не жолотый, жолотый?
 (Жолотый и жолотый).
 — Ну, как хочешь, жолотый,
 Жолотый жолотый жолотый,
 Слушу тебя и жолотый.
 А жолотый жолотый жолотый,
 Жолотый жолотый жолотый жолотый,
 На жолотый жолотый жолотый
 Многожолотый жолотый
 На пути твоём если встратится,
 Обжиди их жолотый
 За три жолотый.
 И жолотый жолотый!
 Много жолотый жолотый жолотый
 Никогда не жолотый!
 Так жолотый. Жолотый Дух, мой батюшка,
 Посиди жолотый в жолотый,
 Жолотый жолотый жолотый.
 С жолотый жолотый жолотый жолотый
 Опустил жолотый жолотый жолотый,
 Жолотый жолотый жолотый жолотый,
 На жолотый жолотый жолотый,

[illegible]

Две собаки насытой с толст,
 Старшим сыном Усынг-отыра
 Выращивает,
 Две собаки звать начали.
 Вот однажды тетини резкии знои
 Дать послышался, и
 Коля медведи я, то четыре завязали
 Развиваются.
 Коля медведи я, то пять закинул
 Развиваются.
 Мую шубу сачкают?¹
 В шалобельку с дурой на черехуки *
 Мени, звери, усаживаются.
 Вот и селенно, где много девушек,
 Приходят мы.
 Мени кривои зверилим четыре разо
 Вспрививаются.
 Мени кривои зверилим пять разо
 Вспрививаются.
 В трехса-мевини дом мени
 В трехса-мевини дом мени
 На псалти трехдоцтыи усаживаются.
 Коля медведи я,
 То четыре мои почи пляшут,
 Коля медведи я,
 То пять почи мои пляшут,
 А как встану и на дорогу большого духа,
 Встану и под знои кривичи дозвек;
 А как встану и на дорогу маленького духа,
 Встану и под знои мекат дозвек.²
 Кыйыг-уши! ³

117. Медвежья песня о сыне женщины Мось

Жили старик со старухой,
 Глядя вдали.
 Долго жила, коротко жила,
 Но вот старик умер. Осталась вдова,
 Осталась вдова с мальчиком,
 Остав его выращивает.
 И в последний день зимы,
 Покупи кусок где найдет,
 Для сына сбергает.
 Домой придет,
 Его увидит.
 И селени до дома она ходит,
 Ослежу собирает.
 Для сына рубашку находит.
 Только и песни петь.
 Как с трудом вырастает,
 Только и сыне сказать.
 Как с трудом вырастает.
 И вот пришла зима и зима
 Величней со скорянуку орехову.
 Сил сынок подрастает,
 Сил преситься на улицу пограть.

Так вот жили они в домике
 Величавом со скорлупку прохону.
 Вот однажды сынок говорит:
 — На ушах мои ты устала бы,
 Там бы я поиграл.
 — Далеко не ходи,
 А в поле поиграешь.
 Только в песне совет,
 Как с трудом тебя вырастиваю.
 Только в слезы плачешь,
 Как с трудом тебя вырастиваю.
 Еще руки слабы твои.
 Еще ноги слабы твои.
 Много в создании детей,
 Еще кости себе подомаеть,
 Еще тело себе повреждаеть.
 Не ходи далеко!
 Мальчик из дома вышел,
 У двери играет.
 Поиграл, поиграл, возвратился домой.
 В соблазную шубку залез,
 В мягкое гнездышко залез,
 Снова себя повреждает.
 Когда утро настало,
 Погулять снова просится.
 — Далеко не ходи,
 Мать выговаривает.
 Еще ноги слабы твои,
 Еще руки слабы твои.
 Не ходи я с детьми играть.
 Повредит тебе кости, играючи,
 Повредит тебе тело, играючи.
 Выпустила сына на улицу,
 Играет мальчик у двери.
 Поиграл, поиграл,
 На юндо поскакал взглянула.
 На юндо поскакал
 Придетесь спать спать,
 Встал и туда пошел.
 Кралучись идет,
 За травинку причесется.
 Кралучись идет,
 За кустины причесется.
 Все же острым глазом замечен был,
 Чутким ухом услышан был.
 — Посмотрите-ка туза,
 Пустыни с дочкой похватали
 Выращивали сынок.
 Матерью его, женой Мось,
 Вскормленный паренек.
 Кости его покрепил,
 Тело его покрепил.
 Тот, кого кормить
 Пищу собирал
 Со всего носола, со всего горюла,
 За травинку причесется,
 Кралучись пришел,
 За кустины причесется.
 Кралучись пришел.
 — Не трясите, аусть и ам идет,—
 Другие говорят,—

По игре товарищ попой
 Густь и не жалеет.
 Поблизке поповаля,
 Поблизке поповаля,
 Со всего посеяна детья
 В игру принят был,
 Со всего города детья
 В игру правят был.
 Доже играли, поретко играли,
 Только кривит все дети
 Разбегаться начали,
 Оди-то: ай-ай-ай!
 Други-то: ой-ой-ой!
 С криком разбегаются.
 Г. шевчу! ай! жисте встала.
 Почему бегут, думает.
 Думает так, по себя калянула:
 Мои учети амери пать погтей
 На руках повилилось.
 Истосылаха петь, вот ей
 Погадали повилилось.
 С той и домой пошла.
 Идет он и домак со скорупку орехову
 Матери его, испещены Мось.
 Залезает по в шубку соболью
 Матери его, испещены Мось.
 В тесном тесномылае повилилось,
 Спит себе испещены.
 Утри востань, встань,
 Ид! безостанов! маме твою
 То ли из чинила поше,
 Мамею (шубку) поше!
 — Я омань погулять войду.
 — Погулять войдишь,
 Далеко не встань.
 Утри испещены,
 Чмо пети твою сати.
 Еще пети твою сати.
 Вынеса на улицу, прислушивается,
 Из шибет востань испещены,
 По концы горюха повилилось,
 Со всего испещена собралась ребята,
 Гроно крики их доливается.
 Со всего горюха собралась ребята,
 Крики гроно их слышатся.
 За кустиками причесь,
 Кладулись туда идет.
 Дале, злая вилли, злая играют,
 Стрелы вилли, стрелы вилли.
 Чмо пети твою сати,
 За трини причесь,
 Хоть и грядущая вост,
 За кустиками причесь.
 Все лес острый галам заметен был,
 Чутким ухом услышан был.
 — Посмотрите на туза,
 На праю испещена вырисный
 Испещены Мось сынок,
 На рыбных вост,

На звериных дорогах
 Вскормленный паренек,
 За травинку пригнулся,
 Сюда пришел,
 За кустови пригнулся,
 Сюда пришел,
 — Не трогайте, пусть к нам идет,—
 Другое говорят,—
 По игре товарищ помыл
 Пусть к нам идет.
 Мальчик к детям подошел,
 Лук взял, стрелы взял,
 С ними играет.
 Долго играли, коротко играли,
 Только вдруг все дети
 Разбегутся пачкаю,
 Без оглядки бегут.
 Который-то: ай-ай-ай!
 Который-то: ой-ой-ой!
 С криками бегут.
 Мальчик удивляется,
 На месте встал.
 «Почему бегут?» — думает.
 Стоп так, взглянула на себя:
 Мешного зверя четыре клыка
 У него появились.
 Медвежий четыре клыка
 Негаданно появились.
 С тем и домой побрел.
 Идет он в домик со скорлупку орехову,
 Залезает он в шубку соболю
 Матери его, жепицы Мось.
 В теплые спешит коти и лег, не спит.
 Утро настало, не ложится ему:
 Как с этими клыками будет жить теперь!
 По спросил у матери,
 Из дома идет.
 — Не пугайся зачем идешь? —
 Она спрашивает.
 В ответ рта по открыл,
 Языком ве шевельнул.
 Вышел из домика со скорлупку орехову.
 На конце носика поглядывает.
 Со всего погледы собрались ребята,
 Крики громкие их доносят.
 Со всего города собрались ребята,
 Там все лето их слышались.
 Вернулся и к ним пошел.
 Увидели его, говорят ребята:
 — На конце носика выросший,
 Жепицей Мось вскормленный,
 В одесские трутня жатанной,
 Трутнем березным жатанной
 Паренек к нам пришел.
 Кто из мальчишек поглядывал-иди,
 Кто из девочек поглядывал-иди,
 Говорят:
 — Пусть идет, не трогайте!
 Показали его,
 Играть пригля.
 Может, долго так играли,

Только адруг все дети
 Разбегаться начали.
 Который-то туда бежит,
 Который-то сюда бежит.
 Мальчик встал, улавляется.
 «Что случилось?» — думает.
 Только глянул на себя:
 Лесного старика шуба меховая
 Тем пом пошепала,
 Молочная пицуря на нем выросла.
 За талову схватился —
 Два уха медвежьи
 На ней торчат.
 Как стоял, так стоит,
 Думает:
 «Копилка Моск,
 Матери моёй,
 В домик со скорупку орехову
 Как войду?»
 Он селеня и лесу
 Повернулся
 Только слышит вкруг позади себя
 Матери его, жидичины Моск,
 Печаль вскрикнула.
 — На кого меня покидаешь,
 Кто тот дом согреет,
 Где меня оставили?
 Только в вешне очулся,
 Как с трудом тебя растаил я,
 Как ручонки для тебя
 В рукавицу прятала.
 Только в вешне гляжу,
 Как с трудом тебя растаил я,
 Как одежду для тебя
 По домам собирала.
 — Не бодя бы ты мать мою,
 Моей грудью испорченная,
 Повернулся б я сейчас,
 Плорала бы тебя
 На куски с рукавицу.
 На куски с подошву!
 — Сделай мне счастье такое,
 Повернулся, испорченного кота,
 Губы твои поцелую,
 Шеей твою поцелую!
 — Для тебя, моя грудью вострянишей,
 Повернулся.
 Повернувшись, подходит он к матери.
 Она доки его пелает.
 Губы поцелует,
 Золотым поясом опоясывает,
 Золотое кольцо даёт.
 И слова изгугут,
 Слова обнимают.
 На облятий «о» по вырывается,
 В сторону бегит,
 Померок слова своего
 Черту клает.
 — Через эту черту,
 Мной поделенную,
 Через священную черту есам переступишь,

Уоть ты зеть мой,
 Меня грудью вскоринишл,
 На куски с рукавицу,
 На куски с подошву
 Изору тебе!
 И унес.

118. Медвежья песня о трех всадниках

Преживаю я длинное жаркое лето,
 Преживаю я длинное зимряное лето,
 С каждым дном становится хладоней,
 Ищу я теплую бортовую сторинку,
 Ищу я бортовую сторонку, выходящую к солонцу,
 Пакожу я солнечную опушку леса,
 Лежусь, лесной зверь, на травушку,
 Лежусь, луговой зверь, на травушку,
 Одну ручку превращаю в теплую подушку,
 Другой ручкой напыриваюсь, словно одеялом.
 Одна моя подушка
 Погружена в такой крепкий сон,
 Что хоть шню руби,
 Другая же моя подушка
 Обхватывает всякий предмет
 На растопыли трех деревень;
 Одна моя звезда!
 Погружена в такой крепкий сон,
 Что хоть шню руби,
 Другая же моя звезда
 Осматривает всю окрестную земаю;
 Одна пенек мой?
 Погружен в такой крепкий сон,
 Что хоть шню руби,
 Третий же пенек мой
 Прислушивается к каждому лесному шороху.
 Чувствую что-то опасное.
 Поднимаюсь я, жгучий зверь,
 И отскакиваю на растопыли,
 В три раза больше, чем мой рост.
 Невообразимую голову
 И распускаю в окрестной стороне.
 Как потечешь ты, моя золотая думка?
 С твоею тучею змеиной пещи!
 Удаляюсь и со скоростью,
 Какую может достигать лишь лесной зверь,
 Какую может достигать лишь луговой зверь.
 Одного догонит человек на черной лошади.
 Чувствую, что веревка,
 Которая идет от меня к пещи,
 Все больше укорачивается:
 Оп забирает ее в свои прикорные руки.
 — Батюшка мой, вышний свет!
 Если добыла я когда куропатку,
 То привнесу их в жертву тебе,
 Если убивал я когда дятла,
 То несиничал их только тебе,
 Батюшка мой, Нум-Торум!
 Неужели ты не спасешь меня
 От этого страшного всадника?

Неужели ты не остановишь
 Его черную лошадь?
 Пусть появится перед всадником
 Глубокая яма,
 Пусть образуется перед всадником
 Толстое болото!
 Соскользнула, лопаднула нога,
 В глубокую яму!
 Увязла, лопаднула нога,
 В толстом болоте!
 Так действительно и происходит:
 Соскользывает лопаднувшая нога
 В глубокую яму,
 Увязает лопаднувшая нога
 В толстом болоте.
 Отлетает от моего всадника на черной лошади...
 Слова пишу я солнечное место
 И дождусь, на мягкую травушку.
 Одну ручку превращаю в мягкую подушку,
 Другой ручкой накрываюсь, сплю на одеялом.
 Одна моя поздрав
 Погружена в такой крепкий сон,
 Что хоть мою рубя,
 Другая же моя поздрав
 Объективнее всякий предмет
 На расстоянии трех деревень;
 Одна моя звезда
 Погружена в такой крепкий сон,
 Что хоть мою рубя,
 Другая же моя звезда
 Осматривает всю коростную землю;
 (также иными моим)
 Погружен в такой крепкий сон,
 Что хоть мою рубя,
 Другой же невест мой
 Прислушивается к каждому легкому шороху.
 Чувствую и слышу что-то опасное.
 Поднимаюсь я, могуль зверь.
 И отскакиваю на расстояние.
 В три раза большее, чем мой рост.
 Поворачиваю голову
 И прислушиваюсь к опасной стороне.
 Слышен звук серебряных подков
 Это приближается человек.
 Сидящий на гонимой лошади.
 Хоть и бегу я
 Но всю пруть своих черных ног,
 Но чувствую, что жернова.
 Некотор падет от меня к нему,
 Все ослепло ускоривается!
 Он забирает ее в свои пропорные руки.
 Бьются мои, выплыви счет!
 Если добывал я когда куропаток,
 Ты привнес их в жертву тебе,
 Если убивал когда и дятлов,
 То посвящал их только тебе.
 Галктика мой. Пум-Торун!
 Неужели ты не спасешь меня
 От этого страшного всадника?
 Неужели ты не остановишь
 Его гонимую лошадь?

Пусть вырастет перед всадником
 Настолько густая чаща,
 Чтобы я еще не смог пробраться
 И нос собачий!
 Пусть вырастет перед всадником
 Настолько нысенная гора,
 Чтобы через нее не смог перескочить
 Самый лучший конь!
 Так действительно и происходит:
 Вырастет перед всадником чаща,
 Непроходимая для собачьего носа,
 Выростает перед всадником гора,
 Не поддающаяся посылке прыжку,
 Скрывающаяся и от преследования...
 Найди солнечное место,
 Ложусь я на мягкую травушку.
 Одну ручку простираю в мягкую подушку.
 Другой ручкой ныряваюсь, сасмо одеялом.
 Один мой поддир
 Погружен в такой крепкий сон,
 Что хоть шню руби,
 Другой же мой поддир
 Обнимает каждый предмет
 На расстоянии трех деревьев;
 Один мой звезда
 Погружен в такой крепкий сон,
 Что хоть шню руби,
 Другой же мой звезда
 Осматривает всю окрестную землю;
 Четвертый же мой
 Погружен в такой крепкий сон,
 Что хоть шню руби,
 Другой же четвертый мой
 Прислушивается к каждому лесному шороху,
 Чувствую и слышу что-то опасное.
 Поднимаюсь я, мегучий зверь,
 И отскакиваю на расстояние,
 И три раза бодясь, чем мой раст.
 Поворачиваю голову
 И прислушиваюсь к опасной стороне.
 Слышен звон золотых подков.
 Это приближается человек,
 Сидящий на лошади белого цвета.
 Чувствую, что настает мой последний час:
 Как бы быстро и он бежал,
 Он все-таки подтинет ту шворонку,
 Которая тинетси от меня к нему.
 — Ах, батюшка мой, выныки счет!
 Ах, батюшка мой, Пум-Торум!
 Рывок во тебе
 Посканил и всех добытых зверей,
 Главно по тебе
 Посканил всех добытых ослепей?
 Но подло, подло!
 Не успеваю и закончить
 Священного заклинания,
 Уже приближился человек,
 Сидящий на белой лошади.
 Хоть я псикаливаю и на него с ревом,
 Готовый пожрать горло.
 Хоть я бросаюсь и на него с ревом,

Готовый покарать древнюю, да попусту..
 Длинное копье Богатыря
 Пронзает мое святилище!
 Пес корюшилось в моем сердце,
 Как будто от нильских музоров.
 Падаю я, зверь, и погружаюсь в глубокий сон.
 Присыпаясь на сердце спящего всадника.
 Выйди-же-но-из-т!

119. Медвежья песня о Городецком Богатыре

Живет старик — Городецкой Богатырь — в крепости,
 Оруженной железными стенами,
 Оруженной деревянным частомолом.
 Как с малолетства был прекрасный охотник:
 Не пропустил он ни одного зверя,
 Погажающего по земле,
 Не пропустил он ни одного себя ни одной птицы,
 Летящей в воздухе.
 Однажды в жаркое длинное лето,
 Однажды в жаркое полярное лето
 Настает жаркое время для торчания.
 Отправляется старик на торчание речоньку.
 Река изливается, как утиные кишки,
 Как изливается, как утиные кишки.
 Едет он по псу на своей несатой лодке с песком:
 Не встретится вода ни одного зверя,
 Не встретится крыло ни одной птицы.
 Свою лодочку укажет, как лодочку пса,
 Затем уже повернуть обратно.
 Нам увидеть своими зоркими глазами
 Мени, годовалого могучего зверя.
 Погуляла и по берегу реки с берегами,
 Пресла Городецкой Богатырь и мени стрелу.
 С животною трапезой, как мени корова.
 (Называются трапезы, как мени корова,
 Принимал святилище могучего зверя.
 С дубрами настроен тихого ветра.
 Изъявлял посыл лодки с песком и берегу,
 Вышел на берег Городецкой Богатырь.
 Принял мени крылом и крепленому луку
 И перебрал за спину.
 Затем сел на спинку лодки со среднюю
 И возвращается домой.
 Лодка подвела к пристани города с пристанью,
 То грубо выбросил мени на берег
 И там содрал мени свищевые осыады.
 Голову и шкуру оскристал тилором
 И бросил в менильный чум.
 Где живут женщины-рожевичи,
 Где живут женщины не зря нестрадая.
 Остальное же мясо илрину на менильные куски
 И выбросил для собак.
 На среднюю посела со среднюю.
 Слова Городецкой Богатыря
 Обтирают о мою шкуру свои грязные ноги,
 Сила Городецкой Богатыря

После старика своей одежи
 Льют на мою шкуру грязную воду.
 — Батюшка Пум-Торум,
 Почему варен ты меня священным зверем,
 Если допускаешь такое издевательство?
 Батюшка Пум-Торум,
 Смылся ядо мой
 И назови этого преступника,
 Злого Городского Богатыря!
 Разгневавшийся дух могучего зверя
 Отырывается в дремучий лес с темными деревьями.
 Обходит он все семь его углов,
 Находит все семь его берлог
 И слышит весь медвежий роп.
 На зову с Городским Богатырем,
 Идут семь разгневавшихся медведей
 Брать кровавым приступом
 Крепость Городского Богатыря,
 Окруженную железными стенами,
 Крепость Городского Богатыря,
 Окруженную деревянным частоколом,
 Хотя они и подступают к крепости,
 Хотя и выкарабкал он ее стены.
 Но не трусит и Городской Богатыря
 С многочисленными сыновьями.
 Осыпает они их стрелами,
 Обрубает их витиналые лапы с пальцами,
 Бежит мой разгневавшийся дух
 В образе хвостатой мыши,
 Бежит в темные углы дремучего леса.
 Обходит он все семь его углов,
 Находит все семь его берлог.
 Идут на помощь.
 Еще семь медведей — молж братья.
 Но не тут-то было:
 Как только просоноивается
 Медвежий лапы мои частоколом,
 Так сейчас же и пробивает ее
 Железные паколения стрелы.
 Отступает с большими потерями медвежий роп.
 Бегу опять и
 В прекрасном образе хвостатой мыши
 В дремучий лес с темными деревьями,
 — Пислунай, Батюшка Пум-Торум,
 Городской Богатыря.
 Оскорбил меня, лесного зверя,
 Оскорбил меня, лугового зверя.
 Если действительно
 Ты назвал меня священным зверем,
 Если действительно
 Назначил хвостатого ропца,
 То отомсти за это оскорбление!
 Батюшка Пум-Торум,
 Опусть на землю
 Моего старшего брата с влажной шеей,
 Только он может победить Городского Богатыря.
 Батюшка Пум-Торум
 Опускает с неба на железной цепи,
 В ямаке, сплетенной из древесных жорней,
 Моего старшего брата.
 Осаждает старший брат

Крепость Городского Богатыря,
 Окруженную желанными степями,
 Разрушенную крепость Городского Богатыря,
 Окруженную деревянным частоколом,
 Хотя и мечут богатыря
 Стрелы с железными наконечниками,
 Да попусту:
 Только срывается шерсть на его одежде;
 Хотя и пылают богатыря
 Продолжать борьбу конями, да попусту:
 Отнимаются кони от его ошейников.
 Струсил старик, богатырь города,
 И убежал на задворья города с задворками.
 Мечется и мой старший брат
 На задворья города с задворками,
 Причнется старик, богатырь города, в избарчик.
 Заскакивает туда и старший брат
 С изогнутой песью.
 Говорит старая, богатырь города:
 — Если правда, что убил я савишного зверя,
 Если правда, что убил я хренителя вилтам,
 То попробуй перекусить
 Железный обруч моего топора
 Перекусить — правую гмюю вину.
 Перекусывает старший брат
 Железный обруч топора,
 Перетирает железю
 В крупишки железю, как песок,
 В крупишки железю, как песок,
 С страшным ревом,
 Готовый погнать город,
 С страшным ревом,
 Готовый погнать деревню,
 Набрывается на богатыря
 И разламывает его в клочья
 Величиной в шкуру туфельца,
 Разламывает его в клочья
 Величиной в шкуру рудавичные,
 Най-по-ю-ви!

120. Медвежья песня о старике Физине

Ложу я, дупловой зверь,
 В своем бочком доме с земляными балками,
 Ложу я, лесной зверь,
 В своем мордом доме с земляными жертвами,
 Как выставлял парубку
 Свою молодую голову с могоми,
 Оказывается, мой батюшка, выпитый свет,
 Уж превращается в жаркое длинное лето;
 Оказывается, мой батюшка, Нум-Торум,
 Уж превращается в жаркое длинное лето;
 Направляюсь и искать места, богатые ягодами,
 Направляюсь и искать места, богатые грибами,
 Каким же это помыслилось передо мной рено?
 Как медный зверь, пытаюсь унять:
 Это рено, которое в прошлом году
 Была богата осенней рыбой;

[illegible]

[illegible]

Но какотвию я свой пензюльный кузовок,
 Нависавлю я свою пензюльную посудину,
 Однажды ко время пригуляю
 Увидаю земля, широкою земля,
 Увидаю озеро, широкою озеро,
 Как вещей лесной зверь, отдавая и:
 Это древнее свещенное место
 С поборением боюет.
 Смотрю я зоркими глазами
 На противоположную сторону озера:
 Там места, богатые шипками.
 Там места, богатые шипками.
 Сидусь я и свою сверстную лодочку?
 И плыву на другую сторону свещенного озера,
 И слышала в лесу вода от и чед,
 Послышала серан уключин.
 Смотрю я зоркими глазами звери:
 Едут на лодке старик со старушкой,
 Наружу выгнет меня зоркими глазами
 Сидусь, сидюю на водичке.
 — Старик, посмотри, старик!
 Там плывет могучий лесной зверь,
 Там плывет могучий лесной зверь.
 Отвечает ей старик, сидущий на корме:
 — Глупая, бестолковая баба,
 Откуда вылезает могучий зверь?
 Это плывет обросшее мохом большое бревно,
 Которое подплывает со дна днастого озера.
 — Нет, нет, старик, это могучий зверь.
 Смотрю, он уж подплывает
 К берегу озера с берегами
 — Брось, старуха, пустое болтать!
 Это плывет ве то веревка гусей,
 Не то веревка уток с утицами.
 Подплывает постои вода к берегу
 Вылезает я на сушу, могучий зверь.
 Вымолилась старуха богу:
 — Бабушка, Пуя-Торум,
 Преврати меня в мужичку,
 Олосавиного дауни ремнизи!
 Хочу называть могучего зверя,
 Который попусту разгуливает по лесу!
 Разрывает она
 Свое вышиванное платье с длинными вышивками
 И подползается его лептани,
 Как мужичина ремнизи.
 Нож жешчиши, вырезающей узоры,
 Причет в рукава одежды с рукавами.
 Как раскирост она свой зубастый рот
 С семью зубами:
 — Куда бежишь ты, лесушка — могучий зверь?
 Разорваю кожу я плечики
 Величней в шкурки туфельные,
 Величней в шкурки рукавичные.
 Сидюй куски моего тела с горным мохом,
 И чиркай куски моего тела с лесным мохом,
 Как голодный свещенный зверь,
 Выхаживаю я на все
 С диким ревом, готовый пожрать деревья,
 С диким ревом, готовый пожрать город.

По пож женщины-мастерницы,
 Пож женщины, вышивавшей узору,
 Насколько проплет мое святилище,
 Заключилась у меня година.
 Как будто от пылающих мухоморов,
 И повалился и на землю.
 Старуха к берегу бежит и причит:
 — Старик, где-ли же мой?
 Подхлзлит опи к моему телу,
 Рассетируют четыре пуговицы
 На ошейе могучего зверя,
 Рассетируют пять пуговиц
 На одежде могучего зверя,
 Кладут меня в лодку на древесных вьрусьях,
 В лодку с обручами и перекладинами
 И несут к берегу реки с берегами.
 Сидит меня, как дорогого гостя,
 Их среднюю лодку со средною.
 Кричат три раз о лесном звере,
 Кричат четыре раз о мухомов звере,
 Как раскроет старуха
 Свой зубастый рот с очью зубами:
 — Старик, где-ли же мой?
 К многочисленным мужичкам поселка,
 К многочисленным женщинам города,
 Смотри те говори,
 Что мной опущен ⁴ могучий зверь.
 Подымают носатая лодка с носом
 К пристани поселка с приставью.
 Выбегает на берег
 Многочисленные мужички поселка,
 Многочисленные женщины города.
 Одни из мужички причит:
 — Смотрите, друзья!
 Это ведь старухой опущенный могучий лесной зверь!
 Сидит у меня священный ум:
 — Что болящий ты, собачий сын!
 Пал на меня стыл на все деревню,
 Пал на меня стыл на весь город.
 Не могу смотреть своим глазами.
 Сидит меня на дощатую полку на трех досок,
 На дощатую полку на четырех досок.
 Обильно уходят одерной пивной,
 Обильно уходят обильной пивной.
 Носедаю я, как лесная женщина,
 Почитаю я, как горная женщина.
 Начинается праздник с носедай пивной рук,
 Начинается праздник с носедай пивной рук,
 Начнут пять святых почей Торума,
 Начнут семь святых почей Торума,
 Как-ли-ю-ли!

122. Медвежья песня о старухе Ропаске

Живет старуха Ропаска
 В пятидворном поселке с пятью дворами,
 Обитает старуха Ропаска
 В пятидворном поселке с десятью дворами,
 Без разрешения ее, могучей хозяйки поселка,
 Ни одна женщина никуда не отправится,

Вот открывает она свой рот с десятью зубами:
 — Многочисленные женщины поселяк,
 Многочисленные женщины города,
 Как будто настала пора сбора ягод,
 Сходить бы нам, дорожке женщины,
 В веселую дорожку собирания ягод.
 Все женщины поселяк, все женщины города
 Поднимают ты спины большие чужаки,
 В руки берут маленькие
 И спускаются к лодочной пристани с лозками.
 Старуха Ропаска как хозяйка идет вперед.
 Садятся многочисленные женщины поселяк,
 Садятся многочисленные женщины города
 В большую лодку сев сажень.
 Садятся также и старуха
 На средину лодки со срединюю.
 Оттолкнулись женщины
 От берега реки с берегами
 И быстро поплыли по ее середине.
 Плыли так, пока бабушка Ропаска не промолчала:
 — Многочисленные женщины поселяк,
 Многочисленные женщины города,
 Пало мне в старческий ум,
 Что, когда была я девушкой,
 Вот здесь было болото, богатое морошкой.
 И как раз отсюда
 Шла веселая дорожка собирания ягод.
 Правые там по коряе лодки с жерной,
 Подскакивайте посом посатой лодки к берегу.
 Исполняются приказание хозяйки поселяк.
 И пристает посатая лодка с посом к берегу.
 Поднимают женщины
 Многочисленные чужаки с круглыми горышками,
 Поднимают девичьи
 Многочисленные чужаки с корпеными обручами
 И идут по веселой дорожке собирания ягод.
 Говорит старуха Ропаска:
 — Любезные женщины поселяк,
 Если выйдете на вас какой-либо зверь,
 То полагаетесь на меня, как на крепкое дерево,
 Которое никогда не сломается.
 Находит много-много морошки,
 Крупной, как вакопечник стрелы.
 Женщины с искусными руками
 Дно посуды своей слав поперыли,
 Женщины с длинными руками
 И морошки до рта не донесли,
 Как выскочила из них свинцовый зверь,
 С диким рвом, готовый пократь деревню,
 С диким рвом, готовый пократь город.
 Выжжат поселковые женщины от страха,
 Влезу в дудку свои сапоги
 И спускаются за них.
 На средину реки со срединюю,
 Не убежала от зверя
 Лишь одна старуха Ропаска.
 Накладывает она на голову зверя
 Большой берестяной чучал,
 Тот теперь зов и ударит
 Своими могучими лапами,
 Так только по береге,

Если и потрясает что
 Своими острыми когтями,
 Так только ее.
 Тем временем Ропеска выхватав
 Своей женский пол.
 Изукрашенный изображением животных,
 И пропавши им сыгналище могучего зверя.
 Завернувшись в голову у него,
 Затушавалось, как будто от пьянших музеев.
 И рухнула от всей тяжести на землю.
 Ропеска же остался повредом.
 И лишь чуть-чуть искарпалась у шей щеки.
 Ослабляется вокруг себя:
 Поселковых женщин, городских женщин не видно.
 Спускается к лесочной пристани с лодками
 И видит, что она уж далеко, на середине реки.
 — Ах вы, собачья дочка,
 Ведь говорила же я вам: «Не пугайтесь
 И подкапывать, вы жеге.
 Как на коренья деревю,
 Которые никогда не сломаются».
 Выходите сейчас же все на берег!
 Подскакивает поселяне лодка с носом к берегу.
 Высклакивают поселянские женщины,
 Городские женщины на берег:
 Как будто кто бросит
 Многочисленные свертки весенних шкур,
 Как будто кто развертывает
 Многочисленные свертки осенних шкур.
 Старуха же Ропеска
 Расстилает четыре пугавцы лесного зверя,
 Пять пугавцй лугового зверя,
 Снимает с него священную малицу.
 Кладет она его
 В среднюю корзину со свиной из корней,
 Переносит на берег
 И, как дорогого гостя,
 Помещает на среднюю лодку со среднюю.
 Едут многочисленные женщины в поселок.
 Едут с весельем дачный лес!
 Петуховато выкрикивают самого могучего зверя.
 Придираются они к пристани поселян с пристанью.
 Высклакивают и лиз навстречу
 Многочисленные мужичьи поселян,
 Многочисленные мужичьи города:
 Как будто катятся свертки осенних шкур.
 Как будто катятся свертки весенних шкур.
 Весело играют в волнующую игру!
 Притокочивает старуха
 Как для веселья девяти,
 Дом для веселья девяти:
 Украшает дом для пляски лесного зверя,
 Украшает дом для пляски лугового зверя.
 Усыпывает лесного зверя в гнейдешко,
 Наволененное обской пищей,
 Наволененное обской пищей,
 И проводит пять светлых ночей Торуца,
 И проводит семь светлых ночей Корса.
 На-а-а-а-а-а!

123. Сказка о маленькой Мось-но

Маленькая Мось-но с братом вместе жили. В угау глухого леса, дремучего леса, кроме них, никого народа не было. Долго жили, коротко жили, однажды, так жила, брат сестре говорит:

— Как мы дальше вместе жить станем? Верхний дух так сказал: «Сестре с братом жить нельзя. Женщина мужчину пусть ищет, мужчина женщину пусть ищет».

Сестра говорит:

— Ну нет, мы как жили, так и дальше жить станем.

Брат опять говорит:

— Верхний дух так не говорит: «Сестре с братом вместе жить». Если мы сойдемся, то, когда люди жить будут, так братья с сестрами жить станут. Местные люди тогда перемешаются. Брата имеющая женщина к брату пойдет, сестру имеющий мужчина сестру возьмет.

Брат рассердился, слов сестры слушать не стал. Рассердившись, ушел, оделся, в другое место пошел. В угау глухого леса, дремучего леса такое хорошее место нашел. Из рожденных небом, рожденных землей больших деревьев дом построил.

После того как долго прожил, коротко прожил, думать стал: «Почему я один живу? Вместо товарища по жизни сделал-ка женщину из дерева». Из дерева женщину сделал. Хорошей одеждой одел, платком покрыл, на нари посадил. Наружу выйдет, в дом войдет, смотрит: совсем женщина сидит. Жить веселее

сестра.

После его ухода маленькая Мось-но, сестра его, одиноко в месте без женщины, без мужчины жила, думает: «Пойду я брата своего искать. Каково-то он живет, что делает — посмотрю». Маленькая Мось-но оделась, платком покрылась, из дома вышла, вперед пошла. Далекий мир далеко проходил, близкий мир близко проходил. В одном месте чей-то дом однажды повалился. Ближе подошла, смотрит: похоже, что брат ее живет. К окну приблизилась, через окно внутрь смотрит: брата ее дома нет. К двери подошла, в дом шагнула — дом пустой. На нари выглянула: женщина сидит. Окликает ее — не отвечает. Поблизже подошла, рассматривать стала: брат ее из дерева женщину сделал. И хорошую одежду одет, платком покрыт. Совсем как женщина сидит.

Маленькая Мось-но деревянную женщину схватила, на пол сбросила. Маленькая Мось-но с деревянной женщиной оденды спала, сама надела. Маленькая Мось-но топор взяла, деревянную женщину на кусочки с пестрицу, с сорняку рубила. Цепочки от деревянной женщины под кучу с мусором засунуты были. Маленькая Мось-но в дом пошла, на место, где сидела деревянная женщина, села.

Пока сидела, снаружи слышит: брат ее пришел. Маленький Мось-чум в дом пошел, в доме-то так тепло. Маленький Мось-чум на свою деревянную женщину смотрит: им

ревиная женщина шьет. Маленький Мось-хум обрадовался, к деревяной своей женщине обниматься бросился. Обнимались-целовались и дальше жить стали.

После долгого или короткого их житья сына заимеди. А за все время их совместной жизни женщина мужу своего лица не показывала.

124. Маленькая Мось-из — дочь медведицы

Маленькая Мось-из живет со своим братом. Долго жили, коротко жили. Мось-хум в горной стороне много чаемой паволяет, в лесной стороне много чаемой паволяет. Так жили, однажды сказал:

— Край с жовцппами, край с мужцппами искать мне падо. Отправился. Долго шел, коротко шел, встретил селение Городской Богатыри. Городской Богатырь сразу трех дочерей имеет. Младшую дочь высчитал. Приготовились, свадебный мир справляют. Справили. День жили, два дня жили, Мось-хум говорит:

— Я со своей землей человек, со своей водой человек. Домой иду! —

Городской Богатырь-старин говорит:

— Иди тебе хоть когда можно было.

Собрались, домой отправились. Домой пришли, в свою землю. Дальше жить стали, дальше спать стали. Мось-хум по лесам, по водам ходит. Сестра его тем временем думает, говорит:

— Я в прошлом худо сделала, теперь как живу!

Однажды невестка говорит:

— Сходи куда-нибудь?

Невестка особого желания хоть и не имела, оделась, собралась и отправилась. Долго ходила, коротко ходила, к реке пришли. Золовка говорит:

— Скатысь!

Невестка говорит:

— Ты вперед скатысь.

Золовка говорит:

— Ты вперед скатысь.

Невестка понатилась. Домузу доехала, уняла. Золовка вслед за ней покатилась и женщине середку спины лжжками паскволя проколола. Золовка невестку убила. «Теперь что делать буду?» — думает. Одежды ее растегнула, сняла. Невестки одежду надела. Невестку взяла, в реку спустила. Свою одежду наложила, затем кроль в одежду завернула. Домой пошла. Домой вернулась, в полог своей невестки села. Молит:

— Дорогу мою, по которой туда ходила, пусть совсем заметет!

Верхний Дух-отец ветер сделал, снег пустил. Ничего больше не видно. Пет дороги.

Брат домой пришел. Она лицо плачет. Живут дальше. Долго жили, коротко жили, так живя, ребенка они заимели. Человека,

тесно пасущий, сказку несущий, вырос. Достиг возраста, когда по улице бегает. С детьми Городского Богатыря играет. Однажды он есориется. Отец подслушивает, что дети говорят:

— Мось-хум со своим братом ребенка имела.

Топор Мось-хум думает: «Сестра моя, дома она, поди?» Домой пошел, а дом вошел. Думает, сиранивает:

— Сестра моя куда пошла?

— Я не знаю, куда ее унесло!

— Одишко, — говорит, — сестра моя ты, поди, и есть. Я слышал, как Городского Богатыря дети говорят.

Жена его сразу села. Онемела, безо рта, без языка сразу села. Мось-хум думает: «Худо. Человеческая древняя пора, печная пора ищется, мне худо. Тогда всякая женщина скажет, всякий мужчина скажет: Мось-хум со своей сестрой жил, а мне и того стыдное станет».

Постав, топор взял, нож взял, точило взял. Точить сел. Достаточно поточил, заволачил. Поднялся, сестру-жену свою за волосы схватил, на улицу вытащил. На поклажи селения ниспал, взял нож, взял топор и, сколько силы хватило, намерло ее изрубил, изрезал. Мальчика поймал, на улицу вытащил, тоже убил, намерло изрубил.

— Этот ребенок, он вярное бы. Вярное бы, так говорить стал бы: отцом пазаал бы, матерью назвал бы. Человеческая древняя пора, печная пора открывается, а он так говорил бы. Мне тогда сестра

Домой пошел, оделся-покрылся и отправился, куда только ум его поведет.

Тенерь дело к его сестре перешло.

Погода-весна настала. Звисты выросли, трава выросла. Кустарник вырос. Из ее кроны порох вырос. Лето наступило. Медведица гуляет. Горюю ягуду ищет, лесную ягуду ищет. В поисках на место селения, на место селения Мось-хума зибрела. Порох заметила, съела. В горы пошла, а лес пошла. Так жила, детей родила. Один ребенок ее обрал — медведь, один ребенок — человеческая девочка. Так живут, ягуду собирают. Один ребенок — когтистый¹, один ребенок — человек. Человека медвежонок обижает. Мать говорит:

— Человеческую сестру свою не обижай.

Пока так жили, лето кончилось. Погода осенью стала. Земля замерзла, снег падает. Медведица думает: дом делать надо. Земля замерзает. Место для устройства дома поискала, нашла. Дом делает, заволачил. Трава натаскала, муху натаскала, гноздо сделала. Верхний Дух теплый день сделал, паружу вышла, а березная отправилась. Березу котом сиранила, бересты содрала. Домой принесла, человеческой дочери своей противула.

— Человеческая доченька, — говорит, — эту бересту своимими помажь и какой-нибудь рисунок начерти². Для собачьей ноги, звездной ноги малоснежную осень. Верхний Дух-отец открыл³. Там лодышине Городской Богатыря-старик живет. Трех сыновей име-

ет. В лес придут. Тогда Городского Богатыря-старина собрани дщери нашей берлоги укажут. Ты, человеческая доченька, когда с нами двоими что-то делать будут — жердь срубят, внутрь засунут¹, ты эту бересту положи, на конце жерди шажки. В то время Городской Богатырь-старик с тремя сыновьями будет. Он жердь наружу вытянет. На конце жерди бересту заметит. Городской Богатырь-старик скажет: «Человеческая девушка там есть. Один — ее ребенок, одна — человеческая девушка». Доченька, а что горю, чему учу — не забудь, помни.

Своему медвежьему ребенку говорит:

— Ты в прошлом человеческую сестру свою зачем мучил? За это дело мы теперь Верхним Духом-отцом нашим отпущены. Исполно — дневной жизни нам больше нет.

Городской Богатырь-старик с тремя сыновьями идет. Прател. Дщери берлоги загорючили. Тех убивать стали. Человеческая девушка в своей отдаленно сделанной пещерке находится. Мать ей говорит:

— Ну вот, доченька, поберегись, чтобы тебе чем-нибудь не навредили. С нами что-то сделано будет. нас наружу вытащат, приготовят. На нашу нарту не садись: наша кровь на тебя упадет.

Убиты были, вытащены были. Городской Богатырь-старик трем сыновьям говорит:

— Наверно, еще есть.

Жердь срубали, внутрь сунули. Тогда бересту с рисунками девушка на нее насадила. Жердь наружу вытащили. Бересту с рисунками увидели. Городского Богатыря-старика трое сыновей говорят:

— Это еще что за чудо?

Старик говорит:

— Человеческая девушка там есть, вот береста с рисунками.

Затем сыну еще говорит:

— Ты, сынок, шейный платок свой разложи.

Платок разложил, шест внутрь сунул, молвил:

— Мне богом назначенный человек, хатайся.

Она ухватилась. Ухватилась, наружу ее вытащили. Голова и руки как показались, платок на ее голову опустился². Вся целиком как появилась, Городской Богатырь-старик говорит:

— Лишние чулки, лишнюю одежду снимите.

Сыновья разделись, женщину одели. Она в сторону отошла.

Пока мать ее обдирали, брати ее обдирали, она спиной стояла.

Мать, брати в шалки положили, закончили, на нарту погрузили.

Человеческая девушка говорит:

— Я на нарту моей матери не сяду.

Городской Богатырь-старик сыну говорит:

— Мы три человека нарту потащим, ты жену свою носи.

Домой отправлялись. Пришли. Медведи в дом занесли. Медведицу с ребенком ее на стол положили. Человеческую девушку в колого устроили. В переднее место села. Городской Богатырь-

старик с детьми теперь играют⁴. Городской Поватырь-старик мясо матори человеческой душишки сварил. Народ ест, ей тоже дали. В прошлом мать ей говорила: «До нас (т. е. до мяса) не касайся. Что тебе дадут, а сторону откладывай». Теперь мясо и отложила. Вторую ночь играют, еще котел делают, ей мяса дают. Она опять в сторону откладывает. В третью ночь играют, котел делают. Ей дают, опять в сторону откладывает. В четвертую ночь играют. Котел делают, ей дают, опять в сторону откладывает. Жена Городского Поватыря-старика невестко говорит:

— Человеческая девчонка, почему не играешь?

— Как и играть стану? Моя мать убита, сердце мое горит. Зверьяны четыре ночи кончались. В прошлом медведица-мать говорила: «Доченька,— говорит,— мои четыре ночи кончатся, спать ляжешь, сон не придет. Подиши подушку положиши, на высоту одного бревна низку уйдешь. Подиши настает, на дома выйдешь».

Теперь она в полночь наружу вышла, думает: «Теперь мать мою где ушжу?» В это время на крыше дома дзюх слышно. Ребенка голос слышен: «Мне здесь больно». Матери ее голос слышен: «Мне это место больно. Человеческая дочь вышла до чего-то касалась». Она в дом зашла. В первую ночь данные нещи⁵ на подушку положила. Наружу вышла, на крышу бросила. Мать ее говорит:

— Человеческая дочь наша ничего не трогала.

Домой вернулась, легла. День прошла. Ночь наступила, пришла пора спать ложиться. Повыше подушку положит — низкой становится, пониже подушку устроит — на высоту трех бревен подушка поднимается. Полночь настала, наружу вышла. Около дома — начало дороги, по которой снег для мытья лавания воды поят. Туда пошла. Матери ее с ребенком голос слышно. Ребенок говорит: «Здесь мне больно». Мать ее говорит: «Мне тоже здесь больно».

— Человеческая дочь наша,— мать молвила,— чего-то, поверно, касалась, печей пошла.

Она домой зашла. Во вторую ночь данные пощи взяла. Наружу вышла. Мать говорит:

— Присай. Собаки ли съедят, или еще это съест, дела нет. Бросай.

Бросила.

— Ну вот, доченька, завтра в ночь иди к началу дровозолой дороги. К началу дровозолой дороги пойдя, свекровь свою с собой позови.

Отправилась. Домой пришла, легла. Теперь сон пришел. Поча проспала, день прокила. Свекрело, спать ложиться пора пришла. Свекрови своей говорит:

— Свекровь, в эту ночь к началу дровозолой дороги пойдешь. Ты там насмотришь, кое-что там поштыши ставот.

Сказала, легла. Повыше подушку положит — низку убежит, пониже подушку устроит — на высоту трех бревен поднимается. Свекровь уже заснула. Полночь настала, поидилась, сказала:

— Свекровь, вставай, идти время пришло.

В третью ночь давние ей вещи казла. Оделась, на узлицу выпиди. Каля по дровозной дороге побрела. К основанию дровозной дороги пришли, встали. Вскри послышалась: с матерью ребенок говорит: «У меня это болит». Мать говорит: «У меня тоже здесь болит. Человеческий ребенок наш, наверно, ащей наших касался». Свекровь тут говорит:

— Доченька, я эту ночь загрызут пас.

Невестка отвечает:

— Нет, это моя мать, если не знала, это брат мой. Вы прошлый день играли, думаете кончилась медведица, готова. Вот теперь ее душа.

— Ну, доченька, привнесла что-то, бросай. Хоть собачи съедят, хоть кто съест, дела нет, бросай.

Бросила.

Мать промолвила:

— Вот, доченька, сейчас третья ночь,— говорит,— завтра четвертая ночь. В полночь со свекровью на узлицу выйдете. На небо сколько звезд есть, сосчитайте. Лишние две звезды если там появятся, то это мы двое засветились. Наших вещей ты не касалась, правды жила. Ну, теперь, доченька, здоровой будь на неки вечные. Нашему скидаю вот и конец. Наши души на небо кверху пошли.

Попроцалась, домой отправилась. Домой пришла, легла. День прожил. Свекровь, спать ложиться пора пришла. Свекровь говорит:

— Ты покинул человек, ты, поди, ум имеешь. На небе сколько звезд есть, ты знаешь. Моего ума мало. Сейчас ляжем, и полночь на узлицу выйдем. Верхний дух сегодня хорошую ночь, чистую ночь сделает.

Легли. Поверх подушку положит — на высоту одного бревна кину уйдет, подушку устроит — на высоту трех бревен кверху поднимается. В полночь пробуждалась.

— Свекровь,— говорит,— проснись, на узлицу выйдем.

Поднялась, хорошие платки, хорошие агутки надела, вышла. Верхний дух хорошую ночь сделал.

— Ну, свекровь, посмотри вверх. Нижняя земля сколь велика, верхний мир такой же величав. Наверху светлые звезды сосчитай.

Пришлась считать, сосчитала. Сколько-то сотен звезд сосчитала, две звезды лишние. Второй раз сосчитала — опять две звезды лишние. В третий раз сосчитала — опять две звезды лишние. Одна миленькая, одна большая.

— Это, свекровь, вчера у начала дровозной дороги кого ты видела, теперь их души там засветились, на небо.

Помня, домой вернулась.

— Ну, свекровь,— говорит,— саникытап свой возьми, играй теперь.

Хороший платок, хорошую одежду надела.

— Ну вот, свекор мой, свекроль мой, вчера вы говорили: пляши! А и по матери как плясать буду? Мую мать мы все-таки убили или умерла теперь, мне жаль. Теперь я знаю, где облик ее души теперь засветился. Теперь я знаю. Играйте, я плясать буду.

125. Мось-пэ и ее дочь

В одном месте, в одном поселке одиноко живет Мось-пэ — добрый женщина. Долго, коротко так жила. Однажды легла на пролечь, сморгит: возле нее девочка лежит. Встанет ли, ляжет ли Мось-пэ, а девочка все равно возле нее лежит. Мось-пэ плачет:

— Куда я ее отнесу? Как мне жить с ней?

Думала, думала и подумала. Сделала люльку. На ползет девочка каясь надела. А сама про себя снова думает: «Люди придут, стыдно мне будет. Что-то надо сделать. Отнесу-ка я ее и люльку на лед. Пусть ее вместе со льдом увесет».

Мось-пэ увесла люльку с девочкой на лед, поставила. Тут же люльку льдом зацепило и повнесло. Девочка и люлька сидят, сморгит на Мось-пэ и смеется, смеется. Сердце жеплюши давило, заболело от этого смеха. Жалко ей стало девочку. Но теперь уж больше не видать, навсегда увесло льдом. Так и осталась одинокой Мось-пэ.

Долго горевала, коротко горевала и плакала Мось-пэ по девочке, расквашивая по деревне. За это время умица деревни заросли травой, выросли листьями. Но пот однажды в деревне появилась медведица. Она все листья в деревне съела, всю траву в деревне съела. Снова в лес отправилась. В лесу вырыла для себя дом-берягу. Живет одиноко в своем жилище. Не было у нее ни сплх, ни чумих детей. Долго, коротко так жила. Негут у медведицы появились дети — сразу трое: двою — маленькие медвежата и один — человеческий ребенок. Детеныши больше спит. Немного потравят, сососут сплх лапы и снова спит. Так живут тихо в сплх-коиво. Однажды медведица говорит своим медвежатам:

— Слышите, собака лает? Это Усынг-отыр-ойка идет. Это наша смерть идет!

Действительно, так и случилось. Медведица скончалась, в ее медвежата скончались. Живым остался человеческий ребенок. Усынг-отыр-ойка нашел человеческого ребенка, повес его к себе. Но поехал не в свой поселок, а в поселок, где живет его сплх. Притаялся он в берете деревни, лодку на берег вытащил, человеческого ребенка в дом вприсел. Подорвался. Вскоре они стали плясать. Долго пляшут. Пять дней плясали¹. Усынг-отыр-ойка все еще домой не едет. У сына живет. Однажды в этот поселок пришла какой-то человек. Пришел к Усынг-отыр-ойке, увидел девочку. Обращаясь к ней, сказал:

— Дочка, ты домой поезжай!

Девочка ему отвечает:

— Не поеду!

Принес он ей маленькую чашечку. Кусочек мяса в нее положил — пусть девочка поест. Девочка поднялась и села, но ость не стала. Сердце ее болит по медвежатам и по медведю. Вышла девочка на улицу, прислушалась. В лесу слышно, как говорят медведицата:

— Мы разумею, мы поправлялись, охотились².

Самшится разговор и их матери-медведицы.

Девочка еще две ночи не спала. Болит ее сердце по матери. Слова выпала на улицу, слушает. Однако больше ничего не слышит. Тут она услышала шепот и увидела медвежат наверху в образе звезд. И теперь стоят эти звезды.

Долго, коротко так жили. Однажды сын Усынг-отыр-ойки пошел в дом девочки. Вошел и вонет к себе. Но девочка не идет к нему. Сын Усынг-отыр-ойки смотрел, смотрел на девочку, и пальцы ее заметил колючи. Но колючу он узнал ее: это девочка, унесенная в люльку вместе со льдом. Юноша взял девочку. Они поехали в поселок, где одиноко живет ее мать. Приехали, стали вместе с матерью жить. И теперь там живут, и теперь радуются, счастливы.

126. Сног между Пор-но и Мось-но

Пор-но говорит как-то:

— Совсем маленькая земля стала, а людей много живет. Дальше так жить будут — совсем плохо станет. Тайга мало будет, воды мало будет. Что есть-то людей будут? Надо сделать так, чтобы людей меньше на земле стало.

А Мось-но ей говорит:

— Как так сделать? Пусть все живут. Если совсем ничего не станет, и так сделаю, что река маслом течь будет. Будет, что пить.

Пор-но разозлилась:

— Ха-ха-ха! Как так — масло вместо воды? А где рыбы будут жить? Как пароходы по рекам плавать будут? Совсем глупав Мось-но. Пусть люди умирают, тогда на всех воды хватит.

Вот так раньше было. Пор-но правильно сказала. Пор-но хоть и злая, но умная, а Мось-но глупая, хоть и добрая.

127. Как Мось-но и Пор-но испали себе мужей

Живут две женщины в поселке: одна Пор-но, другая Мось-но. Долго, коротко жили. Однажды одна пришла к другой и говорит:

— Пойдем поищем себе мужей!

Пошли. Пришли на берег реки. Здесь живет Вилхмьй-Пашин-ый. Переехала на другую сторону реки. Пришла к маленькому домику, вошла в него. В доме старуха сидит. Она говорит:

— Вилучка, пощипи у меня в голове.

Мось-из стала искать у псе в голове и рассказывает:
— Уши у него очень большие, ноздри тоже очень большие. Глаза у него очень большие, голова вся шипящая. Мои голова тоже такая же. Руки у него очень большие, ноги у него очень большие.

— Хватит, вунуча, наверно, уже кончались.

Женщины дальше пошла. Нашли старелький домишко. В нем старуха живет, говорят:

— За то, что искала в голове, возьми этот старый ящик. Мось-из звала ящик и ушла. Снова пришла на место, где живет Вшивый-Плешивый. Тут она поставила ящик, разожгла огонь, смотрит: в ящике сидит земляй-звращенный богатырь, земляй-звращенный огненный богатырь! Мось-из прятала домой. Ящик в дом принесла. Богатырь утром асплался, стрелу в лук сделала. Тут в их дом вошла Пор-из и говорит:

— Лась, лась! Мужским духом пахнет!

Мось-из ей отвечает:

— Одна я живу. Где я возьму мужа?

На второй день муж Мось-из аромешался сходил. Прешал домой, стружки привнес и огонь разожгла. Снова в их доме по-
шешалась Мось-из, сказала:

— Мужским духом пахнет!

Мось-из отвечает:

— Откуда я возьму мужа? Без мужа живу.

На третий день муж Мось-из снова сходил к лес за стружкой, привнес ее домой. Мось-из ему говорит:

— Большие не разожгет костер. Пусть ты будешь.

Появилась Пор-из. Мось-из на этот раз ей говорит:

— И себе мужа нашла. Ты тоже сходи, мужа найдешь. На берегу река дом стоит. Там у бабушки есть сын. Его и мужа
взяла Мось-из.

Пор-из пошла к тону старушке. Пришла к ней, в дом вошла. Пор-из пошла к голове старушки и обожгла ее «шизоголовой». Вскоре Пор-из собралась идти домой. Старушка отгла ей новый ящик за то, что пошла к тону. Пор-из взяла ящик и привнесла домой. Смотрит: в ящике вверт сидит. Этот ящик под-
нял и убила Пор-из за оскорбление старушки.

128. Дети Мось-из

Живут две женщины — Мось-из и Пор-из. У Мось-из есть дед, и Пор-из имеет мальчика и девочку. Однороды Пор-из по-
шла Мось-из сходить за травой на степь к мезовую бую. Нарвала сил травы для детей, пошла обратно. Пор-из говорит:

— Покажемся!

— Как будем кататься? Ребята дома остались!

И все же они покатались с горы. Пор-из села на траву и покатались с горы. Она убила Мось-из: медвежьи лапы и про-
катились по спине Мось-из.

Дети Мось-из смотрят: матери нет, только кашки в тазике видны. Они побежали к сестре матери. А Пор-из им говорит:

— Хась, хась, я съем вас!

Дети Мось-из плачут, куда-то дальше побежали. Пор-из говорит другой Пор-из:

— Ты ребят не отпускай. Я скоро приду.

Эта Пор-из убила детей Мось-из. Мясо их сварила. Полог патынула, сама, как мышка, бегает. Тут вернулась домой Пор-из, смотрит: дети Мось-из убиты. Она ругается:

— Зачем ты убиваешь их? Я же сказала, что вернусь и сама их съем.

Но дети Мось-из остались живы. Они спрятались за полог. Пор-из убивая детей своей подружки.

Далеко, коротко шло. Пор-из отправилась к детям Мось-из. Пришла туда, а детей нет. Они куда-то убежали. Перед уходом один из них гребенку за пазуху положил, а другой — брусок и свички. Идут, идут. Однажды смотрит: кто-то идет. Он им говорит:

— Ну, погодите, я вот приду!

Тут один из ребят Мось-из бросил гребенку и говорит:

— Пусть повсюду вырастет лес, чтобы Пор-из не смогла пройти!

Дети назад оглянулись: кусочка пустого нет, повсюду лес образовался. Они дальше пошла. Пор-из не отстает, догоняет их. Лицо ее в крош. Тут один из детей Мось-из бросил бруска и говорит:

— Пусть образуется каменная гора, чтобы Пор-из не смогла пройти!

Каменная гора образовалась. Дети пошли дальше. Шли, шли, снова оглянулись и видят: Пор-из погнала их. Дети бросили

еще один кусочек и говорят:

— Пусть образуется большой огонь! Пусть все возьмется огнем, чтобы Пор-из не смогла пройти!

Дети назад оглянулись — всюду огонь. Дети Мось-из идут воя, идут дель, устали очень. Решили отдохнуть. Сели на кровать, а кровать провалилась. Из нее вышел тра Пор-из. Ребята очень испугались, думают: «Ну, теперь-то нас убьют». Одна из трех Пор-из подружилась с детьми Мось-из. Дальше шагают вместе. Тут мальчик палец шилом уколол. Он склонился. Мальчика потеропили. Пор-из с девочкой Мось-из вместе идут, идут. Пор-из пить захотела. Только начала пить воду, девочка а воду ее окунула. Пор-из спрашивает:

— За что меня а воду окунула? Тут меня а убьешь! Отпусти, уже дышать нечем! Я тебе отдаю соборную сахи.

Девочка отпустила ее. Пор-из отдала девочке соборную сахи. Отдала, а потом размышляет: «Зачем я отдала ей соборную сахи? Можно было отдать ей мешок». Она вместе зашагала дальше. Их встретили две мамы. В одну руку заперевены три черных быка-оленя, а другую — три белых быка-оленя. Пор-из

села на парту с белыми олеями, а девочка Мось-из — на парту с черными одеями. И понеслись. Они приехали в город Усынг-отыр-ойки. Здесь Пор-из села на парту Усынг-отыр-ойки, а девочка села на парту Тонтоу-ойки. Поехали они в поселок и стали там жить.

Мось-из говорит однажды:

— У меня брат умер. Схожу его помянуть.

Девушка пошла, и Пор-из с ней пошла. Туда пришел, а дом вошел, слышат разговор одной женщины. Девушка смотрит: ее умерший брат с женой делуются, обвиняются. Тут сестра ему говорит:

— Братик, если ты пойдешь белок промышлять, то не ходи этой дорогой!

Брат подошел к сестренке, поцеловался. Собрался еще ехать домой. Им дали обоим олепей. На улице очень много олепей было.

Пор-из говорит:

— Я еще не готова ехать. Меня подождите!

По дети Мось-из не стали ее ждать. Тут Пор-из кричит:

— Солнце возьму, в воду его окуну!

Пор-из взяла солнышко, и сразу всюду темно стало, ничего не видно. Дочь Мось-из подняла: ее брат куда-то ушел. Из-за темноты она слова его потеряла. Вредит девушка и плачет. Завид встретился. Завид спрашивает:

— Почему плачешь? Не плачь! Солнце снова появится.

Откуда ни возьмись, девушка появилась и говорит:

— Солнце надо опустить!

Пор-из опустила солнышко, и сразу всюду светло стало. И сейчас так живут, и сейчас так ахают друг к другу.

129. Мось-из и меня

Одиноко живет Мось-из. Она не имеет ни отца, ни матерю. Однажды пошла собирать дрова. Села в лодку, поехала. Набрала дров, стала поворачивать обратно. Лодка ей показалась очень тяжелой. Она обернулась назад: на корме лодки сидит мальчик. Мось-из испугалась, думает про себя: «Теперь меня съест». Мальчик-ойка имеет семь годов.

Он говорит ей:

— Не бойся, я тебя не съем!

Мось-из начала жалобно говорить:

— Я живу без отца, без матерю!

— Я мальчишкой женщине плохого не ставлю желать.

Мальчик-ойка сидел, сидел в лодке, потом исчез. Женщина смотрит: его в лодке уже нет. Лодка легкой стала. Мось-из едет дальше, смотрит: калашник виднеется. Она к берегу пристала, увидела могилу, в которой только что захоронен человек. В могиле лежал мальчик. Его упи было полностью замасками.

Мось-па взяла нож, ножом проколола и очистила его уши. Мужчина ожил, поднялся. Его кровь сплыло течет, повсюду кровь. Он говорит Мось-па:

— Скоро сюда придет моя бывшая жена. Она будет плясать. Пришла, пришла его жена, стала плясать. Весь народ на нее смотрит. Она скажет, эта женщина не простая, она — Пор-па. Пор-па с мужем имели детей.

Муж ей говорит:

— Надо детей вкормить.

Пор-па стала плакать. В это время появился Усынг-отыр-ойка. Он что-то шепнул на ухо Пор-па. Она спяте замасла уши своего мужа. Муж снова умер. Сама Пор-па пошла к своему народу. Усынг-отыр-ойка взял их детей, повел и по дороге постоянно пугает каким-то чудовищем: вот идет! вот идет! Одна из сыновей Пор-па спрашивает:

— Зачем ты пугаешь нас?

Усынг-отыр-ойка отвечает:

— Вот идет! Вот идет! Идет страшняще!

Мось-па снова оживила умершего мужчину. Он встал, пришел к отцу и попросил у него лошадей. Сын привел сюда Пор-па. Ослу ее поку приваляли к белой лошади, вторую поку приваляли к черной лошади. Пор-па разорвала па две половины. На одной ее части лес вырос, на другой — река образовалась. Муж Пор-па стал мужем Мось-па. Дети Пор-па стали жить у Мось-па.

Долго так жали, коротко так жали. Однажды Мось-па собралась ехать в лес за тыквушками для джыки. Села на паргу и поехала. Набрала тыквушек и стала возвращаться домой. Парга такой тигедой оказалась. Она назад обернулась: за парте менка сидит. Менка-ойка думает про себя: «Пусть подует ветер! Пусть я унесу Мось-па и убью ее». Сразу ветер разгулялся. Менка унес Мось-па на верхнее небо. Парга так и осталась вилку. Менка-ойка ушел к себе Мось-па. Они два дня плясали. Мось-па живет у Цум-Торума. Как она ни стремилась домой вернуться, менка ее не отпускает. Внизу был поселок. Но Менка-ойка не разрешает Мось-па туда смотреть. А ей очень хотелось посмотреть на этот поселок. Однажды она все-таки посмотрела вниз: там виден поселок, земля липца.

Мось-па смотрит и говорит:

— Мой муж с ребятами по поселку ходит и плачет, мои ребята.

Менка-ойка ей отвечает:

— В какой-нибудь день я тебя отпущу.

И вот отпустила Менка-ойка Мось-па домой. Пришла она в свой родной край. Пошла в свой дом. Дети ее уже большие стали. Муж спрашивает:

— Где ты так долго ходила? Как мы тебя ни искали, не нашли.

Мось-па обо всем происшедшем с ней рассказала мужу. Они и теперь живут.

130. Мось-из, Пор-из и их дети

В одном месте, в одном поселке живут две женщины. Одна — добрая женщина, другая — злая и вредная женщина. Мось-из из мапсийского рода — очень умилая и хитрая женщина, Пор-из грубее. Пор-из ходит к Мось-из сказки сказывать и сказки слушать. Мось-из имеет человеческого ребенка, Пор-из имеет Мальчика в Образе Пестрого Щенка.

Долго жила, коротко жила. Однажды Пор-из сделала зло. Она затопила мальчика Мось-из в бочку, закрыла крышкой и в воду опустила. Мось-из плачет и горюет по своему сыну. Так и осталась жить одиноко, без сына.

Долго жила, коротко жила. Вдруг Мось-из видит: откуда она появилась, у реки земляника появилась. В ней кто-то живет. Мось-из заметила, что сын Пор-из — Мальчик в Образе Пестрого Щенка — туда часто ходить стал, еду кому-то посылит. Мальчик в Образе Пестрого Щенка не стал жить со своей матерью, ушел к Мось-из. Однажды Мось-из спрашивает Мальчика в Образе Пестрого Щенка:

— Ты каждый день ходишь, куда ты ходишь?

— Я к воде хожу. Там старушка со стариком живут. У них есть сын. Он мой друг. Туда и хожу.

Прошло несколько дней. Мось-из напекла хорошего и вкусного хлеба, говорит Мальчику в Образе Пестрого Щенка:

— Отнеси этот хлеб твоему другу, пусть он поест.

Мальчик в Образе Пестрого Щенка взял хлеб и пошел к реке. Принял к землянке, нашел друга, накормил его хорошим хлебом. И совсем было поймав его, сына Мось-из, но тот вырвался и убежал от него. Назаутра Мальчик в Образе Пестрого Щенка и Мось-из пошли к землянке вместе. Они принесли с собой хорошей еды. Сын Мось-из вышел из землянки, стал играть с Мальчиком в Образе Пестрого Щенка. Понтрали, понтрали, сын Мось-из и говорит:

— Я домой пойду, в землянку. Там отец и мать меня ждут. Мальчик в Образе Пестрого Щенка просит его:

— Еще немного поиграем!

Стали они играть. Мось-из в это время схватила своего сына за руку и больше от себя не отпускала. Мальчик плачет, просится к землянке. Но Мось-из увела его с собой. Вместе живут, втроем. Построили хороший дом. Сын Мось-из промышляет, хорошие добывает пушнину. Что ему надо, то и приносит. Много вещей приносит.

Долго жила, коротко жила. Однажды сын Мось-из собрался ехать торговать на другую сторону реки. Мальчик в Образе Пестрого Щенка просит взять его с собой. Вместе поехали. Присели на другую сторону. Там живет Усынг-отыр-ойка. Он спрашивает:

— Что за город на той стороне образовался?

Сын Мось-из говорит:

— Там живут Мось-из и Мальчик в Образе Пестрого Щенка. Они город построили!

Жена Усынг-отыр-ойки пнула собаку — Мальчика в Образе Пестрого Щенка — и выгнала ее на улицу. Сын Мось-из (торговый человек) ей сказал:

— Это моя собака, на улицу ее не выгоняй!

Усынг-отыр-ойка снова интересуется:

— Что за город на той стороне? Такой красивый город стал! Там все есть! Все, что имеют, на месте продают. И совсем новые вещи!

— Тот город — город Мальчика в Образе Пестрого Щенка.

Юноши из поездки домой возвратились. Что видели и что слышали, про все рассказали Мось-из. Тут Мось-из говорит сыну Пор-из:

— Ты сходи на ту сторону. Там растет береза с золотыми листьями. Принеси ее домой.

Пошел туда Мальчик в Образе Пестрого Щенка. Пришел к березе, выкопал ее и домой вернулся. Березу посадил около своего дома. Еще богаче жить стал. Канье бы дорогие вещи ни были, все покупает.

Долго жили, коротко жали. Юноши снова отправились на ту сторону реки. Мальчик в Образе Пестрого Щенка рассказала всем, как он разбогател, посадив возле дома березу. Усынг-отыр-ойка говорит:

— Я поеду на ту сторону, сам посмотрю, как они там живут.

Однако жена не отпускает его. Усынг-отыр-ойка послушал ее и не поехал. Мальчик в Образе Пестрого Щенка еще съездил в другую страну, в другое место. Очень много купил лошадей. Еще богаче стал! Усынг-отыр-ойка стал собираться, чтобы съездить на ту сторону. Сам поехал на этот раз. Приехал туда и говорит:

— Как меня ни держала жена, но я все-таки приехал.

Долго ли, коротко ли он здесь находился. Они с Мось-из стали жить как муж и жена. Здесь и сын Мось-из живет. И Мальчик в Образе Пестрого Щенка вместе с ними стал жить. Они призывали Пор-из и двум лошадям в разорвали ее пополам.

Мальчик в Образе Пестрого Щенка снял с себя собачью шкуру и таким красавцем мужчиной оказался! Он специально и собачьей шкуре ходил.

И теперь они все вместе живут, и теперь они радуются.

131. Мось-из и филин

Давным-давно жил в лесу филин. Все окрестные леса знал он. Много лесов и рек облетал филин, но нигде не видел человеческого жилья. И вот однажды отправился он в соседний лес. Прилетел филин и глазам своим не верит: стоит в лесу одинокая избушка. Крыша едва виднеется из-под снега. Дымом дышет из трубы.

Подлетела филин к пубушке, сел на крышу и через дымовое отверстие чувада в пубу заглядывает. Заглядывает и спрашивает:

— Есть ли кто-нибудь живой?

А в этой пубушке жила молодая женщина Мось-из. Молодая Мось-из и спрашивает его:

— Филин, ты разве в двери не можешь войти? Через отверстие чувада со мной разговариваешь.

— Нет, не буду я лезть в пубу,— отвечает филин.

А в пубушке, где жила молодая Мось-из, было всего одно окошко. И вот филин сел возле окна и стал приговаривать:

— Молодая Мось-из, спой для меня песню. Након я, филин.

— И живу одна в глухом, дремучем лесу и пинаю песен

во дню.— отвечает Мось-из.

— Нет, молодая Мось-из, спой для меня песню,— просит филин.— я вот тут у окна сижу.

Молодая Мось-из подумала, подумала и сказала:

— Какую-нибудь песню спую.

И начала петь:

— У филина глаза нестрые... У филина нос крючком...

Филин послушал ее песню и засмеялся:

— Такая песня мне не нужна. Я рассердился и буду свег запылять, чтобы пубушку твою снегом засыпал.

И Мось-из снова запела:

— У филина мознатые голени... У филина нестрые уши...

И эта песня не по душе пришлась филину. Молодая Мось-из запела в третий раз:

— Филин я в добрые мужья возьму. Будем в согласии жить-поживать да добра наживать...

И молодая Мось-из согласилась стать женой филина. И вот повел лесной филин молодую Мось-из в свое жилище. Посадил молодую Мось-из на пугу, и отправлялся он в путь. Едут они, филин поет:

— Я нашел молодую и одинокую Мось-из. В согласии с ней мы будем жить-поживать да добра наживать.

Там она сидит. Филин идет в своей жилище, в своем чужом страхе. Но молодая Мось-из не все пошла из его песни. Долго ехали, коротко ехали, подтохали и жилище филина. Зашли в жилище, а на столе у филина дорогая еда стояла. Лесной филин и молодая Мось-из отведали дорогой еды. Филин посоветовался с Мось-из и сказал ей:

— Я пойду в лес птиц и зверей промыслить, запасы мои пополню.

И филин отправился в лес промыслить зверей и птиц. А молодая Мось-из осталась одна. Долго, коротко жила одна молодая Мось-из, но вот она загрустила и задумалась. Увидела на полу березовую чурку и подумала: «Что-нибудь смастерю из нее». Глаза березовую чурку, провела до ней черту ножом — и чурка вдруг застонала. Взяла другую, провела ножом — и та застонала, Мось-из бросила нож, села на пугу, застонала с голодом до ног

и легла спать. Ложит и слышит стон: «Ой, ой, мою руку поранили, ой, ой, мою ногу поранили!» Эти бесовские чурани, оказывается, было людьми. И она еще туше застонала. Молодая Мось-пэ очень пауугалась, бросила жилище филина и убежала в свою избушку.

132. Семь Пор-пэ и филин

Жили-поживали семь Пор-пэ. Недалеко от них жил филин. Однажды он спит и видит сон, что он встречается с Пор-пэ. Встал и ахнул: «Правда это или неправда?» Отправился филин в те места, которые видел во сне. Пришел не то место, что видел во сне. И правда, стоит дом. Раньше он никогда не видел этого дома.

— Сколько я лесов и болот обшел, сколько пролетел, но этого дома не видел,— говорит.

Долго, коротко думал он. Затем филин открыл двери дома, а сам очень уж боится войти. Зашел он в дом, а на паре сидели семь Пор-пэ. Он подорвался, но ни одна из Пор-пэ не ответила ему. Второй раз подорвался филин, но сил все так же не было. Когда он в третий раз подорвался, только тогда Пор-пэ ответили ему. Лесной филин говорит:

— Красиво сидите вы, семь Пор-пэ. А я пришел к вам пелесу сватать.

Пор-пэ ему ответил:

— Мы, семь Пор-пэ, и без женихов хорошо живем. Никто из нас замуж не желает идти.

— Если вы так встречаете, я выйду и стану снег зазывать,— рассердился филин.

— Ты хоть сколько снег зазывай, мы, семь сестер, быстро отгребем его,— ответил Пор-пэ.

Вышел он из дома и отгребал весь снег. Еще раз филин спрашивает их, но они молчат и едва сказали:

— Нет, мы не хотим замуж.

Во второй раз вышел лесной филин и стал зазывать снег. Так сильно позвала снег, что кругом не видно ничего. И валит и валит снег. Вышел из дома Пор-пэ и начал отгребать снег. Отгребал весь свой двор. Вошел филин в дом и проговорил:

— Как вы думаете, Пор-пэ, мориться нам или нет?

Но злые Пор-пэ продолжали молчать. Вышел филин и в третий раз начал зазывать снег. Все семь Пор-пэ вышли, но, сколько ни отгребали снег, он все шел и шел. Завалило снегом дом. Так и не смогли они отгребсти снег от своего дома. И вот Пор-пэ сказали:

— Будь что будет. Перестань зазывать снег.

— В невесты и позму младшую Пор-пэ,— протрубила им филин.

Подумав и шепнула:

— Подуй сильный ветер северный, свеси с двора и с крыш домин свет.

Подул сильный ветер, свеса как будто и не бывало. Видя филин и жены молодую Пор-из, повес ее в свое жилище. И стали жить-поживать филин и младшая Пор-из.

133. Как Эка-пырысь на свет появился

Верхний Дух со своей женой и старшей сестрой живет. Однажды сестра ушла куда-то. Верхний Дух с женой одни остались. Жена говорит:

— Старик!

— Что?

— Я, кабы на твоём месте была, в таком доме жить не стала бы.

— Дом плох, что ли?

— Тебе в таком доме жить стыдно. Всех птиц, всех зверей убить надо и из костей дом построить.

— Нельзя так делать, — Верхний Дух отвечает.

— Как нельзя?! Можно!

— Всех птиц, всех зверей если убью, что люди есть станут?

— Тебе в таком доме жить стыдно. Тебе другой дом нужен.

— Ну ладно, — согласился Верхний Дух. — Хочешь, так сделаю, поубиваю их.

Рыб собирать шуку послал. Птиц, зверей собирать длинноногого куличка послал.

Рыбы все собрались. Верхний Дух смотрит, все ли здесь. Привыкли птицы, приближались звери. Верхний Дух опять смотрит, все ли здесь. Видит, сомы нет. Говорит длинноногому куличку:

— Сому видел?

— Нет, не видел, — куличок отвечает.

— Иди, сходи скорей, поищи его.

Куличок нырять отправился. Ходил, ходил, наконец видит: на высоком кедре сома сидит.

— Сома, знали тебя.

— Кто знал?

— Верхний Дух.

— Зачем?

— Всех рыб, птиц, зверей собирает. Всех поубивать хочет, из костей дом построят.

— Ты иди, — сома отвечает, — а я впряду потоку!

Куличок пошел. К Верхнему Дузу вернулся.

— Сому нашел?

— Нашел.

— Идет?

— Придет, сказала.

Ждали, ждали, нет совы.
 — Кулечок, иди, беги скорей. Что ее долго нет? Что она там делает?
 Длинноногий кулечок отправился. Пришла. Сова на кедры сидит.
 — Сова, что ты здесь делаешь? Иди скорей, звали тебя.
 — Ты иди, иди, иди, я за тобою буду.
 Кулечок к Верхнему Духу вернулся, тот его спрашивает:
 — Идот, а?
 — Сказала: «Сейчас буду».
 — Что делает?
 — Сидит.
 Ждали, ждали, нет совы.
 — Кулечок, сбегай скорей, жинко пусть идет.
 Кулечок отправился. К сове пришел, та все на том же месте сидит.
 — Сова, звали тебя, иди же скорей. Я, к тебе богат, обесшелея совсем.
 — Ты иди, скажи Верхнему Духу, окно пусть настеем раскроет.
 Вернулся кулечок.
 — Ну как, идет?
 — Идет. Она так сказала: «Окно пусть настеем раскроет».
 Верхний Дух окно раскрыл, поджидает. Сова прилетела, на подоконник уселась. Спной внутрь повернулась, лицом наружу.
 — Сова, что ты делаешь? — Верхний Дух спрашивает. — Кулечок за тобой три раза ходил.
 Сова не отвечает.
 — Я всех птиц, рыб, зверей убить хочу. — Верхний Дух продолжает, — из их костей дом построить. Ты что скажешь?
 Сова ни звука. Молча сидит, на улицу смотрит.
 — Сова, ты как думаешь, можно всех убить?
 Сова молчит.
 В третий раз Верхний Дух спрашивает:
 — Ну, что ты думаешь?
 — Ничего не думаю.
 — А что ты не отвечаешь?
 — Я вот о чем думаю: высохших деревьев на земле больше или растущих больше?
 — Растущих больше. — Верхний Дух говорит, — сухих меньше.
 — Ха! Сухих больше.
 — Как так больше? Я думаю, сухих мало.
 — Нет. У которого дерева сердцевина сухая, то дерево я живым не считаю. Только то по сухов, у которого сердцевина здоровая.
 — Ну, тогда верно. Сухих деревьев больше.
 — А, Верхний Дух, как, по-вашему, живых людей больше или мертвых?
 — Конечно, мертвых меньше. Живых очень много!

— Не-ет, я думаю, мертвых больше.

— Почему же больше? Когда умереть успели?

— А вот почему. В котором человеке больше есть, работать он не может, того я мертвым считаю!

— Верно, правда твоя. Здоровых людей мало, больных много.

— А вот еще, как думаешь: женщин больше или мужчин больше?

— Мужчин больше. — Верхний Дух решил.

— Нет, — сова сказала, — женщин больше.

— Ха! Почему так?

— А потому что, если мужчину своим умом не жалит, а женщину слушает, то он и сам женщина. Так и получается, что женщин больше. Ты вот мужчиной был, а теперь я тебя женщиной считаю.

— Почему меня женщиной считаешь?

— Женщина сказала: «Рыб, птиц, зверей всех поубивай, а из костей дом построй», а ты и слушаешь. Ты не своим, а женским умом живешь, оттого и тебя женщиной я считаю. Ты — женщина.

— Нет, нет, я женщиной не буду. Рыбы, птицы, звери, расходятся все. Не буду я вас убивать.

Птицы разлетелись, звери разбежались, рыбы уплыли. Верхний Дух говорит:

— Сова, ты меня так больше не называй!

— Ты женщины слов послушала, рыб, зверей убить хотела, а теперь и сам вроде женщины стал! — сова сказала и улетела.

Сова улетела, а Верхний Дух со зла жену схватил и бить ее начал. Немного подаль от дома в нижний мир дыра была. Верхний Дух жену туда своим и вином сбросил. Одну жать оставил.

Однажды сестра его вернулась:

— Жена твоя где?

— Не отвечает.

Сестра искать принялась. Искала, искала, наконец след нашла, где Верхний Дух жену тащил. К отверстию подошла. Поглядела, что невестка отсюда сброшена. Лестницу сделала, на землю спустилась. Видит, большой гора стоит.

Думает: «Невестка моя, наверно, здесь».

Стала вход искать. Искала, искала, найти не может. Нолью с пальца тогда сняла, в гору бросила. Каменная дверь, железная дверь открылась. Внутрь зашла. Невестка ее действительно здесь живет. Мальчика родила. Вместе жать стали.

Верхний Дух, один оставшись, изругался.

— Довольно уж, — говорит, — пойду попишу, куда моя ушла.

На земаю спустился, гору увидел. В горе, слышно, разговаривают. Думает: «Ой-о, здесь живут».

Став вход искать, никак не может найти. Сколько раз гору сбросил, ничего не нашел. Внутри горы разговаривают. Жена говорит:

— Пушу его, пожалуй.

— Не пускаяй, — зюловка гюворит, — прошлый раз драться уи
очень гюрозд был.

Верхний Дух наконец нюсе нзмучился, плакать стал. При-
силь начал:

— Инустите! Бюльме так дельте не буду.

— И откюрю, — сын гюворит, — ипушу его.

Каменную дверь, железную дверь открыли, апустали Верх-
него Духа к себе.

Долго, коротко жили, и нот сестра Верхнему Духу гюворит:
— Возвращайся наверх. Мы с племянником к снетлой Оби,
к рыбной Оби отправимся.

Распрошались и отправлялись. Жюва Верхнего Духа в горе
жить осталась. Теперь люди, когда ее помпняют, называют Сакн-
тадх-нёр-экла — Верховий Реки Ляппи Горный Жемщина.

Тетка с племянником на Оби пришлп, там жить стали. Ска-
зопному человеку, песенному человеку долго ли вырасти? Маль-
чик подрост, тетку ому калдан слякала. Гюворит:

— Ты, племянничек, пойти в лес, лодку мытеши.

Мальчик собрался, пошел. Кедр выбрал, срубил. Вериппу
отсек, стюва поволам расколол, выдолбил, в шести местах рас-
порки яставил. Лодка готова. Другой кедр срубил, расколол, об-
тесал, лодку вытесал. Челюк на воду сплывул, от берега оттолк-
нулся, на колени стал и гребет. От носа загребает, у кормы вы-
гребает. От лодки волны в обе стороны разбегаются, а берег
бьют. Мимо мыса проедет — мыс яром становится, мимо яра
проедет — на яру мыс вырастает.

Тетка его дома сидит. Вдзуг слышит: то ли гром гремит, то
ли ветер бушует. Из дома вышла. Видит: это племянничек се
плывет, с такой силой загребает, что от весла ветер поднимается,
да кормой волны ходит.

— О, племянничек, как ты гребешь? Смотри, так и воды за-
черпнуть немож.

— Уж как умю, так и гребу.

Тетка сию калдан дала.

— А куда мне ехать?

— Тут зот, поиняе, мыс есть, парод все против того мыса
калданит. Туде и поезжай. На место как приедешь, деда под-
жидай. Он теб калданить выучит.

Жюва-нырсы на мыс прехал. Видит, старик в маленьком
челючке гребет. У челючка борта красной охрой выкрашены.

— Ипучек, куда отправлялся? — старик спрашивает.

— Калданить причал.

— Ну, давай покалданпм.

Сетки опустили, потихоньку впна плывут. Вдзуг деа сетку
поднял, с силой к берегу гребсти стал.

— Ипучек, нда спорей, бери, оострище большой попался.

Жюва-нырсы оостра взял, в лодку положил. Оостр через нсю
лодку ложит. Распрошлся с дедом мальчик и домой поехал. До-
ма к берегу причлал, лодку на берег выдернул. Кричит:

— Тетушка, тетушка, ко мне в лодку глазастый черт забрался, съесть меня хочет!

Тетя и река кинулась, и лодка подбежала:

— Э, племянничек, ведь это осетр.

— А я думал — черт. Чуть со страху не умер.

— Чего же ты, племянничек, боишься? Это дядька таой мам жертвенного осетра подарил.

Осетра на берег выволокли, сварили, жертву принесли.

Тетка говорит:

— Ты знаешь ли, кто этот старик был?

— Откуда же мне знать?

— Это мой брат, Топал-ойка, был.

134. Как Эква-пырься встретился с птицей Топалынг-карс

Бабка Эква-пырьсю свободную одежду и рукавицы сшила, шапку сдослала. Эква-пырься оделся, шапку до глаз надвинул:

— Бабушка, пайди меня.

Бабка смотрит: нет внучка. Ищет, ищет, найти не может. Эква-пырься шапку вверх сдвинул, тут и стоит. Как шапку надвинет, так с глаз скрывается.

— Ну вот, бабушка,— говорит Эква-пырься.— Я иду. Желю искать, людей посмотреть, пойдю.

Распрощался со своей бабкой и пошел.

Однажды идет, видит: маленький домик стоит. Зашел он туда. Смотрит: старик лежит. Голова в передний угол упирается, ноги у двери торчат. На подбородке у него клубок ниток лежит.

Эква-пырься шапку на глаза надвинул:

— Дедушка, здравствуй!

Старик подскочил, вст. Озирается — никого нет. Говорит:

— Чудится мне что-то. Урис голову чувствует. А то, может, смерть пришла!

Эква-пырься шапку назад сдвинул:

— Дедушка, здравствуй! Ты что, людей ужалить перестал?

— Эге,— старик говорит,— Эква-пырься, внучек, ато ты тут колдуешь?

— А как же, дедушка, понятно я, а то кто же!

Старик подвился, всякой хмельной и сладкой едой стол уставил. Ели, пили, старик говорит:

— Я что-то тебе дать хочу. Этот клубок ниток тебе дам. Если в какую беду попадешь, меня вспомни.

— Ну вот, дедушка, теперь я пойду. Доброго сна тебе.

Эква-пырься старика спасибо сказал, попрощался и далеко пошел. Близко шел, далеко шел, однажды глаза опустил, домик увидел. В домик зашел, смотрит: старик лежит, спит. Голова в передний угол упирается, ноги в двери высунились.

Эква-пырься шапку на глаза надвинул:

— Дедушка, здравствуй! Что до этой норы спишь?

Старик подскочил, уселся. Вся избушка осмотрел — никого нет. Снова улегся.

— Это, — говорит, — смертушка моя приходила.

Зква-пырьсь шапку на затылок сдвинул:

— Эй, дедушка! Ты что, человека не видишь, что ли?

— Э, — дед говорит, — Зква-пырьсь, вичуек, это ты меня морочишь?

— А как же! Конечно, я, кому больше!

Потом старик, сладкую и хмельную еду на стол поставил. Есть, пить стали. Пояли, попили, дед говорит:

— У меня здесь горностаев шкура есть, я тебе ее дам. Если в беду попадешь — в шкуру залезай.

Зква-пырьсь шкуру взял, старику спасибо сказал и дальше пошел. Долго шел, коротко шел, однажды, глаза опустил, землянку увидел. Зашел туда, видит: старик лежит. Макушкой передний угол подпирает, ноги в двери уперлись. Спит старик. Зква-пырьсь шапку на глаза надвинул:

— Дедушка! Ты что столько спишь? Здравствуй!

Старик поднялся, вокруг посмотрел, никого не увидел. Лег обратно и думает: «Видно, смерти моя пришла».

Зква-пырьсь шапку назад сдвинул:

— Эй, дедушка, ты, видно, людей убаюкать перестал.

— Зква-пырьсь, вичуек, это ты тут шутишь?

— А кто же больше! Конечно, я!

Старик поднялся, разной еды приготовил. Есть, пить стали.

Пояли, попили, дед говорит:

— Вичуек, ты куда идешь?

— Куда иду? Землю осматриваю, жепу себе ищу.

— У меня здесь, что-то есть, — старик говорит. — Вот посатой мышь шкура. И ее дам тебе. Если в какую беду попадешь — в эту шкуру залезай.

Старик Зква-пырьсю шкуру отдал. Зква-пырьсь спасибо сказал, со стариком попрощался и дальше пошел. Долго шел, коротко шел, однажды вниз посмотрел, землянку увидел. Зашел туда, видит: старик лежит. Головой в передний угол уперся, ноги в двери высунились. Зква-пырьсь шапку на глаза надвинул, крикнул:

— Здравствуй, дедушка! Что так долго спишь?

Старик поднялся, весь домик осмотрел. Никого не видит. Обратно лег. «Видно, смертушка пришла», — думает, — что-то мне чудиться стало».

Зква-пырьсь шапку назад сдвинул:

— Здравствуй, дедушка. Ты что, человека не видишь, что ли?

— Эй, Зква-пырьсь, вичуек, это ты меня морочишь?

— Конечно, я! Кому же больше!

Старик поднялся, разной еды приготовил, есть, пить стали.

Пояли, попили.

Старик говорит:

— Ну, плучек, что же тебе подарить? Есть у меня топорнишко старый, возьми его себе. Его яменем назовься. Теперь имя твоо пусть будет Уйтвос-лайм-нми-хиты¹. В биду если понадеши, в несчастье окажешься или подловить станешь, этот топорик держи.

Экая-цырись топорик взял, в карман сунул, спасибо старичку сказал и дальню пошел.

Далеку шел, коротку шел, однажды к городку пришел. Одна сторона городка развалина, дома погнили, наземь попадали. В городок вошел, народ говорит:

— Неведомый человек, Уйтвос-лайм-нми-хиты, пришел.

В том городке вождь по имени Усынг-отыр-ойка был. Уйтвос-лайм-нми-хиты поздоровался с вождем, гостить у него остался.

У Усынг-отыра дочь была. Уйтвос-лайм-нми-хиты к ней свататься начал.

Отец говорит:

— Вот ты ко мне в город пришел, так смотри: раньше город большой был, а теперь и половины не осталось. От нас тут близко горячее море есть, посреди него моря две птицы живут. Они мой город разрушили. Если ты богатырь настоящий, этих птиц убей, тогда я тебе свою дочь отдам. Иалыма с тобой никакого не возьму.

Уйтвос-лайм-нми-хиты говорит:

— А тем птицам как же они будут?

— Им ии — Товымг-нарс.

— Ну что же, пойду и убью.

Пошел.

Однажды пришел к морю с горячей водой. К берегу спустился. Вдаль смотрит, посреди моря высокая ластовицца виднелась. А на вершине той ластовиццы — гнездо. Через море переправился, до подножия ластовиццы той добрался. Смотри: на стводе ни сучочка, ни задорника. Как напорх влезешь? Вынул из кармана горностаевую шкурку, влез в нее, горностаем на ластовиццу взобраться стал. Долго, коротку избирался, обессилел. Вынул из кармана шкурку носовой мыши. Влез в нее и снова избираться стал. Наконец рукой до края гнезда достиг. Вынул из кармана волшебный топорик; одной рукой за край гнезда схватился, в другой топорик сжимает, в гнездо вскочить собрался. В тот момент появилась внезапно Не Именюция Сердца и Печени Железная Лягушка. Из-под гнезда выскочила и убить его намеровелась. Уйтвос-лайм-нми-хиты топориком размахнулся, ударил. Между глаз лягушке попало. Лягушка закричала, сорвалась и вниз полетела. Наземь упала, только ухнула. Насмерть расшиблась.

Уйтвос-лайм-нми-хиты в гнездо влез.

В гнезде два птенца Товымг-нарс сидят. Говорит им:

— Вы что же не валетаете?

— Как же мы валетать могли? На дне гнезда жила Не Именюция Сердца и Печени Железная Лягушка. Только мы валетать

соберемся, пна нам крылья грызть начинает. Мы потому и не взлетали. Мы вот только что лететь думали. Ягусиша нас не пускала. Если бы ты не пришел, она опять нам крылья грызла бы. А теперь гляди, как мы летать будем.

— А ну, верно, посмотрю, как вы летаете. А если не полетите, я вас обеих своим волшебным топориком зарубаю.

— Нет, мы взлетим, ты смотри только.

Взлетели. Дрого летали. Листовница из глаз у них исчезала, стала, вот докуда летали. Версудись, в гнездо спустились, говорят:

— Ты, Уитвос-лабим-ним-хиты, спрячься скорей; отец наш ^{детичу}

И верно. Смотрит: летит Товалынг-каре, в котлах человека в белой парке несет. Котлами в волосы впечнался. Придется, человека в гнездо бросил. Птенцы говорят:

— Мы человека есть больше не будем. Мы его из гнезда выбросим.

Схватили человека в белой парке и бросили его вниз. Уитвос-лабим-ним-хиты думает: «Песнь моя вдалеку пусть летит, слово мое вдалеку пусть несется! Этот человек в белой парке, на землю упав, пусть не разобьется. Глаза его куда глядят, туда пусть пойдут».

В то время птенцы Товалынг-каре говорят:

— Мать наша возвращается.

Товалынг-каре прилетела, женщину в белой игушке, за волосы держа, привнесла. В гнездо бросила.

Птенцы говорят:

— Мы людей больше есть не станем.

Эту женщину из гнезда выбросили.

Уитвос-лабим-ним-хиты думает: «Песня моя вдалеку пусть летит, слово мое вдалеку пусть несется, эта женщина в белой игушке, на землю упав, пусть не разобьется. Глаза ее куда глядят, туда пусть пойдут».

— Мы людей больше есть не будем,— слыть птенцы говорят.— Если бы и нам такой человек не пришел, что с нами было бы? Он Не Именную Сердца и Почени Железную Ягусику убил, нас обоих спас. Как мы можем теперь людей есть?

— Где же ваш человек? — Товалынг-каре спрашивает.

— А мы уже его тут спрятали.

— Покажите.

— Нет, не покажем, мы его, пожалуй, съедите.

— Нет, зачем мы такого богатыря есть станем? Покажите его, мы с ним как-нибудь поладим.

Птенцы Уитвос-лабим-ним-хиты отцу с матерью показали. То его обняли и поцеловали. После этого птенцы с матерью взлетели и из гнезда вылетели.

— Вы в нашу землю обратно летите,— Товалынг-каре-старик им сказал,— а я с Уитвос-лабим-ним-хиты здесь останусь. Он если в беду попадет, я ему помогу.

Птенцы с матерью улетели. Старик Товлынг-карс говорит:
— Уитвоос-лайм-ями-хиты, выучи, садись мне на спину.
Тот уселся. Товлынг-карс излетел, к Усынг-отыра городку его понес. К городку подлетели. Товлынг-карс на землю опустился, говорит:

— Ты иди, скажи: я его убил.
Уитвоос-лайм-ями-хиты пришел в город, его спрашивать стали. Отвечает он:

— Я убил.
Усынг-отыр дочь отдать согласился.
— Я дочь отдам,— говорят,— только ты для мира еду досташь. На том конце земли,— говорит,— золотой окупь есть. Этого окуня если привезешь, девушка твоя будет.

— Ладно, я схожу.
Эква-пырься к Товлынг-карсу пошел.

— Ну как, внучек?— тот спрашивает.
— А вот, говорит, на том конце земли золотой окупь живет. Его достать велено.

— Ну что же, внучек, садись ко мне на спину, полетим туда.
Поднялся Товлынг-карс, полетели они. Летят, бегущих облаков касаются. К ледяному морю прилетели, опустились. Лед продолбили, вниз смотрят. Разные рыбы плавают. Видят, сорожка-рыба плавает.

— Поймем ее,— говорят.
Поймали. На лед вытащили. Сорожка на льду лежит мерзает. Плакать стала.

— Сделайте добро, отпустите меня. Я очень мерзну. Я знаю, где золотой окупь живет, его обмануть сумею и к вам приведу.
Опустил тогда сорожку в воду. Немного погодя она золотого окуня привела. Вместе с ним окуня прорубь плавают. Товлынг-карс изловчился, золотого окуня ногтями схватил, на лед выволок. Говорит:

— Ну, Уитвоос-лайм-ями-хиты, теперь окуня мне на спину положи и сам садись.

Эква-пырься окуня Товлынг-карсу на спину изложил, сам уселся, полетели. Близ городка на землю опустились. Товлынг-карс свратился, Эква-пырься говорит:

— В город приходишь, скажешь: «Очень устал я, тащить больше не могу. Запрягите лошадей!» Сироят: «Сколько лошадей надо?» — «Трех лошадей запрягите».

Как Товлынг-карс сказал, так и случилось. Трех лошадей запрягли, еле-еле они золотого окуня донесли.

Усынг-отыр говорит:
— На том конце земли, говорит, живет птица по имени Сатлематуу-ишши. Если ее достанешь, девушка твоя будет.

— Ладно, достану,— Эква-пырься отвечает.
Поехал он к Товлынг-карсу, рассказал ему все.

— Ну что же,— тот говорит,— садись ко мне на спину, полетим.

Полетели. Долго ли, коротко ли летели, однажды к тому месту, где Сат-нематур-шиши живет, прилетели. Товлынг-карс говорит:

— Ты здесь останься, а я ее поймаю.

Пошел он в лес, Сат-нематур-шиши поймал. Обратил полетели. У городка на землю спустился. Товлынг-карс говорит: — Ты иди, а я здесь сирычусь. Придешь, так скажешь. «И очень устал, достать птицу не могу. Забудьте лошадей!» Спросит тебя, сколько лошадей надо, скажешь: «Трех лошадей запрягите».

Как Товлынг-карс говорил, так все и вышло. На трех лошадях сажая птицу донесли. Усынг-отыр говорит:

— Ну надо, теперь дочь отдай.

Наутро Унтвос-лайим-ими-хиты думает: «Илу-ка, схожу я к старпuku Товлынг-карсу».

Понял к нему, Товлынг-карс говорит:

— Вот что, внучек, досталь ты мне три маховых пера. Они у мамонта пахнут. Если эти перья у меня будут, я таким сильным стану, как повернусь — земля задрожит. Ты пойдя, внучек, к мамонту. От его рогов три отростка² у меня найдется. В старое время ям с ним жевали, он у меня три маховых пера выдернул, а у меня от его рогов отростки остались. Так ты мне, внучек, привнес перья, а мамонту в обмен отростки отдай.

Эква-пырьсь отростки взял и отправился. Долго ли, коротко ли шел, дошел до горячего моря. Старик-мамонт на берегу сидит. Эква-пырьсь ему отростки отдай. Мамонт их взял, на место приставил, она и выросли.

Говорит:

— Еще три отростка женщины Пор у меня захватили. А у меня семь их пальцев есть. Ты, внучек, им пальцы отнеси, а отростки возьми.

Отправился Эква-пырьсь. Близко ли, далеко ли шел, наконец к тому месту пришел, где женщины Пор жили. Отдал им пальцы, три отростка от рогов мамонта у них спросил. Они ему отростки дали. Эква-пырьсь обратно к мамонту пошел. Отростки ему отдал. Мамонт их на место приставил, они сразу и выросли.

— Ну вот, внучек, — мамонт говорит, — теперь и таким сильным стал, что, если пошевельнешь, вся земля затрясется.

Мамонт три маховых пера отдал. Эква-пырьсь перья взял, с мамонтом приставил, назад пошел.

Недалеко отошел, назад дом стоит. К дому приблизился, женщину увидел. В доме одежда красивая висит. Унтвос-лайим-ими-хиты эту одежду себе взять задумал.

Старуха говорит:

— Унтвос-лайим-ими-хиты, ты эту одежду взять не думай.

— А я возьму.

— Если возьмешь, я тебя убью.

— Нет, тебе меня не убить. Я мимо тебя пройду, ты меня не увидишь.

Шапку по самым глазам надвинул, в домик зашел, слежку взял и убоялся. Долго шел, коротко шел, слышит — погоня за ним.

— Ты иди, иди, и тебя все равно догоню! — старуха кричит. — Знай, ты меня хоть и убьешь, мой тень тебя задушит!

Нескоре догнала. Схватилась, битись стала. Долго билась, наконец Уйтвас-дайим-лм-хиты плавочился, топориком старуху ударил и убил. Дальше пошел. Долго шел, коротко шел, в одном месте опять погоню слышал: старухина тень его догоняет. Теперь Уйтвас-дайим-лм-хиты с топором «даждет» не смог. Одежку отняла, а самого в камень превратила. Лежит Уйтвас-дайим-лм-хиты и думает: «Эй, вот если бы теперь мой дед сюда пришел!» Только подумать успел, кто-то кончиком посоха по нему стучит. Камень расколся. Эква-пырись из камня вышел. Вдаль: дед перед ним стоит, тот самый, что каубок ему подарил. Вместо дедушки отправлялся. Долго ли, коротко ли шел, наконец до Толзынг-карса добрался. Эква-пырись ему перья отдал. Толзынг-карс перья в крыло вставил, они туда и поехали.

Толзынг-карс с Эква-пырисем попросился, поднялся и улетел. Эква-пырись с дедом в городок отправлялся. В городке уже к свадебному пиру все готово. Семь дней, семь ночей угощались. Пировать кончили, Уйтвас-дайим-лм-хиты с женой из дома вышел, из кармана мешочек вынул, жену в него засовывал и снова в карман засовывал. Потом к бабке своей домой пошел. Пришла домой, бабка его увидела, обрадовалась. Стали обниматься, целоваться. Потом Уйтвас-дайим-лм-хиты мешочек из кармана вынул, жену свою в него вставил. И зажили они все вместе.

135. Как Эква-пырись в страну Мортим-ма летал

На неизвестно откуда появившейся тундровой почке сестра с братом одни в доме живут. Эква-пырись с сестрой живут. Матери не имеют и отца не имеют. Так и живут. Братец вырос, ходить начал. Однужды собрался, на лошадь сел и поехал. Еду-ча, думает: «И уехал, а сестра моя там, поди, мучается». В тот же миг сестра голос свой подала. Она позади него на лошади сидела. А он и не знал, с ним сестра шел вот.

Ехали, ехали, однужды остановились. Сестра говорит:

— Здесь вперед дом есть. В доме три человека живут.туда приедем, лошадь снаружи привяжем. С теми тремя людьми есть сидеть, не думай! «Сестра моя есть хочет». Если так подумаешь, они узнают. Не думай так.

Поехали. Приехав в поселок. Эква-пырись в дом пошел. Чай вскипятив, есть-пить сел. Когда чай пил, про себя подумал: «Я ем, а сестра там, поди, есть хочет». Три человека говорят: — Если сестру имеешь, почему в дом не явись?

Позвали ее, вместе чай пьют. Попова. Три человека говорят:

— Сестру свою нам отдай!

— Я разво хозяйд,— отвечает,— сестра сама сказать может.

— Жили у нас! — сестре говорит.

Эква-пырьс сестру спрашивает:

— Будешь жить здесь?

— Меня отдал, как я жить не стану? — сестра отвечает.

Эква-пырьс распрощался, уехал. Долго ли ехал или близко ехал, однажды на берег реки вышел. На солнечную сторону, такой хороший бережок. Лопадь в обгорелый пенъ превратил. На пригреве лег и уснул¹.

Весна настала. Утки лететь стали. Гуси, лебеди летят. Однажды проснулся, видит: гусыня летит. Одночочная гусыня летит. Эква-пырьс гусым обернулся. Куда одиночная гусыня улетела, туда погнался. Догнал, вместе жить стали. К морю улетели. На море жывая, три гусенка у них появилось. Вырастали их. Осень настала, в Птичью страну лететь собрались. Когда к тому месту подлетели, где он прошлую зиму спал, Эква-пырьс на землю опустился. Опустился и спрятался. Гусыня вперед улетела, дети его вперед улетели. Сколько-то времени прошло, искать его назад вернулись. Сколько ни кричали, сколько ни искали, найти не могли. Улетели.

Эква-пырьс остался, на том месте живет. Зиму там прожил. Весна настала, утки летят. Три гуси опять прилетели, его ищут. Сколько ни искали, найти не могут. К морю улетели. Эква-пырьс все на берегу своем лежит, спит. Осень наступила, гуси в Птичью страну потянулись. К тому месту, где Эква-пырьс спрятался, подлетели, снова искать стали. Не нашли. Давнко подлетели. В Птичью страну летящая гусыня думает: «Такой человек, как ты, зачем такую мысль сотворил?» В тот миг, когда гусыня так подумала, выскочил Эква-пырьс и за гусыми погнался. Вместе с гусыми в Птичью страну полетел. В Птичью страну, в страну Мортим-ма, прилетели, там живут.

В Птичьей стране старуха со стариком живут. Перелетные птицы у старухи через колени проходят. Когда проходит, перья у них красивыми становятся. Эква-пырьс с другими птичками через колени Мортим-макы полетел. Через колени пропустил не был. Человека в нем узнала. Мортим-эква через колени свои его не пустила. Дочь ее, в гусином обличье к морю летавшая, узнала его. Вместе они в гусином обличье на морской берег долетали и в Мортим-ма пришли.

Старухой Мортим, Старухой Птичьей страны уважаемый, Эква-пырьс на дочери ее женился. Эква-пырьс Старухи Птичьей страны втем стал. В стране Мортим-ма живут. Весна настала. Гусым на север лететь пора пришла. Перелетные птицы из Птичьей страны к морю потянулись. Эква-пырьс с женой своей тоже туда летит.

Долго ли, коротко ли летели, до солщом пригретого бережка добрались, на землю опустились. Эква-пырьс обгорелый пенъ снова домашью сделал. На солщом пригретом бережке она семь лет, семь зим пробыла. Дочь Старухи Птичьей страны и Эква-

мылись людьми сдвезались, на лошадей сели, поехали. Поехали туда, где сестра их осталась.

К сестре приехали, поздоровались, целовались, обнимались. Семь дней гостили. Отгостили и в поселок на неизвестно откуда появившейся тундровой юшке ступились. Сестру свою не оставили, с собой взяли. Все вместе домой приехали, а дом нашли. В своем поселке все вместе жить стали.

136. Как Эква-пырьсь у Водяного дочь сватал

Эква-пырьсь с бабкой живет. Однажды зимой бабка по воду пошла. К реке спустилась, берестяным ведром воды зачерпнула. Вдруг вода в проруби закипела. Как в котле кипятком кипит, расческивается. Бабка удивилась.

Говорит:

— Сколько живу, такого не видывала, чтобы в проруби вода кипела. Это что же такое будет?

Стоит, смотрит. Вдруг из проруби окунь выскочил, раза два трепыхнулся и человеком стал. Красный такой, настоящий богатырь. Топорик вынул, чулки отвернул, от каждой голенки по кусочку кости отколол. Из одного кусочка древко стрелы сделал, из другого — наконечник копья. Вместе связал, стрелу сделал. Неповдаску, на берегу большой камень лежал. Богатырь стрелку на лук положила, лук натянул, пустил стрелу. Стрела камень насквозь пронзила¹.

Бабке говорит:

— Женщина, когда домой придешь, Эква-пырьсь так скажет: «В колдовстве и волшебстве если со мною сравнишься², то пусть по моему следам идет в тот край, где жену убить сможет. Если же в колдовстве и волшебстве со мной не сравнишься, то пусть не ходит».

Бабка ведерки взяла и домой пошла. Пришла домой, ведачки на пол поставила, вода в них, как в котле, кипит, на пол расклевывается.

Эква-пырьсь говорит:

— Бабушка, ты по воду ходила, что-то видела? Какое слово мне принесла?

— Внучек, какое же я тебе слово принесу, по воду ходя, что увидишь?

Вода в ведрках того пуще кипит. На пол плещется.

— Хотя и говоришь ты, ничего не видела, никакого слова мне не принесла, однако что-то есть! — Эква-пырьсь говорит.

— Есть для тебя слово, внучек, — бабка говорит. — Из проруби в видо окуня человек вышел. От обеих своих голеней по кусочку отколол, из одного кусочка древко стрелы сделал, из другого кусочка наконечник копья. Эту стрелу в камень пустил, она камень насквозь пронзила. Потом мне так сказал: «Ес-

ли у Яква-пыриси в полнелетстве и подловстве со мною сравниться сил хватит, по моим следам себе жепу пскать пусть идет. Слабы если не хватят, пусть не ходит.

Яква-пырись со своего места вскочил, схватил лук и стрелы, лыжи надел и к реке побожал, на берег спустился. Чулки отвернул, изал тонор, от обихи голеней во кусочку кости отрубил. Из одного кусочка стрелу вытесал, из другого — изоконечник сделал. Вместе связал, наложил стрелу на тетиву, натянул лук, выстрелил. Стрела камень насквозь пронзила. Потом в прорубь шагнул, в воду опустился, идет.

Долго, коротко шел, в одном месте видит: человеческая рука висится. И руку посох зажат. Яква-пырись руку себе оторвал, бросил. С одной рукой дальше пошел. В одном месте дерзавую лук руку нашел. Здесь и свою вторую оставил. Дальше идет: кога, от туловища оторванная, так вместе с лыжей и лежит. Яква-пырись одну свою ногу оторвал и вместе с лыжей тут же ридом бросил. На одной ноге дальше идет. Дальше идет, видит: еще пта с лыжей лежит. Яква-пырись вторую свою ногу оторвал, бросил. Так и идет. С одной туловищем дальше идет. Дальше видит: туловище без головы лежит. Яква-пырись туловище свое оставил, одна голова вперед повалилась.

Долго, коротко катилась голова, к туловищу неспешивает. Подкатилась и соединилась с туловищем. Еще прошел, руку свою нашел. Руку к туловищу приставил — сразу приросла. Дальше пошел. И ногу к туловищу приставил. Потом вторую руку, вторую ногу отсек, к туловищу приставил, снова человеком стал. В одном месте из проруби на землю выскочил, дальше по следу идет. Долго ли, коротко ли шел, видит: элонец насторожен Медведь, пополам разрезанный, на приманку положен. Дальше идет. Так идя, к четырехскаженному дому Водяного пришел. На маленьких кустарничках сына Водяного лук и стрелы повешены. Яква-пырись лук и стрелы снул, на травинки повесил. Лыжи снул, поставил, за дверь вошел. Дверь открыл, заглянул внутрь. Идур вода хлынула. По всему дому волны так и ходят. На полу люди ссыжаны промышляют, калданами калданыт, везодят, заноры устроили — занорами промышляют, таймичей и посты добывают.

Яква-пырись кое-как в дом вошел, уселся. В переднем углу старик со старухой сидит. У старухи волосы седые, а на голове гнездо орлиное. Старик тоже седой, на голове беркут гнездо сшил. В стороне еще мужичан и женщин сидит. Мужичан спит, женщины шьет, собольи и зверей разных мышивают. Женщина нож схватила, мужичку в бок ткнула. Тот вскочил, говорит ей:

— Гость пришел. Ты что меня долго не будила? С каких нор голедный сидит. Эй, ширки мои, чулки мои, идите сюда! На ноги надевайтесь.

Ширки, чулки появились, на ноги мужичине наделись.

— Лыжи мои, идите сюда! Лук и стрелы мои, по мне бегите!

Все появилось. Человек лыжи надел, лук и стрелы взял, в лес отпрявлялся. Недолго походя и вернулся. Трехлетнего лоса на себе притащил. Лоса ободрав, котлет сварил. Месо в чашку положил, усред гостем поставил. На один конец чашки жевский лос положил, на другой конец мужской лос положил. Из чашки пар валит. Сын Бодяного Эква-пырьсю говорит:

— Ну, чего же ты ждешь? Почему есть не начинаешь? К чашке присей, к чуману твоему товарища, если надо, выйди из уличу, позани. Товарища по еде сам ищи.

Эква-пырьс из дома вышел. Смотрел, смотрел — никого не видеть. Никакого товарища для еды найти себе не может. Повернулся назад, на порог ступил, только хотел в дверь шагнуть, как кто-то его за кодом схватил. Изверну тает. Гайнуз оп к веру: женщина его держит. Такая праспан! По одной месо собла бегает, по другой месо птички порхают. За руки взялась, вместо в дом вошла, из одной чашки, из одного чумана есть стали. После, пошла. Эква-пырьс с ними жить остался.

Несколько дней прошло. Эква-пырьс сыну Бодяного говорит:

— Поскупай, и по своей земле, по своему дому соскучился. Бабка моя, сестра моя из ума у меня не выходят. Иди хоч. Сестру, если отдать за меня, с собой возьму. Что же я тебе за нее дать могу?

— Зять! Сестру хоть сейчас бери, мне от тебя разве что надо? Ее у себя удерживать не стану.

Девушку спарядили. Эква-пырьс с женой домой пошел. Домой пришли, вместе зажили. Семь лет, семь зим прошло.

Усынг-отырка двух сыновей имеет. Однажды сын в Эква-пырьсе пришел:

— Эква-пырьс, ты как жене надел?

— Как я надел, вам так не суметь.

— Пойдем вместе?

— Вы не сможете, я не пойду. Живите дома. Как я вас в такое место поведу?

Усынг-отырка сыновья все просит, не отстанет:

— Ну, сделай добро, не бойся, не подведем тебя. Может, сумеем!

— Нет, друзья, я не пойду. С такой силой, как у вас, человек не выдержит. Вы сами в беду попадете и меня потянете. А мне стадо будет.

— Ну, сделай милость такую, ответи! У нас силы хватит! Долго просили, наконец согласился Эква-пырьс.

— Ладно, — говорит, — как хотите. Выдержать надеетесь, так отведу, смотрите только, чтобы мне из-за вас в беду не попасть, не осрамиться.

Одесн Эква-пырьс, из дома вышел. К реке спустился. Эква-пырьс чужки отвернул, взял топор, от голени по кусочку кости отколол, стрелу сделал, в камень пустил. Стрела камень насквозь пропала. После этого Усынг-отыра сын тоже топор взял, по ног ступил и заорал:

— А-а-а! Ноги больно!

— И нам говорил вода, что не сможете. Я с вами дальше не пойду. Силы нашей хватит — идите сами.

— Ну, сделай милость, пойдём дальше как-нибудь.

Эква-пырьс сам из ноги у них по кусочку кости достал, стрелы сделал. Сыновья Усынг-отыра лука натянули, пустили стрелы. В камень попали. На три части разлетелись, наколечивши в камень застряли.

— Хватит с нас, — Эква-пырьс говорит, — копчим это, все равно ничего не выйдет.

— Ну как не выйдет! Мы теперь как следует делать будем.

— Ну, пойдём, если так.

Эква-пырьс сыновей Усынг-отыра к войдённому им дому привел. Когда в дом вошли, женщина спящего мужчину позном ударила.

— Послушай, смотри, человека убила! — один из сыновей кричит.

— Сделай милость, замолчи. Из-за тебя в беду попадём!

Человек подвинулся, говорит женщинам:

— Что же сразу меня не разбудила? Гости пришли, столько времени голодные сидят. Эй, няры мои, чулки мои, на ноги надевайтесь! Лыжи мои, идите сюда! Лук мой, стрелы мои, скорее ко мне!

Няры, чулки на ноги наделись, лыжи, лук, стрелы повинылись. Усынг-отыра сын удаляется, Эква-пырьсю говорит:

— Галди-ка, сами идут!

Водяного сын в лес пошел. Недолго ходил, трехгодовалого дая на сине привнес. Котел сварил, мяса в чашку наложил. На один конец женский нож положил, на другой — мужской нож.

Усынг-отыра сыновьям говорит:

— Усынг-отыра два сына, по еде товарища сами питают.

Те из дома вышли. Кричат:

— Нам обом товарищ нужен!

Хоть и кричали, никого не нашли. Домой повернули. Только на порог ступили, с крыши дома кто-то их за волосы схватил. Наверх тянет. Коеру глупули, выдат — безобразной старухой за волосы схвачены. Вместе в дом вошли, за стол села.

Два или три дня прошло. Эква-пырьс говорит:

— Ну, сыновья, вы здесь живите или уходите, наше дело, а я домой пойду.

— Мы тоже с тобой пойдём.

Тесть свардил их, все вместе домой пошел. Сыновья Усынг-отыра с безобразной старухой, женой своей, к Эква-пырьсу гостя мпили. Долго ли, коротко ли погостили и домой собрались.

Семь лет, семь лет прошло. Сын Водяного к Эква-пырьсю в гости пришел. Два или три дня погостила. Зятю говорит:

— Ну, как думаете, не сходить ли нам в свои-там тлопм, Усынг-отыра сыновьям! Посмотрим, как они там с моей сестрой живут, добро ли поглядим.

— Ну что же, смеха ради сходим.
Собрались, пошли. Довго ля, коротко ли шли, наконец добра-
днень. ^{15 днів чекали.}
Старуха, Усынг-отыра сызовой жева, сидит, шьет. Усынг-оты-
ра сызовой ретом лежат.
Старуха гостей увидала, нож схватила, мужей в бок ударила.
Те вскочили, зворали:
— А-на-ни! Чего ты ножом колешься?
Гостей увидели. Говорит жене:
— Что же ты нас ранью не разбудила? Издалека пришли,
^{есть хотет.}
Миса сварила, в чашку налосила, перед гостями поставила.
Посла, посла. Сын Водяного говорит:
— Ну, пора домой.
Попроцалась и к Эква-пырьсю вернулись. Дня через два
Водяного сын говорит:
— Пойду я. А ты потом еще к сыновям сходи, посмотри, как
посода нашего ухода живут.
Посола ухода шурина Эква-пырься к сыновкам собрался. При-
шел туда, смотрит: весь городок сгорел, головешки одни торчат.
Пистела, посмотрел и плава пошел. Дня два спустя к сыну Во-
дяного отправился. Тот спрашивает:
— Ну, ходил к сыновкам? Как живут?
— Ходил. Весь городок сгорел, одна головешка торчат.
— Ну вот, вперед пауса. За кодовской силой пусть не го-
ворят.
Дня или три дня Эква-пырься у шурина погостил, потом рас-
процался и домой пошел.

137. Как Эква-пырься Усынг-отыра морочил

Эква-пырься с бабкой и младшим братом живет. Однажды
лето все промашала, очень много пищи на зиму наготовил. Эк-
ва подошла. Эква-пырься бабка говорит:
— Мы запасы наши когда кончим? По съестъ нам самим
всего. Пойди-ка товарища нам пощи.
Бабка из дома вышла, пошинула. Ночь наступила, и меня
пришел. Пришел, в дысь зазав, дырьные косяки с мест своротил.
Эква-пырься говорит:
— Ты что такой пескядный, зачем мне дом ломаешь?
— Не бранись, вучек,— меня отечет,— я сделаю.
Меню назад повернулся, кулачком по косякам ударил, на
место их поставил.
— Ну, вучек, я к тебе поестъ пришел. У меня у самого еды
совсем нет, наготовить времени не было, все лето бегад, кричал,
неси пая.
— Ладно,— Эква-пырься говорит,— есть хочешь, поидем.

Из дома вышел, к амбарчику подошел. Менка в амбар залез, есть принялся. До тех пор ел, пока в амбаре ничего не осталось. Паруку вылез, говорит:

— Ну, внучек, еще есть еда?

Эква-пырься его к чашке привел, Менка в чашку залез, все, что там было, съел.

Вылез и спрашивает:

— Ну, внучек, еще есть?

— Ничего больше нет, ты все съел.

— Большие коли нет ничего, я твоего брата съем.

— Ну,— Эква-пырься говорит,— что ты ненасытный такой! Подожди, я летом промышлять буду, осенью приходи, чего сейчас не хватало, тогда доешь. До осени только потерпи.

— Ну что ж, подождать можно.

Менка ушел, Эква-пырься один остался.

Лето наступило, Эква-пырься промышлять пошел. Все лето промышлял, ничего почти не добыл. Связку жюлаи да четверть туеска рыбьего жира принес. Только всего и добыл.

Однажды Эква-пырься бабушку говорит:

— Думается мне, умру и скоро.

И верно, вскоре умер. Похоронили его, связку жюлаи и четверть туеска рыбьего жира с ним положили. Зима наступила. Менка пришел. Пришла, бабушка говорит:

— Ну, бабушка, Эква-пырься мне еду приготовил?

— Э, внучек, какая там еда! Летом промышлять ходил, ничего не добыл, да и сам помер. Еду готова, и помер. Что и было еды, то вместе с ним положили.

— Ну, коли еды нет, я брата его съем,— сказала и брата Эква-пырься проглотила.

Проглотила и ушла.

После ухода менки Эква-пырься на похоронного места¹ вышел, домой идет. В одной руке туесок с рыбьим жиром несет, под мышкой связку жюлаи держит. Пришел домой, нарту десятка начал. На другой день нарта готова была. Две правые ноги вырезал, на нарту сел и исчез. Палками только подправлял, нарта сама бежит.

День едет, другой едет, по земле предков, по земле богатырей плещет. На третий день нарта обо что-то ударилась. Эква-пырься смотрит: два столба стоят. Кверху гляжу: менка стоит, о его ноги нарты ступулась. Менка Эква-пырься увидел, говорит ему:

— Бабушка твоя сказала, что умер ты. А ты сидишь?

— Ну так что ж,— Эква-пырься отвечает,— хоть и умер? Человек разве совсем умирает? Все равно опять оживает. Вот я и ожил. А ты лучше скажи, братца моего зачем сожрал? Я тебя теперь убью.

— Ну убойай меня,— менка просит,— отпусти. Черного аверя, красного аверя сколько спросишь, отдам тебе.

— Человечья голова дорогого стоит?²

— Ну, сколько стоит, столько и дам. Отпусти только, сделай милость.

— Ладно, отпущу! Теперь за выкупом к тебе поеду.

Пошла к мивку. Эква-пырься полную парту черным и красным зверем нагуляла. Домой погнала. Домой пришла, деревянных колышков напекла, на стенах заколотила, всю пушнину на колышки поразвешивала, пустого местечка на стенах не осталось. Потом в амбар сходил, миса принес, в котел положила и варить повесила. Мисо сварилось, Эква-пырься собаку до отела папормила, на свишу ей пайву прикормил. В пайву двух собак и горностая положила, еды всякой тоже положила. Собаку в лес отвел, там к траве привязал, сам домой вернулся.

Тем временем для сына Усынг-отыра к Эква-пырься в гости пришла. Пришла, постояла немного перед входом¹, а затем в дом пошла. В изредный угол — на место для гостей — села. Эква-пырься всяческой сладкой и хмельной еды принес, гостей кормить стал. Гости едят, пьют, меж собою разговаривают.

— Смотри-ка, — один другому говорит, — вот промышляет! Сколько зверя поймаешь!

— Эква-пырься, какой ты охотник! Сколько зверя добыл!

— Я-то что, это у меня дружок есть, все он напромышлял. Сегодня на лесу прийти должен, а вот все нет что-то.

В это время в сених зашумело. Эква-пырься поднялся, дверь открыл, собаку с пайвой на свинке бежала.

— Вот он, охотничек мой, вернулся, — сказал Эква-пырься.

Развязал пайву, собак и горностая вынул:

— Мало принес. Раньше больше пащивал.

Усынг-отыра сыновья меж собою говорят:

— Послушай, смотри-ка, собака промышляет. Вот нам бы ее. Давай спросим, может, продаст? Сколько за нее захочет?

— Эква-пырься, продай собаку!

— Нет, не продам. Кан без нее останусь?

Сколько ни просили — не соглашается. Эква-пырься бабка тоже просить за них стала:

— Ну, выучи, собака тебе к рукам прилипла, что ли? Продай уж. Видишь, люди как милости просят!

— Хорошо, отдам. Бабка за вас просит, ради нее отдам.

— Сколько за собаку хочешь?

— Трех лучших ханторок давайте.

Сыновья Усынг-отыра ханторок отдали, собаку взяли, домой пошли. Домой пришла, пайву взяли, разной еды туда наложив, на свинку собаку привязали. Собаку к лесу отвели.

— Прр... пошла, соблазненный лес там!

Собака, оглядываясь, в лес побежала, а братья домой пошли. Только в дом зашли, слышат: на улице собака грызется. Выбежали, смотрят: со всего поселка собаки собрались, пайву в клочья рвут. Еду все пожрали.

Другую пайву взяли, всяческой едой наполнили, собаке на свинку привязали. Собаку подальше в лес отвели.

— Пр-р-р, пошла, Эква-пырься собачка, соблазненный лес коптам! Собака, оглядываясь, в лес побежала, а братья домой вернулись. Только в дом вошли, слышат: собачка грызутся. Выбежали, смотрят: собачки все запясы носки и пайву в клочья разорвали.

— Эква-пырься нас обманул! — сыновья Усынг-отыра кричат. — Пойдем убьем его!

— Не ходите, — отец их говорит. — Эква-пырься хитрец и козлун. Вы его убить не сможете.

— Нет, пойдем убьем его!

Эква-пырься уже знает, что его убить задумали. Из чампи жирного мяса принес, в котел положил, варить повесил. Два полена отрубил, перед домом положил. Мясо сварилось, котел ключом кипит. Видя это Эква-пырься, из дома вышел, на поленца поставил. Котел и без огня все кипит.

Сыновья Усынг-отыра пришли, за деревьями разговор их слышат:

— Здесь убьем или в дом зайдем?

Когда к двери подошли, видят: котел кипит. В дом вошли. Эква-пырься бабке своей говорит:

— Бабушка, поди-ка посмотри, котел, наконец, пошел. Гости пришли.

Бабка сходилла, котел принесла, мясо в чашку положила. Эква-пырься с гостями есть сел.

Братья между собой потихоньку говорят:

— Послушай, вот котел-то! Сам собой, без огня варит! Нам бы такой котел! Давай спросим, можно, он продаст!

— Эква-пырься, продай котел!

— Нет, не продам. Бабка стара, дрова ей рубить тяжело. Котел продам, как она будет?

— Ну, продай же!

Бабка Эква-пырьсю тоже говорит стада:

— Продай им котла, внучек. Что он тебе, к рукам пришел, что не?

Эква-пырься согласился:

— Ну ладно, продам. Трех лучших ханторок если дадите, отдам котел.

— Отдадим, только продай.

Ханторок привезли, котел домей забрали. Домой пришли, в котел жирного мяса навалили, воды налили, на два полена у дверей поставили. Сами в дом ушли. Только вошли, слышат: собачки грызутся. Выскочили, видят: со всего поселка собачки собрались, мясо из котла все похитаскивали и съели.

Разошлись братья, кричат:

— Эква-пырься нас опять обманул! Пойдем убьем его!

Отец им говорит:

— Не ходите, Эква-пырься такой хитрец, нам с ним все равно не сладить. Он козлун, вы его убить не сможете.

— Нет, мы пойдем убьем его!

Эква-пырьис влетает, что его убить собираются. Ханторку убил, горло ее излял, кровью напоил, бабка на шею привалила.

Сынонья Усмыг-отыра пришел, ругаться стал:

— Ты что нас обманываешь? Собаку продал — собака не промышляет, котка продала — котка не варит.

— Э,— Эква-пырьис говорит,— сами вы плохи. Собачка у меня кабы осталась, сколько, водки, еще добыла бы! Это все бабка моя! Она продать уговорила, из-за нее и продал.

Эква-пырьис вскочил, схватил чукрей, оленье горло на бабкой шей пополам перерезал. Бабка павзничь ушла, кровью обдалась.

Братья испугались.

— Смотри-ка,— говорят,— бабку убил!

Эква-пырьис чукрей в бревно перед чузалою поткнул:

— Много железа чузейчик мой! Кого убил, ошани!

И ожила бабка. Поднялась, села, кровью плюнула.

— Послушай,— один брат другому говорит,— смотри-ка, какой пошнечик! Вот бы нам такой в руки попал. Жену нашу очень сваряны, в этом ножом мы их припугнули бы. Данай спросим, может, продаст?

— Эква-пырьис, чукрей продай нам!

— Нет, не продам! Мы с бабкой только этим чукреем и держимся. Бабка стара, слаба стала, кровь плути, ей легче делаться.

— Продай, внучек,— бабка говорит.— Видишь, люди как мы доста просит!

За хорошую цену Эква-пырьис нож отдал. Братья нож излял, домой пошли.

Домой пришли, жены бравятся, смеются над ними:

— Куда нам с Эква-пырьисом тягаться! Где уж нам его хитрость постичь!

Братья рассердились, ножом Эква-пырьиса обеих жен убил. Те упали, кровью обдалась. Братья нож в бревно итыкают, наговаривают:

— Много железа чузейчик! Кого убил — ошани.

Сколько ни наговаривали, все напрасно было. Не ожила жена.

Икен в лес отпесил, там оставил.

— Эква-пырьис опять нас обманул. Пойдем убьем его!

Пришли к Эква-пырьису. Бабка одна сидит. Эква-пырьиса дома нет. В жорто один угон платком лавешон.

— Бабушка,— братья спрашивают,— там кто у тебя?

— Внучка моя там.

— А Эква-пырьис где?

— Где ему быть? Лесовать ушел.

По дороге у одного из братьев пирок распоролся, у другого рукавица разорвалась.

— Бабушка,— говорит,— внучка тыла нам это вот не зашьет ли?

— Давайте сюда, делает.

Пирок и рукавицу взяла, в полот бросила. Совсем мало времени прошло — пирок и рукавица обратно летят.

Смотрит братья: то ли аглой зашто, то ли клеєм склеено. Шаа не видно, и от пды следа нет!

Братья оделась, с бабкой попрощалась и ушла. Помного отогнали, остановились:

— Послушай, у нас теперь жен нет. Вот бы нам эту девушку ^{вскарагаты!}

Вернулись, бабке говорят:

— Бабушка, девушку за нас отдай.

— Баучка дома нет, бес него не отдам. Он придет, ругаться будет.

Долго просили, наконец бабка согласилась. Сыновья Усынг-отыра домой сходили, калям принесли, девушку взяли.

— Домой придете, — бабка говорит, — девочку, пока не привыкнет, пусть для два-три дня покинет.

Братья так и сделали. Жене домой привели, в отдельной хортке поселили. На другой день дочери Усынг-отыра к ней пришли, купаться ее зовут. Отправились. К реке спустились, дочери Усынг-отыра живо разбежались, в воду нырнули, а вьюсь привезенная женщина на берегу сидит, в воду не идет.

— Ты что же не купаешься? — спрашивают ее.

— Вы все разом нырните, тогда и я в воду залезу.

Девушки нырнули, она рубашку сняла и в воду бросилась. Нырнула, задницей шукой обернулась и поплыла. Шуку к другому берегу отдала, на берег выбралась. И Эква-пырысьем обернулась. Вскочил он, в лес бросился и домой побежал.

Девушки из воды вынырнули, смотрят: женщина нет, одна рубашка на берегу лежит. Искать начали. Искали, искали — нет нигде. Не иначе как утонула. Оделись, с плачем домой бегут.

— Невестка наша сказала: «Нырните все разом», мы и нырнули. Из воды поднялись — ее нет нигде, только рубашка на берегу лежит. Утонула, бедная!

Усынг-отыр с сыновьями плакать начал. Певод взяли. Новодиди, новодиди, не выжили нигде. Видать, унесло куда течением.

Осень настала, лед застыл, Эква-пырысь вартотку свою взял, к Усынг-отыру в гости пошел. Долго шел, коротко шел, наконец посолок показался. Собака залаяла. Дети говорят:

— Эква-пырысь пришел.

Усынг-отыр по поселку расхаживает. Эква-пырысь к нему подошел:

— Здравствуй, сватушко, сестра моя дома ли, нет?

— Милаый сватушко, какой там дома! Еще летом купаться пошла, да так и не вернулась.

— Что ты болтаешь? Сказка, где она!

— Потерялась она. Мы искали, найти не могли. Откуда же теперь возьму ее?

Эква-пырысь рассердился, кричит:

— Ты меня обманываешь! Куза сестру деа?
 Усыни-отыр Эква-пырьиса угоаривать стаа:
 — Ну, уж ты не сердись! Я за тебя свою дочь отдам. Хочешь и другую бери, только не сердись.
 Эква-пырьис согласился, обеих дочерей взял. А девушки его узяли. Меж собою говорят:
 — Никакой тогда девушки не было, это он сам был, нас всех дурачил.
 Усыкая Эква-пырьис, что девушки его узяли, думает: «Ну, пусть, только за дровами в лес пойдут».
 Девушки вскоре нарту взяли, в лес по дрова пошли. Эква-пырьис их в лесу цагал, убил и на деревня повесил: «Зачем меня приваили?»
 Люди обох девушек нашли. Говорят:
 — Что такое, кто девушек убил?
 Стали шамана искать, чтобы убийцу угадал. Усыни-отыр спрашивает:
 — Где бы шамана найти?
 — Мухоморы Едлещего Человека сын недалеко живет,— Эква-пырьис отвечает.
 — Сходи, пожалуйста, приведи его.
 Эква-пырьис сходя, шамана привел. Большой котел с мухоморами на огонь повесил. Шаман народить стаа, мухоморы ест, в бубен бьет, ворожит. О продажах Эква-пырьис вот-вот узнает!
 «Доберется он до дела! — Эква-пырьис думает.— Что бы такое сделать?»
 Потихоньку меж людьми пробрался, из дома вышел. В сенях берестяной кораб с колодой стоит. Кораб схватил, носом на землю бросил. Со всего поселка собаки бежались. Рыбу рвут, лают, грызутся. Эква-пырьис дверь приоткрыл, крикнул:
 — Чего тут ворюжите? Врати вришди!
 Люди на улицу бросались. Эква-пырьис тем временем в дом заскочил, шамана схватил и в кипящий котел сузил. Потом на улицу выскочил, опять кричит:
 — Что вы все из-за собакей грязни убежали? У вас там человек в котел попал!
 Люди абежали, шамана из котла ващить привидись, а он уж мертвый. Что делать?
 Усыни-отыр Эква-пырьиса просить начал:
 — Эква-пырьис, сватушно, отвеи его к отцу. Мы сами нести боимся. Чего только спросишь, все тебе дам — только отнеси!
 Эква-пырьис шамана на пирочку положил, сам прирел и повез. Длого шел, коротко шел, двух охотников встретил. Они под деревом стоят, собола стреляют.
 — Не стреляйте в эту сторону,— Эква-пырьис причит,— я пильного мезу, и што поладит!
 Те не слушают, стреляют. Стрела кверху ляззлась, вниз упала, около нарти в землю вопизалась. Эква-пырьис стрелу схватил, мертвому шаману в лоб воткнул. Потом закричал:

— Только что говорил нам: не стреляйте сюда! Вот наша стрела в моего человека попала. Теперь возите его сами!

— Мы не можем! Сделай доброе дело, отведай! Сколько за оловя соболей добыли, все тебе отдадим — отведай только!

— Ладно, если так, то отъезду. Не обманьте только!

— Как мы тебя обмануть можем? Если обмануть захотим, куда от тебя скроемся?

Эква-пырься дальше потащился. К Мухомору Едящему старику пришел.

К двери подошел, крикнул:

— Дедушка, бабушка, открывайте!

Дверь открыла. Эква-пырься покойника вместе с партой в дом втолкнул. Сам закричал:

— Мухоморы Едящий старик! Убивают тебя! Черт к тебе пришел, задавить тебя хочет! Руби его, руби!

Старик испугался, тонор схватил, сына в двух местах перерубил.

— Что ты, дурной, делаешь?! — Эква-пырься опять кричит. — Сына своего убил! Я только что тебе сказал: лживый он.

Старик покойнику в лицо взглянул. И верно — слез. Разозлился, на Эква-пырься кинулся. Эква-пырься, от него убежав, галерой обернулся и излетел. Мухоморы Едящий старик ястребом вдогонку пустился. Вот-вот пагопит, вот схватит. Эква-пырься к реке подлетел, сказал:

— Песня моя, вперед лети, слово мое, вдалеке несись! Тонкой иглой сквозь лед пусть пройду!

Взмах бросился, тонкой иглой речной лед проязил. В воду попал, шукой обернулся, дальше поплыл. Так плывал, другую шуку встретил.

— Куда идешь? — ее спрашивает.

— В ледовые воды замерзла, в верхонья, к живой воде⁴, пробиваюсь.

— Поплывем вместе.

Тем временем Мухоморы Едящий старик речку запором перегородил. В запор морду поставил. Эква-пырься с шукой к запору подплыл, куда-куда сунулся: пролезть некуда. Говорит Эква-пырься шуке:

— Полевай в морду, а я за тобой следом.

А про себя думает: «Старик морду вытаскивает, а я в тот миг проскользну».

Щука к морду хоть и вошла, старик ее не вытаскивает. Знает, что не Эква-пырься это. Запор снизу все поднимается. Вода у запора заливаться стала. Эква-пырься изморозить больше не смог, к морду вышел. Только успел выйти, Мухоморы Едящий старик морду из воды выхватил. Обезг шука на лед вытравил, старуху свою клыкнул. Та шука уже астыла, Эква-пырься на леду бьется. Мухоморы Едящий старик дубину схватил, старухе Эква-пырься-шуку держать велел:

— Держи крепче, сейчас я его дубиной прихлопну.

Старуха шуку рукой схватила, держит. Старик размахнулся. В тот миг как ударил, Эква-пырься из руки выскользнул. Старухе руку дубиной перешивало.

— Теперь ты держи,— старуха кричит,— а я ударю!

Схватила старик шуку, держит. Старуха дубину взяла, замахнулся, изо всей силы ударила. Эква-пырься из руки вывернулся, старуху дубиной руку перешивало.

— Накалось на него,— старик кричит,— придавая к земле, а я стукну!

Старуха по шуку навалилась, старик все силы собрал, замахнулся, ударил. Эква-пырься опять вывернулся, старухе удар по голове пришелся. Тут ей и конец был.

Эква-пырься тогда снова человеческий образ принял, дубину схватила, Мухоморы Едипшего старика убил, домой пошел. Долго шел, коротко шел, до двух охотников добрался. Там соболем уже припоставлены были и по палку сложены. Соболей забрал и далеко отправился. К Усынг-отыру пришел, тот ему черного и красного зверя полую палку дал. Эква-пырься день да, два тут погостил и домой ушел, две палки добра за собой потащил.

138. Как Эква-пырься на охоту ходил

Жили Эква-пырься и его бабушка. Однажды вичук на улице пера, собака его в стороне лаять принялась. Мальчик туда побежал, посмотреть, на кого собака лает. Видит: собака под деревом прыгает, вверх лает. На дереве посмотрел: там черный зверек сидит. К бабушке вернулся, говорит:

— Бабушка, бабушка, дай мне что-нибудь, чем бы я убил-потер-мел.

Дала ему бабушка рукавицы из острогой кожи!

— Как к черному зверю подойдешь, так рукавицы одну о другую потри, он сразу и упадет.

Мальчик рукавицы взял, из дома выскочил. Туда прибежал, рукавицы на острогой кожи одна с другою потер — черный зверек так и повалился вниз. Подобрал, домой вошел.

— Бабушка, бабушка, что это за черный зверек? — спрашивает.

— А это, вичук, соболь. Таких соболей еще твой отец и предки добывали.

Живут. Вечер настал, спать легли. На другой день бабушка собольную шкуру выделала. В мешок, что без дела не развязывают, из которого вещи зря не выкладывают², ее положила. Вичука первую добычу, счастье его охотничье в самое дно мешка вместе с оуныками положивала.

— Молодого охотника первую добычу вот мы и положили в мешок, что без дела не развязывают, из которого вещи зря не выкладывают. Пусть охотня счастливым будет! А шкуру эту смотри шихому не отдавай!

На другой день Эква-вырись опять на улице играл, снова собака его в стороне завыла.

— Бабушка, бабушка, где мои рукавицы из осетровой шкуры?

Бросила ему их бабка:

— Лови их, миленький!

Из дома выскочил, бросился к тому месту, где собака лает. Прибежал: собака на дерево лает. На дереве черный азерб сидит. Рукавицы из осетровой шкуры одну о другую потер — тот с дерева вниз нокатился. Подхватил его мальчик, потащил домой. Приволок, бабку спрашивает:

— Бабушка, бабушка, что это?

— Внучек, это росомаха. Еще твой отец, твой предок таких росомах добывал.

Выделала бабка шкурку, приготовила и тоже в мешок положила.

— Первую молодым охотником добытую росомаху положили мы в мешок, что без дела не развешивают, из которого вещи зря не выкладывают. Пусть охотник счастливым будет!

На другой день, когда мальчик играл, собака опять залаяла. Туда бросился, глянул, потом к бабке побежал:

— Бабушка, бабушка, светлый зверек какой-то сидит! Давай сюда мои рукавицы.

Подхватил рукавицы, что ему бабка бросила, и обратно побежал. Прибежал туда, рукавицы одну о другую потер — зверек так и покатылся. Взял его и к бабке отнес.

— Бабушка, бабушка, это что за азерб?

— Это белая, внучек. Таких белок твой отец и твой предок еще добывали.

Выделала бабка шкурку белачью, приготовила и на дно мешка положила.

— Молодым охотником первую убитую белку положили мы в мешок, что без дела не развешивают, из которого вещи зря не выкладывают. Пусть охотник счастливым будет! А ты смотри эту белку никому не давай!

Вечер настал, спать легли. Утром встали, внучек говорит:

— Это в носок столько зверя приходит. А вошел бы я в лес, вот там много добыл бы.

— 3-3, внучек, куда тебе в лес идти: ноги твои еще слабы, руки немощны.

— Нет, — говорит, — я пойду.

Загладил «пойду», что воплещь?! Сделала бабка ему береговой кузовок, сширдила его и говорит:

— По большой тропе не ходи. Отца твой по той тропе ходил, так и погиб. По маленькой, по правой дорожке отиравайся, а по большой не ходи.

Эква-вырись кузовок на плечи водил, за дома вышел. Немного отошел, веревка дорожка накроу разделилась. Две маленькие тропки в разные стороны пошли, а большая тропа меж ними прямо легла. На развилке пята стоит, к дереву прислонена. По-

— Ну пойдем, пойдём! Кузов свой ты на парточку положи.
 — Внучек, а не спаниется она?
 — Нет, моя парта не спаниется, выдержит.
 Семёголовый менка кузов на парту подложил, ламку взял, теперь все трое потащили. Так потащили, что снег вокруг парты завяпаться стал, точно в грозу облака клубятся. По лесу треск пошел, точно в грозу гром гремит. В ушах лишь посистывает. Долго шли, коротко шли, добрались до болот в вершине речки. Там, где болота видны стали, на берегу лесная избашка стоит.
 — Это чей дом, внучек?
 — А я откуда знаю, — тот отвечает.
 — Это отца твоего первый лесной дом?
 — Дальше идут. В начале болота на берегу опять лесная избашка стоит.
 — А это чей дом, внучек?
 — Откуда ж мне знать?
 — Это предков твоих средний лесной дом.
 — Опять дальше идут. Долго идут, коротко идут, за краем болота, на сонце, дом стоит. Стены из целых листенниц, из целыхелей сложенные.
 — Чей дом, внучек?
 — Э-э, доушка, откуда ж мне знать?
 — Это, внучек, предков твоих дальний лесной дом. Отсюда они, бывало, назад поворачивали. Здесь их лесной тропы начало. А теперь, внучек, нарубь-на дров!
 Эйка-пырася няя своей тупой топорщиной, подкасал, стал дрова рубить. Рубить клася — лиственницы да ели так и валятся. Нарубил, испил. У трехголового менка трехухий медный котел, у пятиголового менка пятиухий медный котел, у семёголового менка семиухий медный котел.
 — Ну, внучек, — говорит, — наготовь воды.
 Эйка-пырася воду готовить на улану выскочил. Котлы снегом набили, в дом пташца, посреди дома над огатом повесил. Снег растаял. Трёхголовый менка трехухий котел вынул:
 — Ага, внучек, с талой водицы и язык мой отмок, глотка отпустила.
 Пятиголовый менка пятиухий котел вынул:
 — Ага, внучек, с талой водицы и язык у меня отмок, глотка отогла. Полсече стало.
 Семёголовый менка семиухий котел весь вынул:
 — Вот так, внучек, с талой водицы и язык у меня отмок, глотка отошла. Теперь полсече стало, а то пересохло совсем.
 Трёхголовый котомку свою развязал, есть принялся. Семёголовый старик-менка внучку явленной рыбы и жару отдало.
 — Внучек, поди, бониса с нами есть. Где ему с нами тятаться! Пае, лесных духов, чертей, поди, опасается. Лесной дух ест — одним краем рта куски хватает, другим краем кости выламывает. Посиди, сынок лесной. Семёголовый менка говорит:

— Внучек наш ко мне за пазуху пускаться ложится. У меня ягушка в семь слоев, но замерзает.

Зква-пырсь к нему за пазуху залез и уснул.

Пастадо утро.

— Внучек, вставай, эй, вставай! Что так долго спишь? С лесными духами спать, видно, не боишься.

Зква-пырсь:

— Что, дедушка?

— Ты свою собачку приляжи к тому дереву, на которое я свой лук и стрелы вешал.

— Зачем это и ее туда привязывать буду? Что ты говоришь, дедушка?

Меня не отвечает. Так бывшие ип слова не сказала и ушла.

— Ах ты, без отца, без матери! Да была бы ты здесь, и б все три твои головы патрое своим топориком зарубал! Говори! Если лень было, зачем начинал?

Дрова рубить принялся. Тупым своим топориком рубит — только ели да явстенишцы падают. Около повалил собака ядугу к тому дереву подбежала, на которое меня свой лук да стрелы вешал, и лаять начала. Зква-пырсь вверх глянул: на дереве черный-пречерный соболь сидит. В дом сбегал, взял свои рукавицы из островой кожи. Одну о другую потер — соболь плазень свалелся. Шкуру содрал и в янрок под стельку спрятал.

— Старик! десут, а я-то дома сижу. Мне могут ничего и не выдешить. Что тогда бабю понесу?

Вечереть стало, трехголовый меня пришел. Пришел, трехухий котел за краешек схватил и разом выпил:

— Ага, внучек, теперь ладо. Горло немного смочил.

Вслед за тем и пятиголовый старик явился. Как прибежал, свой патухий котел за краешек схватил и одним духом проглотил, только пустой котел остался.

— Пот спасибо тебе, внучек. Воды вынул, горло смочил, теперь и язык пошевелился лачал.

Только сказал, и старший, семиголовый меня из лесу вышел. Как и раньше, сразу котел свой семиухий подхватил, всю воду выпил. Вынул, говорит:

— Эге, внучек воды приватонал; как понял, так и горло отшло маленько. А то пересохло совсем.

Понан, распысались. Как распысались, так из-за пазухи у них соболя да безки посыпались. Но столько добыли, что зери до колен коротахи падали. Ободали, мясо в котел сварили, на огонь повесили. Сварилось, есть стали. Семиголовый меня мальчичку опять отдельно положил:

— С лесными духами-тертами где ему в сло тягаться! Лесной дух ест — одним краем рта кусок хватает, другим краем вылетит *калгетангильган*.

Мяса плавиль, масылился.

— Внучек, — старший меняк говорит, — ты сегодня опять в мою семирядную ягушку залезай, там не замерзает.

Эква-шырься за плазуку к мешку залез, уснул.

Утро настало, проснулся.

— Что ты, внучек, до такой поры спишь! Видно, нас, лесных чертей, не боишься!

— Что мне бояться?

— Ты свою собачку,— говорит вятголовой мешка,— подвяжи ужо к тому дереву, на которое я свой лук до стрелы вешал.

— А зачем и ее туда прива: явить буду? Что ты говоришь, дедушка?

Мешка ни слова больше не сказал, ушел.

— Ах ты неладный! Был бы ты здесь, я бы своим топориком все твои пять голов поотрубал. Коли говорить тебе лень, зачем вытравивать?

Дрова рубить прилижи. Около полудня собака лаять стала. Лает на то дерево, на которое мешка свой лук и стрелы вешал. Эква-шырься к тому дереву подбежал, вверх смотрит. Черный-пречерный соболь сидит. Домой сбегал, рукавицы принес, потер одну и другую — соболь с дерева внизень скатился. Шкуру содрал и в парю под стелуку засунул.

— Старик-то лесуют, а я все дома сижу. Они мне, поди, ничего и не выделат. К бабке с чем приду? Хоть этого соболя принесу — и то ладно будет.

Соболь спрята, котлы спотом набил, на огонь повесил. Вечеръ стало, трехголовый мешка прибежал. Прибежал, котел схватил, воду всю выпил:

— Ну вот, внучек, а и горло смочил. Спасибо тебе, воды выпотрошил.

Только успел это сказать, как второй мешка появился. И тоже, как первый сбросил, так и воде. К темпте и старший, семиголовый мешка пришел. Выпил свой котел воды, говорит:

— Спасибо, внучек, что воды пригостил, а то горло все заперлось. Ну,— товарищи говорят,— распотеем.

Потеем иди распустили, так иль плазу соболя да безки посылались. По столу набили, что звери до колен порохом надали. Семиголовый мешка свою котомку разлизал, говорит:

— Ну, завтра домой пойдем. Третий день лесуем. Если четыре дня лесовать будем, и лесу и звери не останутся. Безки кончатся, соболь кончатся. Нам четыре дня лесовать запрещено.

— Внучек наш,— трехголовый мешка говорит,— к бабке своей придет, что принесет? С дедом спощи и долю возмем, а что домой принесет? Еще денег возьмем.

— А есть тогда что будем?— семиголовый мешка сказал.— Котомки наши уже пусты. Из моей котомки завтра съедим, да и внучку уже, поди, домой точется. Нет, пойдем назад. Если явного лесовать станешь, то люди что есть станут? Сколько дней лесовать указано, столько и лесуй.

Шкуру снимали, мясо в котел свалили, на огонь повесили. Пока мясо варилось, добычу на четыре части делить стали.

— Куда же внучек наш свою долю уложит? — говорят. — Ведь он сколько шкурки!

— А у меня кузовок есть.

Разделили, укладывать начали. Котомки полнехоньки наложили. Эква-пырься свои шкурки в кузов сложил, уминать стал, полкузова они места только и заняли. Тем временем концы того был. Мясо выложили, есть стали. Поевши, укладываться начали.

— Внучек, ты опять ко мне за пазуху лезь, не замерзнешь. Улеглись. Эква-пырься к менку за пазуху залез. Уснули. Утро настало, поднялись, коты на огонь почесали.

— Ну, внучек, что у тебя в котомке есть, доставай. Пошли.

Достал. На четырех человек четыре кусочка вяленой рыбы да четыре комочка рыбьего жира. Только всего и запаса.

— Четыре куса ююлы да четыре комочка жиру, — младшие менквы говорят, — на человека по пуску. Между зубов проскользнет, пожалуй, и не заметишь.

— А ты ешь, анай, — семиголовый менкв говорит, — у Эква-пырься еда никогда не кончится!

Есть принялись. Ели, ели, до отвала наелись, животы у всех полны. А есть кончили, все четыре куса ююлы да четыре комочка рыбьего жира обратно в котомку положили.

Котомки на нарту положили, внучка с собакой туда же посадили и в обратный путь отправились. К краю бора подошли, на болото вышли. Болото пересекали, дошли до речки, до той речки, по которой и на лодке проедешь, и вёслом прогребешься. На лед селились и в ту сторону, куда у речки теченье идет, быстренько бежит, туда и сами пошли.

Долго шли, коротко шли, добрались до дороги семиголового менквы. Стали они тут прощаться. Обнялись, поцеловались. Менквы, расставаясь, говорят:

— Вот, внучек, ты нас в товарищи принял, мы зверя ленивого хорошо добыли. А не принял бы, как бы левовать стали?

Старший менкв своей дорогой ушел, а остальные дальше вдоль речки направлялись. Менквы парточку волокут, так что снег вокруг завивается, точно в грозу облака клубятся. По лесу треск разносится, точно в грозу гром гремит. В ушах только метер *пиди-пиди-пиди*.

Долго шли, коротко шли, добрались до дороги среднего менквы. Остановились, прощаться стали. Обнялись, поцеловались. На прощание пятиголовый менкв говорит:

— Вот, внучек, ты меня в товарищи принял, и я зверя ленивого добыл. Если бы не принял, что бы я делать стал? В пустопорожном месте много не добудешь!

Пятиголовый менкв на свою дорогу свернул, а Эква-пырься с трехголовым дедом своим дальше направлялись. Немного спустившись к его дороге. Распрощались, обнялись, поцеловались.

— Вот, внучек, ты нас в товарищи принял, и хорошо. Яон сколько зверя разного добыл. Если бы не принял, что делать стали бы? На пустопорожном месте много не наловещь. Домой

придешь, если бабка твои состарилась, так ты ее молоденькой сделаю.

— А как сделаю?

— А уж как знаешь, так и сделаешь.

Расслабился. Мелко по своей дорожке пошел, а Эква-пырьсь дакиеные вдоль речки потащился.

Долго, коротко полочил он парточку свою, наконец до дому добрался. Видит: трех углов у дома уже нет, завалился. Угол с чуланом еще стоит. Над трубой дымок чуть-чуть поднимается. Искорка одна вылетела. Эква-пырьсь в дом вошел. Выход, обремененный копцом носоха в очат ткнул, огонь потаскал.

— Ах ты, без отца, без матери, бродяга, лесной ворона! Погасил огонь, при котором вучен мой на свет появился! День и ночь не угасал он, берега и его, а теперь вот тебя!

Эква-пырьсь бабку свою за голову схватил, наружу вытащил, ногой ей поддал так, что в сторону она покатилась. В тот миг, как на землю упала, так молоденькой и сделалась. Красивой-раскрасивой девушкой, дочерью богатейской стала.

Тут она объявилась, поцеловались.

— Тебя поджидал,— бабка говорит,— день да ночь плакавши, как старуха и было стала. Огонь твой от угасания берега, день и ночь его паркувала.

Зажали они с того добра, что Эква-пырьсь с собой привнес. И теперь живут, и счастливы. Конеч.

139. Эква-пырьсь и женщина с кузовом

Эква-пырьсь с бабушкой живет. Эква-пырьсь говорит:

— Бабушка, сделай мне стрелу и лук.

Бабушка сделала ему стрелу на перек, оставшегося от изготовления стружек. Эква-пырьсь на улицу вышел. Стрелу пустил. Пустил стрелу в пихтовый лесок. Пошел туда. Пришел. Сколько ни ищет стрелу, не находит. Вдруг появилась женщина с железным кузовом¹.

Идет, говорит:

— Что делаешь?

— Ничего не делаю. Стрела у меня пропала.

Позвала она Эква-пырьсь в железный кузов. Несет его. Эква-пырьсь тонким, как мышиный хвост, ножичком ковыряет етеник кузова. И вот сделал он дыру величиной с ушко ножки. После этого наружу вышел. Назад бежит. Стрелу нашол. Домой пошел. Бабушка говорит:

— Куда ходил?

— Никуда не ходил, на улице играл.

Опять на улицу пошел. Играет. Играет, пустил стрелу в пихтовый лесок. Стрела пропала. Сколько ни ищет ее, не находит. Вдруг появилась женщина с железным кузовом.

— Что делаешь?

— Ничего не делаю. Стрела у меня пропала.

Женщина спустила Эка-пырися в железный кузов. Несет его. Эка-пырись толкнет, как мышиный хвост, ножичком комарит стенки кузова. Комаря-комаря, сдвинул дыру испуганной с ушко иголки. После этого паружу вышел. Назад бежит. Домой пришла. Бабушка говорит:

— Куда ходил?

— Никуда не ходил. На улице играл.

Домашняя побоялась, опять на улицу пошла. Играет. Играет, стрелу пускает, потерял стрелу. Ищет ее. Хотя и искал стрелу, не нашел. Вдруг подходит женщина с медным кузовом. Говорит:

— Что делаешь?

— Ничего не делаю. Стрела у меня пропала.

— Подожди же, теперь ты, наверное, больше по освободишься.

Положила она Эка-пырися в медный кузов и несет его. Эка-пырись, хоть и комарит стенки кузова тонким, как мышиный хвост, ножичком, никак не просверлит дыру. Тонкий, как мышиный хвост, ножичком сломался. «Ну уж,— думает,— что тут, убью же!» Женщины явилась к дому. Кричит:

— Ребята, откройте двери! Теперь парничок попался. Больше он уже не убежит.

Сидела кузов:

— Ну-ка, посмотри, жив ли он?

Открыла крышку у медного кузова. Смотрит. Говорит двум дочкам:

— Подождите. Я сбегу бересты вадать.

Пошла. После того как она ушла, Эка-пырись тихонько говорит:

— Ребята, выпустите меня. Я вам сделаю ковшик, точь-в-точь как ваши червяки.

Девочки про себя думают: «Правда, пусть сделает». Кузов развалился, Эка-пырись выпустился. Потом Эка-пырись говорит:

— Сбегайте на улицу. Привнесите мне дерево для изготовления ковшика. Я не знаю, какое дерево будет пригодное.

Девочки пошли на улицу. Привнесли одно дерево. Эка-пырись сюда рубанет, туда рубанет. Говорит:

— Девочки, какой величавый ковшик я буду делать? Так по выйдут. Вы злите сюда. Сделаю и что величавый с вами головами.

Девочки легли спать. Эка-пырись голодом у них отрубил. Думает: «Их мать скоро придет». Надожна в чужой горячей воды. Встал с собой горячий лем. Вышел на улицу. На большую ласточку забрался. Вскоре пришла старуха. Увидела убитых детей и говорит:

— Эка-пырись, проклятый, убил моих детей!

Вышла на улицу. С вершины ласточницы Эка-пырись кричит:

— Бабушка, и здесь!

— Эге, озорница там видно!

Старуха забежала в дом, взяла большой топор, величиной с лопатку оленя. Рубит. Долго рубила, коротко рубила, подходит к ней лис. Говорит:

— Тетушка, что делаешь?

— Ничего не делаю. Энка-пырсь, озорник, убил моих детей.

Лис говорит:

— Э, какая это обиды! Вот и на него уж так зол. Тетушка, ушла у тебя утомилась. Совни маленько. Я в это время порублю

печеньку.

Старуха легла спать. После того как она уснула, лис нашел то ли камень, то ли железо. Рубит топором железо. До обуха затупил топор, говорит:

— Тетушка, вставай! Листовенница тебя раздавит.

Старуха как вскочит! Лис прочь убежал.

— У, озорник, обызвал меня! Топор до обуха затупил.

Вбежала в дом. Принесла другой топор. Снова начала рубить. Рубит и рубит. Долго рубила, коротко рубила, вдруг явился зайчишка. Говорит:

— Тетушка, что делаешь?

— Энка-пырсь, озорник, убил моих детей.

Зайчишка говорит:

— Какое это у тебя дело! Вот у меня до него большое дело. Тетушка, я совсем порублю, ты маленько совни.

Старуха легла спать. После того как она уснула, зайчишка то ли камень, то ли железо топором рубит.

Говорит:

— Тетушка, вставай! Листовенница раздавит тебя. Вставай!

Старуха как вскочит! Зайчишка убежал.

— Мой топор совсем затупил.

Вбежала в дом, взяла другой топор. Рубит и рубит. Долго рубила, коротко рубила, вдруг старик-россомах явился. Идет. Говорит:

— Что делаешь?

— Ничего не делаю. Энка-пырсь, озорник, убил моих детей.

— Какое это у тебя дело! У меня до него поважнее дело есть.

Ложись спать.

Старуха легла спать. Уснула. После того как она уснула, старик-россомах то ли камень, то ли железо топором рубит. Затупил до обуха. Говорит:

— Тетушка, вставай, листовенница тебя раздавит.

Старуха как вскочит! Старик-россомах убежал.

Вошла в дом, взяла другой топор, вышла на улицу. Рубит.

Энка-пырсь говорит:

— Бабушка, зачем яря мучаешься? Ляг на спину, раскрой рот, и к тебе в рот прыгнут.

Старуха легла на спину, рот расприла. Энка-пырсь помыслив спускается, золу разбрасывает. Старуха говорит:

— Па, па, па! Внучек, что ты бросаешь?

— Ничего не бросаю.

Эква-пырьис спускается, спускается. Опять золу рассыпает. Старуха говорит:

— Па, па, па! Что делаешь?

— Ничего не делаю.

Эква-пырьис говорит:

— Бабушка, раскрой рот. И прыгаю.

Старуха раскрыв рот. Эква-пырьис горячий лом влял олу-стля. Лом старухе в рот воткнулся. Эква-пырьис нипа спускается. Взял топор и зарубил старуху.

Тут же пошел домой. Когда он пришел домой, бабушка его в углу дома все-таки у уголка согревается. Бабушка говорит:

— Если мой внучек зимой придет — с обледевшим концом посоха; если летом придет — с мокрым концом весла.

Эква-пырьис посадил свою бабушку на носок ноги, бросил. Когда она упала — стала молодой женщиной. Идет и углы платка за собой тащит.

И живут они теперь счастливо и благополучно.

140. Как Эква-пырьис перехитрил великана

В давние времена жила-пожила старуха. Было у ней три сына. Сыновья были охотниками, ходили на охоту. Много дров, болот и рек обошли они вместе с женами и заблудились. На руках у бабушки остались маленький мальчик. Его прозвали Эква-пырьисом. Жила бабушка очень бедно. Иногда поила внука теплой водой, оставшейся после мытья посуды. Хотел и жить бедно, а мальчик рос не по дням, а по часам. Вот стал он играть и бегать по улице.

Однажды бабушка очищала ножом кору осины. Внук попросил ее сделать ему из сердцевины осины лук и стрелы. Мальчик сказал:

— Если добуду одну маленькую птичку, то дедок опять будем сыты.

Старуха поучала его:

— Внучек, стрелой из лука и промышляй только во дворе, а за избушку нашу не ходи.

Мальчик натянул лук, выстрелил во двор, но стрела улетела за избушку. Он потерял стрелу, зашел домой и заплакал. Бабушка заново сделала ему из осины лук и стрелы. Эква-пырьис вышел на улицу, прицелился. Хотел, чтобы стрела улетела в реку. Но стрела снова улетела за избушку. Так случилось три раза. Три раза мальчик терял стрелу. А бабушка заново делала для внука лук и стрелы из сердцевины осины.

И вот Эква-пырьис натянул лук и пошел искать свою стрелу. Размыслил стрелу, уходил все дальше и дальше. Довго шел, дошел до высохшей канавки. В поисках стрелы наткнулся на жертвенное место. Видит Эква-пырьис: когда-то здесь было погублено много зверей. Кости их собраны в кучу. Рассматривает

— Зачем пойдешь?
 — Затем пойду, что купец бедный народ очень плохо держит.
Что-то надо с купцом сделать.
 Эква-пырься пошел в город. В город пришел. Зашел в дом главного купца.
 — Эква-пырься, по какому делу?
 — Я хожу в поисках места для найма.
 — Какую плату просишь?
 — Ты сколько дашь, мне столько и ладно.
 — Ий, ступай. На той стороне Ледовитого моря очень хорошее место для работы есть.
 Эква-пырься вышел на улицу. Пошел. Пришел на ту сторону Ледовитого моря. Люди работают.
 Главный человек говорит:
 — Эква-пырься, ты тоже пришел работать?
 — Да, человеку без хлеба тоже жить плохо.
 — Что ты умешь делать, Эква-пырься?
 — Какую работу дашь, ту и буду делать.
 Эква-пырься ночей семь работает. Расспрашивает рабочий народ:
 — Далеко вы здесь работаете?
 — Работать мы пачали с молодетства, нса время работаем, обесслади и состарились.
 Эква-пырься говорит народу:
 — Скоро свободныйи мы будем.
 Эква-пырься взял бумагу, написал своему хозяину. Написал письмо так: «Твои люди пехорошо работают. Ты сам приходи сюда». Письмо пришло к хозяину.
 Хозяин читает его:
 — Мои люди работают плохо. Надо мне самому слодить.
 Писка. Пришел к рабочему народу. Расспрашивает своего помощника:
 — Как работают твои люди?
 — Мои люди работают очень хорошо.
 — Ты мне в письме писал: «Твои люди работают очень плохо».
 Эква-пырься крикнул народу:
 — Идем домой, хозяин авал нас в гости.
 Эква-пырься прихватил с собой молоток. Люди бегут назад. Очутились на эту сторону моста. (Мостом служила большаа рыба.) Эква-пырься ударил рыбу молотком. Как только ядела рыбу, она тотчас ушла. Купец остался там, на той стороне моря.
 Эква-пырься крикнул купцу:
 — Настает дровнее время живаца человеческой: пи к какому купцу, пи к какому царю пусть не ходит народ работать по спие рыбы. Купец пусть сам делает мост.
 Купец остался на той стороне моря. Эква-пырься пришел в лавку купца. Стал разговаривать с главным приказником:
 — Наш хозяин сказал так: «Ты, бедный народ, работал очень

хорошо. Что сегодня в моей лавке есть — все берите, сколько можете поднять.

Люди взяли товар и пошли домой. Купец пришел. Говорит приказчику:

— Куда девал товары?

— Ты сам сказал народу отдать, потому я и отдал.

— Кто так сказал?

— Эква-пырься сказал.

Купец собрал вместе главных судей, главных попов, стал говорить:

— Побейте к Эква-пырьсю, убейте его.

Главные попы говорят:

— Подем убьем. Убий, хорошенько его отпоем, пусть после него не будет такого человека.

Все главные попы, и главные начальники, и главные купцы пошли к Эква-пырьсю убивать его. Приходит к Эква-пырьсю.

Послали солдат:

— Позови Эква-пырься.

Пришел солдат к Эква-пырьсю:

— Эква-пырься, попы да купцы тебя звали.

Эква-пырься вышел на улицу. Пришло так много народа!

Эква-пырься их спрашивает:

— Зачем пришли?

Они говорят:

— Мы пришли тебя убить.

Эква-пырься говорит:

— Сегодня меня убить нельзя. Потому нельзя, что сегодня облачный день. Если сегодня убьете меня — был я один вор, после меня опять будет много воров. Завтра будет ясный день. Тогда меня можете убить.

Старший поп говорит:

— Верно, подем домой. Завтра придем.

Попы, купцы, начальники пошли домой.

Эква-пырься вошел в дом:

— Бабушка, меня начальники чуть не убили.

— Сынко, почему не сказал мне?

Бабушка стала копить в перешеек углу дома. Вынула стрелы, дуги, сабли, кольчугу. В дом вошел солдат:

— Скорее, тебя попы звали.

— Спаяжи: я с бабушкой целуюсь.

Солдат вышел.

Эква-пырься так сказал: «Погодите, я с бабушкой целуюсь».

Старший поп говорит:

— Эква-пырься знает, что пришла ему смерть.

Эква-пырься оделся, срядился. Взял саблю, взял пику, взял стрелу и лук. Вышел на улицу, крикнул:

— Вы пришли?

— Пришли.

— Я взял одну лавку, полную товара. Если теперь не привезете ко мне две лавки, полные товара, всех вас убью, ни одного человека не отпущу.

Они испугались. Все попы стали умолять. Эква-пырься говорит:

— Если не привезете завтра до вечера ко мне две лавки, полные товара, всех вас переубью.

Все купцы, попы начали говорить:

— Мы приведем тебе.

Привезли Эква-пырьсю две лавки, полные товара. Бедный народ идет к Эква-пырьсю ночью, идет днем. Эква-пырься раздает днем и ночью бедному народу две лавки, полные товара.

Эква-пырься говорит бабушке:

— Я схожу в город.

— Сынок, надолго не ходи.

Вышел на улицу. Куда была его голова, куда была его шея — туда и пошел. Долго шел, коротко шел. Явился к царскому городу, к большому городу. Зависел в божий дом, в царский дом. Царь говорит:

— Эква-пырься, земля-то — далекая земля, а о тебе слышали. Посыль ли зверем принесен ты, поднимающим ли зверем поднимать ты?

— Растущий человек когда приходит в одно и то же место?

Царь говорит:

— Что пужлив ходишь нищен?

— Я хожу и ищу место для найма.

— А что умеешь делать?

— Что делать? А все умею.

— Эква-пырься, умеешь воду носить?

— Не умею.

— Лошадей умеешь пасты?

— Не умею.

— Эква-пырься, умеешь лошадей и коров караулять?

— Не умею.

— Эква-пырься, ты только что говорил — умею. Что же умеешь делать? Вино умеешь пить?

— Умею.

— Хозяином умеешь быть?

— Умею.

— Эква-пырься, хозяином по охране лошадей будешь?

— Буду.

Эква-пырься стал хозяином по охране лошадей. Лошади все разжирели. Царская дочь приходит к своему отцу:

— Батюшка, какого хорошего хранителя лошадей ты нанял. Все наши лошади разжирели.

Царь пошел в конюшню, смотрит: верно, оказывается, разжирели лошади. Царь пришел к Эква-пырьсю: Эква-пырься спит. Царь смотрит на Эква-пырься. У Эква-пырься такая одежда, что лучше царской. Царь потихоньку вышел. Принес домой.

Стал думать: «Какого человека позову сегодня в гости?» Царь говорит своей старшей дочери:

— Ты сходи позви сюда Эква-пырься.

Царская дочь пошла. Пришла к Эква-пырьсю:

— Эква-пырься, батюшка мой тебя зовет.

— Иду.

Пошел к царю. Эква-пырься с царем поздоровался. Царь говорит:

— Садись. Чай будешь пить?

Эква-пырься сел. Разговаривают.

— Одежда у меня плохая, как же я буду у тебя пить чай?

Царь говорит:

— Эква-пырься, не бойся, не бойся.

Приготовили стол с пшенной едой, с медовой едой. Во время еды и питья царь его расспрашивает:

— Эква-пырься, где ты еще работал в прежние время?

— Да, работал.

— У кого?

— У главного купца работал.

— Как называется место, где ты работал?

— Я работал на берегу Ледовитого моря.

Царь стал думать.

— Как тебя звать, Эква-пырься?

— Я не имею имени, хорошего имени: мое имя — Хитрый Батюшка.

Эква-пырься выпил вина столько, что опьянел.

— Бое мой, батюшка, царь мой батюшка! Я имею одно слово: можно или нет походить?

— Можно, — говорит.

Эква-пырься встал. Руки за спину зажал. Ходит.

— В какую землю Эква-пырься придет, в той земле деревья растут и вода прибывает.

Царь стал думать: «Этих слов я не могу понять».

Эква-пырься сел. Царь стал говорить:

— Эква-пырься, какие ты слова говорил, я не понял их.

Эква-пырься говорит:

— Такое это дело, этому делу только детям учиться.

Царь опять не понял. Эква-пырься говорит царю:

— Я пойду проведаю моих лошадей. Бог мой батюшка, царь мой батюшка! Поел я до отвала, попил я до отвала.

Эква-пырься пошел. Пришел к лошадям. Проведал лошадей.

Пошел, лег спать.

Царь стал думать: «Эква-пырься очень спьянел, надо его проведать». Послал старшую дочь:

— Проведи Эква-пырься.

Царская дочь пошла, пришла к Эква-пырьсю. Эква-пырься спит: такой красивый! Человек лежит на этой красивой земле — такой человек, какого она никогда не видела. Царская дочь тихонько вышла. Пришла домой. Говорит своему отцу:

— Эква-пырьсь хорошо спит.

Долго жил царь, коротко жил. Царскую дочь пришли сватать из другой царской земли. Царская дочь повесила кольцо на высоту тридцати печатных сажен. Царская дочь стала говорить:

— Кто достанет мое кольцо, за того человека я пойду.

Собрались купеческие сыновья. Как ни доставали, никак достать не мог. Принес Эква-пырьсь. Сказ говорит:

— Пустяковое дело. Это можно достать большим пальцем и мизинцем.

Царские сыновья, купеческие сыновья стали смеяться. Эква-пырьсь подпрыгнул. Достал кольцо. Ничего не сказал и пошел домой. Царь посмотрел из окна. Когда его дочери Эква-пырьсь достал, Царские сыновья, купеческие сыновья смеются:

— Эква-пырьсь, сплани у него наружу, не следует ему сидеть за царским столом.

Царь собрал свой народ.

— Эква-пырьсь, — говорит, — позовите. Надо свадьбу проводить.

Эква-пырьсь позвали. Одежды у него плохие. Посадили его рядом с царской дочерью. Начальники смотрят: «За какого человека царская дочь пошла!» Купеческие сыновья стали смеяться:

— Какой муж у царской дочери!

Эква-пырьсь говорит царю:

— Бог мой батюшка, царь мой батюшка! Можно пля нет по-

ходить?»

— Можно, зять-герой, зять-богатырь.

Начальники думают: «Вот какого нашел ты зять-героя, зять-богатыря». Эква-пырьсь устал. Взад-вперед ходит.

— Бог мой батюшка, царь мой батюшка! В какую землю Эква-пырьсь придет, в той земле деревья растут, и земля растет, и вода прибывает.

Царские начальники все стали думать: «Вот какого умного зятя нашел».

Эква-пырьсь спрашивает:

— Царь мой батюшка, царь мой отец, можно пля нет — я своему надеть мои одежды?

— Можно.

Эква-пырьсь пошел. Купеческие сыновья говорят:

— Посмотрим, какие у Эква-пырься одежды.

Эква-пырьсь пришел. Подойдет к царской дочери. Царская дочь встала.

— Бог мой батюшка, царь мой батюшка! Вот мне богом назначенный супруг.

Они целуются, обнимаются. Рядом сели. Царские начальники стали говорить:

— Вот зять так зятя нашел наш царь! И нам по мысли пришлося.

Купеческие сыновья, царские сыновья смотрят: Эква-пырьсь

то ли прирожденный герой, то ли прирожденный богатырь. Царская дочь говорит своему отцу:

— Настало время встывать.

Царская дочь оделась, спарядилась. Обвенчались. После венчания пьютую еду, медовую еду пили, день пили. Со свадьбой покончили. Начальники говорят:

— Зять наш герой, зять наш богатырь! Ели мы до отвала, пили мы до отвала.

Долго жили, коротко жил Эква-пырьсь. Говорит царю:

— Напала на меня дума о земле моей. Напала на меня дума о роду моем.

Царь говорит:

— Зять-герой, зять-богатырь, я тебя не держу. Раз думаешь, так и поехали.

Эква-пырьсь сидит со своей женой. Царская дочь своему мужу говорит:

— Так ты дорог моему сердцу! Когда ты был в конюшне, я приходила, смотрела на тебя. С того времени ты дорог мне стал.

Эква-пырьсь с царской дочерью целуются, обнимаются. Когда они так сидели, вошел царь.

— Зять-герой, зять-богатырь! Я приготовил одну баржу, полную денег, одну баржу, полную дорогого сукна, дорогого шелка. Приготовил пароход со всеми людьми.

— Вот мой батюшка, царь мой батюшка. Шел я в одном месте пешком, в одном месте ехал на лодке. Как же мы сумеем на пароход уехать?

Царь говорит:

— Не бойся. Я назначаю таких людей — они пайдут твою землю. Ты на пароход сидишь и не выходи с парохода до приезда домой.

Царская дочь оделась, спарядилась. Говорит своему отцу:

— Вот мне богом назначенный супруг.

Целуются, обнимаются царь со своей дочерью. Эква-пырьсь с царской дочерью сели в карты — семь лошадей в упряжке.

Приехали к пароходу. Пристань вся устлана красными сукнами. Эква-пырьсь с царской дочерью идут, взявшись за руки. Вошли на пароход.

Эква-пырьсь ночь проводит, день проводит. Пароход пришел в город, где живет Эква-пырьсь. Начальник парохода сделал пристань. Туда собрались люди. Смотрят: вся пристань устлана красным сукном. Люди говорят:

— Какой это влажный царь приехал?

Все сняли шапки. Эква-пырьсь показался с парохода. Идут с царской дочерью, взявшись под руку. Люди стали кричать:

— Наш бог, наш царь приехал!

Эква-пырьсь пришел домой. Сделал богатую свадьбу, чтобы всей деревне наесться, всему городу наесться. Когда ели-пили, их царь говорит:

— Эква-пырьсь, в песнях прославленный человек, в сказках прославленный человек, ты сидишь царем, я буду помощником.

Царь встал, народу говорит:

— Эква-пырьсь пусть сидит царем, я буду помощником.

Люди кричат:

— Эква-пырьсь сел на земле хорошим царем.

В обитавшей Эква-пырьсем героической земле, богатырской земле сел человек, прославленный в песнях, сел человек, прославленный в сказках. И теперь счастливо и благополучно живет.

142. Как Эква-пырьсь Русского Богатыря победил

Тетка Эква-пырьсю сетки связала:

— Плывишечек, съезди, поставь сетки.

— А в какую сторону поехать бы мне?

— Кверху по Оби подишись немного. Там в стороне от берега озеро есть. Поставь на то озеро.

Эква-пырьсь сетки в лодку сложил, сел и поехал. До озера добрался, сетки расставил. Сам про себя думает: «Поднишусь-на еще немного дальше по Оби, места посмотрю». Долго ехал, коротко ехал, видит — мыс. Против мыса народу много собралось. Калданиат. Эква-пырьсь туда подъехал и свой калдан в воду бросил.

Иные на людей говорят:

— Эква-пырьсь, ты зачем сюда приехал? Если наш хозяин тебя увидит, убьет. Он беда какой худой!

Иные говорят:

— Да пусть калданиат, чего к нему привязались?

Эква-пырьсь рыбу наловил, домой вернулся. Тетка говорит:

— Ты что так долго ездил?

— Я по Оби далеко был. Народу там сколько. Калданиать весело.

— Мало что весело? Не ездил туда. Еще беда какая случится.

Эква-пырьсь наутро встал, опять на то же место отправился. Весь день калданил, больше всех добыл. Иные, что видя, завидовать стали.

— Мы,— говорит,— хозяину скажем, что ты здесь рыбу ловишь, тогда тебе худо будет. Наш хозяин беда какой злой!

— Какой же он, наш хозяин?

— А вот какой: когда ему волосы чесать начинают, один волос только плохо положат, он тому человеку голову отрубает!

— О, какое дело! — Эква-пырьсь говорит. — Так вы ему скажите: Эква-пырьсь волосам чесать очень хорошо может. Завтра, скажите, приду. А как нашего хозяина зовут?

— Наш хозяин — Русский Богатырь.

Эква-пырьсь домой вернулся, тетке говорит:

— Я завтра на Русского Богатыря пойду.

— Не ходи, племянничек, убьет он тебя.

— Не убьет. Дай мне твой нож.

У тетки Большой русский нож был. Этот нож она Эка-пырью отдала. Эка-пырься нож взял, точить его начал. День, два точит, наконец кончил. Источку на лезвие положит — источка посылем переделается. Травинку на лезвие положит — травинка переделается. Так остро выточил!

Утром вместе с теткой поехал. На место присели, он тетку на другом берегу оставил.

— Ты здесь будь, — говорит. — Когда увидишь, что на яру народ собирается, тогда неслом об лодку стучи сильнее.

Сам через Обь переправился, в городок пошел. В самый больш-

шой дом зашел. Видит: три человека сидят, все на одно лицо.

Спрашивает:

— Русский Богатырь где?

— А зачем тебе?

— Я ему полосу чесать пришел.

— Русский Богатырь — я, — один отвечает — Ну, пришел, давай чеши.

Эка-пырься полосу расчесывать начал.

Волос к волосу кладет, не дернит ни разу. У Богатыря на голове железный шлем падет. Эка-пырься говорит:

— Ты шлем наверху сдвинул бы, а то чесать невозможно.

Долго, коротко причесывая его Эка-пырься, только слышит: тетка на том берегу об лодку стучать стала.

— Стой, подожди! — Русский Богатырь крикнул. — Никак, праги идут!

— Верно, что-то слышно, — товарищи его сказали. — Послушай-ка хорошенько.

Русский Богатырь прислушался:

— Слышно, шумит там что-то.

Товарищи посмотреть на удилу выбежали. Эка-пырься с богатырем один остался. Полосу чесать продолжает.

— Снял бы ты шлем совсем, — богатырь говорит, — чесать невозможно. Что ты среди слухов бешешься?

Русский Богатырь шлем снял. В тот момент Эка-пырься долото точенный нож свой выхватил, богатыря по горлу хватил. Голова напрочь отлетела. Безголовое тело за ноги схватил, из дома выскочил, товарищей Русского Богатыря побивать стал. Половину городка развалил, половину всего народа перебил. Другую кто куда поразбегались.

Так Эка-пырься Русского Богатыря победил и людей его впрочь прогнал.

143. Сказка о Мишеньком

Одпанды было такое дело: вгиде по было суда. Появились такие начальники: ездят, приедет в поседок, пойдет в дом, сидит и говорит:

Связанный лежит, дышит тяжело. Вдруг потянулся, напрягся — ремни все враз лопнули. На ноги вскочил, на людей набросился.

— Боги к нам! скорей! — народ товарищу Верхнеобского Богатыря закричал. — Пусть идет. Перебьет этот вас всех! От городка уж половина только осталась!

Тот побегал, Богатыря будит:

— Встань скорей! От городка лишь половина осталась.

— Да пот, спать хочу. Свяжи его, пусть лежит.

— Ремни не держат. Связать нечем. Скоро всех людей переубьет.

— Ну, вот ремешок, свяжи им.

— Эй, послушай, такой ремешок где ж сдергнут? Да и как свяжешь — короткий!

— Руки и ноги разве связать.

Товарищ Верхнеобского Богатыря ремень взял, из вирты выскочил. На место прибежал, лучше прежнего дернулся. Сам с пришельцем схватился. Долго боролись, наконец на землю повалил. Визать стали. Ремень короткий, руки в одном месте да ноги в другом месте связать лишь хватало.

Народ плачет:

— Темой ремешок его где удержит! Вскочит, всех прикончит! Связанный лежит. Тяжело дышит. Потом потянулся, напрягся, вырваться стал. Ремень патиулся, как струна звенит. Руки ремнем до костей прорезало — не рвется, держит. Наконец ослабел, рвать перестал, заплакал. В то время шлем с головы свалился, люди смотрят — женщина!

Все поразились, меж собой говорят:

— Вот так женщина-богатырь!

Женщина плакать стала. Руки, ноги ремнем изрезало. Верхнеобского Богатыря товарищ к нему пошел. Говорит:

— Ойлаю, женщиной оказалась!

— А ты сразу и не разобрал?

— Нет, я сначала не узнал. Это та, которая за нами тогда гонимая!

— Ага. Л потому и не узнавал: знала, что это она пришла. Ну, женщина все лежит. Плачет-разливается. С тех пор как связала, семь дней прошло. Саушать надоело.

— Довольно, — Верхнеобский Богатырь товарищу говорит, — пойдя отпусти ее. Если захочет, пусть ко мне идет. Женной веди.

Тот пошел, развязал. У женщины руки, ноги ремнем изрезаны. Отпустил. Говорит ей:

— Вондъ сказал: «Если хочот, пусть ко мну идет».

Женщина согласилась, пошла. К мужу пришла. Тот лежит, как лопка. Говорит ей:

— Городок весь развалила? Выйди на уляпу, может, от домю хоть пмного щепок осталось — огонь разжечь.

Женщина не отвечает.

Говорит:
 — Завтра поведем к царю.
 Он дал главному начальнику одного собора.
 — Пойдем к царю.
 Пришли к царскому дому, начальник говорит ему:
 — Пойдем, ты не бойся. Куда я пойду, и ты туда ступай.
 Пошли. Смотрит: пол, как золото. Смотрит: спутник его словно в воду погрузился. Он не хочет идти. Черно-бурую лисицу повесил на шею. Пошел к царю. Одной рукой отдал ему черно-бурую лисицу, другой рукой с царем здоровается. Царь говорит:
 — Сядь, Миленький.
 И стал говорить:
 — Вот, Миленький, среди многих различной еды какая еда самая полезная?
 Миленький говорит:
 — Идя да соль самые полезные.
 Царь опять говорит:
 — Какая одежда самая теплая?
 Миленький говорит:
 — Из одежды трава самая теплая.
 Царь говорит:
 — Сколько стало тому, как яры снегом покрывался?
 Он говорит:
 — Стало шесть-семь лет.
 И говорит царь:
 — Сколько стало лет, как реки-ручьи течь стали?
 Он говорит:
 — Стало шесть-семь лет, как потекли реки-ручьи.
 Царь опять говорит:
 — Умешь ципать утиное перо, гусиное перо?
 Он говорит:
 — Если было бы такое дело, сумел бы.
 Царь говорит:
 — Если умешь, оставайся здесь.
 Царь пошел в другую комнату. Два царских помощника говорят:
 — Миленький, скажи, что царю сказала.
 Миленький взял в руки свою шапку и говорит:
 — Положите мне полную шапку золотых денег, я скажу.
 Положили ему полную шапку золотых денег.
 — Теперь, Миленький, скажи, какие же слова?
 — Вот что я вам скажу: если умешь обманывать, это и значит — ципать гусиное перо, утиное перо.
 После этого главный начальник говорит:
 — Давай выйдем.
 Пошли, смотрят. Схватившего его вчера туника привели сюда. Вместе с ним много его родственников, всех привели сюда. Все они ели человеческое мясо. Они очень много обманывали бедноту, и она очень много убивала. Главный начальник говорит!

— Вот,— говорят,— если бы я тебя не нашел, они и тебе убили бы.

Их изваял в асех посадили в тюрьму. После этого Миленький собрал всех бедняков и нищих. Напекла мелочи: три копейки, пять копеек. Надождал мелочи полнохохья в мешок. Раздал все десетки беднякам. Говорит царю:

— Я хочу, пожалуйста, домой идти.

Царь говорит:

— Ядро, ступай.

Дали ему двух солдат. Царь говорит:

— Домой придеши, станешь жить князем, хозяином на своей собственной земле.

И дал княжеские одежды. Оделся Миленький и собрался идти. Вперед тогда шел,— может быть, лет около десяти. Теперь пошел — быстро домой пришел, все равно что в час. Никуда не ходил, и покаяния каять о нем не знает.

Настало лето. Опылады сивку приниза вода. Приехал главный пачальник. Вынесла его прямо на берег в сухонной дильке. Вониза в дом. Идут хорошую рыбу. Сварили рыбу, ели, алаи, собрались идти. Миленький говорит:

— И нам попому поднимать.

Они говорят:

— В воду уронили.

— Нет, не уронил.

Падил его, понос. Делел до середины сходил — до берега столько же и до воды столько же. С середины сходил бросил его в воду. С этим и пошел на берег. Вониза в дом. Надел княжескую одежду, два солдата тоже поднимались. Казани отворили двери, чтобы войти. Смотрят в дом: князь сидит. Испугались. Дверь захлопнули и убежали. Он вышел на улицу, сел в суг. Пачальник на корму сел, казани греблями тробут. С этим и уехали.

144. Женщина-богатырь

В Никсминое семь братьев живут, восьмая сестра. У сестры всем медовыми птичками уверяны. Опылады старший брат балоньелс начал, алаи лук, пустил стрелу, одну птичку сбил. Девушка сначала ничего не замечала, да другие два брата над ней смеяться стали. Тогда она рассердилась, лук вырвала, натянула его так, что он пополам пережонился. Тогда четвертый брат свой лук схватил, стрелу пустил, сразу семь птичек сбил.

— Ну что ж,— сестра сказала,— едите их, если голодны так. По поном в лес поидете, чтобы нам ни одного зверя, ни одной птицы не добыть!

Иногда такжеле время настало. Братя в лес пошлал, ничего не добыли. Сколько яи лесовали, ни одного медвца найти не могли. Ни зверя, ни птицы в лесу не стало. Исхудали братья, из сид выбились. Истощившись запасы в чамьлах, остался голод.

Однажды сестра у младшего брата панцирь попросила. Надела его, лук и стрелы вали и пошла в лес. К верховому Уралу сходилась, по низовому Уралу пришла¹, ничего не нашла. На самом конце хребта вышла. Однажды смотрит, видит: идешь семь оленей пасется. А еще видит: с другой стороны и эти же оленями семь пенцев подраждаются.

— Ну, вам этих оленей убить, пожалуй, не выйдет,— девушка про себя сказала,— скорее я убью!

Стрелу пустила, всех семерых оленей одной стрелой побила. Подошла туда, пшурь собирать принялась. Пока собирала, пенцы подошли. Подошла и говорит:

— Ты зачем наших оленей убил?

— Если они ваши были, почему сами вовремя не убивали? Слово за слово, пенцы разозлились, ругаться начали. Девушка долго слушать не стала, схватила лук, размахнулась им, ударила и сразу шестерых пенцев прикончила. Седьмой бороться с ней схватился. Долго боролись, наконец девушка унала. Ненец нож вынимает, прирезать ее хочет.

— Если бы я мужчина была,— девушка тут сказала,— ты меня повалить не смог бы.

При этих словах ненец на нее взглянула, видит: конец женской косы из-под шапки выбился.

— А ты и верно женщина! — крикнул он. — Ну, я тебя убивать не буду, отпусти. А хочешь — иди за меня замуж.

— Ладно, согласна.

Девушка уговорилась с ненцем, что он за ней летом придет. Прощаться стали. Девушка спросила:

— А тебя, ненец, как звать?

— Я, — отвечает, — Аут-отур². Мой чум на низовом Урале, у Шучьей реки, стоит.

Аут-отур уехал. Девушка, одна оставшись, убитых пенцев на куски изрезала, их мясо с мясом четырех оленей перемешала.

Недалеко от того места пенцы, старик со старухой, чумом стояли. Девушка к ним подошла, мясо отвести хотела.

— Эти десять туш отдельно положите,— сказала,— с теми тремя тушами не смешайте, в одну кучу не складите!

Пенцы мясо в Никсимово повезли. В Никсимволь приехали, девушка трех оленей тем трем братьям отдала, что над ней не смеялись.

— Вот вам, берите,— сказала.— А к тем братьям, если пас мясо есть и себе брать будут, не ходите.

— Ладно, если согласиш, так не пойдем.

Другим четверем братьям с человеческим мясом мешавшую оленину отдала.

— Пате, ешьте. Я, если бы мужиковой была, еще не столько добыла бы.

Братья ничего не наметывая. Зная себе, врят да едят. Почти все почили, когда разобрали, каким мясом их сестра накормила! Со стыда в Никсимволе и жить не остались, в разные сто-

роны разбродились. Сестра с тремя братьями осталась. Искоро и еще один брат на море, восток идти начал.

Долго жила, коротко жила, худородная нежна настала. Лед по реке плывет. Верхнеобский Богатырь с товарищем через Ворья-реку на Тайт-реку в Нижнеюлье пришли. Девушка для них лучшего вина сварила. Гости пьют, поили и спать легли. Утром встали. Богатырь товарища на улицу выгнал:

— Постыдай, пригинулась мне эта девушка, я неспотаться хочу. (Завидя впрямь)

Товарищ в дом вошел, спрашивает братьев:

— Мы с вами пришли, что свидеть?

— Что же ты нас спрашиваешь? Мы разве ей хозяева? Заочет — пойдут. Ее сироти.

Сестра согласилась. Сговорились, что на следующую несут за ней придут. Сговорились, распрощались, богатырь с товарищем домой ушли.

Искоро после того приехал Аут-отыр за своей невестой. Девушка жена встретила и, как пообещала, собралась и с ям на низовой Урал отиралилась. После их ухода Верхнеобский Богатырь за невестой пришел. Нашел, а невесты-то нет.

— Куда ушла? — спрашивает.

— С Аут-отыром уехала.

— Как так — уехала? Наверное, мы сами ее отдали!

— Нет, мы ее не отдавали, сама ушла.

Верхнеобский Богатырь не поверил, бить их начал. Но сняло ступит — ничком падают, в грудь ударит — на спину падает. Ибэл и уехал.

Женщина с Аут-отыром два лета, две зимы жила. Дочь у нее родилась. А под конец жена с мужем плохо жить стала. Жена не морит, не бранится. До самой ночи, пока девочку спать не уложит, все лишь ругается.

— Что ты без дела все бранишься? — Аут-отыр спрашивает.

— Три года стало, как я за тобой, богатого человека, вышла, а хоть бы одно полено на оленях принесла, не на себе дрова тащишь!

— А кто же тебе не даст на оленях возить? По своему желанию на ручную широчку возить. Вон, глядя, какое стадо ходит. Каких только надо, скажи, я найду!

— Ну, на таких я разве поеду?

— Каким же надо?

— Тех таких трех быков, что ты и железной упряжке держишь, в железную нарту запряжешь. Тех найду!

— Куда ж тебе с теми сирваниться?

— Ты справляешься, в я, что ли, не справлюсь?

— Куда ехать-то хочешь?

— Голушеч и зюльму набрать надо.

Аут-отыр поднялся, тридцатисажженный железный аркан взял, быков ловить вышел. Пошел, в железную нарту запряг, жено говорит:

— Работницу с собой возьми, она ребенка покараулит.
— Возьму.

На парту сели.

— Ребенка не покалечь, — Аут-отыр сказал.

Жена не ответила, вожжу взяла, быков хорем ударила. Быки сорвались, помчались. Парту по кочкам лишь прыгает. Женщина хорем по вожже ударила. Передовой головой замотала, тиги победила. Вскоре парту с глаз скрылась. Аут-отыр стоит, думает: «Когда, бывало, и на этот слепит сиди, где проходу — гористые места долинами становились, долины холмами покрывались».

Женщина, на парте сиди, назад обернулась, видит: чум скрылся. Оленей оставила, вожжу и парту приехала. Потом работницу за плечом схватила, потрясла, то в клубок ниток прератилась. Клубок в карман сунула. Затем девочку потрясла, в клубок прератида и тоже в карман положила. Хорей в руки взяла, оленей ударила, крикнула:

— Ой, эа, дождю этери, материлы зима вашим дорожи! Если вы быстро теперь не побежите, кан, бывало, у Аут-отыра бегали, когда землю на куски разбивали, если теперь так не побежите, кожу я с вас сдеру!

Вожжу дернула, на парту вскочила и повелась. От мужа убежала.

Аут-отыр дома спит. День кончился, ночь настала, жены все нет. Появилась тогда, что убежала она от него. Вышел из чума, железной гитарой обернулся и вдогонку за ней пустился.

Так убогая женщина день и ночь едет. Опилажды огнипулась, видит: муж ее, Аут-отыр, в образе железной гитары за ней топится. Приблизиться стал, женщина девочку из кармана вытащила, в сторону бросила.

— Останайся здесь на вечные времена! — крикнула.

Девочка на землю упала, в камень превратилась. Теперь на том месте высокая гора стоит.

Тем временем Аут-отыр жену погibtает. Та вожжу бросила, с парты согнорчила, соболем обернулась. Дальше бежит. Гитара все ближе да ближе нагоняет. В тот миг, когда вплотную подошла, соболь меж камней скрылся. Аут-отыр камин разбрасывать начал, землю рыть стал. Три года рыл. Урла насквозь прошепел. В одном месте гинзю собольице нашла. Еще тешнее. Видать, соболь только что убежал. Дальше шпел, дальше роет, все надрасно. Так он с чем и вернулся домой.

В то же время женщина в Няксийюкь пришла. Братья говорят:

— Зачем вернулась?

— А как до того дело какое? Вернулась, и все. Вы мне что-то скажете?

— Из-за тебя Верхнеобский Богатырь нас чуть до смерти не вабил! Едва спаслись.

— Много не разговаривайте, ни я чему вто.— сестра отвечает.

Братья замолчали. Что еще делать?

Живут. Опоздала сестра говорит:

— Ну, пора пришла. На нас поедом.

— А что ж мы там ждем?

— Нет, поедом. Нам промывать уж день стало!

Делать нечего. Братья лодку готовить стали. Собрались и поехали. На Оби, и Лор-уса, на промысел остановились.

Аут-отыр как-то устал: жена его с братьями промывать пришла. Людей собрал и женой на лодку пошел. Однажды ночью, перед рассветом, Аут-отыр на стоянке попал. Братья кодычусь надели, луки, стрелы схватили, из шалаша побежали. Выбежали, смотрят: пароду собралось — конца не видно. Доревья меньше, людей больше! Битесь начали. День бьются, другой бьются. Братья — вдвоем, Аут-отыр — с женами своими. С тех пор как сражаться начали, четыре дня, четыре ночи прошло. Аут-отыр думает: «Отдохнуть бы немного: столько времени без сна бьются!»

Братья в то время говорят:

— Аут-отыр, эх, отдохнуть бы немного?

— Я тоже об этом думаю.

Приостановились, братья и себя в шалаш вернулись. Сестра младшая брату говорит:

— Сильная скорбь кодычуту.

Тот свая. Женщина ее на себя подела.

— Лук, стрелы давай!

— Куда ты собираешься?! — старший брат кричит. — Мы вдвоем устоять не можем, где ж тебе справиться!

— Бессильные вы! — сестра отыняла, лук, стрелы схватила, на узелку выскользла.

Вопы Аут-отыра только присесть успели, слышат: «Вставай-те, жиды! Биться будем!»

— Ха! Мы и по отдохнуем можем!

— А мы так хорошо выспались.

— Товарищ твой где?

— Мой товарищ сбегал!

— То-а? Ну, так начинай.

Снова биться начали. Женщина стрелу как пустят, зводи один за другим валяются. Каждая стрела широкую дорожку оставляет. По каждой ложбинке кровь ручьями стекает.

Долго бьются, коротко бьются, женщина всех перебила. Аут-отыр с двумя товарищами убежал. Попы все посчитали, только эти трое спаслись. Женщина их преследовать пустилась. В одном месте видят: двое в одну сторону побежали, третий — в другую. За двумя погналась. Настигать стала. Аут-отыр на бегу обернулся — догонит.

— Беги скорей! — товарищу крикнула.

В это время стрела проскочила, товарища пашкочь пробила. Тот на землю покатылся. Аут-отыр далеко-далеко бегит. Оглядывается, видит: настигает его богатырь. Один раз, оглянувшись,

тисся, заметил: у того из-под плаща серга виднелся. Тут только понял, что жена за ним гонится! Остановился.

— Отцом и матерью сжигали, дохлой тварь, я думал — и верно это брат твой, а это ты, собака! На тебя я страду жалко тратить, кулаком убью!

— Да и я в тебя стрелять не стану и так пришибу!

Бороться схватились. Аут-отыр скоро свалился.

— Ах! — дедка говорит, — мужичиной если б быда, пожалуй, не справились бы с тобой!

Неж вынула, прирезать его собирается.

— Сделай милость, отпусти медя, не убивай, милая женщи-
на, отпусти!

— И верно, что тебя, собаку, убивать?

За морот его схватила, потрела и прочь кинула.

— Ну, иди! Больше мне на глаза не попадайся! И на тебя ала не буду вить, и ты на меня не сердись.

— Спасибо, — Аут-отыр отвечает, — что злая живым отпусти-
ла. Товарищей моих всех перебила, один и остался. Ну, и то ладно!

На этом и разошлись. Женщина домой вернулась. Видит: братья ее сизят, плечут.

— Вы что это делаете? — спрашивает их.

— Мы думали: уж убили тебя

— Ну, по такому человеку мени убивать!

Братья успокоились, опять за промысел занялись. Живут, ры-
бу добывают. Однѣжды утром видят: у берега, где лодия при-
нянана, два чирка плавают. У чирит теломы сшиблены, на воду
тут же стрела клочется. Вверх смотрят братья и вниз смотрят —
ничего не видно. В шалаш вернулись, говорят:

— Откуда это стрела прилетела? У обих чирков головы
сшибены.

Сестра недра взяла, по воду отправилась. К реке подошла,
спялсь бахрому платка¹ вверх по реке возгнула. Видит: сверху
лодка плывет, два человека уток промышляют — Верхнеобский
Богатырь со своим товарищем. Женщина воды зачерпнула в об-
ратно пошла. Дома братья все толкуют, откуда стрела взялась.

— Ты ничего не видел? — сестру спрашивают.

— Верхнеобский пратель ваш с товарищем уток промыш-
ляет.

— Та! А мы, сколько их смотрели, ничего не видели.

К реке вошли, вверх смотрят. Смызко ни глядели, никакой
лодки не увидали. Вернулись, говорят:

— Никакой лодки нет.

— С такими-то глазами, как у нас, разве что увидишь!

На берег вышла сестра, сивозь бахрому платка посмотрела.
Лодия как тут плывет, видно, как неслава люди загребают, раз-
говор слышит. Верхнеобский Богатырь говорит:

— Что это за посолок неславомый виднелся? Жилет ли кто
там? Смотри-ка, у лодок люди ходят.

В это время оба брата толпе на берег вышли. К сестре подошли. Всплы, чуть видно, весла на солнце поблоскивают.

— Ну, из такой дали чирков убьди! — братья удивились.

Немного погодя лодка подвезала. Люди чирков своих звали.

— Послушай, выйдем на берег, посмотрим, что за люди живут.

— Ну что же, выйдем.

К берегу причалили, из лодки вышли. Вадит Верхнебобский Богатырь — это его родственники нареченные. И невеста тут же стоит.

— Давая в сторону отойдем, — Богатырь товарищу шепнул.

Отшли. Богатырь говорит:

— Зайля к ним, сирок, отдадут сестру или нет?

Товарищ в шалаш зашел, спрашивает:

— Люди, сестру отдадите или нет?

— Милый дружок, а мы-то тут при чем? Вот как в прошлые раз виделись, договорились, а она с другим человеком уехала. Из-за нее тогда чуть жизни остались. И теперь вдруг пообещали, а она опять куда-нибудь спрыснет. Той товарищ тогда, пожалуй, нас и вовсе убьет. Сам, если столкуется, пусть берет. Разве мы ее держим? Если захочет — пойдет с ним, мы пережить не станем.

Сая к товарищу вернулась.

— Ну, что говорят? — тот спрашивает.

— Да, говорит, пусть идет, если хочет. Думается мне, что не хотят отдавать.

— Ну давай, выйдем! Пусть останется.

В лодку сели, поехали. В одном месте вылет: на берегу женщина сидит. На голове у нее шляпка шелковая с бахромой.

— Кто это сидит? — товарищ Богатырю говорит.

— Пранк на другую сторону, — Богатырь отвечает.

Тот лодку повернул, спрашивает:

— А ты не видел, кто это был?

— Нет.

— Невеста твоя долго сватанная.

— Ты! А я и не узнал ее.

— Возьмем ее в лодку? — товарищ спрашивает.

— Довольно, кай! Пусть остается, не надо.

— Меня позвольте! — женщина кричит.

Не стали ее слушать, уехали. Так и осталась. Долго ехала, коротко ехала, опять ту же женщину на берегу увидали.

— Посмотри, сплела сидит! — товарищ Богатырю говорит. — Возьмем ее, такая настоящая женщина!

— Не надо, довольно о ней, правь па ту сторону.

Едут дальше. Немного проехали — опять сидит!

— Давая возьмем ее, — товарищ упрашивает. — Уж очень настойчивая.

— Хватит, поворачивай к тому берегу, надоела она!

Женщина осталась.

— Ну, подождите, — говорит.
Платок с головы сдернула, над водой потрисала. Вода все загорелась. Обь во все ширину огнем запылала.

— Эй, гроби скорей! — товарищи кричат — Огонь сяди, сна-

дите!

— Не бойся, — Верхнеобский Богатырь ответил. Неслом по воде туща-скола повесила, огонь погас. Живущия, увидев это, крикнула:

— Ну, подождите! Когда я в наш поселок ирину, там от

домов шивка одной не останется, котел сварить не на чем будет! Верхнеобский Богатырь обернулся, посмотрел, ничего не ска-

ла. Снайп к псу повернулся, ладные гребят. Дочкой приеха-

ли, живут там. Однажды с нижней стороны черная туча под-

нялась. Люди в городке говорят:

— Хули туча идет. Нижний паш потемнее свисел.

Петер надеется, пока халить стал. Тучи еще больше разоняла,

из тучи вооруженный богатырь на землю соскочил. Люди в го-

родке за оружие похватались, навстречу ему выбежали. Битая

начали. Кого ухватит богатырь, тот на две половинки распада-

ется, кого залепит — крошке наделает. Товарищ Верхнеобского

Богатыря с ним схватился. Долго боролись, наконец повалил.

— Тавитесь ремень! — кричат. Принесли ремень, руки-ноги бо-

гатыря связали, всего ремнями обвели. Люди товарищу Верх-

необского Богатыря говорят:

— Спасибо тебе, от беды нас избавил.

В то время лежащий потянулся, напрялся — все ремни враз

лопнула. На ноги вскочил, снова на людей набросился.

— Песи к косяку скорей! — народ товарищу Верхнеобского

Богатыря кричит, — буди его! Пусть идет. Этот всех нас по-

решает!

Тот побегал. Верхнеобского Богатыря будить стал:

— Пятакой скорей!

— Чего ты набрелся, зачем будишь?

— Незнаетный богатырь народ наш убивает, или скорей!

— Или прочь, спать хочешь. Связи его, пусть лежит! Сира-

вистов с ним не связывай, кто же?

Товарищ Верхнеобского Богатыря из юрты вышел, к месту

биты побегал. Видит: пуще прежнего дерутся. Народу побито —

счета нет. Кто в крови лежит, кто плачет, кто обессилел

решет!

— Идет войдя?

— Да нет, спят!

Сам с упрямством схватился. Долго боролись, все-таки по-

валил на землю. Огнь ворования, ремни лоскутами сар-

матными скрутил:

— Ну, теперь эти ремни пускай порвет!

Народ товарища Верхнеобского Богатыря окружил, за спа-

сение благодарит:

— Вот спасибо! Эти ремни теперь не порвет!

— И прошлый раз ты грозилась: «И городок твой яришу, от домов щепок не останется, огонь разжестя нечем будет». Где же теперь сила-то твоя вся?

Женщина в ответ на слова не говорит.

— Я нарочно из юрты не выходил. Мой ремешок повзрять по смотла, вот твоя и сила!

Женщина с Перхнебским Богатырем жить осталась. Девочка у нее родилась. Долго жила, коротко жила, стали часто между собой браниться. Муж что скажет — жене не по прыгу приходится, жена что скажет — мужу не по думо. Все у них худо выходит.

Однажды богатырь калдав взял, к реке пошел. Вскр по Оби отлежал, сетку в воду пустил, сплавляться стал. К поселку когда приблизился, сетка за что-то зацепилась, лодка воды захерпнула и перевернулась. Люди увидели это, плакать стали. Невод опустили, неводили, неводили, но выловили. Товарищу Богатыря говорит:

— Пойди скажи жене его, что муж ее утонул.

Тот пошел, женщина говорить стал:

— С плохой несудьёй к тебе пришел. Муж твой калдапить поехал и утонул. Мы невод пустили, да не пашли, видно, водой увесел

— Какой черт его возмет? — женщина отвечает.

— А ты, видать, и рада? — сказала и из дома вышел. К народу вернулся. Народ плачет, кричит:

— Где мы теперь такого вождя себе пайдем?

Сколько ни неводили, сколько ни искали, вождя не пашли. Устали, бросили искать. Тогда женщина из дома вышла. Ишла вкля, идет по воду. Сколь бахрому платка в воду пометрела. Нашли она: муж ее у Витнасы-старухи и старика в гостях сидит, чай с ними пьет.

— Вы чего тут стараетесь, — она людям говорит, — чего радуетесь?

— Это мы-то радуемся?! Ты не знаешь, что ли? Оттуда мы теперь такого вождя возмем?

— Пождь нам куда делся?

— Он из лодки выпался, утонул.

— А что же он здесь у Витнасы-старухи и старика сидит, чай с ними распивает?

Богатырь усмехая, воляя, что жена его пашла. Рассердился. А женщина тихонечко домой пошла.

На воды зловтя белка выжириула, на берегу моет людьми подпрыгивает. Люди белку ловить стали, белка от них побоялась. Позади, за домом, высокая лиственница росла. Белка к этой лиственнице бросилась. Люди белку ловят, она из рук выскальзывает. На лиственницу взбежала. Собралась лютя, стала толковать. Один человек говорит: «Истрелим ее, другой говорит: «Так поймать лютя, такую белку разве можно бить?». Ронили за женой вождя послать.

— Погляди, — одному говорит, — погляди се, она-то уж наверно бежит.

Товарищ Вернеевского Богатыря за женщиной побегал.

— Иди скорее!

— Зачем?

— Там такая хорошая алая белочка прыгает, ты-то уж наверно ее изловишь!

— Ну, и сами идите!

Богатырь повернулся и ушел. А белка то вниз спустится, то опять вверх бежит. Когда спустится, все ловить ее бросаются. И то время женщина из дома вышла:

— Вы чего здесь делаете?

— Милая женщина, иди скорее, поймай ее! Такая хорошая белочка здесь.

— Где вы белку увидели? — женщина говорит. — Это совсем для меня нелегкий труд. Это он нас всех мучит.

Повернулась и домой пошла. Вернеевский Богатырь, на истощенные силы, услышал это. Рассердился, человеком обернулся и опять спрыгнул. Люди замолчали, на место замерли.

Богатырь домой побегал. Дома жена сидит, денечку грустно жерит. Богатырь ворвался, меч сжал, на женщину замахнулся. Та над мечом серокой взялась и в окно вылетела. Богатырь из дома выскочил, на копя вскочил, за ней выгнулся. Женщина сободем обернувшись, лалые бежит. То вбегает, обернется, то ласкает, то собою под приют. Богатырь, за ней тоньше, оданым стариком увидел. Старик у огня сидит, весь грязью покрыт. Спрашивает:

— Внучка, куда бежишь?

— Кто с тобой, грязный собачий, разговаривать станет? Грязью-то весь зарос! Не ступи я с тобой говорить.

Далее побегал. Бежал-бежал, ночь наступала, он в темноту бежит. Невзможно ему увидеть. Слышит, старик говорит:

— Выбрался? Всю ночь ты у меня в рукаве бежал, теперь всю дырку содрал.

— А ты кто такой? — Богатырь спрашивает.

— Я вчера тебе спрашивал, а ты со мной и говорить не захотел. Куда ты бежишь?

— За женой погнался.

— Но почему?

— А почему?

— Выходи дух ваш вместо жить не может.

— Отчего не может?

— Врешь с сестрой жить нельзя?

— Нет, я ее все равно люблю.

— Хочешь — бери, но только ступай: она тут недалеко, у Первого Духа железный лук и стрелы попросила. До того места доведи, если услышишь, что лук и стрелы взяты, не ходи дальше.

— То! Зря только она железные стрелы погубит.

Дальше пошел. Одианкы хвятий след увидеа, по следу идет. Дель идет, друний идет, вдруг слышит голае:

— Послушай, останиски! Тут впереля улаа ест, а на нем железный лук со стрелами остава. Ели там еще ола, то дальне гонис, а ели изти, то не ходи, домоу возвращайся!

Верхосебский Богатырь дальне пошел. На уала позлялся, видит: из-под снега железный лук и стрелы торчат

— Ну, бери их,— голос снова слышнется,— смотри не потрий вольаа!

— Я не потеряю!

Дальше отворился. Далеко шел, близко шел, в одном месте видит: на железных цепях Семужольный Горюк висит. Желе его в этом городке висит. В городке людей много. На самом краю юртючка стоит, у окна старик сидит, локтем на подоконник оперся. Богатырь думает: «Это, верно, вождь их сидит». Стрелу на лук неложил, стреле говорит:

— Я тебе вую, ты этот Семужольный на Цепях Новисший Горюк весь разнеси. Если не сделаешь, так всю тебя расщиплю.

Лук пятапула, стрелу пустил. Слученная титина, как гром, загрелела. Слышит Богатырь, старик говорит:

— Эа, внучки, тетяка его что-то худа стала! Опять он напортил, опять худо сделал.

Стрела вверх позлялась и зарубкой вниз опускаться стала. Титиенчик надет. «Это черт так устривает,— Богатырь думает,— что стрела моя так летит». Стрела потихоньку опусталась, к старку подлетела, и локти прихватила и помисла. Старик локоть почесал, говорит:

— Откуда комары жились?

Почесываясь, взглянула, стрелу увидела. Схватила ее, назад нащипала. «Видишь:

— Эй, послушай, а вчера тебе говорил: не ходи дальне. Зачем назад не вернулася? Теперь ешь стрелу зарубкой вперед меж глаз тебе пушу, тут тебе и конец будет. Лучше добром волями стрелу назад.

Стрелу бросла.

— Теперь яму вырой, сам в яму ляг.

Богатырь яму выкопал, лег в нее.

— Глаза зжирый,— старик нежит.

«Ну, что-то и делать не стану,— Богатырь про себя думает,— глаза закрыты!»

Старик позлялся, из юрты вышел. Ораом обернувся, черет палисад перелетел и вверх подниматься стал. Вокруг города орма раз облетает. В то время над городом гремя белыми быками заприжженная парта ползлялась. Богатырь смотрит: в парте Толпа-ойка сидит. Орел на парту опустался, человеком снова сделался. Белую парку надел. Из парты меч вытасил. «Что этот лед довать хочеть?»— Богатырь думает. Старик меч подлил — только свист разнесся. У Верхосебского Богатыря в глазах потемнело, в голове помутлялось. Долго ли без памяти легая, не домия.

Очнувшись, кверху глянул: городка как и не бывало, на том месте, куда город упал, озеро появилось.

Богатырь на ноги встал, озеро кругом обвел. На снегу след жены увидел, снова по следу пошел. До Казыма пошел, вверх по речке пошел. К верхнему подходить когда стал, адала жону увидел. Нище прежнего бежать неустал. Нагонять когда стал, стрелу пустил. И там место, куда стрела упала, скала поднялась. Богатырь на лух оперся, вперед прыгнул. На землю опустился, видит: перед ним жена стоит.

Говорит женщина:

— Семикрылый, семирукий, Верхнего края Богатырь. Верхний Дух, отец нам, нам вместе жить не велел. А женить если начнем, ли ты со мной, ли и с тобой справится все равно не сможем.

— Отныне ты здесь жить будешь, — Верхнеобский Богатырь сказал, — а народ твой в глухарных шкурах будет!

— Спасибо, что телую жону нам дал. А твой народ в холода, как волк придирожные, пусть мерзнет!

На этом и разошлись. Верхнеобский Богатырь в свой поселок отправился. После его ухода женщина в Илксимыль отправилась. Еще когда она в Семингольном, на Семи Цепях Появистом Горшке была, тогда дочь свою с братом в Илксимыль отправила. Теперь в Илксимыль пришла, старший брат ей навстречу вышел.

— Девочку твою, — говорит, — менка украд, в ялу бросил. Ниже поселка в ее из воды выловил, на дерево повесил!

Женщина заплакала, сказала:

— Ну что же сказать. Пусть там и остается. А теперь, милый братец, прощай. Пойду и в верховья Казыма. Там мое место будет.

В верховьях Казыма поселилась. Онажили Аут-отыр на нее навал. Слова не сдержал, войной пришел. Биться стали. Долго бились, все воины Аут-отыра погубил, он один остался. Борются сновались. Вскоре женщина Аут-отыра на землю повалила.

Говорит:

— Сказала я тебе — не любишь ко мне, а ты пришел. Теперь без меня не отлучу.

Ник ваяла, один глаз Аут-отыру выколола.

— А сейчас поменяемся.

Дерево срубил, на семь граней затесал, человеческой кровью помазал. Появились.

— Теперь, — женщина сказала, — после нашей войны если ко мне придешь, живым не отлучу. Пока знаком только помнута, озноглазым сделала, в следующий раз — живым убию по думай!

— Боюсь не идти, — Аут-отыр отстал. — Спасибо, что хочешь живым отпустить.

Попрощались, разошлись. Теперь нажал в своем месте живет. Женщина в верховьях Казыма жить осталась. «Первый Казыма-речки Великая Женщина» — зовут ее. Казымского народа предок она.

145. Два сына Сибирской Женщины
Резаное Железо

В одном углу семидесяти семи миров появилась каменная гряда — Уральская гряда. Родился сын, рожденный Сибирской Женщиной Резаное Железо¹. [Вскоре у нее родится второй сын².] От отца ли произошла — не знают, от матери ли произошла — не ведают; нет у них отца, нет у них матери.

Вышли на улицу. Крикнули семикратным криком своему отцу-батюшке. Ворочат. Разбросали глазных птичек, осмолелись³; в далекое море, в далекий туман живет Трескотный Искра Искра. У него есть дочь, у девушки с косами заплетена коса, у девушки с волосами заплетены волосы. Два сына, рожденные Сибирской Женщиной Резаное Железо, идут свататься.

Пошли, пошли охотиться на гусей и уток. Отпрямились к обской воде, легли спать, переночевали. Старшему брату не спится, он ворочит, видит: к ним подкрадывается вражеское войско. Выскочил из своего лога. Взял в руки лук и стрелу, жлет. Брати спрятался. Снова забрался в лог, жет. Лег и уснул. Его как будто кто толкнул. С помощью воробы видит: опять подкрадываются. Выскочил из лога и видит: подкрадываются. Взял лук и стрелу. Подкрадываются, приближаются. Он сел, чтобы их дождаться. Брати идут, идут. Он натянул свой лук и выстрелил. Когда выстрелил, по черн стрелы слышалась десят тысяч мужчан. Будет своего младшего брата, брат спит. Говорит: «Брат, найдем, а то нас убьют».

Когда они пошли, встретили стаю уток, стаю гусей. Младшего брата пропустил вперед. «Иди первым», — старший говорит. Брат выстрелил и одна добыча двадцать или тридцать штук. Старший говорит: «Много ли добыча?» Сам выстрелил. Одной стрелой убил тридцать или сорок тысяч штук. Это была им вышка на дорогу.

Ехали, ехали. Вышли на берег поест, попить. Видят: висит привисанный полог. Они подумали, что здесь есть люди. Люддей нет. Спрашивают маленьких дитяшек:

— Ваша тетка⁴ находится далеко или близко?

Дети говорят:

— Наша тетка находится далеко, не увидит вам ее ни в снегу, ни в облачной погоду.

За такие слова сына детей убил. Не поел и дальше поехал. Ехали, ехали, вышли на берег: жимет старая женщина. Старый женщина говорит:

— Два сына, рожденно Сибирской Женщиной, едут-то вы поздравите, да на себя найдется! Маленький Старик Купец Курочный Хлеб, Горловой Хлеб так сказал: надеетесь на себя — ищелайте, не надеетесь на себя — не едите!

Старуха она глумилась веслом на две части. Ноги быстро сели в жодку, чтобы ехать дальше, не нивали, не носил.

Ехали, ехали и вот увидели город. Подъехали к нему: висит он, подобно носу облака. Приблизился к нему. Нет ни одной щели, чтобы проникнуть в город. Обратились они с призывом к своему отцу, свет-батюшке, чтобы дал им жару. Добрый бог дал жару. Иссяк водою, живущих в городе, опалило.

Стали жители носить воду, чтобы умыться. Ворот города открыли, вымыли, выкупали и воле старух и стариков. Потом вывели дочь Лесного Илола высотой в три сажени, шириной в три сажени, служившия и слуги стали ее купать. Принесли к воде, и воду послышала; дети мужичьи бросили ее в лодку и уехали. Когда ее уносили, служившия и слуги спрятались.

Жена Лесного Илола высотой в три сажени, шириной в три сажени начала искать свою дочь, а дочь ее унесла. Сильно ее вину! Искали, искали, не нашли. Стали ругать служивших и слуг:

— Куда вы ее несали?

— Мы, — говорят, — не видели, не знаем, — говорят. А она и говорит:

— На земле, в куче сора живущий мохнатый червь, — он ее и увез. Нужно, — говорят, — ее искать. Надо идти по следу, где наступит, там и отобьем ее и приведем обратно.

Собрала народ со всей деревни, и они отправились догонять. Мужичьи, поттигипно делунку, подождали их. Идешь, ждешь, дальше поехали, переночевали, а дно реки нбля жердь, погрузили ее в воду и стали ждать едущих сзади людей. Когда то подъехали, наткнулись на жердь и застряли. Старший брат оборнулся рыбной и караулит их под водой. Подъехали сзади едущие мужичьи и тоже застряли. Богатыря, их к себе не подпускает. Вынырнул он из воды в образе рыбыны и пустил из лука стрелу. Поднял свой костяной лук, сделанный из рогов семи быков-олений, и выстрелил: наизлал на черен стрелы двадцать тысяч мужичи. Второй раз выстрелил. Стрелял, стрелял, и врагов осталось совсем мало. Он говорит им:

— Позвращайтесь обратно. Я богатыря, назначенный богом, — говорит, — и могучий герой. Не надейтесь, у меня ничего не отнимите. Любого богатыря приведем, ничего со мной не сделают, ему меня не ополать. Если даже когда-нибудь и придете, никогда амы не прощайте меня своей силой.

— Уйти-то мы уйдем, а ты все-таки жди! — говорит. — Служи семь лет мы снова придем.

И вот два брата-богатыря отправились домой. Отправилась дочка, домой прибыла. Легла спать. Длого спала. Проняла неделя. Однажды послышалась вражеское голоса, враги приближаются. Жена будит старшего богатыря, он не просыпается. Ткнула его в бок тонким пажиком, проснулся. Проснулся, вышел на улицу. Осматривается, воронит: где-то жут. Он пришел домой, поил, поел. И опять вышел на улицу, на деревенскую площадь. Забрался на городской столб¹, алая свой костяной лук, сделанный из рогов семи быков-олений, поднял его, начал втра-

лять. Стрелял, стрелял, целый месяц стрелял. Сколько тысяч перестрелял, не знает. Одавады его жена заметила, что теплая думя у него ослабла, не живет.

Поняла будить младнего зятя, а он все еще спит, спит с тех пор, как прибыл домой. Как ни будит своего младнего зятя, он не просыпается. Она ткнула младшего зятя тонким ножом, которым выкола своего мужа, тот и проснулся. Проснулся. Она говорит младшему зятю:

— Истайна, твоего старшего брата убяли!

Младший зять вышел на улицу, осматривается. Старшего брата нигде нет. «Что делать?» Пошел к себе в дом. Пошел, пошел, с одной и той же покусил, пошел искать старшего брата.

Шел, шел, долго шел. И вот наконец показались враги прямо перед его глазами: идут полным ходом. Он к ним приблизился. Его старшего брата бросили на землю, брат совсем обессилел. Он старшего брата оттащив домой, а сам бросился вперед и стал их догонять. Догонял, догонял и прошел мимо них.

Старик Кунен Куроначий Хлеб, Горюхой Хлеб повернул назад, и снова схватили старшего брата, которого подолбили раньше. Младший обогнал их, возвратился назад, догнал. Когда он их догнал, видит: его брата собираются убить. Он пошел туда.

Как ни пытается прогнать зарубить его брата мечом, поднимает меч, но не попадает. Как ни рубил, ни разу у него не попал. Как ни бьются, ни возит, никто из них не может влезть вверх.

— Что будем делать? — говорит.

Они схватились, возлились, возлились, и сила у них кончилась.

— Давая помиримся! — говорит.

Помиримся. Разошлись в разные стороны. Помиримся.

— Теперь, — говорит, — что мы будем друг с другом соединять?

Тут и младший богатырь помирится со Стариком Кунцем Куроначий Хлебом, Горюхой Хлебом. И разошлись в разные стороны.

Старший брат пошел домой, домой пришел рано. Полеет. От старшего героя родилась дочь, от младшего героя родился сын. Они выросли, повзрослели, оба стали в величину конницы, в величину мужичины. Долго жили, коротко жили, кто знает. И вот призовет Младший Старик Кунен Куроначий Хлеб, Горюхой Хлеб к старшему богатырю, чтоб убраться его дочь. Старший богатырь разведет его замысел с помощью пощечины.

— Что делать? — говорит. Справляется жену:

— Жена, — говорит, — как же мы отдадим нашу единственную дочь?

Жена отвечает:

— Не сын, старик, ночью или днем нас могут убить.

Старик поставил на крышу дома мушкетера, дал ему в руки лук и стрелы, чтобы пугать людей, которые придут спастись.

Маленький Старик Купец Куропачий Хлеб, Горловой Хлеб ведет свое войско. Приблизился к деревне, поспешил туда. Говорит:

— Как нам вырастить девушку?

Старший богатырь свою дочь, спрятал. Ночью подошла к деревне и стала разрушать снаружи плетнями и молотами ограду города. Старший богатырь проснулся. Стал кричать голосом доброго плота, голосом злого идола. Одни мужчины просят с той стороны города:

— Пустите меня в город!

Старый герой спрашивает его:

— Ты человек какой земли?

— Я, — говорит, — человек теплой земли.

— Ты, — говорит, — по какому делу сюда пришел?

— Я, — говорит, — принес тебе только три слова, поэтому пусти меня в город!

— Ты, — говорит, — вовсе не человек теплой земли. Ты пришел украсть молодую девушку, обладающую иголдой медяничной с кольцом, медяничной с серьгой. Ты вовсе не человек теплой земли, ты сын непещного богатыря, похищающего мясо вшей. Я, — говорит, — не отдам тебе мою дочь. Верхний бог, свет-батюшка, когда пребывает на небе, пускает сажины, бросает стружки, и из них появляются люди⁴. Я лучше им отдам свою дочь. Свою дочь и не отдам тебе, я еще и у тебя возьму.

Люди, приехавшие сватать, поехали обратно. Поехали обратно — богатыря с ними не было, вернулись домой, жалуется:

— Украли дочь Лесного Идола высотой в три сажени, шириной в три сажени, украли нашу тетюшку, поэтому мы должны отомстить и похитить нашу тетю. Пойдемте мстить, — говорят.

Пошла, тронулись в путь. Шли, шли.

— Как нам войти в деревню?

Приблизился к деревне, заночевали. Люди в деревне спали. Пришедшие стали подкапываться под деревню. Дед сына, рожденного Сибирской Женщиной Резавое Железо, находился в городе, ночью не спит; лежит на вишневой постели, на багряной постели, никак не может уснуть. Заметил: сотрясается черная земля. Женщина кинит воду. Вскочила вода. И вдруг враги появились из одного отверстия. Стали они их обнимать кинитом. Гибнут враги, совсем мало их осталось.

Младший богатырь вышел на улицу. Долго ходил, коротко ходил. Когда он обозревал землю и воду, сади послался вниз и крик. Младший богатырь вернулся в свой дом, спрашивает деда:

— Что случилось?

Отвечает:

— Так и так, дорогой сын богатыря, сын богатыряши. Ты куда ходил? Твоего старшего брата похитили. Тria человека убили его через десь, где проходил ты.

Говорит жене:

— Почему ты его отпустила? Надо идти след за ним,— говорит.

Слою брошу обилья ледяной волой, холодной водой. Шагает над-вперед по дому. Когда он так шагала, пол под ним прогибается, как тонкое дерево, как слабое дерево. С потолка неслось сыпаться. Потом вышел на улицу, бродит, шныгает по теплой земле, проваливаясь до середины голени. Жена говорит:

— Сын богатыри, сын богатыря! Почему ты так долго собираешься? Твоего старшего брата убьют там, куда везут его,— говорит.

Муж с женой попротася.

— В пути,— говорит,— или жая оставусь, или погибну,— говорят.

Тропулся и пошел. Когда он шел, ступал по каменистой земле, как будто по земле Урала, проваливаясь до середины голени. На каменистой земле, на земле Урала выросло громадное дерево, достигающее неба, достигающее земли. Идет, ползается ав деревья, трется между громадными столбами: звенит хвоя хвойных деревьев, ввенит кора корястных деревьев. Долго шел, коротко шел — догнал своего старшего брата. Старший брат чуть

пошел. Старик Купец Куропачий Хлеб, Горлового Хлеб победил и скрылся. Он погнался за ним, стал его преследовать, старшего брата отправил домой:

— Иди домой!

— Брат,— говорит,— неч у меня силы идти домой.

Они вместе погнались за беглецом. Гнались, гнались, дорога сделала крутой поворот. Он мимо них и проскочил. Оказавшись впереди, встретил старшего брата и убил его. Подосел илаз-ный брат. Смотрит: старшего брата убили. Догнал (убийцу), и они начали драться. Бились, бились, семь лет бились. Сын, родившийся Сибирской Женщиной Резавле Железо, отпустил мужчину, который убил его старшего брата, и сам пошел назад.

Сын, рожденный Сибирской Женщиной Резавле Железо, пошел домой. Кричит своему отцу, свет-батьюшке. Говорит:

— Назначь мне место для жительства!

Его отец, свет-батьюшка спустил ему слово-место.

— Иди,— говорит,— к обской воле, ищи себе сам угольное то-бе место на мысу богатыри, на мысу богатырей! — говорит.

Он и пошел. Шел, шел. В том месте, где он шел, семь Обей слились вместе. И сел он там в устье слянившиеся семи Обей¹. Селась он на том месте полную деревню, полный черех. И сел он в свою полную деревню, в свой полный город. Пускает пель-ми, пускает осетров, кормит белстужных дочерей, кормит бед-стужных сыновей. Поселился он там, как живущий под водой облавлять пушного богатства, как живущий под водой облава-вать рыбного богатства.

— Разрешаю ловить в сомнительные семь странах, в семиде-

елти водах бодяноголовым голонастым пельмам, разорши ила-
вать голонастым пельмам с маленькими голонами, дай чешетси,
дай шашетси твоим бедным дочерям, твоим бедным сыновьям! —
крикнул он своему отцу-батькине.

Его отец спустил ему семь подушек, семь перин. И зовит
богатырь на мужское ложе на семи подушках, на семи перинах.
Он выпускает диких зверей с длинными хвостами, выпускает
диких зверей с короткими хвостами. И когда он так заснит,
сплохо есть людей и семидесяти семи землях, всех их корчит,
всех их ищет. Для своего отца он приготовил семь бочинков
лика, семь бочинков браги. Своему отцу-батькине устроил сиа-
щенную траншею, наполнил.

146. Трехсаженный Лесной Идол

В деревне ли, в городе ли жили-жиливали два брата богаты-
ри. В конце деревни, в конце города жили старик со старухой.
Они были очком Младший Богатырь, вышел на улицу и вошел
в их дом. Старик и говорит Младшему Богатырю:

— Богатырь, в далеком месте, в далекой стороне говорит о
дочери Небесного Крайнего Пятидесятого Богатыря. Ее имя —
Серебряная Смородина — Золотая Смородина, важная богатырица.
Тобю какались три коня верхов ее коровичной козыбелки,
тобю какались три коня ее сыновьяльной козыбелки¹. Ее по-
хитил и взял к себе Трехсаженный Лесной Идол. Он живет на
берегу Оби.

Возвратился Младший Богатырь к своему старшему брату
и говорит:

— У Небесного Пятидесятого Богатыря говорит об одной
девушке. Имя ее — Серебряная Смородина — Золотая Смороди-
на, важная богатырица. Она похищена Трехсаженным Лесным
Идолом. Город Трехсаженный Лесной Идол расступился по
Оби на семь плесов. Верхний конец его городских бревен кас-
ается верхнего плеса, нижний конец городских бревен опира-
ется на нижний плес². У Трехсаженного Лесного Идола живет
столько народу, сколько персти на северном олене, столько
шерсти на собаке. И начал три конца веревки ее коровичной
козыбелки, и начал три конца веревки ее сыновьяльной козы-
белки. Не пойдешь ли ты, старший брат, со мной сватом?

— Ох, брат, — отвечает ему Старший Богатырь, — я по побуду.
Тогда Младший Богатырь просит Старшего:

— Ты, старший брат, пречетайся в топольный камеш. Если
встретится человек, пальнувший анка по реке, и если у него за-
туплен нож, то пусть он да тебе этот нож поточит. Если вверх
плущий человек будет с затупленным мечом, то пусть он на
тебе и этот меч поточит.

Младший Богатырь собрался один и отправился в город
Трехсаженного Лесного Идола. Долго идет, коротко идет. Как-то
остановился и говорит себе:

— Я, так шагая, куда иряду?

И превратился в медведя. Бонад, безная, опять остановился и думает: «И, так шелея, куда ирпаду?» И сразу превратился в змею. Змеей пола, пола, снова остановился:

— Шелеста по сухой траве, а куда ирпаду?

После этих слов превратился в ворона и взлетел. Летел, летел, наконец прилетел к городу Трехсаженного Лесного Идола.

— Как я заберусь в этот город, достигающий верхнее небо? Превратился в горнистая, начала подниматься по стене города. Поднимался, поднимался, когда колты его износились, повернула обратно. Внизу нашла дыру, изнутри ход иррел и через него вышла наверх.

Прили в город Трехсаженного Лесного Идола, Младший Богатырь попросил отца Иум-Турума напустить жару на семь людей. Когда наступила жара, жена Трехсаженного Лесного Идола — Серебряная Смородина — Золотая Смородина, важная богатырша, вышла на берег Оби купаться. С собой она взяла семь женщин. Разделась, вошла в воду. В это время Младший Богатырь горнистаем взял в ее одежду.

Высушившись, она взяла одежду, говорят воловие:

— В мою одежду каной-то зверя залез!

Золотка взяла одежду и начала ее трести.

— Ничакого зверя нет, — отвечает ей женщина.

Горнистая в ее одежде не мог больше терпеть. Он выскочил, превратился в медведя, схватил Серебряную Смородину — Золотую Смородину, важную богатыршу, взял ее зубами, побегая с ней в лес и унос ее к себе.

Тем временем Трехсаженный Лесной Идол спал. Проснулся и спмывает: его жены нигда нет. Поднялся и спрашивает:

— Кто знает, куда пошла моя жена?

— Идола ты слал, — отвечает ему ворона, — сделалась семанисольная жара. Твоя жена пошла на Обь купаться. Там подиной ее войкала.

Трехсаженный Лесной Идол видел панцирь, меч, прыгнул в воду. На волн яруга обжигондился. Стая дратис с водными. Губит, рубит. Прошла неделя. От водяного остались одни куски.

— Нет в животе водяного дух пос мой жены, семисаженных нос, — издохнула Трехсаженный Лесной Идол и поднялся наверх. Снова спрашивает ворону:

— Куда унесла мою жену?

Ворона ему отвечает:

— Твоя жена унесона семью стариками-лешими.

Трехсаженный Лесной Идол налещет панцирь, меч и идет в лес грматься с женщинами. Неделя прошла. Кусочки мяса стариков-леших в город надают.

— Нет в животе стариков-леших двух нос, семисаженных нос моей жены, — говорит он.

Над ним воробей летает. Трехсаженный Лесной Идол спрашивает его:

— Дорогой, милый воробей! Не видел ли ты мою жену?
— И тебе так не скажу, — воробей ему отвечает. — Если и это знаю, то не скажу, и если не знаю, то тоже не скажу. Ты когда пойдешь на охоту, если добудешь. Но если я захочу съесть канюлю воров, то ты своим луком, стрелой и хитростью будешь со мной драться.

Трехсаженный Лесной Идол идет дальше. Долог идет, коротко идет — не знает. Однажды над ним ворона летит. Трехсаженный Лесной Идол говорит вороне:

— Дорогая ворона, не знаешь ли ты, где моя жена?

— Если я и знаю, не скажу, если и не знаю, не скажу. Он дальше идет. Сорока летит. Трехсаженный Лесной Идол спрашивает:

— Дорогая, милая сороченька! Ты не знаешь ли, где моя жена?

— Знаю, знаю, Трехсаженный Лесной Идол, — отвечает ему сорока.

Обрадовался Трехсаженный Лесной Идол и говорит:

— Я тебе поставлю семишниковое ведро³ с рыбьим жиром. Ставлю семишниковое ведро с рыбьим жиром. К ведру прива-
туса сорока и стала клевать.

— Скажи, сорока, где моя жена?

— У Пшанковданского Младшего Богатыря⁴. Там твои
друзья.

Трехсаженный Лесной Идол ловит сороку за хвост, бросает на землю и убивает, а сам возвращается в свой город.

Стал Трехсаженный Лесной Идол готовиться и крахмально с Младшим Богатырем. Когда он готовился воевать, месяц был вверху над облаками. Когда собралось войско, месяц спрятался. С войском он пошел воевать против Младшего Богатыря.

Серебриная Сморщина — Золотая Сморщина, важная богатыря, вышла на улицу, увидела приближающееся войско, вернулась в дом и говорит Младшему Богатырю:

— Какое-то войско к нам приближается, какие-то гости идут. Как будто вершина срубленного дерева сюда движется.

Младший Богатырь оделся, надел панцирь, взял меч и вышел на улицу. Враги приближаются. Трехсаженный Лесной Идол впереди войска идет, по бедрам себя постукивает, говорит:

— Мой Младший Богатырь! Много ли, мало ли выстоит твой дом, сделанный из теста?

Младший Богатырь лук натянул и пустил первую стрелу. Трехсаженный Лесной Идол подполз на высоту трех выстрелов, потом свалился и ушел в землю на глубину одного локтя. Затем встал, побежал обратно.

Младший Богатырь лук натянул и пустил вторую стрелу. Трехсаженный Лесной Идол вылезал вверх на высоту одного выстрела, потом ушел в землю на глубину одного локтя. Снова подполз, начал бегать и снова драться.

Младший Богатырь опять лук натянул и пустил третью стрелу. Трехсаженного Лесного Идола на этот раз унесло в чистое место. Младший Богатырь теперь начал драться с войском Трехсаженного Лесного Идола. Прошло три дня. Младший Богатырь посылает Серебряную Смородину — Золотую Смородину, наипую богатыршу, к старшему брату. Пришла она к Старшему Богатырю и спрашивает его:

— Не пойдешь ли ты помочь своему младшему брату? У твоего брата жидкое мясо с пальца уже сорвано³.

Старший Богатырь лежит и так говорит:

— Если у моего брата нож иступится, пусть он сам придет и на моих боках трое чистит⁴.

Жена младшего брата обратно вернулась и говорит Младшему Богатырю:

— Твой брат не идет помогать. Он так говорит: «Если твой нож иступился, то ты на его боках наточи».

Младший брат дальше продолжает сражаться. Проходит три дня. Младший Богатырь второй раз посылает свою жену к Старшему Богатырю. Старший брат-богатырь так говорит:

— Если меч моего младнего брата иступился, пусть об меня наточит, а брат быстрым сделается.

Жена Младшего Богатыря вернулась и передает мужу:

— Твой старший брат так говорит: «Наточи твой меч об него, и ты быстрым сделаешься».

Младший брат опять начал драться. Три дня прошло. Он снова отправляет свою жену к старшему брату. Жена в третий раз пошла к Старшему Богатырю. В третий раз она несла чашку с медом лукугодового перебоя, а в левой — свежую кровь рыбы. Она пошла в дом. Старший брат соскочил с пропаты, — Обратно иди, — говорит — и готов!

Остались сам. Старший Богатырь, оседая лошадь и поехал собирать войско. Долго ехал, коротко ехал, вошел в черную землю. Под черной землей пел, пел, отверстие напел. Через это отверстие вышел плетень, на землю. С ним семь мужчин-родственников туда пришли. Семь мужчин-родственников пошли к своим матерям. Потом семь мужчин-родственников пошли к своим отцам. Собирались все вместе, пошли к Нум-Торуму. Старший Богатырь его спрашивает:

— Дорогой господин! Не подарить ли мне золотой кнут? Дорогой господин, отец мой! Не подарить ли мне золотой топор? Муж-отец, живущий в семи странах! Не подарить ли мне жену-мать теплой воды?

Нум-Торум подарил ему золотой кнут, подарил ему золотой топор, подарил ему мешок живой воды. Старший брат пошел обратно. С ним вернулась семь мужчин-родственников, семь матерей этих мужчин и семь отцов этих мужчин. Все они пошли помогать Младшему Богатырю.

Теперь уже Старший Богатырь стал преследовать войско Трехсаженного Лесного Идола. Вскоре он видит: все семь муж-

чий-родственников убиты. Матери семи мужчин и отцы сем мужчин тоже убиты. Войска Трехсаженного Лесного Идола вытащили один глаз Младшего Богатыря, отрезали одно ухо, ног его заволокли в мешок, спитый из лошадиных шкур, и повел с собой в свой город. Старший Богатырь тогда обегает войск и бежит в город Трехсаженного Лесного Идола. В этом город были живые существа⁴. Старший Богатырь вошел в дом из них бегство, убил их, а сам сел на их место.

Вскоре и войско Трехсаженного Лесного Идола вернулось в этот город. Чтобы накормить живых существ, они через окна забросили мешок, спитый из лошадиных шкур, вместе с Младшим Богатырем.

— Мы,— говорит они,— принесли живой глаз, принесли живое ухо, живую ногу и живую руку.

Старший Богатырь развязал мешок, смотрит: его младший брат в этом мешке лежит. Он разгладил брата из мешка и отдал, и мать его живой водой. Младший брат-богатырь ожил. На следующий день старший брат стал драться с войском Трехсаженного Лесного Идола. Вот он борется, борется, люди расступаются, деревья расходятся. Долго борется, коротко борется, он покуда наказывается на что-то острое. Он ударит золотым топориком, золотой топорик ломается. Старший Богатырь спрашивает:

— Кто ты такой?

— Я — князь, живущий в нижнем мире⁵. — тот ему отвечает. Борьба продолжается. Наконец князь, живущий в нижнем мире, ушел сквозь землю. На третий день Старший Богатырь снова борется с войском Трехсаженного Лесного Идола. Вот он борется, борется, люди перед ним расступаются, деревья расходятся. Долго борется, коротко борется, однажды наказывается на что-то очень острое. Старший Богатырь ударит золотым кнутом — золотой кнут ломается. Старший Богатырь спрашивается:

— Ты какой-нибудь царь-старик?

— И Обской Царь-Старик⁶.
Снова борьба продолжается. Долго дрались, коротко дрались. Обской Царь-Старик в воду упал. Только круги по воде разошлись. Старший брат снова с войском Трехсаженного Лесного Идола борется. Вот он борется, борется, назад смотрит: парой за ним смыкается, деревья за ним смыкаются. Он вперед по смотрит и видит: и нему бежит его младший брат-богатырь. За ним гонится двое мужчин — Трехсаженный Лесной Идол и Острый Богатырь Середины Города. Но вот они заметили Старшего Богатыря, от дороги отскочили, в разных направлениях разбежались. Старший брат-богатырь и младший брат-богатырь вместе сходятся. Старший брат-богатырь говорит младшему:

— Ты види, преследуй Трехсаженного Лесного Идола. Я буду преследовать Острого Богатыря Середины Города.

Начав они преследовать своих врагов. Старший брат преследует Острого Богатыря Середины Города. Гонит, гонит. До-

гоняет, где настиг, на том месте убивает. Потом поворачивается назад, тула, где младший брат-богатырь дерется с Трехсаженным Лесной Илод оплохивает на землю младшего брата и садится на его грудь. Из кармана он вытаскивает живое животное и хочет промолоты им горло брата-богатыря. Тогда младший брат-богатырь говорит ему:

— Ты так плохо хочешь меня убить? Я! — посланный богом черт три дня после моего рожденья!

Трехсаженный Лесной Илод поднимает вверх голову, а младший брат-богатырь в это время ему палец в горло втыкает. Трехсаженный Лесной Илод падает на землю. Младший брат-богатырь садится на него. Так был убит Трехсаженный Лесной Илод.

Тут вновь встретились богатыри-братья: младший брат-богатырь и старший брат-богатырь. Они повернули обратно. Пришли к семи убитым музыкантам-родственникам, оделили их живой водой. Потом вошли к матерям семи мужчин, их оплакали; пришли и к отцам семи мужчин и их оплакали. Все они вошли дальше. Долог шёл, коротко шёл, наконец пришли домой.

*Продолжение песни.
Недели ели, недели пали.
Я там ела, я там пела.
Тот мой негаша била,
Вот моя сказка была.*

147. Богатырь Пенелычка

В одном селе ли, в одном посёлке ли живет Богатырь Пенелычка, его имя — Натум-нара-дьянт-ойка¹. Есть у него внук, маленький внучек. Сам его воспитывает. Это бедный мальчуган. Кормит он своего внука постями сухой рыбы и тем, что сам найдет. Так и воспитывает. Внука еда-еда шатает, мал еще. Однажды внучек говорит своему деду:

— Сядешь мне стрелу, хочу поиграть.

Богатырь Пенелычка сделал ему стрелу из сердечными перьями, сделал ему лук из сердечными перьями. Внучек пускает стрелу тула-сюда внутри дома. Но на другой день он уже вышел на улицу. Богатырь Пенелычка не отпускает его далеко от дома. Не разрешает уходить и говорит внуку:

— Внучек, далеко не ходи!

Однако внучек, уходя стрелу, далеко от дома ушел. Смотрят: пришли люди на улице в кольцо играют². Они заметили его, кричат, зовут его к себе:

— Богатыря Пенелычка внучек, ты такой большой стал! Иди играть с нами!

Тут один из играющих подложил кольцо себе на ногу, бросил его внуку Богатыря Пенелычки. Внук Богатыря Пенелычки в это

время размышляет: «Кольцо сюда летит, привлетит — я его рукой поймать». Кольцо к нему урлетется. Внук Богатыря Невелечки поймал кольцо. А оно в руке сверкает и сияет, блещет! Теперь внук положил кольцо себе на ногу и говорит:

— Я это кольцо обратно брошу. Пусть оно ударится, пусть оно разобьется! Мне богатства не надо. Мне бог мой, отец мой, весла песни нести в народ, сказку нести в народ.

Внучек пустил своей ногой это кольцо, и оно, сверкая, летит. Ударилось кольцо и разбилось. Тут изрядные люди ему говорят:

— Какая хитрости! Такая сильная рука, такая сильная нога! Почему не ищешь своего отца, имея такую силу? Отец твой убит по ту сторону Урала войском семи богатырей. За деревней, на черниге большой листенницей, ветер развевает кожу с волосами, синтую с головы твоего отца.

Рассердился внучек, побрел за деревню. Подошел к большой листеннице, смотрит вверх на ее макушку: правда, висит узко свисевши выветрившиеся кожа с головы. Угле большие рассердился внучек, домой пошел к делу. Пришел домой. В доме схватила саблю деда и ею зарубил деда. Однако смотрит — дед в дверях прыгает, ничего его не задолло. Внук подбежал к дверям и снова зарубил деда. Но с дедам опять ничего не случилось. Он в дверях жавится, прыгает. Дедушка тогда и говорит внучку:

— Внучек, ты зачем так бьешься, так плохо играешь?

— А зачем ты увел куда-то моего отца и мою мать? Я теперь сиротой живу.

— А ты говори: «Мой отец и моя мать умерли. Отец мой убит войском, пришедшем из-за Урала».

— Ты почему об этом молчал?

Дед отвечает ему:

— Руки твои еще немощны, ноги твои еще бессильны. Поэтому тебе ничего не спазя.

Дедушка взял в первый раз отгу дома большой кулак. В нем были сила, дух и нольчута. Все это дед отдал внучку и сказал:

— Падевай!

Оделся внучек, еле-еле свои ноги передвигает — такой он еще маленький. Наступило утро. Внучек взял с собой оруженосца. Пошли они вдвоем. Идут, разговаривают:

— Уток убивать будем.

Если они в лодку и поехали вдоль маленькой речки. Плавают, смотрят: не кроме илеса кулик сидит. Внук говорит оруженосцу:

— Пушкой стреляй! Попадешь ила не попадешь?

Оруженосец пустил стрелу и раздробил голову кулика.

— Э, — внучек говорит, — если встретится нам какал-нибудь добыча, если и воли встретится — убивай!

На другой илсе поехали. Туля приехали. На нем другой кулик ходит. Оруженосец опять пустил стрелу и кулика и голову кулика раздробил.

— Что попадет нам, все равно не останется, мы уйдем!
Дальше поплыви. Долго, чертоты плали по речке, однажды к берегу пристали. Внук говорит оруженосцу:

— Ты здесь посиди. А я на берег схожу. Здесь есть утиное озеро, и уток покараулю.

Поднялся внучек на берег. Смотрит: в озере три женщины купаются. Ему пришла мысль: которая понравится и сердцу моему мила будет, ту женщине саблей прижму. Выбрал он женщину. Саблей ее прижал. Женщина говорит ему:

— Может быть, ты, мохнатая шкура, из-за Урала пришел?

— Он не отпускает ее и ничего ей не говорит. Женщина его снова спрашивает:

— Наверно, это ты, выращенный завернутым в пазухе шкуры?

Отпустил он женщину. Она говорит ему:

— Бычыл нога, звериная нога, по ту сторону Урала на востру раздвывается мохнатая шкура?

Внучек теперь стал ее мучить. Он сказал:

— Мы убили всех мужчин, живших по ту сторону Урала.

Тут женщина что-то начала махать, мыть. «Месте что-то собирает. Вместе женщины ведают, вместе их мост. Эту воду мылила на вьука. Внучек к лодке пошел, пришел на берег. Оруженосец стал ругаться на него:

— Ты к женщине ходил! За Уралом все равно нас убьют.

Если они в лодку и поплыли домой. Осень наступила. Речка льдом покрылась. Однажды из-за Урала войско пришло. Внук в то время в доме сидел. Бабушка у него в голове склала. Оруженосец на улице, в начале города, с примешанным войском сражается. Дрался, дрался, домой прибежал, говорит внучку:

— Скорее иди, войско вот-вот в город войдет.

Внучек не идет. На другой бою голову повалил, бабушка проползает искать в его голове. Оруженосец слял дрался, дрался снова домой к внучку прибежал. Прибежал домой, просит внучка:

— Иди скорее! Вот они уже в город заходят!

Внук все равно не идет. Оруженосец опять один с войском сражается. В третий раз домой прибежал, слезно просит внучка:

— Иди, иди! Я совершенно обессилел. Если не придешь, я гибну.

Трижды приходил оруженосец звать внука. И вот слышно, как он прочь убегает. Только тогда внук взял стрелу, взял лук, надел кольчугу, в реку пошел. Идет — не пристой, оказывается, Богатырь Неведучка! Прибежал туда, где сражаются. По пришедший из-за Урала человек слял его саблей. Дед поднял внучка и говорит ему:

— Уголи! Кто тебе всеял приходит? Тебе шал дома сидеть.

Дед взял стрелу, лук и убил всех людей. Лишь несколько человек сохранилось. Три дня сидел внучек дома, потом говорит:

— Надо идти догонять скрывшихся врагов.

Ночью он их догонял. Далеко бежали, далеко шел, дотиха убегавших. Убил несколько человек. Но две женщины и трое мужчин еще дальше убежали. Дале из них появились и вошли в каменный дом. А один еще далеко ушел. Когда виучек дотигал его, тот превратился в камень, и убить его стало невозможно.

Ночью виучек зашел к мещанину. Но пути ушел прорубь и дондился к ней. Саблю и прорубь опустил — вода совсем кровью стала. Сам в дом пришел. В доме слышится разговор старухи:

— Доченька, сходи за водой. Немного погоди брат твой придет и нас без воды застанет.

Денушка сидит, не идет за водой. Старуха снова ей говорит:

— Почему ты не идешь? Вот-вот сын придет. Как же нас без воды застанет!

Денушка не идет. В третий раз старуха дочери сказала:

— Почему ты не идешь? Прят придет. Если нас без воды застанет, тогда хорошего от него не жди.

Послушалась девушка, взяла ведро и пошла к реке. Ненадолго ушла, вернулась и дик и непра без воды на пол поставила. говорила:

— Вода нет, в проруби кровь.

Старуха слышит: кто-то посторонний в доме есть. Она говорит:

— Откуда-то пришел герой, откуда-то пришел богатырь! Пысисти прорубь, зять-герой, зять-богатырь!

Сходил виучек к реке, саблю и прорубь опустил, и в проруби ничего не стало, совсем чистая вода. Вернулся с берега, опять в дом вошел и спрятался. Тут в дом вошел мужчина и говорит:

— И доме другим, чужим духом пахнет!

Старуха отвечает:

— Что тут было! Мы чуть было без воды не остались. Но

сердись, это зять и пахнет в доме.

Еще один мужчина в дом вошел, говорит:

— И доме другим духом пахнет, а доме чужим духом пахнет.

Кто пришел?

Мать ответила:

— Тихо, не сердись. Это зять-герой, зять-богатырь, пришел

де ружь.

Третий мужчина в дом вошел, говорит:

— В доме чужим духом пахнет, кто-то чужой пришел?

— Не сердись! Так имя какое, это зять-герой, зять-богатырь.

Попалось нало, зять!

Вышел из укрытия виучек Богатыря Невзлички. Подоронались, пощелкались, обнялись. Сварили большой котел свиного мяса, медового мяса. Едят, пьют. Семь дней так продолжалось. Однажды виучек говорит:

— Мне сегодня домой идти захотелось.

Пупых ему отвечают:

— Разве мы тебя держим?

414

Жена говорит:

— Иди. Только возвращайся сюда на седьмой день.

— Пусть он придет до посади на лыжи свежей инуры выдры. Если не придет, будет убит.

Пошел инучек. Шел, шел. К его бoku прилипла красная белка. Инучек бросил в нее стрелу, а белка прицепилась к другому его боку. Стрела ее не задела. Ишь день метал, метал стрелы — и сыжку не попадет. Возле него жена вдруг засмеялась, говорит:

— Со мной ты блуешься. Потому тебя мучаю, что ты меня в прорубь саблей погружал. Ты меня мучил, теперь я тебя мучаю. Теперь больше ничего из добычи не падесть. Домой иди, готовь дом. На седьмой день я приду.

Отправился инучек в свои места. Пришел домой, дом себе поставил. Между тем всходило семь дней. Жена его сюда пришла. Жена столько вещей и оленей привезла — словно лес! Со всеми людьми они селились, стали жить вместе и согласны. И теперь живут с женой и процветают.

148. Сказание о походе

Богатыря Собольного Волоса,
Звериного Волоса Домашнего Друга

Богатырь Собольного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг, его средний брат — Дух Ходящий-Летящий Мысль, их младший брат — Иксевский Первый Соболь. Богатырь Собольного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг долго жил, коротко жил. Почью лег спать. Не идет к нему непробудный сон. Встает. Выходит на улицу. Идет на задворки дома с задворками. Скот. Делю стою, коротко стою. Настука не видно приближения войск со стрельми, нисткуда не видно приближения войск с луками. Когда он так стою, на задворки дома с задворками опустился ворон. Ворон говорит:

— Богатырь Собольного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг! Зачем стережешь на улице темную ночь Нуныла, темную ночь Торума?

Богатырь отвечает:

— Не засну я темной ночью Нуныла, темной ночью Торума.

Ворон говорит:

— Богатырь Собольного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг, о, если б ты не сердился на меня! Я принес тебе весть.

Богатырь отвечает:

— Зачем я буду сердиться из-за того, что ты принес мне весть? Мне весть пужна.

Ворон говорит:

— В земле-то, далекой земле, в воде-то, далекой воде живут семь богатырей по имени Волта Лежащие Косатые. Их младшая сестра — женщина с косами восходящего солнца, женщина с косами заходящего солнца.

Ворон говорит:

— Ислепитый богатырь, славный богатырь! Вот женщина, достойная тебя. Съезди бы ты туда. Эту весть я принес тебе.

Ворон улетел. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг плачет в дом, докучает спать. Долго спал, коротко спал. Вспомнил. Будет оруженосца:

— Оруженосец, иставай!

Встал. Спрашивает:

— Какое дело?

Богатырь говорит:

— Собери парод со всего героического города, со всего богатырского города. Я сообщу важную весть.

Оруженосец ушел. Долго ходил, коротко ходил. Народ собрался на улице. Пришел богатырь Дух Ходившей-Летавшей Мысли. Говорит:

— Люди, почему вы стоите на улице? Заходите в дом.

Дух Ходившей-Летавшей Мысли концом меча распахивает двери. По дому поворачивает. Когда он так поворачивал, острым мечом от полозья откалывал куски дерева, из которых можно сделать поварешку, куски дерева, из которых можно сделать плетину. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг говорит:

— Дух Ходившей-Летавшей Мысли, мой младший брат! С какими гнев далеющей гневную мыслью ты ходишь?

Ничего не ответил ему младший брат и молча сел. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг говорит:

— Ночью никак не мог я заснуть. Вышел на улицу. Пошел на задворки дома с задворками. Стою. Когда я стоял, на задворки дома с задворками спустился ворон. Ворон говорит: «Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг! Чего ты идешь ночью на улице?» Я отвечаю: «Не идет ко мне ночью непробудный сон». Ворон говорит: «Я принес тебе весть. Можно ли мне молвить?» — «Почему не молви, говори!» Ворон говорит:

«В земле-то, далекой земле, и под-то, далекой воде живут семь богатырей по имени Волга-Лежачие Косытые. Их младшая сестра — женщина с косами восходящего солнца, женщина с волосами заходящего солнца. Вот женщина, которая достойна тебя, ислепитый богатырь, славный богатырь!» Ради этой вести я и собрал вас.

Дух Ходившей-Летавшей Мысли говорит:

— Земля-то, далекая земля, вода-то, далекая вода! Почему не лезишь? Съездишь. Во главу поиска пойду и!

И еще говорит:

— Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг, мой старший брат! Одну военную лодку ты спряди. Одну военную лодку я снаряжу.

Люди вышли на улицу, распадались по домам. Ночь жила, день жила. Стенная, Богатырь Соболиного Волоса, Звериного

Волоса Домашний Друг ложится спать. Долго спал, коротко спал. Оруженосец будит его. Присыпается. Едят пищу из чумана, едят пищу из блюда. Одевается. Одеся, срядялся. Идет к реке. Уже приготовлены две ивичные лодки. Бонны расгелись. Он тоже садится. На реку вышли четыре спаренные лодки. На берегу парод собрался. Одна женщина говорит:

— Эй, богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг! Если принесешь младшую сестру семи богатырей Волга Домашних Косатых, одну свою руку отдашь мне.

— Ты, пропавшая денка, если выйду на берег, не соберу тебе доскутеев твоей шубы доскутими!

Долго едут, коротко едут. Пристают к речному мысу, удобному для нарт, подчаливают к речному мысу, удобному для лодок. Расправляют свои руки, прошедшие далекую землю, расправляют свои ноги, прошедшие далекую воду. Вышли на берег. Долго едут, коротко едут. Отдыхают. Едят пищу из чумана, едят пищу из блюда. Послышался стук едущих лодок, послышался стук гребущих ног. Показался богатырь Русский Пясец. Подъехал. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг говорит:

— Русский Пясец, друг, куда едешь?

— Я к тебе еду. Вель ты отправился искать женскую страну, исхоженную женщинами, отправился искать мужскую страну, исхоженную мужчинами. Будем друзьями!

Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг говорит:

— Будем друзьями!

Вместе едут. Долго ехали, коротко ехали. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг говорит:

— Подчалим к речному мысу, удобному для нарт, удобному для лодок.

Подчалили. Вышли на берег. Расправли свои руки, прошедшие далекую землю, расправили свои ноги, прошедшие далекую воду. Идут. Долго едут, коротко едут. Отдыхают. Едят пищу из чумана, едят пищу из блюда. Послышался стук едущих лодок, послышался стук гребущих ног. Показался богатырь Кремлевый Грохочущий Лук. Подъехал. Говорит:

— Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг! Куда едешь, друг?

— Куда еду! Еду искать женскую страну, исхоженную женщинами, еду искать мужскую страну, исхоженную мужчинами. Кремлевыми Грохочущий Лук! А ты куда едешь?

Кремлевый Грохочущий Лук говорит:

— К тебе еду. Будем друзьями!

Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг говорит:

— Будем друзьями!

Почтвая. Дисто ехали, коротко ехали. Длинную землю проехали, короткую землю проехали. Явились к городу семи бо-

гатырей Волта Лежащих Косатых. Под самым городом к берегу причалили. Едят пищу из чумана, едят пищу из баяда.

К приходу военных лодок стены города семи богатырей Волта Лежащих Косатых обросли льдом. За такие стены рукой не уцепишься, в такие стены ногой не упрешься. Дух Ходишей-Летающей Мысли встает. Соболиного Волоса, Зверинного Волоса Дошапный Друг встает. Русский Плясун встает. Кременевый Грохочущий Лук встает. Дух Ходишей-Летающей Мысли говорит:

— Невозможно подняться в этот богатырский город, в этот героический город. За эти стены рукой не уцепишься, в эти стены ногой не упрешься. Если суждено нам быть прославленными в песнях, если суждено нам быть прославленными в сказках, мы поднимаемся на верх этого богатырского города, этого героического города!

Дух Ходишей-Летающей Мысли пошел. Вслед за ним двинулись три богатыря. Навстречу им семь богатырей Волта Лежащие Косатые в одну ногу забрались на трих городских стен. Со всех сторон сбрасывают вниз множество бревен. Дух Ходишей-Летающей Мысли отбивает их концом меча. Бревна с высоты города летят на середину лодочной реки, летит на середину несельной реки. Все бревна кончились. Семь богатырей Волта Лежащие Косатые вынули множество стрел, оперенных перьями курнотки. Дух Ходишей-Летающей Мысли вниз мечом ударит — вниз отбичет, вверх мечом ударит — вверх отбивает. Кончились множество стрел, оперенных перьями курнотки.

Дух Ходишей-Летающей Мысли взбирается наверх. Богатыри Соболиного Волоса, Зверинного Волоса Дошапный Друг, Русский Плясун и Крепкий Грохочущий Лук идут в центр героического города, богатырского города. Направляются в пригород города с пригородом. В пригороде города лежит большой камень. Дух Ходишей-Летающей Мысли, в песнях прославленный человек, в сказках прославленный человек, концом своего богатырского меча сворачивает тот камень. Камень был настолько тяжел, что семь человек не могли его с места сдвинуть. Он один своротил. Поднимает камень концом меча и бросает через голову. Упал камень на середину лодочной реки, на середину несельной реки. Семь богатырей Волта Лежащие Косатые айдат: упал камень на середину реки. Говорят их старший брат:

— Мы больше нежить не можем. Прекратите бой. Дух Ходишей-Летающей Мысли бросил камень, лежащий в пригороде нашего города с пригородом. Он очень сильный!

Его младшие братья говорят:

— Если ты прекратишь бой, мы тоже не будем сражаться.

Семь богатырей Волта Лежащие Косатые входят в дом. Дух Ходишей-Летающей Мысли входит в дом, за ним входят и остальные три богатыря Вошаи. Поздоровались. Сели. Корят их пищи из чумана, корят их пищи из баяда. Четыре богатыря

выпал на уайцу. Идут на рену к своим людям. Приходит. Ночь спали. Проклял день. Посылают свягом богатыри Русского Пласуна. Русский Пласун приходит в дом богатырей Волта Лежащих Косатых. Говорит:

— Пришел я вам досажать, пришел я вас допимать.

Семь богатырей Волта Лежащих Косатые сидят с опущенными головами. Долго сидели, коротко сидели. Говорит:

— Если дадите черного, красного зверя...

Русский Пласун отвечает:

— Дадим.

Семь богатырей Волта Лежащих Косатые говорят:

— Если Дух Ходившей-Летавшей Мысли отдаст свою одежду, мы отдадим свою сестру. Нам пужна его кольчуга.

Русский Пласун идет обратно к реке. Пришла. Дух Ходившей-Летавшей Мысли говорит:

— Какую вещь принес, какую новость принес?

Русский Пласун говорит:

— Просит черного зверя, просит красного зверя.

— Черного зверя, красного зверя дадим.

Русский Пласун стоит с опущенной головой. Дух Ходившей-Летавшей Мысли спрашивает:

— Чем ты опечален? Что ты узнал еще? Говори!

Русский Пласун отвечает:

— Дух Ходившей-Летавшей Мысли, просит твою кольчугу.

Дух Ходившей-Летавшей Мысли посидел немного и сказал:

— Что ж, ради мужчины, который сменяет женщину, отдам.

Снимает с себя кольчугу. Опоясывается поясом из ropes. Пятьдесят оруженосцев поднимают кольчугу, несут в город. Все

идут в дом семи богатырей Волта Лежащих Косатых. Устраивают свадебный пир, чтобы всему поселку наесться, чтобы всему

городу наесться. Пируют семь дней, пируют семь ночей. Их люди

возвращаются на реку. Дух Ходившей-Летавшей Мысли оста-

ется. Соблавленного Волоса, Зверного Волоса Домашний Друг

оставляет. Дух Ходившей-Летавшей Мысли сказал:

— Где младшая сестра семи богатырей Волта Лежащих Ко-

сатых? Пойдем туда.

Пошли. Долго шли, коротко шли. Входит в один дом. В се-

нях дерутся два человека. Дух Ходившей-Летавшей Мысли по-

дошел к ним, схватил их и говорит:

— Не деритесь! Где младшая сестра семи богатырей Волта

Лежащих Косатых?

— Если отпустишь нас, скажем.

Отпустил. Заходит в дом. У порога висит полог из шкурок

молодого оленя. В переднем углу висит полог с изображе-

нием крылатых зверей, погастых зверей. Богатырь Соблавленного

Волоса, Зверного Волоса Домашний Друг сидит в задней ча-

сти полога. В котел накрошили мяса священной рукастой-нога-

стой серебряной птицы. Мясо священной рукастой-нога-

стой серебряной птицы сверилось. На один конец блюда положили жеп-

...

ский нож, на другой конец блюда ножом мужской нож. Поставил блюдо в палог из шкур молодого осетра. Девушка говорит:

— Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг, сив!

Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг сел. Едят пищу из чумана, едят пищу из блюда. Дух Ходившей-Летающей Мысли говорит спохват:

— Когда доведет тебя на реку, твой старший брат — богатырь Волта Лежащий Косатый должен спать с себя кольчугу и отдать тебе. Если он не отдаст, ты скажи ему: «Земля-то, далекая земля, вода-то, далекая вода! Как же я поеду голый?»

Дух Ходившей-Летающей Мысли идет на реку к своему народу. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг остается у своей жены. Утром жена будит его. Встают. Умывается. Поел пищи из чумана, поел пищи из блюда. Выходит на улицу. Люди уже на берегу собрались. Пошла туда. Пришел к своему народу. Оттуда отправился в дом семи богатырей Волта Лежащих Косатых. Угощают их пищей из чумана, угощают их пищей из блюда. Прощаются. Идут к реке. Приданое младшей сестры семи богатырей Волта Лежащих Косатых переплывает в лодки. Везут младшую сестру семи богатырей Волта Лежащих Косатых. Младшая сестра семи богатырей поднялась на берег, остановилась и сказала:

— Земля-то, далекая земля, вода-то, далекая вода! Я голая не поеду. Если старший брат возвратит кольчугу, тогда поеду.

Ее старший брат сшил с себя кольчугу. Передал ее оруженосцу поднял кольчугу и отнес на реку. Младшую сестру семи богатырей Волта Лежащих Косатых отвел вниз. Рядом с ней сел богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг. Четыре веселье лодки вышли на речной пристор. Долго ехали, коротко ехали. Подчалили к берегу. Расправляли свои руки, расправляют свои ноги. Едят пищу из чумана, едят пищу из блюда. Садятся в лодки. Богатырь Кремлевый Грохочущий Лун остается здесь: он сам человек с землей, он сам человек с водой!

Долго едут, коротко едут. Подчаливают к берегу. Выходят из лодок. Расправляют свои руки, прошедшие далекую землю, расправляют свои ноги, прошедшие далекую воду. Едят пищу из чумана, едят пищу из блюда. Садятся в лодки. Богатырь Русский Плавун остается здесь: он сам человек с землей, он сам человек с водой.

Долго ехали, коротко ехали. Годов семь ездили, лет семь ездили. Богатырь Соболиного Волоса, Звериного Волоса Домашний Друг с женой и с людьми подвезает к своему героическому городу, к своему богатырскому городу. Приехал в свой героический город, в свой богатырский город. Идет на берег в свой героический дом, в свой богатырский дом. Младшая сестра семи богатырей Волта Лежащих Косатых следует за ним.

Со всего гербского города, со всего богатырского города отоскочу бегут женщины, отоскочу бегут мужчины. Бегут сморять молодую жену именитого богатыря, славного богатыря. Иесь народ на берег собрался. Люди на двух военных лодях выгружают на берег припасное имущество. И дом богатыря Соболиного Волоса, Зверного Волоса Демьяниного Друга собирается народ. Устраивают свадьбу, чтобы всему населку встаться, чтобы всему городу наестся. Пьют медовое вино, пьют пьяные иппа. Пируют семь дней, пируют семь ночей. В самом геройском городе, в самом богатырском городе и теперь благоденствуют, и теперь счастливы.

149. Атуман и Соловара

Жил Атуман¹ со своим товарищем Соловара. Однажды Атуман к отцу подошел, руки ему на колени положил, говорит:

— Отец, такого богатыря, как я, знаешь еще?

— Нет, — отец отвечает, — не знаю.

Подошел к матери, ей рука на колени положил:

— А ты, мать, знаешь еще такого богатыря, как я?

— Нет, — говорит, — не знаю.

Пошел тогда к жене. Спрашивает:

— Может, ты, жена, про такого богатыря, как я, слышала?

— Слышала, — жена отвечает. — За семью морями, за семью землями у одной матери тридцать богатырей. Минут го тридцать богатырей в одном городе.

Как то слово Атуману в уши пало, так стал он собираться идти, тех богатырей проводить.

— Пойду, — говорит, — посмотрю, каковы богатыря.

— Ну что ж, пойдй, — жена отвечает, — сходи. Придешь к ним, будут они тебя угощать, мухоморов подадут. Три короба мухоморов принесут, ты их съешь, а под конец увидишь на одной ножке семь мухоморов — их не ешь смотри. Если те семь мухоморов на одной ножке съешь, то больше мы с тобой не увидимся.

Распрощался Атуман со своей женой, с матерью да с отцом и отправился. Долго шел, коротко шел, но однажды все же добрался. Верно: для гостя еды приготавля, угощать стали. Мухоморов подали. Три короба съел, до последнего мухомора дошел. Думает: «Эти семь мухоморов на одной ножке и есть не буду, а один кусочек поворобую. Один кусочек съел, а дальше и чувствовать перестал. То ли жив, то ли нет, не знает».

Проснулся он в темном месте. Солнца нет, и месяца нет. Совсем темно. Сколько времени спал, не знает и, куда попал, тоже не знает. А дело-то так было: пока он спал, тридцать богатырей его под землю опустили, да там и оставили. Теперь, как проснулся, стал выход искать. Бродит в темноте как лопало, дороги найти не может. Так бродя, две палочки нашел. Взял он эти две па-

дочки, соединила, из волоса струну сделала, натянула и заиграл. Какие только песни есть, все играет. Как птицы поют, как звери да рыбы живут, так и играет.

У тридцати богатырей сестра была. В отдельном доме с двумя девушками жила. Одна из девушек раз за водой пошла. Спустилась она к реке — смотрит: сколько рыб, сколько птиц, зверей разных собралось, точно комаров. Рыбы столько скопились, что воды зачерпнуть невозможно. Собрались все и слушают, а из воды атуны какие-то доводятся. Девушка ведро немного в сторону отнесла, поставила, думает: «Дай послушаю». Спустилась к воде, прислушалась, а верно: такая музыка хорошая из воды слышится! То-то рыбы, птицы и звери собрались: слушать приятно.

Постояла, постояла. «Ну,— думает,— довольно, пойду». Пришла домой, ее спрашивают:

— Где была столько времени, куда ходила?

— Никуда долго не ходила, до берега только.

— Как же не долго?! С того времени, как ты ушла, три дня прошло!

— Нет,— отвечает,— быть не может, чтобы я столько времени ходила.

— Верно, три дня минуло, как ты по воду ушла! Ты что там увидела, что три дня пробыла?

— Что увидела? Рыбы, птиц, зверей разных там столько собралось, точно комаров! Из-за рыб воды зачерпнуть нельзя. В воде такая приятная музыка слышится, что слушаешь и оторваться нельзя. Ну, я немного там и послушала.

— Ну, найдем,— сестра богатырей говорит,— я тоже послушаю.

Стали собираться. Как одеваться начали, так под полом музыка слышалась. Призо под своим домом играет кто-то. Сестра богатырей вынула тут издуну булавку и ею по столу чиркнула. И сразу появились два богатыря с медными допатами и медными топорами.

— Что тебе нужно? — спрашивают.

— Под пол дороги прокопайте!

— Это,— говорит,— мы сделать не можем.

Тогда сестра богатырей железную булавку вынула и ею по столу чиркнула. Появились тут два богатыря с железными топорами и железными допатами.

— Что тебе нужно?

— Прокопайте вы под пол дороги.

— Это мы можем,— ответили богатыри и копать принялись.

Как прокопали, так из-под земли музыка совсем ясно слышалась. Обе девушки под землю спустились и Атунами там пели. Вышли его намерх, за стол усадили, угощать принялись. Три короба мухоморов поставили. Атуны те три короба съел и семь мухоморов на одной ножке тоже съел. Больше прежней силе тут в себе почувствовал. Пошел он на тридцать богатырей

и всех их перебрал, ни одного не оставил. И дома их сломал. Потом вернулся к дому девушки, сложил его вместе с людьми и несет, заглянул и в карман сузала. Сузала в карман и домой направился.

Долго шел, коротко шел, семь земель прошел, семь морей пересек и вот к дому приближаться стал. Когда совсем близко к поселку был, пахнул мальчина с парточкой. Подошел к нему, видит — у него на парточке три бочонка: один шершавый, один двухдверный да один на четверь.

— Ты что это несешь? — спрашивает.

— Вино несу.

— А какое оно?

— Пьянеют люди, когда пьют его, — мальчик отвечает.

— А ну-ка, дай попробую, чем оно пахнет?

Четвертый бочонек взял, пробку вынул, ко рту поднес. Пока пробовал, весь бочонок кончил.

— А ты куда его несешь?

— Да видишь ли, жил здесь раньше Атуман. И ушел он однажды равных себе по силе богатырей искать. С тех пор как ушел, тридцать лет прошло. Теперь Соловаря за его жену просят. Вот для ширя вино и несу.

— Ну, пойдем вместе, — Атуман говорит.

Потащили они парточку вдвоем и скоро в поселок пришли. Когда в дом входили, Атуман тоже в мальчина превратился. Вошел в дом и в сторонке встал. Думает — не признают. Только жена его говорит:

— А, Атуман, ты вернулся! Так зачем шутишь? Думаешь, не признаем?

Обрадовался Атуман, что жена его признала, из дома выскочил. Там из кармана кинул вино, разважал, дом из него вытащил и рядом со своим домом поставил.

Сестру богатырей он второй женой взял, а другую девушку Соловаря в жены отдал. Устроили они тут шир. И теперь живут, и счастливы.

136. Богатырь Хуринг

Жилет богатырь Хуринг. Когда он жил в своей земле, однажды сказал своему народу:

— Съезжу я добыть лишний толор, лишний котел. Съезжу я на белокозную кормилицу Сыгуу.

Уселся в лодку и поехал со своими воппами. Приехал он на белокозную кормилицу Сыгуу.

В это время возле занора два человека рыбу ловили. Наловили рыбы и стали собираться в обратный путь. Слышат: приближается чья-то лодка. Старший брат говорит младшему брату:

— Слышишь, лодка едет?

Младший брат говорит:

— Что это за лодка? Пусть поближе подкадет.

Появилась лодка. Приблизилась к ним. Узнали лодку богатыря Хурмыга. Пустылся баять. Выскочили на берег. Помчались по дороге к поселку. Но тут вспомнили, что свои рукавицы оставили в лодке. Один из них повернул обратно к берегу. Видит: в лодке богатыря Хурмыга сидят двое юношей, их племянники, незаметно для него за прибрежные кусты сделавшие, ход лодки удерживают. Но успел богатырь Хурмыг подкачаться к мосткам, как он подбежал к своей лодке, схватил рукавицы и крикнул:

— Я же рукавицами возвращался! В другой раз, когда я приеду к тебе, сумею-на и ты сделать то же самое!

Богатырь Хурмыг повернул лодку и двинулся дальше.

В ту пору в поселке Шомы народ был встревожен приближением богатыря Хурмыга с войском, а по ночам охраняли поселок. Две девушки сварили уток, жгли сырое, а коты собакам выспали. Собаки начали гавкать, поднялся страшный шум, и в это время лодку богатыря Хурмыга поднесло к самому поселку. В поселке и в городе люди спокойно спали. Войны богатыря Хурмыга вышли на берег и перебили всех спящих людей. В живых остались только богатыря Щеп-старуха со стариком, их не смогли найти. Богатырь Хурмыг забрал с собой богатства, накопленные для нумыха, накопленные для Худя, захватил с собой двух девушек. Отчалил богатырь Хурмыг от берега свою лодку, и тронулся в путь. Попался в обитаемую или лодку.

В поселке, на который навал богатыря Хурмыг, живыми остались два человека — богатыря Щеп-старуха со стариком. Кончился лето. Лодом покрывшись река. Наступила зима. Прошла зиму. И зима кончилась. Начала студящая весна. Пришел лед. Сели на лодке сидеть. Наступило лето. Богатыря Щеп-старуха со стариком собирают войско. Собрали войско. В начальники подыскали одного человека, по имени Посалит-хум¹. Сварили две лодки, войны погружались в них и поехали.

Едут в верхнюю Сосны, сдут лодку богатыря Хурмыга. Кончился Сосны. Подъехали к гарам. Выскочили на сухом месте. Лодки потащили волоком. Добравшись до реки Хурмыг-я. Сварили свои лодки. Сели. Поехали по реке Хурмыг-я. Приехали к земле богатыря Хурмыга. Подкачали к берегу. Богатыря Хурмыга на берегу реки не оказалось. Две собаки его дом охраняют. Надяли и ушли собакам расклевывающего синца. Поднялись на берег. В доме живут две одинокие женщины. Спрашивают их:

— Где живет ваш муж?

Оказывается, богатырь Хурмыг живет на болоте в пядочном чуме.

— Какими чарам обладает ваш муж?

— Какими чарам он обладает? Сердце и печеньку в лесу хранит. Это и есть его чары. Если не успеет дойти до сердца и печени, убьет его. Если успеет дойти, убить его по емолюете.

Говорят женщины приехавшим воинам:

— С тех пор как он приехал к себе домой, не спим с тобой кольчугу.

Женщины отправились к богатырю Хурингу. Говорят ему:

— Сними с себя кольчугу. Богатыри Щепи-старуха со стариком не нападут на тебя. Сними кольчугу. Без кольчуги нам будет удобнее с тобой спать.

Богатырь Хуринг снял с себя кольчугу. Легал спать. Когда богатыря Хуринг уснул, женщины взяли кольчугу и плотно зашили ее прочными нитками, у стрел расщепили древки, на луко надрезы сделали.

Пришли воины богатырей Щепи. Богатырь Хуринг в полого спит, крепко спит, ничего не слышит. Воины приблизились к unnoticedному чужу. Двое с мечами в руках вплотную подкрались к нему. Хотят они его, спящего в пологе, зарубить мечами. Другие воины приготовились преследовать. Начали они рубить мечами полог, в котором спал богатырь Хуринг. Рубили, рубили — и все попустому месту. Нет никого в пологе. Пустой полог. И тут заметили, что богатыря Хуринг бежит из-под озера. Два воина погнались за ним. Оба они быстро бегали. Вот уже и настигают его. Тут богатырь Хуринг в воду нырнул, под воду ушел. Под водой плывет и путь свой хорошо знает, знает, где выбраться из воды на берег. Преследовавшие его воины направились к концу дороги. Смотрят: богатыря Хуринг выскочил на сухой берег и прямо перед ними пробежал. Говят его два воина. Есть у них луки, есть у них стрелы. Вот уже и настигают его. Богатыря Хуринг снова в воду нырнул. Потом на воды выскочил и дальше побежал. Тогдапустила стрелу в богатыря Хуринга. Стрелой перебил ему поджилки. Присел. Больше бежать не может. Подошли к нему. Он умоляет их:

— Сделайте такую великую милость, отпустите меня!

— Нет нам до тебя дела. Если вон тот человек отпустит, пусть отпустает.

Подошел богатырь Щепи. Богатырь Хуринг сидит на упавшем дереве. Богатырь Хуринг умоляет богатыря Щепи: «Отпустите меня!» Богатырь Щепи не отпускает его. У богатыря Хуринга зуб за зуб не попадает. Богатырь Щепи выхватил меч. Грудь у богатыря Хуринга носом разорубил, сердце и печень сморил съел. Память об убитых детях не дает ему покоя.

Оказывается, у богатыря Хуринга столько богатств: и луки, и стрелы, и мечи, и красивый амуни, и черный амуни. Все погрузили в две лодки. Тула же посидели и деунико. Память по речу Хуринг и Подлежат к другому исходу, слышат.

— Богатырь Хуринг! — кличет его народ через трубку борщевика.

Дряхлые старики говорят:

— Дети, зачем вы зря время проводите?! Ведь говорили мы вам: «Стрелы и луки держите наготове!» Теперь начинаете вы

его прижимать через трубочку борщевника. Пропадаи, пропадаи наши голыш, палец, пальцы...

И завладела.

Войны богатыря Щёна сметают в реку денный прах, сметают в реку изодецкий прах. Ирнезжают в другой поселок и там же в ирах разнесет.

Приехали они к кормилице-Оби, к рыбной Оби. Вниз по Оби поплыли. Добравшись до устья своей речки. Вверх по речке поплыли. Приехали в город, обитаемый богатырем Щёна. Поделити между собой черного ягера, красного ягера. Разъехались по своим местам. И теперь благоденствуют, и теперь счастливы.

151. Богатырь Двух Горных Хребтов

Богатырь Двух Горных Хребтов погрузился на дно озера Туман. На середине этого озера росло восемьдесят больших деревьев. Нанесли туда земли, нанесли туда илу. Построил там деревню. Чтобы построить дом, он нанял тридцать свайчат с каменной грудью. Работники пришли, начали рубить деревья: одни рубят в середине бора, другие — в середине урманя. Им было приказано срубленные деревья перетаскивать на берег, и самому крепко поды. Вершины больших деревьев — тощичной в шесть четвертей, в семь четвертей. Деревья, которые дотопили, они перетаскивают к воде, толстые деревья не трогают, оставили на месте. Работники говорят друг другу:

— Ну вот, разве хватит у нас силы справиться с такими толстыми, могучими деревьями? Пождемте домой, сделаем «ку», чтобы мы вас накормили и наняли. Там скажем: «Силой, приобретением от вынужденного, хмельной силой мы волоком перетаскиваем бревна на берег».

Говорят:

— Когда мы будем есть и пить, сумеем его убить, тогда-то он повернется и наших руках оклещется.

Старший богатырь возражает:

— Он могучий богатырь. Разве пайдется сила одолеть его?

Другой отвечает:

— Какая в нем несодлужная сила?! Теперь у нас есть могучий богатырь, наш Сармын.

Сиранивают Сармына:

— Сармын, ты в состоянии убить его?

Сармын отвечает:

— Почему не убить? Попробуем бить топорами по гробу. Посмотрим, у кого на нас топор глубже всех врежется.

Начали рубить. У ошлого лезние топоры углубляются на дватри палка. У более сильного человека лезние топоры врежется в дерево до самого обуха. У Сармына обух топора скрывается в стволе дерева.

— Сармыя, убьешь ты его или нет, но от твоей руки он погибнет.

Потом они отправились домой, говорят Богатырю Дух Горных Хребтов:

— Приготовь угощение! Толстые бревна вымочили все на-
хлеб ^{сидра}.

Им приготовили угощение. Едят, пьют, сирокляют домашнюю трапезу. Они принесли семь жертв небесному богу Нуи-Торуму. Застрелили игры. Один играет на бандуре, другой выигрывает на журавле ¹. Богатырь Дух Горных Хребтов ослеп на левый свой головной убор. Сармыя это заметил: «Не сидит небось со спятым головным убором». И тут Сармыя спрятался, тайком индрил свой топор и стал подкрадываться. Подкрадывался, подкрадывался. Разве заметит его Богатырь Дух Горных Хребтов? Он расковаривает со своим народом, смеется, детинско играет. Сармыя поднял топор и ударил. Когда он его ударил, череп Богатыря Дух Горных Хребтов повис на шейном хрище. Как только его голова качнулась вперед, Богатырь Дух Горных Хребтов стал скатываться на четвереньках. Когда топор коснулся его шеи, Богатырь Дух Горных Хребтов заревел, и где-то на конце света что-то зашумело. В это время конданская вода стала стоячей, как в курье. Три дня и три ночи стояла она. Когда на третью ночь стемнело, когда снова потекла. Но исечению трех дней и трех ночей стали тыкать Богатыря Дух Горных Хребтов пох жемчужны похемки, вырывают талыаху слышны, как слышат кончики ножей, кончики мечей. Ушли богатыри обратно в свою страну, где они живут, где они почуют. Так и пошиб Богатырь Дух Горных Хребтов.

152. Война на Тавде

На Тавде разразилась война. Тридцать мужичи испугались войны, сбегали ¹. Тридцать мужичи прихватили с собой семь женщин. Приехали сюда, есть нечего. Они отправились в Елау-кино, к устью Тава. Тут они начали отбирать у людей нишу. Там и живут. Стали готовить дук и стрелы. Спускаются к озеру Туиав охотиться на аниных уток. Там, итався добытой дичью, и живут.

Когда они так жили, однажды в этом месте ² срубил деревни. Один охотится, другой дома стрелит. Начали обрабатывать землю. И заехали здесь. Но ничего не могут добыть.

— Сделаем мы божка-пууха!

— Из чего мы его сделаем?

— Мы сделаем его из русской жемчужины, сделаем его в образе русской женщины, вложим в русскую кузлу, похожей на мансийскую кузлу, сделаем женщину с огненными, пламенными руками, нашу бабустку ³.

Вот и сделали божка-пууха.

— Сделаем теперь божика-мужчину, злого сына богатыря-соблаз, глупого сына лесного богатыря, доброго сына нашего ба-
тюшки, мужчину пяти лесных котлов, мужчину шести лесных
погребов⁷.

И живут в этом месте. У них родился один мужчина, редкий
мощный мужчина. Они отправились в лесную деревню и со-
орудили рыболовный забор. Ходят к забору — то один, то дру-
гой. Вот так и ходят к нему все тридцать мужчин по очереди.
Среди тридцати мужчин есть один человек: где найдет медведей,
там их убивает. Недостает только одного медведя до полной сот-
ни. Пошла его мать, повела с собой женщин на сторону лесного
мыса собирать ягоды. На поляне лесного мыса собирают ягоды;
и тут к женщинам выскочил медведь. Испугались женщины или
не испугались, не в этом дело. Мать мужчины, убивающего мед-
ведей, стоит и говорит:

— Смотри, смотри, смотри, медведь, почему ты все бесполез-
но бродишь? Если увидит тебя мой сын, от моего сына тебе не
уйти. Он убьет и съест.

Стыдно стало медведю, и он пошел прочь. Хотя и долго пере-
живал медведь, хоть и долго мучился, все-таки говорит:

— Пойду искать ее сына.

В верхних кротах есть гора Кегимы. Он и направился к се-
редине той горы, галлоном покатился в гору. Не добрался до се-
редины горы, спина свалилась. Второй раз разбежался, достиг
середины горы и чуть выше, снова упал на землю. Стоит под го-
рой и, жалуясь на свою судьбу, кричит своему отцу Нум-Тору-
му — Верхнему Небу⁸.

453. Предание о поселке Леуши

В поселке Лох-Валы два лесных богатыря жили. Долго так
жили, однако дома жить наскучило, на войну идти решили. Со-
брались в япши.

До поселка Вахт доехали, на поселок напали, битвы стали.
Много бились, мало бились, под конец всех истребили. Побитые
воины на месте полегли, оставшиеся в живых разбежались, жен-
щин оставили. Два богатыря из Лох-Валы тех женщин с собой
забрали и дальше поехали.

Долго ездили, коротко ездили, добрались однажды до речки
Оум-я, на поселок напали, битвы начались. Наконец побитые вои-
ны на месте полегли, оставшиеся в живых разбежались. Два
лесных богатыря из поселка добро разное забрали, дальше от-
правлялись. Попадали они по речке Оум-я, в теи временно оста-
вшиеся в живых в две речи острого колы понабили. Береги-
стые лодки богатырей на Лох-Валы на колы поперорились, бере-
ста порвалась, лодки водой наполнились, на дно пошли. Речка
на том месте, на их счастье, неглубокая была. Люди сами на

по воде». Илп-ус-ойка дальше идет, смотрит: Менки-ойка серединой реки идет. Илп-ус-ойка думает: «Не взяла меня. Он еще маленький. Теперь я от него убегу. Стрелу свою и лук свой повешу. Боюсь я не боюсь. Мужчину, которого боюсь, оставлю позади». Менки-ойка говорит:

— Здесь впереди живет мокрая лягушка, кохчет. Я ее затопчу между кочками.

Названный муж лягушки — это Тайт-котль-ойка¹. Он раньше узнал, что Менки-ойка идет его убить. Он сидит лицом к реке и делает стрелу. Тайт-котль-ойка говорит сыну:

— Сыночек, завтра вечером придет Менки-ойка, чтобы убить нас².

Стрелы приготовлены. Отец сыну говорит:

— Сыночек, я схожу на ту сторону Сосыма, на голову себе поставлю сосновую шишку. Если действительно Сосым сердатая, то ты пусти стрелу в сосновую шишку.

Отец ушел на другую сторону реки Сосым. Сосновую шишку себе на голову поставил, назад смотрит: сын стрелу гнет. Отец думает: «Что же случается?» Он назад через реку переправился, спрашивает сына:

— Сыночек, ты почему не пустил стрелу?

Сын ему отвечает:

— Стрела крылась (т. е. опрессина) по имени.

Отец снова ушел на ту сторону реки. Взял сосновую шишку, поставил ее себе на голову. Сын пустил стрелу, попал в сосновую шишку, стоящую на голове отца. Отец обратно переправился через реку, подошел к сыну и говорит ему:

— Сынок, послезавтра придет Менки. Он идет серединой реки. Под горлом есть кусок человеческого мяса³, ты стрелу туда пусти.

Вдвоем живут. Наступил другой день. Вечером сын спит на берегу и смотрит вниз по реке: правда, Менки-ойка серединой реки идет. Юноша взял в руки стрелы, поджидает его поближе. Менки уже близко. Юноша пустил стрелу. Стрела ударилась в человеческое мясо. Менки-ойка упал, вниз свалился, закричал:

— Охир, Охир⁴!

Тут голос его надломился и заглох. Ножи, кист, копел лоса, кусок большого салопта, кусок маленького салопта — все унесло вниз по течению. Теперь там река⁵, и острова имеют названия: Ножны-остров, Кисет-остров, Копел Пояса — устье реки, Большая Салог-остров, Мьялевый Салог-остров. Унесло и бедро Мелюва. Из него образовался данный плес иблил посаска Алатумб. До того как Мелюва закричал, южнее деревни «хала люди в большой лодке. Когда он закричал, лодка зачерпнула воды и затонула вместе с людьми. На этом месте образовался остров. Его назвали остров Погружения Лодки.

155. Скала Сброшенной Лосиной Головы

В старие времена был городок. С каким бы оружием ни пришел враг, а городок тот войти не может. Городок на вершине скалы стоял. Снаружи железным частоколом¹ огорожен был. С какой бы стороны враг с луками и стрелами ни пришел — внутрь не попадает.

Однажды пришли враги с луками и стрелами. Пришли враги, внутрь городка попасть не могут. Под скалой внизу живут, ожидают, когда ворота городские откроют. Сколько ни ждали, ворота не открывают. Так выжидая, голодать стали. Обессилели, а назад все же не уходят. Наконец так изголодались, что сверху из городка еду просить стали. Люди в городке голоду досыта годовалого ягнца, грязью едкой обмазали и вниз спустили. Враги эту голову все же съели. С тех пор ту скалу так и называют: Скала Сброшенной Лосиной Головы. Однажды враги на скалу вверх полезли. Тогда жившие в городке несколько брениев веревкой обвязали, на края скалы сползли. Когда враги на эту скалу полезли, защитники зеренки обрубали, бревна вниз покатились и всех нападавших перебили. Эта скала находится в верховьях Сосьвы, выше того места, где сливаются ее боковой и малый истоки.

156. Сали-ури-ойка

Давным-давно, никто из старых манси не помнит — когда, жили-были муж и жена. Жили они очень богато, не знали и не ведали никакой нужды. Было у них несметное количество оленей. Оленей богатой семьи пасли бедные ластухи-манси. День и ночь они смотрели за оленями у подножия Уральских гор.

У богатых оленеводов был единственный сын, он его очень любил и баловал. Оленю он носил из дорогих оленьих шкур, и столу ему подавали дорогие кушанья. Но юноша был ленивым и беззаботным. День проходит, два проходит, а он ни в лес на охоту не сходит, ни в чум здоров не занесет. Ни до чего ему дела нет. Лежит на оленьих шкурах и поглядывает в небо через дымящее отверстие чума. Подумает, положит, выйдет из чума, посчитает звезды на небе и снова ложится на шкуру. Так он и проводит дни. Отец с матерью смотрели, смотрели на любимого сына и однажды сказали ему:

— Сынок, чем так лежать, съезди бы ты проводить наших оленей. Посмотрил бы, как их пасут бедняги-манси.

И вот ленивый юноша задумался. Вышел из чума, посмотрел на небо, посчитал звезды и подумал: «Однако, придется ехать и проводить наших оленей...» Зашел в чум и сказал отцу с матерью:

— Сказжу-ка я проводить наши оленья стада. Только вы к моему приезду спейте новую мяницу из лучших оленьих шкур.

Запрят денюшек нашла трех оленей в пирту и отправилась в путь. Едет, поглядывает на горы и думает про себя: «Вот те-перь я посмотрю на наши олени стада. Узнаю у пастухов, сколько у нас оленей». Долго ехал, коротко ехал, стал приближаться к подножию Урала. Подъезжал к подножию гор и видит: олени стада его на месте. Везде пастухи-маны по-доброму па-сут оленей.

Дальше лесной юрта не поехал. Поправился ему эти места, остановился здесь. И вот он вдруг стал бодрим и работа-ющим, лепя свою отбросил. Стал у подножия горы чум строить. Посреди чума очаг навалил, олени шкуры на него постлал. И стал он в этом чуме жить. Долго жил у подножия этой горы, состарился. С тех пор оленеводы-маны и называют эту гору Саян-урис-ойка — Олений Оберегающий Богатырь.

✓ 137. На каменном утесе

Жили-поживали старики со старухой. Они ставят чум на вер-шинные высокого утеса. Ставят олений чум, пенский чум. Поста-вили, подумали: «Попробуй теперя, войди!»

Долго жили, коротко жили. Однажды ночью слышат: кто-то к ним приближается. Это едет оленья юрта. К чуму на камен-ном утесе пенское войско пришло. Друтся, борются. Пенское войско вниз скатилось, с утеса вниз все упало.

Старик со старухой утром встали, смотрят: они все с камен-ного утеса упали в снег, все умерли. Старик со старухой сняли чум и переносили в другое место. И до сих пор живут на дру-гом месте.

138. Сказание о народе Настар

Люди Настар пошли из седовия Настар в лес. Зверный след попал, гнаться приглянулся. Один был Шагом Меньша Обладяв-ный Человек¹, другой человек был Крылатый Настар. Име три человека — обыкновенные люди. Шагом Меньша Обладяв-ный Человек вперед идет. Крылатый Настар зверный след поскоком водит².

— Богом созданный священный зверь, богом созданный отмо-ченый зверь, из этого места, из которого идти, Нижний Урал покажи, женщины-редоначальниц неведомую землю покажи, бога-тырей неведомую землю покажи³.

Шагом Меньша Обладяв-ный Человек вперед идет, затем Крылатый Настар на его амань следы вступать начал. Потом Крылатый Настар вперед шагнул. Северного ветра, южного ве-тра буря поднялась⁴, когда Крылатый Настар бежать приглянулся. Долго шел, коротко шел, в одном месте одявцы зверя пока-зались. Зверя свалил. До нижнего конца Урала не дошел, как

вверх свалил. Освежевал, сердце да печень вил, затем обратно набрал по той же дороге, по которой пришел. Долго бред, коротко бред. Человека Обладателя Шаги Меньша встретил. После того вместе пошли. Пошли, людей своих постречали. Там и започевали, сердце да печень ели. Утром встали, затем вниз к Оби поплыли. К реке пришли, таять начало. Весна настала. В том месте дальше жить стали, дальше спать стали. Там и основались, теперь там живут. Того места имя — Полуу.

159. Сын Полуу-Торуа

Сын Полуу-Торуа внезапно пропал¹. Охранявший его человек обязанности искал — духа его нет. Духа его ибави очига нет. Тогда духа своего нести задумал. Затем отправился духа своего искать. Собаку у бедра привязал, собаку его ведет. Собака куда идет, туда и он идет. Все шел, все шел. Ночь настает — спит. Встанет и опять идет. Собака в это место привела его. Название этого места — Сури. Духа своего здесь и нашел. Место, где был найден дух, — Петухов мыс. Духом мыс таким именем прозывают. Когда духа своего нашел, в этом месте селение сделал. Мансийский человек² ворожит. У духа своего, ворожа, спрашивают:

— Ты как, это место родным сделать думаешь?

— Дух его в этом месте и основался. Человек здесь зажил, с духом своим. Тут и стали жить. Пока одна мужчина, одна женщина останутся³ дух-предок с человеком здесь зажил.

От мансийского человека род пошел, имя его — Ольсин. Здесь, жили, затем половина народа нашего в новый поселок властями устроена была. Новое селение сделали, духа-предка туда перенесли. Род ваш три имени имеет: одно — Ольсин, одно — Тору-сева, одно — Сюмин⁴. В Ильин-паузе теперь два рода живут. Уже после основали селения в Ильин-паузе, лаптевский человек⁵ пришел, Ярани имя его. Они Крылатого Старика почитают. Крылатый Старик — Чайка-Старик⁶.

В лесном селении⁷ Петяковым живут. Они — до нашего рода приходивший народ. Они — народ из селения Хангавам, мансийский народ — Народ Лягушки. Их дух-предок — дочь Великой Женщины из селения Хангласам⁸.

160. Серебряное блюдо

По ту сторону Салехарда ненцы живут. В рыбопромышленных местах без оленей живут. Однажды летом неводит, неводит, ничего совершенно не добывают. А добывают что, так немного, лишь на еду добывают. Однажды летом, когда так жили, невод забросили. К берегу повернули. Тянули, тянули, больше не могут. «Почему он, — думают, — тяжелый?» С лодки смотреть стали — невод волеп рыб. Тогда говорят:

— Маленьким пелюдом рыбу на берег выберем.
Рыбу понемногу на берег вытаскивал. На берег, на сухое место, собирают. Всякая, всякая рыба там есть. Потихоньку потихоньку туда, на берег, ставили. Пятьсот пудов добыли. Говорят:

— Ну, деньги будут?

— Чего деньги? Сколько можешь, столько и бери.

Среди большого количества рыбы смотрят — тарелка. Немного глиной обделана. Водой немного обмыли, смотрят — серебряная тарелка. Тогда говорят:

— Кому надо, пусть возьмет.

Один человек говорит: «Мне не надо», другой человек говорит: «Мне не надо». Тогда один человек говорит:

— Я возьму. Возьму, в свой дом отнесу.

Домой сходил, кусок материи принес. Архиповым куском материи с угла на угол тарелку завязал, домой отвес, в переднем углу к шести привязал. После этого на третий день сам заболел. Три дня жил, потом на третий день как заболел — умер. При смерти он детям и жене сказал:

— Если я умру, эту тарелку в другой дом пусть отнесут.

Верно, в тот день, когда сказала, как свечерело, так и умер. Он умер, серебряную тарелку завязав и в другой чум отнесли. Туда внесли, также к шести дома привязали. В день похорон того человека в другом доме, куда внесли тарелку, человек заболел. Как заболел, на третий день и умер. Этот человек умер, тарелку завязав и в третий дом отнесли. В третий дом внесли, также в передний угол к шести дома привязали. В передний угол привязали, в том доме живущий человек тоже заболел. И так же, как заболел, на третий день умер.

После этого еще по четырем домам тарелку носили. Четвертого человека еще умерли. Таким образом, в семь домов заносили, семь человек умерло. Тогда говорят:

— Как далеко иметь ее будем? Иметь, видать, нельзя? В семь домов семь человек умерло.

Тогда один пелен поворожил, говорит:

— Домой, а поворожив, выносить совершенно нельзя. По заднюю сторону седьмого дома маленькая береза есть. На ту маленькую березу, туда привязать. Там пусть будет.

Тогда вороживший пелен еще сказал:

— Народ здесь пусть соберется, совершенно вожить надо. Кому хранить ее, тогда понятие станет. Кому хранить можно.

Тогда народ собрался. Шаманы выбирать стали. Очень много в бубен бывших¹ пещен было. Между собой хоть и выбирали, ради этого случая в бубен никто не бьет, не соглашается, даже жельма обладающие бубнами². Тогда узнал: девушка есть. Та девушка — самый первый шаман. Тогда люди говорят:

— Ты в бубен бей.

— Буду бить, мне можно.

Из одной карты бубен привнесли. В дом с огнем занесли. Огонь развели, бубен согрели³. Бубен согрели, говорят:

— Теперь девушка пусть идет. Пусть бубен возьмет.
Послави, вошла в дом, где бубен согревали. Бубен ей дали.
В руки взяла. Взяла, немного погрела. Своими руками заволо
бубен у огня немного погрела. Тогда поклоначив стала, поет.
Петь стала, говорит:

— Эта серебряная тарелка очень дорогая. Очень много духов
на ней есть. Тонал-ойка там есть, затем Тонал-ойки сын там
есть. Тонал-ойка на лошади сидит, сын тоже на лошади сидит.
На самой середине — водной царь, старик. С одной стороны от
него Мир-сусно-хум тоже на лошади сидит, а сбоку от него Мир-
сусно-хум сын на лошади сидит. Подной дарь, старик, посере
дине тарелки из воды подымае. Пласти и руки из воды только
подымаются. Кисти рук только видны. Пить человек тоже есть —
Сяхид-Торум-ойка⁴, тоже на лошади сидит. Это духа грома, им
затянулось дело. Сыновья его убиты. В поисках сыновей он вой
ско созывает.

Дух грома на юге живет. Там подумал рыбу ловить прийти.
Рядя озерной плещи, обной плещи сюда пришел. На Обь сюда
пришел, посмотрел: во всю толщу воды — рыба. Множество вся
ких рыб там есть. Дня не видно, во всю толщу воды рыбы. То
место лавил, там и посплывали. Был очень теплый день с купе
ми облаками. Гром тогда загремел, лодка на воду ушла. В лод
ке два человека стоят — духа грома сыновья. Когда он загремел,
водной царь услышал.

— Что это тяжелое такое упало?

Взглянула, увидела, двух человек с лодкой увидел. Смотрит:
лука, что делать будут? Каданную сеть спустили, вниз по воде
плывут. Сами в лодке стоят. Однажды слышат: рыба в сеть по
шла. Подняли ее, рыбу, в лодку сложили. Тогда водной царь
своим сыновьям говорит:

— Побдите поймите их, вместе с лодкой поймите.

Два человека пошли. Пришли туда, лодку поймали, перевер
нули. Обоих человек поймали в то время. Дух грома сверху вниз
в то время смотрит, обоих его сыновей два человека поймали и
лодку опрокинули. Сколько ни грел, сколько ни грел, как
возьмет? Взял их не мог. Вниз смотрит — город. Обоих сыновей
вниз, в гора, отвесил. Руки у них связаны, ноги связаны. Же
лезными цепями связали, на железную перекладину, чтобы
убить, повесили. Смотрит: сыновей убавил, на железную перекла
дину повесили. Тогда он испугался.

— Что я сделаю? Его связ!

Отправился к старике Тонал. Он тут поблизости живет, зна
ет ведь он, что делать. Туда пришел, в дом зашел. Тонал-ойка
дома сидит. Став спрашивать духа грома:

— Ты ты как сюда пришел? Ты никогда здесь не хаживал,
сюда не входил!

— Самые лучшие рыбные места здесь есть, ради промысла
рыбы пришел.
— Добыл рыбы?

— Нет. Обоих сыновей только что спустил рыбу промышлять.

— Ловят, в?

— Чего ловят! Даа человека на них напали, схватили, лодку перепернули, самих поймали, а подводный город унесли, там убили.

— Вот как! А ты спрашивался? Водяной царь, старик, там живет. Со своим городом там находится.

— Да и я не знаю. Как спрашивать буду? Я тебя авать пришел. Если б ты пошел, зову тебя.

Топал-ойка, голову немного опустил, поспел, затем говорит:

— Пойду, почему не пойти, если зовешь меня.

Смугу своему тогда сказал:

— Военных коней наших поймай. Удечками вануздай, оседлай.

Ванузда, оседлай, к отцу пришел:

— Дяденька, я уже готов.

На улицу вышел, на коней сел, поехал. Как тронулся, Топал-ойка говорит:

— К Мпр-сусне-хуму завернем, а оттуда уже прямо поедом. Отправился, туда приехали.

— Мы, — Топал-ойка говорит, — на конях посидим, а ты в дом войди. Мпр-сусне-хума позови.

Дух грома в дом вошел.

— Да воп что! — Мпр-сусне-хум говорит. — Ты как сюда пришел?

— Я, — говорит, — ради рыбного промысла пришел.

— Добыл?

— Чего добыл?! Оба мои сына убиты! Я тебя с собой зову, может, войдешь?

— Если зовешь, почему не пойду, пойду.

Смугу сказал:

— Сходи на улицу, военных коней наших поймай.

Сми вышел, обоих поймал, ванузда, оседлай. В дом когда вошел, отец уже оделся. Говорит отцу:

— Коней наших ванузда, оседлай.

Наружу вышла, на коней сел. Пять конных человек вместе едут. Однажды водяной царь дома был. Дом его вдруг шевелиться начал. Дом его туда-сюда просто колышется. Из дома выглянул: оказывается, враги идут. Пять конных человек. Их поступь настолько тяжела, что город его чуть по рухнет. Тогда на поверхность воды поднялся. Молить начал. Когда из дома выходил, водяной царь семи сыновьям, семи богатырям сказал:

— Вы духу неба говорите. Семь труб наверх выставлять. До какого дня дождит! Водяного царя город наш сегодня весь разнесут. Враги идут! Я их молить стану, вы духа неба молитесь.

Сам наружу высунулся, над водой показавшись. Врагов умоляет. Руки навстречу протянул. Рот раскрыл. Так-то испугался!

Они тогда сплосстились. Дух неба воевать тоже не допустил. Тогда перестала. Смясостналась, хотя я отпраппался ради того, чтобы водного царя убить. Топал-обна говорит:

— Водный царь уже что съезжал, то съезжал. Зато теперь ты — духу громи говоришь — порожняком не уходи. Сколько только сможешь, добудь рыбы. Сколько добудешь, в свою землю делю.

Четыре конных человека тогда домой поехали. Наизавтра дух громе рыбу промышлять стал. Сколько в годому придет, столько и ловит. Сыновья у него убиты, за них ему рыба назначена была. Водный царь-старик говорит:

— Теперь каждое лето сюда приходи.

— Больше они не бравятся, так живут.

Делушка кошманила и еще говорит:

— Когда это блюдо по семи домам послали, семь человек умерло. Зачем в помещение вноспали? На ту березку, туза, пришить всем надо было.

Ненецкая делушка еще кошманила, говорит:

— Этот дом здесь пробудет, на берег. Завтра двух человек выберите, о подгоды ехать спарядите. Завтра эту тарсаку в шкуру годовалого оленя заверните, пусть несут. В Верхне-Индигинских юртах человек с бревенчатым домом, говорит, живет. Туза на лодке пусть несут. Туда привезут, тот человек возьмет. Место хранения рыба.

Ненецкая делушка так ворсипала, теперь место хранения нашла. Изнамом оно найдено.

Тогда поволозили блюдо поехали. На в оном селении не сказав: «И не поеду». В какое селение ни приедут, другие два человека дальше несут. К человеку с бревенчатым домом привезли. Вместе с белой шкурой передали. Теперь в Верхне-Индигинских юртах хранят.

161. Сонный человек

Два человека в лес пошли. Ц лес пришел, на восток баятали следая, промышлять начали. Один человек все время спит. На столько сон его крепок, что даже когда другой человек сду ворит, то не слышит. Другой человек сердиться стал:

— Тебе во время яромился поможешь спать надо!

Сонный человек раздумывать начал: «Что делать? А может, души мои в слонцы попадают?»

Однажды днем вместе на охоту ушли. Сонный человек рывше вернулся. Торопясь, в изголовье своем слопец насторожился. После этого поел и спать лег. Другой человек ничего не знал. Сонный человек рано проснулся, пищу готовит, товарищ его все еще спит. Когда поел, решил слопец посмотреть. Пестран тетера попала. Тогда он тетерию свою в огне сжег. Товарищ его поднялся, есть стал.

— Ты как так рано встал? — один человек спрашивает.
— Я, — говорит, — слопец в изголовье насторожил, тетери

перелетела.

Тогда товарищ его говорит:

— Какая же себя, давай посмотри!

— Я, — сонный человек говорит, — в огне ее снег, огнем съедена.

— В огне жечь нежало было, — товарищ его говорит. — Эту тетерю тебе съест надо было. Тогда душа твоя к тебе пришла бы. Теперь ты скоро умрешь.

— Почему же я умру без болезни? — говорит.

Жить стал. Теперь сонный человек больше неопядаем. Домой пошел, бессильным стал. Более неопядаем. Когда домой пришел, отец его говорит:

— Весна если бы была, душу твою спасли бы, теперь же душа не появится. Весна если бы была, тетеревиное яйцо поцеловали бы, тетеревиное яйцо сырым выпали бы, тогда душа твоя восстановлена была бы.

— Ты как это дело знаешь? — сын говорит.

— А так знаю, — говорит, — тетеревиное яйцо когда съел бы, тогда внутри тебя тетеревинок вырос бы, тогда душой сделан бы.

Те слова чуть вырвались, сын его умер. Он это дело ради пробы сделал, ему поменьше спать хотелось.

162. Встреча с душами умерших

Один человек ходил осматривать слопцы. Когда шел домой, уже светело. Душа младенца ему попалась навстречу. Вперед пошел, а дальше за собой волочит. У человека с собой лопата. Лопатой ее в сторону откинул, сам дальше пошел. Поодаль отошел, слышит, умерший ребенок говорит:

Большой золотой
По запялку я ударю.
Матушка, надую бесенку!
Мую я и нушу!

— Милая матушка с молочной тудью там осталась. Лопатку зачем она со мной положила? Где у меня силы, чтобы ее нести! Человек дальше идет. Три женщины, друг за друга схватившись, бредут, плачут:

— Дела, которые мы делали, до середины не дошли. Дорого, по которой мы шли, до середины не пройдена.

Человек слушает, в стороне от дороги встал. Потом опять пошел. Две старыя женщины приближаются. С песней приближаются.

Пам там что!
Вся мы собой прожигали.
В несилах местах, где водятся
кажисьные утки,

Мы неслышны,
Дела, которые мы срывали,
Полностью сданы.
В лесных местах, где водятся
маленькие звери,
Мы неслышны.
Дорож, по которым мы ходили,
Полностью пройдены.

163. На кладбище

Один человек куда-то ездил. По дороге назад застал.
Вспомнил, что в стороне от дороги есть селение.

— Дай-ка я в это селение явлюсь.

Завел. В один дом зашел, народ в бубен бьет, шаманит. Народу много дом, а все с закрытыми лицами¹. Он вошел, говорит:

— Здравствуйте.

Люди не отвечают. Один человек в бубен бьет. Еще раз говорит:

— Здравствуйте.

Нет, не отвечают. Бьющий в бубен человек говорит:

— Огонь кто-то заставляет свистеть². Нас едущий дух
привлекает.

Этот человек к выходу повернулся. Теперь в бубен бьющий человек говорит:

— Я сейчас моего маленького духа позову.

Приветный вышел, поехал. Дорога мягкая, спящая. К большой дороге приблизился. В это время обнаружен — обледал нарва³ за ним гонится. Нагнувшееся существо в сбежавшей паре за заднюю часть уцепилось. Человек на большую дорогу попал, хребтом назад ткнулся. Тогда существо отвалилось, на месте осталось. В селение пришел, в дом вошел:

— Здравствуйте.

Люди говорят:

— Здравствуйте.

Спрашивает:

— На молчаливые пороги где?

Оленей отпустил, говорит:

— Селение, оказывается, здесь находится, а я только что в одно место попал.

— Куда ты попал?

— Там, в стороне, небольшое селение есть.

— Никакого там селения нет.

— Что же там такое есть?

— Кладбище там.

— Я туда зашел — в бубен бьют. В дом вошел. Говорю: «Здравствуйте». Они говорят: «Что-то заставляет огонь пищать, я маленького духа позову». Тогда я наружу выскочил. После су-

шествие в облезлой парке мели постигло. Когда на большую доро-
гу попал, хореем его ткнул.

Люди говорят:

— Ты на кладбище к покойникам заезжал.

164. Заблудившаяся женщина

Жили старик со старухой. У них было три сына. Отец их
умер. Остались сыновья жить с матерью. Жили они плохо, бедно.
Мать говорит однажды:

— Пойду-ка я, старая, вгоды собирать.

Ушла она в лес за ягодами и заблудилась. Вот уже полдела
прошла, а ее все нет. Народ собрался. Стали ее искать, из ружей
стреляют. Сыновья ее плачут. Пиво сварили, уже поминки по
ней делают.

Вдруг залаяли собаки. Один мужчина вышел на улицу и слу-
шает. Собаки на что-то лают. Видит мужчина: в чистом поле
стоит старуха. Тут он закричал сыновьям:

— Эй, мужички, идите на улицу! Наша мать идет и в руках
несет!

Все выскочили на улицу, смеются, кричат, бегают, радуются.
Один из сыновей за мать ухватился, плачет. Мать ему говорит:

— Сынок, не плачь!

В дом вошли, сын спрашивает ее:

— Где ты была, мама?

— Заблудилась я, сынок. Есть хочу.

Мать села есть и рассказывает:

— Вот, сынок, села я на кочку. Смотрю в лес. Что-то черное
виднется, ко мне приближается. Я боюсь. Ко мне подошел мед-
ведь, сел, лапу положил мне на коленки и показывает. Я посмотре-
ла и вижу: в лапе заноса сидит. Вытащила я ее. Медведь
поднял лапу, погладил мое плечо и говорит: «Ты посиди здесь».
Сам ушел в лес. А я сижу. Вдруг вижу: медведь обратно идет
и несет мясо. Положила это мясо мне на иголки и говорит: «Вста-
вай, или домой». Ланой покал и говорит: «Этой дорогой или.
Мясо домой носи». Пошла я, оглянувшись назад и вижу: медведь
машет лапой. Я ему головой кивнула. Недолго шла в искоре до-
мой пришла.

165. Предок-спаситель

Один человек в Или-ус поехал. По пути заехал к матери
своей жены. Она больна. Когда он поехал дальше, мать жены
говорит:

— Назад поедешь, буду ли больна, буду ли здорова, заезжай.
На обратном пути заехал. В дом вошел — гроб стоит. Сходил
к лодке, принес еду. Бутылку вина взял, в дом вошел.

— Мать моей жены, когда жива была, хорошей пищей меня кормила, хорошии вином поила. Поставлю бутылку вина.

Поставил. Гроб открыт. Мертвая женщина поверх пологом прикрыта. Мать жены поднялась, села, полож сорвала.

— А, зятек пришел?

Зять вином ее поил. Пьет, наконец захмелела, пошатываться стала. Теперь человек думает: «Эта меня этой ночью убьет. Там еще дом есть, к тестю моему пойду». Ископал, побежал в дом своего тестя. Пришел к нему. В дом вошел, в передний угол глянул, тестя его тонким сучином зацепил¹.

— Вот беда какая. Эта ночь — моя последняя ночь, Пу, подожди, хоть огонь здесь разведи.

Развел огонь. Огонь разгорелся, человек присел. Мать жены его, слышно, по улице идет, гонится за ним. В дом вот-вот войдет. В это время тестя его в переднем углу с шумом поднялся. Тот человек в это время совсем силками потерял. Слет с глаз ушел, затем унял. Что потом было, не знает.

Наутро очнулся: как на лавке сидел, так ничком тогда и повалился. В передний угол смотрит — никакого тестя его нет. Из дома вышел, мать жены его лежит, по самым бедрам надвое разорвана, по самым лопаткам надвое разорвана.

Он думал, тестя его в переднем углу лежит, а это Старик Священного Города, предок его, был там. Это он его жизнь удержал.

166. Человек с реки Казым

Жил на Казыме человек со своею женой. Родился у них сын. Когда сын родился, Отыру¹ семь пострых оленей убил, семь белых оленей убил. Отыр мальчика счастьем и удачей трех человеческих жизней награждал. Когда мальчик вырос, отел ему с Оги, из Священного Города², жену высватал. Поженились они, привез он жену к себе домой. Много жила, мало жила, однажды рожавши и родителям жевы в гости съездить. Собрались и поехали. Когда в городок приехали, там народ праздник играть собирается. Городичи жевы все в общественном доме сидят. Зять, туда же пошел. В дом вошел, сел. Вот поднялась семь человек, вышли из дома для пляски приготовиться. Люди яэту говорят:

— Ты в какой-нибудь другой дом пойди. Когда плясать начнут, тебе здесь быть нельзя.

— Да я, — говорит, — лучше здесь останусь. Неужели па меня угощения или мяса жертвенного не хватит?!³

— И то верно, — старик один говорит, — пусть сидит.

Когда семь человек из дома вышли, казымский человек тоже жевре выйти задумал. Вышел, смотрит: у семи загоронок, что вокруг дома, все семь ворот закрыты. В это время семь человек с криком и свистом через все семь загоронок одним махом внутрь ограды прыгнули. Казымец, торопясь, назад в дом пошел. Вошел, немного там побыл, и вскоре те семь человек появились. Пришла, плясать начали. Один человек играет, семеро пляшут.

Семеро плывущих шесть кругов сделали. На седьмом круге задний из плывущих зятя с собой подхватила, и все из дома вышли. Вскоре везло вернулось. Бывшие в доме говорят:

— Зятя куда унесли?

— Да мы его с собой и не зряли, здесь где-нибудь сидит.

Стая искать — нет нигде.

— Если ты же его с собой утащила, — седьмому из плывавших говорят.

— Нет, — отвечает, — не уводил я его.

В другие дома пошли, ищут везло. Нет нигде зятя.

Ну а теперь снова о нем речь пойдет.

Несут его куда-то вверх, только в ушах слышит. Долго несло, коротко ли несло, однажды причалили к горе, поросшей высокими лиственницами¹. В тот лиственничный лес вошли, стоят дом. Стены из лиственниц сложены. В стене по дню лиственницы да по три лиственницы в длину положено. Такой большой дом. В дом вошли. У одной стены семь медведей в ряд усажены. Перед медведями старик сидит. Говорит старик:

— Зятя принесли? Он пляску смотреть хотел. Теперь пусть смотрит. Распечелито-на зятя нашего.

Семь медведей для пляски оленей². Плясать начали. Плясать начали, зятя на руки подхватили. Пляшут, а человека, изверну на руки поднявши, держат да подкидывают. Семь кругов проплясали. Зятя в сторону бросили. Чувствует человек: все его тело висит, все болит. Получил тут: «Названа Великая Мать! Днем и ночью жертвы тебе приносить буду, только счастья бы дляшь мою из рук этих лесных духов-хитрей!»

В это время старик говорит:

— Эй, внучек, и ведь слышу все твои просьбы, хоть на верхнем небе, хоть на земле лисей свачеюной! Старик верилны Со-рахта³ — это я. Старик, охраняющий дорогу на Верхний мир, — это я! Твоя крохотная пачежкия бабка, твой крохотный шитожный дедна со мной ничего не пожелают.

— Эй, дети, зятя нашего распечелите маленько!

Менкам опять поднялась дан пляски одетися. Одежды свои взяли. В это время старик говорит:

— Ну-ка, дети, повремените немного. Нашего зятя бабка, которую он знал, сейчас прийти должна. Пусть придет. Она придет, тогда уж попляшете.

Тут смотрят: приехала женщина на упряжке из трех белых быков, в белой ягушке, белым платком шелковым покрыта. Приехала Казыма Велюки Мать.

— Вот, дедушка, моего мальчика ты сюда привел. Когда он из скот поинился, когда человеком стал, отец его семь белых оленей да семь вестрых оденей перед Отырон поставил. Отыр награждал его жизнью трех человек, богатством трех человек.

— Э-э, доченька, а хоть бы и награждал! Этот человек пляски смотреть хотел. Перед началом первой пляски тести его на дома хоть и помыслил, хоть и говорили ему: «Тебе здесь быть нельзя».

он не ушел. Тогда я его сюда привел, пусть большую пляску теперь посмотрит!

Старик для гостей стол приготовил, угощает ее:

— Сядься, дочка, поешь, попей!

За едой, за питьем женщина опять говорит:

— Ну, дедушка, мальчика моего отпусти!

— Нет, доченька, не пушу. Он пляски смотреть хотел, так пусть смотрит!

Есть кончилось, опять просит:

— Отпустил бы ты его, дедушка!

— Нет, не отпущу.

— Ну, раз не отпускаешь, что поделяю!

Женщина хорей п вожику в руки взяла, уехала. После ее отъезда старик говорит:

— Ну, дети, теперь зятя нашего порасщепелите немного.

Менным оделся, плясать начал, человека опять подхватил. Плясках идущих, на руках держат да поднимывают. У одного из рук вырвется, другому в кости попадает. Семь кругов проплясали, остановились. Остановились, человека опять в сторону швырнули. Чувствует он: больше прежнего у него тело и кости болит. Смету не видит — так же болит. Еще если раз с ним сплещут, тут и смерти. Погибнет он! Стал поминать Ток-отира? — Ток-отир, когда-то и с вечера до утра жертвы тебе приносили! Теперь вот погибаю в руках лесных духов.

Перед семью медведями сидящий старик тут говорит:

— Эй, плуток, дело сиего призываешь будто? На Верхнем мире и на земле нашей священной я один. Говорю тебе: «Дед твой приедет и с тем же и уедет. Не отпущу я тебя».

— Эй, дети, поиграйте-ка с зитен!

Менным плясать поднимался, одеваться начали.

— Обождите маленько, дети, теперь вот этот незладный дед его сдет. Обождите.

И верно: на упряжке из трех пестрых быков в пестрой парке человек приехал⁴. Остановился, вожику привязал, говорит:

— Эй, дедушка, моего мальчика ты зачем сюда затащил?

— Он пляски смотреть хотел, оттого сюда и притащили его. Теперь пусть смотрит.

— Отпусти.

— Нет, не отпущу. Пляски смотреть хотел, теперь пусть смотрит. Ну, изи,— старик продолжает,— стол готов, поедим, поьем.

Есть-пить сели. За едой приехавший опять говорит:

— Эх, дедушка, отпустил бы ты этого мальчика!

— Нет, не отпущу. Пляски да игры смотреть хотел, теперь пусть смотрит.

Поели, попили, кончили. Гости оделся, выходить собрался.

— Отпусти, дедушка, мальчика,— снова просит.

— Нет, не отпущу.

Человек вышел, хорей п вожику в руки взял, уехал.

После отъезда человека старики говорят:

— Ну, дети, с зятем нашим опять поспляните!

Менквы снова подились, опять пашут. Зята подхватил, на руках поднял. Одну его из рук выпустит, другому в котли повалит. Этот его выпустит, другой подхватит. Семь кругов проплывали, остановились. Человека в сторону бросили. Ну вот, чувствует он, если еще раз его подхватят, умрет непременно. Покуда него что есть, еда уливает. Все тело и кости болят. Если опять его возьмут, тут ему и смерть! Думает тогда: «Отыр меня жизнью трех людей награди, счастьем и богатством трех людей награди. Теперь вот в руках у этих лесных духов моя смерть придет! Глаза мои уж не смотрят, уши мои уже не слышат. В руках у этих лесных духов погибаю».

— Ага, — старик говорит, — Отыра призываешь будто? В Верхнем мире и на земле нашей один ли! Что же, призывай — с чем придет, с тем и уйдет.

— Эй, дети, сыграйте еще с зятем!

Менквы подились, одеваться стали. Как вымани, старик и говорит:

— Обещайте, дети. Никак этот неважный ядот, кого зятя призывал?! Подождало немного. Он уйдет, тогда уж.

Вскоре нести у листоенниц качаться начал, вилы листоенницы помолом сломались. Менквы снаружи четыре медных котла незаконченных поставили, чтобы лошади не на землю встали. Наконец ледяник показался. Черный зверь, красный зверь — дупи-пиза всякая на шее у лошади попавшая, качается. Лошадь как испугается, шкурки доригие сыплются. Приехавший говорит:

— Я этого человека жизнью трех человек, богатством трех человек награди. Зачем его сюда притащили? Отнесите его вилы по дубру. Если не отнесете, во второй раз приду, на этом разном холме листоенничом все листоенницы: верицины вниз, корзинки вверх поверну! И семи твоих медведей не будет, и листоенниц не будет. Я слышу, ты тут говоришь: «На Верхнем мире и на земле один я, дорогу в Верхний мир охраняющий старик — я. Вершины Сорхат старик — я». Если этого человека не отнесешь, я во второй раз приду, маленьким станешь!

— Внучек, отнесу, отнесу! Ты жизнью трех человек, богатством трех человек награди, а теперь жизнью четырех человек, богатством четырех человек награжу! Ну, иди, внучек, я это приготовил.

— Нет, дед, и туда не пойду.

Тогда стол на сышу лошади поставили. Дед с внучком поели, попили. Внук уехал. После его отъезда старик менквам говорит:

— Откуда пришел, в то место и отнесите.

Попесли его. Несший менка говорит:

— Когда тебя искала вчера, к Отыру обратился, семь жертвенных животных для него убить обещались. Сейчас эти обещанные жертвы убивать будут. Когда мы туда придем, начав и будем быть будет. В будем быть будет и так скажет: «После того

как мы эти жертвы убьем, если что получится, пусть получится, на глаза человеческие если что появятся, пусть появятся!» В тот миг им и пришел. Ты тогда за березу покрепче ухватись!¹².

Пришли. Человек за березу крепко-накрепко ухватился. Когда принесши его назад поворачиваться стал, с собой чуть не уволок. Только потому и остался, что держался хорошо. В это время шаман говорит:

— После того как жертвы мы наши убьем, если что получится, пусть получится, на глаза человеческие что появятся, пусть появятся!

В бубен бить перестал, говорит:

— Жертвы убейте!

Ударили, убили. Только убили жертвы, смотрит: позади идолов человек спит. В этот миг на глаза появился, видным стал. Начали его тут расспрашивать, куда ходил да где был. То, что от него слышали, теперь люди и рассказывают.

167. Сбор ясака

Люди одного мансийского поселка, одной мансийской деревни пляшут в старом игральном доме¹.

Наступило время платы ясака, а они все пляшут. Семь дней плясали. Денег для выплаты ясака не имеют².

В поселке парты за ясаком приехали. Стали собирать пушнину. Купец говорит:

— Почему зверя не промышляли?

— Мы запер на реке делали. Поэтому и не промышляли зверя. В лес сходить не успели.

— В каждом поселке все жители выплачивали ясак, только вы не уплатили. Кто-то из вас все равно попадет под суд.

— Мы никогда дома не оставались, только в этом году. К новому году мы весь ясак выплатим. До той поры будем промышлять зверя и полностью сможем рассчитаться.

— В течение года я только один раз сюда приезжаю,— отвечает купец жителям поселка.

Люди ему говорят:

— Если ты не приедешь, то мы сами деньги и пушнину как-нибудь тебе пришлем.

Уехали сборщики ясака, уехал и суд. После их отъезда весь народ деревни вместе собрался. Созвали собрание. Вместе решили, как в дальнейшем проводить пляски. Пляски организовать два раза в году: осенью и в первый день мая месяца. Потом подумали, подумали и говорят:

— Играть и плясать один раз в году. Осенью плясать тогда, когда будет плохой промысел зверя.

Но между собой продолжают рассуждать:

— Может быть, один год совсем не плясать, второй год плясать и играть, на третий год опять не плясать?

Тут находился и шаман. Он говорит ларду:

— Нет, так нельзя! Если мы так будем делать, то всем дальше не жить! Все умрем!

Народ ему отвечает:

— Если умрем, то мы — взрослые. Дети разве умрут? Они же ничего не знают про это. Ну, доольно, давай. Пусть останутся живыми дети, а мы, взрослые, пусть умрем. В эту ночь все хорошенько подумам, а завтра снова соберемся.

Поступило утро. Весь народ поселка, весь народ деревни заболел. Люди стали умирать. Оставшиеся в живых рыли глубокую яму и клали туда всех умерших. На второй день, как думали люди болеть, и живых осталось только два взрослых человека и двое детей. Оставшиеся в живых муж и жена думают: «Как жить? Что делать будем? Мы умрем, пусть наши дети останутся живыми». Жена говорит:

— Давай будем плясать и играть!

Муж скачал:

— Ты бей в железный кони, как в музыкальный инструмент, а я буду плясать.

Жена говорит:

— Я же говорила, что не надо топтать плясать. Теперь посмотри, сколько людей погибло!

Плещет муж, жена отдыхает. Жена плясать начнет, муж сидит отдыхать. Плясали-плясали, кончили плясать.

Долго жили, коротко жили. Жена просит мужа перекочевать на другое место, в другой поселок. Переехала. На другом месте они построили деревню. Вместе с детьми живут. Но однажды двое их детей ушли играть собирать да заблудились. Так и совсем потерялись. Мать с отцом искали, искали своих детей, так и не нашли. Муж говорит жене:

— Ты стремилась переехать на другое место! Теперь дети потерялись.

Жена отвечает:

— Не могут они совсем потеряться. В какое-то время мы услышим их голоса. Они где-то есть.

Муж говорит:

— Откуда же ты их услышишь? Их Ворут съел, теперь они погибли.

Так оно и получалось. Их детей поймал Ворут, привязал детей проволокой. Губы детей проткнуты иголкой, чтобы губы и носы перед смертью детей стали жирными.

Ворут каждый день приходит к детям, припосыл им палачи и бичи. Ребята все это подают. Долго так было, коротко так было. Однажды ребята поначались на качелях и говорит Воруту:

— Нам проволокой вместо синижи, мы не убежим. А ты покачайся на качелях.

Ворут стал качаться на качелях. Дети в это время убежали домой, к отцу и матери. Прибежали домой. Но дворе собака зажала. Девочка упала и умерла. Мальчик внос ее в дом. Он рассказал отцу и матери, где они были и как жили там.

Тут мальчик стал смотреть на огонь и тоже умер. Умерших девочку и мальчика отец с матерью унесли в лес. Плачут родители. Утром они снова в лес пошли. Но не нашли там умерших детей. Их взял Ворут.

Муж говорит жене:

— Ты стремилась в новый поселок. Если бы мы жили в старом поселке, не потеряли бы детей.

Он стал ругаться:

— Ворута где-нибудь найду и убью!

Жена говорит:

— Где ты его найдешь? Зачем выдумываешь?

Однажды муж ушел к реке на забор. Рыбы много добыл, большого палима добыл. Рыбу положил на парту и парту сам тащит. Тащит парту еле-еле, тяжело. Она как будто за гору зацепилась. Тащит парту и думает: «Почему моя парта такая тяжелая?»

Оглянулся назад: в парте Ворут сидит и в лапах огромную рыбину держит. Стал мужчина с Ворутом драться, вырвал с его головы пучок волос и за голенище унтов положил. А Ворута он отпустил на свободу. Сам взял большую рыбину и пошел домой. К жене свое пришел, стал рассказывать:

— Ты говорила, как я расправлюсь с Ворутом! Сегодня я его нашел, как следует «накормил»!

Его жена говорит:

— Не ври! Если что-то хочешь сказать, то правду говори!

Муж говорит:

— Я не вру, правда, я нашел его. Вот его волосы!

Он подает волосы Ворута жене, а они стали как лишайник.

Долго жили, коротко жили. Другие дети у них появились. Вырастили их. Появились невестка и зять.

Дети их говорят:

— Мы не будем здесь жить. Лодкой никуда нельзя проехать, воды нет.

Они снова перекочевали в старый поселок. И теперь там живут.

168. В охотничьей избушке

В одном селе, в одном поселке живут двое мужчин. Они пошли в лес, в сторону реки Сосьвы. Но пришли сначала к реке Хура, где живет их двоюродный брат. Вошли в его дом, говорят брату:

— Мы вместе в лес пойдем!

Двоюродный брат говорит:

— Вы сегодня идите. Я еще не готов. Вы идите на другую сторону большого болота. Там есть ветхий домишко. Но в нем вы не почувите, идите на противоположную сторону. В этом домишке нельзя почевать — в нем бывает привидение.

Мужчины явном в лес ушли. Пришли к большому болоту, о котором говорил двоюродный брат. Действительно, там домик-но стоит. Поставили, подумали. Один из них говорит:

— Послушай, давай мы переночуем здесь.

Второй мужчина отвечает:

— Только что двоюродный брат нам сказал, чтобы мы не оставались на ночлег в этом ветхом доме, в нем привидение бывает.

Первый настаивает на своем, говорит:

— Как сюда придет гугающее чудовище?

И все-таки они здесь остались почевать. Оленей отпустили, сами уснули. Утром встали, болтушку из муки¹ сварили, поели и пошли промысливать белок. Ходили, ходили, вернулись, семь-восемь белок добыли. Между собой говорят:

— Наш двоюродный брат так и не пришел.

Они спок в домике почевали. Пстали, болтушку сварили, наелись, собрались и пойти белок промысливать. Ходили, ходили, назад в дом вернулись. Один из них раньше в дом вернулся. В домике нечего, видит: на костре котел висит, изпаренный порекаренной мукой. Пскоре вернулся к рабунку второй охотник. Первый, кто раньше домой пришел, спрашивает его:

— Слушай, ты в дом не приходил?

Тот ему отвечает:

— Не приходил.

— Наш котел кто-то декаренной мукой заповнил.

— Наверное, наш двоюродный брат приходил. Он ради смеха заправил наш котел смрой, псевкаренной мукой.

Переговорили они так между собой. Успоковились. Двоюродный брат не пришел. Они зарубили дров. У одного из них славажое топориче. Он домой топор отнес. Сварили еду, поукампали и легли спать. Один просит второго:

— Слушай, Расскажи сказку!

Другой к своему боку топор положил. Начал рассказывать сказку про шамапа. Рассказывал, рассказывал, вдруг брат ему говорит:

— Тихо! Переставь гонорить!

— Что-нибудь слышишься?

Прислунались вместе: кто-то приближается, какое-то движение слышится.

— Это наш двоюродный брат, наверное, идет.

Лежат, слушают. Один из них говорит:

— Послушай, лежи спокойно, кто-то к нам идет. Ты лежи тихо, не шевелься. Огонь в печке еще есть².

Тут быстро двери открылись, в дом входит Ворот. Глаза его как крышля ящичка. Один из мужича схватил топор. Ворот им говорит:

— Эх, как я хотел бы убить вас обоих, но боюсь одного ман-сийского пороводичка³. Вот бы его убить спазала.

Ворот подходит ближе к ним, говорит:

— Как я их убью? Я лягу на них.

Словес близко к ним подходит. Один из мужчин, лежащий у стены, в руках топор держит. Ворут приготовился лечь на них. В это время мужчина ударил Ворута топором по голове. Ворут свалился на пол. Мужчины смеются.

— Ха, ха, ха! Теперь в тебя, проклятый, накормим!

Тут другой мужчина поднялся, схватил топор и давай бить Ворута топором. Ворут на улицу убежал. Двое мужчин переносили. Утром встали, наелись, один из них говорит:

— Послушай-ка! Давай мыслем его. За ним кровавая тро-
па ^{след}.

Стали они следить. Из дома след на улицу ушел. На снегу заметна маленькая черта крови. Преследуют его дальше. Впереди видят следственные шершавые маленькие следы. Тула пошли. Пришли, там ничего не оказалось. Прислушались — стон слышится. Один из них говорит:

— Это он. Давай закопаем Ворута в землю.

— Ну его, пусть живет.

Они продолжают прислушиваться. Снизу разговор слышится:

— Я тебя вчера так не отпущал, прися не ходишь туда. Там могли тебя убить. Теперь ты большим стал.

Мужчина говорит:

— Слушай, давай закопаем Ворута в землю.

— Ну его, не будем закопывать. Там их много, они все убьют.

Мужчины-охотники пошли к избушке, поймали своих оленей и поехали к реке. Приехали они к двоюродному брату, рассказы-
вают*

— Мы тебя очень ждали! Ты так и не пришел.

— Я заболел.

— Мы жили в старом доме. Нам что-то нонудилось, и мы
очень испугались.

— Я же вам говорил, чтобы вы там не останавливались. В том по-
мещике бывают привидения.

Они ему ответили:

— Мы думали, что не будет привидения. Мы его очень хо-
рошо «накормили»!

169. Мис-из

Старик с устью Сижимы пошел ловить рыбу и поймал очень много. Гребет домой, смотрит: впереди в водвороте дочь поди-
того царя, женщина волосы расчесывает. Женщина окунулась, подождала гребень, он плывет сверху по воде. Старик, гребль, взял гребень и положил изнутри себя в задок. Прочел немного, а ког-
да оглулся, то там сидела женщина. Он погреб домой. Женщи-
на на берег вышла и вошла в дом. Его жена, бывшая дома, при-
несла рыбу.

Долго, коротко жили, Мис-из родила сыночка. Старика не было дома, он куда-то ушел. Мис-из поставила котел на огонь. Человеческая женщина спрятала повара. Как ни ищет Мис-

ла, не походит поварешку. Она снимает котел голыми руками. Потом говорит жиднице:

— Если ты не сумела жить в этом доме, богатом черным зерном, красным зерном¹, то останайся бедной! Если бы мой сыночек начал говорить, тогда только и я бы начала говорить².

После этого она ушла со своим сыночком. Старик явился домой, Мис-из пел. У него не стало сил что-нибудь добыть.

170. Мис-из и охотники

Живут трое мужчин. На заре они идут на реку, по которой едут их отец, рабские от термоян. Отплывают. Долго ехали, коротко ехали, один мужчина говорит:

— Зарядите винтовки. На следующем повороте реки много зверей-жоры ползают.

Зарядили винтовки. Приплыли к следующему повороту реки — пикались зверей-жоры пел. Человек говорит:

— Зарядите винтовки. На следующем повороте ходит медведь. Приехали к следующему повороту — пиканого медведя пел.

Тот же мужчина говорит:

— Зарядите винтовки. Приедем к следующему повороту — ходит лось.

Приплыли к следующему повороту — пикакого лоса нет. Говорит человек:

— Зарядите винтовки. На следующем повороте двинь олень ходит.

Приплыли к следующему повороту — никакого оленя нет.

— Мужики, — говорит, — подыдем к следующему повороту, подыдем к иру, где наш отец убивал оленя.

Они подыехали к иру. Пристали, вышли на берег. Смотрят: валяются рога оленей, убитых их отцом. Затем сели в жоан.

Долго ехали, коротко ехали, стоит Мис-из. Мис-из говорит:

— Посадите меня.

Стали они ее сажать. Она идет к берегу, одна нога лосняла. Говорят:

— Ну ее, пусть остается.

Ну, так и оставили. Долго ехали, коротко ехали, стоит Мис-из. Тогда говорит:

— Посадите меня.

Они двинулись к берегу. Начали сажать, она идет, одна нога ехала.

Ну, оставили ее. Долго ехали, коротко ехали, стоит Мис-из. Говорит:

— Посадите меня.

Начали они сажать, одна нога лошадиная. Поехали дальше. Мис-из говорит:

— Если вы не захотели поесть, то поезжайте.

Говорят:

— Если вы не захотели поесть, то поезжайте.

Говорят:

— Если вы не захотели поесть, то поезжайте.

Говорят:

— Если вы не захотели поесть, то поезжайте.

Говорят:

— Если вы не захотели поесть, то поезжайте.

Говорят:

— Если вы не захотели поесть, то поезжайте.

Говорят:

— Если вы не захотели поесть, то поезжайте.

Говорят:

— Если вы не захотели поесть, то поезжайте.

Говорят:

— Если вы не захотели поесть, то поезжайте.

Говорят:

— Если вы не захотели поесть, то поезжайте.

— Если жилищный, богатый дом нам не нужен был, то почему?

Она говорит: — Что нам делать с жилищным домом? У нас у самих есть жилищный дом, богатый дом.

Мис-из говорит: — От вашего жилищного дома, богатого дома только пустые стены остались.

— У нас много полных, безразмерных амбаров.

Мис-из говорит: — Пустые стены остались.

— У нас оленей стадо в сотню быков.

Мис-из говорит: — Лес из сухих деревьев только, — говорит.

Долго ехали, коротко ехали, приехали домой — только пустые стены стоят. У амбаров тоже пустые стены стоят. Идут к оленей стаду в сотню быков — они превратились в лес из сухих деревьев. Уверия от голыду.

171. Глухой зять

У одного старика есть зять. Зять очень глухой. Однажды старик пошел с ним в лес.

— Походим, — привели к большому озеру. Сюда не оглядывайтесь, куда не смотрите.

Зять пошел. Пришел к тому озеру, остановился. Рассказывает, как сидит. Остановился в сторону озерного берега — огонь горит. Около костра с голыми руками и голыми ногами для меня сидят. Обдирают они черного зверя, обдирают они красного зверя. Обдирая, один из них сказал:

— Чего мы бодимся?

Другой говорит: — Чего мы бодимся? Разве есть на этой земле кто-нибудь больше нас?

Первый говорит:

Когда я хожу в лесу, что-то больно сильно березы скрипят.

— Не говори, сердце у меня колет. Ну-ка, еще скажи.

— Что-то больно сильно березы скрипят.

— Не говори, сердце у меня колет.

Глухой зять срубил березу. Отходя от бересты плелку. Следил берестяной нос. Показывался к углу меню. Подошел туда. Несладко спуска его промах, крикнул:

— Большой нос берестяной маски. У-гу-гу-у-у!

Меню в разные стороны убегая. Он вала шумки. Побежал по дороге вслед за ними. Оказывался, меню отомля много и грохотался. Шумки домой шес. И теперь лавит слышно и благозвучно.

172. Сказка про умного старика

Один старик говорит своей старухе:

— Насуни мне сухарей, завтра я в лес пойду.

Истекла следующая ночь. Старик поел, попил, в путь готовился. Тронулся. Пошел. Пришел в лес, а лесную пазуху. Собрал дрова. Неставил чай. Думает: «Убьют меня этой ночью менки».

Нагреб кленки и рукоятку молотка. Вот слышит — дверь распахнула. Пошел менка, хоски от дверей с собой в лес втащил. Палад повернулся — туда же их забил. Потом сел. Манси говорит:

— Дедушка, кедровые орехи ешь?

— Ем.

Дал менку маленьких камней. Менки говорит:

— Твои орехи очень жесткие!

Манси говорит:

— И такие же ем.

Менки говорит:

— Давай загадки загадывать.

Манси говорит:

— Загадываю.

Менки говорит:

— За вывороченным стилом дерева серебриная клонка показывается.

Старик разгадал:

— Лес глухарь.

Теперь манси говорит:

— И загадаю: зная ст руни человека, шедшего из той земли, здесь, остался.

Менки не разгадал. Старик потихонечку молоток и кленки взял. Кладками занял все менку. Молотком бьет его. Отпустил.

Менки на улицу пошел, кричит:

— Молтали? обжег меня!

Почем к чему один меня бьет:

— Кто тебя обжег, что тебя обжегло?

Менки говорит:

— Молтали обжег меня.

Менки ты и не догадался. Так и ушел. Наступило утро. Манси собрал свою овежу, чтоб домой идти. Думает: «Убьют меня». Двой идет. Пришел. И теперь со старухой живут счастливо и благополучно.

173. Менки в болоте

Живет один старик. Живет и думает: «Сложу-ка я в лес».

Помел. Куда повернет голову — туа и идет. Шел, шел и вышел в болоту. Оказавшись, в болоте менка провалился. Старик хоть и повернул обратно, менка его заметил:

— Вучек, вучек! Сбегай к бабушке. Ее дом там, среди больших лиственниц.

Старик пошел. Принес туза, через дверь слушает. Слышно — ребенок плачет. Жена молча говорит:

— Не плачь, сынок. Сире придет твой отец и принесет тебе поесть.

Постояв на улице, старик сразу в дом ябскал. Постепенно

молчал.

— Дел провазилел!

Старуха сходила в передний угол. Принесла рукав от шелковой шубы, принесла рукав от сукошной шубы.

— Пощачей моего ребенка.

Старуха пошла.

Когда старик качал ребенка, мальчик пытался па люльки выбраться, чтоб съесть его. Старик па ушину убежал. Смотрит: старуха шаркает целые эстосницы с кормима и бросает их в сторону мужа. Жена говорит:

— Дом ли твой вук? Что мы ему дадим?

Принесший мужчина думает: «Наверно, убьют меня».

Убежал. Домой пришел. Сделал себе шубу па подаренного ему мехового рушала, сделал себе сукошный гусь па подаренного сука.

И теперь живет счастливо и благополучно.

174. Заблудившийся охотник

Жил в давню времена охотник-манси. Жал он один. Ходит па охоту. Однажды ушел он па охоту в дальний урман. Охотнее па лесных зверей и птиц, он заблудился. Идет па лесу и слышит чей-то крик. Этот крик похож па человеческий. И охотник отправился па то место, где кричал человек. Мужчину-охотника увидел, как в болоте топчет человек. Топущий подошел мансийскому охотнику ближе и говорит ему:

— Сынок, походи сюда. Но очень близко не подходи, иначе и ты заплывешь.

После этих слов топущий человек сказал ему:

— Сынок, у меня есть к тебе просьба: там, в тустом лесу, стоит изба, в этой избе живет моя жена. Скажи ей: «Па перепутке семи болот отец утонул».

И отправился мансийский охотник размышлять, ту пзу. Долго, коротко шел охотник. Вот он увидел пзу. Подомел к ней, в днерях стал прислушиваться. А в это время женщина качала и ублаживала ребенка.

— Сынок, сынок, не плачь. Отец нам принесет жирного мяса.

Мансийский охотник вошел в избу, и женщина перестала качать ребенка. Ребенка она все еще в люльку содержала, а он уже был подростком. Он локк молдавскому мужчине кричит — так есть хочет. И тогда охотник сказал такую эсть:

— Па перепутке семи дорог отец утонул.

Женщина успокоила своего сына. Потом она отрезала рукав от шелкового платья и отдала доброму человеку за то, что он принес весть. Вышли они из дома и отправились туда, где то-и-ся человек. Подошли к болоту. Женщина стояла с корзиной вырывать перья и класть их в болото. Подала один кусок дерева и вытаскала своего мужа из болота. И муж спросил ее:

— Чем ты, жена, отблагодарила доброго человека?

Жена отвечает:

— Я ему отдала рукав от шелкового платья.

И от этих слов у него заболело сердце.

— Почему ты не отдала все платье?!

Муж с женой отблагодарили доброго человека и отправились к себе домой. А мужчина-охотник отправился дальше. Долго, коротко шел, снова заблудился. Никогда не может найти дорогу домой. Так неизвестно куда идет по лесу. Видит — нечереет, и луна уже высоко в небе взойшла. Слышит он, что кто-то кричит:

— Вверху понае! Новотите!

Маленький охотник смотрит: кричащий сидит на верхушке сосны. И тогда охотник вырвал сосну из земли и привалил себе на плечо. Мужчина прослушивается, а тот покрикивает:

— Кур, кур, кур!

Поставил он сосну на землю, и неведомый черт спрыгнул ему на спину. Нан охотник упал в обморок. У этого неведомого черта была берестяной кузов, который зацепился за сук сосны. Кузов был огромный: он был шире из трех огромных берестяных коло-теш. Мужчина-охотник очнулся. Встал кузов, качался на плечи и отправился искать свою переню. Долго шел и пришел к своей деревне. Вынул все из кузова и увидел столько шкурки бобра, лисы, соболя, сколько не видел за всю жизнь. Он раздал все богатство охотникам деревни. И сам стал жить богато. И теперь живет.

175. Человек с Липпа да человек с Сосны пошли однажды в лес.

Человек с Липпа да человек с Сосны пошли однажды в лес. Пошли и заблудились. В лесу встретились.

— Послушай,— один говорит,— ты дорогу к себе домой знаешь?

— Нет, не знаю. А ты?

— И я не знаю.

Пошли дальше вместе. Идут, бегом промываются. Ночь настала, спать легли. На другой день дальше идут. Другая ночь прошла. На третий день вышли они на край болота. Видят, дом стоит. Из дома дочь вышла вышла, по воду пошла. Домой вернулась, отец ее спрашивает:

— По воду ходила, что видела?

— Ничего я не видела,— дочь отвечает.

Второй раз за водой пошла. Тем временем люди побоялись подошла. Увидела она их. Когда домой вернулась, отец опять спрашивает:

— Что видела?

— Ничего не видела. — И в третий раз по воду вышла.

Люди тем временем к самому дому подошли. Дочь вышла назад вернулась, отец снова спрашивает:

— Что видела?

— Ничего не видела.

— Но слышай, что-то видела?

— Два человека пришли.

— Назови их.

Позвала девушку, они не идут. Отец второй раз ее нисылает:

— Позови, пусть войдут.

Тогда вошли. Посадили их за стол, накормили. После того сосынского человека звали я мужа младшей дочери, а ляписского — средней дочери. А еще раньше, до их прихода, к менским человек с Юсасом попал. Тот человек теперь мужем старшей дочери стал. Встретившись, казымец говорит:

— Идите ко мне, вместе спать будем. Скажите меншам: «Мы с казымцем спать будем».

Поняла она к менским, говорят:

— Мы у казымского человека спать будем.

— Спите, — меншам отвечают.

Новым казымцем товарищей своих учат:

— Завтра войдите, скажите: «Мы по дрова поидем».

Пауэро люди к менским пришли, говорят:

— Мы по дрова поидем.

— Ну, идите, — менским отвечают.

Попли. Казымец три топора с собой взял и брус топчальный взял. Прямая на место, спать легли. Пауэро казымец ляписскому говорит:

— Ты здесь оставься, а мы дрова рубить будем.

Сосынский с казымским дрова топчи рубить, а ляписский сидит, топор топчит. До самого их прихода все топчит. На другой день сосынский человек остался топор топчить. Пока товарищи его прова рубили, он все топор топчил. Топчил, топчил, выточил. Товарищи вернулись, казымец топор посмотрел, говорит:

— Этого мало, теперь я еще денек поточу. Вы завтра по дрова идите, а я топчить стану.

Пауэро товарищи дрова рубить ушли, а казымец топор топчить сох. Трелику на лезвие положит — трелинка надвое распадется, яточку на лезвие положит — яточка надвое распадается, так выточил!

На другой день домой собрался. Домой пришли, казымец говорит:

— Завтра лани менским жертву приносить поедут. Пас с собой повезут. На жертвенное место поедом, а тот жо день до него не доберемся: далеко едем. На ночлег остановимся. Менским

уговаривать будут, чтобы с ними ложиться. Не соглашайтесь, вы вместе идите.

Как казымец товарищем сказал, так и было. Утром встали, приходит семь менов. Пришла менила, ведет оленей ловить. Попли к стаду. Менила казымцу говорит:

Белого да белого поймай!

Двама брелом, белого оленя за пучок поймал.

— Пестрого быка за правый рог поймай,— менила указывает.

Метуза, за правый рог поймал.

— Черного быка за голову поймай, петля дальше ушей что-бы «» проскокшая!

Метуза, за голову поймал.

— Белого за переднюю ногу поймай!

Дриан метузу, на переднюю ногу петлю накинул.

Семь белых оленей поймали, да семь черных оленей поймали, да семь пестрых оленей поймали. Тогда карты заиграли, поехали. Далеко ехали, коротко ехали, до жертвенного места не добрались. На холмах останавливались, Рам-чи ехал.

— Люди, дождитесь с нами,— менила говорит.

— Нет,— те отвечают,— мы вместе с казымцем лишим.

Легли. На менилов смотрят. Те все не засыпают. Девчата, девчата, напоишь заснуть. Тогда люди свои три тупора взяли.

— Я троим менилам головы отрублю,— казымец говорит,— мы мне тогда другой толор дайте. Еще двоим отрублю — третий толор дайте.

Так и сделали. Менилов перебили и бежать бросились. Ночь бегут и зень бегут. Ночь настала, на холмах остановились. Дрова для костра рубить стали, слышат: позади тоже кто-то рубит — то дочь менилов за ними топчет. Перепочекали. Утром казымец со своим казымцу говорит:

— Твоя жена на меня топчет! Ты в нее стрелу пусти, чтобы в середину груди попала.

После того поднялись, дальше поехали. Вскоре показалась дочь менилов, соседнего человека жена. Тот остановился, стрелу пустил. Стрела в середину груди ей попала. Дочь менила ушла. Бегут дальше. Ночь настала, на холмах готовиться стали, дрова рубят. Слышат: позади их тоже рубит кто-то. Это средняя дочь, жена соседнего человека, за ними топчет, убить их хочет. Казымец казымцу говорит:

— Твоя жена пришла. Как встанем утром, она положится. Ты в нее стрелу пусти, чтобы в середину лба попала. Не понадеясь — нам всем смерти!

Ночь поехали, утром поднялись, дальше поехали. Вскоре дочь менилов показалась. Говорит:

— На, с сердцами из тиглушек!! Псих наших перебили, убьете и меня!

Линивский остановился, стрелу пустил. В тот миг, как он стрелу пустил, дочь менила тоже выстрелила. Кда нагнуться успел, все же от стрелы увернулся. Дочери менила стрела в се-

режину аба вопиялась. Дочь меншка упала, а они далеко бегут. Целый день шли. Вечер настал, на ночлег готовиться стали. Когда дрова нарубали, слышат: позади их кто-то тоже дрова рубит.

— Моя жена пришла, — казымец говорит. — Ну, теперь нам смерть. Что делать будем?

Когда спать ложиться стали, казымец опять говорит:

— Духов просите, чтобы вам завтра ее убить удалось.

Ночь провели, утром рано встали, дальше идут, вскоре жена казымца пришла, — слы, причитт:

— Эй, вы, с сердешной из гнидушек! Всех людей наших перебили, меня теперь тоже убейте!

Казымец остановился, стрелу пустил. В тот миг, как он стрелу пустил, жена его тоже выстрелила. Едва увернуться успел. Стрела его чуть-чуть не задела, снизу даже выскочил летомок. Дочери меншка стрела в правый бок вошла. Дочь меншка упала. Трое людей тогда далеко пошли. Долго шли, коротко шли, до дома меншков добрались. Все добро меншков забрали, всех оленей забрали. Пошли домой. В прошлый раз как дорогу не знали, найти не могли, а теперь сразу нашли. Долго шли, коротко шли, до дому наконец добрались. Как пришли, так все добро, всех оленей разделили и во своим местам размылись.

Теперь они живут, и счастливы.

176. Сражение меньвов

Живут старуха и старик. Настал один день. Старик говорит своей старухе:

— Приготовь мне хлеба, чтоб в лес сходить.

Старуха напекла хлеб. Наступил второй день. Старик в лес пошел. Принес в лесную пилушку. Настала ночь, лег спать. Утром встал. Поел-поил и дошел. Шел, шел — вблизи какой-то треск слышался. Побоялся туда поехать. Дерутся двухголовый и трехголовый меншвы. Пошел туда. Говорит:

— Вы что делаете?

— Мы должны вскопать поля, смыдыва нашему батюшке надеждавую.

Потом трехголовый меншв убил двухголового меншва.

Меншв говорит манси:

— Не выдавай менш: там есть меншв еще больше меня. Следуй за мной, не вызывай менш! Если не выдашь, там у убитого меншва есть маленький меншок, сорви его!

Манси сорвал меншок, за пазуху положил. Трехголовый меншв встал, уходит — пар от него поднимается.

Манси по дороге след за меншвом идет. Слышно что-то дышание. Оглянулся назад: ошамыется, ошиготовый меншв идет. Меншв говорит:

— Убежавшего вора не видел?

Манси говорит:
 — Нет, совершенно не видел.
 — Нет, ты видел. Лучше скажи. Если не знаешь, саблей зарублю тебя.
 Манси говорит:
 — Вот сейчас пошел.
 Пятиголовый менка побоялся являться за трехголовым менком. Манси отошел немного, насыпался треск. Поспешино идет туда. Подошел. Оказывается, менкам уже схваталось. Деревья ломают. Манси подошел туда поближе:
 — Вы что делаете?
 Менки говорят:
 — Мы делим золотой мешок, сыздавна нашему батюшке принадлежавший.
 Потом пятиголовый менка убил трехголового.
 Пятиголовый менка говорит:
 — Не выдавай меня. Если не выдашь, я тебе золотой мешок дам.
 Манси сорвал золотой мешок с подбородка убитого менка. Пятиголовый менка побежала. От менка пар поднимается.
 Манси идет сбоку дороги след за менком. Менка скрылась. Манси немного побоялся, прислушиваясь: слышно что-то дышание. Оглянувшись назад: семиголовый менка идет. Теперь менки говорят:
 — Убежавшего вора не видел?
 — Нет, совершенно не видел.
 — Нет, ты его видел. Если не скажешь, здесь же саблей зарублю тебя.
 Манси сказал:
 — Только что вот здесь пошел.
 Семиголовый менка побоялся являться за пятиголовым менком. Менка скрылась. Манси подошел немного — поклялся какой-то треск. Поспешино идет туда. Пришел. Смотрит: дым менка доносится. Семиголовый менка убил пятиголового менка. Манси туда пошел. Говорит:
 — Вы что делаете?
 Менка говорят:
 — Мы делили шкатулку, сыздавна нашему батюшке принадлежавшую. Шкатулку он куда-то сиритал, а все же набул ее.
 Менка говорит манси:
 — Ты тут побудь, а домой сбегаю, младшего братишку спрошу. Шкатулку куда-то увесли, может быть, он знает.
 Потом менка домой побегала. Манси шкатулку увидел, взял и убежал. Немного отошел. Прислушивается: слышно что-то дышание. Оглянувшись назад: семиголовый менка идет. Семиголовый менка говорит:
 — Я тебя саблей зарублю! Зачем шкатулку украл?
 Манси назад обернулся: менка к нему идет. Манка близко подошла. Манси менка саблей зарубил. Менка ушла. Манси назад пошел. Пришел в лесную чащу, одну собрал. Домой

пошел. Пришел. На полученное от женихов золото живут со старухой и пьят-едит.

И теперь живут счастливо и благополучно.

177. Пипы-онка

В одном поселке, в одном месте живут муж и жена. Муж в лес ушел, жена дома осталась. В открытии чувала что-то показало, ветер что-то пострепывает. Это Пипы-онка. Женщина пустила Пипы-онку и стала с ним любоваться-миловаться, играть. Вернулся муж с охоты. В дом вошел и говорит:

— Самыли-палы! В доме чувствуется посторонний человек!

Жена ему отвечает:

— Какой же посторонний? И повесила в чуvalo котел. И надеваю наряд, в котором готовлю еду.

Муж опять ушел в лес. Пипы-онка тут как тут — снова поинтерес в ушке чувала. Женщина пустила его в дом. Они стали миловаться, играть. Мула-то дома нет! Вернулся муж и говорит:

— Самыли-палы. В доме есть признаки постороннего человека!

— Что за самыли-палы? Это и повесила на вешала свое выстиранное платье.

В третий раз муж ушел в лес. Пипы-онка снова через отверстие чувала в дом влетел. Опять стал с женщиной веселиться, играть и миловаться. Долго, коротко так жили, однажды Пипы-онка узелок собрался. Он оторвал от своей рубашки рукав и отдал его женщине. Сам сказал:

— Если у тебя не будет сына, то сшей из рукава себе платье. Если же будет сын, то сшей ему рубашку.

На этого рукава женщина все сшила и даже оловом сшила. Муж домой пришел. Долго, коротко жили они с женой. Однажды жена родила девочку. Ну а девочка, в песнях воспитан, и сказках проглавленнан, долго ли растет? Выросла. Сосватал ее сын Усынг-отыр-ойки и увел к себе в жену.

Долго, коротко жили муж с женой. Жена родила мужу второго ребенка — мальчика. Муж ругает жену:

— Это Пипы-ойкой принесенный мальчик! Ты ему деньги отдала!

Вышел на улицу мальчик, стоит и плачет. Стоял, стоял и вдруг заветал: новая сати зашвырнулся. Смотрит мальчик вниз — сметливо-слова жевнула. Она говорит мальчику:

— Внучек, почему ты плачешь? Или, внучек, от дома в лес, по дороге, по тропе. Не спеши идти. Там стоит сосна с гнездом, а в нем находится жених.

Пришел туда мальчик. Снова стоит и плачет. Тут показался из гнезда отец Пипы-ойки, спрашивает мальчика:

— Внучек, почему ты плачешь?

— Почему я плачу? Мой отец на меня очень ругается, так говорит: «Пусть Пипыг-ойки отдаст мне большой ящик с золотыми деньгами, унесенный им!».

Отец Пипыг-ойки взял ящик и спускал его вниз к мальчику. Мальчик взял ящик, принес домой и отдал своему отцу. Должна предположить мать. Делю жалю, коротко жили, снова отец стал ругать мальчика. Говорит ему:

— Скажи отцу Пипыг-ойки, чтобы отдал мне свой парад, в котором обстаает землю.

Вышел на улицу мальчик, плачет. Медленно побрел он по лесной дорожке и пришел к сосне с дуплом. Плачет. Из дупла выглядывает отец Пипыг-ойки. Он спрашивает мальчика:

— Почему, почему ты плачешь?

— Мой отец очень ругается, так говорит: «Пусть отец Пипыг-ойки отдаст мне свой парад, в котором он обстаает землю».

— Зачем я отдам ему парад Пипыг-ойки, в котором я сам обстаю землю? Ты залезай на сосну в дупло.

Мальчик залез на сосну. Отец Пипыг-ойки говорит ему:

— Слыхи дией здесь земля, совершенно не поднимайся!

Мальчик говорит:

— Мать я отдал мне очень жалю.

— Никуда они не денутся.

Унес отец Пипыг-ойки, что-то внизу девает. Мальчик головой чуть исповевает: что-то шумит и шумит. Непоминлось семь дией, как мальчик лежит в дупле. Отец Пипыг-ойки пришел. Мальчик встал на ноги и видит: весь носелок водий унесен, все онем сложено, осталось только три или. Отец Пипыг-ойки девочку с собой принес. Девочку поестой назвал, а мальчика — его мужем. Сам себя назвал Мир-сусне-хумом. И теперь они живут, и теперь адриваются.

178. Маленькая Женщина Брусничный Глаз

Жила-была маленькая женщина на имени Брусничный Глаз. Озвлады к ней пришел мужчина, в дом вошел. Маленькая Женщина Брусничный Глаз разожгла огонь, паяла в котел воды и говорит мужчине:

— Понес на огонь большой котел в семь першков.

Мужчина пошел, чтобы понести котел на огонь. Смотрит — а котел-то ведичной с голову белки. Маленькая Женщина Брусничный Глаз мыла на улицу, чтобы принести домой мясо и сварить его. Говорит мужчине:

— Ты — человек несни, ты — человек сказки, принеси домой бычю погу.

Мужчина смотрит: это всего-навсего белычн жетя. Он думает: «Такая маленькая белычн жетя! Что я буду есть?» Маленькая Женщина Брусничный Глаз сварила котел мяса. Мужчина ел, ел и не смог съесть. Так много было мяса! Он досыта паялся. И теперь он живет.

179. Сильный Юван

Жил был старик. У него было три сына. Младшего звали Юваном. Юван был дурачком, избалованным мальчишкой. Ущипнет или своих сверстников, и они с криком от него разбегаются. Так они и пожили! Отец однажды говорит им:

— Сыновья, давайте-ка построим лодку дом: ¹³⁴⁴

И отправились, смыслив в лес рубить деревья и готовить бревна для дома. Пришли они в лес. Старшие братья стали тихой спиливать деревья. Юван не спиливает, деревья с корнями из земли вырывает. Бросает их — только корни деревьев трещат. Старшие братья говорят:

— Ты не рви деревья с корнями, а лучше спиленные нами на берег стакивай. Мы сами будем валить лес.

Старшие братья не успевают дерево от сучьев очистить, как Юван искоро хватает его и тащит на берег. Поработав, трое братьев бревна оставили и отправились домой. Когда они вернулись, отец спрашивает их:

— Саша, как вы деревья рубили?

Старшие сыновья отвечают:

— Мы-то рубили, папаши деревья, но Юван их с корнями на берег таскал.

Тогда отец сказал им:

— Пусть будут деревья с корнями, и корни пригодятся нам. Отец начал спрашивать Ювана:

— Сынок, ты почему такой сильный?

Юван отвечает:

— Дерево — это еще что! А если бы у земли было место, за которое держаться, я бы землю перевернула.

Затем Юван отправился в город. Говорит сам себе:

— Побегу искать человека, который сильнее меня.

Долго шел, коротко шел, навстречу ему старый всадник. Всадник приблизился, он был на белом коне. Спустился с коня на землю и поздоровался. Юван так крепко помахал ему руку, что он едва выдержал. Старик стал говорить с ним. Долго говорили они, и настало время всаднику дальше путь дерзать. ¹³⁴⁵

Сказ он ей своему жене в рыцарях.

— Сынок, у меня с собой железный посох, я его на земле табуля. Ты поддай его мне.

Юван взялся за посох, хотел его поднять, но никак не может.

Тогда старик и говорит ему:

— Ты же земля хотел перевернуть, а теперь один посох поднять не можешь. Земля-то — она такая тяжела! Больше не хвально своей силой.

Старик нагнулся, поддал свой посох и заткнул его за пояс. Затем он взглянул и сказал:

— Перенеси к братьям — топором работай, больше в хвалю своей силой.

Юлан отвалился в обратный путь. Пришел к братьям и отцу, в свои дом стронил. И Юлан стал топором работать. Теперь он работает как настоящий мастер, строит дом. Такой прекрасный дом они выстроили, что облако над ним раздвигается. Вот и сказало конец.

180. Окаменевшие братья

В одном поселке, в одном доме живут три брата. Один из них стал куда-то собираться. Стрелы и лук он дома оставил. Братьям говорит:

— Вы следите за стрелами. Если и в какой-то стороне узру, то стрелы и лук в том направлении наклонятся.

Ушел брат. Пришел он к реке, говорит:

— На той стороне реки избушка стоит. Если в ней есть кто-нибудь, то перебежит меня!

Неизвестный человек привел к нему лодку, говорит:

— Не садись на нос лодки. Тут нуных должен сидеть. На другое место садись. Что ты так скрючился?

На другую сторону реки переехали, и дом вошли. Женщина схватила котел, поспеша его над огнем. Сама зовет собаку:

— Акваринг слыши, пурр-пурр! Возьми, загрызи!

Акваринг слыш повинуясь, загрызла первого брата. Он стал камнем. Оставшиеся дома братья смотрят на сироты брата — они наклонились. Средний брат пошел искать своего брата. Стрелы свои и лук тоже оставил дома. Пришел он к той же реке, где был его брат, и кричит:

— Лодку на эту сторону притащи, меси на ту сторону реки перебежи!

Привел сюда лодку мужчина, говорит среднему брату:

— Не садись на нос, на место идешь. На другое место садись. Что ты так скрючился?

Речку переехали, вышли на берег, в дом вошли. Женщина схватила котел и повесила его на костер. А сама зовет:

— Акваринг слыши, изурр-нуур! Иди-и, ищи-и!

Акваринг слыш повинуясь, загрызла второго брата. Он тоже

стал камнем. Бедно жили эти три брата. Третий брат ищет в доме что-нибудь пасть на себя, чтобы пойти на поиски своих двух братьев. Смаркался о путь и пошел. Иск, шел и пришел к той же самой реке. Кричит:

— Перебегите меня на ту сторону реки!

За рекой из избушки вышел один мужчина — Горный человек, Лесной человек. Третий брат угрожает ему:

— Горный человек, Лесной человек, и приходи на ту сторону, дам тебе хорошенько!

Мужчина с той стороны отвечает ему:

— Ленивый человек, слабый человек, я тебе дам!

Пришел мужчина к лодке. Опрокинутую лодку перевернул — она неважной в три острова. Лодку на воду столкнул, грести стал. Лодка мертвая, туда-сюда качается. Тут третий брат говорит ему:

— И перебеда на ту сторону, тогда покажу тебе верную лодку!

Мужчина пригнал лодку и говорит третьему брату:

— Не садись на нос, на место встань!

Третий брат прыгнул в лодку, ударил мужчину по уху. А тот все еще рвется к веслам. Тогда третий брат еще раз его ударил. Мужчину замолот, больше не рвется к веслам.

Речку пересекли. Лодку затопили на берег, опрокинули ее и стали раскачивать по берегу. Мужчина кричит:

— Ой, моя толпула асиний человек, слабый человек! Мой нос в землю врезался!

Третий брат раскрыл двери дома и говорит:

— Горючий человек, Лесной человек меня толкнул!

Упал он на середину поля, на полу кровь показавшаяся. Женщина схватила котел с семью ушками, на костер повесила и кричит:

— Асаранг сясня, пурр пурр! Вильям, закрижи!

Женщина жила тонор, отрубив свой нос. Из дома все разрубилась. Асаранг сясня на огонь опустила. И сама себя в своем котле на огонь опустила. Мясо кипело, кипело, его на улицу выплеснуло.

Тем временем третий брат раскачивает по улице, смотрит — извили лезут. Это его два брата. Он кончик пальца отрезал, кровью капнула. Братья ожили, кровью плюют.

Все трое они ушли домой. И теперь живут, и теперь адвастуют.

181. Младший брат-тусь

В одном поселке, в одном краю жили были три брата. Однажды старший брат говорит своим братьям:

— И в охотничью избушку схожу, где поставлены слопцы.

Ушел старший брат в лес. Братья его ждали, ждали, но он так и не вернулся домой. Тем временем старший брат пришел к избушке, добыл боровую птицу, разделав ее и мясо опустил в котел. Как только мясо в котле уварелось, откуда-то появилась Кирт-нел-ока. Она говорит:

— Боже мой! Ватлиши, внучек, все звезды алеют, как закат!

Старший брат поднял голову вверх, а Кирт-нел-ока в это время острым ножом проткнула ему горло, убила его и съела. Долго живут, коротко живут дома два брата. Как-то средний брат говорит младшему:

— Наш брат так и не пришел домой. Он, поверное, много боровой дичи добыл. Не может один принести. Я тоже туда пойду.

Собрались, снарядились и ушли. Шел, шел и пришел к охотничьей избушке. Потом убил борую птицу, приготовил мясо, опустил его в котел. Когда мясо сварилось, тут снова появилась Кирт-пелл-эква и сказала среднему брату:

— Боже! Взгляни, плучек, как светят все звезды!

Средний брат взглянул вверх, а Кирт-пелл-эква в это время проткнула ему горло острым ножа, убила его и съела.

Дома остался один младший брат. Он размышляет:

— Братья мои куда-то ушли. Не возвращаются они домой. Поблудай и я туда.

Младший брат тоже пошел к избушке. Пришел туда, вошел в избушку — братьев его в ней нет. Как и его братья, младший брат добыл борую птицу и поставил варить мясо. Мясо сварилось. Тут же появилась Кирт-пелл-эква. На сей раз она села есть потроха птицы и говорит:

— Боже! Взгляни, плучек, как горят все звезды!

Но младший брат не взглянул на звезды. Схватила он Кирт-пелл-эква и посадил ее на огонь — ее как же бывало, ошпарил куда-то унесло.

Тут младший брат говорит, пригорюнившись:

— Зачем я слега старуху? Она могла бы быть мне товарищем. Одному-то жить тоскливо.

Он разжег сильный огонь, лег на костер и спорел.

В другой стране, в другом городе жила-была одна царь. У него было три дочери. Делго, коротко парь-жыл, однажды он на тридцати кораблях поехал торговать. Далеко ехал, близко ехал, во время плаванья царь кричит своим служилым на кораблях:

— Такой красивый мис у реки! Пристаем тут.

Корабли причалили к берегу. Царь нырнул на берег, расслаживается. Он обнаружил кострище, а в нем человеческие кости лежали. Ходил, ходил царь по берегу, ничего не нашел и говорит своему народу:

— Сделайте деревянный ящик.

Сделали деревянный ящик, принесли его к кострищу. Человеческие кости собрали, завернули их в тонкие сушки, толкни их в ящик и положили в деревянный ящик. Ящик принесли на корабль, на котором плыл царь. Царь поставил ящик под своим окном. Корабли отчалили, дальше поплыли.

Стекло. Народ заснул. Лежащие в ящике кости человеком стали. Этот человек поднялся в образе гуся. Летел, летел он и через окно влетел в комнату дочери царя. Говорит ей:

— Тебе было поручено шить шапку. Она, наверное, готова?

— Готова, — отвечает девушка.

— Кольцами обмелелся, — удивилась гусь ей говорит. — Дай твои кольца.

— Человек, с которым я поменяюсь кольцами, далеко живет. Как я с тобой буду меняться?

Мужчина-гусь взял палку и полетел. Он прилетел на корабль царя, шапку повесил под окном царя, а сам лег в деревянный ящик.

Наступило утро следующего дня. Царь спрашивает свой народ:

— Кто ходил за шапкой?

Отвечают разом все:

— Я ходил, я ходил...

Царские корабли поплыли дальше. Далеко ли плыли, близко ли плыли, снова остановились на почтете. Царь просит своих слугачиков:

— В эту ночь кто-нибудь из нас пусть сходит в священный дом. Там мне была заказана шапка, ее надо принести сюда.

Все заснуло. Вот слышится какое-то движение, какой-то шорох. Это вновь поднялся в образе гуся молодой мужчина, лежачий в деревянном ящике. Полетел. Летел, летел и прилетел к дочери царя, вошел к ней и говорит:

— Твой отец велел сходить в священный дом и узнать, но готова ли его шапка.

— Шапка готова. Здесь она, — говорит девушка.

— Кольцами обменяемся!

— Человек, с которым я поменяюсь кольцами, далеко живет. Мужчина-гусь схватил шапку, взлетел и к царю полетел. Прилетел к царю. Шапку повесил над окном царя, а сам лег в деревянный ящик.

Утром царь спрашивает народ:

— Кто ходил за шапкой?

Все отвечают:

— Я ходил, я ходил...

Корабли плавно плыли. Долго, коротко плыли, царь говорит своему народу:

— Кто в эту ночь пойдет в священный дом? Там мне заказаны сапоги, они, вероятно, готовы? Их тоже надо.

Ждал, ждал царь, кто пожелает пойти. Однако все молчит. Стояло. Лежачий в ящике мужчина опять взлетел в образе гуся. Летел, летел и взлетел к дочери царя через окно. Говорит ей:

— Не готовы ли сапоги царя?

— Готовы.

Мужчина-гусь снова стал просить дочь царя обменяться с ним кольцами. Но дочь царя не согласилась. Мужчина-гусь взял сапоги, прилетел на корабль и повесил их над окном царя. Утром царь спрашивает свой народ:

— Кто ходил за сапогами?

— Я ходил, я ходил... — все отвечают.

Долго, коротко плывал царь по различным странам. Наконец собрался он домой возвращаться. В свой город приплыл. Спрашивает царь из окоп корабля на берег, не идут ли его дочери к реке.

Видит: старшая дочь спускается к реке, идет к отцу. Подошла к нему, обняла отца, поцеловала. Отец ей говорит:

— По земле ездил, водой плавал, но не нашел для тебя ни платья, ни платка! Привез только один ящик. Нужен он тебе?

Старшая дочь отвечает:

— Что привез, то и хорошо!

Он с отцом открыл деревянный ящик, а в нем человеческие кости. Старшая дочь рассердилась:

— Что я буду делать с костями?

Рассердилась, ушла на берег. Отец остался на корабле. Снова он смотрит на берег. Видит: идет к реке его средняя дочь, одетая в платье из тонкого шелка. Подошла к отцу, обнялась и поцеловалась. Отец ей говорит:

— Почему я не привез для тебя. Но есть у меня один ящик. Нужен он тебе?

— Что привез, мне то и пригодится.

Вместе пошли открывать деревянный ящик. Раскрыл царь ящик, а в нем кости. И эта дочь рассердилась на отца:

— Что я буду делать с мертвыми человеческими костями?

Обиделась средняя дочь и ушла на берег. Остался царь на корабле и ожидал прихода младшей дочери. Видит: идет к реке его младшая дочь, раздетая и тонкие шелка. Пришла дочь, поцеловалась, поцеловалась с отцом. Он и говорит ей:

— Не привез я для тебя хорошего платья, а привез один ящик. Если нужен он тебе, бери!

— Что привез, то и возьму!

Раскрыл отец деревянный ящик, а младшая дочь согласилась унести этот ящик на берег.

— Как ты пронесешь на берег такой тяжелый ящик?

Но младшая дочь и не слушает отца. Сама унесла ящик на берег и поставила его у себя в комнате.

Младшая дочь вечером ли ляжет спать, встанет ли утром — в комнате давно в самое темное время светло, как солнце сияет. Вышла она на улицу: там удивится, тут удивится — на улице еще темно. Она думает про себя: какой хороший мужчина! В комнате так светло, будто солнце в доме!

Младшая дочь поцеловала лежащего в ящике, он стал мужичиной. Они вместе стали жить. Долго ли, коротко ли они так жили. Однажды царь, пошел в своей средней дочери и говорит ей:

— Иди зови явлей, свадьбу будем играть!

Муж средней дочери царя говорит своей жене:

— Не ходи!

Она все-таки пошла. Пришла к старшей сестре и зовет ее:

— Зять на свадьбу приглашает. Иди, иди. Если мы не пойдем, он нам горло перерубит.

Старшая дочь царя оделась и пошла в дом отца. Пошла в дом отца — и бежит и бежит! Друг оказалась в нечке. Куда-то исчезла и младшая дочь царя. Ее муж алым, сердатым стал: весь народ, живший в городе, убил.

Долго так было, коротко так было. В одном месте появилась младшая дочь царя, смотрит: никого нет, только она одна. И пошла она в путь. Далеко идет, близко идет, смотрит: старуха сидит. Старуха спрашивает ее:

— Младшая дочь царя, как ты сюда пришла? Каким летающим зверем ты сюда пришла?

— Много несущих людей разве одинаково приходят? Я хоть и сплелу тебе, но ты же не знаешь.

Дочь царя дальше идти собралась. Старуха дала ей в дорогу один клубок ниток, одно кольцо и один медный шарик. Старуха машет-машет ей:

— Отпусти клубок ниток и медный шар. Куда они покатятся, туда и ты иди.

Катится клубок ниток, катится, катится, а за ним царская дочка идет. Долго шла, коротко шла, пришла к дому. Подняла клубок ниток и медный шар. Пошла двери железного дома, вошла в дом. В дом вошла — туда ткнет, куда ткнет. Бабушка, живущая в этом доме, говорит:

— Тихо, тихо! Моя не проткни! Ты что-нибудь мне подарить?

Дочь царя отдала бабушке клубок ниток, а сама отправилась в обратный путь. По пути она увидела четырехзвездный дом. Вошла в дом, смотрит: на столе медовая еда, обильная еда стоит. Но ей не до еды. Спряталась она под столом, слушает, притаившись. Слышит: приближается гусь. Он идет в дом, сел с собой шкуру маленького гуся, повесил ее на гвоздь, стал человеком и съел есть.

В это время младшая дочь царя тихонько подкралась к нему за спиной и закрыла руками его глаза. Мужчина просит:

— Сделай хорошее дело, отпусти меня! Глаза мои вот-вот лопнут!

Дочь царя его не отпускает. Мужчина продолжает просить: — Наверное, юным востром принесенная женщина, отпусти меня!

Дочь царя не отнимает свои руки с глаз мужчины. Он говорит:

— Наверное, младшая дочь царя, жена моя! Отпусти руки! Жена отпустила свои руки с глаз мужа. Муж поднялся из-за стола и давай ее бить. Бил, бил, бросил ее и говорит:

— Жить не умеешь! Больше ты не будешь моей женой!

Дочь царя с тех пор стала собирать мусор в воду носить. Так и теперь живет.

182. Волшебная палка

Жили-были мать с сыном. Однажды в их доме еды не оказалось. Сын пошел в лес ставить песты. Вернулся домой, выспался, встал и снова пошел в лес. В лесу попал гаухарь. Он говорит юноше человеческим голосом:

— Отпусти меня!

Юноша отвечает:

— Если я тебя отпущу, то что я буду есть?

— Отпусти, я дам тебе еду.

Отпустил юноша глухаря, сам домой пошел. Пришел домой, матери сказала. Мать ругается:

— Одного глухаря добыл и того отпустил! Чем питаться будем?

На другое утро сын ее встал, надел на спину большой кузов и пошел. Шел, шел. Однажды пришел к семитажному дому. В этом доме жила старик. Он и был глухарем. Спрашивает юношу:

— За едой ко мне пришел?

Наполнил он полный кузов еды, а сверху положил золотой круг. Отправился юноша домой к матери. Пришел. Кузов с золотым кругом повесил наверху дома. Утром встали, посмотрят — золотого круга нет, кузова нет и еды нет. Все выкрала. Это Городской Богатырь-Старик украл.

Снова пошел к старухе юноша, рассказал ему о пронаже. Старик-глухарь спрашивает:

— Ко мне за едой пришел?

Старик наполнил едой кузов, сверху положил золотой круг. Юноша отправился к матери. Вернулся домой. Кузов с едой на улице повесил, а золотой круг — в передней комнате.

Городской Богатырь-Старик поднял золотой круг на серебряный. Снова обманул юноша. Снова пошел к старик-глухарю за едой. Тот дал ему хлеба и медный круг. Юноша отправился к своей матери. Пришел домой. Кузов повесил в доме. Разбогател. Живут с матерью.

Вышел как-то юноша на улицу и видит: Городской Богатырь-Старик удивляется его богатству, как он снова разбогател. Тут юноша стал примерно туда-сюда бегать, приглашает Городского Богатыря-Старика поест:

— Городской Богатырь-Старик, ешь садись!

Тот отвечает:

— Не хочу. Пот если отлажь мне виснящий в горнице медный круг, тогда есть буду. Иначе не буду.

Юноша отдал медный круг, сам вышел на улицу. Там никакая еда не осталась. В четвертый раз пошел юноша к старик-глухарю в семитажный дом. Пришел он в дом, ударил старика, схватил и унес с собой лежавшую тут медную палку и пошел к Городскому Богатырю-Старику драться. Пришел туда, говорит:

— Выходи на улицу!

Городской Богатырь-Старик вышел на улицу. Стали они драться. Юноша мощнейшей палкой бил-бил Городского Богатыря-Старика и убил его совсем.

183. Охсар-ойка и Король-ойка

В одном месте, в одной деревне жили двое мужчин. Одного звали Охсар-ойка, другого — Король-ойка¹. Живут они в доме высотой в три бревна. Хорошо живут, но здравия. Охсар-ойка говорит однажды:

— Сегодня мы сходим к царю и попросим у него весы для взвешивания золотых денег.

Король-ойка говорит:

— Послушай! Откуда у нас деньги, чтобы просить весы для взвешивания денег? Царь наших шен перерубит.

Не послушав его Охсар-ойка, пошел к царю. Пришел, открыл двери царского дома, до середины дошел, на два лег. Потом он трижды сходил к лесу и снова пошел к царю. Царь за столом сидит. Царь руку вверх приподнял, говорит:

— Охсар-ойка, что за нужда у тебя?

— Маленькие весы я прошу у тебя — деньги взвесить.

— Ион там висят, возьми.

Охсар-ойка взял весы, домой принес. По дороге к дому он нашел одну золотую монету. Весы монетой тер, тер, они стали как золотые деньги. Охсар-ойка весы обратно царю отнес. Весы, как золотые деньги, на доску повесил. Сам вышел на улицу. В это время весы упали. Царь спросил:

— Что упало?

— Что упало, то твое счастье.

Царь рассматривает свои весы, размышляет:

— Я на этих весах золотые деньги взвешивал, они такими не были. Теперь весы как золотые деньги стали. Сколько же денег у него?

На другой день Охсар-ойка снова стал сбираться к царю, чтобы попросить весы для взвешивания серебряных денег. Король-ойка сказал:

— У нас нет денег, что будем взвешивать?

Охсар-ойка не слушает его. Пошел к царю. Вошел в дом царя, лег на пол, на самую середину пола лег. Царь руку вверх приподнял, спрашивает:

— Охсар-ойка, какая тебе нужда ко мне пришла?

Охсар-ойка говорит:

— Мне нужны весы для взвешивания серебряных денег.

Царь говорит:

— Вон они висят, возьми!

Охсар-ойка схватил весы, вышел на улицу, принес их домой. По пути к дому он нашел одну серебряную монету. Ею весы трет, трет. Весы стали как серебряные деньги. Охсар-ойка весы обратно к царю отнес и повесил их изверху на гвоздь. Стам домой пошел. Тут весы упали. Царь сказал:

— Что там упало?

— Что упало, то твое счастье.

Царь рассматривает весы, размышляет:

— И серебряные деньги взвешивала, псы такими не были. Теперь они как серебро. Сколько же у него денег?!

Охсар-ойка вернулся в свой дом высотой в три бревна. В доме жинит. Но прошло три или четыре дня, он говорит:

— Схожу-ка и еще к царю за весами для взвешивания медных денег.

Король-ойка ему говорит:

— Где у нас с тобой такие деньги?

Охсар-ойка не слушает его. Снова в дорогу отправился. К царю пришел, на середину пола лег. Тут царь свою руку приподнял, спрашивает его:

— Охсар-ойка, что за нужда у тебя?

Охсар-ойка ему отвечает:

— Я приду у тебя весы для взвешивания медных денег.

Царь говорит:

— Но там они висят, весы!

Охсар-ойка весы взял, домой направился. На обратном пути он нашел одну медную монету. Ею весы трет, трет. Весы совсем как медные деньги стали. Охсар-ойка весы отнес в дом царя.

Понесла их на место, где они всегда висят, сказал:

— Спасибо! Ты весы мне давал, теперь у меня деньги есть!

Охсар-ойка домой вернулся, говорит своему другу:

— Король-ойка, сегодня мы вместе с тобой к царю сходим свататься.

— Король-ойка говорит:

— У меня одежда нет. Что я надену на себя, как пойду свататься? Мою шею царь все равно перерубит.

Они хорошоенько умылись, оделись в лучшую одежду и вместе пошли. Пришли к царскому дому, вместе раскрыли двери дома царя, вошли в него и легли на пол. Затем встали, дошли до середины пола и слова легли.

— Охсар-ойка,— царь говорит,— какая нужда, какая забота у тебя?

— Есть у меня нужда, есть и забота. Мы пришли к тебе сватать твою дочь.

Царь свдиг опустив голову. Потом голову поднял и говорит:

— Дочь моя далеко. Так что я ничего не могу сделать. Но если ты дашь мне тридцать позных саней золотых, серебряных и медных денег, то я свою дочь за тебя отдаю.

Охсар-ойка говорит:

— О, такое дело! Разве это много денег? Скажи своему парю, чтобы через эту реку, по которой ездит на лодках с веслами, к утру мост был бы готов. Нам дай мешок, чтобы в него положить груз с тридцати саней.

Царь дал им такой мешок. Они пошли. Пришли к своему дому высотой в три бревна. Король-ойка сказал:

— Разве мы можем наполнить доклады такой мешок? Где возьмем деньги? Царь отрубил наши головы!

Они вышли из дома. Охсар-ойка идет верхом по берегу, а Король-ойка — пешком. Они нашли маленький наем, в мешок его положили. Мешок зашили и принесли домой.

К утру мост через реку уже был готов. Король-ойка и Охсар-ойка пришли туда тайком, до середины моста дошли. Тут они подпилили нижние столбы моста, чтобы мост обвалился, когда до нему пойдут лошади с грузом.

Лошади пришли в обед. Охсар-ойка мешок с маленьким камнем спрятал на тропинке сеной. Все тридцать сеной покосили по мосту одновременно. Дошли до середины реки Оби — и мост обвалился. Все тридцать лошадей, тридцать сеной в воду свалились, утонули. Король-ойка и Охсар-ойка к царю пошли. Пришли, спрашивают царя:

— Почему твои люди даже один мост не могли хорошо построить? Тридцать лошадей с санными, полными золотых, серебряных и медных денег, и тридцать человек с ними утонули. Кого сейчас винить? Ты виноват! Теперь ты отдашь нам свою дочь. Тридцать сеной золотых, серебряных и медных денег в твою руку шли, ты не смог их вернуть. Теперь нас не суди! Ничего другого делать царю не оставалось. Царь стал созывать всех, живущих в этих местах. Сладко делать стал. Три или четыре дня пили и ели. Но однажды Охсар-ойка царю сказал:

— Нам ехать надо.

Дочь царя в путь собралась. У мужика был неводник. Пришли на берег. Сам Охсар-ойка сел на корму, чтобы лодкой управлять, непа — на середину лодки, а Король-ойка — в гребях. Поплыли. Длого плыли, коротко плыли. Вот уже их дом позади оставался стал. Король-ойка говорит:

— Наш дом сзади остался!

Охсар-ойка ему отвечает:

— Молчи! Если ты ничего не знаешь, так спи спокойно!

Дом их остался позади. Они все едут, едут вдоль Оби. Смотрят: лошади пасутся. К берегу пристали. Охсар-ойка на берег подплыл, спрашивает:

— Чьях лошадей пасешь?

— Это лошади Илмим-ойки и Ялмим-ойки?

— Так не говори. Иначе царь завтра все огнем сожжет. Говори, что это лошади Охсар-ойки и Король-ойки.

Спустился Охсар-ойка к реке. Дальше поплыли, смотрят: паны пасутся. К берегу пристали. Охсар-ойка идет на берег, спрашивает пастуха:

— Чьях овец пасешь?

— Илмим-ойки и Ялмим-ойки овец.

— Так не говори, иначе завтра царь огнем все сожжет. Говори, что это овец Охсар-ойки и Король-ойки.

Спустился к реке Охсар-ойка, и дальше поплыли. Немного съехали, смотрят: дойные коровы пасутся. Пристали к берегу. Охсар-ойка говорит:

— Вы посидите тут. Я на берег схожу.

Поднялся он в гору, спрашивает:

— Чьи короны?

— Это Ялмы-ойки и Илмы-эны короны.

— Так не говори. Говори, что это короны Охсар-ойки и Король-ойки.

Охсар-ойка спустился к реке. Они дальше поплыли.

Долго плыли, коротко: плыли. Однажды показался красивый город. Они подъехали туда, смотрят: стоит огромный дом, величавый с горой, величиной с деревню. К берегу пристали. Охсар-ойка говорит:

— Вы здесь посидите, я подплыву на берег.

Поднялся он в гору, вошел в дом. А в доме из людей никого нет. Только в большой денежной чашке на столе сидят, скорчившись, Ялмы-ойка и Илмы-эны. Охсар-ойка говорит им:

— Дедушка, бабушка, сидите?

— Да, сидим.

— Такой огненный царь едет, что все на пути огнем сжигает! Мы спрячемся от него, вот тут и едем.

Ялмы-ойка и Илмы-эны говорят:

— Мы не можем спрятаться. У нас нет сплы.

Охсар-ойка взял их вместе с денежной чашкой, унес в лес и большой пазкой проткнул их сердца. Сам пошел к реке, к своему. Говорит:

— Идите! Двери дома настежь открыты!

Его жена и Король-ойка поднялись на берег. Все в дом вошли. Красиво и бегло оделся в новые пальто, сапоги. Поели. Легли спать. Слад с собой не убрал, так и спит.

На другой день корабль показался. Охсар-ойка смотрит: это царь со своим народом в гости едет. Охсар-ойка был одет в тонкие шубы, в тонкие шелка. Корабль к берегу причалил. Царь поднялся на берег, думает: «Какой богатый мужчина! Поэтому он и прошил шкуры. Какой счастливый попал!»

Едят гости, а еда не кончается. Гости, пьют. Охсар-ойка во время угощения говорит гостям:

— Здесь, в нашем поселке, есть очень плохой зверь. Он постоянно кричит, даже спать мешает. У нас пороха нет. Если ты дашь нам пороха, мы застрелим его.

Царь отвечает:

— Порох у меня есть, дам.

Заключилось угощение. Царь уезжал домой. Охсар-ойка и Король-ойка съездили к царю, пороха привезли. Приехали домой. Пошли к тому месту, где лежат проткнутые насквозь Ялмы-ойка и Илмы-эны. Они вырыли под ними яму, положили туда пороха и подожгли. Порох взорвался, все вместе взорвалось, и вот дедушка и бабушка нет. И ялмы-эны нет.

Охсар-ойка и Король-ойка вернулись домой. Их дом, короны, шубы, лошади — все остались живы. И теперь они живут, и теперь здравствуют.

184. Ендырский и Пизимский

Жили-были двое мужчин — Ендырский и Пизимский. Они были мамки и давно дружки. Если один из них собирается идти в одну сторону, то второй обязательно пойдет в другую сторону. Однажды Ендырский пришел к Пизимскому в гости. Он говорит своему другу:

— Пошли вместе в лес!

Пришел он в лес. Ендырский спрашивает Пизимского:

— Ты что-нибудь знаешь о своей жене?

Его друг Пизимский отвечает:

— Ничего не знаю.

— Твоя жена неверна тебе, не любит тебя. Она живет с другим мужчиной.

— Я ничего не замечаю за нею.

— Ты этой ночью иди домой, к жене.

Пизимский ночью домой пришел. В доме его жена с другим мужчиной за столом сидят. Жена всхлипла, слезы мужа кнутом ударила. Муж ее препратил в собаку. Ендырский на лесу встречается, его друг Пизимский на встречу собакой бежит.

Долго жили, коротко жили, однажды с верховьев реки купец приехал. Он остановился у Ендырского мужчины. Купец смотрит — какая хорошая собака! Смет вывадет, она на смету смит, без хитрости. Если в смете лежит, то никого близко к ним не подпускает. Купец назвал собаку Вашкой, взял ее с собой. Ехали, они ехали, в Тобольск приехали. Чем сам хозяин нитается, тем и собаку корит.

В городе Свердловске у купца был знакомый губернатор. Однажды губернатор приехал к купцу. Сидят, разговаривают. Купец говорит:

— У меня такая собака есть! Куда ни пошла, туда она и бежит, что ни попрошу, то и несет. До тех пор дает, пока еду не конит!

Губернатор просит купца:

— Продай собаку!

— Не продам. Собака мне очень нужна. Ты ее так подержи четыре года, а потом мне обратно ее отдай.

Губернатор собрался вести собаку в Свердловск. Он смотрит: собака действительно очень умная. Все делает, все караулит, даже воду сама черпает. Правда, очень умная собака! Губернатор приехал в Свердловск с собакой. Живут.

Как-то к нему из Москвы приехал император. Губернатор с императором были очень близкими знакомыми, стали разговаривать.

Губернатор хвастается:

— У меня есть очень умная собака! Все делает и все караулит, никого близко не подпускает!

Царь просит губернатора:

— Сделай хорошее дело, отдай мне собаку! У меня было два

сына и оба с малых лет куда-то исчезли. Мои жепа скоро родит дитя. Собака хорошо его будет охранять.

— Царь, а эту собаку на четыре года взял у тобольского купца.

Царь говорит:

— Хорошо. Я подержу ее два года, потом верну тебе.

Император стал домой собираться. И собака с ним собирается. Собака поехала с царем. Приехали в Москву. Царь говорит своей жеве:

— Я хоршую собаку прива. Зовут ее Ваня. Ты месца через два родишь маленького. Собака очень хорошо его будет охранять.

Царица родила сына. Куда она мальчиша повесет, туда и собака бежит. Царь с женой стали укладываться спать. Царица говорит царю:

— Собака пусть на свободе будет.

Царь позвизд ей, говорит:

— Собаку надо приваждать. Ночью она будет мешать спать. Собаку приваждали за перенку. Сами уснули. В полночь их слыла ворон вымывала. Собака заявляла, с перенки рвется. Ворона пошула, и собака на улицу вылезала. Но ворон с ребенком уже поверку летит. Собака пошула бежит, прыгает. Ворон устал, спустился отдохнуть. Собака его поймала, сколько-то времени потренила, покусала и отпустила. Ворон снова стала подниматься. А собака отобрала ребенка и пошла его в Москву к царю. Пришла собака к царскому дому. Царица бросилась к ней, чтобы взять сына. Однако собака не отдает ей ребенка. Царь впустил собаку с ребенком в дом и сам взял сына. За это он наградил собаку золотой медалью, золотым престом и золотой цепочкой. Царь отправил собаку обратно губернатору в Свердловск и наказал сопроводить ее:

— У кого я брал собаку, тому ее и отдай!

Собака вернулась к губернатору. Тот отослал ее купцу. Купец накормил ее и отправил туда, где она жила, — в Ипалмы.

Собака вернулась на родину — в поселок Изимы. Жена хочет отнять у нее царскую перенку, драться с ней собирается. Собака в дом вошла. Там сидел один мужичка. Жена схватила кнут и ударила им собаку. Собака в ворону превратилась, полетела вверх по реке.

Долго летела, коротко летела ворона. прилетела одлажды и один горд. Там стоят две жавал, черная и порочная, наормилннм хлебом. Вскоре пышала на улицу двое мужичи, совершенно одинаковые. Они посмотрели, посмотрели на ворону и ушли в дом. Немного погодя из этого дома вышел дед. Он говорит:

— О, друг, теперь ты попал!

Дед поймал ворону и стал бить. Принес ее в дом, взял кнут и ударил кнутом ворону. Ворона человеком стала. Дед спрашивает:

— Дорогой друг, ты ходил за царским сыном?

Мужчина отвечает:

— Я ходил.

— Царь тебе отпустил, я тебя тоже отпущу. Отсюда ты иди домой.

Дед отдал ему кнут и наказывает:

— Ты домой придешь, в дом войди и сразу же кнутом всех удари! Что скажешь, то и будет сделано.

Пиздмский мужчина собрался идти домой. Пошел. Шел, шел, на родину пришел. В дом вошел, сразу свою жену и мужчину кнутом ударил. Они оба лошадами стали. Надев на них узду, хомут, запряг и начал ездить на них. Ночью их во корит, при-
вывает. Днем лошадей снова запрягает, ездит на них. Семь дней так ездил Пиздмский мужчина. Лошади и сани не смогли уже возить. Так они и пропали, на острие сгорели.

185. Про орла

Крот и воробей собирали ягоды. Разделили ягоды поровну. По одна ягодка лишней осталась. Они ее никак не разделят. Драться стали. Тут орел над ними летит и говорит:

— Крот на земле найдет ягоду, а воробей не пайдет.

Приземлился орел. Крот к нему пошел. Подошел и крылья орла перерывает. Орел взлетел и улетел на землю. Он ходил, ходил в бору, словец нашел. У словца сидит какой-то старик. Старик натянул в сторону орла лук и стрелу, а орел стал жалчивой с иголку. Орел подошел к старiku, просит его:

— Милый человек, добрый человек, накорми меня!

Покормил старик орла, привел его домой. Жена сердится, не хочет в доме орла держать. Стали они кормить орла: вечером си лошади съедает, утром корову съедает. Жена кормила, кормила орла и говорит своему мужу:

— Милый муж, добрый муж, выпусти орла на свободу!

Муж выпустил орла. Орел полетал, полетал, обратно вернулся, просит старика:

— Меня еще неделю покорми!

Прокормил орла еще неделю. Жена снова ругаться стала, говорит:

— Выпусти его на волю!

Муж выпел орла на улицу, отпустил. Тут орел говорит ему:

— Садись на мои крылья!

Сел мужчина на его крылья. Они полетели. Летали, летали, однажды орел сбросил мужчину со своего крыла. Сам сел на землю. Мужчина просит орла:

— Отпусти меня, орел, не мутай!

Орел отвечает ему:

— Еще два раза сброси.

Снова сел мужчина на крылья орла. Полетели. Летали, летали, высоко поднялись. Орел срывает мужчину:

— Земля видна?
 — Видна.
 Орел сбросил мужчину с высоты, затем снова подхватила его на лету около земли. Снова полетели. Полетели за черное облако, за дымчатое облако. Орел спрашивает:
 — Впереди что-нибудь видно?
 — Видны один дом и один амбар.
 Прилетели они туда. Собака залаяла. Сестра орла вышла на улицу, целоваться с братом стала, спрашивает его:
 — Где ты был? Уже целый год пропал.
 Она ввела орла в дом, накормила, напоила. Орел просит сестру:
 — Отдай мне твою шкатулку, окрашенную черной краской, которая лежит под подушкой!
 Сестра расплакалась и говорит брату:
 — Не отдай! Пусть хоть отец и мать придут — и им не отдай!
 Орел говорит мужчине:
 — Пойдем на улицу.
 Вышли они на улицу. Мужчина сел на крылья орла и полетел дальше. Летели, летели, орел говорит:
 — Посмотри назад, что-нибудь видно?
 Мужчина изогнулся назад и говорит:
 — Красная лиса скачет!
 — Это я дом своей сестры огнем зажгу.
 Дальше полетели. Летели, летели, орел говорит мужчине:
 — Посмотри вперед, что-нибудь видно?
 Мужчина посмотрел и говорит:
 — Видны один дом и один амбар.
 Прилетели туда. Вторая сестра на улицу вышла, целоваться стала с братом. Она ввела его в дом, накормила, напоила. Тут брат ей говорит:
 — Отдай мне под подушкой лежащую твою шкатулку, окрашенную черной краской.
 Сестра расплакалась, говорит брату:
 — Не отдай! Хоть мать, отец пусть придут — не отдам и я!
 Орел говорит мужчине:
 — Пойдем на улицу.
 Вышли на улицу. Орел говорит:
 — Садись на мои крылья.
 Сел мужчина ему на крылья, взлетели и дальше полетели. Взлетели в черное облако, в мохлатое облако. Орел спрашивает мужчину:
 — Позади что-нибудь видно?
 Мужчина посмотрел назад и говорит:
 — Красная лиса прыгает.
 — Это я перед вылетом огнем зажгу дом моей сестры!
 Дальше полетели. Летели, летели, орел говорит:
 — Посмотри вперед, что-нибудь видно? Видно или нет?

Мужчина отвечает:
 — Один дом и один амбар видно.
 Орел говорит:
 — Моя самая младшая сестра из моих старших сестер тут и живет.
 Туда прилетели. Собака залаяла. Сестра на ушницу вышла, с братом целуется. Домой его привела, накормила, напоила. Па-евинис, брат просит сестру:
 — Отдай мне твою шкатулку, лежащую под подушкой, окрашенную черной краской.
 Сестра заплакала: жалко ей шкатулку. Говорит брату:
 — Отдай!
 Отдала она брату шкатулку и ключ отдала. Говорит ему:
 — Не открывай шкатулку в пути!
 Эту шкатулку орел отдал мужчине. Тот взял ее на свое плечо и пошел. Шел по проложенной здесь черной дороге, шел по протоптанной тропе. Пришел он на берег озера, думает: «Открою-на я шкатулку. Почему сестра орла не велела ей открывать?» Открыл шкатулку и упал без сознания. А когда очнулся, то услышала, как и ступне тихонько соль толкут, деревянным вальком тихонько белые колотят. Лесной ударил мужчину по спине, говорит ему:
 — Если ты хочешь что-то сказать, то говори быстро. Что тебе неизвестное есть, то и отдай мне!
 Мужчина сидит и думает: «Что мне не знакомо? Жене свою знаю. Дом свой знаю». Тут лесной опять ему говорит:
 — Что тебе неизвестное есть, мне отдай!
 Мужчина отвечает:
 — Возьми.
 Лесной таким проворным стал, начал быстро все собирать. Все вместе собрал, положил в шкатулку, закрыл ее на ключ и отдал мужчине. Говорит:
 — Иди домой.
 Мужчина пошел домой. Пришел, вошел в дом. Сын его стоит рюком к нему. Он поздоровался с сыном, а сын ему и говорит:
 — Меня лесной к себе звал. Я туда поеду.
 Жена заплакала, запричитала:
 — Одною силой вырастала, и того ты лешему отдал!
 Сын их собрался и ушел.

186. Семь лебедей

Жили-были брат с сестрой. Жили они без отца и без матери. Брат сколько-то побыл дома и отправлялся промышлять. Сходил, по личего не добыл. Сестра ругаться стала:
 — Так мы с голоду умрем!
 Брат говорит сестре:
 — Кукол домой принеси, пещи собери, промышлять поеду.

Брат ушел промышлять. Долого шел, коротко шел, увидев дом, увидел амбар. Подошел к дому, подошел к амбару, ходит взад-вперед. Он вошел в амбар. Там много-много еды было. Какая еда! Какая одежда! Тут и вино. Взял он камень, лежавший на полу в середине амбара, сам за дверь спрятался. Стоит, слушает. Послышался разговор. Это брать богатырей идут. Юноша стоит за дверью, ждет. Тут и амбар вошел первый богатырь. Юноша ударил его камнем по голове. Таким же образом еще троих убил. Один богатырь скрылся.

Юноша взял свой кузов, наполнил его едой и пошел домой. К сестре домой пришел, говорит ей:

— Приготовь еду. Завтра снова пойду промышлять.

Сестра приготовила еду. Утром брат встал и вошел промышлять. После его ухода в дом вошел один богатырь. Он спрашивает девушку:

— Куда ушел твой брат?

Девушка отвечает:

— Он ушел промышлять.

— Когда вернется домой?

— Скоро не придет, только вечером придет.

— Меня накажи! Ты не бойся, я тебя не убью, — говорит ей богатырь.

— Мы поженимся с тобой.

Девушка отвечает:

— Брат вернется, он нас обоих убьет.

Но богатырь снова ее спрашивает:

— А скоро твой брат вернется?

— Пожалуй, скоро придет.

— Ты меня укрой где-нибудь.

Девушка спрятала его в подполье. Тем временем брат вернулся домой и спросил сестру:

— Подай еду на стол, я есть хочу.

Сестра сидит и говорит ему:

— Если ты живой человек, то надо тебе жеваться. До каких пор и для тебя еду буду готовить?

Брат сидит и размышляет:

— Кого же жать в жены?

Тут ему сестра советует:

— Сначала возьми с собой кринку. По дороге увидишь урман, там тебе встретится мышь. Ты покля подом, его молоко выпей, и сила твоя увеличится. Сильнее по дороге встретишь, ее подом и молоко выпей — в два раза сила твоя увеличится. Медведя встретишь, подом, молока выпей. Сила твоя в четыре раза увеличится.

Брат ее надел сапоги, взял с собой кринку и отправился в путь. Пришел в далекое место, глухое место. Там на него набросился волк. Но юноша его до смерти закинул, полную кринку молока напил, выпил — сила его прибавилась. Пошел даль-

ше. Свинья павлетречу кинулась. Юноша и ее заминал, полную крипку молока падола, выпил — сила его увеличилась в два раза. Дальше идет. На него медведь набросился. И его пасмерть заминал, падола крипку молока; выпил — сила его вчетверо увеличилась. Вдруг появились собаки. Юноша взял собак, привел их домой и привалял на печь в сенях дома. Сестру спрашивает:

— Теперь куда мне идти за женой?

Сестра ему отвечает:

— Иди в зменный царский город. Там живут семь лебедей. Одна лебедь рассказывает в золотом оперении. Ее в жены возьми. Брат собрался на поиски лебедей. Говорит сестре:

— И пошел!

Брат ушел. Долго шел, коротко шел. Однажды перед ним открылась поляна. Был полдень. Уже темнеть стало. Юноша смотрит вперед: берестяной пень стоит. Пошел он туда, несомом пошел ударил, и тот развалился. Из него появилась старушона:

— Милый внучек, зачем так ударяешь? Мой дом, мою деревню совсем разломал!

— Как ты в таком доме живешь?

— Мне бог велел жить в этом доме. Заходи, внучек!

Вошел юноша в дом, но ничего не видит: темно. Старушка подошла к столу, пальцем до него дотронулась, и несомомкая еда, питье на столе появились. Юноша сел есть. Поелся. Старушка ему постельку постелила. Юноша лег, а она его спрашивает:

— Куда ты идешь?

Он отвечает:

— И жениться иду. Ты, бабушка, не знаешь ли что-нибудь? Пауки меня.

Старушка отвечает:

— Завтра расскажу.

Утром встали, старушка и говорит:

— И дам тебе платок, клубок ниток, чашку с серебряным дном и кольцо. Этим платком ты глаза завяжи. В чашку садись, а ноги наружу опусти. Клубок ниток опусти, пусть он катится. Кольцо на указательный палец надень. Куда клубок ниток покатится — и ты туда. Долго, коротко так покатишься, время от времени своим пальцем землю цупай. Когда окажешься на чистом месте, глаза развяжи.

Юноша старивался в путь. Долго, коротко так двигался, погами изредка землю цупает. Прибл на чистое место, развязал глаза. Оказывается, прикатился в чашке к морскому берегу. Старушона лежит на берегу. Юноша задел под лодку, слушает: около него лебеди детят, семь лебедей. Прилежались лебеди, сняли крылья и начали купаться. Долго, коротко они купались. Юноша выполз из-под лодки, украл одно лебединое крыло и снова спрятался.

Лебеди нытан из воды. Шесть лебедей оделась, взлетела и скрылась. Одна лебедь тут осталась. Походила немного и спрашивает:

— Кто вил мое лебединое крыло?
Юноша лежит и молчит. Лебедь снова спрашивает:
— Если ты — женщина, то сестрой тебя назову. Если ты мужчина, то отцом назову. Отдай мне лебединое крыло!
Юноша плачет. Лебедь продолжает:
— Если ты молодой юноша, мужем тебя назову!
Юноша вышел из укрытия, отдал лебединое крыло. Тогда лебедь-девушка говорит:
— Теперь возвращайся. Я полечу домой. А ты как туда доберешься? Как только моя о ец и мать заметят нас, они сразу нас съедят!
Юноша ей отвечает:
— Как-нибудь доберусь.
Девушка-лебедь советует:
— Иди, придерживаясь дороги. Будут люди навстречу идти, будут плакать и плакать, с тобой здороваться. Ты не здоровайся с ними. Увидишь первый дом — это дом моей сестры, второй дом — это дом моего отца, а третий дом — мой дом. К нему иди. Подойди к углу этого дома, палкой постучи, я тебя впущу.
Девушка-лебедь улетела домой. За ней пошел и юноша. По пути ему люди встречались, с ним здоровались, а он мимо проходил. Пришел к первому дому, пришел ко второму дому, пришел к третьему дому и палкой постучал. Жена-лебедь открыла окно и через окно впустила его в дом. Они поселись, нажились и стали жить.
Однажды к ним пришли служанки. Разбудили их: отец девушки звать к себе зовет. Они встали, оделись. Пришел туда звать, поговорил с отцом жены. Тот говорит звать:
— У меня есть молодой жеребец, его надо обучить. Всем поселком всем народом с ним не можем справиться.
Зять отвечает:
— Если из силы не хватит, то мной советом не хватит.
Зять передом повернется — смеется такой повернется — ржал. Пошел он домой, пришел к жене. Жена его плачет. Она спрашивает:
— Ты плачешь?
Он отвечает:
— Я не плачу.
— Твои слеза в моей ладоши, посмотри.
Он смотрит: действительно, на ладони слеза. Жена успокаивает его.
— Не бойся! Сходи к кузнцу, возьми у него смола, узду, двухпудовый молоток и железный куут. Как набросится на тебя жеребец, ты выплесни ему в глаза смолу, надень узду и бей молотком в задницу.
Муж ее сходил к кузнцу. Была то, что желала жена. Вернулся домой и пошел к отцу жены. Он открыл конюшню, в которой стоит жеребец. Жеребец кинулся на него, хотел фыркнуть. Но муж в глаза коня смолу выплеснул, надел узду, бьет его

из конюшни, вскочил на него и поехал. Долго, коротко ездая, обучая, бия коня духиновым молотком и железным кнутом. Жеребец выбился из сил, еле до дому дошел. Муж привязал коня к столбу, сам вошел к отцу жены, говорит:

— Лошадь свою на место поставьте, а вы обучали.

Сам пошел домой к жене. Жена ему говорит:

— Этим вечером спрячемся, иначе нас съедят.

Она приготавилась скрыться. Жена плюнула в сторону кровати, плюнула в сторону умывальника, плюнула в сторону стола и в сторону двери плюнула. Сидимся. Однако отец и мать их заметили, изловлю ли выи последи работника. Вот-вот работники их догонят! Тут жена ударила мужа и превратила его в дом, а сама стариком стала.

Работники подошли к старику, спрашивают его:

— Не видел ли ты кого-нибудь?

— Никого нет. Я один здесь живу.

Работники повернули обратно. Вернулись домой, его спрашивают:

— Кто-нибудь видел?

— Один старый старик живет в своем доме.

Отец и мать и говорят:

— Так это они и были.

Отец и мать сами туда направились. Влетели она в облив кур. Зять с женой слова спрятался. Принял на берег моря. Никому только зашла, как отец с матерью и морю пришли, говорят им:

— Отсюда вам без нас дальше не уйти!

Дочь отвечает:

— И нам отсюда без нас нигде не уйти!

Отец с матерью хотели было прель уйти, но с места сдвинуться не смогли. Тогда они просят:

— Идите сюда, дочка и наш зять!

Дочь и зять пришли к ним, помирились с ними, поделовались с отцом и матерью. Родители говорят:

— Вы домой идите. И мы домой пойдем. Живите с богом!

Пришел вместе со своей женой-дебедью брат и сестре. Сестра смотрит: какую жену брат привел! Красавицу! Брат взял топор, отрубил от ластовницы шею, черную голову ее опустил. Сам уснул. Проснулся утром, смотрит — такая большая деревня возникла, такой город тут возник! Летящая сорока без отдыха из конца в конец долететь не может. Такой большой город вырос.

Свободу сыграла. Пил, ел. Брат с женой спать легли. Тут богатырь из поднолья появился, спрашивает девушку:

— Брат твой уснул?

Девушка говорит:

— Уснул.

Богатырь нырнул из укрытия и говорит девушке:

— Сходи принеси проволоку.

Девушка принесла проволоку. Богатырь обмотал ее брата и голову до ног этой проволокой. Брат проснулся, говорит сестре:

— Вы мою силу не пробуйте!
Он потянулся. Этот зверь — проволока — врезался ему в тело. Брат скончался. Сестра и богатырь взяли его за ноги, за голову, вынесли на улицу, унесли в лес. Там его тело положили в ябаз и засыпали землей.

Жена братя проснулась — мужа нет. Она плачет. Начала искать мужа. Искала, искала, нигде его нет. Вспомнила, как однажды муж наказывал ей: «В сенах есть три собаки, спустя их с цепи, если я скончаюсь». Она отпустила собак. Собаки тут же побегали в лес. Она за ними. Когда она прибежала в лес, собаки уже ябаз разворотили. Муж мертвый тут и лежит. Собаки начали его лаять. Проволока стала снадать. Муж пошевелился, ожил. Жена плачет. Он говорит:

— Ты плачешь?

Жена отвечает:

— Как мне не плакать? Тебя убили.

Муж спрашивает:

— Кто убил?

— Твоя сестра.

Они вместе вернулись домой. Муж говорит жене:

— Ты иди в дом, а я сейчас иду.

Сам пошел в амбар, взял оставленный отцом конжал, потыкал его и вошел в дом. Выдернул одну половину, вытащил из подполья богатыря и отрубил ему голову. Отрубил голову и своей сестре. Сами вдвоем стали жить.

Такая моя песня была. Я там была, слез, чай пила.

187. Кольцо царской дочери

Жили-были старик со старухой. Было у них три сына. Несколько отец и мать умерли. Отец народ смертью попросил сыновей:

— Когда я умру, пусть каждый из вас придет ко мне ночью.

После смерти отца старшие братья стали плохо относиться к своему младшему брату. Даже собака и то спала в другом месте, чем младший брат.

Наступила ночь. Этой ночью к отцу должен был идти старший брат. А он не хочет идти, говорит младшему брату:

— Братиска, ты следи. Я для тебя что-нибудь хорошее сделаю. Отец что скажет, ты утром придешь и мне расскажешь.

Наступило полночь. Младший брат собрался и пошел. Пришел он на кладбище. Отец поднялся и спрашивает:

— Это ты, старший сын?

— Нет.

— Это ты, средний сын?

— Нет.

— Это ты, младший сын?

— Да, я.

Отец ему говорит:

— На трудный день, на день нужды возьми шерсть белой лошади. Одну шерстинку спичкой зажжешь — белая лошадь появится. Перед тобой будет стоять белая лошадь — из ноздрей кoster и огонь выдуть! Пойдешь в одну ноздрю, из другой выйдешь и станешь богатырем, вооруженным саблей и конем.

Младший сын взял шерсть белой лошади, домой пошел. Пришел домой. Утром встал, старший брат его спрашивает:

— Что сказала отец?

— Фу! После смерти ты сможешь что-нибудь сказать? Так и он.

Другая ночь наступила. Надо идти среднему сыну. Он тоже не хочет идти к отцу и просит меньшего брата:

— Братиска, ты ходи. А я что-нибудь доброе для тебя сделаю. Отец что скажет, ты утром мне расскажешь.

Наступила полночь. Пошел к отцу младший сын. Пришел он на кладбище. Отец поднялся и спрашивает:

— Старший сын, это ты?

— Нет.

— Средний сын, это ты?

— Нет.

— Младший сын, это ты?

— Да, я.

— На трудный твой день, на день твоей нужды возьми шерсть черной лошади. Одну шерстинку черной лошади спичкой зажжешь — появится черная лошадь. Перед тобой стоит черная лошадь — из ноздрей кoster и огонь выдуть! Ты войдешь в одну ноздрю, из другой выйдешь и будешь богатырем, вооруженным саблей и конем!

Младший сын взял шерсть черной лошади и пошел домой. Пришел. Утром средний брат спрашивает его:

— Что отец сказал?

— Если ты умрешь, что ты сможешь сказать? Так и он.

Наступила ночь идти к отцу меньшему сыну. Старшие братья размышляют.

— Эта ночь — его ночь. Пойдет или не пойдет, это его дело. Меньшой сын пришел на кладбище. Наступила полночь. Отец поднялся и спрашивает:

— Младший сын, ты?

— Я.

— На трудный день, на день нужды, на день тяжелый в твоей жизни я даю тебе шерсть рыжей лошади. Одну шерстинку спичкой зажжешь — рыжая лошадь появится. Перед тобой будет стоять лошадь рыжей масти — из ноздрей кoster и огонь выдуть! Ты в одну ноздрю войдешь, в другую выйдешь и окажешься богатырем, вооруженным саблей и конем!

Младший сын взял шерсть рыжей лошади, пришел домой. Живут.

В городе цари люди всей земли собрались. Они снимают кольцо царской дочери: кто его схватит и снимет, царь за того отдаст свою дочь и жены.

Про это уже знают все люди земли. Про это усмыслили и старшие братья. Среди отцовских вещей и богатства, среди животных они выбрали себе лучшую лошадь. Собрались ехать на место сборища людей. Младший брат говорит им:

— Братья мои, я с вами тоже поеду!

— Такому, как ты, куда ехать? Там, во дворе, есть хромая и слепая лошадь. На ней и поезжай.

Уехали старшие братья. Младший брат вывел хромую и слепую лошадь. Понел ее за узду, пока не скрылась из виду деревня. Потом сел на зад лошади. С обеих сторон бьет ее кнутом. Лошадь туда-сюда скачет.

Поселок скрылся. Младший брат ажжег синичкой одну шерстинку белой лошади — перед ним стоит белая лошадь. Из ее поздравей костер и огонь видны. Лошадь спрямивает.

— Мой огнистый богатырь, мой божественный богатырь, какая беда, какое богатство? Войди в правую пооздрю, а в левую выйди.

Так и сделал младший брат. Вышел из пооздри на улицу, что тебе богатырь и полным вооружен! Сел на белую лошадь, только один раз кнутом замахнул и уже догнал своих старших братьев. Когда он проезжал между двумя братьями, то кнутом замахнул в сторону одного брата и в сторону второго брата. Вот они уже приближались к месту, где спинали кобыло с царской дочери. Старшие братья меж собой говорят:

— Дэ с какой земли этот человек? С какого неба он пришел? Он и снимет кольцо царской дочери! Когда он примчался между нами, то черепашь спрыгнул!

Младший брат только до места сбора народа домчался, над миром пронесся, как огонь, и скрылся в облаках. До кольца царской дочери оставалось две сажени. Из какого места, из какой страны был этот богатырь, никто не знает.

Старшие братья домой вернулись и говорят между собой:

— Да, из какого места, из какого края был этот мужчина? Такая хорошая лошадь! Конечно, он снимет кольцо и возьмет царскую дочь и жены!

Наступил второй дачь. Старшие братья уехали. Младший брат снова пошел за узду хромую и слепую лошадь по копыла посялка. Потом сел на лошадь, бьет кнутом по обеим сторонам, по обоим бокам лошади. Лошадь туда-сюда скачет. Поселок скрылся. Младший брат ажжег синичкой одну шерстинку черной лошади — перед ним стоит черная лошадь.

— Мой огнистый богатырь, мой божественный богатырь, какая беда, какое богатство? Войди в мою правую пооздрю, а из левой выйди.

Младший брат так и сделал. Вышел из пооздри лошади богатырем, вооруженным саблех и кошем. Сел на черную лошадь,

только один раз взмахнул кнутом и догнал своих братьев. Братья его говорят:

— Из какого места этот мужчина? С какого неба он пришел? Он возьмет кольцо!

А младший брат, как огонь, промчался пал народом и снова скрылся в облаках. Братья домой вернулись, говорят:

— Э, с какой землей, из какого края этот мужчина? Такая у него лошади! Он снимет кольцо царской дочери и возьмет со в жены!

Наступил третий день. Старшие братья снова туда уехали. А меньшой их брат вывел хромую и слеую лошадь, довел ее до конца поселка, потом сел на нее. Бьет лошадь по бокам бокам кнутом. Лошадь туда-сюда скачет. Поселок кончился. Он зажмет спичкой одну шерстинку рыжей лошади — и перед ним появилась лошадь рыжей масти, говорит ему:

— Мой огненный богатырь, мой бог-богатырь, какая беда, какое богатство? Войди в правую мою подкову, а из левой выйди!

Он так и сделал. Вышел из подковы рыжей лошади, превратился в богатыря, вооруженного саблей и копьем. Сел он на лошадь рыжей масти, только один раз взмахнул кнутом и догнал своих братьев. Проезжая пал народом, он снял кольцо дочери царя и увез его с собой. Только и видели его, когда он снимал кольцо, в потом он скрылся в облаках.

Братья домой вернулись, между собой речь ведут:

— Где же живет этот мужчина? Из какого он края пришел? Он снял кольцо дочери царя. Завтра или послезавтра мы только про это узнаем.

Старшие братья спать легли. Меньшой брат думает: — Братья мои уснули. Надо посмотреть, каково же кольцо дочери царя.

Он держал кольцо завернутым в тряпички, а сам спал за печкой. Вот он думает: «Ну-ка, разверну тряпички!»

Как только из тряпички показались маленькая часть кольца, в комнате разлилось сияние. Братья ругаются:

— Что ты играешь со спичками?!

Младший брат ничего на это не сказал, завернул кольцо в тряпички.

Назавтра царь по всей земле разослал приказ: взрослые и маленькие — пусть все соберутся к царю! Когда братья стали собираться идти к царю, их младший брат им говорит:

— Я только побуду.

— Зачем нужны такие люди, как ты?

И остался дома меньшой брат. А к царю собрались люди всей земли. Царь с дочерью обходят всех с чаркою из золота. Всех обошла, никто не опустил кольцо в чарку.

На второй день царь опять собрал народ. Но снова никто не опустил кольцо в чарку.

На третий день царь издает приказ: слепые, хроме или какие другие есть люди — пусть все соберутся!

Ничего не остается делать братьям. Ранжи они с собой младшего брата. Когда царь и дочь царя стали обходить всех с чаркой, младший брат опустил в чарку ее кольцо. Дочь царя думает: «Что я могу сделать? Богом нареченный мне друг этот!»

После этого весь народ куда-то разошелся. Царь не хотел и зятя этого человека. Он размышлял: «Почему собака сидит в хорошем месте, а этот человек — в плохом?»

Дочери и зятю царь отдал побольшей жилой дом. Царь не заходил ни к дочери, ни к зятю.

Но тут почалась война. Пришло чужое войско и стало воевать с царем. Когда на город царя напало войско, царь посылает для переговоров одного своего человека. Но тот там и остается. Царь посылает второго человека — и тот не возвращается. Посылает третьего — и его нет. Город царя весь окружен. Вот-вот его враги возьмут! Тогда царь приходит к дочери и к зятю, говорит:

— Герой-зять, богатырь-зять, такое плохое дело случилось! Не сможем ли ты помочь?

— З, такое дело! Ты эди домой!

Царь пошел домой. Зять вышел на улицу, вяжет спичкой одну шерстинку белой лошади — перед ним возникла белая лошадь. Она ему говорит:

— Какая беда, какая нужда? Войди в правую ноздрю, а в левую выйди!

Вошел он в правую ноздрю, а из левой вышел и стал богатырем в полном вооружении. Сел зять на белую лошадь, только один раз кнутом взмахнул и и войску врага примчался! Туда-сюда सबлей рубит. Только головы врагов по полю катятся!

Долго, коротко он дрался, но как птица летал! Когда зять вернулся домой, царь ему говорит:

— За всю мою жизнь я не встречал такого человека, чтобы справился с целым войском всей землей! За победу над врагом, богатырь-зять, герой-зять, а отдаю тебе половину царского добра, а в придачу мой дом вместе с его двором.

Дочь царя и его зять стали богатыми. И теперь так живут, теперь радуются, счастливы.

188. Марфи-царевна

Жил-был царь. Ни дочери у него не было, ни сына не было. Но оспанды его жена забеременела. Забеременела и дочь родила. Дочери дали имя Марфи-царевна.

Через три дня после рождения дочь пошла на улицу поиграть. Кого из ребят неймаст, тот плачет, кого удврат, тот ^{жалеет}.

Со всего города, со всего поселка народ вместе собрался. Отправляли они и царю старого старика. Пошел он и дарю. Вошел в дом царя, поклонился, до середины пола дошел, поклонился.

Петр-царевич пошел домой, говорит матери:
 — Я болтушку есть хочу!
 Мать отвечает:
 — Разве у нас другой еды нет? Ты будешь есть болтушку!
 Но сын ее настаивает на своем и говорит матери:
 — Я болтушку есть хочу!
 Мать поставила котелок на огонь. Когда его дно нагрелось, Петр-царевич зовет мать:
 — Мама, иди-ка сюда!
 Мать приблизилась, котелок лопнула — дно горячее. Сын ладонь матери схватил, ко дну котелка ее прижал.
 — Ой, ой, ой, ладонь мою сожжешь!
 А Петр-царевич матери говорит:
 — Скорее же, скорее говори. Быстрее же, быстрее говори: у меня была сестра?
 Мать говорит:
 — Отпусти же мою руку!
 — Пока не скажешь, не отпущу!
 Мать говорит:
 — Однажды нетер подул, ее нетер куда-то унесло.
 Отпустил сын руку своей матери, сам вышел на улицу. В отцовском табуре он стал выбирать себе лошадь. Рукой надавил на спину лошади — спина ее прогибается. Ногу на спину лошади положил — спина ее прогибается. Один неказистый жеребенок, мохнат, все время тротся около него. Петр-царевич ему говорит:
 — Уходи, мохнат, но тебе чего лошади — и ты не выдержишь мой силы! Как цапну по тебе, так и убью папаша!
 Но жеребенок не отходит от него. Тут Петр-царевич рукой надавил на спину жеребенка — тот твердо стоит. Ногой надавил на жеребенка — тот твердо стоит. Среди всех лошадей выбрал Петр-царевич мохнат. Потом он отправился к кузнецу и попросил сделать для жеребенка узда. Узду сделали. Петр-царевич пришел домой. Что ему понравилось и подошло, то взял и надел на себя. Что ему понравилось для дороги, то взял с собой. Пошел к жеребенку. Узду надел на него — жеребенок четырехклетней лошадию стал. Царевич сел на него — жеребенок питательной лошадию стал. Выхая он из города, посмотрел на отцовский город: конец города величиной с орла виден.
 Долго, коротко сжал Петр-царевич. Стенело. Смотрит вперед: нень стоят. Царевич срынул с лошади на землю, нень лиул ногой. Из него выскочила старушопка:
 — Что ты делаешь, милый внучек? Мой дом, мою деревню разломал! Куда ты едешь?
 Петр-царевич говорит ей:
 — Сначала напой, накорми, а потом уже спрашивай!
 Привла в дом. Старушка накормила, напоила Петра-царевича и спрашивает:
 — Милый внучек, куда едешь?

— Милая бабушка, не знаешь ли ты, где находится моя сестра? Ветер однажды случился и увес ее куда-то.

— Милый внучек, ничего о ней не знаю. Завтра кое-что посмекаю.

Пстала старуха утром и пошла к озеру, спрашивает рыб:

— Не знаете ли вы что-нибудь про Марфу-царевну?

Рыбы отвечают:

— Ничего про нее не слышали, нигде ее не видели.

Вернулась старуха домой и говорит Петру-царевичу:

— Ничего не знаю. Поезжай дальше. Там моя сестра живет, может быть, она что-то знает.

Вышел Петр-царевич на улицу, сел на лошадь, дальше поехал. Не знает, долго ли ехал, коротко ли ехал. Смотрит: березовый пенек стоит. Спрыгнул с лошади, пенек ногой нул. Из него дряхлая старушонка показалась, говорит:

— Милый внучек, тише! Мой дом, мою деревню разломалась! Куда, внучек, направился?

— Сначала накорми, напои, а потом спрашивай.

Войлел в дом. Старуха накормила его, напоила и спрашивает:

— Куда едешь, внучек?

— Милая бабушка, не знаешь ли ты, где находится Марфа-царевна? Ветер случился и увес ее куда-то.

Бабушка говорит:

— Завтра посмекаю.

Пстало утром старуха и пошла в лес, спрашивает лесных зверей:

— Не знаете ли вы, где находится Марфа-царевна?

Все звери в один голос отвечают:

— Ничего про нее не знаем, нигде о ней ничего не слышали.

Вернулась домой старуха, говорит царевичу:

— Ничего не знаю. Поезжай дальше. Там живет моя старшая сестра. Если кто знает, то только она знает.

Вышел Петр-царевич на улицу, сел на лошадь и поехал дальше. Найдет кротовую тропу — едет по ней, нйдет взрослую черную дорогу — едет по ней.

Долго ехал, коротко ехал. Стемпело. Вперед смотрит: пенек березовый стоит. Спрыгнул с лошади, нул пенек ногой. Из него старушонка выскочила:

— Тише, милый внучек! Мой дом, мою деревню поломалась! Куда ты едешь?

Петр-царевич говорит:

— Сначала напои, накорми, а затем и спрашивай.

Пришли в дом. Старуха накормила, напоила, спрашивает:

— Куда, внучек, едешь?

— Милая бабушка, не слышала ли ты о Марфе-царевне? Была у меня сестра. Но ветер случился и увес ее куда-то. Ты разузнай!

Старуха говорит:

— Завтра посмекаю.

Утром старуха встала, пошла в лес. Крылатым зверем, пернатых птиц вместо сознала, спрашивает:

— Не знаете ли вы, где находится Марфа-царевна?

Звери-птицы говорят:

— Ничего не знаем!

Потом старуха спрашивает орла:

— Ты по знаешь ли, где она?

Орел отвечает:

— Знаю. Она у старика-ветра. Там она живет. Я только что оттуда сюда прилетел.

Пришла домой старуха и говорит Петру-царевичу:

— Твоя сестра у старика-ветра живет, на той стороне озера. Но путь туда плотой! Если кто на лошади был, те кости лошади там сплывут! Если кто на лодке плыл, то лодка там сплывет. Дам я тебе клубок ниток. Куда покатаешься клубок, туда и ты пойдешь. Сколько он будет катиться, столько и ты иди. Однажды клубок ниток вкатится в усадьбу старика-ветра. Ты туда и иди. Когда пойдешь обратно, клубок ниток сплывет.

Петр-царевич положил клубок ниток в карман, вышел на улицу, сел на лошадь и поехал. Немного отъехал, отпустил клубок ниток.

Долго, коротко так ехал. Однажды клубок вкатился во двор старика-ветра. Петр-царевич соскочил с лошади, клубок положил в карман. Лошадь привязал за золотой столб. Сам вошел в избу. Ходит взад и вперед. Тут его увидела сестра Марфа-царевна и спрашивает:

— Малый брат, как ты сюда попал? Твоя коня ведь здесь и сплывет!

Она накормила и напоила брата. В это время лежащий у порога мушкетер вдруг в переднюю комнату унесло. Брат спрашивает сестру:

— Ты почему здесь жила?

Тут опрокинутая посуда вдруг перевернулась. Сестра брату говорит:

— Скоро старик-ветер в дом войдет!

Их разговор еще не закончился, как вошел в дом старик-ветер. Он говорит Марфе-царевне:

— В доме русским духом пахнет! В доме мапсыйским духом пахнет!

Жена ему отвечает:

— И манси по приходил, и русский не приходил.

Петр-царевич вышел на улицу, смотрит: сестра со стариком целуются. Старик-ветер подошел к порогу, выплюнул три глотка крови, выплюнул четыре глотка крови. Он говорит Марфе-царевне:

— Истопля-ка железную баню!

Марфа-царевна двенадцать аршин дров истопила, тринадцать аршин дров истопила. Наконец железная баня докрасна накалилась. Пришла в дом Марфа-царевна, говорит:

— Баня готова, идите мыться.

Пошел Петр-царевич со стариком-ветром в баню. Старик-ветер нисред убежал. Вошла в баню, раздвинула и говорит Петру-царевичу:

— Что долго там возишься?

Петр-царевич ему отвечает:

— Сейчас иду!

Старик-ветер выскочил из бани, втолкнул туда Петра-царевича, переломал ему кости спины и забросил их за печку. Сам вымылся, пошел домой, говорит Марфе-царевне:

— Сходи в баню, брата посмотри!

Марфе-царевна пошла в баню, вошла. Хоть и нашла брата за печкой, но там только кости его лежали. Вернулась она в дом старика-ветра.

Между тем царь с женой ждут и не дожидутся возвращения сына Петра-царевича. Его все нет и нет.

Снова царьца забеременела. Родила сына, назвали его Иван-царевичем. Спусти три дня после рождения пошел Иван-царевич на улицу стрелять из лука. Он оказался среди робит. Кого из них поймают, руку ломает, ногу ломает.

Собрался народ со всего города, со всего поселка. Послали к царю старого старика. Вошла старик к царю, поклонился, до середины пола дошел, поклонился, к коленям царя подошел, снова поклонился. Идет вперед — плачет, идет назад — хнычет. Он говорит царю:

— Со всего города, со всего поселка народ вместе собрался, меня к тебе послали. Сына своего ты на улицу выпустил. Он кого поймают, тому ногу ломает, руку ломает.

Царь сидит и говорит:

— Завтра на цепь его привяжу!

Утром царь встал, привязал сына Ивана-царевича на цепь на десять лет.

Прошло десять лет. Царь отпустил сына. Иван-царевич на улицу вышел, рассказывает. Навстречу ему попала пожилая женщина, спрашивает:

— Иван-царевич, о чем ты думаешь? Я все знаю.

— Уходи! А то ударю, ты перервешься! Если пну тебя, ты через город перелетишь!

Иван-царевич дальше пошел, а старушка тут осталась стоять. На другом конце города она снова повстречалась царевичу, спрашивает его:

— Иван-царевич, о чем ты думаешь, я все знаю!

Иван-царевич ей отвечает:

— Если что знаешь, то все мне расскажи!

— Ты ищешь лошадей своего отца, которую имел еще дедушка. За домом твоего отца стоят три столба. Ты сходи к кузнецу и попроси его сделать железный молоток, сшить узду. Затем иди к этим трем столбам. Из них лопанется лошадь. Ударь ее железным молотком, надень на лошадь узду, садись на нее и поезжай

к берегу озера. Пусть лошадь там досыта напьется. Затем, куда мысль падет, туда и поезжай!

Так и сделал Иван-царевич: сходил к кузнецу, там спили узда, взял железный молоток, сел на лошадь и уехал к озеру. Лошадь напилась воды. Он отвел ее к дому отца, привязал за столб. Сам надел суму с едой, положил с собой, что необходимо в дороге.

Мать говорит ему:

— Сестру искать иди, брата искать иди!

Вышел на улицу Иван-царевич, сел на лошадь и поехал. Долго ли, коротко ли ехал, не знает. Стемнело. Оглядываясь смотрит: дом стоит. Женщина на улице оказалась: на эту сторону ударит, на другую сторону ударит. Она говорит:

— Русский сюда не приезжал, и манси сюда не приезжал.

Подъехав к ней Иван-царевич, она его спрашивает:

— Куда едешь, Иван-царевич?

Иван-царевич отвечает:

— Наню и накорми сперва, а потом уж спрашивай!

Вошли они в дом. Нанюла, накормила его женщина, спрашивает:

— Куда едешь, Иван-царевич?

— Сестру искать еду и брата искать еду. Ты не знаешь ли, где они?

— И ничего не знаю. Поезжай дальше. Там одна женщина живет, она знает.

Ехал утром царевич, дальше поехал. Долго ли, коротко ли ехал, не знает. Снечерело. Вперед смотрит: стоит дом. Приехал он туда, с лошадю сыркнула, лошадь привязал. Из дома женщина показалась, спрашивает:

— Куда едешь, Иван-царевич?

— Сначала наню и накорми, потом спрашивай.

Они вошли в дом. Женщина накормила и нанюла его, спрашивает:

— Куда едешь, Иван-царевич?

— Сестру искать еду, брата искать еду. Ты не знаешь ли, где они?

— Ничего не знаю. Дальше поезжай. Впереди живет моя сестра, она знает.

Утром царевич ехал, дальше поехал. Долго ли, коротко ли ехал, не знает. Стемнело. Вперед смотрит: одинокий дом стоит. Подъехав к нему, сыркнула с лошади. Женщина из дома показалась, спрашивает:

— Куда едешь, Иван-царевич?

— Сначала наню и накорми, а потом уж спрашивай. Вошли они в дом. Женщина накормила и нанюла Иван-царевича, спрашивает его:

— Куда едешь, Иван-царевич?

— Еду сестру искать, еду брата искать. Где они, ты не знаешь ли?

— Милый Иван-царевич! Если кто на лошади был, то лошадь его там гнет. Если на лодке туда плыл, то лодка его там гнет. Завтра дам тебе клубок ниток. Куда он покатится, туда ты и иди.

Утро настало. Пстали. Женищина дала царевичу клубок ниток. Царевич псекал. Немного отъехал, отпустил клубок ниток. Куда он катится, туда и Иван-царевич идет.

Дого ли, коротко ли сяд так, не помнит. Как-то раз клубок во двор старика-ветра закатился. Иван-царевич слез с лошади, взял клубок и положил его в кармаи. Лошадь принажал. Его сестра на улице показала, говорит брату:

— Милый мой брат, как ты сюда приехал? Тебя здесь убьют и съедят!

Пошла она в дом. Сестра накормила и напоила брата. Он ее спрашивает:

— Почему, сестра, ты здесь жила?

Тут ядрет у порога лежащий мусор ветром в горницу отнесло. Ветром перелопуило опрокинутую посуду. Ворвался в дом старик-ветер. Здороваются, целуются с женой.

Однанды старик-ветер подошел к шерогу, три полных рта крови выплюнул, четыре полных рта крови выплюнул. Он говорит Марфе-царевне:

— Железную баню истопи.

Марфа-царевна двенадцать сажень дров истопила, тринадцать сажень дров истопила. Накосец баня готова. Пришла она домой и говорит:

— Баня готова, идите мыться!

Иван-царевич первым собрался, раньше старика-ветра убежал, вошел в баню и говорит старик-ветру:

— Что ты долго возмисься?

— Съедаю еду!

Иван-царевич вышел из бани, втолкнул в нее старика-ветра, переломил ему кости сишны и в печку кости затолкал. Ударил идущую сверху искру, ударил вниз идущую искру. Сам на удилу выскочил, убоялся к берегу овра, лег на землю ничком. Тут над ним летят воронята. Один кричит:

— Я глаз Иван-царевича съел!

Другой кричит:

— Я глаз Иван-царевича съел!

Один вороненок сел на землю. Иван-царевич его поймал и разорвал. Вороненок кричит, кричит:

— Моего сына ты разорвал!

Иван-царевич ей говорит:

— Живую воду принеси, оживлю.

Быстро слетала ворона, принесла живую воду. Иван-Царевич вороненка помазал живой водой. Тот ожил и влетел. Иван-царевич быстро побегал в баню, собрал вместе кости брата, помазал их живой водой — кости мясом обросли. Мазал, мазал кости живой водой. Брат ожил, сел.

— Фу, фу, фу, как я долго спал!

Иван-царевич говорит:

— Если бы я здесь не оказался, здесь бы ты и умер.

Пошли они вместе к сестре Марфе-царевне. Нашлись, нашлись. Все трое поехали к отцу и матери.

А когда приехали домой, то увидели: мать и отец очень-очень старые, еле-еле с носком передвигаются.

Царьша с царем приготовили праздничный стол. Собрали народ со всего города, со всего поселка. Неделю ели, неделю пили. Кончили. Я там ела, я там пила. По полу бежало, а в рот не попадало.

189. Семь братьев-разбойников

Или-были брат с сестрой. Брат женился. Брат, куда ни пойдет, обязательно берет с собой сестру. Однажды жена спрашивает:

— Зачем ты сестру всегда с собой берешь? Почему меня не берешь?

После этого разговора муж рассердился, ни жену, ни сестру не стал с собой брать. Кто-то раз пошел один. После его ухода жена пыталась из сундука русского шелкового платья и сожгла на костре. Когда муж вернулся, она говорит ему:

— Не взял с собой сестру. А она с досады сожгла мое платье, медвежье в сундуке.

В другой раз он пошел гулять и одного из них не взял с собой. После его ухода жена убежала в конюшню и отрезала коньянице голову. Муж домой пришел, жена ему говорит:

— Сестра твоя у коньяницы голову отрубила!

В третий раз муж пошел гулять. Сестру свою с собой не взял и жену свою не взял. После его ухода жена отрезала голову своему сыну. Муж пришел домой, она ему говорит:

— Сестру свою куда хочешь, туда и девай. Она отрезала голову нашему сыну.

Недолго он думал. Падая на спину узлов и вместе с сестрой пошли в лес. Идут: если дождя падает — сестренка ее считает, если снежинка падает — она ее считает. В темный лес он ее увел. Поплакали-поплакали и разошлись. Сестра сидит: снежинка падает — ее считает, дождик падает — ее считает. На лес свой траву повесит, а она не деринется, конский волос повесит, а он не деринется.

Долго ли, коротко ли она так сидела. Однажды, откуда ни возьмись, около девушки появились семь братьев-разбойников. Смотрят на нее — такая девушка сидит! От нее солнце исходит, от нее оно и закатывается.

Один из братьев говорит:

— Я возьму ее и жену!

Другой их брат говорит:

— Я возьму ее в жены!

Тогда старший из братьев-разбойников говорит:

— В жены мы ее не возьмем. В сестры ее возьмем.

Домой привезли девушку и говорят ей:

— Вот наш дом, наша вещь. Живи и управляйся с хозяйством. Что сердцу правится, то и ешь. Из одежды что правится, то и надевай!

Семь братьев-разбойников ночь переспали и пошли промышлять. Их сестра в доме одна осталась. Сидит. Двери то открывалась, то закрывалась. Девушка и говорит:

— Если хороший кто будешь, то в дом заходи, а если плохой, то иди мимо дома по своей бродяжьей дороге!

Тут в дом ввалилась коздувья, девушки говорит:

— Тетя твоя вместо привета ботинок тебе прислала. Надевай, сестра.

Девушка говорит:

— Не падеву! Когда я там жила, я не пужина была, а теперь горько стало! Не падеву, уходи!

— Сделай хорошее дело, падевь ботинок!

Надела девушка один ботинок, падела второй ботинок и за мертво упала. Коздувья выскочила, убежала домой.

Семь братьев-разбойников возвратились домой, смотрят: в доме огня нет, в доме света нет. Бежали они в дом, целуют и мιλуют сестру, шнут, что случилось. Спали с нее ботинок, сестра ожигла, села и говорит:

— Ох! Тетя меня усмирила. Долго же я спала!

На другой день братья-разбойники, выспавшись, пошли промышлять. Своей сестре они наказали:

— Что бы тетя тебе ни прислала, ты ничего не бери!

Ушли они в лес. Не прошло и полдня, как коздувья опять появилась, говорит:

— Тетя твою вместо привета пальцы тебе послала. Падеви!

Девушка один палец надела, стала падевать второй палец и упала замертво. Коздувья выскочила на улицу, домой ушла. Вечером домой позирталась братья-разбойники, смотрят: в доме света нет, огня нет. В дом забежала, сестру целуют, мιλуют. Как только спали с нее пальцы, сестра села. Ей братья говорят:

— Ты ничего присланного теткой не бери!

Переночевала она и снова отправилась в лес промышлять. Но не прошло и полдня, как стала открываться и закрываться дверь. Снова в доме появилась коздувья, говорит девушке:

— Золотым колечком тетка тебя одарила. Возьми, падевь на палец!

Девушка на первый сустав пальца кольцо надела, на второй сустав своего пальца кольцо надела и упала. Коздувья выскочила из дома и к себе убежала. Семь братьев-разбойников вечером домой пришли, видят: в доме света нет, нет и огня в доме. Сестренку они целуют, мιλуются с пой и не знают, что случи-

лось. Поплавали-поплавали, сделали ей стеклянный гроб, унесли сестру на площадь в городе, там поставили гроб. А сами вечером плачут, днем плачут.

Однажды в одной из царских деревень было веселье. Пили, ели. Жена царя с сыном заблудились в лесу. Долго ходили. Случайно они оказались у гроба девушки. Смотрят: в гробу девушка вот-вот засмеется! Смотрели, смотрели на нее и увидели на пальце кольцо. Говорят:

— Снимем кольцо!

Сняли кольцо, девушка ожила, подпрыгала. Пошли они в дом братьев-разбойников, затопили печку, наелись, напившись. Тут вернулись домой семь братьев-разбойников. Целуются, милуются с сестрой. А сестра им говорит:

— Вы не меша делуйте, а эту женщину целуйте. Они меня одичавели.

Братья-разбойники наелись, напившись, спрашивают женщину:

— Чем мы тебя отблагодарим?

Мать царевича говорит:

— Отдайте девушку в жены моему сыну.

Тут устроили свадебный пир, и сестру свою братья-разбойники просватали.

190. Трое мужчин

Живут трое мужчин. Однажды старший мужчина говорит:

— Схожу куда-нибудь.

Идет. Шел, шел. В одном месте наткнулся на камень. Хоть и ходит около, входа не находит. В другом месте опять нашел камень. Заметил отверстие. Вошел в него. Шел, шел, пришел к реке. Воронята, сорочата выдалбливают запор. Он мимо них проходит. Пришел к домику, заперевшему, мхом обросшему. Входит в дом. Мимо него проскакала на улицу маленькая одинокая ворона. Вошел в дом. В доме — старуха. Говорит:

— Не встречал ли ты моих ребятнишек, смотрящих запор?

— Нет, не встречал.

— Не встречал ли мою доченьку с сережками в ушах?

— Нет, не встречал. Мимо меня ворона одинокая проскакала.

Женщина ударила его и убила насмерть.

Средний мужчина думает: «Схожу-ка я тоже куда-нибудь». Идет. Шел, шел — наткнулся на каменистую гору. Ходит, не находит. В одном месте увидел в камне щель — туда направляется. Шел, шел — к реке явился. Воронята, сорочата запор выклеивают. Мимо проходит. Пришел к заперевшему, мхом обросшему домишке. Входит в дом — на улицу проскакала одинокая ворона. Вошел в дом. Старуха говорит:

— Не встречал ли моих детей, смотрящих запор?

— Нет, не встречал. Воронята, сорочата запор выклеивают.

— Не встречал ли мою доченьку с сережками в ушах?

— Нет, не встречал. В одном месте ворона однопогая про-
скакала.

Старуха ударила его и насмерть убила.

Малыш мучачка думает:

— Я тоже куда-нибудь схожу.

Шел, шел — паткнулся на каменную гору. Ищет вход. В од-
ном месте нашел вход. Пошел. Шел, шел — к реке явился: воро-
ната, сорочата забор выдвигают. Он мимо проодит. Принял
к дощичке, заведшему и мхом обросшему. Входит в дом.
Мимо него однопогая ворона на улицу проскакала. Пошел в дом.
Старуха сказала:

— Встречал моих детей, смотрящих забор?

— Встречал, они уже глотку зашпачивают.

— Не встречал ты мою дочку с сорожками в ушах?

— Встречал. Мимо меня на улицу вышла.

Старуха взяла его в ятля. Потом пришли ее дети, смотре-
вшие забор. И теперь живут все счастливо и благополучно.

191. Ворона и сорока

Давно это было. Однажды настала весна. Ворона с южных
краев прилетела. Тут повстречалась ворона с сорокой. Подзоро-
вались они, поцеловались и разговор завели. Весть ворона стала
рассказывать о своем дальнем странствии. А сорока очень вни-
мательно слушала рассказ вороны. Прослушав рассказ мудрой
вороны, сорока со вздохом сказала:

— Ворона, ты только и ждешь, когда пастанут холода. Уле-
таешь в теплые края, только хвостом махнешь. Каждый год ты
меня здесь оставляешь присматривать за твоими птенцами.
И, бедная сорока, сколько мучений перепошу с ними. Никто за
это и спасибо мне не скажет, — жалуется сорока.

— Сестрица, откуда мне знать, как вы тут без меня живи-
те — или адраснуете, или бедствуете? — с сожалением отве-
чала ворона.

— Да я-то живу без пужлы, без бедствий, — хвасталась соро-
ка. — Вот детеныши твои после тебя так страдают — ты этого
не знаешь.

— Что они так сильно страдают? — спрашивала ворона.

— Детеныши твои чуть с голоду не помирают, высачиваются
в разные стороны. Вот мне их жала становятся. Вот я от своей
птицы отрываю кусочки и отдаю им, — жаловалась сорока и хва-
сталась. — Я есть я! Я все могу! Если бы не я, твои дети с голо-
ду бы поморли.

— Так, сестрица, они ведь до сих пор живы и невредимы, —
сказала ворона. — Если бы они правду голодали, они бы и до
весны не дожид, — удивлялась ворона.

— О великий Торуи! Сестрица, зачем ты так говоришь? Ведь
твои птенцы одна с утра до вечера дожидаются, — говорила сорока.

Сорока рассердилась на ворону и закричала:

— Ты же сама знаешь: здесь землю снегом покрывает, земля замерзает! Где же здесь твоим деткам пищу найти? Если бы не я, они бы голодали. Как-то ведь им надо в живых остаться!

И тут ворона возразила:

— Если ты так за птиц ухаживаешь, то скажи, почему при нашем извращении ты на помойных ямах сидишь? Каждую весну ты на помойных ямах сидишь.

Сорока больше ничего не сказала. Так ей стало стыдно, что она молча улетела от вороны. Ворона с тех пор много земель облетает, много рек облетает и возвращается. А сорока больше никого не ругает. Но о ком не говорит плохо и больше не хвалит себя перед другими. Ворона больше не садится слушать со разговоров. Она много земель облетает, много рек облетает. Ворона с сорокой и теперь живут.

192. Мышонок Земляной Братец

Жил мышонок Земляной Братец со своей бабушкой. Однажды говорит мышонок:

— Бабушка, я лодку делать буду.

Бабушка его не пускает, говорит ему:

— У тебя, внучек, руки еще слабы.

Хоть и не пускала она, он не послушал, отправился. Вышел из дома, крапивый стебель срезал, вдоль расколол. Концы вместе связал, между половниками в середине палочку воткнул, распорки сделал. Сделал из крапивы лодку, потом еще стебель срезал. Вдоль расколол, несю сделал. Домой пришел, говорит:

— Готова моя лодка!

— Куда поедешь? — бабушка спрашивает.

— Тормозить поеду.

— Куда тебе, внучек, — бабушка говорит, — руки твои еще слабы, ноги твои еще немощны!

Хоть и не пускала его, отправился. Ехал, ехал, до торнотовой реки добрался. Гребет дальше, видит: олень стоит. Привалил, на берег вышел, говорит:

— Дедушка, что делаешь?

— Внучек, и траву ем.

И дальше ест. Мышонок постоял, молвит:

— Дедушка, поиграем в прятки.

— Внучек, да ведь я не спрячусь, и такой большой! Как дом

берестяной, хожу.

— Да нет, — говорит, — дедушка, поиграем!

— Ну что ж, внучек, — олень говорит, — только ты неравно

правься.

— Нет, дедушка, ты прячься.

— Ну, как хочешь, — говорит. — Только ты, внучек, не смотри. Мышонок на землю лег, и олень немного вперед прошёл, среди травы улегся. Мышонок Земляной Братец наверх глянул, го

ворит:

— Дедушка, хвостик твой пад травой торчит.
— Вот видишь, влучек, то-то я и говорю: очень уж большой я, не справлюсь.

— А теперь ты прачка,— одень говорит.

Дедушка лег, не смотрит. Мышонок Земляной Братец в стель травы пролез, по сердцевине вверх поднялся. Сколько ни ищет оленя, найти не может. Тот и голос хоть подает — выйти не может.

— Довольно,— говорит,— буду траву есть, проголодаюсь.

Ест. Вдруг в животе кто-то молчит:

— Дедушка, меня проглотили!

— Влучек, через рот выходи.

— Нет, слишком очень много.

— Влучек, через задни выйди.

— Очень грязно.

— Влучек, ну через уши выйди.

— Нет, очень серы много.

— Влучек, через задний конец выйди.

— Нет, дедушка, очень грязно, не выйду.

Потом молчит:

— Дедушка, я тебе живот разрежу.

— Не режь, влучек!

Хоть и просит: не режь, не режь, мышонок Земляной Братец ножом своим оленю живот прорезал. Потом наружу вылез. Олень упал, мышонок говорит:

— Олень уж большой, я оленя с него шкуру снять не смогу.

Дитла позову, вместе снимем.

Дитла позвал. Дител пришел, говорит:

— Ну, друг, что тебе надо?

— Иди оленя обдирать!

Дител подошел, вместе обдирать стали. Оленя сбодрали, мясо падвое разделяли. Одна доля толстая, другая — тонкая. Большую долю мышонок себе взял, меньшую — дитлу, другу своему, отдал. Потом свою часть в лодку погрузил. Дител говорит:

— У тебя лодка есть, вот ты и погрузил. А у меня лодки нет, так и детей сюда придется. Мясо здесь поедем.

Мышонок Земляной Братец в лодку сел, гребет. Гребет и поет:

Из крапивного стебля лодочка моя —
Уши, — уши, — уши.
Как собачий язык, веселье мое —
Пусть, пусть, пусть.
К бабе своей наврядду,
В лодке, из лесной мясы,
Прячусь.

В одном месте к поселку выехал, ребята па реку бегут, кричат:

— Дедушка, куда ездил?

— Тормозить ездил.

— Кого убил?

— Оленя убил.

— Дедушка, иди на берег мясо есть, котел поспел!
 — Пах, пах, пах! Я сам полную лодку мяса везу!
 Давно одет. Гребет и поет. Олапкам и посолу выехал. На берегу ребята играют. Увидели его, кричат:
 — Дедушка, куда ты ездил?!
 — Тормозить ездил.
 — Дедушка, а кого убил?!
 — Оленя убил.
 — Иди, дедушка, на берег рыбу есть, котел поспел!
 Мышонок спиной повернулся, говорит:
 — Пах, пах, пах! Я сам полную лодку оленьего мяса везу!
 Дальше отправился. Гребет и поет. Однажды к посолу выехал. Дети на берегу играют. В сторону реки кричат:
 — Дедушка, куда ездил?!
 — Тормозить ездил.
 — Дедушка, а кого убил?!
 — Оленя убил.
 — Дедушка, иди на берег, из котла суп поспел!
 К берегу повернулся, говорит:
 — Па-па-па-па. Это отца и предков моих любящая, жус-пая ела. Иду, иду!
 К берегу привалил. Весло воткнул, лодку привязал. Пошел на берег, из котла суп ест. Ел, ел, кончил, поспел немного, говорит:
 — Теперь, дети, пойдите на берег со мной. Пойдете на берег, я дам вам мяса.
 С детьми на берег идет. В ямку, вырытую собакой, упал. Упал, живот у него и лопнул. Изрытой суп паружу потек. Дети кричат:
 — Доску несите, корня¹ несите, шило несите! У деда нашего живот лопнул!
 Принесли доску, корня, шило. Живот зашивать стали. Зашили ребята ему живот, встал, с детьми на берег пошел. К лодке пришел, оленью лопатку взял, ребятам отдал. Сам в лодку сел, гребет и поет:

Посолы и жеребцы
 К бабке своей
 Я лодку, полную мяса,
 Гребот.

Когда он к бабке пришел, у ее дома лишь один угол остался. Три угола завалились. От огня у бабки один искра только тает. Мышим конком несла оставшуюся испру загасил. Бабка говорит:
 — Откуда-то пришедший бродяга, лесной воробей, осом загасил. Тот огонь, при котором мой внучек на свет появился.
 Мышонок тут свою бабушку из угла выпихнул, бабка в другой угол покатила. Из того угла опять выпихнул, опять в другой угол покатила. Только что родившейся маленькой девочкой стала.

Теперь жить стали. Оленьим мясом питались, силы набирались и теперь там живут, и теперь счастливы.

✓
193. Про двух собак

Жили две собаки. Зима наступила, холодно стало. Хозяин им из костей суп сварил. Хотя и носил, да только от супа из костей какая сытость?! Прикалывались друг к другу, от голода и холода дрожат.

— Послушай, — одна говорит, — вот лето наступит, давай на маленьких щучек ловушку сделаем. На всю зиму еды запасем!

— Ох, друг, верно! Непременно сделаем! Со своим запасом жить будем.

Ну вот настало лето. Хозяйка их рыбу ловит. Рыбу полными лодками возит. У каждого очага рыба лежит. Неделю ели. Собаки отъелись, разжирились. Спинны из, как доски, широкие стали. Од-нажды в тених залегая, беседуют:

— Ну, друг, ловушку на маленьких щучек когда будем делать?

— Что ты, друг, какую еще ловушку! Зачем нам? Видишь, мы какие жариме. Мы с этим жиром всю зиму проживем. В такую жару кто станет ловушку делать!

Настала зима. Голодно стало. Опять исхудали, от голода и холода дрожат.

— Ну, друг, я говорила, ловушку сделать надо. Теперь как ждали бы! Вот лето придет, сделаем, а?

— Непро, друг, в это-то лето уж непременно сделаем! На маленьких щучек ловушку непременно сделаем.

Настало лето. Хозяйка их рыбу ловит, полными лодками ее домой возит. Куда на галки — везде рыба лежит. Собаки снова отъелись, опять разжирились. Спинны их, как доски, широкие стали. Между собой беседуют:

— Послушай, ну как, ловушку сделаем, а? Помнишь, реп-ли сделаны?

— Что ты, в такую жару ловушку делать! Да и я чему нам? Мы и так проживем.

Настала зима, холодно стало. Опять похудели, опять дрожат.

194. Лис

Живет лис. Хаост у него тонится в один край озера, го-лова у него тонится в другой край озера. Белека-бека, ви-дит: один старик лодку долбит. Сбоку у него стоит маленький

ЖИВЕТ, 1990

— Ты этого мальчика положи под лодку. Он тебе будет по-казывать, как нужно делать.

Старик положил мальчика под лодку. Жалов у него раздубил. Старик говорит:

— Смотри, ты обманул меня!

Лис пошла. Пришла к протоку. Как едет. Люди говорят:

— Зверь, землю-воду знаящий, садись и каюк.

Сел, спустился вниз. Нашел связку осетровых жабр. Все съел. Вскочил наверх. Люди говорят:
 — Какой плес?
 — Связка осетровых жабр.
 Опять вниз спустился. Нашел связку калачей. Все съел. Наверх вскочил. Люди говорят:
 — Какой плес?
 — Связка калачей.
 Вниз спустился. Нашел полбуханки хлеба. Все съел. Наверх пришел. Люди говорят:
 — Какой плес?
 — Полбуханка хлеба.
 — Вот такие плесы!
 Пристали к берегу поесть. Оказывается, нет ни хлеба, ни калачей, ни связки осетровых жабр.
 Лис убежал в лес. Шел-шел. Видит: один старик дрова рубит. Лис прыгает туда-сюда, превратился в сопливого, паршивого мальчишку. Старик мальчишка домой снес. Говорит старухе:
 — Я мальчишка нашел.
 Настала ночь. Легли спать. Мальчик постучал в окно. Говорит:
 — Меня зовут ребенка крестить.
 — Иди, милый, иди.
 Вышел на улицу. Впереди амбар стоит. Вошел туда. Нашел крынку с жиром. Съел жир в горлышке крынки. Пошел домой. Старуха и старик говорят:
 — Какое имя?
 — Горлышко.
 Снова настала ночь, опять постучал мальчик в окно:
 — Меня опять зовут ребенка крестить.
 — Иди, милый, иди.
 Пошел туда же. Съел жира до середины крынки. Потом пошел домой. Старуха и старик говорят:
 — Какое имя?
 — Середина.
 Настала третья ночь. Снова постучал в окно:
 — Меня опять зовут ребенка крестить.
 — Иди, милый, иди.
 Туда же пришел. Весь жир в крынке съел. Домой пришел. Старуха и старик говорят:
 — Какое имя?
 — Дынышко.
 Наступило утро. Старуха притоптывает печьку. Котел поставил. Пошла в амбар. Оказывается, весь жир в крынке съеден. Говорит паршивому, сопливому мальчишке:
 — Наверно, ты съел. Ведь ты говорил: горлышко, середина, дынышко.
 — Ляжем с твоим стариком на печку. На ком жир закипит?
 Настала ночь. Легли на печку. На сопливом, паршивом маль-

чаще жир заикался. Он себе отбер трупой, старина жиром па-
тер. Старик утром встал. Оказывается, жир на нем заикался.
Паршивый, соплякий мальчишка говорит:

— Старик жир съел.

И живет теперь лис счастливо и благополучно.

✓ 195. Лось

Давно это было, никто из старых манси не помнит. Волею
самых гор жил-был лосенок. День растет, ночь растет. Правра-
тился в могучего, прекрасного зверя. Любо смотреть на него: мо-
гучие ветвистые рога ветви деревьев задевают. Божит он по лесу,
коренья и сучья трещат под его могучими копытами — такой он
сильный стал.

Долго ли, коротко ли жил лось, стало ему одиноко и грустно
одному. Подумал он: «Пойду-ка я искать себе друга». Долго ли,
коротко ли думал, отправился в путь. Много лесов обошел он
и вот однажды встретил росомуху. Спросил ее:

— Росомуха, скажи, чем ты питаешься? Какую пищу ты
любишь?

Росомуха ему ответила:

— Я ем много лесных зверей.

Могучий лось, услышав такое, рассердился и убежал. Долго
ли, коротко ли бежал, много лесов пробежал, много рек переплыл.
Однажды пришел к берегу большого озера. На берегу этого озера
лось повстречался с зайцем. И спросил его:

— Чем ты, заяц, питаешься?

Зяцц ответил:

— Я щиплю травку и грызу прутики и кору деревьев.

Тут лось очень обрадовался и взял себе в друзья зайца. Те-
перь они одной пащей питаются и никогда не ссорятся. Вот
и сказанье лосиное.

✓ 196. Как собака себе товарища искала

Давно это было, поговаривают старые манси. Собака в лесу
жила одна. Жить одной ей стало скучно, отправилась собака
искать себе товарища. Собака искала такого товарища, который
никогда никого не боялся. Она думала: «Наверное, волк самый
сильный. Он никого не боится». Собака отправилась искать вол-
ка. Нашла волка и сказала ему:

— Волк, будем жить вместе.

— Хорошо, я согласен с тобой жить, — сказал волк.

Стали они вместе жить. Однажды собака услышала шлеест
травы и валажала.

— Не лаяй, собака, — говорит ей волк, — придет всемогущий
медведь и нас обоих съест.

«Это как же? — думает собака. — Наверное, медведь самый сильный, если волк его боится». И собака отправилась искать медведя. Долго ли, коротко ли искала, нашла медведя и говорит ему:

— Медведь, будем вместе жить.

— И правда, вместе жить веселее, — соглашается медведь.

И стали они поживать вместе. Однажды собака услышала шелест листьев и залялала. Медведь испугался и говорит:

— Не лай, собака! Человек услышит нас, придет с ружьем и убьет.

«И теперь понимаю: если медведь боится человека, значит, человек на земле самый сильный», — подумала собака. Бросила собачка медведя и отправилась искать человека. Долго ли, коротко ли искала она, нашла человека. Нашла человека и говорит ему:

— Человек, давай вместе жить будем.

Человек согласился, и стали они жить вместе. Однажды ночью собака стала лаять. Человек проснулся и говорит:

— Так, так! Погромче лай, бросайся, пугай!

Тогда собака поняла, что человек — самый сильный на земле. Он ничего не боится. С тех пор и до сегодняшнего дня собака живет с человеком. Собака — хороший друг человека.

197. Авария¹

— Авария, Авария, мешочек твой где?

— Собакой унесен.

— Собака где?

— В лес убежала.

— Лес где?

— Оттуда его изгонят.

— Огонь где?

— Дождем погашен.

— А дождь где?

— В землю ушел.

— А слезы его где?

— Водяным братцем стерты.

— Водяной братец где?

— Застрелен двумя человечками с луками.

— Два человечка с луками где?

— Под лед провалились.

— Лед где?

— Солнцем растоплен.

— А солнце где?

— За облаком скрылось.

— А облако где?

— Ветром унесено.

— Ветер где?

— Ветер за камень ушел.

198. Заяц

Заяц осоку ел. Ел, ел, да губу себе и порезал. Рассердился и побегал в степи:

- Огонь, огонек, сожги осоку!
- А что тебе осока плохого сделала?
- Когда я ее ел, она мне губу порезала.
- Из-за своей же жадности пострадал!

Бросился заяц к воде:

- Вода, водичка, погаси огонь!
- Огонь тебе что плохого сделал?
- Осоку съечь не хочет.
- А осока в чем виновата?
- Когда я ее ел, она мне губу порезала.
- За свою же жадность пострадал.

Заяц к Виткасу, волным братом, бросился. Прибежал, старуху со старухой Виткасы говорят:

- Виткасы, Виткасы, воду выпейте!
- Вода тебе что худого сделала?
- Она огонь не гасит.
- А огонь что худого сделал?
- Осоку съечь не хочет.
- А осока в чем виновата?
- Когда я ее ел, она мне губу порезала.
- За свою же жадность наказан!

Заяц к двум мальчикам-ровесникам, у которых были лук и стрелы, к ним побежал. К ним пришел, говорит:

- Виткасы, старика и старуху, из своих луков застрелите!
- Виткасы, водяные братцы, тебе что плохого сделали?
- Воду выпить не хотят!
- Вода что худого сделала?
- Огонь загасить не хочет!
- Огонь что худого сделал?
- Осоку съечь не хочет!
- А осока в чем виновата?
- Когда я ее ел, она мне губу порезала.
- Из-за своей жадности пострадал! — сказали мальчика-ровесники с луками и стрелами.

Заяц к лесной крысе, к водяной крысе побежал. Пришел к ней и говорит:

- Крысашка, крыса, у мальчика-ровесника зарубки на стрелах отружь!
- Да мальчишка-ровесника с луками и стрелами тебе что плохого сделали?
- Старика и старуху Виткасы, подлых братцев, убить по хотят!
- Виткасы, водяные братцы, тебе что плохого сделали?
- Воду выпить не хотят!
- Вода что худого сделала?

— Огонь загасить не хочет!
 — Огонь что худого сделал?
 — Осоку спечь не хочет!
 — Осока в чем виновата?
 — Когда я ее сл, она мне губу порезала!
 Лесная крыса, подлая крыса у мальчишек-ровесников зарубки на стрелах грызть стала. Два мальчика-ровесника в старуху и старика Витася, подлых братцев, стрелять начали. Старуха и старик Витася воду пить припились. Вода огонь заливать просилась. Огонь осоку жечь стал. Осока загорелась и зайцу лапу обожгла. На том и кончилось.

199. Кошечка

Ушки-то — дятельки,
 Глазки-то — две площадки,
 Нос мой — палочка с развилкой,
 Язык мой — поджарок.
 Лапки мои — совычьи,
 Нос мой — трута кусочек,
 Уши мои — сапожки издалека,
 Хвостик мой — пруттик,
 Шинка моя — таганок.

200. Стружка, Зоб и Стелля

Стружка от Стрелы, Зоб Куропатки и Стелля в Русском Башмаке — три товарища. В лес пошли. В лес пришли. Настала ночь. Похлебку готовят. Стружка от Стрелы похлебку размышляет. Размышляя похлебку, высыхала, воспламенилась и сгорела. Зоб Куропатки и Стелля в Русском Башмаке от смеха взад-вперед катываются.

— Стелся, — мол, — нам добро, добытое Стружкой от Стрелы.

Когда они так катались, живот у Зоба Куропатки несколько щипой прокололо. Дух из него вышел. Стелля в Русском Башмаке на живот ляжет — смеется, на спину перевернется — смеется. Когда они так смеялись, их искрами заскпало. Выскпал Стелля в Русском Башмаке сгорела.

Рыбу и зверя, добытых тремя товарищами, и теперь мыши едят, и теперь счастливы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Мифы, предания, сказки хантов

№ 1

Зап. А. Штернбергом в конце XIX ала начале XX в. Оуба: 50, с. 38.

Ср. № 2, 13, 103—107.

Хантыйский миф о происхождении земли, человека, растений и животных, человеческих благ, нравских заповедей, орудий промысла, Нарату с тивинскими космогоническими мотивами обсе-зической мифологии (материя натежасяея первоначальная твердь, добывание огня, обучение промыслам и т. д.) в мифе заметно различие: у хантов, например сир о том, кто сильнее — бог-отец или бог-сын, эпизод соблзасенан Кузем первых людей, соотнесения после того, как они съели запретный плод (здесь — кларовую мышку), Основной горой — сын Пум-Турму; здесь, его имя Турму, в других мифологических сказаниях он известен как Золотой Богатырь, Каял-Старик, ба Маром Наблюдатель Человек и др.

Еян — буква, идеограмма, деушиса. Возможно, жена Пум-Турму названа здесь так из-за созвучия этого хантыйского слова с библейским именем Ева.

¹ В 1910-е гг. у северных хантов в жадрах часто упоминаются высшие божества, называемые исследователями праказанн. Это можно рассматривать как преломление представлений о прародительстве.

² В мифологии Турму выступает в роли творца, но после сотворения мира — он исчезает в чужих землях.

³ «Того в чужеземии — т. о. тот должен умереть».

№ 2

Зап. В. Кузнецовым в 1974 г. в сел. Камово на р. Вили от А. Муз-тепова, 50 лет. Оуба: 7, с. 17.

Краткий пересказ: обсе-зической миф о происхождении земли. Бо-же-зависимый миф см. № 103, 106; ср. также № 1, 107.

¹ Чек-най — бездетный отшельник, ср. в миф. № 11 и 103 мент, к № 11.

² Под именем Коюшнх или Турму пах у хантов хантин ичичичи — та-кий религиозный дух — Лаваный Богатырь (миф. Жир-чу и жум). Здесь он и действует инициатором создания земли, писемал ирхидь за дни худана.

№ 3

Зап. В. Кузнецовым в 1973 г. в сел. Пин на р. Пин от Е. В. Валдимиро-ва, 32 лет. Оуба: 7, с. 68. Ср. № 4, 108.

Краткий пересказ мифа о добывании солнца. Черт — это Кул, бие в его сын — Турму и Юн-на-пах.

№ 4

Зап. Г. Пеллх в 1961 г. в сел. Александровском на р. Обь от М. Н. Ким-тиной. Публ. впервые во: 11. Ср. № 3, 5, 6, 108.

¹ У обитателей была широко распространена одежда из обгоревшего, сплетенного из кусочков или пельных инкуров пушиных зверей. В фольклоре

ре (см., например, № 12) нередко упоминается склеивание шкур; здесь эта бытовая реальность остроумно используется для выведения мотива создания зверей.

№ 5

Зна. В. Куземзиным и Н. Лукиной в 1969 г. в сел. Норавик на р. Вах от С. Каткаева, 19 лет. Опубл.: 6, с. 13. Ср. № 6.

Мотив браки луны с солнцем известен у многих народов, причем, по наблюдению Е. А. Халимского, чаще имеет место ассоциация луны с женщиной, а солнца — с мужчиной, а не наоборот. В данном случае — олицетворение типа «дева/почва», «плодородный/отрицательный» и др. У обских угуров эти описания перевернуты: солнце (считается женщиной, а месяц — мужчиной). Здесь (как и в самодийской традиции) месяц ассоциируется с холостом, а солнце — с теплом и югом, холостяком которого считалось женское общество.

№ 6

Зна. В. Куземзиным в 1975 г. в сел. Кочевье на р. Троманган от Г. Копыла, 28 лет. Опубл.: 7, с. 16. Ср. № 5.

В отличие от предыдущей версии здесь вместо сестры-эподеки герои преследуют его женские тени.

№ 7

Зна. Н. Лукиной в 1961 г. в сел. Стржавкасем на р. Обь от З. Ф. Сагызметовой, 28 лет. Опубл.: 7, 15. Ср. № 109.

Сюжет о людях, издавая по воде и перевешенных на дуку, известен у многих народов; данная версия объясняет запрет дотли баваться ночью.

№ 8

Зна. Л. Хевта в 1970-х годах в Ленинграде от студента Е. Н. Сопенца, 19 лет, из сел. Троманган на р. Троманган. Опубл.: 17, с. 164. В русском первом изд. — первое. Пер. с казахского Е. Шолов. Ср. № 6, 10, 110, см. также № 38.

Миф о неистовом злеме, у которого сын Торона, обрубает две ноги, чтобы в будущем люди могли делать его на остоу. У обских угуров, как и у других народов Сибири, с кифическими злеме связывается прохладнее соседний, чаще всего — Большая Медведица.

* «История» — нарративная к слову «история».

* В мифическом сюжете происходит не времена, когда еще не было людей, в них часто упоминается на будущей нем человека, особенно в таких выражениях: «Когда наступит человеческий век, будет то-то и то-то».

* При появлении белых курдов, черных курдов — т. е. при появлении человека. Одно из истолкований термина «курды»: человек является курдой богов и духов, которой они управляют.

* «Чтобы люди видели» — т. е. чтобы люди могли ориентироваться.

* «Или на одним деревом, на двух деревьях» — т. е. у единственного и спрятан.

№ 9

Зна. Н. Лукиной в 1969 г. в сел. Норавик на р. Вах от В. Каткаева, 17 лет. Опубл.: 6, с. 17. Ср. № 8, 10, 110, 158.

В отличие от других народов здесь соседнее Большая Медведица — это не лось, а лось, бродячий охотником.

№ 10

Зна. М. Вохрушевой-Базановой в 1956 г. в Ленинграде от студента Ф. Елеськина, 24 лет, из сел. Онгор на р. Сили. Пер. М. Вохрушевой-Базановой и Ф. Елеськина. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Ср. № 8, 9, 110, 158.

* «История» — т. е. эпос.

* Имеется в виду создание Большой Медведицы.

308

№ 11

Зап. И. Палав в 1898—1899 гг. в районе Обдорска. Опубл.: 27, с. 176; 48, с. 50. В русском переводе публ. впервые, Пер. с немецкого И. Жуковской. Ср. № 2.

Миф о самом младшем, седьмом сыне бога Торума, известном под разными именами (см. Придасоаме). Отец дергает его за плечи, а затем за проступок наказывает с ваба и делает повелителем и охранителем людей. Затем, подслушав похваления людей его силе, Торум грозит наслать огненный потоп, но сын предотвращает беду.

Знакомая русская версия этого мифа была записана В. Кузнецким: «Давно еще был человек, потоп, все потопило. Чес-ай — это такое время — бегут огни встать из земли из-под земли, в "е" до и на "е" ух, слышишь на дождь. Он все скажет, а потоп пойдет вода и все смое, и тогда снова начнется вся жизнь. Только дичка в момент прекратится. Один человек уже был, старик остался и поплакал два пальца. Ждали его два года — вот, Чес-ай, Чес-ай — вот, Чес-ай, Чес-ай, потом дождались: через две тысячи лет опять будет Чес-ай» [7, с. 17].

№ 12

Зап. В. Соловар в 1880 г. (см. комментарий, № 84). Пер. В. Соловар. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Ср. № 111.

¹ Здесь, возможно, намек на ритуальную бесподобность Торума, символически выражающую немобильность миропорядка.

² Описки у хантов и ненец не выказывают, что мифы соединялись ленинскими. Обуть (касы) призывали и поху, а под колесом или на шкиселках закрепляли подвешивали.

№ 13

Зап. В. Кузнецким (см. комментарий, № 2). Опубл.: 7, с. 18, Ср. 1, 113.

Текст мифа о сотворении человека совмещает две версии: истощение его на глупости и превращение в людей береговых псов (берега считались у обских уртов священными деревьями), а также содержит предостережение о том, что люди будут счастливы.

¹ Тарас-ай, Чарас-ай-ай — брата Торума, живущего в том месте моря, где он сотворил человека: они родились в руках чужой.

² В другой версии мифа о сотворении человека действуют Торум и его мать. Мать Торума и Торум подумали, что на земле надо кому-то помогать собирать. Подумали и решили человека сделать. Они только вечером подумали — утром уже готовы мальчик и девочка. Их на промывочке на землю спустили. Мать Торума и Торум надел, как живут люди, им всемо. Они люди-люди на землю спустились, дали им уш [7, с. 18].

№ 14

Зап. Н. Лукиной в 1971 г. в сел. Забелово на р. Васюган от А. Н. Ангалиной, 68 лет. Опубл.: 7, с. 21. Ср. № 114.

В этом мифе происхождение смерти связывается с действиями Нуал, подговорившего собору нарушить распределение Торума.

№ 15

Зап. В. Кузнецким в 1970 г. в сел. Норани на р. Вах от И. К. Мичкаловой, 16 лет. Опубл.: 7, с. 21.

№ 16

Зап. Е. Титуровой в 1972 г. в сел. Варьяган на р. Аган от Н. Казыкина, 16 лет. Опубл.: 7, с. 22.

Сюжет о жизни, превращающейся в куклу из-за неблагодарных дел и несправедливых пороков. Здесь, однако, глупости, обман, вообще безумия, инстинкты, социальное и политическое зло и на наиболее широкое политическое зло — Казань. Изначально, но теперь все только люди — человек — зло — Казань. Изначально, но теперь все только люди — человек — зло — Казань. Изначально, но теперь все только люди — человек — зло — Казань.

№ 17

Зап. П. Кузнецовым и П. Лукиной (см. примеч. к № 5). Огубл.: 6, с. 26.

Оригинал мифа в происхождении персонажей и мифических птиц здесь трансформирован в этнологический рассказ о происхождении гадюки.

№ 18

Зап. П. Кузнецовым в 1973 г. в сел. Пом. Васьган на р. Васьган от П. Г. Огубл.: 6, с. 27.

Сюжет о рыбачке, надуванном ботом, обыгрывает бытовую деталь: по-моему, амбарные птицы из-под ног.

№ 19

Зап. в 1914 г. в сел. Напиги от Я. М. Куйкина Огубл.: 8, с. 164.

Этнологический рассказ о превращении летучего рыбообразного существа в обыкновенного человека совмещает сказочную фантастику и антропологический мотив уменьшения гигантской рыбы до обычных размеров. Текст записан у самых северных групп хантов, фольклор которых почти не изучивался, и потому при всей условности его отнесения к мифам он все же включен в сборник. Братский пересказ мифа со сказочным мотивом записан и у хантов р. Васьган: «Голые ери был большой рыбы. Он однажды плавал в море, в оуте на водного духа. Пент-луна, п тот зацепил его в темноте, не давал ему есть, потому что Пент-луна — самый главный в воде. Ери стал весь худой и маленький» [6, с. 27].

1 Пароль Сестра вытиснула детали сленной упрямки на бивней мамонта. Хорей с выношенным в виде шипа вступил у шипов и халтов.

2 Мухом с пинии — дело водилое заворачивание в пост.

3 В юные рассказы сделала следующую посылку:

— Вот, смотрите, две женщины с головы иными, они очень похожи на аляски (халанд) «пословица». — Присе, сест! легкой парте. Эти женщины являются доказательством того, что Летучий змея-палли имеет сполал змея-старца с его партой и сленной. Чисте парте водно дестина в шесте змея-палли п, как видно, пропятился в пост.

— Далато шут две женщины. Они весьма похожи на пару рукояц. А и т. постыла, нем. постыла на твоей пропятилиной человек, шут-старца (рукояц и тотор) являются также доказательством того, что Летучий змея-палли действительно считал древнего-халта. И наконец, этот прожорливый змея-палли действительно сполал в пола-старца с крестом, об этом свидетельствует палище у шипа четырехножного дерева.

№ 20

Зап. П. Кузнецовым и П. Лукиной в 1975 г. в пос. Кочевые на р. Тромь-пан от П. Г. Сопочева, 60 лет. Огубл.: 7, с. 146.

В текстах № 20 и 21 изложена народная версия происхождения оленей-холстов у хантов. Среди исследователей этот вопрос является дискуссионным: одни считают оленеводство исходным уровнем заимствованным у немцев, другие говорят о его исконном характере.

1 «Хал-як» — халк, северный человек. Так северные халты называют жителей более северных территорий, называя Обь, т. е. северных халтов, оленца, кося, чучель. Здесь рассказчик идет в виду пещера с р. Таз.

2 Идет в виду парте, у которой одинокого змея-палли переднее и заднее концы ползлось. На такой парте помещались изображения духов Намыили у хантов и Сор-пунных у манси. При переносе парте с изображения духов было запрещено поворачивать, и в двустороннюю парту из-за сленной можно с любой стороны, но поворачивая ее.

№ 21

Зап. П. Кузнецовым и П. Лукиной (см. примеч. к № 20). Огубл.: 7, с. 146.

510

№ 23

Зан. П. Красновым в конце XIX или начале XX в. на р. Васюган, Оубл. 7, с. 19, Ср. № 117.

Прокончившие медведя объясняются превращением в него человека, потерявшего свою одежду и обросшего шкурой. Текст записан священником, изумленный стиль которого сводился на переюде.

№ 22

Зан. В. Кузнецовым и П. Лукиной в 1873 г. в сел. Пем на р. Пем от М. Ленива, 30 лет. Оубл. 7, с. 20, Ср. № 116.

Кривой перекося лицо с небосом прокончившим медведя. Здесь он сброшен богот за непослушание; выходящие из его спящего тела черны превращаются в земных людей различных пород. О черне, из которого возникает человек, см. № 107.

№ 24

Зан. С. Пачковским в 1888 г. в сел. Краснопреном на р. Койда, Пер. С. Пузанова, Оубл. 41, ч. 2, с. 85, Ср. № 118—122.

Из серии исполняемых на медвежьих праздниках песен с сюжета «судачит зверо» о неба, о его земном жителя и охоте на него. В тексте подчеркивается справедливость медведя: он ущемляет ребенка той нечестью, которая нарушила правила поведения на медвежьем празднике, но не обижает мальчика, мать которого писала на празднике в явном осуждении, убивая тем самым медведя. Герой дано пытается успокоить грядущего ребенка, наказ его мальбеля. Тем самым медведь дает возможность прибавиться к нему скотам и становится их робочим. Его божественная с этой точки зрения смерть должна вызвать у слушателей сочувствие.

Изложение событий ведется от лица самого медведя. Перевод песни был опубликован без прибавки на строку, и только небольшая часть сохранила в стихотворной форме.

1 Т. е. торж.

2 Духа халтов и маня были склеены из двух пластин дерева — березовой и сосновой. Последнюю делали из твердой и плотной древесины той части ствола, которая обращена к солнцу и называется пределью.

3 Имеются в виду пространства между двумя рядами людей.

4 Здесь имеются в виду две одинаковые лача, каждый из которых состоит из березовой и сосновой пластины.

5 Смысл вычисления по шлово: «иногда, имеется в виду двух частей тархал или двухразное историче.

6 «В берестяном лукошке» — т. е. в берестяной колыбели.

7 Здесь ласки пазваны колесница.

8 «Для меня ласкава» — имеется в виду таков на медвежьем празднике.

9 Хантыские и мансийские женщины носили набитую пеленку из бересты, кожа или ткань. Недрова и слонов шора упомянуты в предыдущих строках для параллелизма.

10 Медведь намерен качать колыбель попеременно то левой, то правой рукой.

11 Смысл предложения таков: если бы стремительно несущаяся лодка не была хорошего управления, она могла бы опрокинуться.

12 Т. е. хрипел.

13 Т. е. грулила.

14 Металлический пазовочник был привязан к рукояти ремня.

15 «Медведь» — подставной термин для обозначения шкуры медведя.

16 «Облако из массы воды» — образная вода или забрасываемые ены — вода из медвежьих медвежьих пазов.

17 Душа медведя возмущается на неба, так как он прежде обитал там.

№ 25

Зан. В. Павлов (см. комм. к № 11), Оубл. 37, с. 79; 48, с. 26. В русском переводе букв. впереве Пер. с немецкого П. Лукиной. Ср. № 123—125.

Помет об одинокой женщине Мось, живущей в лесу, широко распространен у северных халтов и манси. Он ходит в шку медведя и свалил о двух одиноких группах северных обских угри — Моск и Пор (подробно см.

¹ Брат яростно еббизает лыжи, так как заметил, что здесь был чужой.

⁴ «В тесном доме в глазах рябит, в ушах шумит». — Брат чувствует что-то необычное из-за пребывания в доме чужого.

⁵ По время менструаций женщины надевали старую, грязную одежду. В ответа сестры необычно отнесено к запаху ее одежды.

* «Обернул голову и глаза, лег спать» — типичная формула в фольклоре хантов и манси; возможно, это параллелизм: накрылся с головой —

⁷ «Богатырь Высотой Шесть Соболей» — параллелизм в «Богатырь Высотой Семь Соболей».

† Герой — в разряде капитана. И. А. ГОРЮНОВ

³ Женщину сжали, засунули в сумку, затем вытянули, и она снова приняла свои обычные размеры; формулу часто встречается в хантыйском

¹⁶ «Камень сомпы» — было уже неизвестная древняя игра богатырей в кожаный мяч величиной с голову; по другим сведениям, камень сем-

¹² Имеется в виду небесный бог Торум; «небо с копьевой балкой и ды-
мом» — это изображение небесного бога Торум.

исходом: — часть формулы, относящейся к его жилищу (см. № 30, примеч. 26).

¹² «На этом закончилась его песня, его сказка — т. е. камень семпыр исчез в огненном море навсегда.

¹² «Каменноглазые богатыри» — часто встречающееся обозначение противника героев. Ниже выясняется, что Богатырь Высотой Семь Соболей

уже был жепат па жепщине из города каменногоглазых и имеет от нее се-
мь сыновей. Он посылает герол в этот город, надеясь избавиться от

него с помощью родственников, поскольку камень селбыр не являлся герою никакого вреда.

¹² Палог — обычный атрибут хантыйского жилища, его брели также и в

дорогу. Колокольчики на пологой чаще упоминаются в общо-угорском фольклоре и в эстонском были сигналом приближающегося человека; иногда

17 Короткое расстояние от пропасти — значительное расстояние между па-

«Короткое расстояние он прошел, длинное расстояние прошла навстречу ему мать. — Тот, кто ждет, от радости пробегает много, а тот, кто уходит на долгий путь, — поспешит». Этого, как бы, философского закона, выведенного из опыта, не надо забывать.

кто выходит из лодки или пирты, — немного; часто встречающийся эпическая формула.

Имеется в виду богатый, высокий Семь Соколов, женатый на его сестре.

¹⁴ Жениха или гостя приводят в отдельный (гостевой) дом, дом поджигают, но герой спасается. Этот мотив часто встречается в фольклоре

²⁰ В старинном доме хантов и манси отырытые пары разделялись по-

перечными досками на несколько отделений — спальные места для семей. Молодая семейная пара получила отделение с занавесом.

²¹ «Семидесятилетний котел». — Двое котла забивали досками, чтобы замедлить напорку и тем временем поджечь дом.

2. Элизод с малюшкой птичкой (синицей, воробьем), трижды предупреждающей героя об опасности, часто встречается в фольклоре тантон и мавс.

²² Имеется в виду панцирь из мелких металлических колец.

...только что зашкворенной крови, яростной крови. — Сказавшая объясняет, что герой охвачен яростью, жаждет крови. Мауси в этом случае говорит: «Будь провозглашенным».

²² Назымынский дух, в которого в конце текста превращается герой, имеет двойной таб. Это объясняется пасторальным эпизодом: когда герой слышит:

ет косом лбу. Это объясняется настоящим эпизодом: когда герои сняли смальд, а дядя неожиданно окликнул его, он в страхе надел маску на го-

²⁸ Герой разрушил город наемноглазых богатырей, а потом в ярости

начел разрушать все вокруг, в том числе и город дяди, поэтому тот высматривал на него вшей, чтобы остановить.

¹⁷ Позлат сына в дом с обидявшимся тремя узами, потухшей испочи и превращенной матери в маленькую девочку — попузавший мотив в фольклоре хантов и ненцев.

¹⁸ Диди, который до этого выступал как человек, здесь оказывается духом-предком, которого можно вызвать посредством колдовства.

¹⁹ Диди признает несомненно признать жертву. Это означает его приглашение в духа, но какого именно — из текста неясно. По мнению исследователя, речь идет о дуте р. Назым. Назымский дух во многих текстах

²⁰ Сестра становится духом Катасы-ым. В сказках о охотничьих охотах он выступает как отец или приемный мать.

²¹ Диди описывается духом — Стариком Священного Горы. Его зооморфный облик — мизгаль, поэтому его называют «Медведькопестый Хо-нанка». В сел. Ветанюры надолго его кулаком шепот, полученное название которого — «Город в форме бегущей, несущейся лошади» (оно объясняется тем, что близко находится скала, похожая на лошадь). Дух охраняет души людей.

24 28

Зап. В. Штейнман в 1936 г. в Ленинграде от студента П. Е. Пырычева, 18 лет, из сел. Янгори из р. Саян. (Оула: 51, с. 80. Русский перевод публ. впервые. Пер. с немецкого П. Дунаева. Ср. № 124, 128.

Мифологическая сказка о соотнесении женщины Мось и Пор, в ходе которой ее персонажи имеют то зооморфный, то антропоморфный вид. Как и в других текстах этого рода, жюри Мось сначала страдает от предсказанной судьбы Пор, но в конце концов выходит победительницей.

²² Иности и лезу дымской чужая — старинного сказки типа камела с причиной пирровой трубой.

²³ Если найти песни, нашей сказке предшествовавшая, — очень популярное выражение в обско-угорском фольклоре. Употребляется, когда герой повзлетит в критическое положение. Если ему суждено дальше жить, то и песню-сказку будут о нем рассказывать дальше, но если он должен умереть, то сказка его кончается.

²⁴ Бороздана пень, по которому ударила героиня, был трубой чужака. С этого момента старшая сестра (дочь зайчана) выступает как женщина Мось. Очевидно, это объясняется тем, что лезу связана с фратрией Мось и женщина лезу — женщина Мось.

²⁵ В фольклоре северных хантов рядом с Горелым стариком часто выступает безмолвный Тонто-ола — боиня или слуга. В других случаях его ханто, преследуемый Горелым стариком, но в конце побеждающий.

²⁶ Часто встречающийся в хантыйском и маньчжурском фольклоре мотив: герой приходит в дом, который стороной замкнутый; замкнутая внутри имеет вид приваляно истереть, замкнутого ей человека или разорвать на мелкие кусочки человека.

²⁷ Человек неслы, отсюда сказки долго ли растет? — постоянная формула в обско-угорском фольклоре.

²⁸ Достат возраст бода — постоянная формула в фольклоре хантов и ненцев. Подобные ей формулы: «Достат возраста убавления зари» или «Достат возраста убавления из зари».

²⁹ Сказка, у которой на самом деле много жюри, что по обеим сторонам или бы торчат песты. О жирных оленях говорят: «Его силе подобен доска или песту», Уряжжа по белым оленям считалась почетной, правдивой, 26 29

Зап. Л. Хонти в 1970-х годах в Ленинграде от студентки А. Песковой, 25 лет, из сел. Горный из р. Лиины (нижний говор). (Оула: 18, с. 223; 18, с. 166. Русский перевод публ. впервые. Пер. Е. Швец.

Сказка является от хантыйских хантов, у которых существуют две сказки: первая из двух сказанных сказок, Пор и Мось, не идентифицированы. Но очевидно, что эти сказки северных хантов, переживаются на Там. По имеющимся данным, местные ханты считают Пор и сверхъестественным.

существом женского рода, водяной, иногда — женой Саваньи; почитания его не существует. В сказках Пор-из выступает в роли злого жениха, а в обиходной речи так называют сварливых женщин. Текст отнесен к группе о Мое — Пор устем.

¹ Мухомор применялся как опьяняющее средство. Обычно им пользовались шаманы и люди, выполняющие функции, близкие шаманским; про-изводная, предположительная, к. д.

№ 30

Зап. Н. Терешинным в 1947 г. в сел. Назима на р. Обь от В. П. Латынина, 45 лет. Оруби.: 14, с. 160. В русском переводе публ. впервые. Пер. и комментарии Е. Шенот.

Надземом от места записи текста (в устье Иртыша) находилось священное место Зодотого Богатыря, или великого бога, самого великого — сейчас — сына небесного бога Торума. Он фигурирует в разных жанрах календарного фольклора. В настоящем мифе герои изображены старшими и посредником между различными мирами, между высшими силами и че-ловеческими.

После смерти дочери герой отправляется в сторону Северного мира, где находится страна мертвых (отражение горизонтального «космического мира»). На обратном пути он попадает в верхний мир (отражение вертикального деления мира). Во время этих путешествий он узнает, что люди умирают по предопределенным путем, получает наказ, как люди должны вести себя (дешаться с ссором, по ссориться и т. д.). В конце мифа небесный бог назначает героя священным местом своего села Тронного. Они с женой, приняв свой канализационный зооморфный облик — туеся, уходят туда. Он становится главным духом покровителем всех обских урюгов, получает кузнецкое имя «пир» с диким несомненным блеском, ослепив блеском, которое в фигурирует в призывных песнях шеркальско-нижних кантов. Озвонили в кантон сезоне должны жертвовать ему добычу.

Наличие канта, у которого записан текст, довольно рано соотносилось с южными культурами, были затронуты татарскими влиянием, находились в тюркских отношениях с русскими, эским, вероятно, и обшаривали последние черты в их моральных и культурных (например, в кантонном мифе оживо с карой за луну, ожидающей на том свете). Промежуточное положение этой группы и ее роль посредника между южными и северными кантами сказались и на истоках главного героя мифа как «пир».

Миф исполнен в форме ритмизованной прозы, теперь уже исчезнувшей. У кантов канта это исследован ее образ.

¹ На земле без травя — т. е. в безжизненной пустыне.

² «Сурруге утис» — Зодотский облик героя и его жены — тусы; слово канта употреблено в качестве прилагательного.

³ Етым — фольклорное имя главного небесного бога Торума, употреб-

⁴ Имеются в виду выходы из жерды для хранения предметов обихода.

⁵ «Северное море» (т. е. Обская губа) и низины (Ски считались первым холмом Божьей и миром мертвых, плавающим откуда на лодках при-служники умерших жителей «шести обских городов, семи обских городов», т. е. рыбных поселков, расположенных между устьем Иртыша и речистажем Оби на Большую и Малую.

⁶ Плавившие из мира мертвых прислужники забирают души людей, страши в них мнимых страдания — восстания болей — и сажают в лодки, чтобы унести на тот свет.

⁷ «Мисел за лес, унесла за пол» — эфемеризм, означающий поспешно.

⁸ Мертвец хочет съесть живого человека, попавшего в мир мертвых.

⁹ «Изне и могу нести свою душу» — т. е. жить вечно.

¹⁰ «Ду кинит пор кушуть пота» — т. е. жить вечно.

¹¹ Стран в доме — холмы близлей и стран чертах. Его сын или

¹² «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

¹³ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

¹⁴ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

¹⁵ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

¹⁶ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

¹⁷ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

¹⁸ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

¹⁹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

²⁰ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

²¹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

²² «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

²³ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

²⁴ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

²⁵ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

²⁶ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

²⁷ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

²⁸ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

²⁹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

³⁰ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

³¹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

³² «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

³³ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

³⁴ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

³⁵ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

³⁶ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

³⁷ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

³⁸ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

³⁹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁴⁰ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁴¹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁴² «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁴³ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁴⁴ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁴⁵ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁴⁶ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁴⁷ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁴⁸ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁴⁹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁵⁰ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁵¹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁵² «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁵³ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁵⁴ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁵⁵ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁵⁶ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁵⁷ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁵⁸ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁵⁹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁶⁰ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁶¹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁶² «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁶³ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁶⁴ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁶⁵ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁶⁶ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁶⁷ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁶⁸ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁶⁹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁷⁰ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁷¹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁷² «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁷³ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁷⁴ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁷⁵ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁷⁶ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁷⁷ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁷⁸ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁷⁹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁸⁰ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁸¹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁸² «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁸³ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁸⁴ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁸⁵ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁸⁶ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁸⁷ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁸⁸ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁸⁹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁹⁰ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁹¹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁹² «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁹³ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁹⁴ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁹⁵ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁹⁶ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁹⁷ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁹⁸ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

⁹⁹ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

¹⁰⁰ «Мисел» — холм, потому они называют его «холм».

а затем варяга юсти. Часто встречающаяся пара аттрабутов для определения времени и гостя, па пару.

¹³ «С добрыми пожеланиями вперед, с добрыми пожеланиями назад» — всевозможные пожелания; ниже встречается вариант этой формулы: «принимай вперед, принеми назад».

¹⁴ Герои пошла в сошедший иной мир, но он в отличие от темного мира мертвых такой же, как и человеческий: с солнцем и луной.

¹⁵ Передние пути животных называются «руками».

¹⁶ «Если на его досе повесить прутки, то он не увернется, если повесить трангалу, то она не удержится» — формула для выражения крайней усталости.

¹⁷ «Счастлив дом с чистым, который считается иметь духам».

¹⁸ Возможно, это пригородница Калтас, которая в различных версиях выступает то как тета, то как мать, то как старшая сестра героя.

¹⁹ Эти березы с большой вероятностью могли отождествлять с кедровым древом.

²⁰ Духи мертвых, которых, о которых удалось идти речь, очевидно, достигали обща с мирными духами, по сравнению, с каковыми изманы, как уличники.

²¹ Основа принадлежала хомину страны мертвых и не должны были переходить в мертвый мир, поэтому верная душа хотит их уничтожить.

²² «Или тебе вилы соды, что тебе высказал след?» — формула обращения к герою, поставлену в иной мир.

²³ Зарубив делаются для того, чтобы олепи помяли вилы духом.

²⁴ Этим прилагательным верные духи устанавливают свое право на определение судьбы человека: его смерти будет зависеть не от царя мертвых, а от их воли.

²⁵ «Человек, который почти, по окончательности ожидает» — а, по концу времени.

²⁶ «Золотое дымоное отверстие» — архаическая формула, отпавшая к золотому янтасу верного бога Горы. Более поздняя формула, возникшая от слова «золотые жердя криши, золотое дымоное отверстие, но, в связи с этим устаревшая фраза не всеми понята, она часто встречается в употреблении».

²⁷ Т. е. наступила пора идти на охоту.

²⁸ Идетесь в вилу души-оправдателя, предельной социальной группы, по которому хитом, злом в ушах — означает, что помяли олежало.

²⁹ «На осенний гаухар, ранее героя» — фольклорные повествования святилища места Золотого Богатыря, о котором в фольклорных повествованиях упоминается в устных преданиях.

³⁰ Бог спускал город на землю.

³¹ Т. е. радости илуту рудами и привативными.

³² «Царь с давнего осеннего белиз» — фольклорное название Золотого Богатыря, подразумевающее, что охотник должен жертвовать ему добычу.

³³ Все это — животные, посвященные в жертву Золотому Богатырю.

№ 31

Зап. В. Штейнман (см. примеч. к № 27). Оуба: 50, с. 302. Русский перевод публ. впервые Пер. с немецкого Н. Лутинца.

Из серии рассказов об Илья-таты (Алтай). В отличие от богатырской версии (см. № 27) здесь герой выступает как трубак и обманщик.

¹ По древнему обычаю, хиты хоронили умершего, полагая его не землю и парком земли.

² Эти детали похоронного обряда обнаруживают русские влияния.

³ Принесший человек — это дед героя, Старик Священного Города, его антропный образ — медведь.

⁴ Т. е. на предначертанные этим духам священные места.

№ 32

Зап. П. Терешкиным в 1947 г. в сел. Назыны на р. Обь от П. Утфина, 65 лет. Оуба: 5, с. 64. Пер. Н. Терешкина.

266

Из серии рассказов об Ими-хити (Альвала). Начальный эпизод с охотой героя на ваврыюк, его просьбой к бабушке приготовить лук и стрелы перекликается с мифами, где культурный герой создает животных (здесь: узнает от бабушки их названия).

У северных обитков угур мужчины носили косы (настоящие либо ложные) с бисерными украшениями.

¹ Хантийские женщины носили в косах и на поясе металлическое подвесное украшение или украшения.

² Подрывающие птиц садовыми раскосыми украшениями. В фольклоре эти птицы рисуются жидкими (см. № 105).

№ 33

Зап. В. Кулемзидым и И. Лукиной в 1975 г. (см. коммент. к № 20). Ошуб.: 7, с. 87. Ср. № 34, 139.

Из серии рассказов об Альвала (Ими-хити).

№ 34

Зап. М. Шатяновым в 1926 г. на р. Пат. Ошуб.: 7, с. 80. Ср. № 33, 139. Из серии рассказов об Альвала (Ими-хити).

№ 35

Зап. П. Штейнцем (см. коммент. к № 27). Ошуб.: 50, с. 263. В русском переводе публ. впервые. Пер. с немецкого П. Лукиной. Ср. № 27.

Героическое сказание о Ламмасе и его внуке было записано поданою от сест. Алешиню, покровителем которого считался дух Липтискиши. Отец и дядя героя погибли от рук кхисепоглазых богатырей, потому что девушка (отец отца) не дала им свой панцирь. Подросший герой отправляется в город брать мести за отца. Они заманивают героя в гостевой дом, обещая ему в жены свою сестру, поджигают дом, но герой спасается. Он убивает кхисепоглазых богатырей и женится на их сестре.

¹ Богатыре совершают жертвоприношение богу Торуку, принося его любимые предметы: кризаны. Так же поступали при жертвоприношениях и обычные люди.

² Сближенное врага — распространявший моты в героическое сказание обещая угрозу в качестве подношения Торуку сыновьям зашедшим на дерево.

³ Герой пандал рыбу на стрелу, как на вертел для сунки, и подушка дает ему богатырское имя по этому его подвигу.

⁴ Дедушка говорит, что рубцы пакусны знамя, так как бьются, что внуку сирокот об отце, если девушка будет рассказывать о сражениях.

⁵ Кровавая месья за убитых родственников, особенно за отца, — одна из важнейших тем в героическом сказании хантов и манси.

⁶ «Ночича мое мясо, пусть мои кости идут мстят» — это часто встречающееся в фольклоре хантов и манси выражение означает, что герой готов уехать до конца.

⁷ Разрушительную месья за мать — параллелизм, так как мать герой мстит.

⁸ Т. е. герой пришел в ярость.

⁹ Один из эпизодов измерения времени у обитков угур служил прообразом для того, чтобы выразить видя в кхисе.

¹⁰ Т. е. исследует по пшени.

¹¹ Гитатари-сичаи сотнули листочнику и сели на псе.

¹² «Пусть нас обожает нетер на месте весенней мойки, осенней чайки» — выражение, часто встречающееся в обиходно-торговом фольклоре, особенно в обрядовых формулах, связанных с жертвоприношениями.

№ 36

Зап. С. Патяновым (см. коммент. к № 24). Ошуб.: 41, ч. II, с. 17. Пер. С. Патянова. Ср. № 168.

Героическое сказание хантов р. Конда. Городец князей по имени Сыловых Мужичины с Размышистой Руной и Тяварской Женищины находился

эпоху юрт Цитагалинских на р. Иртыш. Княжество во главе с городком Тинар-во было одним из самых крупных в Тобольском округе в фигурирует в летописях. Термин Тинар широко известен во всей Забайкальской Сибири: у северных хантов и нэнси он встречается в названиях городов Шонер-вош, социальной группы Наберым, а слово «шынгары» (д. тономон), включающее этот термин, дифференцировало также у венцев и падноенибских татар. Его выводит из названия древнего населения Сибир, Савыр, Сибирин.

Наконец, Сибиряк рассказывает историю в образе фантасы и просит былого стать за ней, так как его отец собираются отдать ее жениху за «самодвоя», т. е. за дворя. Герой и братом сыплются войско и отправляются в военные походы. Герои сы бражники и город отныне чужды, герои вытесняют дач и жених вместо княжеской дочери рабыни. Он отступает в и отправляется с войском за самодвоями, уезжает в пустыню. Герои и брат достигают и победоносны. Герои и брат достигают и победоносны. Герои и брат достигают и победоносны. Затем же и приправляют с ней на свою родину, совершая по дороге чудотворные подвиги: убивают медведя чудовищ, мечами движению во руке. По пути записывают новое сражение с самодвоями. На помощь брались спешат дачи р. Кюда, и богатыри уничтожают врагов, побеждают воинами.

¹ В облике филина к герою прилетает дочь богатыря Нянок-хуша, городок которого пахнулся в вислоухих Оби. «Величиной с деревеньку — сокращенный вариант формулы «величиной с деревню, величиной с город»; в фольклоре хантов это излюбленное сравнение для обозначения крупных размеров чего-либо».

² Т. е. «не тогда», «не тогда же».

¹ «К мужским водам чужестранцев» — т. е. к водам, по берегам которых живут чужие люди (мужж).

¹ Жертвы решившиеся перед походом включать, таким образом, сначала молоко на площади, где воины, стоя на коленях с жертвенной пищей в руке, предлагали духам угощение; затем мясо забитых в жертву животных.
Далее — «счастья» в «доме» — «раздача».

В публикации С. Патунова стоит слово «хлеборобы». Хantyйские слова с корнем «tənt» он перевел как «хлеб, зерно». Но, по его же данным, этот термин имеет более общее значение: «вища, питание». Мы использовали последнее значение, так как оно больше соответствует реалиям жизни хантов.

¹⁰ В латвийском оригинале вместо слова «аудото» стоит написанное С. Паткановым выражение «серебро титъ»; это серебро высшего качества, очень дорогое, из него делали священные предметы (по другим данным, напротив, низкого качества).

11 Т. е. не испытывало ли в чем нужды.
12 Т. е. до небесного бога Торума.
13 Т. е. на многих местах.
14 — Число и название — в древней

¹² В старину хвосты добывали огнём вращением палочки в углублении
посочки; лезвья топили — дух огня.

¹² Поездки с целью сватовства нередко кончались войной, а богатырь оставлял свою голову на чужбине. Поэтому поездка за невестой названа здесь «безголовной, безвозвратной».

¹⁸ Т. е. па низких и высоких котях; герой свистит от восторга удивл.

¹⁹ Здесь имеются в виду родственники невесты.

²⁰ Постыжные знатные земли — «комистия земель, волохотан (мохнатан) земля; но предвещенным ханом, дух земли — это женщины».

548

¹¹ Герой возмущен тем, что ему вместо книжки дают в жилах рыбачью,

¹² Герой грозит разрушить город теста

¹³ В начале стихотворения говорится: «...как же ты, братец, так? — разве или в головах, где имеются еще антицей межкомья головами». Герой посылает его унять, где находится невеста. Далее купушка выступает в роли вестника.

¹⁴ Перевод: «Мне затруднительно; в языке хантов это означает «гор-»

¹⁵ «Идеальный лицо Тари и лицо рыбы» — т. е. прошедший огонь и воду.

¹⁶ У самого-же (печене) соблаз паркух с клеветой слушала жертичным

¹⁷ Т. е. жов де он яла норта.

¹⁸ Подосы и травя при изготовлении стрел не употреблялись; очевидно, герой стремится приукрасить силу вражеского дружка.

¹⁹ Пустота в яву зарыла малькуха, которую герой сравнивает с пластовой рыболовной лопушкой.

²⁰ «Золотой рот» — символ радости и счастья.

²¹ Волновые чужакина перемыла реч, немая лодкам плыть.

²² Так обычно выступают герои в минуту опасности.

²³ Черохов означают еще и колодки, черемухи.

²⁴ Что это за персонажи, неизвестно; ясно только, что они живут в верховьях р. Ковда (слово ирм означает «верх») и спускаются к устью реки на поиски богатырей.

²⁵ В песне находились души врагов, в потому они снова оживали.

№ 37.

Зап. С. Натановым в 1888 г. в сел. Шуняловские на р. Ковда, Олуста:

41, ч. II, с. 38. Пер. С. Натанова.

Героическое сказание о богатырях, городов которых — Сонг-хун — па-

жи — на ие — а хан.

У богатыря Сонг-хуня, несмотря на многочисленные подарки духу, нет детей. Разгневавшись богатырь, сбегает в горы и разрубает избушку духа. Сонг-хуня по желанию духа дает богатыря три зернышка, от которых у его жены родятся мальчики. Но змея, злившись богатыря и его сын умирают. Сын приходит из мира мертвых, превращается в ревеня, его сматает сына оленя. У змея рождается три сына, которых преследует сын небесного бога в облике волка. По его призыву один из оленей становится добычей охотника. Оленя и змея его сматает диница-волк в реку; от этого у охотника рождается два сына, у рыбака — один. Старший из сыновей выигрывает призвание владимирского иди в поход за невестой, они собирают войско и отправляются в путь.

Текст интересен тем, что повествование в нем ведется от лица героя, трижды повторяющегося по теме.

¹ Т. е. пришел в иной мир.

² Идет в яву, что аилар переносится шумовой.

³ Богатырь уже стар, и ему требуется убогство.

⁴ Старик померещается сынов духа (волка) вместе с подарками, так как он не дал ему детей.

⁵ Истребление духа явилось формой злобы, проявившейся в нем, с личностной возмездью. У мушкетера не хватило силы выворотить его из земли.

⁶ По предположению хантов, злобный дух не может ступить.

Далее С. Натанов: «...такие прозои».

⁷ Истребитель бег спуска светлого сына в колыхан на коня.

⁸ У хантов есть поверье, что души мертвых, оставшиеся на 35 дней.

⁹ Желудки за змею родов считались нечистой, не употреблялись. Перевод: «...и в древности таким местом выжили были поджигавшие дрова, выжигавшие смолу, выжигавшие дрова».

¹⁰ Т. е. с помощью гадания.

¹¹ По повзрелости хантов, приход человека из мира мертвых и не- жет земную.

¹² Первоначально в виду песни волкита из трех частей.

¹³ Духа ребенка пытаются вновь поселиться в доме матери, но не могут есть человеческую пищу.

¹⁴ Олень должен сам пойти под выстрел, чтобы затем получить возможность изорваться человеком.

¹⁵ Это делается для того, чтобы уберечь мясо оленя от собак.

¹⁶ «С хозяйской» — т. е. с бывшей матерью герла по имени Оленья Самосиды с Илюматилы Галаман.

¹⁷ Имеется в виду сын рабыня, родившийся одновременно с богатырями. Имеется в виду небольшой топорик, насаженный на длинную рукоять; он применялся в тузе для заготовки дров.

¹⁸ Женщины хотят получить рассмотреть князя-богатыря.

¹⁹ Герой подумал, что он мог бы жениться на одной из встреченных девушек и тогда не нужно было бы вести героню в опасный поход. Брат пристыдил его, потому что князь не мог жениться на простой девушке.

²⁰ Сказание не закончено.

№ 36

Зап. М. Шатяновым в 1926 г. в сел. Колин-Куан на р. Вах от П. С. Сегельсона, 56 лет. Оpub.: 105, с. 24.

Предание о гибели хантыйского богатыря-матуры из-за имени его жены связывает происхождение дательной дательца с несколькими древними границей. Географические уклады упоминаемых в тексте мест неизвестны.

¹ Т. е. на береговой обмотке дельта.

№ 39

Зап. П. Лукиной в 1969 г. в сел. Криволауцкое на р. Обь от П. М. Палачихина, 65 лет. Оpub.: 7, с. 34.

В тексте предания очевидно несомненно рассказано о богатырях — предках хантов, живших в бассейне Оби, выше впадения р. Вах.

¹ Река была перегорожена запором для ловли рыбы, и здесь задерживался мусор. По услышавшей на селении шенне богатыря догадался, что там живут люди.

² В исторических источниках так называлось княжество на территории Нарымского края, где жила союзница. Рассказчик дает иное объяснение.

№ 40

Зап. Н. Лукиной в 1971 г. в сел. Забегаловка на р. Васюган от Н. И. Левицкого, 61 года. Оpub.: 7, с. 36.

Предание о столкновении с селюками богатыря — предка хантов р. Васюгана, посещавших финицию Ангалии.

¹ Имя Ангалии — «Хитрого Ангалии» имя. Ангалия — предок васюганцев.

² Ангалия — «Хитрому» предок; выжил в аду обские тавиты.

³ Женщины кричали в сумрак плачуя о том, что похоронили в колодезь ребенка. Захваченная врасплох жена богатыря бросает их в воду, чтобы показать мужу, куда ее увел.

№ 41

Зап. В. Кузнецовым (см. комментарий к № 18). Оpub.: 6, с. 11.

Топонимическое предание, объясняющее происхождение элементов ландшафта мисодубовской борбой двух богатырей, живших некогда в бассейне р. Васюган.

¹ Т. е. хантов р. Нарыма.

№ 42

Зап. И. Каспиным в 1970-х годах в сел. Цингалы на р. Иртыш, Публ. впервые по тексту, записанному в архиве Тобольского музея.

Топонимическое предание связывает происхождение реки и горы в цингалы Иртыша с действиями богатырей.

№ 43

Зап. П. Попов (см. комментарий к № 41). Оpub.: 37, с. 160; 48, с. 24 В русском переводе Публ., впервые, Пер. с немецкого Н. Лукиной. Ср. № 158.

620

Текст предания был записан около г. Обдорск (современный Салехард), недалеко от которого, в сел. Пель-вош на р. Полюй и в сел. Памерские (Пастор-нури) в низовьях Обь, проживают ханты социальной группой Пастор; социальная группа с тем же названием известна также и у народа р. Лана Сибири преданиями они считали мифических Крылатого Пастора и Ногастого (визит) Пастора. Предание о переселении части этой группы в юга, с низовья Обь, на р. Полюй пересказывается с мифом о мистической охоте (см. № 8, 9); те же персонажи фигурируют и в мифическом мифе о прокляждении смерти (см. № 119).

№ 44

Зав. М. Шаталовым в 1926 г. в сел. Негал-юх на р. Вах от Е. С. Прасина. Оулуб: 105, с. 23.

Широко распространенный сюжет о разделение народа на две половины и устье одной из них на новые территории встречается в рассказе о прокляждении Лар-ях в Ваг-ях — социальных групп хантов р. Вах.

№ 45

Зав. В. Кузнецовым (см. комментарий № 18). Оулуб: 6, с. 24.

Рассказ о возникновении локальных священных мест на небольшой речушке Тух-сиге перекликается со сведениями о святилищах в бассейне р. Наролама, куда ходят Тух-сиги. Главным персонажем думом и шаманом рани считался старик Зале-юнг (Большой дум); святилища двух его сыновей были выше по течению, ближе к mouth Тух-сиги. Согласно аутентичному тексту, святилища на Тух-сиге создали старуха, «отделила или «выделала» (т. е. приносила в жертву) своего мужа и детей. На обеих речках существовали культовые места, где приносили в дар жертвенные молитвы-дубины, которыми, как считалось, духи забывают поля заповор, а также святилища досья, где устраивались местные праздники и приносились жертвы в честь этого животного. Большинство культовых мест расположено ныне именно там, где они упоминаются в тексте, и до недавнего времени исчезли все последние следы.

№ 46

Зав. Е. Титаренко в 1971 г. в сел. Летне-Новоселом на р. Обь от В. И. Басина, 58 лет. Оулуб: 1, с. 58.

Предание о междоусобице степных древних богатырей-предков объясняет происхождение названий местностей и хантыйских имен, которые подаются были основаны на основе официальных фамилий.

¹ Имя в ваву подменили жиды.

² Дале-челам-лив — бука, «На Войне Убитых мыс».

№ 47

Зав. Е. Титаренко (см. комментарий № 18). Оулуб: 7, с. 32.

Предание об основании в этой территории обитания группы хантов-жизненных хантов, переселившихся на р. Аган.

№ 48

Зав. Е. Титаренко в 1972 г. в сел. Ворыган на р. Аган от П. Н. Каминского, 70 лет. Оулуб: 7, с. 32. Ср. № 48, 50.

Предание о столпотоплении хантов р. Аган с пародом ахм-ях (точнее отягчен: призрачность которого не установлена) из-за слепоты. Текст строится по типу составной хантыйской богатырей и принадлежит к саму, а также включает рассказ о неудачном камлании вражеских шаманов об успех или неудаче их выбора.

¹ Имя в ваву похитили чума, съехав из шкуры.

№ 49

Зав. Н. Лукиной в 1978 г. в сел. Юбилейный на р. Тромьстон от М. Ко-чичева, 46 лет. Оулуб: 10, стр. 11.

Еще одно предание о набегах народа ахм-ях на хантов. Здесь впервые его исход объясняется отсутствием хантыйского шамана, научившего пред-
— чума назывались — финские.

¹ Т. е. дух аленей.

№ 51

Зап. В. Кузнецовым и Н. Лукиной (см. коммент. к № 20). Оpubл.: 7, с. 103. Ср. № 48.

Это предание о столкновении хантов с ахис-я построено на теме мести за убийство соратников и содержит различные приемы ик барыбы.

¹ В данном случае рассказчик считает, что Ахис-я — это даро кони.

№ 51

Зап. В. Кузнецовым и Н. Лукиной в 1974 г. в сел. Кактово на р. Юган от Н. Т. Кавкова, 68 лет. Оpubл.: 7, с. 41.

Историческое предание о «шаре хантов» по имени Тунда исключено из-за его чудесного рождения по воле одного из главных духов-эпоноимов — Ко-юм; эпизоды столкновения героя с казанами перелатываются с рассказами о его жизни и смерти.

¹ Дух Ко-юм опускает камешек, от которого рондается богатырь. Это же предание см. в № 37, 106.

² По волеизъявлению хантов, душа (касе) может являть облик пасокомого, в данном случае слепца. Вылет души-слепца означает окончательную смерть — после чего человек не встанет.

³ У хантов убийство собаки приравнивалось к убийству человека. Бог наказывает героя смертью за то, что он допустил выстрелы только в сторону собак.

№ 52

Зап. Н. Лукиной (см. коммент. к № 40). Оpubл.: 7, с. 40.

В предании Ермак олицетворяет русских казаков, в действительности, он не был у казаков.

№ 53

Зап. П. Красновым (см. коммент. к № 22). Оpubл.: 7, с. 144.

№ 54

Зап. В. Кузнецовым и Н. Лукиной в 1970 г. в сел. Коркина на р. Вах от Е. Н. Лукиной, 27 лет. Оpubл.: 7, с. 170.

По поверью хантов, дух огня Путо-аюк — это женщина, а каждый холщевый огонь — дочь Путо-аюк. С огнем следовало обращаться очень бережно: не бросать в него мусор, не прикасаться к окалине, устройству острия предмета, чтобы не поранить духа огня. Матери огня приносили в дар одежду красного цвета.

¹ У обитателей гор раскачивает зелья — дикими и нежными.

² Ребенок был повержен духу о ши.

№ 55

Зап. В. Кузнецовым и Н. Лукиной в 1970 г. в пос. Коркина на р. Вах от К. В. Прасова, 39 лет. Оpubл.: 7, с. 148.

¹ В другом варианте этой легенды старуха названа «шаманкой по имени Вель-жур» (Оленья Нога).

² Под гитарой имеется в виду смычковый музыкальный инструмент (хант. *кхель-юк*) с выемками на боках корпуса, под дробной — ступенчатый инструмент типа пилы (хант. *керас-юк, пелен-юк*). Пилы на музыкальных инструментах, в том числе на бубне, говорят о специфических способностях сыгран, которые в другом тексте прямо названы шизонями.

№ 56

Зап. Н. Лукиной в 1970 г. в сел. Айболово на р. Васюган от А. П. Анжияна, 68 лет. Оpubл.: 7, с. 149.

¹ *Нюкрать сель, нюкрать-ху* — гипнотизер, ворожея, ясновидец, организатор своеобразного предстательства, основанного в месте. В отличие от шамана он не обращается к Торуку, не совершает молитв, не путешествует в шные ягры, не имеет специального костюма, в его атрибут — не бубен, а музыкальный инструмент.

№ 57

Зап. Н. Лукиной в 1909 г. в сел. Оверном на р. Висгапа от П. Козми-кова, 37 лет. Опубл.: 7, с. 152. Ср. № 58—59.

Байгал рассказ о двух разнополженных рилом степенных местах в бассейне р. Висгапа. Одно из них считалось местом являющихся музыкантов (умение играть на музыкальных инструментах расценивалось как дар, получаемый от духов: ср. № 55, 60). Второе озеро считалось местом обитания водяного чудовища Вое, которое ханты называют «маломом».

¹ Очевидно, место древней кузины: мыслится устные сведения о других кузницах происшедшие от места записи текста — в пос. Айвоном, Салым-чи и др.

№ 58

Зап. П. Кузнецовым (см. комментарий к № 23). Опубл.: 7, с. 156. Ср. № 57, 59.

Два следующие былички — рассказы очевидцев о столкновении с Вое — водяным чудовищем, местным обитателем которого считался не замерзающий зимой участок реки и водоемы, куда не садилась перелетные птицы. По повествованию, в Вое превращаются очень старые щуки, у которых выстаивают рога; в него могут превратиться также зипи или сойма. Рассказы о Вое широко распространены среди хантов. О том, кем она представляла себе его внешность, можно судить, например, по следующему рассказу: «Ханты рассказывают, что в реках и озерах живут какие-то животные Вое. В озерах не живут. Водное существо роет себе яму в реке, впадает, голова едет. Старик Прозор Пыгатов видел, как нырнуло это животное. Рога у него длиннее сантиметром толще, чем у синю отходит два длинных рога. Носики не загнуты, это животное из еланин. Тело очень длинное, покрыто шерстью. Это в воде живет. В сороковых годах один старый хант нашел рога такого зверя в реке в поселок. Ханты хотели его отдать реку на убрание, дан еденей, но тот решил продать подарком какому-то приезжему пачальнику — за пять рублей. Ханты смеялись, что он продал очень дешево. Некоторое время удалось отстоять кусок от этого рога на убрание» [7, с. 156].

№ 59

Зап. В. Кузнецовым (см. комментарий к № 2). Опубл.: 7, с. 156. Ср. № 57, 58.

№ 60

Зап. Н. Лукиной (см. комментарий к № 36). Опубл.: 7, с. 160.

Быличка о сказочном явлении со сверхъестественным существом По-чак. По поверью, в него превращается выкидыш или ребенок, умерший в возрасте нескольких дней. Чтобы избежать этого, ребенка специально покрывают либо в общей со взрослыми могиле, либо на специально выкопанной, либо в дупле.

№ 61

Зап. В. Кузнецовым и Н. Лукиной в 1973 г. в сел. Пам на р. Пам от Ф. Д. Васильевой, 25 лет. Опубл.: 7, с. 165.

Быличка о приходе мальчика — умершего (душа умершего) — в дом к родственникам обосновывает необходимость неуспеваемости обучать былички. В этом рассказе женщина «видит» свое покойную бабушку. По другим сообщениям, являлись реанимированы для людей: ср.: «Иногда раз или на лопатках, иногда другим путем, являлись не являлись, а иногда в сторону направлялись. Это они ушли из мира. Отец, дедушка, бабушка лучше знают, чем человек. И другие являлись тоже. Человека не видят мальчик, а звери видят, вот и пера-кались с шерстью» [7, с. 165].

¹ Юки — муж расклевывали.

² У некоторых групп хантов медвежья голова считалась священным домом, святым (ср. № 165) и являлась в той части жилища, где было место живения.

№ 62

Зап. В. Куземлиным и Н. Лукиной (см. коммент. к № 61). Оpubл.: 7, с. 166.

Сообщение о том, как дух умершего (мужчина) жил в жилах девушки, включает рассказ о шаманском союзе, во время которого дух девушки приходит к живым и рассказывает о своей судьбе.

¹ Неземное чешуеца объясняется таинством, что его похитила какой-либо дух или он сам превратился в духа, в последнем случае место его первоначального обитания становится священным. Ср.: «Из Ляроно дала потораска, несть почала, казает: она сидит на горе, путь до реки всегда в волосы чешет. Сказал другим: она исчезла. Называется Намиста от (Денечей горы). Когда туда придешь, страшно, только у тебя людей. Если у тебя осечка, то этот человек, на которого страшно, заболит, или захрепится и зроби и душо останется, он умрет. Денет на той горе вокруг осека — горы поля. Половина даша — каждой сам свою часть — и обидеть дерево на сляну. Это когда мало горы едем. Если обратно едем, то катать в чашки и не катать» (7, с. 166).

² По поверью, манчжу, как и этого духа, когда убить только молния, поэтому они прячутся от грома.

№ 63

Зап. В. Куземлиным и Н. Лукиной (см. коммент. к № 61). Оpubл.: 7, с. 57.

В этом ханте девушку берет в жилах лесной дух: более развратное расписание о браках между лесными духами и охотниками см. № 60–71.

¹ По обычаю возбавия, женщина не должна показывать лица мужу дочери.

№ 64

Зап. Е. Татаренко (см. коммент. к № 63). Оpubл.: 7, с. 171.

¹ По воззрению хантов, умерший (его душа) не возвращается к родственникам и забирать их (унести душу) в мир мертвых. Для предостережения этого применяли различные меры, в том числе пересечение на плече меча.

² У хантов не было принято завязывать волосы в узел. Выполненное это — «длинная жила» означает о том, что она — из иного мира.

³ Волосы считались одним из численных душ, и их обрезание приводило к смерти.

№ 65

Зап. У. Сирелюсом в 1898 г. в сел. Лерик на р. Вах. Оpubл.: 128, с. 229. Русский перевод убу, впервые. Пер. с немецкого Н. Лукиной. Ср. № 168.

Распространенный у хантов и манса сюжет о завороте почтять в забронированных домах, выбрав.

¹ У обских уюров считалось, что на кладбище почтять можно, а в забронированных домах и амбарах полях, так как там подается злое сверхъестественное существо.

№ 66

Зап. В. Куземлиным и Н. Лукиной в 1974 г. в сел. Казаново на р. Юган от Н. Г. Чалтомова. 23 лет. Оpubл.: 7, с. 163.

Рассказ о посещении подземного мира живым человеком и о помощи, которую умерший оказывает своему другу, близким, как обмануть обитавших там духов.

¹ Имя-названия — персонализированные, персональные существа.

² Имеются в виду традиционные музыкальные инструменты хантов: *каркакс* — щипковый музыкальный инструмент, похожий на финский каллакс, и *мичеж* — смычковый музыкальный инструмент, похожий на скрипку, но большей по размеру.

524

№ 67

Зап. А. Алтаястом в 1858 или 1877 г. в Обдорске от А. Сорбиня. Опубл.: 12, с. 3. Русский перевод русск. издании. Пер. с немецкого Н. Лукиной.

¹ Хавты считали, что во время сна глаза человека уходят и бродят по тем местам, которые он видит во сне. Зинаид с вынутыми глазами см. в № 68.

№ 68

Зап. Н. Лукиной в 1983 г. в сел. Каюково на р. Юган от Н. Г. Чаломова, 32 лет. Публ. впервые по: 11.

¹ Людьми у хавтов и манси заправляли лицо платком и соблюдали другие запреты в присутствии мужчин — старших родственников мужа.

² По обычаю, песня было сириньвать у хавтипа, сколько он добыл.

№ 69

Зап. Н. Лукиной в 1961 г. в сел. Старокасовск на р. Обь от З. Ф. Калитой, 31 года. Опубл.: 7, с. 168. Ср. № 70, 71.

¹ Эти названия происходят от древних деловых названий: «хавты» — человек разными названиями: Нонт-ку, Уаку, Нор-кум, Мис-кум (лесной мужчина), Вор-и, Мис-и (лесная женщина), Мис-кум-и (лесной народ) и т. д. В отличие от других лесных людей не являются объектами почитания, культа, хотя их иногда называют на русском языке «душами».

² В данном случае рассказ о том, как человек побывал у лесных людей, привнес в родственникам рассказчика и обрисовывает лишь общую ситуацию — их контакты.

³ Очевидно, индеек хавты считали лесными людьми в подарок за пребывание у них человека (ср. № 71).

№ 70

Зап. Г. Старцевым в 1925 г. от Лоптякова. Опубл.: 94, с. 137. Ср. № 69, 71.

¹ В отличие от предыдущего варианта, представляющего собой былинку, здесь при всей тождественности описанности места встреча текст более развернут. Уаку уносит охотника в свое жилище и готов отдать за него дочь, но человек не хочет оставаться, и его отпускают с подарками.

² Охоты в свет мира лесных людей губительны для человека. После посещения из мира описан и свет человеческого мира, поэтому лесные люди предостерегают посетителя к тому, что ему следует находиться в темноте (см. финал рассказа; ср. также № 167).

³ Лесные люди по отчужденности от бересты приближаются к мовчанам (см. коммент. к № 171).

№ 71

Зап. Г. Старцевым в 1925 г. от Нугульина. Опубл.: 94, с. 141. Ср. № 69, 70.

¹ Еще один рассказ о пребывании человека в доме лесных людей: здесь лесная женщина в нападении на то, что охотник отворачив от ее, признается в том, что она не охотница.

² «Все жилище было обложено мехом» — обычное описание жилища лесных людей.

³ Средняя часть жилища (дальняя от двери) предназначалась для гостей.

⁴ Лесная женщина посылает верной семье охотника

⁵ Имеется в виду Агаты-пучок — людской деловой дух; он хранит души будущих лесных людей.

⁶ Слово человека, попавшего в лесным людям, возмущается ему здесь в виде шороха, и в других случаях — в виде градоу (см. № 69).

⁷ Т. е. лесные богатые добычей.

№ 72

Зап. Н. Лукиной (см. коммент. к № 57). Опубл.: 7, с. 158. Ср. № 171.

¹ Рассказ о встрече человека с лесным духом, происходящий в охотничьей

сей заблужке самого охотника; находчивость и хитрость героя спасают его. В рассказе ощущается апострифическое влияние: упоминание о двенадцати часах как времени появления духа (чорта); название духа — шайтан; характерное для хантов выражение бога и злых, которые опутывают мерта. Соболь с золотым кожаном на мехе — это собака лесных людей Убин такого соболя, человек в обмен на него может получить от лесного человека охотничью удачу. Шайтан — завистливое у татар название духа. Здесь имеется в виду лесной человек или дух.

№ 73

Зан. В. Кузнецовым и Н. Лукиной (см. comment. к № 61). Опубл.: 7, с. 77.

Рассказ о встрече охотников с медведями призван обосновать запрет мучить животных.

№ 74

Зан. Н. Лукиной (см. comment. к № 68). Публ. впервые по: 41.

Их серия рассказов о лесных сверхъестественных существах — монках (Сис-ны). Здесь медведь выступает как дружелюбное по отношению к человеку существо, помогающее охотнику добыть лесей.

Монх — это старикан, а шишу медведь, где у него пахнет и тут это шайтан на мысль о хоботе. На чехов и знаменитых рассказчиков, отсылка к этому р. Иван Н. Чаломов, отсылка лес как охоты рязанцев: «Медведь — это и есть медведь».

№ 75

Зан. Н. Лукиной (см. comment. к № 68). Публ. впервые по: 41.

В этой серии медведь изображен враждебным, который «едит» лесом и перемещается на шишу, и те роют ему яму-ловушку.

Т. е. на собственных людях. Сейчас ханты-рыбки и ханты-медведи государственные или кооперативные артели, и их доставляют и отдаленные рыбным угодьям на государственном транспорте.

В эпизоде с охотой на Медведя древних лесов в хантских животных, зафиксированных в нескольких писателях Урал. .. сохранившихся до конца XIX в. Новшества представляли собой или внутри загорюнок.

№ 76

Зан. В. Кузнецовым и Н. Лукиной (см. comment. к № 61). Опубл.: 7 с. 78. Ср. № 77, 172.

Этот рассказ о встрече охотника с медведем представляет собой диалог — составление в диалогичности и стараниях эпизодов. Диалогическая форма довольно часто встречается в фольклоре обиходного (см., например, № 10, 101, 102, 172, 102, 197, 198).

№ 77

Зан. Е. Титаренко (см. comment. к № 16). Опубл.: 7, с. 81.

Еще один текст о составлении человека с духом в остроту. Здесь героем выступает сказочник Мавты-ку, который рассказывает лесному человеку сказку с таким концом, что тот остается в полном недоумении.

№ 78

Зан. Е. Титаренко (см. comment. к № 46). Опубл.: 7, с. 159. Ср. № 172, 175.

Рассказ о составлении двух великанов между собой, о помощи, которую человек оказывает одному из них, и о богатстве, полученном им в награду. В данном случае великан назван оло-о-о-о, т. е. «о-о-о» из старинной хантской песни, «старинный дух».

Эпизод с подарком в виде халата от оловиды духа, послужившего началом богатства, часто встречается в фольклоре обиходного (см., например, № 173, 177).

№ 79

Зап. П. Хатадземи в 1853 г. на пивном Оби от Г. Талиева. Опубл.: 8, с. 157.

Талостепный пор. спрятаться в доме старика и старухи, ворует у них еду. Они решают перескочить в другое место и по дороге сбрасывают мешок с припасами в воду.

№ 80

Зап. П. Хатадземи (см. коммент. к № 78). Опубл.: 8, с. 152. Ср. № 175.

Рассказ о победе людей (хвоста с пещи) над лесными дьяволами, мешающими промыслу и стремящимися погубить героев-борцов. Включает эпизоды поединков, славотный мотив чудесного оружия, по в целом явно сохраняют устойчивую структуру.

¹ Т. е. кто-то промерзел забор и вынул рыбу.

² Намекает на мифу Меленки.

³ Наполеон — один из родовых подразделений европейской пещеры.

№ 81

Зап. В. Кузнецовым и Н. Лукиной в 1970 г. в сел. Коряки на р. Вах от Н. Н. Гамовой, 21 года. Опубл.: 7, с. 78.

Широко распространенный в Сибири сюжет о приходе ледоколов и столбовице, о предусмотрительности одной из женов и легкомыслии другого.

¹ Могли пастушьями гавятуки, на которых ребенок лежит в колоде, когда они проносятся, их выбрасывают и закидывают полами.

№ 82

Зап. В. Кузнецовым и Н. Лукиной (см. коммент. к № 81). Опубл.: 7, с. 75.

Шесть ледоколов встречают человеческую женщину: кто сеном выкладывает за сеном братьев. Ледоколы следуют своих детей и хотят сожрать ребенка женов, но чудесным образом сиюминутная смерть льда уносит его. Пораженные с огнем братья разоряются с ледоколами.

№ 83

Зап. А. Аппельтом в 1858 или 1877 г. от Давыдова из сел. Большой Атман на р. Оби. Опубл.: 12, с. 13. Русский перевод публ. впервые. Пер. с печатного Н. Лукиной. Ср. № 84, 85, 180.

Рассказ о встрече героя со злой полурусско-лудской Керт-позвинути (име. Керт-позвинути. [Керт-позвинути] очень похвалены и фальш-луды обесит угроз (см. также № 105, примеч. 16; № 138, 181). Ее изображают сестрицы, замаскированные, замаскированные женщины, одной додают из берестяных мышек для медвежьего праздника (этот мысок бьется мыши). В данном случае сюжет переключается с текстами, где охотники обманывают пришедшего в лесную избушку человека (см. № 72, 171, 172).

¹ Т. е. собрался возвращаться.

№ 84

Зап. В. Соколов в 1979 г. в сел. Казым на р. Казым от А. Н. Рогозиной, 45 лет. Публ. впервые, на личном архиве собирателя. Пер. П. Соколов. Ср. № 83, 85, 172.

Батый рассказ с столбовицей охотника с лесной ведьмой, которую ему удается обмануть.

¹ Олив из сенихных охотничьих избушек.

№ 85

Зап. И. Ерлымовым в 1961 г. в сел. Казым на р. Казым от Н. И. Рогозиной, 68 лет. Пер. В. Соколов. Публ. впервые, на личном архиве собирателя. Ср. № 83, 180.

Славка о трех братьях, младший из которых похищает лодочку, до-
водит с помощью орада живую воду и спасает братьев.
¹ Ратварко-Хиннарко — человек, который целыми днями сидит у косте-
ра и κοιлет в жале, хантыйский вариант «изнанного героя».

86

Зап. И. Лукиной (см. коммент. к № 56). Опубли.: 6, с. 41. Ср. № 127.
Славка о двух девушках, одна из которых делает все работы в доме
старухи, выполняет ее советы и получает хорошего мужа, в это-
е нарушает предсказания и находит замуж за старого Савкина.

87

Зап. В. Кузнецовым и И. Лукиной (см. коммент. к № 66). Опубли.: 7,
108.

Герой-силач нападает на горд тестя от Любосда-менка, срывает у него
рушник и затем по его следу отправляется на поиски. Придя к его
дому, он подслушивает разговор дочерей умершего мена, которые
оздт уничижить героя. Давидя ему уверяет избежать опасности и
идь старших сестер, но мавиди сбрасывает его в яму. Оттуда герой
бегает с помощью жены по усу мена, находит его младшую дочь
убивает ее.

88

Зап. С. Пятановым (см. коммент. к № 24). Опубли.: 41, ч. 2, с. 47,
р. С. Пятанова.

У бедетных старина со старухой по велению небесного бога рожда-
ся сын-герой. Он получает сказочное богатство — иди и кони. Отец вы-
катил ему в жемь дочь свиньи, но она отталкивает его. Герой от-
сылается искать купца-стравику, с которым поговорил его жена. По доро-
е получает от трех старух волшебные предметы, с их помощью
падает в город купца-стравика. Герой женится на его сестре. Мать
пы хитростью отправляет героя в пенный мир. Там он побеждает мена-
в и возвращает глаза своим старухе и старухе, из что они помогают
ему возвратиться на землю. Вместе с женой он идет на свою родину.

¹ Прозвучавшая тема сватанья у древних хантов прозвучив красоты.

89

Купец, Стравник — см. коммент. к № 30.
² Намек на раннего Мар-сусне-хуму героя, мать которого, как в ночь
присусне-хума, должен становиться попутным не на землю, а на сере-
днее подставки (во время призывания Мар-сусне-хума на землю ста-
ла «собранный» тырли).

³ «И не прошло и нескольких его крови, сколько се помещается на до-
ше» — формула угрозы возможному противнику.

⁴ По возмнению хантов и манси, человек (его душа) после смерти
ходит по месту, где он бывал при жизни. Здесь то же происходит после

смерти человека.

90

Об игре в камешный мяч см. № 27, примеч. 10.

91

Зап. И. Лукиной (см. коммент. к № 56). Опубли.: 6, с. 37. Ср. № 186.
Хантыйский вариант сказки «Неверная сестра»; в качестве любовника
здесь выступает Сав-ея, а змея-помощница — это медведица,
сейка и собака.

92

Зап. В. Соловьев в 1978 г. в сел. Назым на р. Назым от В. А. Молчанова,
73 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. В. Соловьева,
№ 185, 186.

Славка самиставлена у русских; хант пачало и пощевка едосрият
пачало мотывы обско-угорского фольклера.

93

Зап. В. Соловьев в 1978 г. в сел. Назым на р. Назым от А. П. Еры-
ной, 50 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. В. Со-
ловьева.

94

95

В тексте контаминированы различные сюжеты европейской сказки с элементами и образами китайского фольклора.
Сказка о ките, которому герой обматывает части тела баростой или тняпью, встречается во многих текстах обско-угорского фольклора.

№ 92

Зап. И. Ермаковым в 1961 г. в сел. Казым на р. Казым от А. И. Ермакова, 34 лет. Пер. В. Соловар. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Ср. № 479.
Сказка на сюжет о повесах богатырем равного себе по силе противнику.

№ 93

Зап. П. Лукиной (см. комментарий к № 56). Опубли.: 6, с. 49.
Сказка продолжает различные мифологические мотивы и обско-угорского фольклора.
У вымышленного персонажа, живущего в березу, чешуя выры Тору, па небо же, как говорят, то есть, течет золото и серебро.

№ 94

Зап. П. Лукиной (см. комментарий к № 57). Опубли.: 7, с. 49. Ср. № 493.
Очень распространенный сюжет в фольклоре многих народов.

№ 95

Зап. П. Куломзинным и П. Лукиной в 1969 г. в сел. Норлики из р. Вет от П. Паскина, 12 лет. Опубли.: 6, с. 59.
Детская сказка на сюжет, известный у манси.
«Плотоя» рассказчик назвал орудие охоты на медведя — большой нож на длинной рукоятке (кап. ла).

№ 96

Зап. Н. Лукиной (см. комментарий к № 69). Опубли.: 7, с. 50. Детская сказка.

№ 97

Зап. П. Лукиной (см. комментарий к № 16). Опубли.: 7, с. 51.
Детская сказка.

№ 98

Зап. В. Куломзинным и П. Лукиной в 1969 г. в сел. Норлики от Г. Наталкина, 10 лет. Опубли.: 6, с. 53.
Детская сказка.

№ 99

Зап. Н. Лукиной в 1978 г. в сел. Юбилейном на р. Тромьган от М. Кечина, 15 лет. Публ. впервые по: 11. Ср. № 400.
Детская сказка.

№ 100

Зап. И. Ермаковым (см. комментарий к № 85). Публ. впервые из личного архива собирателя. Пер. В. Соловар. Ср. № 99.
Детская сказка.

№ 101

Зап. П. Лукиной в 1970 г. в сел. Айнолово на р. Пасюган от У. П. Бардиль, 77 лет. Публ. впервые по: 11. Ср. № 102, 107, 108. Детский стишок-загадка.

№ 103

Зап. Н. Лукиной (см. комментарий к № 69). Публ. впервые по: 11. Ср. № 101, 107, 108.

¹ Писется в виде рогатки, или красношейки, поганка из отряда гагар (*Budytes oriturus*). И поварихи обе птицы относятся к Писичьему миру и являются зооморфными известными духа — хозяйки богатей и страны богатых.

² Весной на голоде у красношейной поганки появляется украшение из рылец и черных перьев. Писиха она объясняется как след крови на лопнувшей манушке.

³ Кизр — одно из священных деревьев у обских угур, возможно, здесь мирное дерево.

⁴ Мужчины запрещено присутствовать при рогах, а женщины с робким мимиксом возвращаются в дом только через определенный срок после обряда сожжения.

⁵ Терм-пеш-пимали-сон — название Мир-суе-хума в мифическую эпоху, архаизм с рязскими неупотребляемыми истолкованными. Перевод «Игуравалное-бедно-длинно-шкура» может быть синоним с тем, что один из образов Мир-суе-хума — белый изурвал. Первая часть имени в форме Тарыгистина в живом мансийском языке переводится на русский язык как «странничина». О других именах героев см. в Приложении.

⁶ Если в рогом живет закон-шкура дух, то из нее можно пить воду, бросать туда сыр и т. д.

⁷ Герой впадает в сон, приспаванный ему тетей (образ которой близок, а иногда и сливается с образом прародительницы Калтасы). Духи ищут в лесу, они не человек, иногда имеют сходство с рептилиями. Тетя имеет в лесу и укрывается листьями, один из которых герой простроил.

⁸ Первый компонент этого имени «Нара» условно можно связать с названием Нарва, т. е. Парябинского степью между Обью и Иртышом. В другом варианте (см. № 106) Парябинск назван нуныком (т. е. дуком), которому поклоняются и которому приносят жертвы.

⁹ «Ихтово вспоминай» — т. е. осторожно; имеется в виду вызванное духа, на которое он должен ответить.

¹⁰ В мифическом потопе существуют отдельные мифологические слои (см. № 11).

¹¹ Сказавшая тридцать осей, этого мансийского варианта сталинских гор, не имела имен. «Ты не думай туда, не думай сюда» — т. е. по думай ни о чем; у обских угур существовало представление о способности мысли материализоваться, поэтому и минут опасности не случаются.

¹² Писичий образ; вероятно, оранжерея, проходка в мифическом мире. По предположению обских угур, в старой оранжереи и оранжереи, брошенных на землю, обрести можно много души. В тексте № 106 старик назван Кузнец.

¹³ Парт-шур-шур — «скакала». С «шуром» «шур-шур» — «шур». Писичий образ так называют давнишних, болельщиков людей. В мифологии и героике это духа колдуна, уносящего детей (см. момент, в № 83).

¹⁴ «Что у тебя в руке?» — Мать повел в руку руку, но для детей это было запрещено.

¹⁵ У северных калтов и манси существовали соположенные постройки (см. момент, в «мансийском доме»). В них женщины вышивали и вышивали и вышивали и вышивали.

¹⁶ У докеры Южной старухи нарисованные украшения служили по предположению писичьего типа, как у обских докеры в своем типе; когда они распустили носы, то повесили птиц на оленьи и покрыли украшениями, чтобы они не улетали. Движение птицы горой метало как с березки.

¹⁷ Обычная формула, изображающая богатство жителя богов и духов. «Но век крах с богатствами» — т. е. с духами; богатства-богатства после смерти становятся духами-попавшими отсюда группами. «Лили «мифический халява» — это просто смертные, которые будут считать этих духов, принося им жертвы.

¹⁸ Во время жертвоприношения оленя с него снимают шкуру вместе с оленьими частями и вышивками.

²⁹ Формула, передающая ощущение нового уюта, когда герой спит на постели из соборных штур.

³⁰ Т. е. не на небе, а на земле.

№ 106

Зап. А. Балазидиным в 1937 г. в сел. Бежаворы на р. Обь от Н. Я. Мочина. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. А. Балазидина. Ср. № 1, 2, 105, 107, 135.

Начиная часть текста почти полностью совпадает с № 105, в котором идет речь о том, как по описанию работы по добычаю культурных благ для будущих людей герой поднимается на небо и Торжу, где ведет борьбу за богатство и мир с Пелум-Торжум. Финальные эпизоды происходят уже в человеческом мире: утопление после моря брат и сестра получают от героя, ставшего духом-исправителем, три вершины, и девушка рождает ребенка, происходит установление обычной подносившей изобразительности богатыря штурпа пушпик зверей.

¹ Писется в виду утопление духов по поводу рождения ребенка.

² Сопоставление семантически-металлические стобы для провоза вагона колес в оленей часто упоминаются в фольклоре обских ургов.

³ Вероятно, имеется в виду корабль из бересты, стенки которого сварены из бересты на полах наплавленные простыми названиями.

⁴ Совместная трагедия жизни и смерти означает согласие на брак.

⁵ По представлению обских ургов, дань возрождения животных изумо-мелко-мелко, возвращает их к жизни.

⁶ «И охватил его великий стыд Торума, великий стыд Пушпика» — выражение, символизирующее несвойственный акт.

⁷ Пелум-Торжум — младший брат (или старший сын) Нум-Торжума. Другое его имя — Топая-ойка. По представлению манси, он живет на р. Пелум, дает добычу на земле и воде, помогает при болезни. Его зооморфный облик — красноватая собака.

№ 107

Зап. А. Кавиство в 1904 г. в сел. Нахрани на р. Конда от Афанасия. Оуба: 21, с. 2. На русском языке публ. впервые. Пер. с помешного Н. Лу-халова. Ср. № 1, 2, 105, 106.

Миф о создании мира был записан у южных манси одним из лучших знатоков фольклора, А. Кавиство, и открывает первый том его коллекций.

¹ «Светлый мужик» — значит верховного бога Нум-Торжума.

² Очевидно, здесь имеет место намек на ссору между отцом и сыном (ср. № 11), после которой сын был изгнан на землю и совершил там свои культурные подвиги (в данном случае содействовал человеку).

³ В оригинале эта фраза стоит после эпизода о победе татар над чертами; для восстановления логики изложения она перенесена сюда редактором настоящего издания.

⁴ В хантыйской мифологии также имеется мотив происхождения всего живого, в том числе и человека, от черта (см., например, № 23, где из черта вырастают медведи).

⁵ Сосыианские манси различают два слоя земли — древний и более поздний. Первый слой — это трудовая земля черного плена, она существует со времени плена. Позднее возник слой земли, на котором живем мы с вами.

№ 108

Зап. А. Балазидиным (см. коммент. к № 106). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. А. Балазидина. Ср. № 3, 6.

Текст дословно совпадающий вариант оуба: 10, с. 28, в переводе: 5, с. 107.

В этом мансийском тексте упоминаются духи хантов р. Казым. Это можно объяснить следующим: в том числе брачными, хантов Казыма и манси Сов. Сосыи (судя по фамилии рассказавшего, он сам родом с Сов. Сосыи).

¹ Имеется в виду Казым-ими, дух элптов р. Казым. Наложеному при нем выводу с сравнения героя с Казым-ими посвящено отдельное сказание (см. № 144).

² Жесткая трасогузга почиталась хантами р. Казым, ее изображение татуировали на плече. У ханов считалось предком дичейей сест. Милантеуа. Подалено от него падаловое святилище с выварочком, в котором хранились изображения Ворени-олия — «Трасогузи-богатыря» и его жены Ворени-эма (первое — деревянное антропоморфное, второе — в виде смерти на со стилизованным фигурным животным).

№ 108

Зап. И. Саймаховой в 1933 г. в сел. Щекурал на р. Липиц от М. К. Албиуса, 68 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. И. Саймаховой.

Мифологическая сказка о приходе думы на землю перекликается с мифом о происхождении огня на земле.

¹ «Сказка божьих детей» — ср. № 7.

№ 110

Зап. В. Чернецовым в 1926 г. в сел. Сортынь на р. Сев. Сосьва. Публ. впервые по: И. Пер. В. Чернецова. Ср. № 8, 9.

Братний вариант мифа о происхождении соседей Божья Медведица и Млечного Пути.

¹ Месс-хум — здесь мифический предок братии Месс, в обиходной речи — кулупчи из этой братии.

№ 111

Зап. В. Чернецовым в 1931 г. в сел. Норья-аула на р. Сев. Сосьва от А. Аленгурова. Оубл.: 10, с. 33. Пер. В. Чернецова. Ср. № 12.

№ 112

Зап. А. Вязаниным (см. коммент. к № 106). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. А. Вязанина.

Почти дословно совпадающий вариант оубл.: 10, с. 25, в переиздании: 5, с. 104.

¹ Нум-Торум-слык — «Нижнего Мира (Земли) Мать». В мифической идиоме старшая сестра Нум-Торума; она же Налтась-эва. Крылатая Баба — божья истица, дочь Торума.

№ 113

Зап. А. Вязаниным (см. коммент. к № 106). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Ср. № 1, 13.

Миф о социальном ладе двух братьев — Топал-ойкой и Хул-отыром. Первый деляет их из дерева, второй — из гальки и передает брату поместик; из-за этого, когда изображения были одушевлены Нум-Торумом и Налтась-эвой, было долговечное дурное поведение в лесу, а в людоедские глупые — и людей. Почти дословно совпадающий вариант оубл.: 10, с. 25, и переизданий: 5, с. 104.

№ 114

Зап. А. Ковнисто в 1906 г. в сел. Першина на р. Полымя от Ф. И. Ебланкова. Оубл.: 21, с. 10. На русском языке публ. впервые. Пер. с немецкого И. Лукиной. Ср. № 14.

Миф о сотворении человека богом и неудачном подражании ему чертом, который испортил изображения, соблазняя сторонившую их собаку. По словам сказителя, этот рассказ есть в Библии, но он самона сего от пошуток.

№ 115

Зап. А. Ковнисто (см. коммент. к № 114). Оубл.: 21, с. 28. На русском языке публ. впервые. Пер. с немецкого И. Лукиной.

¹ Пасхальное объяснение, что если бы гробы с умершими людьми Пасхир поставили на колеса, то через семь лет они могли бы покатиться.

и тогда люди тоже умирали бы лишь на семь лет; но их женой были до-
шны, им надоело заспать зимой добычу мужей, и, чтобы повеселить наби-
вшихся от этой работы, они похоронили мужей в землю.

№ 110

Зап. П. Чернышовым в 1933 г. в сел. Ямгы-ауул на р. Св. Сосны от
К. (Амилгалова), 28 лет. Пуба, впервые по: 11, Пер. В. Чернецова. Ср. № 23.

Современнейший вариант песни о происхождении медведя. В ней
медведица — дочь Первого Духа, который носил ее в доме, в мешочке
гнезде. Уходя на охоту, отец запретил дочери выходить наружу, но она
вышла, увидела в запови юнгов и захотела поиграть с ними. Юнги по-
гнались за ней, и, убитая, медведица попала в лапы. Через пару она уви-
дела землю, которая ей очень понравилась. Медведица упрямая отца от-
пустила, но не могла. Второй Дух после ее долгих просьб вынул из
запови колыбель и опустил в ней медведицу на землю. Он наказал доче-
ри не трогать амбарников (лабазов) людей, но она нарушила запрет. На
смену она устроила борзету, где ее нанял сын Городского Исла. Медве-
дицу убивают, люди устраивают праздник.

¹ Первый Дух, отец мой! — Ну-Торум.

² Т. е. в задней комнате дома.

³ Обычно у хантов и манси были подвесные пещеры с ног ло-
ся, но в старину для этой цели использовались и пещеры медведя.

⁴ Отец наказывает медведицу, чтобы она не трогала лабазы охотников,
где у них хранятся запасы пищи.

⁵ В обиходе театры манси представляли духу сна (см. № 161).

⁶ Медведь несет — Понимая духом сделать за это удивительно тяжело.
У хантов и манси было принято давать клыку пад лапон или мордой
медведя.

⁷ Пещера медведя считается его пубой, которую «снимают», различ-
ные животные или растущие пучки. Во время спячки манси их симво-
лизировать пучки, которые кладут медведю на живот, в лапы разламы-
вают. Число лапсон или пучков связано с числом душ: у медведицы —
их четыре, у медведя — пять. От слова «пучок» берет и упоминани-
е: «...иногда медведя своей медведицы называли».

⁸ Для доставки медведя из леса делали «соловьи»: ставили черму-
ховый прут душой и ссалили мончи духа грева поперечными брусками.

⁹ Во время медвежьего праздника медведю прикрывали на глаза мо-
шеты либо кружки из жести или берсты.

¹⁰ «Иай-уанг, кай-уй» — типичный возглас, обычно в начале и кон-
це медвежьих песен.

№ 117

Зап. П. Чернышовым в 1935 г. в сел. Ламы-ус на р. Св. Сосны от
М. Алкина. Пуба, впервые по: 11, Пер. В. Чернецова. Ср. № 22, 23.

Из серии песен о происхождении медведя. Здесь он сын болной же-
ныцы Месы, которую с трудом его вырастила. Мать пресекла сына не хо-
дить на дальний конец поселка, но его привлекали игры детей, и он на-
рушил запрет. Дети принимают его в игру, но затем в шутку ругаются,
когда у него появляются жюги, клыки и медвежий пух. Он попадает
мать и уходит в лес.

№ 118

Зап. Н. Андеевым в 1933—1934 гг. в сел. Хуруи-ауул на р. Ляпы
от Г. Лискиппа, 35 лет. Оуба: 1, с. 51, Пер. Н. Андеева. Ср. № 24,
119—122.

Из серии медвежьих песен о знаменитых охотниках на медведя. Здесь
описана первая добыча медведя Золотым Богатырем, Мир-сусе-хумом.

¹ «Ланда» — имя медведя.

² «Пенек» — ухо медведя.

³ «Человек, сидящий на лодке белого цвета» — Золотой Богатырь, Мир-сусно-тум.

⁴ «Медведица» — сердце медведя.

№ 119

Зап. И. Андреевым в 1933—1934 гг. в сел. Оурильское на р. Ланца от Н. Гудыбина, 35 лет. Оубал.: 1, с. 43. Пер. И. Андреева. Ср. № 24, 118, 120—122.

Из серии медвежьих песен — о медведях охотники на медведя Г. Здесь это Усинг-отыр-ойа — Городской Богатырь. Он нарушает ряд запротов, установленных Нум-Торуном по отношению к медведю: грубо выбрасывает его на берег, отдаст мясо собакам, бросает шкуру с головы и «мечется» кум, две женщины толчут ее и обливают водой от старости своей ордой, которая считалась особенно «чистой» (для женщин вообще был ограничен доступ к убитому медведю). Дух озорвавшего зверя «привлекает» других медведей для отпущения Городскому Богатырю.

Населен ввиду мифической медведь-привады, который был связан с веба.

№ 120

Зап. И. Андреевым (см. коммент. к № 119). Оубал.: 1, с. 83. Пер. И. Андреева. Ср. № 24, 118, 119, 121, 122.

Из серии медвежьих песен — описание охоты на медведя. Здесь медведь, думая, что медведь, ищет стволы бальны (о лос см. коммент. к № 131 и 177), а тот добывает его в берлоге.

¹ Здесь слово Тору имеет значение «исхода».

² Смысл песни в связи с медведями отсутствует в № 160.

³ У северных оленей упряжи изготовлялись срезантаторованные весла.

⁴ «Бесклеточный» сук — с острыми концами — стрела или палка.

⁵ Горюшка чага — средство для очищения предметов по древней кушторской традиции, что часто и на медвежьих праздниках.

⁶ См. № 24, примеч. 17.

№ 121

Зап. И. Андреевым (см. коммент. к № 119). Оубал.: 1, с. 69. Пер. И. Андреева. Ср. № 24, 118—120, 122.

Из серии медвежьих песен о добычании медведя.

¹ «Невыполненную посудину» — т. е. неслужок.

² «Медведь» — грудь медведя.

³ При нерасхождении медведя с охотником охотник часто останавливается, стреляет из ружья и кричит «Утувало-а» или «Сейла волюком» — «медведь, выходи из берлоги».

⁴ «Медведь» — т. е. убийца.

⁵ Медведю стыдно, что его добыла простая старуха.

№ 122

Зап. И. Андреевым (см. коммент. к № 119). Оубал.: 1, с. 74. Пер. И. Андреева. Ср. № 24, 118—121.

Из серии медвежьих песен о добычании медведя.

¹ «Бесело» играет в водную игру — см. № 24, примеч. 17.

№ 123

Зап. В. Чернышом в 1937 г. на р. Сос. Соска от Тызлянова. Публикация: № 11. Пер. В. Чернышова. Ср. № 25, 124.

Из серии сказаний о приключениях Фиртия Мокя и Пер. Здесь дело только начало сказания, где наиболее четко высказан конфликт на берегах между братом и сестрой.

№ 124

Зап. В. Чернышом в 1937 г. в сел. Хомрат-шур на р. Сос. Соска от В. И. Тасманова, 60 лет. Публикация: № 11. Пер. В. Чернышова. Ср. № 25, 28, 123, 125.

Из серии сказаний о предках Фратрий Мось и Пор. В нашем сборнике это наиболее поздний вариант. Мось-хум живет с сестрой. Он женится на дочери Городского Богатыря, но Мось-из убивает ее, приходит в дом брата и выдает себя за его жену. У них рождается ребенок, тайна сошителя раскрывается. Брат убивает сестру и ребенка. Из прони Мось-из вырастает растение порых. Медведица съедает растение, у нее рождается медвежонок и человеческая девочка. Сын Городского Богатыря убивает медвежонку с медвежонком, является на дочери медведицы. Дети во время медвежьего праздника выполняют наказы матери — не ест медвежьего мяса, скрывают кости и др. Медведица и медвежонок превращаются в зайца.¹

¹ «Ногтистый» — одно из подставных названий медведя.

² У зайцев и зайцев пимбюте лечение и популярным способом укрощения бересты было выкабанивание. Медведица обучает этому выстрелу девочку, чтобы впоследствии спасти ее от гибели.

³ Сказка по сюжетному типу охотники шли в лес пешком в сопровождении собак.

⁴ Одним из способов охоты на медведя: выход из берлоги иограничивали столыня деревней, а вульту насыпали мертв. Раздраженный зверь насыпавшая голову, и в него стреляли.

⁵ Девочка не должна была наказывать, ащю старшим братьям и отцу будущего мужа, поэтому в первую очередь получала платок и дань затем остальную одежду.

⁶ Иместя в виду медвежий праздник.

⁷ «Посети» — подставное название для мяса медведя.

№ 125

Зап. Е. Кузиковой в 1951 г. в сел. Хурум-пауль на р. Лении от У. М. Холуковой, 33 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя.

Пер. Е. Кузиковой и У. М. Холуковой. СР. № 25, 119, 124.

Двое охотники рассказывают о рождении медвежонка девочки Мось, о соблюдении ею запрета есть медвежье мясо и о превращении медведицы в зайца.

¹ Иместя в виду медвежий праздник. По правилам в честь медведицы должны были плясать не пять, а четыре ночи.

² Девочка не сама продолжавшего ей медвежьего мяса, поэтому медведица чувствует себя хорошо.

№ 126

Зап. А. Пинца в 1978 г. в сел. Никсимволь на р. Сев. Сосыла от А. Сампильтова. Публ. впервые, из личного архива собирателя.

Из серии рассказов о Мось и Пор. Зайца похищают — предки Фратрий спорят о том, изло ля, чтобы на земле было много людей.

№ 127

Зап. Е. Кузиковой в 1951 г. в сел. Алтатумб на р. Сев. Сосыла от П. В. Сапильной, 70 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя.

Пер. Е. Кузиковой и П. В. Сапильной. СР. № 86, 180.

Из серии сказок о соперничестве Мось и Пор: Мось-из оказывает услугу старушке и получает мужа-богатыря, а Пор-из оскорбляет старушку и погибает.

№ 128

Зап. Е. Кузиковой в 1951 г. в сел. Алтатумб на р. Сев. Сосыла от А. П. Гоголевой, 90 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя.

Пер. Е. Кузиковой и А. П. Гоголевой. СР. № 26.

По серии сказок о соперничестве Мось и Пор. Пор-из хитростью убивает Мось-из и прасаслует ее детей; текст является параллелью со сказочными мотивами мифологическую тему спрятанного и освобожденного солнца (ср. № 4).

Зан. Е. Кузьмовой в 1951 г. в сел. Алтатумь на р. Сос. Сосыла от А. Д. Чедановой, 76 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузьмовой и А. Д. Чедановой.
Из серии «Сказки о соперничестве» Моск-из. Пор: Моск-из. описал мун-чору, умиротворившего его женой Пор-из; в нижнем же изложении мужчина убивает Пор-из и женится на Моск-из.

№ 130

Зан. Е. Кузьмовой (см. коммент. к № 125). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузьмовой и У. М. Хлещиной.
Из серии «Сказки о соперничестве» Моск-из. Пор: Пор-из вызывает отца, тождество сына Моск-из, сын Пор-из помогает Моск-из и ее сыну. Текст выделенный нотами «рифмических скалок».

№ 131

Зан. Н. Сайнаховой в 1880 г. в сел. Шекурья на р. Лянии от Р. А. Сайнахова. 84 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Н. Сайнаховой. Ср. № 132.

В этом и последующем рассказе главным героем выступает Физин, ищущий жену. В первом случае он женится на Моск-из, но брак неудачен, во втором — удачный брак с Пор-из. Если учитывать эпитетные порны ласкательных браня, существующие и обеих угроз, то Физин должен относиться к Физинке Зарек, что же касается из текста № 177, где Физин Физинка Мир-сусе-тум — мифический предок Моск. Однако выносятся сообщения о том, что Физин — одна из иноязычных мифических предков Фратри Пор (см. также коммент. к № 177).

По первому варианту, Физин спелся кривою вызывает снот. Основан, ожидающий снот, может вызвать его, подражая крику Физина. Существовал особый песни Физина — с тем, как он ласкал дом семьи Моск-из (см. № 132 — по ана. по о Пор-из). Этот сюжет исполнялся также в виде представления на медвежьих праздниках.

№ 132

Зан. Н. Сайнаховой (см. коммент. к № 131). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Н. Сайнаховой. Ср. № 131.

№ 133

Зан. В. Чернышовым в 1931 г. (см. коммент. к № 116). Опубл.: 10, с. 34; переиздано: 5, с. 110. Пер. В. Чернышова.

Из большой серии сказок о зверо-по имени Эвма-пырьсе. Здесь он выступает как сын Перхного Духа, но живет на земле вместе с другими духами небесного происхождения.

Однако представляем собой угрою, человек, внутри которого находится болезнь, уже в какой-то мере мрта, это «внутренне мертвый человек». Поэтому и деревья с сухой сердцевинкой тоже мртвые.

С этого момента четь Эвма-пырьсе отступает на жидкий плази и ее замечает тетя. В башинистас сказке об Эвма-пырьсе он живет с тетей или бабушкой. Тетя — это Катя-сызла.

№ 134

Зан. В. Чернышовым в 1934 г. в сел. Тамис-сит-пауль на р. Сос. Сосыла от Мишлен-пыг. Опубл.: 10, с. 47. Пер. В. Чернышова. Ср. № 93.

Из серии сказок об Эвма-пырьсе. В основную сюжетную линию (встреча с мифической птицей Карс и добывание для нее перья у змеемента) вставляется широко распространенный у манси мотив с ослуриваемым скар-м-м Угале-мале.

У халтов и манси существовали примета: видеть родственника во сне — к смерти.

У этно-лингвистов — хантыйское название: волнистого топора, которое становится здесь именем Эвма-пырьсе; компонент «ис-сета» соответствует мансийскому Эвма-пырьсе. В предыдущей публикации этого

¹ Образ Сибирской Женины Резаное Железо связан с Уралом, где много добывают железа.

² Это предложение отсутствует в тексте, но оно необходимо для понимания содержания.

2. «Глазные звери» и «глазные птицы» (а также «крошечные звери» и «крошечные птицы») — это, конечно, вымышленные существа, которых не существует в природе. Но, тем не менее, они имеют много общего с существами, которые существуют в природе. Например, «глазные звери» и «глазные птицы» имеют очень большие глаза, которые занимают большую часть их тела. Это позволяет им видеть в темноте и вдалеке. Кроме того, они имеют очень острую слуховую систему, которая позволяет им слышать даже самые тихие звуки. Эти существа также имеют очень быстрый инстинкт самосохранения, который позволяет им избежать опасности. В целом, «глазные звери» и «глазные птицы» — это очень интересные существа, которые вызывают у нас много вопросов. Мы хотим узнать больше о них, но пока что мы знаем только то, что они существуют в воображении писателя.

«Городской столб» — столб для привязывания жертвенных животных. Перед выступлением в поход герои-богатыри обычно совершают около городского столба жертвоприношение духам и вселяют силу.

7 Оседляю, пишется в виду дух Ас-тозах-Торум, или Ас-ях-Торум, который живет вместе с осмью в низовьях Оби, где сланиются много рукавов. Это второй сын Торума, ведающий всей обской рыбой, птицей и зверем.

№ 140

Зап. Е. Кузакowej в 1955 г. в сел. Шугур на р. Конда от А. А. Чукутаевой, 55 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузакowej и А. А. Чукутаевой, Ср. № 145.

¹ У хитов по манев домысьл с ребенком зангунурывалася.

² В космологических представлениях манси фигурируют три небеса: Пут-Торум, Коре-Торум и Кошар-Торум. Здесь под «небесным» небом понимается некое божество.

² В фольклоре обеих угров часто упоминается семишниковый котел.

⁴ Иниспекондиский Младший Богатырь — предок социальной группы

милли в пос. Нахратчи на р. Конда. Знаменитый нахратчиский герой, глав-

² «Мясо с пальца уже сарван» — от многократного вытягивания лука.

⁷ «Книжка живущий в нижнем мире» — тошнот нижнего мира.

[illegible]

* Обский Царь-Старик — хант. Ас-пик, пятый сын Торума, особенно почитаемый у хантов Полюныи, после которого считается его местопребывание.

почитаемая у западных индейцев, устье которого считается его местожительством. Хозяин рыб, значительный дух.

№ 147

Зап. Е. Кузаконей в 1951 г. в сел. Хурум-пауль от Н. Г. Холумова, 50 лет. Периодические на личное скармливание. Периодический.

59 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузачковой и В. Г. Холзунова.

Героическое сказание о Хонт-Торуме, боге войны, предко социальной группы в сел. Мунке на р. Лидия. Здесь он плавал вьюком Богатыря *длер-чиди*.

¹ Пятум-прива-жлит-ойка — буня. «Богатырь Ростою с Лепного Чер-ка», или Богатырь Пендичка.

² Охритто, трансформация викариды с игрой и именем сенцир (см. № 22, примеч. 10).

³ Символика этих инскалпей по вполне несл (обычай погн, завершив ного — это послива ного); по-видимому, жепциция дразпит, осмроблант богатыря.

№ 148

Зав. А. Балавдиним в 1937 г. на р. Лидия. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. А. Балавдина. Стр. № 36.

Пороп сообщает героя о валекой сумасий. Вместе с двумя своими братьями он отправляется в поход. Встреченные на дороге богатыри по-могают братьям добыть коня.

¹ Т. с. совсем молодой, добытый своего первого собла.

² Т. с. здесь его родив.

№ 149

Зав. П. Чернецовым (см. коммент. к № 130). Публ. впервые по: 11, Пер. П. Чернецова.

Герой хочет встретиться богатыря, равного себе по силе. Узнав о тридцати богатырях за семью морями, он отправляется туда, но нарушает запрет жены и попадает в подполье; выбраться оттуда ему удается благодаря мастерской игре на музыкальном инструменте. Победив богатырей и забрав их сестру, он возвращается домой, где попадает на свадьбу своей невесты; жена узнает героя.

¹ Атуман — от рус. «атаман».

№ 150

Зав. А. Балавдиним (см. коммент. к № 148). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. А. Балавдина.

Худанг — в переводе с записанного языка «узорчатый, красивый». Возможно и другое объяснение: название ханты называл так хантов, живущих у разветвления БС на Большую и Малую. Судя по тексту, дан: вилана и Об. р. Хурынг, на которой жил герой. Реальные песни. Иномы и Песелит, упоминаемые в песнях, находились недалеко от впадения р. Лидия в сел. Сосеку. У нас Иномы известны горюлки, в котором согласно устной традиции, мал другой герой предками — богатыря Шепи.

Повествование, явно протопнувшее на достоверность и топонимическую конкретность, включает сказочный мотив вызывания у лев богатыря, где находится его смерть.

¹ Песелит-хум — буня. «Устья Протоки Мужичина; местный руж.

№ 151

Зав. А. Кивинсто (см. коммент. к № 107). Опубли.: 22, с. 36. Русский перевод публ. впервые. Пер. М. П. Вакрушев-Балавдиной.

Предание о стычке богатырей приурочено к сел. Тушуп в бассейне р. Конда. Сюжет переносится со славной о победо Ожани-чириси над при-гепсателси (стр. № 142).

¹ Имеются в виду пятиструнный музыкальный инструмент (мисс. *сик-кальга*) и девятиструнная арфа в форме отщы.

№ 152

Зав. А. Кивинсто в 1904 г. в сел. Леуши на р. Конда от С. Алатулова. Опубли.: 22, с. 4. Русский перевод публ. впервые. Пер. М. П. Вакрушев-Балавдиной. Стр. № 153.

Предание о переселении группы маис с р. Талда на р. Конда, в сел. Леуши, и об установлении здесь кулатовых мест.

¹ По преданию, в войне на Тавде участвовала тысяча человек. Потомки обещавших тридцать чадовик меле в начале XX в. в сел. Леуши и Пинши на р. Конда; их потомки «средняя численность на тридцатидесять тысяч».

² Т. е. в сел. Леуши, где записано предание.

³ Имеется в виду лесной дух-покровитель в Леуши.

⁴ Имеется в виду мужской дух — защитник пос. Леуши, почитаемый в лесу «лесной котен», вероятно, дед из очень высоких деревьев, в котором скитали бродят, как на дне котла.

⁵ Тесет по-высотински.

№ 153

Зап. В. Чернецовым в 1933 г. на р. Конда. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова. Ср. № 152.

Еще одна версия предания о заселении сел. Леуши переселенцами с Тавды.

¹ Черновская сторожа — имеется в виду местность по р. Черная, правому притоку р. Тавда.

№ 154

Зап. Е. Кузиковой в 1951 г. в сел. Хурум-пауль на р. Ляппа от И. Г. Холунова, 38 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузиковой и И. Г. Холунова.

Топонимическая легенда связывает происхождение острков на р. Сосье с борьбой мифического персонажа — монстра и одного из самошан ¹ (монстр, повествование и эпич. сюжет).

² Табу-котль-ейка — шестой сын Нум-Торуна, среднеазиатский бог-царь, здесь выступает в качестве мужа Лягушки, по другим сведениям, он брат Лягушки или сам вырос из лягушки (о ней см. № 159, примеч. 8).

³ «Бусом человеческого миса» — указанное место вода спой-непая.

⁴ От крика миспа разнерзась земля и потекла река Оур-И.

№ 155

Зап. В. Чернецовым в 1933 г. на р. Сев. Сосье. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова.

Предание об обороне городка, располагавшегося в верховьях р. Сосье, объясняет происхождение находящейся здесь скалы.

¹ «Историям чистоголозом» — метафора, городка игоравивавиясь перовитишем чистоголозом.

№ 156

Зап. Н. Сайнаховой (см. коммент. к № 131). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Н. Сайнаховой.

Топонимическое предание, объясняющее название горы в верховьях р. Манья тем, что когда-то там жила богатый оленевод.

№ 157

Зап. Е. Кузиковой в 1951 г. в сел. Хурум-пауль на р. Ляппа от Е. Н. Сайнаховой, 45 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузиковой и Е. Н. Сайнаховой.

Гигантская в дождливый стачивал с поведением.

№ 158

Зап. П. Чернецовым в 1930-х годах у северных манси. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова.

Предание о поросеянния вероло Пастор на Полуль (см. коммент. к № 43).

¹ Т. е. обладающий гигантскими шагами, камен ходит возмилы-мелким.

² Матическое действие, состоящее из зазывания с призыванием следа, в результате которого явир, должен чачать бет.

³ Северного ветра, явление ветра бурян полна-са — вырывается, передвигается чрезвычайно быстро бег, от которого вокруг поднимается ветер и начинается бурян.

542

№ 150

Зап. В. Черепиным в 1937 г. в сел. Сури на р. Обь от С. Оазьви.
75 лет. Публикации: № 11. Пер. В. Черепинов.

Рассказ о переселении мансийских семей с р. Сев. Сосьва на р. Обь и о почитаемых ими духах.

↑ Имеется и — см. замечание на следующем изображении духа — пророка из селения Покум-Торуна, почитаемого в се. Илли-пуау на Малой Оби и в сел. Сури на Оби. Другой его сын почитался в сел. Рениковские, а третий — в сел. Ишаданские на р. Сев. Сосьва.

↑ Т. о. принадлежал семье христьян.

↑ Т. о. — см. описание века.

↑ Т. о. Чуми.

↑ Т. о. «мешки» о. Яни.

↑ Имеется в виду сын Ай-Ас-Торуна (Малой Оби Торуна). Почитался

на р. Сев. Сосьва.

↑ Т. о. на горной стороне Оби.

↑ Имеется в виду дочь Торуна, имеющая вид лебедки, дочь-продол

зерного из вдовца-дочери фрейлины Моса, посещающего название Нирес-матум

(бука, «лебдушки народа»).

№ 160

Зап. В. Черепиным в 1938 г. в сел. Топишка, в районе Надежи, от П. Бактирова. Опубли.: 98, с. 128. Пер. В. Черепинов.

Рассказ о принадлежности культового баяла, которое В. Черепинов видел у манси. Он баяло изображено пять всадников, которые по некоторым мнением, представляют собой Топиш-оку с сыном, Мир-суше-хума с сыном и Сатай-Тору-обу; центральная фигура обозначает, по-видимому,

вида духа, выходящего из воды.

↑ Имеется в виду духи, способные шапавать.

↑ Т. о. обладающие большой шаманской силой.

↑ Бубен нагревали перед шаманскими актом.

↑ Сатай-Тору-ока — бог грома (он же Ай-Ас-Торуна), пятый сын

Нум-Торуна; один из духов-интереснейших сопоставили манси. Его культо-

вое место — недалеко от Бережово.

№ 161

Зап. В. Черепиным в 1930-х годах на р. Лепин от Л. Сайнахова. Опубли.: 102, с. 135. Пер. В. Черепинов.

Рассказ о «сонной» душе человека, имеющей вид тетери, которую он

поймал в ловушку и потому умер.

↑ Т. о. не иссякает.

№ 162

Зап. В. Черепиным в 1934 г. в сел. Яны-пуау на р. Сев. Сосьва от А. Сивильтаевой. Опубли.: 102, с. 132. Пер. В. Черепинов. Ср. № 60.

Рассказ, отвлеченный возмездие о том, что слышат души умерших, находясь в загробный мир: души детей страдают, а души людей, от-

личных свой век, идут спокойно и весело.

↑ Т. о. по первичному простому словам.

№ 163

Зап. В. Черепиным (см. коммент. к № 162). Опубли.: 102, с. 120. Пер. В. Черепинов. Ср. № 165.

Первое распространение в Сибири сюжет о посещении живым че-

ловом — описания неслыхан. Это он описывается «юдами для тамошних

жителей, его духе принимают у себя огня и т. д.

↑ Имеется в виду шаманы, которые, по обычаю, выкрикивали слово.

↑ По представлениям обжит утроб, стоял в очаге святы сивом пре-

дуприрует с оживления всех духов или правили неслыхан.

↑ Имеется в виду слов существа Пуау-Дорук (бука, «серены существа»), появляющиеся на старой, вырубленной слесди в бува.

№ 164

Зап. Е. Кузнецкой в 1955 г. в сел. Уездном на р. Уюнда от А. Е. Нуртимова, 77 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузнецкой и Д. Е. Нуртимова.

№ 165

Зап. В. Черепиным (см. коммент. к № 162). Опубл.: 162, с. 119. Пер. В. Черепиным. Ср. № 64, 164.

1. В. уезд.

№ 166

Зап. В. Черепиным в 1933 г. в сел. Ил-пузлу, на р. Соя. Сослал от П. Г. Самкилатова. Публ. впервые по: П. Пер. В. Черепиным.

Человек из фратрии Мокс приезжает с женой — женщиной из фратрии Пор — к ее сородичам. Там идет медвежий праздник. Медвежий обряд запрещен для представителей другой фратрии, поэтому герою предлагают выйти, но он остается. Из нарушение запрета его уносит мегным на «милую силу мидедей». Герой «дом не побывает и спускается только благодаря вынуждению прессы-покровителя Мир-сусе-хум».

1. Идет в виду Мир-сусе-хум.

2. Т. е. из сел. Поклякоре. В нем проводился периодическое медвежий обряд, связанные с почитанием предка фратрии Пор — мидеда.

3. Но при периодических медвежьих обрядах устраивались жертвоприношения мидедам.

4. Листовница — священное дерево фратрии Пор, почитаемый атрибут мидеда.

5. На медвежий праздник исполняется тапек «Сема. Утеп» с верховья реки Соратта. Утеп — это существо, подобное человеку; в песнях называемые тапекы являются паразитами.

6. «Старик вершины Соратта» — одно из имен Ял-уе-обан. Он считается старшим лесными, ведущим по небу в Верхний мир.

7. Ток-стар — боги сел. Тети. Один из дуэнт-покровителей сосави-ских и долинских манса.

8. Идет в виду Ток-стар.

9. Приехавший всадник — это Мир-сусе-хум. Его сангочапа лопала не могла ступить на землю, и «я пол копаты ставила четыре серири-ных хлопья, здесь — чистые медвежьи котлы».

10. Бороза спасает героя, так как это священное дерево фратрии Мокс.

№ 167

Зап. Е. Кузнецкой в 1951 г. в сел. Хурум-назал от А. С. Хозумовой, 50 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузнецкой и А. С. Хозумовой.

После нарушения в провозе медвежьего праздника жителя поселения умирают. Оставшиеся в живых семья переселяются в другое место, где подвигается высшая ясная дельца Порута, который поощряет их детей. Отец семейства, женщина Порута, вступают с ним в брак и победяют.

1. Идет в виду общественный дом для проведения собраний, при-обретенный мидедами.

2. Участи в медвежий праздник, особенно в длительных змных периодических праздниках, отсылает от скоты на купного зверя. В данном случае это привело к шеплате яска. После отъезда его собор-ника люди стали ренать, когда проводить праздник, чтобы это не мешало скоту. Непосредственно в периодичности медвежьих обрядов приводит к вымиранию поселения.

№ 168

Зап. Е. Кузнецкой (см. коммент. к № 154). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. Е. Кузнецкой и И. Г. Хозумова. Ср. № 65, 72, 84.

544

Из-за нарушения запрета считать в лабропных домах героев под-
вергается наказанию Воруна, но им удается победить его.

¹ Традиционные блюда хантов и манси.

² По поверьям хантов и манси, огонь отпугивает злых духов, поэтому
герои надеются, что злое существо не пойдет.

³ Возможно, выскочи в анду шаман из сказки, которую рассказывал
одна из героинь.

№ 169

Зап. А. Капишто в 1903 г. в сел. Нанкто-Нарель на р. Лопхаа от
М.И. Укладовой. Оуба.: 21, с. 200. Русский перевод публ. впервые. Пер.
с английского Н. Степной.

Из серии рассказов о Мис-но: охотник привозит ее к себе в дом, у
них рождается сын; из-за ревности первой жены Мис-но уходит, и чело-
век торчит охотничью утку.

¹ Населен ввиду пункина, которой Мис-но оградила домиком дома,
оставшего ее супругом.

² Эпизод с поваренной имеет следующий смысл: согласно традицион-
ным нормам поведения молодежи жены должны вести себя очень сдержан-
но и не разговаривать со старшими, пока у нее не родится (здесь — не
начнет говорить) ребенок; поэтому Мис-но не хотела спросить, как повар-
енка, а силой горючий котел голой рукой. Сказанный эпизод см. в № 81.

№ 170

Зап. А. Капишто в 1905 г. в сел. Сартына на р. Сев. Сосва от
К. Атына. Оуба.: 21, с. 201. Русский перевод публ. впервые. Пер. с ман-
сийского Е. Шиндт.

Из серии рассказов о Мис-но: пренебрежительное отношение к ней
охотников оборачивается для них бедой. Токет исполняется в виде инце-
нариев на медвежий праздник (целый исполнителей — четыре).

№ 171

Зап. В. Чернецовым в 1936 г. на р. Сев. Сосва или Обь. Публ. впер-
вые по: 11. Пер. В. Чернецова.

Из серии рассказов о мэнках. Согласно представлениям хантов и
манси, мэнки тесно связаны с лиственничной (свищичной) деревом Фратри
Пору и боится березы (другое Фратри Мис). Герой пугает из берестя-
ной маской. Эта сцена разыгрывалась на медвежий праздник.

№ 172

Зап. В. Чернецовым (см. коммент. к № 171). Публ. впервые по: 11.
Пер. В. Чернецова. Ср. № 76, 84.

Из серии рассказов о мэнках: состязание в отгадывании загадок.

¹ Моталли — буква «пропавший год». В этом варианте «пропущен» эпизод,
в котором говорится, как герой назвал себя именем Моталли, чтобы об-
мануть мэнков.

№ 173

Зап. В. Чернецовым (см. коммент. к № 171). Публ. впервые по: 11.
Пер. В. Чернецова. Ср. № 174.

Из серии рассказов о мэнках: человек оказывает ему услугу и по-
лучает награду.

№ 174

Зап. Н. Сайаховым (см. коммент. к № 131). Публ. впервые на лично-
го архива собирателя. Пер. Н. Сайаховой. Ср. № 175.

Из серии рассказов о мэнках: охотник оказывает ему услугу и бо-
дится.

№ 175

Зап. В. Чернецовым в 1933 г. на р. Сев. Сосва, или Конда, или Лель-
а. Публ. впервые по: 11. Пер. В. Чернецова. Ср. № 80.

1) Человек оказывается в чужой стране, поэтому он должен иметь возможность предложить помощь извне, он находится в ситуации, когда ему не хватает информации, которую он может получить извне.

¹ A. P. KURKOVA and G. M. KURKOVA — L. V. TRUBNIKOVA.

No. 176

Тема: «Взаимоотношения между собой и с другими людьми».

240. Е. Булатов в 1951 г. в сел. Хурум-пуре на р. Тунка в Д. Р. Якутия, за вел. Пуд. восток, на берегу реки Сибиряка.

[illegible]

В соответствии с указанным в п. 1 ст. 110 Конституции Российской Федерации, федеральное законодательство не должно противоречить основным принципам и нормам международного права, а также Конституции Российской Федерации.

Стп. 6. Кузнецов Е. в 1951 г. в сел. Простокляево с.к. (40) от А. Н. Шид-
расов, 60 лет. Печ. приклад, на личное право собственности. Дир. Е. Ку-
знецов и А. В. Шидрасов.

См. П. Савицкий (см. примеч. к № 147) Писем. изд. в Лан-
ного архива собрания Нер. П. Савицкого (см. № 34).

Книжка в тему Мар-суин-дун.
№ 190
Кон. Е. Жуковский + 1867 г. и др. Лейбница на р. Дюну и Н. П. Ая,
Тифли. 18 ая. Неба. Впервые, из печати. Выход. Сопровождает. [Изд. К. Ку-
знецов и Г. А. Айрапет. Тиф., № 83—84, 191].

Математическая интерпретация европейской спячки и трех братьев, живущих из коридора, выходящего к центру здания, в младшей комнате, а также в комнате братьев.

² Написана к 1749 году.

См. В. Кузнецов: *Изм. состава*, в № 157) Там же, *Известия* и
В. Кузнецов: *Изм. состава*, в № 157) Там же, *Известия* и
№ 89-91, 191.

Highway route roughly - northeast direction - back on same road
from locality of accident (about 1000 ft. N. of intersection with W.

кости подкирвет паря; герой в обморок гуси выношают его задних и ста-
няются мужик младшей деревни. Царевна исчезает, ищет мужа, находит
его, но тут же еще отравляется.

№ 182

Зап. Е. Кузиковой в 1955 г. в сел. Шугур на р. Юконда от А. А. Нер-
тымова, 45 лет (русский, хорошо владеет мансийским языком); Публ.
вторые, из личного архива собирателя, Пер. Е. Кузиковой и М. И. Нер-
тымова.

Герой падает сауэра, который в петуху трижды дает ему кузас с
едой и дружески, но завистливый сосед похищает подарка. Немного
герой берет у глухаря волни-бушу палку и убивает соседа.

№ 183

Зап. Е. Кузиковой (см. комментарий к № 147). Публ. впервые, из личного
архива собирателя, Пер. Е. Кузиковой и В. Г. Хилунова.

Героя хитростью заставляют царя отдать им дочь, обманом выладева-
ют богатым домом, где и остаются жить, раздвигаясь с бешеными

¹ Охсар — бука, елиса; мораль — бука, елиса.

² Пили-оля и Пили-оля — «Самецкий старик» и «Самецкий стар-
рука». Зависит с этим персонажем — караван эконома с Паранарским
о сказании о великопольских землях (ср. № 105, 106).

№ 184

Зап. Е. Кузиковой в 1951 г. в сел. Протопин на р. Обь от Н. Н. Ша-
дрин, 70 лет Публ. впервые, из личного архива собирателя, Пер. Е. Ку-
зиковой и Н. Н. Шадрин.

Мансийская версия сказки на сюжет «Царская собака», но основной
герой, объясняющий в обморок собачьего Тоболки, Смердов в Москву, на-
зван жителями шос. Названы.

№ 185

Зап. Е. Кузиковой в 1951 г. в сел. Шугур на р. Конда от А. А. Нер-
тымова, 48 лет Публ. впервые, из личного архива собирателя, Пер.
Е. Кузиковой и А. А. Нертымова. Ср. № 90.

№ 186

Зап. Е. Кузиковой в 1955 г. в сел. Шугур на р. Юконда от А. И. Нер-
тымова, 23 лет Публ. впервые, из личного архива собирателя, Пер. Е. Ку-
зиковой и А. И. Нертымова. Ср. № 89, 90.

Текст представляет собой нонкановскую несколько ежикот гаро-
повских сказок: «Иверная сестра», «Лободный дед», «Матисово
бегство».

№ 187

Зап. Е. Кузиковой в 1951 г. в сел. Кышлясу на р. Сел. Сосла от
И. И. Попова, 24 лет Публ. впервые, из личного архива собирателя, Пер.
Е. Кузиковой и И. И. Попова.

№ 188

Зап. Е. Кузиковой в 1955 г. в сел. Шугур на р. Юконда от А. М. Нер-
тымова, 25 лет (см. комментарий к № 186). Публ. впервые, из личного ар-
хива собирателя, Пер. Е. Кузиковой и А. М. Нертымова.

Сказка заимствована у русских.

№ 189

Зап. Е. Кузиковой в 1955 г. в сел. Шугур на р. Юконда от М. А. Нер-
тымова, 23 лет Публ. впервые, из личного архива собирателя, Пер.
Е. Кузиковой и М. А. Нертымова.

Сказка заимствована у русских.

№ 190

Зан. П. Чернышовым (см. коммент. к № 171). Публ. впервые по: 11, Пер. В. Чернецова.
Сказка для детей.

№ 191

Зан. И. Сайпатовой в 1980 г. в сел. Сосновка на р. Сев. Сосьва от П. К. Шенюши, 48 лет. Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. И. Сайпатовой.

№ 192

Зан. В. Чернышовым в 1930-х годах на р. Сев. Сосьва, или Нога, или Лозова. Публ. впервые по: 11, Пер. В. Чернецова.
Очень распространенный у хантов и манси сюжет о мыльном с дикорастущим животом. Герой отождествляется с бива-пырнеси.
Герой, рассказывая на пластох, рассказывает для сокращения изданий из дерева и береста.

№ 193

Зан. В. Чернышовым в 1933 г. в сел. Пидекуда на р. Сев. Сосьва от И. С. Чингалыкина. 61-л. впервые по: 11, Пер. В. Чернецова.
Сказка для детей.

№ 194

Зан. В. Чернышовым (см. коммент. к № 174). Публ. впервые по: 11, Пер. В. Чернецова. Ср. № 96.
Сюжет широко распространен у разных народов.

№ 195

Зан. И. Сайпатовой (см. коммент. к № 131). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. И. Сайпатовой.
Сказка для детей.

№ 196

Зан. И. Сайпатовой (см. коммент. к № 131). Публ. впервые, из личного архива собирателя. Пер. И. Сайпатовой.
Сказка для детей на широко распространенный у разных народов сюжет.

№ 197

Зан. В. Чернышовым в 1936 г. на р. Сев. Сосьва или Оби. Публ. впервые по: 11, Пер. В. Чернецова. Ср. № 101, 102, 198.
Вариант широко известного у манси детского стиха-диалога.
¹ Аварис — «бабушница». В фольклоре фигурирует также под именем Ава-эва или Ава (бабушка, тетушка) Перситго, это Катас-эва, но в детских сказках этот персонаж имеет мифологический оттенок.

№ 198

Зан. В. Чернышовым в 1933 г. на р. Колда или Сев. Сосьва. Публ. впервые по: 11, Пер. В. Чернецова. Ср. № 101, 102, 197.
Параллель широко распространенной у манси детской сказки в форме диалога.

№ 199

Зан. В. Чернышовым (см. коммент. к № 185). Публ. впервые по: 11, Пер. В. Чернецова.
Голоса стихов-диалог.

№ 200

Зан. В. Чернышовым (см. коммент. к № 174). Публ. впервые по: 11, Пер. В. Чернецова. Ср. № 104.
Сказка для детей.

СВЕДЕНИЯ О РАССКАЗЧИКАХ

Записи публикуемых текстов производились в разное время — с конца XIX и по 1980-е годы. К сожалению, подробная сводка обо всех рассказчиках нет, поэтому самые необходимые данные о них приведены и минимизированы к текстам, а здесь излагается более подробная информация лишь о некоторых из них. Все следующие даны на момент записи, а скобках указан источник информации — публикации или сообщения собирателя.

Навдимова Федосия Давидовна, 1948 г. рождения, хантыянка с р. Липы. Окончила Ханты-Мансийское межушадье, работала фельдшером. В 1973 г. переехала в пос. Пим по месту работы мужа — представителя сельсовета. Федосия Давидовна — очень нарядный по натуре человек, добра и отзывчива. Она охотно рассказывает сказки на родном и на русском языке, который очень любит и которым свободно владеет. Ей хотелось и самой записать то, что она слышала от бабушки, но план этот пока не осуществился. Записи от нее производились на русском языке в 1973 г., один текст она затем прислала в письме, всего выдучено 17 текстов, из них в настоящее издание представлены № 61, 73, 76, 82, 88 [Н. В. Луковец¹].

Ердышева Анастасия Изильична, 1928—1985, хантыянка с р. Казым. Жила в сел. Казым и Юльск. Образование — семь классов, работала всю жизнь в совхозе «Казымский». Добрый, отзывчивый человек с уравновешенным характером. Сказки слышала от деду и оты — Ердыкова Пана-ты Ивановича (его рассказы см. № 85, 100). Рассказывала, записывала и готовила к публикации произведения устного народного творчества и ее сестра Анна Панаична, окончившая Ханты-Мансийское педагогиче-ское и работавшая в том же совхозе учительницей. От них научилась рассказывать сказки Д. Н. Соловар, записи которой вошли в наш сборник. Рассказы А. Н. Ердышевой записывали и другие лица. В настоящее издание вошли тексты в переводе В. Соловар № 91, 92 [В. Соловар].

Марьямкин Николас Налаврович, 1907 г. рождения, хант из сел. Восток Шереметьевского сельсовета. Марьямкин отслужил в войну в Шухтур-ле, являющемуся на Мажой Соске. Отец занимался рыболовством в охот-ной, а также работал у русского купца в сел. Шаравы. Николас был старшим из 10 детей и в 9 лет был отдан в работники. Во время граж-данской войны пострадал от бомб, помогал в подкалывании их митки. Поступил в комсомол. Занимался охотой, рыболовством и работал в рыб-тресте, госторге. В 1931 г. был послан на курсы в Березово, где вступил в Коммунистическую партию. Позднее работал прозвизором в системе ко-сперации. В 1932 г. его направили в Москву в Коммунистический универ-ситет трудящихся Востока, а на следующий год он стал студентом Инсти-тута народов Севера в Ленинграде. Учился давался ему с трудом, но тем не менее был его художественная способность. Он организовал из студентов-хантов театральную группу, часто выступавшую с националь-ными репертуаром в институте, и заведует клубом в даче в Московском театре народного искусства. В институте он познакомился с техникой жи-

исписи я затем самостоятельно нарисовала несколько нематериальных картин на розные сюжеты; одна из них экспонировалась на Осенней выставке в Париже в 1937 г.

Сестры К. Маресьянин слышали от матери, но основной его «школой» устного народного творчества были товарищи по отцу и рыбной ловле. Он стал американским писком и автором (тениром) на американских приключениях, хотя он отел, ни дед по владели этим искусством. В Штейнви работал с ним в 1934–1937 гг. в Джинграте, а в 1935 г. был две недели на его родине. Под влиянием матери В. Штейнви он стал сам писать «сказки и рассказы, 172 чего (или на каком языке) 31 сказка, 21 предание, 4 молитва, 38 легенд, много рассказов из жизни, версий русских сказок и др. В настоящее издание включены в период Н. Жуковой с помещенного номера тексты № 27, 31, 35 [5], с. 303].

Пермяков Александр Иванович, 1920 г. рождения, малец, родился и жил в сел. Шугур на р. Юноша. Обрусевшие – два класса, комсомольцы, работая рыбаком и охотником. Интересный и веселый молодой человек, но к родному языку и фольклору отнесся совершенно несерьезно, уверялся, зачем его записывают и кому это нужно. От него записан и переведен совместно с Е. Кузиковой текст истинности сборника № 166 [Е. Кузиковой].

Пермякова Александра Ефимовна, 1878 г. рождения, малец, родилась в сел. Лепула на р. Юноша, но с детства жила в сел. Лепула на р. Юноша и овладела местным (юношским) диалектом местного языка. Самостоятельно обучалась грамоте и в 1930-х годах работала по ликвидации безграмотности. В момент записи ей было 77 лет, но она сохраняла ясность мысли и была прекрасным рассказчиком. В настоящее издание вошли текст, совместно переведший его и Е. Кузиковой, № 164 [Е. Кузиковой].

Пирьеса Пирей Ефимович, 1918 г. рождения, халт из села Послава (Земля рыбака реки), сел. Лепула на р. Сын. Из семьи охотников-рыболовов. Окончил школу и в 1935 г. поступил в Институт народов Севера в Джинграте. Комсомолец, принимал активное участие в общественной работе. Очень скромный, интеллигентный, изредка с широкими интересами. Проявлял глубокий интерес к родному языку, обладал хорошим слухом и пониманием фонетики. Как член краеведческого студенческого кружка занимался в институте по памяти казачьих сказок и песен, а на канюках записывал из у родственников. Он и сам сочинил рассказы, сказки, а также переводил с русского на казачьий язык (вместе с Н. Н. Терюмским они перевели Конституцию СССР). В Штейнви работал с ним в 1936–1937 гг. и записал либо получил в собственности запись П. Пирьеса 12 сказок, 6 песен, 32 легенды. Одна из его сказок в п. Жуковой Н. Жуковой с помещенного номера в настоящее издание, № 28 [5], с. 303].

Семинистов Кира, 1906 г. рождения, малец из поселка Лыб-павла на р. Сев. Соска. Магистрантом, два года «жил на курорт в Березово». В 1930-х годах был на советской работе. Оларский писатель, один из лучших исследователей. Его рассказы о сумчатых (или охотничьих) животных, охотничьих рассказах и охотничьих рассказах. Рассказывала очень выразительно, отрывая сама героев в диалогах. У него в 1930-х годах записано 16 текстов, из них 10 (или 11) в настоящее издание, помещено В. Чернышом № 116, 144 [10], с. 117.

Ложков Василий Гаврилович, 1892 г. рождения, малец, родился и жил в сел. Хура-чула на р. Дили, перемотный. Его отец был уральским крестьянином, все годы этой семьи были переделками работниками, в трудные времена и даже были на охоте. Он сам – частый рассказчик, «сказки и рассказы» записал на охоте старший Паскаль (по и его брат Паскаль, сестра Дарья (см. ниже). Василий жил отдельно, своей семьей в его доме в селе Восточной Охотничьей «наша казачья семья». Он жил вместе из старого своего народа, был автором и рассказчиком. У него в 1931 г. записан и при его участии переведен Е. Кузиковой текст настоящего сборника № 147 [Е. Кузиковой].

Хозумов Илья Гаврилович, 1913 г. рождения, жених, родился и жил в сел. Хурум-пауль на р. Липпи. Брат Хозумов Николай — см. выше). Образование — четыре класса. Как молодой охотник охотил, но жена была, и не участвовал в Школы Отечественной войны. Пятиклассное образование, но не очень охотно рассказывал сказки. У него в 1951 г. выписаны и приложены к нему скоты Е. Кузнецкой, скоты настоящего владельца Л. Куз.

108 [Е. Кузнецкой].

Хозумов Дарья Гаврилович, 1931 г. рождения, маэстринка, родилась и жила в сел. Хурум-пауль на р. Липпи. Образование — четыре класса, вышесколько. Работала в колхозе. У нее в 1951 г. выписаны и приложены к нему скоты Е. Кузнецкой, скоты настоящего владельца Л. Куз.

109 [Е. Кузнецкой].

Чайков Николай Григорьевич, 1951 г. рождения, жених, родилась и жила в сел. Кижиско, грамотный. Имеет очень слабый зрение, выполняет ручные работы, для рыболовной кооперации. Отличный рассказчик и охотник рассказывает как не только, так и не русские сказки. Своим, умышленным чужим, что отражается и на его манере рассказывания. У него в 1974 и 1983 гг. выписаны на русском языке сказки и несколько р. сказок, и сказки настоящего владельца Л. Куз.

110 [Е. Кузнецкой].

Чайков Петр Иванович, 1932—1982, жених из сел. Давыдов на р. Липпи. Жил там до 38 лет, затем до жены переехал в пос. Осеня на р. Сты. Осеня, Ошенил очень классно, работал художником-оформителем в Социальном доме культуры. Член КПСС, неоднократно избирался депутатом районного и окружного Советов народных депутатов. Ручки по дереву, искусственный работник культуры КСФСР, награжден медалью ВЛКСМ. Добрый, веселый человек, умеет рассказывать сказки, сам выдумывал по заказам и по русским, много выписывал. Выступал с незаписанными маэстринскими фольклорными произведениями на праздниках. В праздничной сборке много сказок в сборнике Н. Савиной № 181 [Н. Савиной].

СЛОВАРЬ ИМЕН*, ТОПОНИМОВ, МЕСТНЫХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Агап — правый приток р. Обь.
 Ай-Ас-Торум (хант.) — бува. «бог Малой Оби»; один из символов Нум-То-
 рума, дзотый дух покровителя.
 Алдехин — ^{др.-финский} предельный пункт на р. Печора.
 Ангерес (манс.) — уединен. от тук («бабушка»)
 Алексинское — село в средней течиной р. Обь.
 Алесинно — населенный пункт на р. Обь, впадение выше ее разветвления
 на Болошум и Малу.
 Латутый — населенный пункт на р. Сев. Сосьва.
 Алаздин (хант.) — один из имен главного героя сказки (он же Золотой
 Богатырь, Паш-хета, Вон-коя, Мор-хус-хум, Много Странствован-
 ний, Много Блудавший Муж, Урт-ика, Тарм-пещ-ош-мал-сов, Эка-
 выр-ис-а и др.).
 Аччи (хант.) — гора.
 Аргин — обит. на озерах, запряженных в изгн. дух; дух на
 старинной культовой доске.
 Ас-ичи (хант.) — бува. «Обской старица»; дух-хозяйка рыбы, местом обита-
 ния которого считается устье Путьна.
 Ас-их (хант.) — бува. «Обской народ»; этноним, под которым имеются в ви-
 ду ^{др.-фин.} финны.
 Ас-х-Торум — бува. «Обского народа бог»; дух-хозяйка пельменей Обь.
 Аут-отыр (манс.) — один из символов Нум-Торума; дух-покровитель, местом обита-
 ния которого считается Обская губа.
 Адыс-ит (хант.) — бува. «инжовый народ»; этноним без точной привязки.
 Бологан — дзотый предельный пункт, впадение.
 Бологан — дзотый пункт, впадение Оби в море.
 Бологорские воды, Бологорье — населенный пункт на р. Обь, недалеко
 от устья Путьна.
 Бороган — поселок в впадении течиной р. Обь.
 Боткин — бывший населенный пункт на р. Сев. Сосьва.
 Большой Алым — населенный пункт на р. Обь, впадение Путьна.
 Большой Ларик — поселок на р. Вах.
 Боршани — растение.
 Бюкони — хантыйское название дельтового рода Пяноки.
 Чаря (местн. рус.) — близко на вытопленных рыбных внутренностях.
 Чаритин — село на р. Агва.
 Часога — дзотый приток р. Обь.
 Чат-пуго (ю. Нанчугольские) — населенный пункт на р. Обь, впадение впа-
 дения Оби.

* В словаре дается буквальный перевод имен основных географиче-
 ских и фольклорных персонажей; более полная их характеристика дана в
 Предисловии и в комментариях к соответствующим текстам.

Кастелеселене — бывший населенный пункт у разветвления Оби на Подьшум и Младуку.

Кашеи¹ — Урал.

Кашкар (халт.) — фольклорное слово, означающее обитаемый дом без ^{печи}печи.

Камус — пещра с ног копытных животных, ведущая на изготовление обуви, сумки и др.

Киптрес (халт.) — инструмент для выделки кожи.

Киптега-ва (халт.) — халты.

Кирвано (салькуп.) — веселилка.

Кирс, Кирьс, Кирте (манс., халт.) — мифическая гигантская птица (она же — Толлунгмарс).

Кисасть — перескокомышка.

Китыльте — левый приток р. Вассеган и населенный пункт на нем.

Кижик — большая крытая лодка.

Кичинола — населенный пункт на р. Подьшой Иган.

Кичькасуи — населенный пункт на р. Сет, Соски.

Кирь-пауэи-гиза (халт.), Киримич-йфа-зия, Кирт-йфа-зия (манс.) — бука.

«Длинноногая, Солнцелюбая женщина»: хань-младука.

Кись (местн. рус.) — длинная обувь на шнур с ног слани или леса (то же — унты).

Кисора — поперечина на две лодки на дереве с корнем.

Кили-йга-сугола — населенный пункт на р. Вах.

Килантенио — город на р. Обь.

Кисыдан — см. Каздан.

Кисля — левый приток Ирттыша.

Кис-йик, Кис-йа-чак (халт.) — бука. «Господни-старина, «Господни-старина сына», одно из имен седьмого сына Торума (он же Алькили, Золотой Богатырь, Яма-хаты, Кот-ки, Мер-суеи-хум, Много Странствований, Много Служивший Мум, Тарь-иш-чималя-се, Оам-ны-рис в др.).

Кирани — село на р. Вах.

Кире-Торум (манс.) — дух-хозяин второго, Верхнего мира, отец Мум-Торума.

Кот-муа-ни (халт.) — сверхъестественное существо, исследующее в заблуждениях души.

Кочевые — населенный пункт на р. Тоомьетан.

Красноречие юрта — бывший населенный пункт на р. Кюда.

Кромасый — срывающий на чаше дерева, общинный на кит, и салпу.

Крылоушное — село на р. Обь, выше устья Пата.

Крылатый(ый) Найм — мифический персонаж, перелавший привады злогобожества, божий вестник.

Ку, ху (халт.) — шумелка (то же — хум).

Кушени, кушечья (местн. рус.) — село на берегу.

Куль (манс., халт.) — 1) злой дух — вассетезь Нижнего мира (он же Гиль-аули, Пят-кии, Хум-отыр); 2) прутеюлство.

Кушават — правый приток р. Обь и остров на Оби, к северу от Верезово.

Курия (местн. рус.) — уакой продолговатый акина, старая протка.

Кул-от (халт.) — акина.

Куль-аули (халт.) — Дух-хозяин мира мертвых (он же Куль, Пят-кии, Гиль-аули).

Куль-отыр).

«Лаб» (местн. рус.) — амбар на саях (то же — сомлах, чамы).

Ламиски, Вамисен (халт.) — дух-поворотель халтов сол. Алошпенно.

Ларно — населенный пункт на р. Обь, выше впадения Вах.

Ларьган — небольшая левый приток р. Обь в сгущении течения.

Ларьян — село на р. Вах.

Лар-ях (халт.) — бука, «языки народа; самостоятельные группы халтов в Вах и Обь.

Ларьян — населенный пункт на р. Ююнда.

Ларьян¹ — «халтышка».

Латне-Нискине — населенный пункт в бассейне Оби, выше впадения Ваха.

Латуи — село на о. Юнда.

Лончинож — населенный пункт на р. Ллпни.

26•

Покулат-воля, покулат-ку (хвнт.) — ворожей, исповидел.
 Пирюлька — прямой приток р. Висосян.
 Пичелх (Ничина Ровиния) — населенный пункт на р. Вах.
 Писимовола — село на р. Сев. Сосыа.
 Пирь (мисс.) — род оуны.
 Пичи — жидкое, тонкое дно озера; вязкая глина, ил.
 Обюрск — ныне Салезара.
 Олас, обласе (мест. рус.) — дощевая лодка, челнок.
 Олсорт — населенный пункт на р. Сима.
 Ойна (мисс.) — мужчина, богатырь, дух-покровитель.
 Орт-пин, Орт-хуен (хвнт.) — буква «Богатыря-старик» (хуэ); одно из имен
 седьмого сына Торума (он же Лывахи, Золотой Богатырь, Ими-хиты,
 Ири-нид, Мар-суси-хуи, Много Странствоваший, Много Баудиваший
 Муи, Тары-иши-ишмаде-сов, Зима-парыси и др.).
 Остижи — старое название хвнто.
 Отыр (мисс.) — богатырь, герой, дух; то же — матур (хвнт.).
 Оуи-а — приток р. Юнга и р. Сев. Сосыа.
 Оури-я — река и населенный пункт в среднем течении р. Сев. Сосыа.
 Охтурск — село на р. Вах.
 Пава (мисс, пави) — залесный кулак из бересты.
 Пачаши — корень пачи сходит на жидовина.
 Парие — кортика омыла из оленьих шкур без разреза сверху.
 Паола (хвнт.) — протока.
 Пастир — группа хвнто низовья р. Обь и мисси р. Липпи.
 Пауа (мисс.) — совение.
 Пах (хвнт.) — сын.
 Паириксин (Пастир-курт) — населенный пункт в низовьях р. Обь.
 Пашия — бывший населенный пункт на р. Копда.
 Пасим(ка) — левый приток р. Тава.
 Паси-ион — населенный пункт в левом течении р. Обь.
 Песл — увад, холы.
 Пересес — сеть для ловли птиц.
 Пим — прямой приток р. Обь и селение на нем.
 Подволен — вымя, опорожнение снизу пикурями.
 Подур — большой прямой приток в нижнем течении р. Обь.
 Подун-пина, Подун-Торум (мисс.) — буква «Полымский старик (бог); дух,
 почитаемый хвнтами р. Пезим (он же Товла-оика).
 Пор (мисс, хвнт.) — название одной из поточек пороа (сп. Моса).
 Поры (хвнт.) — бескровное жертвоприношение, угощение духа пищи, под-
 ношение ему вещей, денег и т. д.
 Порых — ластение (Нигасиош Sibangim), с которым связано название
 фратрии Пор.
 Посалтет — бывший населенный пункт на р. Сев. Сосыа.
 Посалтет-хм (мисс.) — буква «Мужчина Устья Протока»; местный дух.
 Почан (хвнт.) — ифическое существо, в которое превращается выкидыш
 или ребенок, умерший в возрасте нескольких дней.
 Пошье (хвнт.) — детеныш.
 Протошис — бывший населенный пункт на р. Обь, ныне се разветвился
 на Болшучу и Малуи.
 Пуи, пуиэх (мисс.) — см. дунн.
 Пул-иан (хвнт.) — буква «Черный старик» (он же Кыль-дунн, Нуа, Хуль-
 чини).
 Ракте-ауа — бывший населенный пункт на р. Липпи.
 Ровинское — бывший населенный пункт на р. Сев. Сосыа.
 Ровина — шипа жерока.
 Рысинны — населенный пункт на р. Большой Юган.
 Сайсиа початла — парова, высокая саженя, равная 213 см.
 Сайя — мисс, название р. Липпи (см. также Сыга).
 Сав-таил-аф-ири (мисс.) — горная вершина в верховьях р. Липпи, во-
 чинашима мисси.
 Салгичи — пос. на р. Висосян.

557

Торум (Тором, Турум, Тореи) (мале, хант.) — многозначный термин, обозначающий верховное божество, небо, вселенную, край, погоду, эпоху.
Топшени — населенный пункт на р. Нюла.
Тросторозские — бывший населенный пункт в среднем течении р. Оби.
Тромье — населенный пункт на р. Оби, у устья Иртыша.
Тромьески — левый приток р. Аган.
Туума — озеро в бассейне р. Конда.
Тухсат, Тух-сит — левый приток р. Нарольма.
Тух-ситер — озеро в бассейне р. Васиган.
Тым — правый приток р. Оби.
Тык-обла (тыр, Тору) (мале) — буква, «богатырь (бог)» селения Теги;
дух-искровитель, манис р. Сев. Сосьва и Лопья.
Тыр (хант.) — бож. «область», злой дух или дух огня.
Тылар (хант.) — название хант. ости на р. Конда и т.ч. южнее.
Тутт — озеро на р. Большая Илея.
Уагы — см. вагы.
Уаху (хант.) — мифическое существо, обитающее в лесу.
Уахо (мале) — мифическое существо, приносящее беду.
Урман — лес. тайг.
Урма — см. кура.
Усыт-отыр (ойна) (мале) — см. Городской Ногатырь.
Утае-пугола — бывший населенный пункт в среднем течении р. Оби.
Утеи (мале) — см. Уэу, мелеи.
Фут — старинная мера длины, равная 30, 48 см.
Хал-лауэр — бывший населенный пункт на р. Сев. Сосьва.
Хангаслам — бывший населенный пункт на р. Сев. Сосьва.
Ханторья (ненис) — исподносеющая самца оленя.
Хомет-каул — бывший населенный пункт на р. Сев. Сосьва.
Хор — некастрированный олень, прогонщик.
Хорей — шест, которым опираются оленей при езде.
Хуа — правый приток р. Липпи.
Хуа-отыр (мале) — см. Куа.
Хум (мале) — курочка (то же — ку).
Хура — правый приток р. Сев. Сосьва.
Хурум-пула — населенный пункт на р. Липпи.
Хурум-я — изгородь, небольшой приток Оби, бассейн впадения в нее
р. Сев. Сосьва.
Циптолы, Ципталеццо — село в низовьях Иртыша.
Чамы — см. лабаз.
Чаровы — населенный пункт на р. Нарольма.
Чабань — левый приток р. Тухсат.
Черан — короткая обувь.
Черная — правый приток р. Тавда.
Чернеть, чернда — птица из семейства таг.
Чернино — озеро в населенный пункт в бассейне р. Васиган.
Чисо-ку (хант.) — оленья шерсть.
Чирок — птица из семейства уток.
Чомга — птица из семейства уток.
Чуа — олень чомга, олень.
Чукрей — улей пчел.
Чум — хозяйственное жилище из жердей, крытое берестой или шкурами.
Чуман — бисестный сосуд с плоским дном.
Чубур — расщипанная одежда из грубой ткани.
Шайтан (гери) — злой дух.
Шералы — населенный пункт в низовьях Оби.
Шалкохест — птица из семейства уток.
Шоны — бывший населенный пункт на р. Сев. Сосьва.
Шутур — населенный пункт на р. Юнда.
Шуманиске — бывший населенный пункт на р. Нюла.
Шеуря — населенный пункт на р. Липпи.

ЛИТЕРАТУРА

Записки ханты-мансийского фольклора

1. *Авдеев И. И.* Песни народа манси. Омск, 1936 [рус. пер.].
2. *Баленченко Валерий М. П.* Богатыри двух Горных Хребтов — Фольклор народов Севера СССР. Сборник научных трудов. Л., 1980 [манс. текст с рус. пер.].
3. *Балацкий А.* Манси мифы (Мансийские сказки). Л., 1938 [манс. текст с рус. пер.].
4. *Баленченко А.* Манси мифы по легендам (Мансийские сказки и песни). Л., 1938 [манс. текст с рус. пер.].
5. Легенды и мифы Севера. Сост., примеч. В. М. Санга. М., 1985 [рус. пер.].
6. Легенды и сказки хантов, энцев, предков. В. М. Куземкина и Н. В. Луконин. Томск, 1973 [рус. пер.].
7. Материалы по фольклору хантов, энцев, предков. В. М. Куземкина и Н. В. Луконин. Томск, 1978 [рус. пер.].
8. Северные рассказы (сборник творчества северян). Сост. Л. С. Лавтеев. Салехард, 1962 [хант. текст с рус. пер.].
9. Сказы народов Севера. Сост., предисл. и примеч. М. Г. Виноградова и Г. А. Мельникова. М.—Л., 1950 [рус. пер.].
10. *Чернышев В. И.* Восточные сказки. Сборник фольклора народа манси (хантов). Л., 1935 [рус. пер.].
11. Архив Музея естественной истории Сибири Томского государственного университета (Ф. В. П. Чернышев, № 808, л. 28 [рус. пер. мансийских текстов], а также материалы В. М. Куземкина и Н. В. Луконин).
12. *Alquist A.* Forschungen auf dem Gebiete der ural-alaischen Sprachen. T. 3. Leber die Sprache der Nord-Östlichen Sprachtexte Wörter-müllungen und Grammatik. 1. Abt. Sprachtexte und Wörter-sammlungen. Helsinki, 1950 [хант. текст с нем. пер.].
13. *Alquist A.* Vogulische Sprachtexte und Entwürfe einer vogulischen Grammatik. Hrg. von Y. Wichman. Helsinki, 1954 [манс. текст с нем. пер.].
14. *Finugor-szavok (urali) regék és mondak.* II. Budapest, 1984 [хант. пер.].
15. *Gude J.* Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington, 1906 [переложение: хант. текст с англ. пер.].
16. *Hanti L. Chrestomathia Ostiaca.* Budapest, 1984 [переложение: хант. текст с венг. пер.].
17. *Hanti L. Törvénnyel ostjak szövegek.*— Nyelvtudományi Közlemények. 1978, 80 köi [хант. текст с нем. пер.].
18. *Hanti L., Baranov Ju.* Pirm ostjak szövegek. — Nyelvtudományi Közlemények. 1977, 78 köi [хант. текст с нем. пер.].
19. *Kálmán B. Chrestomathia Vogulica.* Budapest, 1903 [переложение: манс. текст с нем. пер.].
20. *Kálmán B.* Vogulische Texte mit einem Glossar. Budapest, 1976 [манс. текст с нем. пер.].
21. *Kannisto A., Laitala M.* Vogulische Volksdichtung. Bd. 1. Texte mythischen Inhalts. Helsinki, 1951 [манс. текст с нем. пер.].
22. *Kannisto A., Laitala M.* Vogulische Volksdichtung. Bd. 2. Kriegs- und Heldensagen. Helsinki, 1955 [манс. текст с нем. пер.].
23. *Kannisto A., Laitala M.* Vogulische Volksdichtung. Bd. 3. Märchen. Helsinki, 1958 [манс. текст с нем. пер.].
24. *Kannisto A., Laitala M.* Vogulische Volksdichtung. Bd. 4. Bärenlieder. Helsinki, 1958 [манс. текст с нем. пер.].
25. *Kannisto A., Laitala M.* Vogulische Volksdichtung. Bd. 5. Aufführungen beim Bärenfest. Helsinki, 1959 [манс. текст с нем. пер.].

26. Kanniste A., Liimola M. Wogulische Volksdichtung. Bd. 6. Schicksalslieder, Kinderreime, Rätsel, Verschiedenes. Helsinki, 1963 [juanc. vercuta i neu. nep].
27. Kannisto A., Liimola M., Eräs V. Wogulische Volksdichtung. Bd. 7. Wörterschatz zu den Bänden 1–6. Helsinki, 1962 [czonapa k czonawna pusa 1–6 wotat].
28. Karjalainen K. F., Vörös E. Südosetjische Textsammlungen. Bd. 4. Helsinki, 1975 [xaut. vercuta c neu. nep].
29. Munkácsi B. Vögul népköltés gyűjtemény. I. Regék és énekek a világeredményről Vögul szavak és fordításuk tárgyi és nyelvi magyarázattal. Budapest, 1892–1902 [juanc. vercuta c neu. nep].
30. Munkácsi B. Vögul népköltés gyűjtemény. II/1. Estek és énekek, regék és idén igék. Vögul szavak és fordításuk. Budapest, 1902 [juanc. vercuta c neu. nep].
31. Munkácsi B. Vögul népköltés gyűjtemény. II/2. Estek és énekek, regék és idén igék. Vögul szavak és fordításuk. Tárgyi és nyelvi magyarázatok. Budapest, 1892–1921 [czonawnapun n czonapa].
32. Munkácsi B. Vögul népköltés gyűjtemény. III/1. Medveénekek, Vögul szavak és fordításuk. Budapest, 1902 [juanc. vercuta c neu. nep].
33. Munkácsi B., Kálmán B. Manyi (vögul) népköltés gyűjtemény. III/2. Medveénekek. Az obinger medvetestéről. Tárgyi és nyelvi magyarázatok. Budapest, 1902 [czonawnapun n czonapa].
34. Munkácsi B. Vögul népköltés gyűjtemény. IV/1. Vögul szavak és fordításuk. Budapest, 1906 [juanc. vercuta c neu. nep].
35. Munkácsi B., Kálmán B. Manyi (vögul) népköltés gyűjtemény. IV/2. Fejezetek az obinger népköltéséről. Nyelvi és tárgyi magyarázatok. Szógyűjtés. Budapest, 1903 [czonawnapun n czonapa].
36. Paasonen B., Vörös E. Südosetjische Textsammlungen. Bd. 1–IV. Helsinki, 1966 [xaut. vercuta c neu. nep].
37. Pápay J. Etaki-ostjak nyelvismertető. Budapest, 1910 [xaut. vercuta c neu. nep].
38. Pápay J. Ostjak népköltés gyűjtemény. Budapest – Leipzig, 1905 [xaut. vercuta c neu. nep].
39. Pápay J., Erdélyi J. Ostjakische Heldenlieder. Budapest, 1972 [xaut. vercuta c neu. nep].
40. Pápay J., Fazekas J. Etaki-ostjak medveénekek. Adalékok az obinger népek medvekultuszához. Budapest, 1934 [xaut. vercuta c neu. nep].
41. Paulson S. Die Itytsch-Ostjaken und ihre Volksweise. T. 1. 2. Sl.-lbg., 1887, 1940 [xaut. vercuta c neu. nep].
42. Rádei K. Nord-ostjakische Texte (Kasym-Dialekt) mit Skizze der Grammatik. Göttingen, 1908 [czonawna: xaut. vercuta c neu. nep].
43. Rádei K. Northern Ostjak Chrestomathy. Bloomington, 1965 [xaut. vercuta c neu. nep].
44. Reguly A., Pápay J., Zsitrai M. Ostjak (chanti) háseénekek. I. Budapest, 1944 [xaut. vercuta c neu. nep].
45. Reguly A., Pápay J., Zsitrai M. Ostjak (chanti) háseénekek. II. Budapest, 1951 [xaut. vercuta c neu. nep].
46. Reguly A., Pápay J., Zsitrai M. Ostjak (chanti) háseénekek. III. Budapest, 1965 [xaut. vercuta c neu. nep].
47. Rohdeweg-Gyimesy J. L., Kálmán B. Etaki-vögul szavak. – Nyelvtudományi Közlemények 1974. 76. kötet [juanc. vercuta c neu. nep].
48. Sibirsche Märchen. Bd. 1. Wogulen und Ostjaken. Hrg. von J. Gulya-Köte. 1908 [czon. nep].
49. Steinitz W. Ein ostjakisches Märchen in M. A. Castrén's handschriftlichem Nachlass. – Glanzenwahl und Folklore der sibirschen Völker. Budapest, 1901 [xaut. vercuta c neu. nep].
50. Steinitz W. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. T. 1. Grammatische Einleitung und Texte mit Übersetzung. Text. 1930. Porvoo: Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. 4. B., 1975 [xaut. vercuta c neu. nep].

51. Steinitz W. Ostjakische Volkdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. T. 2 Zur ostjakischen und wogulischen Volksdichtung. Stockholm, 1941. Перепечатка: Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. 2. Budapest, 1978 [машинетипы].

Исследования

52. Алексеева Е. А. Этнокультурные аспекты изучения шаманизма у народов — этнокультурных интатов народов Сибири. Л., 1964.
53. Балаидин А. Мансийская сказка. — Ойская область, 1937, № 7.
54. Балаидин А. П. Намы мансийской сказки. Л., 1939.
55. Боникон И. А. Халытинская и мансийская музыка. — Музыкальная энциклопедия. Т. 5. М., 1964.
56. Геллер Н. Н., Геллер А. М. Религия народа иясов. Культурное место XIX — начала XX в. Новосибирск, 1988.
57. Голдберг Л. А. Следы шаманизма у народов Северо-Западной Сибири. М., 1988.
58. Григорьевский Н. Правящий верховный иерофант о союзе «Юсьа». — Точенные губернские ведомости. 1892, № 31.
59. Лунин Гордеев А. А. Тобольский Север. Этнографический очерк местного населения. Тобольск, 1911.
60. Невин Вич. Вет. Число-высказывающие связи в области мифологии. — Петербургская. Авторизованная, мифология, мифология, мифология. Л., 1982.
61. Невин Вич. О возможности реконструкции литературы или сочинениях жезлов. — Исследования о структуре текста. М., 1987 со ссылкой: N. S. Tchubatykov's letters and notes. Prepared for publication by Darius Jankovic with the assistance of H. Bagan, O. Nolen and Margie Taylor, The Hague — Paris, 1975, с. 28—30.
62. Невин С. В. Ориентирование народов Сибири на исторический источник. М., 1993.
63. Невин С. В. Структура народов Севера Сибири. Л., 1970.
64. Невин С. В. Этнография Западной Сибири. Томск, 1987.
65. Босарева Н. В. Предисловие к сочинению в специализированном обществе и тяжести (Об-Питишье). — От доклада общества в равнинном обществе. М., 1987.
66. Кривенко Е. А. О новых источниках фольклора манси. — Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск, 1984.
67. Кривенко В. М. Человек и природа в фольклоре хантов. Томск, 1984.
68. Кривенко В. М. Шаманизм наскало-восточных хантов. — Из истории шаманизма. Томск, 1978.
69. Кривенко В. М. К вопросу о жанровом составе фольклора угро-самодийских народов. — Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Кировск, 1972.
70. Кривенко В. М. Сибирские и изучение фольклора народов Севера в советскую эпоху. — Лампа и фольклор народов Крайнего Севера. Л., 1983.
71. Лунин П. В. Зарубежные публикации фольклора обских угров. — Финно-угорский музыкальный фольклор: проблемы синкретизма. Таллин, 1982.
72. Лунин П. В., Шмидт Е. О классификации произведений эпоса в фольклоре обских угров. — XVII Всесоюзная конференция финно-угроведов. Т. 2. Сборник этнографов. Ивановск, 1987.
73. Мелегинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958.
74. Мелегинский Е. М. Миф и сказка. — Фольклор и этнография. Л., 1970.
75. Мелегинский Е. М. Об архаичности эпоса в фольклорных традициях. — Фольклор и этнография. V этнографический источник фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984.
76. Мелегинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаичные памятники. М., 1983.

77. Митусова Р. Медвежий праздник у аляскинских остиков Сургутского района Тобольского края. — Тобольский край 1920, № 1.
78. Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980; т. 2. М., 1982.
79. Миналская В. И., Дуркина Н. В. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угуров. — Археология и этнография Приобья, Томск, 1982.
80. Похит Е. С. Обряд и фольклор в сибирской шаманизме. М., 1984.
81. Писанский Г. В. Краткое описание о народе остиков, составленное в 1715 г. СПб., 1884.
82. Писанский К. Д. У мостков. М., 1904.
83. Натанова С. К. Стародавняя жизнь остиков и их богатства по былинам и героическим сказаниям. — Новая старина, 1891, № 3, 4.
84. Петухова С. В. Тип остикового богатства по остиковым былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891.
85. Пропи В. И. Структурное и историческое изучение наизыбной сказки. — Пропи В. И. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.
86. Пропи В. И. Фольклор и действительность. — Пропи В. И. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.
87. Прикова В. Ф. Олонец пародия самодельной группы как исторический источник. — Олонец пародия Сибири. Л., 1970.
88. Работинская Е. П. Некоторые сведения о культуре предков духов-покровителей на-отыров. — Микроэтнография народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985.
89. Ронина Н. Традиционные формулы сказки. М., 1974.
90. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. Сост., предисл. и примеч. Г. А. Мещерякова. М., 1974.
91. Складова З. П. Обские угры (ханты и манси). — Этимическая история народов Сибири. М., 1984.
92. Соловьев В. И. Социальная организация обских угуров и ее значение. — Общественный строй у народов Сибири. М., 1970.
93. Соловьев З. П. Социальная организация хантов в конце XVIII — XIX вв. Проблемы рода и семьи. М., 1983.
94. Соловьев В. И. Обские угры. М., 1984.
95. Степанов Клементий М. И. Миф. Л., 1976.
96. Топова В. И. Две заметки об иранских названиях в мифологии народов Сибири. — Учен. зап. Казанского гос. ун-та. 1981, вып. 539.
97. Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
98. Чернецов Н. И. К вопросу о происхождении истинного серебра в Приобье. — Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 1. М., 1947.
99. Чернецов Н. И. К истории родового строя у обских угуров. — Советская этнография. 1947, № 6, 7.
100. Чернецов В. И. Писанские изображения Урала (ч. 2). М., 1974.
101. Чернецов В. И. Предокостные обряды и церемонии у обских угуров, связанные с мотомедом. — Советская Сепидна Internationalis Penno-organologia. Рига 2. Издатель. 1985.
102. Чернецов В. И. Представления о детях у обских угуров. — Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 51. М., 1959.
103. Чернецов Н. И. Факторально-экономическое устройство общинно-уровского общества. — Советская этнография. 1929, № 2.
104. Чернецов В. И., Ломоносова В. И. О некоторых общих чертах в древних культурах народов Западной Сибири и Северной Америки. — Промысловый и промысловый век Сибири. Новосибирск, 1974.
105. Шаталов М. В. Восточные ости. Томск, 1931.
106. Шаталов М. В. Древнеистинное искусство восточных остиков. — Археология и этнография Приобья. Томск, 1982.
107. Шаталов М. В. Проблемы современного фольклора северных обских угуров. — Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск, 1984.
108. Шаталов М. В. Соотношение мифа, сказки-сказания и сказки в народном эпосе северных угуров. — СФУ б. Studia Hungarica. Syktyukar, 1985. Acta Sessionum. Sectio archaeologica, anthropologica et historica. Sectio ethnologica. Sectio folcloristica. Sectio literaria. Budapest, 1985.

109. Мандер Е. Улдер. Понятия и определения народных степеней генероманского текста песни — *Acta Ethnographica*, 1979. 1. 28(1—4).
110. Мамон Д. В. О письменных источниках некоторых обитателей северозападных предельных областей — *Историческое по истории Саяно-Алтайского края. История и археология*. Омск, 1987.
111. Bakró-Özgyi M. Sz. Die Sprache des Barenkultes im Obgrugischen. Budapest, 1979.
112. Demény I. P. Az északi-északi hosi énekek tipológiai elemzése. — *Nyelv és iránalomtudományi közlemények*. Cluj-Napoca, 1977. XXI évf., 1 szam; 1978. XXII évf., 2 szam.
113. Demény I. P. A vogul hősi epika. I. II. — *Nyelv-és iránalomtudományi közlemények*. Cluj-Napoca, 1983. XXVII évf., 2 szam; 1984. XXVIII évf., 1 szam.
114. Gehris H. Schamanistische Elemente im Zaubermärchen. — *Schamanentum und Zaubermärchen*. Kassel, 1980.
115. Kannisto A., Linnola M. Melitaton zur Mythologie der Wogulen. Helsinki, 1958.
116. Kannisto A. Ueber die Barenzeremonien der Wogulen. — *Opatatut Eesti Seltsi Toimetused*. Tartu, 1938. 49. 1.
117. Kannisto A. Ueber zwei ostjakische Benennungen des Baren im Wogulischen. — *Finnisch-ugrische Forschungen*, Bd. 7. Helsingfors-Leipzig, 1907.
118. Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra-Völker. I. Helsinki-Porvoo, 1921.
119. Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra-Völker. II. Helsinki-Porvoo, 1922.
120. Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra-Völker. III. Helsinki-Porvoo, 1927.
121. Karjalainen K. F. Dem Andenken Anton Begutys. — *Finnisch-ugrische Forschungen*. Bd. 8. Helsingfors-Leipzig, 1908.
122. Korenchy E. Iranische Lehnwörter in den chugrischen Sprachen. Budapest, 1972.
123. Lehtisto T. Der Tod und Wiedergeburt des künftigen Schamanen. — *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. XLVIII (3). Helsinki, 1937.
124. Mandari B. Vogul népköltés gyűjtemény. 11/2, 3. Isenek hosi énekek, regék és ütem igen. Budapest, 1910—1921.
125. Pesonen H. Ueber die türkischen Lehnwörter im Ostjakischen. — *Finnisch-ugrische Forschungen*. Bd. 2. Heft 2. Helsingfors-Leipzig, 1902.
126. Pápay J. Die ostjakischen Heldenlieder Begutys. — *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. XXX (36). Helsinki, 1913—1918.
127. *Román-ugrisztis* Ja. I. Aletak az ének stílusának kultúrához a voguloknál (szöveg és alapja). — *Nyelvtudományi közlemények*, 86 köt. 1 szam. Budapest, 1984.
128. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Lief. 8. B. 1978.
129. Steinitz W. Toimittajan puolesta Ostjakien in Sibirien. — *Steinitz W. Ostjakologisches Arbeiten*. Bd. 4. Budapest, 1980.
130. Tschernitzky V. N. Barenfest bei den Ob-Ugriern. — *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 23 (2—4). Budapest, 1974.
131. U. Kshatini K. Der sibirische Hintergrund des Barenkultes der Wogulen. — *Congressus Quotus Internationalis Finno-Ugricarum Pars IV*. Budapest, 1981.
132. Vertes E. Beiträge zur Methodik der ostjakischen Personennamenforschung. — VI. Internationaler Kongress für Namenforschung. Bd. 3. München, 1981.
133. Vertes E. Ostjakisches Material im Archiv der finnisch-ugrischen Gesellschaft. — *Acta Linguistica*. 1. 20. fasc. 1/2. Budapest, 1970.
134. Vertes E. Volksagen der Ob-Ugrier. — *Volksagen der uralischen und altaischen Völker*. Wiesbaden, 1968.
135. Wogulische und ostjakische Melodien. Phonographisch aufgenommen von A. Kannisto und K. F. Karjalainen, hrsg. von A. O. Väisänen. Helsinki, 1937.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Мифы, предания, сказки народов	
1. Сотворение мира	60
2. Как кукуш и злая дитка	63
3. Черт и бог	64
4. Сказание о Янине	65
5. Дочери солнца и месяца	65
6. Провосхождение человека	66
7. О жадном сыне и вдовце	66
8. Наследство дяди	67
9. Провосхождение человека	67
10. Сказание о Тарасе	70
11. Остатки в доме	73
12. Док о старом доме	73
13. Провосхождение человека	73
14. О том, как был человек	73
15. Провосхождение человека	73
16. Провосхождение человека	73
17. Повесть о гусиной гонимости	73
18. Ветер и рыба	73
19. Духи в доме	73
20. О том, как был человек	73
21. Первая сказка о том	73
22. Богатырь-молочник	73
23. Провосхождение человека	73
24. Мещанин и его	73
25. Женщина Мось	73
26. Мухомор Мось, рожденный из жидкого молока	73
27. Мухомор Мось	73
28. Женщина Мось и женщина Пор	73
29. Три Ветра	73
30. Сказание о Живом Богатыре — Пуго	73
31. Сказание о Живом Богатыре — Пуго	73
32. Сказание о Живом Богатыре — Пуго	73
33. Сказание о Живом Богатыре — Пуго	73
34. Сказание о Живом Богатыре — Пуго	73
35. Сказание о Живом Богатыре — Пуго	73
36. Сказание о Живом Богатыре — Пуго	73
37. Сказание о Живом Богатыре — Пуго	73
38. Сказание о Живом Богатыре — Пуго	73
39. Сказание о Живом Богатыре — Пуго	73
40. Сказание о Живом Богатыре — Пуго	73
41. Сказание о Живом Богатыре — Пуго	73
42. Сказание о Живом Богатыре — Пуго	73
43. Сказание о Живом Богатыре — Пуго	73

44. О пароды Лар-ях	172
45. Происхождение славянских мысов	172
46. О происхождении фамилий	173
47. Заселение Агана	174
48. Бирба с пародом Ахмы-ях	174
49. Чинь-ку	174
50. Миста за отца	175
51. Топан-богатыря	177
52. Приход Ермака	179
53. Почему у остатков пет своей грамоты	179
54. Обожженный олов	180
55. Нутенствие на небо	180
56. О ворожеех	181
57. Музыкальный мис	181
58. О мамонте (вариант А)	182
59. О мамонте (вариант В)	182
60. Полак	182
61. Случай в доме	183
62. Ниская девушка	183
63. Проказная девушка	184
64. Нинянуто юрты	185
65. Кладбище п амбар	185
66. У подземных духов	186
67. Человек, оставшийся под землей	187
68. Охотник без глаз	189
69. У лесных людей	192
70. Утку	192
71. У лесной женщины	193
72. Собака с золотым колодом	197
73. Наказание	198
74. Охотник и Менк-ики	198
75. Ловушка для Менк-ики	200
76. Кто умнее	200
77. Мелт-ку	202
78. Армы-лук	202
79. Налымь печенки	203
80. Лепки	204
81. На речке Нянан-тэп	207
82. Шесть коварных женщин	208
83. Кары-лукун-юна	209
84. В прошлую весну уехавший	211
85. Три брата	211
86. Две сестры и баба-ля	213
87. Дочери Менк-ики	215
88. Небодо Оганскому Десту Верный Муж	220
89. Золотоголовая девочка	237
90. Орел	240
91. Золотой конь	244
92. Богатырь, росший три дня	248
93. Птица Карс	249
94. Лес в подне	251
95. Воробейник с сестренкой	251
96. Завтрак и Зигушка	252
97. В доме буржуа	252
98. Старик и медведь	254
99. Жирный глухарь	254
100. Жирный кулик	255
101. Птичка	255
102. Птичка	255
103. Красный платок и черный платок	255
104. Птичка, яковка и семя	256

